ПРЕДПОСЛЕДНЯЯ ПРАВДА

КЛАССИКА МИРОВОЙ ФАНТАСТИКИ

ФИЛИП ДИК

КЛАССИКА МИРОВОЙ ФАНТАСТИКИ

PHILIP K.

DICK

ФИЛИП К.
ДИК

Предпоследняя правда

АСТ ЛЮКС ЛИХЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
Москва • 2005

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7Сое)-44
Д45

Серия «Классика мировой фантастики» основана в 2001 году

Перевод с английского
П. Киракозова («Доктор Смерть», «Предпоследняя правда»),
Т. Мининой («Мы вас построим!»),
А. Лидина («Маленький черный ящичек»)

Серийное оформление и компьютерный дизайн А.С. Сергеева

Художник М.Н. Калинкин

Подписано в печать 12.10.04. Формат 84×108$^{1}/_{32}$.
Усл. печ. л. 36,12. Тираж 5000 экз. Заказ № 2982.

Дик Ф.К.

Д45 Предпоследняя правда: Сб.: Пер. с англ. / Ф.К. Дик. — М.: ООО «Издательство АСТ»: ОАО «ЛЮКС», 2005. — 686, [2] с. — (Классика мировой фантастики).

ISBN 5-17-026668-5 (ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 5-9660-0692-X (ОАО «ЛЮКС»)

Филип К. Дик (1928—1982).

Величайший визионер от фантастики XX века.

Один из оригинальнейших писателей прошедшего столетия.

Человек, непрестанно задававший читателям один и тот же вопрос: «Насколько реальна РЕАЛЬНОСТЬ?»

Филип К. Дик. Автор, для творческого наследия которого «не работают» никакие эпитеты!

Перед вами — Филип К. Дик каков он есть.

Разный. Всегда — разный. И всегда — ВЕЛИКИЙ.

Филип К. Дик. Писатель, каждое произведение которого — дверь в иной мир. В мир забавный, но чаще — страшный.

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7Сое)-44

© Перевод. П. Киракозов, 2005
© Перевод. Т. Минина, 2005
© Перевод. А. Лидин, 2005
© Оформление.
ООО «Издательство АСТ», 2005

ДОКТОР СМЕРТЬ, ИЛИ КАК МЫ ЖИЛИ ПОСЛЕ БОМБЫ

Глава 1

Ярким солнечным утром Стюарт Маккончи драил тротуар перед входом в магазин «Современные ТВ: продажа и ремонт». За его спиной по Шаттак-авеню проносились машины, стучали высокие каблучки секретарш, спешащих на работу. Одним словом, все вокруг было наполнено звуками, запахами и движениями начинающейся недели — времени, когда удачливый бизнесмен может провернуть очередное выгодное дельце, а то и два. Стюарт прикинул, что часиков в десять неплохо бы было еще раз перекусить, перед его мысленным взором возникли румяная булочка и чашечка ароматного кофе. Маккончи вспомнил о клиентах, обещавших собраться с мыслями и зайти попозже, чтобы наконец совершить покупку. Возможно, это даже свершится сегодня, тогда уровень продаж буквально хлынет через край и переполнит библейскую чашу его благополучия. Отскребая тротуар, Стюарт насвистывал модный мотивчик с новой пластинки Бадди Греко, раздумывая о том, как, должно быть, здорово быть знаменитым, быть всемирно известным, быть звездой, когда на твои концерты люди ломятся даже в такие роскошные места как, например, «Хэррах» в Рено, или даже в дорогие модные ночные клубы в Лас-Вегасе, о которых он столько слышал, но никогда не смог бы себе позволить посетить.

Стюарту было двадцать шесть лет от роду, и ему пару раз доводилось вечером нестись по десятиполосному шоссе из Беркли в Сакраменто, через Сьерра-Неваду в Рено. Там можно было неплохо оттянуться, поставив пару фишек, а заодно и познакомиться с необремененной условностями девицей. Маккончи ра-

ботал у Джима Фергюсона, владельца «Современных ТВ», получал зарплату и комиссионные, а поскольку с торговлей у него ладилось, то на круг выходило вполне достаточно. Да и вообще, на дворе был 1981 год, так что дела шли совсем неплохо. Очередной удачный год, буквально с самого первого дня которого Америка становилась все богаче и сильнее, а ее граждане тащили в дом все больше и больше.

— Доброе утро, Стюарт! — Кивнув, мимо прошествовал средних лет ювелир из магазина напротив. Мистер Кроди направлялся в свое скромное заведение.

Было начало десятого: магазины и офисы заполнялись служащими, даже доктор Стокстилл, психиатр и специалист по психосоматическим расстройствам, с ключом в руке появился перед стеклянной дверью своей приемной, что помещалась в первом этаже высотного здания, возведенного страховой компанией на неправедно нажитые денежки. Доктор Стокстилл припарковал заграничный лимузин на стоянке — он был вполне в состоянии платить пятерку в день. Следом за ним в приемную проследовала длинноногая секретарша, бывшая как минимум на голову выше своего работодателя. И, само собой, отметил про себя, опираясь на ручку швабры, Стюарт, к доктору, опасливо озираясь, проскользнул первый из сегодняшних недоумков-клиентов.

«Да и вообще,— мелькнула у наблюдающего за ним Стюарта мысль,— наш мир битком набит придурками. Неплохо зашибают эти психиатры. Лично я бы ни за что не сунулся к ним с парадного входа. Не дай Бог, кто-нибудь увидит — засмеют! Впрочем, подумал он, возможно, некоторые и впрямь заскакивают к нему с черного хода. Наверняка ведь у Стокстилла имеется и черный ход. Для совсем уж никаких, или, вернее (тут он мысленно поправил себя), для тех, кто не хочет выставлять себя на посмешище. То есть для тех, у кого просто какие-то проблемы, ну например, кому не дает покоя кубинский конфликт. В общем, для тех, у кого не то чтобы крыша съехала, а кто просто... ну, не в себе».

Впрочем, Стюарт и сам беспокоился, да еще как. Его запросто могли призвать в армию и отправить на Кубу, где в очередной раз война прочно увязла в горах, даже несмотря на все эти новые маленькие противопехотные бомбы, которые находили мерзких ублюдков независимо от того, насколько глубоко те зарылись в землю. Сам он лично ничуть не осуждал президента — он же не виноват, что китайцы решили-таки следовать условиям договора. Просто теперь редко кто возвращался домой, не подхватив вирус костянки. Один знакомый Стюарта вернулся с войны иссушен-

ный и страшный, словно мумия, которую лет сто держали на открытом воздухе. Стюарту Маккончи трудно было представить, как он в таком виде смог бы снова заняться продажей стереотелевизоров.

— Доброе утро, Стю! — Он вздрогнул от неожиданно послышавшегося за спиной девичьего возгласа. Маленькая темноглазая официанточка из кондитерской Эдди.— Что, замечтался? — Она улыбнулась и засеменила дальше.

— Помечтаешь тут, как же! — в сердцах огрызнулся он вслед и снова принялся остервенело надраивать тротуар.

На противоположной стороне улицы опасливо озирающийся пациент доктора Стокстилла, весь в черном, темноволосый, темноглазый, с бледным лицом, укутанный в плащ цвета южной ночи, остановился у двери, достал сигарету и, оглядываясь по сторонам, прикурил. Стюарт про себя отметил его ввалившиеся щеки, запавшие глаза и рот, в особенности рот. Губы обвисли, будто бедняга долгое время находился под давлением, совершенно стершим зубы и нижнюю челюсть, впрочем, и сейчас его лицо было напряжено. Стюарт отвел глаза.

«Интересно,— подумал он.— Так вот это как — свихнуться. Неужели все дурики так и выглядят? Будто их ржа проела... да нет, не ржа, а даже непонятно что. Время или, может, вода... короче, что-то очень медленное, но неотвратимо разъедающее тебя». Ему и раньше доводилось видеть подобных типов у приемной психиатра, они тоже были изъедены болезнью, но не до такой степени.

В магазине зазвонил телефон, и Стюарт поспешил внутрь. Когда он снова бросил взгляд на улицу, человека в черном уже не было. День набирал прежнюю яркость, предвещая удачу, отдающую тонким ароматом счастья.

«А ведь я его знаю,— подумал он.— То ли фотку в журнале видел, то ли он заходил к нам в магазин. Значит, это либо один из покупателей — человек в возрасте, возможно, даже приятель Фергюсона,— либо какая-то знаменитость».

Стюарт задумчиво продолжал подметать тротуар.

— Может, чашечку кофе? — сказал доктор Стокстилл новому пациенту.— Или чаю, или колы? — Он бросил взгляд на визитку, которую положила ему под нос мисс Перселл.— Мистер Три,— прочитал он вслух.— А вы случайно не принадлежите к знаменитой английской литераторской семье? Ну, знаете, Айрис Три, Макс Бирбом...

Мистер Три, в речи которого слышался явно иностранный акцент, ответил:

— Надеюсь, вы понимаете, это ненастоящее имя.— В его голосе чувствовались раздражительность и нетерпение.— Даже ваша секретарша догадалась.

Доктор Стокстилл вопросительно взглянул на пациента.

— Я всемирно известен,— продолжал мистер Три.— И крайне удивлен тем, что вы меня не узнали. Похоже, вы ведете довольно замкнутый образ жизни.— Он нервно пригладил длинные черные волосы.— Тысячи, даже миллионы людей люто ненавидят меня и хотели бы уничтожить. Поэтому неудивительно, что мне приходится принимать соответствующие меры, например, жить под вымышленным именем.— Он откашлялся и сделал глубокую затяжку. Сигарету пациент держал по-европейски, тлеющий кончик едва не касался ладони.

«Боже мой,— подумал доктор Стокстилл.— Как же я сразу его не узнал! Да это же знаменитый физик, Бруно Блуттельд. И он совершенно прав — целой куче людей и у нас, и на Востоке больше всего на свете хотелось добраться до него, чтобы отомстить за ошибку тысяча девятьсот семьдесят второго года. Отомстить за ужасные радиоактивные осадки, ставшие последствием взрыва на орбите ядерного заряда, который, как предполагалось, никому не должен был повредить. Во всяком случае, так гласили расчеты Блуттельда».

— А вы хотите, чтобы я знал, кто вы на самом деле? — спросил доктор Стокстилл.— Или предпочитаете оставаться просто «мистером Три»? Решайте сами, лично мне все равно.

— Давайте просто продолжим,— проскрежетал мистер Три.

— Согласен.— Доктор Стокстилл уселся поудобнее, что-то чиркнул в блокноте.— Итак, рассказывайте.

— Как по-вашему, означает ли что-то неспособность сесть в самый обычный автобус — ну, где уже сидит дюжина совершенно незнакомых вам людей, понимаете? — напряженно спросил мистер Три.

— Возможно,— отозвался доктор Стокстилл.

— Мне кажется, что все они пялятся на меня.

— А тому есть какая-то причина?

— Конечно,— ответил мистер Три.— Мое изуродованное лицо.

Доктор Стокстилл незаметно окинул взглядом пациента. Перед ним сидел человек средних лет, довольно плотного телосложения, темноволосый, на необычайно бледных скулах темнела трехдневная щетина. Под глазами виднелись круги, свидетельствующие об усталости и постоянном душевном напряжении, а

во взгляде сквозило отчаяние. Знаменитый физик был явно не в духе, шевелюра требовала стрижки, а лицо выражало глубокую внутреннюю тревогу... но никакого «уродства» не было и в помине. Если не считать напряжения, это было самое обычное лицо, и вряд ли кто-нибудь обратил бы на него внимание.

— Вы заметили пятна? — хрипло спросил мистер Три. Он указал на свои щеки и на нижнюю челюсть.— Эти отвратительные метки, отличающие меня от остальных людей?

— Да нет,— отозвался Стокстилл, воспользовавшись возможностью вставить хоть слово.

— А ведь они есть,— сказал мистер Три.— Естественно, их не видно, они там, под кожей. Тем не менее люди замечают их и глазеют на меня. Я не могу проехаться на автобусе, сходить в ресторан или в театр. Я не могу послушать сан-францисскую оперу, посмотреть балет, не могу даже сходить в ночной клуб послушать одного из этих нынешних фолк-певцов. Даже если бы я зашел туда, мне почти сразу же пришлось бы уйти, поскольку все начинают пялиться на меня и перешептываться.

— И что они говорят?

Мистер Три промолчал.

— Как вы сами утверждаете,— продолжал доктор Стокстилл,— вы — человек всемирно известный. Разве это не естественно, что люди начинают перешептываться, видя, как в зале появляется знаменитость? По-моему, это совершенно нормальная реакция. Да, конечно, вы сами упомянули о своей работе... о связанном с ней враждебным отношением окружающих, включая и самые унизительные замечания. Но, с другой стороны, любая известная личность...

— Дело не в этом,— перебил его мистер Три.— К такому мне не привыкать. Я частенько пишу статьи и появляюсь на телеэкране, поэтому давно привык не обращать внимания. Но то, о чем я говорю, касается моей личной жизни. Моих самых сокровенных мыслей.— Он в упор взглянул на Стокстилла и продолжал: — Они читают мои мысли и рассказывают мне же о моей личной жизни, причем в мельчайших подробностях. Они попросту ковыряются в моем мозгу.

«Paranoia sensitive,— прикинул Стокстилл,— хотя, конечно, требуется более тщательное обследование... например, тесты Роршаха. Скорее всего, это тяжелый случай шизофрении, возможно, финальная стадия давно тлеющей болезни. Или...»

— Некоторые люди лучше видят пятна у меня на лице и могут читать мои мысли более отчетливо, нежели другие,— сказал ми-

стер Три.— Мои наблюдения показывают, что люди делятся на две категории: одни практически ничего не замечают, другие как будто сразу замечают, что я отличаюсь от остальных — видят пятна. Вот, например, когда я подходил к вашей приемной, на противоположной стороне улицы какой-то негр подметал тротуар... стоило мне появиться, как он тут же прекратил работу и уставился на меня, хотя, конечно, был слишком далеко, чтобы все как следует рассмотреть. И тем не менее он заметил.

— Интересно, почему бы это? — спросил Стокстилл, делая очередную пометку.

— Думаю, вы и сами догадываетесь, если вы и в самом деле врач. Женщина, рекомендовавшая вас, утверждала, что вы прекрасный специалист.— Мистер Три смотрел так, будто его ожидания оказались совершенно напрасными.

— Наверное, было бы лучше сначала выслушать историю вашей жизни,— сказал Стокстилл.— Насколько я понимаю, меня вам рекомендовала Бонни Келлер. Как она поживает? Мы с ней не виделись, наверное, с апреля или... кстати, ее муженек оставил-таки эту свою дурацкую школу, о которой столько рассказывал, или нет?

— Я пришел сюда вовсе не для того, чтобы обсуждать Джорджа и Бонни Келлер,— заявил мистер Три.— Доктор, на меня оказывают страшное давление. В настоящее время может быть принято окончательное решение о моем уничтожении; дело зашло настолько далеко, что... — Он запнулся.— Бонни считает меня больным, а я уважаю ее мнение.— Теперь он говорил очень тихо, и слова едва можно было разобрать.— Вот я и пообещал ей сходить к вам хотя бы один раз.

— Скажите, а Келлеры по-прежнему живут в Уэст-Марино?

Мистер Три утвердительно кивнул.

— У меня там бунгало,— сказал Стокстилл.— Обожаю ходить под парусом. Наступает погожий денек, и я тут же мчусь в Томалес-Бэй. А вы когда-нибудь катались на яхте?

— Нет.

— Скажите мне место и дату вашего рождения.

Мистер Три ответил:

— Будапешт, тысяча девятьсот тридцать четвертый год.

Доктор Стокстилл, умело задавая нужные вопросы, постепенно начал узнавать подробную историю жизни пациента, факт за фактом. В его работе это было просто необходимо: сначала диагноз, затем, если возможно, выздоровление. Анализ, а потом лечение. Известный всему миру человек, которому все время

казалось, что кто-то за ним следит — как же в этом случае отделить фантазии от реальности? На что можно опереться, чтобы отделить одно от другого?

«А ведь как было бы просто,— думал Стокстилл,— найти здесь патологию. Так просто... и так соблазнительно. Человек, которого столь многие ненавидят... И, в принципе, я с ними согласен,— признался он сам себе,— с этими *многими*, о которых говорит этот Три — или, вернее, Блутгельд. Ведь кроме всего прочего, я тоже являюсь частичкой общества, частью цивилизации, которой сейчас угрожают грандиозные, фантастические ошибки в расчетах, допущенные этим человеком. Да и мои собственные дети, будь у меня таковые, в один прекрасный день могли бы пострадать лишь из-за того, что этот человек абсолютно уверен в собственной непогрешимости».

Но дело не только в этом. Одно время Стокстилл испытывал к нему смешанные чувства: он смотрел интервью с ним по телевизору, слушал его выступления на радио, читал его просто фантастические антикоммунистические речи — и в конце концов, пришел к заключению, что Блутгельд страстно ненавидит весь род человеческий. Ненавидит настолько глубоко и люто, что на каком-то подсознательном уровне ему даже хочется ошибаться, подвергая тем самым опасности жизни миллионов людей.

Поэтому нечего удивляться, что директор ФБР Ричард Никсон так резко отзывался о «воинствующих дилетантах-антикоммунистах в серьезных научных кругах». Никсон тоже был встревожен — еще задолго до трагической ошибки 1972 года. Элементы паранойи в сочетании с проявлениями мании величия были ощутимы уже тогда. Никсон, прекрасно разбиравшийся в людях, сразу их заметил — впрочем, как и многие другие. И очевидно, все они были правы.

— Я приехал в Америку,— говорил мистер Три,— с тем, чтобы не угодить в лапы коммунистических агентов, поставивших перед собой цель убить меня. Они ведут охоту на меня... впрочем, как и нацисты. За мной охотятся и те, и другие.

— Понятно,— кивнул Стокстилл, делая очередную пометку.

— Они преследуют меня и по сию пору, но в конечном счете у них ничего не выйдет,— хрипло продолжал мистер Три, закуривая новую сигарету.— Потому что Господь на моей стороне. Он знает, что мне нужно, и часто говорит со мной, своей мудростью помогая мне уйти от преследователей. Сейчас я работаю над новым проектом у себя в Ливерморе, и когда я закончу, наши враги еще пожалеют, что вообще появились на свет.

«Наши враги,— подумал Стокстилл.— А кто же, интересно, наш враг? Разве это не вы сами, мистер Три? Разве это не вы, сидящий тут и разглагольствующий о своих параноидальных идеях? Да и вообще, как это вам удалось добиться столь высокого положения? Кто повинен в том, что вы получили такую власть над людьми, кто повинен в том, что вы сохранили эту власть и после фиаско тысяча девятьсот семьдесят второго года? Вот-вот, именно вы и те, кто способствовал этому — наши настоящие враги.

Все опасения по поводу вас полностью подтверждаются, вы — безумец, и само ваше присутствие здесь подтверждает это. Впрочем, подтверждает ли,— спохватился Стокстилл.— Совсем не обязательно, такой вывод дисквалифицирует меня как врача. Возможно, занимаясь вами, я вообще нарушаю нормы профессиональной этики. Учитывая то, какие чувства я по отношению к вам испытываю... я просто не способен относиться к вам отстраненно, с беспристрастных профессиональных позиций. Я не в состоянии продолжать оставаться врачом, а следовательно, мои выводы, мой диагноз могут оказаться ошибочными».

— Почему вы на меня так смотрите? — спросил мистер Три.

— Прошу прощения, что? — пробормотал Стокстилл.

— Может, вам неприятна моя внешность? — настаивал он.

— Нет-нет,— отозвался Стокстилл,— дело совсем не в этом.

— В таком случае, возможно, вам просто претят мои мысли? Вы прочитали их, и их резкость и откровенность заставили вас пожалеть, что я обратился к вам? — Мистер Три резко поднялся и двинулся к выходу.— Всего хорошего,— бросил он, подходя к двери.

— Постойте! — окликнул его Стокстилл и двинулся следом.— Давайте закончим хотя бы с биографическим материалом. Ведь мы едва начали.

Мистер Три остановился, несколько мгновений смотрел на доктора, потом заметил:

— Я полностью уверен в Бонни Келлер. Мне известны ее политические взгляды... Она не участвует в международном коммунистическом заговоре, целью которого является мое уничтожение при первой же удачной возможности.— Он вернулся и уселся обратно в кресло. Теперь он выглядел относительно спокойным. И тем не менее в его позе сохранялась некоторая напряженность — как будто он не мог позволить себе расслабиться в присутствии доктора ни на минуту, понял Стокстилл. Значит, откровенного разговора не получится. Его по-прежнему будут грызть подозрения, и возможно — небезосновательные.

* * *

Припарковав машину, Джим Фергюсон, владелец телемагазина, увидел, что его продавец, Стюарт Маккончи, вовсе не подметает тротуар, а просто стоит, опершись на щетку, и явно пребывает в глубокой задумчивости. Проследив за его взглядом, он понял, что продавец отнюдь не разглядывает очередную симпатичную девицу или какую-нибудь редкую машину — Стюарт любил и то, и другое, и это было вполне нормально. Но сейчас он уставился на дверь приемной доктора Стокстилла на противоположной стороне улицы. А вот это уже было ненормально. И вообще, какое его дело!

— Послушай,— окликнул продавца Фергюсон, открывая входную дверь,— ты это брось. Когда-нибудь сам заболеешь, и вряд ли тебе понравится, что кто-то пялится на тебя, когда ты идешь к врачу.

Стюарт обернулся и ответил:

— Да нет, просто сейчас к нему зашел какой-то очень известный тип, только вот никак не соображу, кто он такой.

— Только психи подглядывают за психами,— заметил Фергюсон, вошел в магазин, сразу направился к кассе, открыл ее и принялся выкладывать в ящик банкноты и мелочь на предстоящий день.

«Ладно-ладно,— думал Фергюсон,— погоди, вот узнаешь, кого я нанял мастером по ремонту телевизоров, тогда еще не так выпялишься».

— Слушай, Маккончи,— наконец бросил Фергюсон.— Помнишь того парнишку без рук, без ног, который ездит на коляске? Ну, у него еще вместо конечностей торчит что-то вроде тюленьих плавников. Мамаша в шестидесятые глушила какие-то таблетки, вот он и родился калекой. Он все время тут у нас крутится, все хочет стать телемастером.

Не выпуская щетки из рук, Стюарт отозвался:

— И вы, конечно, наняли его.

— Точно, вчера, когда ты был в отъезде.

Маккончи немного подумал, потом заметил:

— Для торговли это, пожалуй, не самое лучшее.

— Почему? Его все равно никто не увидит — он же будет торчать внизу, в мастерской. К тому же надо и калекам как-то зарабатывать на жизнь, они же не виноваты, что такими родились. Это все немцы проклятые со своей химией.

После недолгой паузы Стюарт Маккончи сказал:

— Сначала вы берете на работу меня, негра, теперь этого урода. Что ж, должен признать, Фергюсон, вы пытаетесь поступать по совести.

Чувствуя, что начинает сердиться, Фергюсон огрызнулся:

— Я не только пытаюсь, я так и поступаю! И никогда не стою без дела и не пялюсь куда не надо, в отличие от тебя. Я человек, который принимает решения и совершает поступки.— Он подошел к сейфу и принялся отпирать его.— Парнишку зовут Хоппи. Он скоро появится. Ты бы видел, какие он штуки вытворяет этими своими электронными руками! Просто чудо современной науки!

— Да видел я, видел,— отозвался Стюарт.

— И тебя от этого ломает, да?

Стюарт отмахнулся:

— Да нет, просто это как-то... противоестественно, что ли.

Фергюсон мрачно уставился на него.

— Только смотри не вздумай подкалывать мальчишку. Поймаю тебя или кого-нибудь из других продавцов...

— Да ладно, ладно,— буркнул Стюарт.

— Ты скучаешь,— заметил Фергюсон,— а скука — дело последнее. Она означает, что ты бездельничаешь, причем в оплачиваемое из моего кармана время. Если бы ты работал не покладая рук, тебе некогда бы было стоять и глазеть на бедняг, приходящих к доктору. Я вообще запрещаю тебе торчать на улице. Еще замечу, считай, ты уволен.

— Господи, да как же мне тогда попасть в магазин или выйти перекусить? Сквозь стену, что ли?

— Нет, входить и выходить ты можешь,— решил Фергюсон,— а вот торчать снаружи — нет.

Скорбно глядя вслед начальнику, Стюарт Маккончи пробормотал себе под нос:

— Ну и ну!

Однако Фергюсон не обратил ни малейшего внимания на слова своего продавца. Он начал включать световую рекламу, готовясь к предстоящему рабочему дню.

Глава 2

Подросток-инвалид Хоппи Харрингтон обычно подкатывал к телемагазину около одиннадцати. Он въезжал в торговый зал, ненадолго притормаживал у прилавка и, если Джим Фергюсон оказывался на месте, просил у него разрешения спуститься вниз, в

мастерскую, чтобы посмотреть, как работают два телемастера. Если же Фергюсона в магазине не оказывалось, Хоппи через некоторое время укатывал восвояси, зная, что продавцы его в подвал не пустят — они лишь дразнили мальчишку да пересмеивались. Но он не обижался. По крайней мере, так казалось Стюарту Маккончи.

На самом же деле, понял Стюарт, он просто не понимал этого Хоппи, с его узким, острым лицом, живыми, яркими глазами и быстрой, нервной манерой говорить, настолько быстрой, что порой он начинал заикаться. Стюарт не понимал его психологически. Почему Хоппи так хочется ремонтировать телевизоры? Что в этом занятии такого заманчивого? Калека часами торчит в мастерской, и можно подумать, нет на свете ничего более захватывающего, чем это ремесло. На самом же деле ремонт телевизоров — тяжелая, грязная и не бог весть как оплачиваемая работа. Но Хоппи был исполнен страстной решимости быть телемастером, и вот теперь его мечта исполнилась, поскольку Фергюсон был твердо настроен поступать по справедливости с представителями всех меньшинств мира. Фергюсон был членом Американского союза гражданских свобод, Национальной ассоциации содействия прогрессу цветного населения и Лиги помощи инвалидам, причем последняя организация, по мнению Стюарта, являлась ничем иным, как просто международной лоббистской группировкой, члены которой твердо вознамерились обеспечить достойное существование всем жертвам современной медицины и науки, которых стало особенно много после катастрофы Блутгельда в 1972 году.

«Тогда к кому же можно отнести меня самого? — спросил себя Стюарт, сидя наверху, в кабинете, и просматривая книгу продаж.— То есть,— думал он,— если у нас здесь будет работать этот калека... я, получается, практически тоже что-то вроде жертвы радиации, как будто темная кожа — результат радиационного ожога». От этих мыслей ему стало не по себе.

«Возможно, когда-то,— думал он,— все люди на свете были белыми, а потом какой-нибудь придурок рванул эдак, скажем, тысяч десять лет назад у них над головой бомбочку, и некоторых из нас обожгло, да так и осталось. Просто пострадали наши гены. Вот с тех пор мы и стали такими».

В это время появился другой продавец, Джек Лайтхейзер, уселся за стол напротив и закурил толстую коричневую «корону».

— Слышно, Джим нанял этого колясочника,— через несколько мгновений начал он.— А знаешь, зачем он это сделал? Чтобы прослыть хорошим мужиком. Скоро об этом протрубят во всех газетах. А наш Джим обожает, когда его поминают в газетах.

Если прикинуть, неплохо придумано. Да и то сказать, первый торговец в Ист-Бэй, нанявший калеку.

В ответ Стюарт только хмыкнул.

— У Джима слишком идеализированное представление о себе,— продолжал Лайтхейзер.— Он мнит себя не просто торгашом, а этаким современным римлянином, у которого на первом месте гражданские ценности. Да ведь, по правде сказать, он человек образованный. В свое время Стэнфорд закончил.

— Теперь это всем по барабану,— заметил Стюарт. Он и сам в 1975-м окончил Калифорнийский университет, да только что проку! С таким дипломом, а выше торговца так и не поднялся.

— Да нет, когда он его получал, это еще имело значение,— продолжал Лайтхейзер.— Он отучился бесплатно, как ветеран, и выпустился в тысяча девятьсот сорок седьмом году.

Этажом ниже, перед входом в магазин, появилось самоходное инвалидное кресло, управлял которым необычайно худощавый подросток. Увидев его, Стюарт застонал. Лайтхейзер бросил на него недоуменный взгляд.

— Как же он меня достал! — воскликнул Стюарт.

— Ничего, начнет работать, все встанет на свои места,— заметил Лайтхейзер.— Отсутствием мозгов он, во всяком случае, не страдает. Смышленый парнишка, да к тому же не без амбиций. Господи, ведь ему всего лишь семнадцать, и единственное, чего он хочет, так это работать — для того чтобы иметь возможность закончить школу. Ведь это просто поразительно...

После этого они молча следили за тем, как Хоппи въезжает в магазин.

— Слушай, а наши ребята знают, что им придется работать вместе с ним? — наконец выдавил Стюарт.

— Само собой, Джим еще вчера вечером поставил их в известность. В общем-то, они отнеслись к этому довольно философски... ну, сам знаешь, что за народ эти телемастера... поворчали немного, и дело с концом. Хотя они всегда ворчат.

Услышав голос, Хоппи поднял глаза. Они встретились взглядами. Глаза парня блеснули, и он, заикаясь, спросил:

— А мистер Фергюсон уже здесь?

— Не-а,— протянул Стюарт.

— Мистер Фергюсон принял меня на работу,— сказал калека.

— Да уж слышали,— ответил Стюарт. Ни он, ни Лайтхейзер даже не пошевелились, а продолжали из-за своих столов неподвижно глядеть на Хоппи.

— Можно мне спуститься вниз? — спросил парнишка.

Лайтхейзер пожал плечами.

— Лично я собираюсь сходить и выпить чашечку кофе,— заявил Стюарт, поднимаясь из-за стола.— Минут через десять вернусь. Покараулишь за меня, лады?

— Какой вопрос! — кивнул Лайтхейзер, глубоко затянувшись сигарой.

Когда Стюарт заглянул в торговый зал, калека все еще был там. Мучительная процедура спуска в подвал еще так и не началась.

— Ну что, призрак семьдесят второго? — бросил он, поравнявшись с коляской.

Парнишка покраснел и заикаясь ответил:

— Вообще-то я родился в шестидесятые, и взрыв тут ни при чем.— Когда Стюарт уже выходил из магазина, калека бросил вслед: — Это все то проклятое лекарство, чертов талидомид, все знают!

Стюарт ничего не ответил и молча потопал в соседнюю кафешку.

Для беспомощного калеки спуститься на инвалидном кресле вниз, в подвал, где работали телемастера, было задачей крайне нелегкой и даже мучительной. Но через некоторое время он все же справился с ней, придерживаясь за перила механическими манипуляторами, которыми его столь предусмотрительно обеспечило правительство. В принципе, от манипуляторов проку было мало.

Помимо того, что этим педипальпам было сто лет в обед, они были не только изношены, но и — как он узнал из книг, посвященных этому вопросу — давным-давно устарели. Теоретически, согласно «Ремингтонскому акту», правительство было обязано со временем менять их на более совершенные модели, и Хоппи даже отправил сенатору Калифорнии Элфу М. Партленду соответствующее прошение,— правда, ответа так до сих пор и не получил. Но Хоппи был терпелив. Он неоднократно писал письма на разные темы американским конгрессменам. Как правило, ответы приходили с большим запозданием, порой это были обычные ксерокопии, но зачастую его послания и вовсе оставались без ответа.

Однако в данном случае закон был на стороне Хоппи Харрингтона, и просто требовалось время, чтобы убедить власть предержащих обеспечить его тем, что полагалось ему по закону. Терпеливый и непреклонный, он был полон решимости получить свое. Им придется помочь ему, хотят они того или нет. Этому его научил отец, у которого была овечья ферма в долине Сонома: «Всегда добивайся того, что тебе положено по закону».

Послышались звуки включенных телевизоров. Ремонтники уже были за работой. Хоппи приостановился, открыл дверь и увидел двух мужчин за длинным, заваленным инструментом и приборами столом, уставленным множеством телевизоров в разной степени разобранности.

При его появлении ни тот мастер, ни другой даже головы не поднял.

— Слышь,— вдруг окликнул товарища один из ремонтников. Его коллега от неожиданности даже вздрогнул.— А ведь ручной труд нынче никак не в почете. Может, тебе заняться чем-нибудь более умственным, а? Вернешься в свой колледж, получишь диплом, и айда! — Он вопросительно уставился на приятеля.

«Вот уж нет,— подумал Хоппи.— Лично я больше всего на свете хочу работать... руками».

— Мог бы стать ученым,— продолжал ремонтник, не отрываясь от работы. Он как раз проверял какой-то блок, пристально следя за показаниями вольтметра.

— Как Блутгельд, да? — вмешался Хоппи.

При этих его словах ремонтник понимающе усмехнулся.

— Мистер Фергюсон сказал, что вы мне скажете, что делать,— продолжал Хоппи.— Для начала чего-нибудь попроще. Идет?

Он подождал, опасаясь, что они никак не прореагируют на его слова, но через несколько мгновений один из мастеров ткнул пальцем в сторону старого проигрывателя.

— А что с ним? — спросил Хоппи, рассматривая дефектный лист.— Думаю, я справлюсь.

— Пружина лопнула,— ответил один из ремонтников.— Когда заканчивается последняя пластинка, он не выключается.

— Ясно дело,— отозвался Хоппи. Он поднял манипуляторами сломанный проигрыватель и откатился к дальнему концу стола, где еще оставалось свободное место.— Ничего, если я пристроюсь здесь? — Мастера явно не возражали, поэтому он взялся за пассатижи. «Все очень просто,— подумал Хоппи.— Недаром же я столько практиковался дома». Он постарался полностью сосредоточиться на проигрывателе, в то же время уголком глаза следя за ремонтниками. «Я проделывал это множество раз, и с каждым разом получается все лучше и лучше, я в этом уверен. А ведь пружинка — это такая мелочь! Самый что ни на есть пустячок. Дунь на нее, и днем с огнем не сыщешь. Я даже чувствую, где ты там сломалась,— думал он.— Просто молекулы металла больше не сцеплены, как раньше». Он сконцентрировал

внимание на месте излома, стараясь держать пассатижи так, чтобы сидящий по соседству мастер ничего не заподозрил. Он делал вид, что пытается вытянуть пружину из механизма.

Когда работа была закончена, Хоппи почувствовал, что за спиной у него кто-то стоит. Он обернулся. Это оказался Джим Фергюсон, его работодатель, который просто стоял позади него, засунув руки в карманы и не говоря ни слова, но на лице его застыло довольно странное выражение.

— Готово,— нервно буркнул Хоппи.

— Давай посмотрим,— отозвался Фергюсон. Он поднял проигрыватель и принялся рассматривать его при свете потолочных флуоресцентных ламп.

«Неужели заметил? — вздрогнул Хоппи.— Неужели догадался? А если догадался, то что подумал? А может, он и не против, не все ли ему равно? Или он пришел в ужас от увиденного?»

Фергюсон тем временем молча изучал проигрыватель.

— А где ты взял новую пружину? — неожиданно спросил он.

— Да тут где-то валялась,— мгновенно отреагировал Хоппи.

Вроде бы все было в порядке. Фергюсон если и заметил что-то подозрительное, то все равно ничего не понял. Калека расслабился и даже испытал прилив радости, сменившей терзавшее его беспокойство. Он даже широко улыбнулся двум мастерам и окинул взглядом стол, прикидывая, какую ему дадут еще работу.

Фергюсон спросил:

— Похоже, тебе не больно по душе, когда за тобой наблюдают, верно?

— Да нет,— ответил Хоппи.— Мне это до фени. Я же знаю, как выгляжу. На меня с детства все пялятся.

— Нет, я имею в виду за работой.

— Нет,— ответил он, как показалось Фергюсону, слишком поспешно и громко.— Еще до того, как у меня появилось кресло и до того как правительство вообще хоть что-то сделало для меня, папаша обычно таскал меня на спине — он сам тогда соорудил нечто вроде рюкзака. Короче, как таскают детишек индейцы.— Он неуверенно усмехнулся.

— Понятно,— сказал Фергюсон.

— Наша семья тогда еще жила в Сономе,— продолжал Хоппи.— Там я и рос. Мы разводили овец. Один раз меня боднул здоровенный баран, да так, что я мячиком пролетел по воздуху.— Парень снова издал смешок. Ремонтники, на время оторвавшись от работы, молча уставились на него. Наконец один из них заметил:

— Представляю, что ты сказал, когда трахнулся об землю.

— А то! — рассмеялся Хоппи. Теперь уже рассмеялись все присутствующие — и Фергюсон, и оба мастера. Должно быть, все они мысленно представили себе эту картину: семилетний Хоппи Харрингтон, без рук, без ног — только туловище и голова,— кубарем катится по траве, отчаянно вопя от боли и страха. Впрочем, наверное, это действительно было ужасно смешно, Хоппи и сам сознавал это. К тому же данную историю он специально преподнес как шутку, специально сделал из нее забавную байку.

— Да, пожалуй, с креслом тебе теперь куда как удобнее,— наконец заметил Фергюсон.

— Ну, еще бы! — подтвердил он.— А сейчас я проектирую новое кресло, собственной конструкции, сплошная электроника. Мне тут как-то попалась статейка по устройствам, управляемым биотоками, их используют в Германии и Швейцарии. С их помощью мозг напрямую управляет разными моторчиками, поэтому можно двигаться куда быстрей... чем на это способен нормальный организм.— Он хотел сказать: быстрее, чем нормальный человек.— Я совершенствовал систему около двух лет,— продолжал Хоппи,— и она будет намного лучше даже последних швейцарских моделей. Когда доделаю, можно будет просто выкинуть этот правительственный хлам на помойку.

Фергюсон серьезно и сухо заявил:

— Я просто восхищен силой твоего духа.

Хоппи рассмеялся и, заикаясь, ответил:

— С-спасибо, мистер Фергюсон.

Один из телемастеров протянул ему многоканальный УКВ-приемник.

— Вот, держи. Не держит станции. Посмотри, может, что и получится.

— О'кей! — отозвался Хоппи, беря приемник металлическими манипуляторами.— Еще бы не получится. Я, знаете, сколько таких дома настраивал! За милую душу заработает.— С его точки зрения подобный ремонт был делом наиболее простым. Ему даже не пришлось чересчур сильно сосредотачиваться на приемнике: все происходило будто само собой.

Взглянув на прикнопленный к кухонной стене календарь, Бонни Келлер вспомнила, что как раз на сегодня ее приятелю Бруно Блутгельду назначен визит к психиатру, доктору Стокстиллу, прак-

тикующему в Беркли. На самом деле к этому времени Бруно уже наверняка успел побывать у врача, прошел первый сеанс психотерапии и ушел. А теперь, скорее всего, Бруно уже несется на машине обратно в Ливермор, в родную радиационную лабораторию, место, где он работал еще много лет назад — до того, как она забеременела. Там они с доктором Блутгельдом и познакомились в 1975 году. Теперь ей исполнился тридцать один год, а жила она в Уэст-Марино. Ее нынешний супруг Джордж дослужился до поста директора местной школы, и она была очень счастлива в браке.

Впрочем, пожалуй, не очень счастлива. Скорее, до некоторой степени — в меру — счастлива. Бонни и по сию пору посещала психоаналитика — правда, теперь всего один раз в неделю вместо прежних трех. Она научилась понимать себя во многих отношениях, осознавать свои подсознательные порывы и систематические приступы искаженного восприятия действительности. Сеансы психоанализа, проводимые на протяжении шести лет, явно пошли ей на пользу, но излечиться окончательно она так и не смогла. Впрочем, такого явления, как «излечение», и в природе не существовало, ведь «болезнью» являлась сама жизнь, поэтому единственным выходом было постоянное самосовершенствование (или, вернее, развитие в себе способности к адаптации), в противном случае ее ждал лишь психический застой.

Но Бонни была исполнена решимости подобного застоя избежать. Как раз сейчас она читала «Упадок Запада» в оригинале на немецком, позади было уже пятьдесят страниц, и книга явно стоила того, чтобы одолеть ее целиком. А разве кто-нибудь из знакомых Бонни прочитал ее, хотя бы и в английском переводе?

Ее интерес к немецкой культуре, немецкой литературе и философии зародился еще много лет назад в результате знакомства с доктором Блутгельдом. Несмотря на то что она изучала немецкий три года в колледже, этот язык никогда не казался ей особенно нужным в жизни, как и множество других предметов, которые она так старательно учила. Стоило ей получить диплом и устроиться на работу, как вскоре этот язык отодвинулся куда-то на задворки сознания. Но магнетическое присутствие Блутгельда вызвало к жизни многое из того, что ей довелось учить, и значительно усилило ее интерес ко многим вещам, любовь к музыке и искусству... словом, Бонни была обязана Блутгельду очень многим и была исключительно благодарна ему за это.

Сейчас, конечно, Блутгельд очень болен — это знали все сотрудники лаборатории. Он был человеком исключительно совестливым и после катастрофы 1972 года ужасно страдал от совер-

шенной им ошибки, которая, как прекрасно понимали его сотрудники — все, кто в то время работал в Ливерморе,— не была исключительно его виной. Тем не менее он во всем случившемся винил исключительно себя. Чувство вины и стало причиной болезни, которая с каждым годом лишь усугублялась.

Виновниками ошибочных расчетов стали множество ученых, самая совершенная аппаратура и самые современные компьютеры, причем, учитывая уровень научных знаний на тот момент, винить их было трудно. Вина их заключалась лишь в том, какой удар был нанесен миру. Огромные радиоактивные облака не исчезли в космическом пространстве, а под действием земного притяжения были притянуты обратно к Земле и вернулись в атмосферу. Больше всех были удивлены ученые Ливермора. Теперь, разумеется, влияние пояса Джеймисона-Френча изучено гораздо лучше. Даже такие популярные журналы, как «Таймс» и «Ю.С. Ньюс», были в состоянии доходчиво объяснить, что именно произошло и почему. Но с тех пор минуло девять лет.

Вспомнив о поясе Джеймисона-Френча, Бонни сообразила, что рискует пропустить событие дня. Она тут же ринулась в гостиную, где стоял телевизор, и включила его. «Интересно, неужели его уже запустили? — подумала она, быстро взглянув на часы.— Нет, до запуска еще полчаса». Экран засветился, и, само собой, на нем появилось изображение ракеты, пусковой площадки, суетящихся вокруг людей, снующих взад-вперед машин. До запуска еще явно оставалось время, да и мистера и миссис Дэнджерфилд на борту не было.

Первая супружеская пара, решившая эмигрировать на Марс, насмешливо напомнила она себе. Интересно, какие чувства сейчас испытывает Лидия Дэнджерфилд... высокая блондинка, отлично отдающая себе отчет в том, что их шансы благополучно добраться до красной планеты по расчетам не превышают шестидесяти процентов. Да, конечно, там их ожидают модерновое оборудование, прекрасное жилье и вспомогательные сооружения, но разве все это стоит риска сгореть во время полета? Тем не менее запуск должен был потрясти советский блок, которому так и не удалось основать колонию на Луне. Русские там раз за разом бодро гибли либо от удушья, либо от голода — от чего именно, толком никто не знал. Как бы то ни было, колония так и не образовалась, а несостоятельный прожект был вычеркнут из анналов истории столь же загадочным образом, как и появился.

Идея НАСА отправить на другую планету всего одну супружескую пару, мужчину и женщину, вместо того чтобы посылать

в неизведанное целую группу, буквально потрясла Бонни. Она инстинктивно чувствовала, что чиновники своим нежеланием внести в проект элемент случайности попросту накликают беду. «Куда лучше было бы,— думала она, сидя перед телевизором и следя за тем, как техники заканчивают подготовку ракеты к старту,— если бы отправили несколько человек, допустим, из Нью-Йорка и, например, из Калифорнии. Как же это называется? Ах да, перестраховка. В любом случае, не стоит класть все яйца в одну корзинку... впрочем, НАСА всегда так поступало: в космос с самого начала их запусков всегда отправлялся лишь один человек, главным была реклама. Когда Генри Чэнселлор в тысяча девятьсот шестьдесят седьмом году сгорел на своей космической платформе, за его гибелью у экранов телевизоров наблюдал весь мир — зрелище было ужасное, однако его транслировали в эфире. Реакция публики была такова, что на Западе дальнейшие космические исследования отложили на пять лет».

— Итак, как вы сейчас видите,— негромко, но достаточно поспешно вдруг заговорил комментатор «Эн-Би-Си»,— подходят к концу последние приготовления. Прибытие мистера и миссис Дэнджерфилд ожидается с минуты на минуту. Позвольте напомнить вам, просто на всякий случай, о той серьезнейшей подготовке, которая предшествовала...

— Да ну тебя! — в сердцах буркнула Бонни, ее аж передернуло, и она поспешно выключила телевизор. «Не могу я на это смотреть»,— сказала она себе.

С другой стороны, чем же тогда заняться? Просто сидеть все следующие шесть часов — впрочем, скорее следующие две недели — и грызть ногти? Единственным ответом было только попросту забыть о том, что сегодня день отлета Первой Четы. Хотя теперь уже забывать об этом было слишком поздно.

Ей было приятно называть их про себя именно так: Первая Чета... это отдавало чем-то сентиментальным, старомодным, чем-то из научно-фантастического романа. В очередной раз история Адама и Евы, если не считать того, что Уолт Дэнджерфилд ничуть не напоминал Адама. Он и отдаленно не напоминал супермена, скорее был самым обычным человеком. Эта его вечная кривая саркастическая улыбка, манера запинаться во время многочисленных, довольно циничных выступлений на пресс-конференциях. Бонни просто восхищалась им. Он не был слабаком, он был не из тех молодых, стриженных под «ежик», блондинистых роботов, всегда готовых выполнить очередное задание родных ВВС. Уолт был настоящим мужчиной, и наверняка именно поэто-

му выбор НАСА и пал на него. Его гены — они наверняка были самим совершенством, плодом четырехтысячелетнего развития культуры, природным даром от всего человечества. Уолт и Лидия станут основателями Новой Терры... со временем Марс заполонит множество маленьких дэнджерфилдиков, наделенных недюжинным интеллектом и в то же время живостью, столь характерной для их отца.

— Представьте себе это как длиннющее шоссе,— однажды сказал в интервью Дэнджерфилд, отвечая на вопрос одного из журналистов по поводу подстерегающих их опасностей.— Миллиарды миль десятиполосной автострады... без встречных машин, без медлительных грузовиков. Ну, скажем, как часа в четыре утра... на дороге только вы и ваш автомобиль, и больше никого. Так что, как говорится, не стоит брать в голову.— При этих словах на лице его расцвела привычная улыбка.

Бонни нагнулась и снова включила телевизор. И, конечно же, на экране тут же появилось круглое лицо Дэнджерфилда в очках. Он уже был облачен в скафандр, только шлема еще не было. Рядом с ним стояла Лидия и молча слушала, как муж отвечает на вопросы.

— Я тут слышал,— протянул Уолт, как будто перед тем, как ответить, пробовал вопрос на вкус,— будто в Бойсе, столице Айдахо, какая-то ПОЛ страшно беспокоится за меня.— Он взглянул на одного из корреспондентов, очевидно, задавшего какой-то вопрос.— Что за ПОЛ? — переспросил Уолт.— Ну, это... в общем, это сокращение придумал великий, к сожалению, ныне покойный Херб Канн, а означает оно Пожилая Одинокая Леди... сами знаете, такие есть всегда и везде. Кстати, может и на Марсе окажется одна из них, и нам придется жить с ней по соседству. Короче, эта, из Бойса, насколько я понял, немного нервничает по поводу меня и Лидии, опасаясь, как бы с нами чего ни случилось. Поэтому она прислала нам талисман.— Он поднял его повыше, неуклюже сжимая рукой в огромной перчатке. Журналисты оживленно зашептались.— Симпатичная штука, верно? — спросил Дэнджерфилд.— Скажу вам больше: знаете, от чего она лучше всего помогает? От ревматизма.— Присутствующие так и покатились со смеху.— На случай, если мы там, на Марсе, подхватим ревматизм. А может, подагру? Да, кажется, она писала насчет подагры.— Он повернулся к жене.— Верно ведь?

«Вряд ли,— подумала Бонни,— существуют талисманы, предохраняющие от метеоритов или радиации». Ей вдруг стало грустно, ее охватило горестное предчувствие. А может, ей взгрустнулось

потому, что сегодня Бруно Блутгельд посещал психиатра? Печальные мысли, проистекающие из этого факта, мысли о смерти, радиации, ошибках в расчетах и ужасной, неизлечимой болезни.

«Нет, я все же никак не могу поверить, будто Бруно стал параноидальным шизофреником,— сказала она себе.— Это просто временное недомогание, и при квалифицированной психиатрической помощи — пара одних пилюль, пара других — он вскоре поправится. Скорее всего, это физическое проявление эндокринных нарушений, а эндокринология в наше время буквально творит чудеса. Это вовсе не какое-то психическое заболевание, проявившееся под влиянием стресса.

Впрочем, мне ли судить,— мрачно спохватилась Бонни.— Только когда Бруно стал в открытую утверждать, что „они" постоянно подсыпают ему в пищу яд, мы с Джорджем наконец осознали, насколько он болен... а до того мы считали, что это просто депрессия».

Тут она представила себе Бруно, держащего рецепт на некое лекарство, стимулирующее кору головного мозга или подавляющее подкорку, впрочем, в любом случае в дело будет пущен некий современный эквивалент китайского целебного отвара, полностью меняющий метаболизм мозга Бруно, выметающий из него все ненормальное, как паутину из углов. И все снова станет как раньше, они с Джорджем и Бруно снова будут вместе у себя в Уэст-Марино, слушать по вечерам Баха и Генделя... все будет как в старые добрые времена. Сначала будут записи, а потом она сама усядется за фортепиано. Дом наполнится барочной музыкой, запахом свежеиспеченного домашнего хлеба, а на столе появится бутылочка «буэно-виста» с самой старой винодельни в Калифорнии...

Тем временем на экране Уолт Дэнджерфилд продолжал шутить в своем обычном стиле, что-то вроде Вольтера и остряка Уилла Роджерса в одном лице.

— Ну да, конечно,— говорил он какой-то журналистке в забавной большущей шляпке.— Само собой, мы собираемся обнаружить на Марсе множество самых удивительных форм жизни.— С этими словами он перевел взгляд на ее шляпку, будто говоря: «Вот, кажется, одна из них уже нашлась». Перехватив его взгляд, репортеры дружно засмеялись.— Кажется, оно шевельнулось,— продолжал Дэнджерфилд, обращаясь к своей удивительно спокойной, хладнокровной супруге.— Похоже, собирается напасть.

«А ведь он действительно любит жену,— поняла Бонни, наблюдая за ними.— Интересно, испытывал ли когда-нибудь Джордж по

отношению ко мне такие же чувства, какие испытывает к своей жене Дэнджерфилд? Честно говоря, сильно сомневаюсь. Если бы он по-настоящему любил меня, то никогда не позволил бы сделать два аборта». От этой мысли Бонни стало еще грустнее, она поднялась и повернулась спиной к экрану.

«Надо им было на Марс отправить Джорджа,— с горечью подумала она.— А еще лучше — всех нас: и Джорджа, и меня, и Дэнджерфилдов. У Джорджа мог бы завязаться роман с Лидией Дэнджерфилд — если только он вообще на такое способен — а я бы тогда могла затащить в постель Уолта. В таком грандиозном приключении я стала бы для него вполне подходящей напарницей. А почему бы и нет?

Страшно хочется, чтобы что-нибудь случилось,— сказала она себе.— Например, позвонил Бруно и сообщил, мол, доктор Стокстилл вылечил его; или, скажем, Дэнджерфилд вдруг отказался лететь, или китайцы вдруг начали бы Третью мировую войну, или Джордж наконец решился бы и, как много раз грозился, взял да и впрямь отказался от своей дурацкой школьной должности. В общем, ну хоть что-нибудь! Может,— думала она,— стоит снова вытащить на свет божий пылящийся в кладовке гончарный круг и заняться керамикой, вернуться к так называемой творческой деятельности или отвлечь себя чем-нибудь еще. Кстати, у меня получился бы вполне приличный неприличный горшок. Я сама вылепила бы его, обожгла в печи у Вайолет Клатт, а потом продала в Сан-Антонио через Ассоциацию народного творчества, эту женскую контору, которая в прошлом году отказалась принять мою бижутерию. Но неприличный горшок они обязательно возьмут, главное, чтобы это был очень-очень неприличный горшок».

В телемагазине собралась небольшая толпа. Люди смотрели по выставленному в витрине большому цветному телевизору трансляцию отлета Дэнджерфилдов, ведущуюся на всю страну с тем, чтобы ее мог посмотреть каждый американец, независимо от того, дома он или на работе. Стюарт Маккончи тоже стоял неподалеку, сложив руки на груди, и тоже смотрел передачу.

— Призрак нашего великого профсоюзного деятеля Джона Л. Льюиса,— как обычно сухо и сдержанно говорил Уолт Дэнджерфилд,— наверняка одобрил бы преимущества оплаты за время нахождения в пути... если бы не он, то, скорее всего, правительство отделалось бы какой-нибудь жалкой пятеркой на том осно-

вании, что наша работа реально начнется, только когда мы окажемся на месте.— Выражение лица Уолта изменилось, теперь он был серьезен: им с Лидией оставалось буквально несколько минут до посадки на корабль.— Главное, помните... если с нами что-нибудь случится, если связь прервется, ни в коем случае не пытайтесь найти нас. Сидите дома, поскольку мы с Лидией обязательно вскоре дадим о себе знать.

— Счастливо! — загомонили репортеры, когда в зале появились чиновники и техники НАСА и увели Дэнджерфилда из поля зрения телекамер.

— Ненадолго им хватит этого счастья,— заметил Стюарт, увидев, что рядом с ним, уставившись на экран, стоит Лайтхейзер.

— Ну и дурака сваляли эти Дэнджерфилды! — отозвался Лайтхейзер, ковыряя спичкой в зубах.— Ему никогда не вернуться, они уверены в этом на все сто.

— А зачем ему, собственно, возвращаться? — спросил Стюарт.— Что он у нас здесь такого забыл? — В душе он завидовал Уолту Дэнджерфилду: как бы он хотел оказаться на его месте! Тогда сейчас там, перед телекамерами, на глазах всего мира, стоял бы он, Стюарт Маккончи.

По лестнице из подвала лихо выскочила коляска Хоппи Харрингтона.

— Ну как, запустили их или нет? — спросил он Стюарта срывающимся от волнения голосом, вперившись в экран.— Они наверняка сгорят, как тогда, в шестьдесят седьмом. Само собой, сам-то я этого помнить не могу, но...

— Слушай, заткнись, а? — негромко заметил Лайтхейзер. Калека покраснел и замолчал. Потом они наблюдали за тем, как специальный кран снимает с верхней части ракеты последнюю проверочную команду, при этом каждый из них думал о своем. Скоро начнется предстартовый отсчет — ракета была полностью заправлена топливом, проверена, и теперь в нее грузились две маленькие человеческие фигурки. Люди перед телевизором зашевелились и зашушукались.

Очень скоро, в середине дня, их ожидание будет вознаграждено, поскольку они станут свидетелями старта «Голландца-IV». После этого он около часа будет кружить по орбите вокруг Земли, а люди будут следить за ним, сидя у своих телевизоров, глядя, как ракета наматывает виток за витком, пока наконец не будет принято окончательное решение и кто-то там, внизу, в центре управления, не даст последний сигнал, повинуясь которому ракета изменит траекторию и рванется прочь от Земли. Им

уже доводилось видеть подобное, и каждый раз все происходило очень похоже, но сегодняшнее событие было не совсем обычным из-за людей на борту, которые никогда не вернутся. Ради такого стоило провести день у телеэкрана, толпа была готова ждать.

Стюарт Маккончи подумал, что неплохо бы сходить пообедать, а потом можно будет снова вернуться сюда и продолжать смотреть, стоя перед экраном вместе с остальными. Сегодня работы практически не было, телевизоров никто не покупал. К тому же происходящее на экране было куда более важно. Он никак не может пропустить такое. «Вдруг я сам когда-нибудь окажусь там,— подумал он.— Может, я эмигрирую немного позже, когда стану получать достаточно, чтобы жениться. Возьму жену, детишек и начну новую жизнь на Марсе, когда там образуется настоящая колония, а не просто скопище машин».

Он представил, что это он, а не Уолт Дэнджерфилд сидит в носовой капсуле, а рядом с ним, в соседнем кресле, пристегнута необычайной красоты женщина. Они — он и она — пионеры-первопроходцы, основатели новой цивилизации на другой планете. Но тут у него засосало под ложечкой, и он наконец осознал, насколько проголодался. Дальше тянуть с обедом было просто невозможно.

Даже стоя перед телеэкраном, на котором виднелась высоченная, с задранным к небу носом ракета, он не мог отогнать мысли о супе, булочках, мясном рагу и яблочном пироге с мороженым, которые так и манили его в закусочную Фреда.

Глава 3

Почти ежедневно Стюарт Маккончи обедал в забегаловке неподалеку от телемагазина. Сегодня, войдя в закусочную Фреда, он с раздражением отметил, что в глубине зала поблескивает кресло Хоппи Харрингтона, а его владелец как ни в чем не бывало уплетает за обе щеки обед с таким видом, будто он здесь завсегдатай. «Черт возьми,— подумал Стюарт. Да он, похоже, о себе возомнил! Если так пойдет, то калеки вообще всех нас скоро вытеснят. А ведь я даже и не заметил, как он уехал из магазина».

Тем не менее Стюарт уселся за столик и взялся за меню. «Ни за что ему меня отсюда не выжить»,— решил Маккончи, пытаясь понять, какое фирменное блюдо предлагается сегодня и во сколько оно ему обойдется. Был как раз конец месяца, и денег у него было кот наплакал. Поэтому Стюарт с нетерпением ждал очередного полумесячного чека, который Фергюсон должен был дать в конце недели.

Не успел Стюарт проглотить ложку супа, как до ушей его донесся пронзительный голос калеки. Хоппи рассказывал какую-то байку, но кому? Может, Кони, официантке? Стюарт оглянулся и увидел, что возле кресла Хоппи стоят и официантка, и Тони, здешний повар, и все они внимательно слушают, причем на лицах обоих нет ни малейших признаков отвращения жутким видом инвалида.

Тут Хоппи наконец заметил Стюарта.

— Привет! — окликнул он продавца.

Стюарт едва заметно кивнул и отвернулся, снова принявшись за суп.

Калека между тем рассказывал им о своем изобретении, какой-то электрической штуковине, которую он собрал, а может, только собирался собрать — Стюарт так и не понял, впрочем, ему это было абсолютно неинтересно. Его совершенно не волновало, что там изобрел Хоппи, поскольку малыш буквально фонтанировал разными бредовыми идеями. «Наверняка очередная дурь какая-нибудь,— сказал себе Стюарт.— Какая-нибудь завиральная идейка... например, новое кресло с вечным двигателем.— Он даже усмехнулся, так ему понравилась эта мысль.— Надо непременно рассказать Лайтхейзеру,— решил он.— Вечный двигатель Хоппи для его калекомобиля». Тут уже Стюарт не смог удержаться и громко расхохотался.

Хоппи услышал его хохот и, очевидно, решил, что Стюарта рассмешил его собственный рассказ.

— Эй, Стюарт! — окликнул он продавца,— Давай за мой столик. Ставлю пиво.

«Вот придурок,— подумал Стюарт.— Неужели он не знает, что Фергюсон строго-настрого запрещает пить пиво в обед? Это закон: выпил пива — в магазин можешь не возвращаться, а чек с расчетом он вышлет тебе по почте».

— Послушай,— развернувшись к парнишке, сказал Маккончи,— когда поработаешь на Фергюсона подольше, сто раз подумаешь, прежде чем ляпнуть такое.

Калека вспыхнул и пробормотал:

— Ты что имеешь в виду?

В разговор вмешался повар:

— Фергюсон запрещает своим сотрудникам пить, это противоречит его религии, так ведь, Стюарт?

— Вот именно,— ответил Маккончи.— И лучше тебе это зарубить на носу.

— А я и не знал,— сказал калека.— Впрочем, сам я и не собирался пить пиво. К тому же не понимаю, какое право имеет работодатель указывать работникам, что им делать в свободное

время. Обеденный перерыв — наше личное время, и, если нам вздумается выпить пива, мы имеем на это полное право.— Его полный негодования голос дрожал. Сейчас он явно не шутил.

Стюарт заметил:

— Просто ему не хочется, чтобы от продавцов на работе несло как из бочки. Мне кажется, это правильно. Какая-нибудь пожилая покупательница могла бы устроить скандал.

— Допустим, для вас, продавцов, это еще разумно,— настаивал Хоппи,— но ведь я-то не продавец, я — ремонтник, и могу выпить пива, когда мне вздумается.

Повар явно был расстроен.

— Понимаешь, Хоппи...— начал он.

— Да и вообще, ты слишком молод, чтобы пить пиво,— сказал Стюарт. Теперь к их разговору прислушивались уже все посетители.

Калека густо покраснел.

— Нет, я уже совершеннолетний,— тихим напряженным голосом сказал он.

— Короче, пива ему не продаем,— сказала повару официантка Кони.— Он еще ребенок.

Запустив манипулятор в карман, Хоппи выудил оттуда бумажник, открыл его и положил на стол.— Мне двадцать один год,— сказал он.

Стюарт громко расхохотался.

— Фигня! — «Наверняка в бумажнике у него какая-то липа,— решил он.— Придурок либо сам сляпал ее, либо купил. Просто ему обязательно надо быть не хуже остальных, это у них у всех навязчивая идея».

Внимательно изучив удостоверение личности из бумажника, повар возвестил:

— Ага, точно, здесь говорится, что он совершеннолетний. Ладно, Хоппи, только вспомни: в прошлый раз, когда я отпустил тебе пиво, помнишь...

— Ты должен обслужить меня,— сказал Хоппи.

Повар, ворча, отправился к стойке и вскоре вернулся с закрытой бутылкой пива, которую и водрузил на стол перед Хоппи.

— Открывалку,— сказал калека.

Повар принес открывалку и швырнул ее на стол. Хоппи откупорил бутылку.

Тяжело вздохнув, калека приложился к бутылке.

«Интересно, что происходит,— подумал Стюарт, заметив, как повар и официантка — и даже пара постоянных посетителей —

смотрят на Хоппи.— Может, он сейчас вырубится или отмочит что-нибудь еще? Например, впадет в бешенство.— Он одновременно испытывал и отвращение, и какую-то неловкость.— Жаль, я не успел доесть,— подумал он,— а то давно бы уже свалил отсюда. Короче, что бы ни случилось, мне меньше всего на свете хочется при этом присутствовать. Ухожу,— решил он.— Вернусь в магазин и буду смотреть, как стартует ракета. Уж конечно куда лучше наблюдать за столь важным для всей страны полетом Дэнджерфилда, чем за этим уродом. Не стоит он того, чтобы тратить на него время».

Тем не менее он оставался на месте, поскольку стало происходить нечто необычное, причем связанное с Хоппи Харрингтоном. Он изо всех сил пытался отвести от калеки взгляд, но ничего не получалось.

Парень обмяк в своей коляске, будто собираясь заснуть. Сейчас голова его покоилась на ручке управления креслом, глаза были полузакрыты и как будто остекленели.

— Боже ты мой! — ахнул повар.— Снова! — С этими словами он обвел взглядом присутствующих, как бы умоляя их сделать хоть что-нибудь, но никто даже не пошевелился. Все неподвижно замерли на своих местах.

— Я так и знала,— злым, осуждающим голосом произнесла Кони.

Тут губы калеки вдруг задрожали и он пробормотал:

— Спросите. Пусть кто-нибудь задаст мне вопрос.

— Какой еще вопрос? — раздраженно огрызнулся повар. Он сердито махнул рукой, повернулся и ушел восвояси.

— Спросите меня,— повторил Хоппи глухим, каким-то далеким голосом, словно бы впав в транс. Наблюдая за ним, Стюарт понял, что это и есть транс, вроде того, какой бывает у эпилептиков. Больше всего на свете ему сейчас хотелось быть как можно дальше отсюда, но он так и не двинулся с места. Он, как и все остальные, просто не мог не наблюдать за происходящим.

Кони обратилась к Стюарту:

— Слушай, а может, ты откатишь его обратно в магазин? Давай-ка, да поживее! — она яростно сверкнула глазами, но Маккончи просто не мог ничего с собой поделать. Он пожал плечами и развел руки, демонстрируя свою беспомощность.

Снова что-то забормотав, калека забарахтался в кресле, манипуляторы его судорожно подергивались.

— Спросите меня об этом,— снова попросил он.— Давайте, пока не поздно. Я все вам расскажу, я снова вижу это.

Повар с кухни громко заметил:

— Слушайте, ребята, лучше спросите. Тогда и дело с концом. Я знаю, кто-нибудь из вас все равно спросит, а если нет, так я сам спрошу — лично у меня имеется парочка вопросов.— Он бросил свою лопаточку и вернулся к столику калеки.— Хоппи! — громко сказал он.— Прошлый раз ты говорил, что там совершено темно. Это так или нет? Совсем никакого света?

Губы калеки дрогнули.

— Немного света. Тусклого света. Желтоватого, как будто он вот-вот потухнет.

Подошел средних лет ювелир из магазинчика через дорогу и встал рядом со Стюартом.

— В тот раз я тоже был здесь,— прошептал он ему на ухо.— А знаешь, что он видит? Могу объяснить, Стю, он видит то, что находится *там*.

— Там — это где? — спросил Стюарт, полуобернувшись к ювелиру и в то же время не спуская глаз с калеки. Теперь все сгрудились вокруг кресла, боясь хоть что-нибудь пропустить.

— Сам понимаешь,— ответил мистер Кроуди.— На том свете. Загробная жизнь. Хочешь — смейся, Стюарт, но это истинная правда: стоит ему хлебнуть пива, как он впадает в транс, вот как сейчас, и у него прорезается оккультное зрение. Или что-то в этом роде. Спроси Тони, или Кони, или кого-нибудь из остальных, кто был здесь в прошлый раз.

Кони склонилась над сгорбленной дергающейся фигурой в кресле.

— Хоппи, а откуда исходит свет? От Бога? — Она нервно хихикнула.— Ну, знаешь, как в Библии описано. Так правда это или нет?

Хоппи, запинаясь, ответил:

— Серая тьма. Будто пепел. Потом бескрайняя равнина. Ничего, кроме горящих костров, свет исходит от них. Они горят вечно. Ничего живого.

— А сам ты где? — спросила Кони.

— Я... я плыву,— ответил Хоппи.— Плыву над самой землей... впрочем. Нет, теперь я высоко-высоко. Я невесом. У меня больше нет тела, поэтому я могу подняться на какую угодно высоту. Захочу — смогу висеть там, сколько мне вздумается. Мне совсем не обязательно спускаться вниз. Мне нравится тут, в вышине, и я могу летать вокруг Земли хоть целую вечность. Вот она, подо мной, и я могу просто кружить над ней и кружить.

Подойдя ближе к креслу, мистер Кроуди, ювелир, спросил:

— Э-э, Хоппи, а больше там никого нет? Неужели все мы там обречены на одиночество?

Хоппи пробормотал:

— Теперь... я вижу и других. Я спускаюсь вниз, я приземляюсь на серую равнину. Я иду вперед.

«Тоже мне, идет он,— подумал Стюарт.— Интересно, когда нет ног. Ну и ну, что за загробная жизнь! — Он рассмеялся про себя. Настоящий спектакль. Какая чушь». Тем не менее он тоже протиснулся поближе к креслу, чтобы лучше видеть происходящее.

— А скажи, это нечто вроде перерождения, ну, знаешь, как учат там, на Востоке? — между тем спрашивала пожилая посетительница в пальто.

— Да,— к всеобщему удивлению отозвался Хоппи.— Новая жизнь. У меня другое тело. Я могу делать все что угодно.

— Это прогресс,— заметил Стюарт.

— Да,— пробормотал Хоппи.— Прогресс. Я как все остальные, но только лучше. Я могу делать все, что могут они, и многое другое, что им недоступно. Я могу идти куда вздумается, а они — нет. Они не могут двигаться.

— С чего бы это? — спросил повар.

— Просто не могут, и все,— ответил Хоппи.— Они не могут подниматься в воздух, не могут ходить по дорогам или плавать на кораблях, они просто стоят на месте. Вообще все совсем иначе. Я вижу каждого из них, и для меня они с виду как мертвецы, прикованные к одному месту. Вроде трупов.

— А говорить они могут? — спросила Конни.

— Да,— ответил калека,— они могут переговариваться друг с другом. Но... им приходится...— Он смолк, а потом улыбнулся, на его узком лице была радость.— Они могут разговаривать только через меня.

«Интересно, что же все это значит? — думал Стюарт.— Похоже на какую-то маниакальную фантазию, в которой он правит миром. Скорее всего, своего рода психическая компенсация физической неполноценности... А что еще может придумать калека?»

Придя к такому выводу, Стюарт понял: ему больше не интересно. Он выбрался из толпы и вернулся за свой столик, где его дожидался обед.

В это время повар как раз задал очередной вопрос:

— Так там хороший мир или нет? Скажи. Он лучше нашего или хуже?

— Хуже,— сказал Хоппи. И добавил: — Хуже для вас. Это то, чего заслуживают все, это — справедливость.

— А для тебя он, значит, лучше? — полувопросительно, полуутвердительно заметила Кони.

— Да,— отозвался калека.

— Слушайте,— окликнул со своего столика Стюарт официантку,— разве вы не понимаете, что это просто психологическая компенсация того, что он калека? Только это и помогает ему жить, эти его мечты. Не понимаю, как вы можете принимать все это за чистую монету?

— А я и не принимаю,— возразила Кони.— Просто интересно. Я как-то читала про медиумов. Так их называют. Они впадают в трансы и тогда могут общаться с загробным миром, вроде как он. Неужели вы никогда не слыхали об этом? Думаю, это — научный факт. Правда же, Тони? — обратилась она за поддержкой к повару.

— Даже не знаю,— задумчиво протянул Тони, медленно возвращаясь к себе и снова беря в руки лопаточку.

Между тем калека как будто еще глубже погрузился в свой вызванный пивом транс. Более того, теперь он как будто спал, ничего не видя вокруг себя, во всяком случае, не видя окружающих его людей и не пытаясь более возвестить им то, что видит. Сеанс был окончен.

«Впрочем, никогда ничего нельзя знать наверняка,— напомнил себе Стюарт.— Интересно, как бы Фергюсон поступил, узнав об этом? Вряд ли он захотел бы держать на работе парня, который не только калека, но еще и страдает то ли эпилепсией, то ли еще чем-то в этом роде. Даже не знаю, когда вернусь в магазин, стоит или не стоит рассказывать ему о том, что здесь произошло. Если он услышит такое, то, скорее всего, тут же вытолкнет Хоппи в шею, и трудно будет винить его за это. Нет, наверное, все-таки ничего рассказывать не нужно»,— наконец решил он.

Тут калека снова открыл глаза и слабым голосом позвал:

— Стюарт!

— Чего? — отозвался Стюарт.

— Я...— Голос калеки был слабым, как у больного. Скорее всего, пережитое оказалось не по силам слабому организму.— Слушай, как думаешь...— Тут он сел попрямее и медленно покатил к столику, за которым сидел Стюарт. Подъехав, он негромко произнес: — Ты не мог бы проводить меня до магазина. Не прямо сейчас, конечно, а когда доешь. Я был бы тебе очень благодарен.

— А зачем? — удивился Стюарт.— Сам, что ли, не можешь?

— Паршиво себя чувствую,— ответил калека.

Стюарт кивнул.

— О'кей. Вот доем и провожу.

— Спасибо,— поблагодарил его Хоппи.

Не обращая больше внимания на калеку, Стюарт молча продолжал трапезу. «Как бы мне хотелось, чтобы наше с ним знакомство не было столь очевидным,— думал он.— Вот бы он откатился куда-нибудь в сторонку и ждал». Но калека сидел в своем кресле, потирая лоб манипулятором. И по его виду было ясно, что он слишком устал, чтобы куда-нибудь ехать, даже обратно к своему столику в дальнем конце зала.

Чуть позже, когда Стюарт шел рядом с креслом Хоппи по тротуару по направлению к магазину, калека вдруг заговорил:

— Это ведь большая ответственность,— заглядывать в мир иной.

— Ага,— сквозь зубы процедил Стюарт, продолжая демонстрировать холодность — он выполнял просьбу, но и только. Его попросили проводить, вот он и провожает. Если я помогаю тебе, думал он, это вовсе не значит, что я должен с тобой болтать.

— В первый раз, когда это случилось...— продолжал калека, но тут Стюарт оборвал его.

— Мне все это нисколечко не интересно,— отрубил он. И добавил: — Я лишь хочу вернуться к магазину и посмотреть, запустили ракету или нет. Скорее всего, она уже на орбите.

— Скорее всего,— подтвердил калека.

На перекрестке они остановились, дожидаясь зеленого света.

— В первый раз, когда это случилось,— снова начал калека,— у меня просто душа в пятки ушла.— Тут они двинулись через дорогу, и парнишка продолжил: — Я сразу врубился, что́ именно вижу. Весь этот дым. И костры... все какое-то расплывчатое. Ужас какой-то.— От воспоминаний Хоппи передернуло.— А разве теперь там страшно? Лично мне — нет.

— Ну и отлично,— кратко ответил Стюарт.

Само собой, калека парировал:

— Конечно, ты же не такой урод, как я.

Стюарт лишь что-то буркнул себе под нос.

— А знаешь, какое у меня самое первое детское воспоминание? — тихо спросил калека.— Как меня несут в церковь в одеяле. А потом кладут на скамью. Как...— Его голос дрогнул.— Меня приносили и уносили завернутым в это одеяло, чтобы никто не увидел меня. Это была идея моей матери. Она ни за что не соглашалась, чтобы отец носил меня на спине, где меня всем было бы видно.

Стюарт снова буркнул что-то неопределенное.

— Какой ужасный мир,— сказал калека.— Когда-то приходилось страдать вам, неграм. Впрочем, живи вы на Юге, вы бы и сейчас страдали. Вы забыли об этом лишь потому, что вам позволили забыть, а вот таким, как я, забыть не дают. Впрочем, мне и не хочется забывать, я имею в виду — насчет себя. В том, другом мире все будет по-иному. Да ты и сам это поймешь, поскольку тоже там окажешься.

— Нет,— сказал Стюарт.— Если умру, то умру. У меня нет души.

— Окажешься, окажешься,— сказал калека, и Стюарту показалось, что в его голосе появились злорадство и нотки какого-то злобного удовлетворения.— Я точно знаю.

— Откуда?

— Оттуда,— ответил калека.— Однажды я видел тебя.

Неожиданно для себя испугавшись, Стюарт выдавил:

— А...

— Один раз точно,— настаивал Хоппи, теперь в его голосе появилась твердость.— Это был ты, совершенно точно. И знаешь, что ты там делал?

— Нет.

— Ты жрал дохлую крысу.

Стюарт ничего не сказал, но катил кресло все быстрее и быстрее, стараясь как можно быстрее снова оказаться в магазине.

Когда они вернулись в магазин, перед телевизором все еще стояла толпа. Запуск состоялся только что: ракета едва оторвалась от земли, и еще не было окончательно ясно, все ли ступени сработали как надо.

Хоппи покатился вниз, в мастерскую, а Стюарт остался наверху смотреть телевизор. Но слова калеки так расстроили его, что он никак не мог заставить себя сосредоточиться на передаче. В конце концов он отошел в сторонку, а потом, заметив, что Фергюсон у себя в кабинете, отправился туда.

Фергюсон сидел за столом, перебирая контракты и счета. Стюарт, приблизившись к столу, начал:

— Послушайте, этот чертов Хоппи...

Фергюсон оторвался от бумаг.

— Впрочем, ладно, ерунда,— смущенно сказал Стюарт, у которого вдруг пропала всякая охота рассказывать о случившемся.

— Я смотрел, как он работает,— сказал Фергюсон.— Я спускался вниз и незаметно наблюдал за ним. Согласен, в нем есть что-то неприятное. Однако парнишка он толковый. Я видел отре-

монтированные им вещи, и все было сделано правильно, а это — самое главное.— Он хмуро взглянул на Стюарта.

— Я же сказал, забудьте,— повторил Стюарт.

— Так они все-таки запустили ракету?

— Только что.

— Из-за этого цирка мы сегодня не продали ни единого телевизора,— заметил Фергюсон.

— Ничего себе цирк! — возмущенно воскликнул Стюарт, уселся на стул и повернулся так, чтобы видеть торговый зал.— Да это же история!

— Нет, это просто еще один повод увильнуть от работы.— С этими словами Фергюсон снова занялся бумагами.

— Слушайте, все-таки, пожалуй, стоит рассказать вам, что натворил Хоппи.— Стюарт наклонился к Фергюсону.— Там, в забегаловке Фреда.

Фергюсон снова оторвался от бумаг и уставился на него.

— У него случился припадок,— продолжал Стюарт.— Совсем крыша поехала.

— Правда? — расстроенно спросил Фергюсон.

— Все началось после того, как он выпил пива. И после этого смог заглянуть на тот свет. И увидел, как я там жру дохлую крысу. Причем сырую. Так он сказал.

Фергюсон громко расхохотался.

— Не вижу ничего смешного.

— Зато я вижу. Он просто разыграл тебя в отместку за все твои подначки, а ты оказался настолько глуп, что проглотил наживку.

— Да нет, он и вправду все это видел,— настаивал на своем Стюарт.

— А меня он там видел?

— Не сказал. С ним такое уже не в первый раз. Там, в кафе, его поят пивом, он впадает в транс, а посетители задают ему всякие вопросы. Вот на что это похоже. Я-то там случайно оказался — просто зашел пообедать. Даже не видел, как он укатил из магазина, и понятия не имел, что встречу его в кафе.

Некоторое время нахмурившийся Фергюсон сидел молча, видимо, обдумывая услышанное, потом потянулся и нажал кнопку интеркома, соединяющего его кабинет с мастерской.

— Хоппи, поднимись-ка в офис. Нужно поговорить.

— Я вовсе не собирался закладывать его,— сказал Стюарт.

— Еще как собирался! — отозвался Фергюсон.— Но я все равно должен знать об этом. Это моя обязанность — знать, что

делают мои сотрудники в общественных местах, в особенности если их поведение может повредить репутации магазина.

Некоторое время они ждали. Вскоре послышался натужный скрип поднимающегося по лестнице кресла.

Стоило Хоппи появиться в дверях, как он тут же заявил:

— Что я делаю в обеденный перерыв, мистер Фергюсон, это мое личное дело. Во всяком случае, я так считаю.

— Ты заблуждаешься,— возразил Фергюсон.— Это еще и мое дело. Ты видел там, в загробном мире, меня... ну, как Стюарта? Что я делал? Я желаю это знать и советую тебе дать хороший ответ, иначе, считай, ты уволен — в тот же самый день, что и принят на работу.

Калека негромко, но очень твердо ответил:

— Я не видел вас там, мистер Фергюсон, потому что ваша душа канула в вечность и никогда не возродится.

Фергюсон несколько мгновений молча пялился на парнишку.

— С чего бы это? — наконец спросил он.

— Такая уж ваша судьба,— ответил Хоппи.

— Так я вроде никогда не делал ничего противозаконного или аморального.

Калека пояснил:

— Это космический процесс, мистер Фергюсон. Я тут ни при чем.— После этого он замолк.

Повернувшись к Стюарту, Фергюсон заметил:

— Вот тебе и на. Задашь дурацкий вопрос, получишь дурацкий ответ.— Повернувшись к Хоппи, он спросил: — А еще кого-нибудь из знакомых мне людей ты там видел? Ну, мою жену, например? Хотя нет, ты ведь ее не знаешь. А как насчет Лайтхейзера? Что будет с ним?

— Нет, я его тоже не видел,— ответил калека.

Фергюсон спросил:

— А как ты починил тот проигрыватель? Я имею в виду: как ты на самом деле его починил? Это было больше похоже на то, как если бы ты исцелил его. Мне показалось, что ты не заменил сломанную пружину, а снова сделал ее целой. Как это произошло? Может, это одна из так называемых экстрасенсорных, или как их там, способностей, а?

— Я починил его,— холодно ответил Хоппи.

Обернувшись к Стюарту, Фергюсон пояснил:

— Он ни за что не признается. Но я все видел собственными глазами. Он как-то странно сконцентрировался на ней. Может, Маккончи, в конечном счете ты и был прав: может, все же не

стоило брать его на работу. Однако самое главное — это результат. Послушай, Хоппи, теперь, когда ты работаешь у меня, я не желаю, чтобы ты на людях баловался этими своими трансами. Раньше это касалось только тебя, теперь — нет. Хочешь впадать в транс — будь добр, занимайся этим дома, ясно? — С этими словами он снова взялся за бумаги.— Это все. А теперь, ребята, довольно прохлаждаться. Марш по местам, и займитесь делом.

Калека тут же развернул кресло и покатил прочь. Стюарт, сунув руки в карманы, последовал за ним.

Спустившись вниз и подойдя к окружающей телевизор толпе, он услышал, как диктор взволнованно сообщает, что, по предварительным данным, все три ступени ракеты сработали как надо.

«Хорошие новости,— подумал Стюарт.— Светлая Глава в истории человечества». Теперь он чувствовал себя немного лучше, поэтому отошел к прилавку и встал возле него так, чтобы видеть телевизионный экран.

«И с чего это мне жрать дохлую крысу? — спросил он сам себя.— Должно быть, это ужасный мир, мир этой следующей реинкарнации, если в нем приходится совершать подобные вещи. Даже не поджарить ее, а просто поймать и обглодать до косточек. А может,— подумал он,— сожрать с костями и шкуркой, а то и с хвостом заодно». От этой мысли его передернуло.

«Интересно, как же мне теперь следить за историческими событиями,— возмущенно подумал Стюарт,— когда приходится раздумывать обо всякой гадости вроде дохлых крыс — ведь мне хочется полностью сосредоточиться на разворачивающемся перед моими глазами великом действе, а вместо этого голова моя забита мерзостью, вложенной в нее этим юным садистом, этим радиационно-таблеточным уродом, которого ни с того ни с сего нанял Фергюсон. Проклятье!»

Тут он представил себе Хоппи, но не как нуждающегося в кресле безрукого и безногого калеку, а как существо, обладающее способностью летать, ставшее каким-то непостижимым образом владыкой всех остальных, владыкой — как сказал сам Хоппи — мира. Эта мысль оказалась даже еще более противной, чем мысли о крысе.

«Он наверняка видел много чего еще,— подумал Стюарт,— о чем просто не собирается рассказывать, нарочно умалчивает. Он рассказывает нам ровно столько, сколько нужно, чтобы нас покорежило, а потом затыкается. Если он может впадать в транс и видеть загробный мир, то, значит, видит практически все, потому что там все и есть. Только вот не верю я в эти восточные штучки. То есть в то, что не относится к христианству».

Однако он верил тому, что сказал Хоппи, верил, поскольку все видел собственными глазами. Это был самый настоящий транс. Это-то уж, во всяком случае, точно было правдой.

Хоппи явно видел что-то. И это что-то было поистине ужасным, в этом тоже сомневаться не приходилось.

Интересно, что же еще он видит? Вот бы заставить засранца выложить все. Что еще узнал обо мне, обо всех нас этот извращенный, порочный разум?

«Жаль,— думалось Стюарту,— что я сам не могу туда заглянуть». Это казалось ему крайне важным, важным настолько, что он даже отвел глаза от экрана. Сейчас он совершенно забыл об Уолтере и Лидии Дэнджерфилд и о том, что на его глазах творится история. Его мысли были полностью захвачены Хоппи и происшествием в кафе. Ему страшно хотелось выбросить все эти мысли из головы, но из этого ничего не выходило.

Он думал и думал...

Глава 4

Шум мотора вдалеке заставил мистера Остуриаса повернуть голову и посмотреть, что там такое движется по дороге. Стоя на опушке дубовой рощи, расположенной на склоне холма, Остуриас прикрыл ладонью глаза и увидел внизу, на дороге, инвалидную коляску Хоппи Харрингтона. Сидящий в ней калека осторожно объезжал многочисленные рытвины. Но такой громкий звук никак не мог исходить от инвалидного кресла, оно питалось от аккумулятора.

«Да ведь это же грузовик»,— наконец сообразил мистер Остуриас. Один из переделанных на газогенераторы стареньких грузовиков Ориона Строда. Машина двигалась на большой скорости, догоняя инвалидную коляску Хоппи. Похоже, калека до сих пор не слышал, что его нагоняет здоровенный грузовоз.

Дорога принадлежала Ориону Строду — он выкупил ее у графства за год до того, ему было вменено в обязанность ремонтировать ее и не препятствовать движению любых транспортных средств, не только его собственных. Причем дорожную плату ему брать запрещалось. И все же, несмотря на соглашение, грузовик явно собирался сшибить с дороги инвалидное кресло — он несся прямо на него и сворачивать, похоже, не собирался.

«Боже»,— ужаснулся мистер Остуриас. Он непроизвольно вскинул руку, как бы пытаясь остановить машину. Сейчас автомобиль уже почти догнал коляску Хоппи, который по-прежнему и ухом не вел.

— Хоппи! — истошно возопил мистер Остуриас, и его голос эхом разнесся в полуденной лесной тишине — его голос и рев автомобильного двигателя.

Калека поднял голову, огляделся, но не заметил кричавшего, продолжая катиться вперед, а грузовик тем временем уже почти нагнал его. От ужаса мистер Остуриас даже зажмурился. Когда он снова открыл глаза, инвалидное кресло стояло на обочине, а грузовик с ревом летел мимо, но Хоппи был в безопасности: видимо, ему удалось свернуть в сторону в самый последний момент.

Он с улыбкой погрозил манипулятором вслед удаляющемуся чудовищу. Происшедшее явно нисколько не напугало его, хотя он наверняка догадался, что грузовик собирался раздавить его в лепешку. Хоппи обернулся и помахал мистеру Остуриасу. Он не видел его, но знал, что тот где-то неподалеку.

У учителя начальной школы мистера Остуриаса тряслись руки. Он нагнулся, поднял свою пустую корзинку и двинулся в глубь рощи, в густую тень старых деревьев. Мистер Остуриас пришел сюда собирать грибы. Теперь он спокойно развернулся спиной к дороге, зная, что Хоппи в безопасности, а следовательно, теперь можно выкинуть из головы и его, и то, чему он только что стал свидетелем. Теперь мысли учителя были сосредоточены лишь на одном, на большущих рыжих Cantharellus cibarius, а в просторечии лисичках.

Ага, а вот и она, оранжевый кружок на фоне черного гумуса, мясистый душистый цветок, едва виднеющийся из-под палой листвы. Мистер Остуриас уже буквально чувствовал на языке его вкус. Лисичка было крупной и свежей, она явно появилась тут после недавнего дождичка. Нагнувшись, он обломил ее под самый корешок и осторожно положил в корзинку. Еще одна такая же, и на ужин хватит. Присев на корточки, он принялся обшаривать взглядом поляну.

А вон и еще одна, может, не такая яркая, наверное, чуть постарше... Он поднялся и крадучись двинулся к ней, как будто боясь спугнуть ее или потерять из виду. Лисички он любил больше всего на свете, даже больше, чем отборные грибы-навозники. Он знал множество мест, где росли лисички, тут и там, по всему графству Уэст-Марино, на склонах холмов, поросших дубами, в густых лесах. В принципе, он собирал восемь разновидностей лесных и полевых грибов. Он уже много лет занимался этим, знал, где лучше искать, и занятие того стоило. Большинство людей боялось есть грибы, особенно после катастрофы. А

больше всего народ боялся новых грибов, грибов-мутантов, поскольку они не были описаны ни в каких книгах.

«Вот, например,— подумал мистер Остуриас,— та, которую он только что нашел... вроде бы цвет немного не тот. Он достал гриб и внимательно изучил его. Да, возможно, это псевдолисичка, которая до сих пор в окрестностях не встречалась — несъедобная или даже смертельно ядовитая, какая-то мутация. Он понюхал гриб и ощутил запах плесени.

«Интересно, стоит есть красавицу, или нет? — спросил он себя.— Если уж калека проявил такую выдержку перед лицом опасности, мне и сам Бог велел».

Он положил лисичку обратно в корзинку и продолжил путь.

Снизу, с дороги, до его ушей донеслись странные звуки, резкие и крайне неприятные. Мистер Остуриас остановился и прислушался. Когда звуки послышались снова, учитель быстро двинулся назад и вскоре снова вышел на опушку.

Кресло никуда не уехало и по-прежнему стояло на обочине, а в нем, сгорбившись, сидел безрукий и безногий калека. Что он там делает? Тут Хоппи распрямился, поднял голову, и к своему удивлению мистер Остуриас понял, что тот плачет.

«Страх»,— догадался мистер Остуриас. Парень страшно испугался грузовика, но просто поначалу не подал виду, каким-то невероятным усилием подавил его, глубоко упрятал до тех пор, пока грузовик не исчез за поворотом, до тех пор, когда, как посчитал Хоппи, его больше никто не увидит и он окажется в полном одиночестве. Только тогда он дал волю эмоциям.

«Но если ты так перепугался,— задумался мистер Остуриас,— то почему так долго не уступал грузовику дорогу?»

Между тем там, внизу, на дороге, худенькое тело содрогалось, раскачивалось взад и вперед, узкое лицо было искажено гримасой невыносимого горя. «Интересно, что бы сказал по этому поводу доктор Стокстилл, наш доктор? — подумал мистер Остуриас. Ведь, кроме всего прочего, до катастрофы он вроде был психиатром. У него всегда был куча теорий по поводу Хоппи, насчет того, что удерживает его в этой жизни».

Коснувшись пальцами двух лежащих в корзинке грибов, мистер Остуриас подумал: «Ведь все мы в этой жизни очень близки к смерти». Неужели раньше в этом плане было намного лучше? Канцерогенные инсектициды, смог, заволакивающий ядовитой пеленой целые города, авто- и авиакатастрофы... Нет, и тогда жизнь была далеко не безопасной. Нелегкая, прямо сказать, тогда была жизнь. И тогда, и ныне надо было уметь вовремя отскочить на обочину.

«Мы должны брать от жизни все самое лучшее»,— сказал Остуриас себе. И снова перед мысленным взором учителя возникла аппетитная сковородка с жареными на настоящем масле лисичками, приправленными чесноком, имбирем и домашним мясным бульоном... Какая это будет роскошная трапеза! Кого же еще пригласить на ужин? Наверное, кого-то, кто ему особенно симпатичен, или какого-нибудь нужного человека. «Вот найти бы еще немножко грибов, и тогда можно бы было позвать Джорджа Келлера,— прикинул он.— Джордж — мой начальник. А может, даже и кого-нибудь из членов школьного совета, даже самого Ориона Строда, этого здоровенного, грузного детину. Кроме того, можно бы было пригласить заодно и супругу Джорджа, Бонни Келлер, самую хорошенькую женщину в Уэст-Марино, а возможно, и во всем графстве. Вот человек,— подумал он,— который ухитрился выжить в современном обществе... Впрочем, оба Келлера вполне приспособились к жизни после катастрофы. Более того, сейчас им, пожалуй, жилось даже лучше, чем до нее».

Взглянув на солнце, мистер Остуриас мысленно прикинул, который час. Похоже, было около четырех. Пора бежать домой, чтобы послушать передачу с пролетающего где-то в вышине спутника. «Ни за что нельзя пропустить,— твердил он себе, сворачивая в сторону дома.— Ни за какие, как говорится, коврижки». Слушали практически все; да, этот парень там, в спутнике, на сей раз выбрал особенно удачную книгу. Моэмовское «Бремя страстей человеческих» — он прочитал уже сорок глав, и книга становилась все интереснее. «Интересно, а догадывается ли он об этом? — спросил себя мистер Остуриас.— Жаль, я не могу поблагодарить его — отсюда, из Уэст-Марино, с ним не свяжешься. Плохо. Он наверняка был бы страшно рад».

Должно быть, Уолту Дэнджерфилду там, на спутнике, очень одиноко,— продолжал размышлять мистер Остуриас.— День за днем кружить вокруг Земли. Какое ужасное несчастье — потерять любимую жену. Эта трагедия очень изменила Уолта, и это сразу стало заметно. Вот если бы удалось как-то вернуть его... Но если он вернется на родную планету, мы больше не сможем слушать его. «Нет,— пришел к заключению мистер Остуриас,— спускать его было бы неразумно, поскольку он уже вряд ли когда оправится от пережитого. Скорее всего, после долгих лет, проведенных в этой штуке, у него поехала крыша».

Крепко прижимая к себе корзинку с грибами, он поспешил в направлении Пойнт-Рейс-Стейшн, где имелось единственное на всю округу радио, единственная нить, связывающая их с Уолтом

Дэнджерфилдом там, на спутнике, а через него и со всем остальным миром.

— Человек, обуреваемый навязчивой идеей,— сказал доктор Стокстилл,— живет в мире, где все приходит в упадок. Это свидетельствует об очень глубоком проникновении в суть вещей. Сами посудите.

— В таком случае у нас у всех навязчивые идеи,— заметила Бонни Келлер,— поскольку именно такой процесс и идет вокруг нас... разве нет? — Она улыбнулась ему, и он не смог удержаться от ответной улыбки.

— Можете смеяться,— продолжал доктор,— но сейчас психиатрия приобретает особую важность, может быть, куда большую, чем раньше.

— А по мне так она вообще ни к чему,— парировала Бонни.— Я не уверена даже, так ли уж она была нужна тогда, хотя и думала, что нужна. Более того, я буквально преклонялась перед ней.

Возящаяся у стола на другом конце большой комнаты Джун Роб оглянулась.

— Прошу вас, потише. Сейчас мы его услышим.

«Ну вот, начальство подало голос,— подумал доктор Стокстилл,— и мы делаем, как нам велят. Даже не верится, что эта женщина до катастрофы была простой машинисткой в местном отделении „Бэнк оф Эмерика“».

Бонни нахмурилась и хотела было резко поставить миссис Роб на место, но сдержалась и, склонившись к доктору Стокстиллу, сказала ему на ухо:

— Давайте выйдем на улицу. Вот-вот должны подойти Джордж с Эдди. Пойдемте.— Она взяла его за руку и потащила за собой мимо сидящих людей к выходу. Вскоре доктор Стокстилл оказался снаружи, на крыльце.

— Ох уж мне эта Джун Роб,— сказала Бонни.— Слишком много на себя берет.— Она бросила взгляд на дорогу, проходящую мимо Форестер-Холла.— Нет, что-то не видно ни мужа, ни дочери. Даже нашего доброго учителя еще нет. Остуриас небось, как обычно, собирает по лесам свои ядовитые поганки, чтобы разом всех нас прикончить. Да и Хоппи еще не подъехал, где он, интересно, шляется! — Она замолчала, глядя вдаль. В свете наступающих сумерек Бонни показалась доктору Стокстиллу особенно привлекательной. На ней были шерстяной свитер, длинная, сшитая вручную юбка из плотной ткани, а волосы были забраны в тугой

рыжий узел. «Какая же все-таки очаровательная женщина,— подумал он.— Как жаль, что о ней ходят всякие слухи. Да еще какие слухи!»,— с невольным злорадством добавил он про себя.

— Ага, ну вот и мой дражайший муженек,— сказала Бонни.— Наконец-то покончил со своими школьными делами. А вон и Эдди.

На дороге показалась высокая худощавая фигура директора начальной школы. Рядом с ним, держась за руку, шествовала уменьшенная копия Бонни — маленькая рыжеволосая девочка с ясными, умными и необычайно темными глазенками. Вскоре они подошли к крыльцу, и Джордж в знак приветствия улыбнулся.

— Что, уже началось? — спросил он.

— Еще нет,— ответила Бонни.

Малышка Эдди тут же вмешалась:

— Это хорошо, потому что Билл терпеть не может пропускать. У него от этого настроение портится.

— А кто такой Билл? — спросил ее доктор Стокстилл.

— Мой братишка,— спокойно ответила Эдди с достоинством семилетнего ребенка.

«А я и не знал, что у Келлеров двое детей»,— подумал Стокстилл, немало озадаченный услышанным. К тому же он никогда не видел второго ребенка, до этого он встречал только Эдди.

— И где же он? — спросил доктор.

— Со мной,— ответила Эдди.— Как всегда. Вы разве не знакомы с Биллом?

Тяжело вздохнув, Бонни сказала:

— Воображаемый товарищ по играм.

— И никакой он не воображаемый,— возразила ее дочь.

— Ну ладно, ладно,— раздраженно сказала Бонни.— Настоящий. Познакомьтесь с Биллом,— обратилась она к доктору Стокстиллу.— Это брат моей дочери.

Немного помолчав и, видимо, сосредоточившись так, что лицо ее при этом напряглось, Эдди наконец сказала:

— Билл рад познакомиться с вами, доктор Стокстилл. Он передает вам привет.

Стокстилл рассмеялся:

— Скажи ему, что я тоже очень рад познакомиться с ним.

— А вон и Остуриас появился,— заметил Джордж Келлер, указывая рукой на приближающегося учителя.

— Со своим ужином,— проворчала Бонни.— Интересно, почему он не учит остальных искать свои любимые грибы? Ведь он же наш «учитель». Зачем тогда нужны учителя? Кстати, Джордж, тебе никогда не приходило в голову...

— Если бы он научил нас,— сказал Стокстилл,— мы бы уже давно съели все грибы. Он прекрасно знал, что вопрос Бонни чисто риторический. Пусть большинство знакомых и не одобряло увлечения мистера Остуриаса, все уважали его тайное пристрастие. Никто не сомневался в том, что он имеет право хранить свои грибные тайны. Ведь у каждого из них была и своя собственная тайна. «В противном случае,— подумал он,— люди просто не могли бы осознавать, что они по-прежнему живы. Они бы попросту присоединились к подавляющему большинству, к бесчисленным безмолвным мертвецам, могилы которых они попирают ногами, к тем миллионам погибших, которых некоторые считают счастливцами, а другие — несчастными». Иногда ему казалось, что более приемлема пессимистическая точка зрения, и в такие дни он считал погибших счастливчиками. Но пессимизм скоро проходил. Во всяком случае, сейчас, стоя в сумерках на крыльце в каком-нибудь футе с небольшим от Бонни Келлер, настолько близко, что мог бы легко коснуться ее, он никакого пессимизма не ощущал... Впрочем, касаться ее, пожалуй, не стоило. «Скорее всего,— прикинул он,— она просто отвесит мне пощечину. Старую добрую оплеуху, звук которой обязательно донесется и до ушей Джорджа».

Он хмыкнул. Бонни бросила на него подозрительный взгляд.

— Прошу прощения,— сказал он.— Замечтался.

К ним, спотыкаясь, бежал мистер Остуриас. Лицо его от непосильной нагрузки побагровело.

— Пойдемте внутрь,— натужно выдохнул он.— А то как бы не пропустить чтения мистера Дэнджерфилда.

— Послушайте, все это ерунда,— сказал Стокстилл.— Сами же знаете, вернется Милдред, снова войдет в его жизнь, и он снова будет несчастен. Вы же не хуже меня знаете книгу... да и все мы ее знаем наизусть.— Его страшно забавляла озабоченность учителя.

— А я и вообще сегодня его слушать не собиралась,— сказала Бонни.— Терпеть не могу, когда на меня шикают особы вроде Джун Роб.

Бросив на нее мимолетный взгляд, Стокстилл заметил:

— Что ж, в следующем месяце можем выбрать главой общины вас.

— По мне так Джун требуется помощь психоаналитика,— откликнулась Бонни.— Слишком уж она агрессивна, слишком мужеподобна. Это противоестественно. Может, как-нибудь заманите ее к себе да позанимаетесь пару часиков?

Стокстилл ответил:

— Пытаетесь наградить меня еще одним пациентом, да? Но я еще и предыдущего не забыл.— Впрочем, забыть его было трудно, поскольку именно в тот день на Залив была сброшена бомба. «Много лет назад,— подумал он.— Как выразился бы Хоппи, в другой реинкарнации».

— Вы бы очень помогли ему,— сказала Бонни,— если бы смогли излечить, но скорее всего у вас просто нет времени.

— Спасибо, что заступаетесь за меня,— с улыбкой сказал Стокстилл.

Мистер Остуриас заметил:

— Кстати, доктор, сегодня я заметил в поведении нашего несчастного калеки нечто странное. Хотел посоветоваться с вами по этому поводу, если вы не против. Должен признаться, он слегка озадачил меня... да и вообще вызывает у меня любопытство. Особенно поразительна эта его способность жить вопреки всем жизненным невзгодам — этого у Хоппи не отнять. Более того, его пример очень важен, если вы понимаете, что я имею в виду, для всех нас. Если уж он способен на такое...— тут учитель замолчал, потом сменил тему: — Думаю, нам пора.

Стокстилл обратился к Бонни:

— Кто-то мне сказал, будто в прошлый раз Дэнджерфилд упомянул о вашем старом приятеле.

— О Бруно? — Бонни мгновенно насторожилась.— Так, значит, он еще жив, да? Впрочем, я в этом никогда не сомневалась.

— Нет, Дэнджерфилд говорил не об этом. Он просто едко прошелся по поводу первой большой катастрофы. Ну, помните, той, что случилась в тысяча девятьсот семьдесят втором.

— Ну конечно,— напряженным голосом ответила она.— Конечно, помню.

— Так вот, судя по словам рассказавшего мне об этом человека, Дэнджерфилд...— На самом деле он прекрасно помнил, кто именно рассказал ему об очередной удачной остроте Дэнджерфилда — это была Джун Роб, но ему не хотелось лишний раз раздражать Бонни.— Так вот, Дэнджерфилд сказал следующее: «Теперь мы все живем в катастрофе Бруно. Мы все — призраки семьдесят второго». Разумеется, в этом нет ничего особо оригинального, нечто в этом роде мы слышали и раньше. Думаю, мне просто не удалось дословно передать шутку Дэнджерфилда... ну, знаете, эту его характерную манеру остроумно высказываться по самым разным поводам. Никто не умеет представить тему под самым неожиданным углом так, как он.

Мистер Остуриас остановился у входа в Форестер-Холл, обернулся и теперь слушал их разговор. Потом подошел к ним.

— Бонни,— спросил он,— а вы были знакомы с Бруно до катастрофы?

— Да,— ответила она.— Я некоторое время работала в Ливерморе.

— Но сейчас-то его уже наверняка нет в живых,— сказал мистер Остуриас.

— А мне всегда казалось, что он по-прежнему жив,— холодно заметила Бонни.— Он — великий человек, и катастрофа семьдесят второго года — вовсе не его вина. Просто ответственность на него возложили те, кто ничего об этом не знает.

Больше не говоря ни слова, мистер Остуриас повернулся к ней спиной, поднялся по ступенькам и скрылся внутри.

— Да, этого у вас не отнимешь,— сказал ей Стокстилл.— Вы никогда не таите своего мнения.

— Кто-то же должен раскрывать людям глаза,— сказала Бонни.— Все, что мистер Остуриас знает о Бруно, он вычитал в газетах. Ох уж эти газеты! Хоть в этом плане жить стало лучше — газет больше нет, если, конечно, не считать этого дурацкого листка *«Вести и Мнения»*. Но этот листок бумаги газетой считать трудно. Нужно отдать должное Дэнджерфилду: лжецом его никак не назовешь.

Они с доктором Стокстиллом в сопровождении Джорджа и Эдди проследовали за мистером Остуриасом внутрь, в битком набитый людьми Форестер-Холл, чтобы послушать очередную передачу Дэнджерфилда со спутника.

Сидя и слушая шорох статических разрядов, на фоне которого звучал знакомый голос, мистер Остуриас размышлял о Бруно Блутгельде и о том, что физик, возможно, жив. Бонни вполне может оказаться права. Она хорошо знала Бруно, а то, что, как ему удалось подслушать из ее разговора со Стокстиллом (хотя подслушивать в наши дни — дело довольно рискованное, но он просто не смог удержаться), она отправила Блутгельда на лечение к психиатру, лишь подтверждало его самые мрачные подозрения: этот доктор Бруно Блутгельд еще за несколько лет до катастрофы был серьезно болен, был опасным безумцем как в личной жизни, так и по отношению к обществу.

Впрочем, это никогда не было тайной. Общество, как-то по-своему, отдавало себе отчет: с этим человеком творится нечто неладное. В его публичных заявлениях просто сквозила какая-то навязчивость, болезненность, лицо всегда искажала мучительная

гримаса, а речь была сложной и путаной. И Блутгельд всегда распинался о каких-то врагах, об их тактике инфильтрации, о систематической подрывной работе в государственных учреждениях, в школах и общественных организациях, словом, во всей инфраструктуре страны. Враги мерещились Блутгельду повсюду: в книгах и кинофильмах, в людях, в политических организациях, проповедующих взгляды, противоречащие его собственным. И, разумеется, он умел убеждать, проповедовал свои идеи в манере, присущей интеллигентному, образованному человеку. Он ничуть не был похож на какого-нибудь невежественного проповедника, брызжущего слюной и хрипящего на митинге в захолустном южном городке. Нет, Блутгельд всегда говорил очень умно, умело, профессионально. И все же в конечном счете его выступления были не более разумными, рациональными или умеренными, чем пьяные откровения пьяницы и бабника Джо Маккарти и ему подобных.

Кстати, в студенческие годы мистеру Остуриасу однажды довелось пообщаться с Джо Маккарти, и тот показался ему весьма симпатичным человеком. Зато Бруно Блутгельда симпатичным назвать было трудно, а ведь мистер Остуриас в свое время познакомился и с ним. Причем это было не просто знакомство. Он и Блутгельд одно время работали в Калифорнийском университете; разумеется, Блутгельд был профессором, деканом факультета, а Остуриас — простым преподавателем. Но они неоднократно встречались и спорили, схватывались как с глазу на глаз — в коридорах после занятий,— так и на людях. И в конце концов Блутгельд добился увольнения мистера Остуриаса.

Особого труда это не составило, поскольку мистер Остуриас в то время принимал активное участие в деятельности множества небольших радикальных студенческих организаций, выступающих за мир с Советским Союзом и Китаем и отстаивающих прочие подобные идеи. Кроме того, он активно выступал за запрет атомных испытаний, которые доктор Блутгельд продолжал пропагандировать даже после катастрофы. Более того — мистер Остуриас публично осудил испытания в 72-м и назвал их примером психоза на высшем уровне... критика непосредственно в адрес Блутгельда, который, несомненно, так ее и расценил.

«Не играй со змеей,— подумал мистер Остуриас,— если не хочешь быть ужаленным...» Увольнение ничуть не удивило его, а лишь убедило в собственной правоте. К тому же, если вдуматься, доктору Блутгельду оно тоже принесло мало хорошего. Но скорее всего физик вряд ли придавал этому какое-либо значе-

ние — ведь Остуриас был всего-навсего никому не известным молодым преподавателем, и в университете вряд ли заметили его отсутствие. Учебный процесс продолжался, оставался на своем посту и Блутгельд.

«Надо поговорить о нем с Бонни Келлер,— сказал он себе.— Нужно выяснить, что именно ей известно, а поскольку она весьма словоохотлива, большого труда это не составит. Интересно, что мог бы сказать по этому поводу Стокстилл? Само собой, если доктор хотя бы раз встречался с Блутгельдом, он наверняка подтвердит мой диагноз, подтвердит, что этот тип — самый настоящий параноидальный шизофреник».

Из динамиков доносился голос Уолта Дэнджерфилда, читающего *«Бремя страстей человеческих»*, и мистер Остуриас постепенно окунулся в атмосферу этого гениального произведения. «Проблемы, казавшиеся нам столь жизненными в прежние времена,— размышлял он,— невозможность бежать от несчастных личных отношений... Зато теперь мы научились ценить *любые* отношения. Да, с тех пор мы многому научились».

Сидящая неподалеку от школьного учителя Бонни Келлер тем временем думала: «Вот еще один, пытающийся разыскать Бруно. Еще один человек, во всем винящий его, пытающийся сделать из него козла отпущения. Как будто *один человек*, даже если бы и захотел, мог развязать мировую войну и стать причиной гибели миллионов.

Нет уж, с моей помощью тебе его не найти,— сказала она себе.— Конечно, я могла бы помочь, но не стану этого делать, мистер Остуриас. Так что можете спокойно вернуться к своим контрольным и к своим поганкам. Забудьте о Бруно Блутгельде, вернее, о мистере Три, как он сейчас себя называет. Так он стал называть себя с того дня, десять лет назад, когда нам на головы начали падать бомбы, и он, бродя по улицам разрушенного Беркли, никак не мог понять — равно как и все мы,— что же такое происходит».

Глава 5

С накинутым на руку пальто Бруно Блутгельд плелся по Оксфорд-стрит, главной улице кампуса Калифорнийского университета. Голова его была низко опущена, и он старался не оглядываться по сторонам. Дорога Блутгельду была прекрасно изве-

стна, а студентов, этих молодых людей, замечать не было ни малейшего желания. Не интересовали его ни проносящиеся мимо машины, ни обступающие улицу здания, многие из которых были совсем новыми. Он попросту не замечал города Беркли, поскольку тот его просто не интересовал. Бруно был погружен в собственные мысли и, кажется, начинал отчетливо понимать, в чем кроется причина его болезни. А в том, что он болен, не было ни малейших сомнений, он просто чувствовал это. Вопрос был лишь в том, где кроется причина недуга.

Скорее всего, думал он, причина этой его болезни, этого ужасного заболевания, в конце концов приведшего его к доктору Стокстиллу, чисто внешняя. Интересно, сумел ли этот психиатр по итогам его сегодняшнего визита составить хоть мало-мальски правдоподобную теорию? Бруно Блутгельд сильно сомневался в этом.

По пути он вдруг заметил, что все улицы по левую руку както странно уходили вниз, будто город накренился в сторону и вот-вот перевернется вверх тормашками. Представив себе такую картину, Блутгельд немного повеселел, хотя и знал, в чем дело. Всему виной был его астигматизм, обострявшийся в периоды сильного стресса. Да, у него определенно было впечатление, что он идет по наклонной плоскости, а обрамляющие улицу здания, не ровен час, начнут сползать вниз. Да и сам он теперь шел с большим трудом, осторожно переставляя ноги, и его тоже постоянно клонило влево.

«Да,— подумалось ему,— насколько же мы зависим от наших органов чувств! Главное вовсе не то, что именно мы воспринимаем, главное — как». Эта мысль заставила его усмехнуться. «Да, нетрудно потерять равновесие,— подумал Бруно,— когда у тебя острый астигматизм. Насколько же все-таки сильно влияет наше чувство равновесия на восприятие окружающего мира... даже слух целиком и полностью зависит от чувства равновесия. Пожалуй, главнейшего из чувств, хотя это не является общепризнанным фактом. Должно быть, у меня вирусная инфекция, небольшое воспаление среднего уха. Надо бы сходить к врачу».

И, само собой, это нарушение чувства равновесия тут же начало влиять на слух, впрочем, этого он и ожидал. Просто удивительно, как глаза и уши объединялись в единое целое: сначала — зрение, потом чувство равновесия, а теперь и вообще слуховые искажения.

На ходу он слышал гулкое эхо собственных шагов, стук каблуков по тротуару, не тот отрывистый резкий перестук, который

издают женские каблучки, а призрачный низкий звук, грохот, будто исходящий из какой-то глубокой ямы или пещеры.

Этот звук вовсе не был ему приятен, он отдавался в голове, каждый шаг отзывался острой болью. Он пошел медленнее, сбился с ритма и теперь следил за тем, как подошвы касаются асфальта, стараясь предугадать, когда раздастся очередной стук.

«А ведь я знаю, в чем причина»,— подумал он. Такое уже бывало и раньше, это раскатистое эхо самых обычных шумов в лабиринте его ушных проходов. Как и у искажений зрения, природа этих слуховых эффектов была очень простой, хотя на протяжении многих лет они озадачивали и даже пугали его. А причиной являлись всего лишь неудобная поза, мышечное напряжение, особенно в основании шеи. В общем-то, он мог проверить свою теорию, просто качая головой из стороны в сторону. При этом он слышал, как похрустывают шейные позвонки — короткий, резкий звук, немедленно отдающийся острой болью в слуховых проходах.

«Должно быть, я особенно чем-то обеспокоен»,— подумал Бруно Блутгельд. Недаром же сегодня ощущается сильное искажение чувственного восприятия, раньше такого не бывало. Окружающее вдруг стало затягиваться какой-то тусклой, серой пеленой, превращая соседние здания и автомобили в безликие мрачные глыбы, бесцветные и неподвижные.

А где же люди? Создавалось впечатление, что улица совершенно пустынна, что он в полном одиночестве бредет по опасно заваливающейся набок Оксфорд-стрит к тому месту, где оставил свой «Кадиллак». Может быть (какая странная мысль!), они все попрятались по домам? Чтобы не промокнуть под дождем... под этим дождем из мельчайших, похожих на сажу частичек, которые теперь буквально наполняли воздух, мешали дышать, мешали смотреть, мешали двигаться дальше.

Блутгельд остановился и, стоя на перекрестке, бросил взгляд сначала налево, где поперечная улица уходила вниз и скрывалась в белесой мгле, потом направо, где она, уходя вверх, вскоре обрывалась, будто обрезанная. К своему удивлению он увидел — причем объяснения на основе обычных физиологических реакций этому зрелищу он сразу дать не мог,— что повсюду начинают появляться трещины. Здания слева от него вдруг начали разваливаться. В стенах теперь зияли проломы, будто какая-то неведомая сила разламывала самое основание города, фундаменты и все остальное.

«Боже милостивый,— подумал Бруно.— Да что же это?» Он принялся вглядываться в серый туман. Теперь не стало видно и неба, его полностью скрыл дождь из частичек сажи.

И тут наконец ему все же удалось — сквозь мутную пелену среди бетонных обломков показались какие-то скрюченные тени: люди, пешеходы, которые совсем недавно спешили по своим делам, а потом вдруг исчезли. Теперь они снова появились, но только в уменьшенном виде. Они смотрели на него невидящими глазами, ничего не говорили, а лишь бессмысленно тыкали в него пальцами.

— *Что же это такое?* — спросил он себя, причем на этот раз вслух. Он услышал глухие отзвуки собственного голоса. Все вокруг рассыпалось, город развалился на куски. Что же разрушило его? Что с ним случилось? Он побрел дальше, пробираясь среди обломков того, что совсем недавно было Беркли. «Дело не во мне,— наконец мелькнула мысль.— Произошла какая-то ужасная катастрофа». Уши его вдруг заполнил звук удара, всколыхнувший серую пелену. Где-то вдалеке послышался автомобильный гудок и тут же смолк.

Стюарт Маккончи, стоящий у прилавка и глядящий передачу о запуске ракеты с мистером и миссис Дэнджерфилд, вдруг с удивлением отметил, что изображение на экране пропало.

— Технические неполадки,— презрительно заметил Лайтхейзер. Окружающие телевизор люди недовольно зашевелились. Лайтхейзер молча жевал зубочистку.

— Сейчас наладят,— сказал Стюарт, нагибаясь к телевизору, чтобы переключиться на другой канал. Ведь трансляция все равно шла по всем канала одновременно.

Но все каналы оказались пусты. Звука тоже не было. Он пощелкал переключателем еще. Никакого толку.

Из подвала появился один из мастеров с криком:

— Воздушная тревога!

— Что за чертовщина? — удивленно пробормотал Лайтхейзер, лицо которого мгновенно постарело и осунулось. Заметив это, Стюарт тут же все понял, причем для этого ему не понадобилось ни думать, ни говорить. Да и что там думать — он просто стремглав бросился прочь из магазина, выскочил на пустой тротуар и остановился. Толпа перед телевизором, видя, как они с телемастером рванули из магазина, бросилась следом и рассыпалась по улице. Кто-то метнулся прямо на проезжую часть, кто-то забегал кругами, кто-то помчался куда глаза глядят. Впечатление было такое, что каждый из них видит нечто свое, не то, что видят остальные.

Стюарт с Лайтхейзером побежали к тому месту, где на тротуар выходили серо-зеленые металлические двери, ведущие в подвальное помещение, которое в свое время аптека использовала в качестве склада, а теперь совершенно пустое. Стюарт рванул на себя металлическую створку. Лайтхейзер бросился ему на подмогу. Вскоре они сообразили, что у них ничего не выйдет — двери можно было открыть только изнутри. В дверях магазина мужской одежды появился продавец, он явно их заметил. Лайтхейзер крикнул ему, чтобы тот поскорее спустился в подвал и отпер двери.

— Отпирай! — заорал Лайтхейзер, которому вторил Стюарт, наряду с еще несколькими людьми, столпившимися у входа в подвал и ждущими, когда же дверь наконец откроется. Продавец развернулся и метнулся обратно в магазин. Через несколько мгновений из подвала послышался металлический лязг.

— Назад,— велел какой-то пожилой мужчина.— Отойдите от дверей.

Створки распахнулись и люди увидели у себя под ногами пустое помещение, уходившее куда-то вглубь. Они тут же посыпались вниз, падая прямо на голый бетонный пол. Некоторые тут же сжимались в комок, кое-кто растягивался на полу. Многие извивались, стараясь плотнее вжаться в шероховатую поверхность, усеянную дохлыми мокрицам и пахнущую плесенью.

— Запирайте! — велел все тот же пожилой мужчина. Женщин среди оказавшихся в подвале вроде бы не было, а если и были, то молчали. Стюарт, уткнувшийся головой в бетонный угол, внимательно прислушивался. Но слышал только мужские голоса, слышал, как несколько человек отчаянно пытались запереть металлические двери. Тем временем в подвал спрыгивали все новые и новые люди, приземлялись и с криками падали. Впечатление было такое, будто чья-то невидимая рука просто сбрасывает их сверху.

— Господи, ну долго еще? — взмолился кто-то.

Стюарт ответил:

— Сейчас.— Он знал, что это произойдет именно сейчас. Он знал, что бомбы вот-вот взорвутся. Он чувствовал их. Казалось, что все это происходит внутри него самого. БАМ-БАМ-БАМ! Начали взрываться бомбы, а может, это были вовсе и не бомбы, а ракеты, выпущенные военными для перехвата бомб. Возможно, это была противовоздушная оборона. «Господи, спаси! — молился Стюарт.— Помоги зарыться поглубже!» Он вжался в пол и принялся ерзать, надеясь сделать выемку в твердом полу. Теперь

люди лежали уже и на нем, стало трудно дышать, но он был только рад. Он терпеть не мог пустоты вокруг себя. Ему хотелось, чтобы со всех сторон его что-то окружало. Даже дышать было не так уж важно. Глаза и все прочие отверстия его тела, рот и нос мгновенно закрылись, он будто окружил себя невидимой стеной и теперь просто ждал.

БАМ-БАМ-БАМ!

Земля всколыхнулась.

«Проскочим,— подумал Стюарт.— Мы же здесь, под поверхностью земли. Здесь, в подвале, совершенно безопасно, взрыв пройдет у нас над головами. Этот смерч ни за что не затронет нас».

В это время по улице пронесся настоящий ураган, причем на бешеной скорости. Стюарт сразу почувствовал это.

В носовой капсуле «Голландца-IV» Уолт Дэнджерфилд, все еще находящийся под гнетом нескольких «же», вдавливающих его в кресло, вдруг услышал в наушниках голос с Земли, из Центра управления полетом:

— Третья ступень отработала нормально, Уолт. Вы на орбите. Вот мне сейчас сказали, что последнюю ступень включат в 15.45 вместо 15.44.

«Орбитальная скорость,— повторил про себя Дэнджерфилд, с трудом поворачивая голову, чтобы взглянуть на жену. Та была без сознания. Он тут же перевел взгляд на кислородный датчик, не желая быть свидетелем ее страданий.— Хорошо,— подумал он,— мы оба в порядке. Находимся на орбите в ожидании включения последней ступени. Пока все идет неплохо».

Голос в наушниках произнес:

— Уолт, пока все идет как по маслу. Президент постоянно справляется о вас. До окончательной коррекции орбиты и запуска четвертой ступени остается восемь минут и шесть секунд. Если коррекция пройдет...

Тут голос поглотила статика, и больше Уолт ничего не разобрал.

«Если во время коррекции орбиты будут допущены небольшие, но жизненно важные ошибки,— сказал себе Дэнджерфилд,— то нас попросту вернут обратно, как это уже не раз бывало с беспилотными кораблями. А немного позже мы попробуем еще раз. Никакой опасности нет, ведь возвращение на Землю — самое обычное дело». Оставалось только ждать.

В наушниках снова послышался голос:

— Уолтер, на нас совершено нападение.

— Что? — переспросил он.— Что вы сказали?

— Да поможет нам Бог,— продолжал голос. Это был голос уже мертвого человека. В нем не оставалось ни малейшего признака чувств, голос был совершенно безжизненным, а потом и вовсе пропал. В эфире воцарилась тишина.

— Да кто напал-то? — взвыл в микрофон Уолт Дэнджерфилд. Ему представились демонстрации, уличные беспорядки, летящие булыжники, разъяренные толпы. Кто же мог напасть? Безумцы какие-то, что ли?

Он отстегнул ремни, с трудом выбрался из кресла и, подойдя к иллюминатору, бросил взгляд на проплывающий внизу родной мир. Облака и океан, весь земной шар были как на ладони. Там и сям на поверхности будто кто-то зажигал спички: виднелись клубочки дыма, язычки пламени. Уолта охватил страх; он безмолвно плавал возле иллюминатора, глядя на все новые и новые вспышки на поверхности планеты. Он прекрасно понимал, что это такое.

«Это смерть,— думал он.— Смерть, сжигающая все на своем пути, уничтожающая жизнь секунда за секундой».

Дэнджерфилд продолжал наблюдать за происходящим внизу.

Доктор Стокстилл знал, что в подвале одного из крупных банков оборудовано бомбоубежище, вот только вспомнить, какой именно это банк, он никак не мог. Схватив за руку секретаршу, он бросился вон из здания, прямо через Центральную улицу, лихорадочно ища взглядом черно-белую вывеску, которую видел тысячу раз, которая стала неотъемлемой частью привычного городского пейзажа, элементом его повседневной деловой жизни на оживленной улице. Вывеска постепенно слилась для него с окружающим миром, он перестал ее замечать, но сейчас найти ее стало вопросом жизни и смерти. Стокстиллу отчаянно хотелось, чтобы она вдруг бросилась в глаза, чтобы он вдруг заметил ее так, будто ее только что повесили. Сейчас она стала бы для него этаким сигналом, неким знаком, сулящим дальнейшую жизнь.

Но тут он почувствовал, как секретарша дергает его за руку — именно она первой поняла, куда бежать. Он отреагировал не сразу, и девушка завопила прямо ему в ухо. Наконец он тоже увидел нужное здание, развернулся, и они бросились в нужном направлении, пробираясь через ряды остановившихся автомобилей, сталкиваясь с растерянными пешеходами, и в итоге через

несколько секунд уже отчаянно пробивались сквозь рвущуюся в бомбоубежище толпу.

Протискиваясь все дальше и дальше в глубь убежища, уже битком забитого стоящими плечом к плечу людьми, он вспомнил о своем недавнем пациенте, мистере Три, и тут внутренний голос вдруг совершенно отчетливо произнес: «Это твоих рук дело. Посмотри, что творится. Ты всех нас убил!»

Секретарша где-то затерялась, и теперь он остался совершенно один в толпе незнакомых людей; он дышал им прямо в лицо, и они дышали в лицо ему. Тесное пространство подвала заполняли детский плач, голоса женщин-матерей, которые обычно среди дня делали покупки, и их отпрысков. «Интересно, закрыли ли двери? — подумал он.— Началось или нет?» Да, началось, момент настал. Он закрыл глаза и начал молиться вслух, произнося слова молитвы как можно громче и пытаясь расслышать их, но ничего не слышал.

— Послушайте, довольно,— рявкнула ему в ухо какая-то женщина, рявкнула так громко, что аж в ухе заломило. Стокстилл открыл глаза и увидел сердито уставившуюся на него женщину средних лет. Глядя на нее, можно было подумать, будто ничего особенного и не происходит, будто главная здесь неприятность — это громкая молитва. Она явно готова была заткнуть его любой ценой, и он, к собственному удивлению, вдруг смолк.

«Неужели ее только это и беспокоит?» — изумился он, испытав вдруг какой-то едва ли не благоговейный трепет перед такой целеустремленностью, перед такой безумной силой воли.

— Прошу прощения,— сказал Стокстилл.— Дура набитая,— добавил он, но не был услышан.— Достал я тебя? — будто не обратив внимания на отсутствие реакции, продолжал доктор, но теперь она уже сверлила негодующим взглядом кого-то другого, то ли случайно толкнувшего ее, то ли наступившего на ногу.— Тогда извини, старая глупая ворона, извини, чтоб тебя...— Он принялся ругать ее последними словами, сквернословя вместо того, чтобы молиться, и вдруг почувствовал, что ругань приносит облегчение, причем куда большее, нежели молитва.

В самый разгар своей бранной тирады на него внезапно снизошло очень странное и в то же время очень четкое озарение. Да, действительно, началась война, их бомбят, и, возможно, они все погибнут. Но только бомбы бросал на них Вашингтон, а вовсе не китайцы или русские. Произошел какой-то сбой в работе космической системы противоракетной обороны, она пришла в действие, и ничто теперь не могло ее остановить. Да, это

была война, несущая гибель всему живому, но причиной ее стала какая-то роковая ошибка. В происходящем не было никакого злого умысла. Он не чувствовал особой враждебности в начавшейся бомбардировке. Это не было ударами возмездия, все происходило как-то холодно, абсолютно равнодушно и бесстрастно. Все равно что его переехала бы его же собственная машина — событие теоретически возможное, но совершенно бессмысленное. Дело было не в политике; имел место некий сбой, поломка, несчастный случай.

Поэтому в тот момент он почувствовал, что не испытывает ни малейшей ненависти и жажды мести врагу, поскольку просто не мог себе представить — не верил, да и вообще не понимал — самой концепции отмщения. Как будто его последний пациент, мистер Три, или доктор Блутгельд, или кем бы он там ни был, впитал в себя всю ненависть, всю жажду мести, не оставив ни капли на долю остальных. Блутгельд превратил Стокстилла в совершенно другого человека — человека, который теперь не мог мыслить иначе. Безумие Бруно сделало понятие *враги* просто невероятным.

— Мы им еще покажем, покажем, покажем,— завывал какой-то мужчина неподалеку от Стокстилла. Доктор с удивлением уставился на него, недоумевая, кому и что тот собирается показать. Ведь ракеты падали сверху. Неужели этот тип, чтобы отомстить, собирается взмыть в небеса? Неужели он собирается пустить естественный ход событий в обратную сторону, как пленку в кинопроекторе? Сама мысль о возмездии представлялась абсурдной. Создавалось впечатление, что власть над этим человеком сейчас полностью захвачена его подсознанием. Он больше не способен был рассуждать рационально, утратил инстинкт самосохранения, он был полностью захвачен одной-единственной идеей.

«На нас обрушилась совершенно безликая сила,— думал доктор Стокстилл.— Да, дело именно в этом, мы атакованы как извне, так и изнутри. Это означает полный конец нашего взаимодействия, когда мы прилагали объединяющие нас совместные усилия для решения самых разнообразных задач. Теперь мы превратились в хаотично мечущиеся частички. Обособленные, неспособные к контакту. Сталкивающиеся — да, но почти беззвучно, издавая при этом лишь неясный шорох».

Он заткнул пальцами уши, чтобы не слышать звучащего вокруг. Казалось, эти звуки — как ни абсурдно — рождаются где-то под ногами и рвутся вверх. Он едва не рассмеялся.

* * *

Когда началась бомбардировка, Джим Фергюсон как раз только что спустился в подвал, в ремонтную мастерскую. Взглянув на Хоппи Харрингтона в тот момент, когда из УКВ-приемника послышалось объявление воздушной тревоги и завыли сирены, он поразился выражению его лица. На худом, заостренном лице калеки он вдруг с удивлением заметил какую-то хищную улыбку, будто он мгновенно понял значение услышанного сигнала, и это наполнило Хоппи радостью, радостью самой жизни. На мгновение он словно осветился изнутри, сбросил все, что мешало ему или удерживало у самой поверхности земли, сбросил невидимые оковы, которые не давали ему нормально существовать. Глаза его вдруг загорелись, губы чуть приоткрылись, словно он собирался высунуть язык и подразнить Фергюсона.

— Ах ты, грязный маленький урод! — в сердцах выругался Фергюсон.

Тут калека что было мочи завопил:

— Это конец! — Выражение его лица больше не было таким, как еще мгновение назад. Возможно, он даже не расслышал, что сказал Фергюсон. Казалось, он полностью ушел в себя. Парнишку била дрожь, а его манипуляторы, как хлысты, беспорядочно плясали, рассекая воздух.

— Послушай,— сказал Фергюсон.— Мы сейчас гораздо ниже уровня земли.— Тут он схватил за рукав метнувшегося мимо него телемастера Боба Рубенстейна.— А ну стой, придурок, где стоишь! Сейчас я поднимусь наверх и приведу сюда тех, кто остался. А ты пока расчисть-ка тут побольше места, чтобы им было где расположиться.— Он отпустил ремонтника и бросился к выходу.

Придерживаясь за перила и перепрыгивая через две ступеньки, Фергюсон бросился было вверх по лестнице, но тут что-то случилось с его ногами. Нижняя часть тела отвалилась, он опрокинулся назад и покатился обратно вниз, а на него обрушились целые тонны белой штукатурки. Голова ударилась о бетонный пол подвала. И тут только он понял, что в здание попали, что нет больше ни здания, ни людей в нем. Ему тоже приходит конец — его разрубило на две половинки, так что теперь шансы выжить есть только у Хоппи и Боба Рубенстейна, да и то вряд ли.

Он хотел что-то сказать, но не смог.

По-прежнему сидящий за рабочим столом Хоппи почувствовал взрыв и увидел, как дверной проем заполняется обломками

потолка, деревянных ступенек, а среди всего этого виднелись какие-то красные ошметки. Если это были куски тела Фергюсона, значит, он мертв. Здание содрогалось и гудело, как будто повсюду захлопывались двери. «Мы погребены»,— понял Хоппи. Лампа под потолком погасла, и больше он ничего не видел. Воцарилась кромешная тьма. Боб Рубенстейн в ужасе верещал.

Калека осторожно двинул кресло вперед, во тьму подвала, нащупывая путь манипуляторами. Он протискивал кресло между полками с запчастями, картонными коробками с телевизорами. Он старался забиться как можно глубже, оказаться в самом дальнем конце подвала, как можно дальше от входа. На голову ему так ничего и не упало. Фергюсон был прав. Здесь, в подвальном помещении, было относительно безопасно. Те, кто оставался наверху, теперь превратились в куски мяса, перемешанные с белой пылью, в которую превратилось здание. Они же с Бобом пока были целы и невредимы.

«Просто со временем вышла незадача,— подумал он. Не успели они объявить тревогу, как все началось и продолжается до сих пор». Он чувствовал, что там, на поверхности, свирепствует ветер. Теперь ничто не мешало его порывам, поскольку все, что могло ему воспрепятствовать, лежало в руинах. «Нескоро еще можно будет попытаться выбраться наружу — ведь там радиация»,— сообразил Хоппи. Как раз эту ошибку и совершили японцы: они высыпали наружу сразу после взрыва и очень радовались.

«И сколько же, интересно, я здесь протяну? — подумал Хоппи.— Месяц? Но здесь нет воды. Разве что какая-нибудь труба лопнет. А через некоторое время начнет кончаться и воздух, если только не будет понемногу просачиваться сквозь завал». И все же надеяться на это было лучше, чем пытаться выбраться наружу. «Нет, снаружи мне делать нечего,— наконец заключил он.— Лучше здесь пересижу, я ведь не такой идиот, как другие».

Теперь звуки вообще исчезли, не было слышно ни взрывов, ни стука падающих в темноте предметов: запчастей, не удержавшихся на полках и стеллажах. Мертвая тишина. Не было слышно и Боба Рубенстейна. Спички. Он выудил из кармана коробок, зажег спичку и увидел, что полностью завален обрушившимся штабелем картонных коробок с телевизорами. Теперь он был совершенно один, в своем собственном замкнутом пространстве.

«Боже ты мой! — восторженно подумал он.— Как же мне повезло! Ведь это местечко словно специально для меня создано! Никуда отсюда не двинусь. Ведь я вполне могу пробыть здесь много дней, и все равно останусь в живых. Я просто знаю, что

мне судьбой *предназначено* выжить. А Фергюсону, напротив, было предначертано погибнуть сразу. Такова, видно, воля Божья. Бог знает, что делает. Он постоянно наблюдает за нами, это несомненно. Все происходящее — это великая чистка мира. В нем нужно освободить место, новое жизненное пространство для людей, например, для меня».

Хоппи погасил спичку, и вокруг него вновь сомкнулась тьма. Но теперь она его больше не пугала. Сидя в своем кресле, он думал: «Вот он, мой шанс, его специально мне предоставили. Когда я выберусь отсюда, я стану совершенно другим человеком. Такая судьба была уготована мне с самого начала, задолго до того, как я появился на свет. Теперь мне все понятно. Понятно, почему я так отличаюсь от остальных. Я понимаю, в чем причина... Интересно, сколько же времени прошло? — наконец задумался Хоппи. Его охватывало все большее нетерпение.— Около часа, наверное?» Тут он понял, что просто не может больше ждать. То есть ждать, конечно, нужно, но так хотелось бы, чтобы все закончилось поскорее. Он прислушался, пытаясь уловить звуки, говорящие о присутствии людей там, наверху, шум работы спасательных армейских команд, начинающих разбирать завалы в поисках уцелевших, но ничего не услышал. Видимо, работы еще не начались.

«Надеюсь, это ненадолго,— размышлял Хоппи.— Ведь так много предстоит сделать. Меня ждет колоссальная работа.Когда я выберусь отсюда, надо будет сразу начать организовывать людей, поскольку именно в этом они и будут нуждаться больше всего: в организации и руководстве, поскольку первое время все будут просто бесцельно слоняться без дела. Наверное, стоит начать планировать дальнейшие действия прямо сейчас».

И в окружающей темноте Хоппи принялся строить планы. Идеи приходили в голову одна за другой; он не терял времени попусту, не сидел без дела просто потому, что вынужден был оставаться в неподвижности. Его голова буквально пухла от самых что ни на есть оригинальных идей и решений. Ждать было просто невтерпеж — ему больше всего на свете хотелось посмотреть, как они сработают, будучи воплощены в жизнь.

В основном идеи касались проблем выживания. Отныне никто больше не будет зависеть от остального общества. Основой будущей жизни станут небольшие общины и отдельные личности, совсем как описывала в своих книгах Эйн Рэнд. Настанет конец традиционному социальному конформизму, массовому сознанию и разному промышленному барахлу. Больше не будет

никакого заводского хлама вроде трехмерных телевизоров в картонных коробках, которыми он сейчас окружен со всех сторон.

Его сердце бешено колотилось от возбуждения и нетерпения, ожидание становилось невыносимым — казалось, что он торчит здесь, в подвале, целый миллион лет. А они до сих пор так его и не нашли, хотя и вели активные поиски. Он знал это точно, чувствовал, какая напряженная там наверху идет работа, и спасение все ближе и ближе.

— Ну, скорее же! — громко воскликнул он, взмахнув манипуляторами. Их кончики с глухим звуком царапнули по окружающим его картонным коробкам. В нетерпении он принялся неистово колотить по ним. Темнота наполнилась беспорядочной барабанной дробью, как будто в подвале находится множество живых существ, целое людское гнездо, а не один Хоппи Харрингтон.

Слушая у себя в доме в графстве Уэст-Марино классическую музыку, Бонни вдруг поняла, что стереопроигрыватель в гостиной замолчал. Она вышла из спальни, обтирая перепачканные краской руки и прикидывая, не тот же ли это самый тюбик, что и раньше, «дал течь», как выразился давеча Джордж...

Бросив взгляд в окно, она вдруг заметила с южной стороны на фоне неба толстый столб дыма, очень густого и бурого, похожий на ствол какого-то гигантского дерева. Она удивленно уставилась на него, и тут окно буквально взорвалось. Стекла разлетелись на тысячи мелких осколков, ее отбросило назад, она рухнула спиной на пол и проехалась по устилающему его битому стеклу. Все предметы в доме дребезжали, падали и бились вдребезги, будто дом вдруг начал раскачиваться из стороны в сторону.

«Конечно же, это разлом Сан-Андреас,— сразу пришло ей в голову.— Ужасное землетрясение, примерно такое же, как восемьдесят лет назад; все, что мы создали... все обратилось в прах».

Она покатилась по полу и врезалась в заднюю стену дома, только теперь эта стена практически стала полом, а пол задрался вверх, и теперь на нее сыпались и с грохотом разбивались лампы, столы и стулья. Было просто удивительно, насколько хрупкими оказались все эти вещи. Она просто представить себе не могла, как это вещи, верно служившие ей долгие годы, могут ломаться с такой легкостью. Только стена, на которой она теперь лежала, по-прежнему оставалась целой и невредимой.

«Мой дом,— подумала она.— Его больше нет. Все, что у меня было, что-то для меня значило. О, какая несправедливость!»

У Бонни страшно болела голова, дыхание давалось с большим трудом. Он попыталась привести себя в порядок и тут заметила, что руки ее, покрытые белой пылью от обвалившейся штукатурки, дрожат. Запястье оказалось в крови, хотя она и не помнила, как порезалась. «Бедная моя головушка!» — мысленно застонала Бонни. Она потерла лоб, и с головы посыпался какой-то мусор. Теперь — она так и не поняла, как это получилось — пол снова был полом, а стена — стеной. Все встало на свои места. Только вот вся домашняя обстановка по-прежнему оставалась грудой обломков. «Не дом, а настоящий мусорный бак,— подумала Бонни.— Чтобы все привести в порядок, потребуются недели, нет, месяцы. Впрочем, скорее всего нам это вообще никогда не удастся. Это конец нашей жизни, нашего счастья».

Поднявшись и отшвырнув ногой в сторону обломки стула, она, с трудом пробираясь через кучи мусора, направилась к выходу. В воздухе было полно пыли, заставляющей ежеминутно надсадно кашлять, и Бонни буквально ненавидела ее. Все было усыпано битым стеклом, ее чудесных окон с зеркальными стеклами больше не было. Оставались лишь зияющие квадратные дыры с торчащими кое-где обломками стекол. Некоторые из них выпадали и сейчас. Наконец она добралась до выхода на улицу. Дверь здорово перекосило. Бонни навалилась на нее всем телом и с трудом сумела приоткрыть настолько, чтобы протиснуться наружу. Неуверенно ступая, она отошла на несколько ярдов от дома и огляделась, стараясь понять, что случилось.

Голова болела все сильнее. «Уж не ослепла ли я? — подумала Бонни. Ей с трудом удавалось держать глаза открытыми.— Видела я какой-то свет или нет?» Она смутно припоминала, что какая-то вспышка была — вроде как сработал затвор фотоаппарата, причем настолько быстро, что зрительные нервы не успели среагировать. Вспышки как таковой она толком не видела. Тем не менее глазам было больно — она чувствовала, что они повреждены. Впрочем, у нее болело все тело, но это было и неудивительно. Но вот земля. Она не видела никакой трещины. И дом стоял как прежде, лишь окна были выбиты да внутри все перебито и переломано. Осталась только пустая оболочка без какого-либо содержимого.

Бонни медленно двинулась вперед, думая: «Нужно попробовать найти помощь. Мне требуется медицинская помощь». Тут она споткнулась, чуть не упала, подняла голову и снова увидела

на юге огромный столб бурого дыма. «Может, это Сан-Франциско горит? — спросила она себя.— Да, похоже, так оно и есть. Это настоящее бедствие. Значит, пострадал не только Уэст-Марино, но и весь огромный город. И сейчас помощь требуется не только горстке сельских жителей, но и нескольким миллионам обитателей мегаполиса. Наверное, там погибли многие тысячи людей. Вероятно, район будет объявлен зоной национального бедствия, прибудут специалисты Красного Креста и армия. Этот день мы запомним навсегда». Тут она заплакала, закрыла лицо руками и продолжала идти, уже не выбирая дороги — ей было все равно. Она оплакивала не себя и не разрушенный дом, нет — она оплакивала раскинувшийся к югу отсюда город. Она оплакивала и его, и всех живущих в нем людей, и их ужасную судьбу.

«Я никогда больше не увижу его,— вдруг осенило Бонни.— Нет больше Сан-Франциско. Сегодня ему пришел конец». И так, рыдая, она продолжала идти в сторону городка. С равнины внизу уже доносились голоса. Теперь можно было ориентироваться по ним.

Возле нее остановилась машина. Дверца распахнулась, водитель вышел и протянул ей руку. Бонни не знала его, не знала даже, местный он житель или просто проезжающий мимо человек. Тем не менее она прильнула к нему.

— Ну, ну...— попытался утешить ее незнакомец, прижимая к себе.

Всхлипывая, она прижалась к нему всем телом, медленно опустилась на сидение и потянула мужчину на себя.

Через некоторое время она очнулась и обнаружила, что опять идет по дороге, только на сей раз по обеим ее сторонам высились узловатые старые дубы, которые Бонни всегда так любила. Небо над головой было серым и мрачным, тяжелые тучи медленно плыли на север. «Должно быть, это дорога на Вэлли-Рэнч»,— решила она. Ноги сильно болели и, остановившись, она поняла, что идет босиком. Видимо, где-то по дороге она потеряла кроссовки.

На ней по-прежнему были перепачканные краской джинсы, в которых она была, когда случилось землетрясение, когда замолчал проигрыватель. Впрочем, а землетрясение ли это было? Тот человек в машине, перепуганный и невразумительно булькающий, как младенец, говорил что-то другое, но говорил настолько невнятно, был в такой панике, что она ничего не поняла.

«Хочу домой,— сказала она себе.— Хочу снова оказаться дома и хочу получить обратно свои кроссовки. Наверняка их забрал

тот тип. Держу пари, что они остались в его машине. И больше я их никогда не увижу».

Она поплелась дальше, то и дело морщась от боли. Больше всего ей хотелось встретить кого-нибудь. Время от времени она поднимала голову и смотрела на небо, с каждым шагом чувствуя себя все более и более одинокой.

Глава 6

Отъехав немного на своем «Фольксвагене», Эндрю Гилл оглянулся и в последний раз увидел женщину в заляпанных краской джинсах и свитере, с которой только что расстался. Он несколько мгновений смотрел, как она, босая, плетется по дороге, но тут шоссе свернуло в сторону, и он потерял незнакомку из виду. Он не знал, как ее зовут, но ему показалось, что еще никогда в жизни он не встречал такой красивой женщины, с этими ее рыжими волосами и маленькими, изящными ножками. А ведь они, ошеломленно сообразил он, только что занимались любовью на сиденье его машины.

Ему казалось, что он видит какой-то сон, эта женщина и ужасные, все сметающие взрывы на юге, от которых небо стало серым. Он понимал, что это какая-то война или, по меньшей мере, следствие ужасного несчастного случая, какого до сих пор не знали ни мир, ни он сам.

В это утро он отправился из своего дома в Петалуме в Уэст-Марино, чтобы доставить в магазинчик в Пойнт-Рейс-Стейшн партию импортных, английских вересковых трубок. Вообще-то он торговал дорогими спиртными напитками — в особенности винами — и табачными изделиями, всем необходимым для серьезных курильщиков, включая маленькие никелированные приспособления для чистки трубок и трамбовки табака. И сейчас его сверлила одна мысль: как там его магазин, затронули ли взрывы район Петалумы.

«Наверное, лучше бы мне вернуться и посмотреть, как там дела»,— сказал он себе, а потом снова вспомнил невысокую рыжеволосую женщину в джинсах, которую то ли он затащил в машину, то ли она сама затащила его туда — сейчас он уж не был уверен, как именно все произошло,— и вдруг сообразил, что, наверное, следовало бы вернуться и посмотреть, все ли с ней в порядке. Скорее всего, она живет где-то поблизости. Но как ее найти? Ему уже хотелось снова увидеть ее, до сих пор ему еще никогда не приходилось иметь дело с такими красивыми женщи-

нами. «Интересно, она отдалась мне от потрясения? — подумал он.— Да и вообще, может, она в тот момент была не в себе? Делала ли она такое когда-нибудь раньше... а самое главное, сделает ли она такое снова?»

Тем не менее он продолжал гнать вперед, лежащие на руле руки совершенно онемели. Он страшно устал. «Наверняка будут еще бомбы или взрывы,— подумал он.— Одна попала в район Залива, но будут и другие». В небе над головой он заметил серию вспышек, а через некоторое время где-то раздался грохот, машина подпрыгнула и клюнула носом. «Должно быть, это снова взрывы,— решил он.— Возможно, это наши ПВО. Но все равно часть наверняка угодит в цель...»

Кроме того, не следовало забывать и о радиации.

Ползущие по небу темные облака того, что было, как он знал, смертоносной радиоактивной пылью, уходили на север и вроде бы были достаточно высоко, чтобы не угрожать всему живому на земле, его собственной жизни, деревьям и кустам, растущим вдоль дороги. «А может, мы начнем чахнуть и через несколько дней умрем,— подумал он.— Может, это всего лишь вопрос времени. Имеет ли смысл искать убежища? Не стоит ли рвануть на север, попытаться вырваться отсюда? С другой стороны, ведь и облака плывут на север. Нет, лучше уж я останусь,— сказал он себе,— и попытаюсь найти укрытие где-нибудь здесь, в окрестностях. По-моему, я где-то читал, что это довольно безопасное место: ветры обычно минуют Уэст-Марино и уносятся в глубь материка, в сторону Сакраменто».

До сих пор на дороге не встретилось ни души. Только та девушка — единственная, кого он видел с момента большого взрыва и осознания того, что он означает. Ни машин. Ни пешеходов. «Ничего, скоро они начнут выбираться из своих укрытий,— прикинул он.— Тысячами. И тут же гибнуть. Потянутся беженцы». Надо быть готовым к тому, что им потребуется помощь. Но все, что у него было, это старенький «Фольксваген», груженный трубками, банками табака и калифорнийским вином, произведенным на небольших местных винокурнях. У него не было ни медикаментов, ни опыта оказания первой помощи. Да и вообще, ему уже пятьдесят, у него больное сердце, какая-то пароксизмальная тахикардия. Удивительно даже, что, занимаясь любовью с той девицей, он не заработал сердечный приступ.

«Как там моя жена и дети,— подумал он.— Может, они уже мертвы. Нет, все-таки надо было вернуться в Петалуму. Позвонить? Нет, абсурд. Телефоны наверняка не работают». Однако он

продолжал гнать машину вперед, хотя и совершенно не представлял, куда едет и зачем. Не зная, подвергается ли он опасности и какой именно, закончилось вражеское нападение или это только начало. «Да ведь я могу погибнуть в любую секунду»,— наконец осознал он.

Но в своем родном «Фольксвагене», купленном шесть лет назад, он пока чувствовал себя в безопасности. Машина ничуть не пострадала, была по-прежнему крепка и надежна, в то время как остальной мир — он это чувствовал,— все окружающее претерпело радикальную, ужасную метаморфозу.

Ему даже не хотелось смотреть по сторонам.

«А что, если Барбара и ребятишки погибли? — спросил он себя. Как ни странно, при этой мысли ему вдруг стало легче дышать.— Впереди новая жизнь, предвестницей которой стала встреча с той девушкой. Отныне все будет иначе, табак и вина станут на вес золота. Скорее всего, сейчас у меня в машине целое состояние. Больше никогда не придется возвращаться в Петалуму; теперь я могу просто исчезнуть, и Барбаре ни за что меня не найти». От этих мыслей настроение у него поднялось, стало веселее.

Но ведь это означает — Боже ты мой! — что ему придется проститься с магазином, а даже сама мысль об этом приводила его в ужас, лишь усиливающийся ощущением опасности и одиночеством. «Нет, не могу я его бросить»,— наконец решил он. Магазин был результатом двадцатилетней работы по созданию постоянной клиентуры, изучению потребностей покупателей и обретению умения удовлетворять их запросы.

«С другой стороны,— думал он,— возможно, эти люди уже мертвы, как и моя семья. Я должен смириться с этим: *все* изменилось, не только то, на что мне наплевать».

Сбавив скорость, он принялся размышлять над тем, как события могут развиваться дальше, но чем дольше думал, тем к более неутешительным выводам приходил. «Нет, вряд ли кто из нас выживет,— наконец вынужден был заключить он.— Скорее всего, все мы облучены, так что приключение с той девушкой, скорее всего, последнее примечательное событие в моей жизни, да и в ее тоже — она наверняка тоже обречена. Господи,— в отчаянии подумал он.— А ведь во всем этом виноват какой-нибудь дуб из Пентагона. Нас должны были предупредить за два или за три часа, а вместо этого у нас оказалось всего пять минут. А то и меньше!»

Теперь он уже не испытывал ненависти к врагу. Единственное, что он чувствовал, так это стыд и ощущение, что его

предали. «Эти военные чинуши в Вашингтоне, скорее всего, и в ус не дуют в своих бетонных бункерах, как Адольф Гитлер в конце войны. А нас оставили умирать». От этой мысли ему стало не по себе, она была сама по себе ужасна.

Внезапно он заметил, что на сиденье возле него лежит пара стареньких, стоптанных кроссовок. Это той девушки. Он вздохнул, внезапно почувствовав, как наваливается усталость. «Сувенир на память»,— мрачно подумал он.

Но потом его вдруг охватило возбуждение. «Никакой это не сувенир, это же знак! Знак, что я должен остаться здесь, в Уэст-Марино, и начать все сначала. Если я останусь здесь, то рано или поздно снова встречусь с ней. Это точно, я уверен. Именно поэтому она и оставила кроссовки, она заранее предвидела, что я начну новую жизнь здесь, что после всего происшедшего я не захочу — не смогу — уехать. К черту магазин. К черту жену и детей, оставшихся в Петалуме».

И дальше он ехал уже весело насвистывая от охватившего его чувства радости и облегчения.

Теперь у Бруно Блутгельда больше не оставалось сомнений; он увидел непрерывный поток машин, тянущийся в одну сторону — на север, в направлении шоссе, ведущего прочь из города. Беркли превратился в сито, из всех ячеек которого сочились люди, выбирающиеся из своих убежищ, люди из Окленда, Сан-Леандро и Сан-Хосе. Все они теперь шагали по улицам, все только в одном направлении. «Это не я,— сказал себе доктор Блутгельд, стоя на тротуаре и видя, что не может перейти улицу, на другой стороне которой была припаркована его машина.— И все же,— понял он,— пусть даже это означает конец всему, пусть города и люди и у них, и у нас уничтожены, я несу ответственность за это. Все же в какой-то мере именно я виноват в происшедшем. Я должен как-то исправить положение,— сказал он себе. Он стиснул руки, на лбу от напряжения вздулись вены.— Все должно стать как прежде,— понял он.— Я должен повернуть события вспять.

А случилось вот что,— решил Бруно.— Они заканчивали свои приготовления, намереваясь раз и навсегда покончить со мной, но недооценили моих экстраординарных возможностей, таящихся где-то на подсознательном уровне. Я лишь отчасти могу контролировать их, они проявляются в основном на надличностном уровне, который Юнг назвал бы коллективным бессознательным.

Они не приняли в расчет практически безграничную мощь моей реактивной психической энергии, и теперь она обрушилась на них в ответ на их приготовления. Я этого не желал, выброс этой энергии стал результатом психического закона реакции на раздражитель, однако я все равно не могу сложить с себя моральной ответственности за это, поскольку именно я, „Я" с большой буквы, мое эго, подавило мою личность. И теперь, когда реакция проявилась, я должен бороться с этим. Мое подсознание и так натворило дел, и ущерб даже слишком велик».

Впрочем, нет, в чисто физическом смысле, в плане действия и противодействия, не слишком велик. Тут в дело вступил закон сохранения энергии, равное соотношение; его коллективное бессознательное прореагировало соразмерно вреду, который собирались причинить другие. Однако теперь настало время компенсировать нанесенный ущерб. Это должно стать следующим шагом, по логике вещей. Процесс разрушения исчерпал себя... или еще нет? Блутгельд вдруг засомневался и даже пришел в некоторое замешательство. Интересно, его метабиологическая защитная система завершила реактивный процесс или он будет продолжаться?

Бруно задумчиво хмыкнул, пытаясь предугадать, что будет дальше. Небо было затянуто пылью, частичками столь легкими, что они могли долгое время висеть в воздухе. «Чего же ожидать в дальнейшем, что еще таится в этой психической утробе? В духовной утробе, внутри меня, стоящего тут и размышляющего, что будет дальше. Интересно, знают ли все эти люди в машинах, эти бледные от страха мужчины и женщины — знают ли они, *кто я*? Известно ли им, что именно я и есть средоточие, центр всего этого катаклизма?»

Он некоторое время наблюдал за текущим мимо него потоком людей и в конце концов пришел к выводу, что они знают о нем, знают о том, что причиной всего случившегося является именно он, но просто боятся попытаться причинить ему хоть какой-нибудь вред. Они хорошо усвоили урок.

Подняв руку, он крикнул им:

— Не бойтесь, больше ничего не случится. Обещаю!

Поняли они, поверили ему? Блутгельд ощущал их направленные на него мысли, их панику, их боль, а также их ненависть к нему, проявления которой сдерживались лишь воспоминанием об ужасной демонстрации его могущества. «Я-то знаю, какие чувства вы испытываете,— подумал, а может — Бруно и сам бы не мог сказать точно,— произнес вслух он.— Да, вы получили тя-

желый, жестокий урок. Впрочем, как и я сам. Мне следует лучше следить за собой; в будущем мне следует относиться к своей мощи с большей осторожностью, с большим почтением к дарованным мне силам.

Куда же мне теперь податься? — спросил он себя.— Подальше отсюда, с тем, чтобы все это постепенно затихло само собой? Это можно было бы сделать ради них; идея в принципе неплохая — гуманное, человечное, справедливое решение.

А могу я уехать? — задал он себе вопрос.— Разумеется, поскольку задействованные здесь силы были, по меньшей мере, до известной степени доступными». Теперь, когда ему известно об их существовании, он может воспользоваться ими снова. И то, что они натворили, явилось попросту следствием его неведения. Возможно, посредством интенсивного психоанализа он узнал бы о них и раньше, и тогда всех этих потрясений можно бы было избежать. Но теперь поздно сожалеть об этом. Блутгельд повернулся и пошел в обратную сторону. «Я легко могу пройти сквозь этот поток машин и покинуть этот район»,— уверил он себя. Чтобы доказать это, Бруно шагнул с тротуара прямо в плотную вереницу машин. Другие люди поступали так же — другие пешеходы, многие из которых тащили на себе разный домашний скарб, книги, лампы, даже птичьи клетки и кошек. Он сделал им знак, чтобы они следовали за ним, поскольку именно его воля позволит им всем преодолеть преграду.

Движение почти замерло. Можно было бы подумать, будто причиной тому поток машин, выворачивающих из боковой улицы, но так казалось лишь на первый взгляд. Он-то знал истинную причину — его желание перейти улицу. Прямо перед ним между двумя автомобилями вдруг образовался приличный зазор, и доктор Блутгельд перевел остальных на противоположную сторону.

«Куда же я отправлюсь? — спросил он себя, не обращая больше внимания на искренне благодарящих его людей, которые наперебой пытались сказать, как они ему обязаны.— В сельскую местность, подальше от города? Я слишком опасен для города,— осознал он.— Нужно отъехать миль на пятьдесят или шестьдесят на восток, возможно, даже добраться до гор, до какого-нибудь уединенного места. Или можно бы было двинуться в Уэст-Марино. Там живет Бонни. Я мог бы пожить с ней и с Джорджем. Вроде бы это достаточно далеко отсюда, а если нет, я могу поехать дальше. Короче говоря, я должен убраться как можно дальше от всех этих людей, которые не заслуживают дальнейшего наказания. Если нужно, я буду продолжать переезжать до

конца дней своих. И никогда не стану подолгу задерживаться на одном месте.

Вот только,— вдруг понял он,— мне никогда не добраться до Уэст-Марино на машине. Все эти машины больше стоят, чем едут — уж слишком велики пробки. А мост Ричардсона наверняка рухнул. Придется идти пешком. Это займет несколько дней, но я все равно рано или поздно дойду. Сначала нужно добраться до Блэк-Пойнт-Роуд, потом до Вальехо, а дальше по проселочной дороге. Впрочем, там кругом поля, и я всегда запросто смогу срезать угол.

В любом случае это искупление того, что я натворил. Это станет добровольным паломничеством, средством исцеления души».

Блутгельд двинулся дальше, по пути разглядывая разрушенный город. Только теперь он его разглядывал, прикидывая, как восстановить разрушенное, как вернуть город, если это возможно, в первоначальное состояние. Дойдя до рухнувшего здания, он остановился и произнес: «Пусть это здание восстанет!» Увидев раненых, воскликнул: «Да будут эти несчастные признаны невиновными и прощены!» Каждый раз при этом он делал придуманный им особый жест рукой. Этот жест должен был свидетельствовать о его решимости позаботиться, чтобы вещи вроде этих больше никогда не повторялись. «Возможно, они усвоили урок навсегда,— думал он.— И теперь наконец оставят меня в покое».

Но тут ему пришло в голову еще кое-что. Не исключено, что *они* изберут диаметрально противоположный образ действий. Выбравшись из развалин своих домов, они, вполне возможно, воспылают к нему еще большей ненавистью и желанием уничтожить его. Это со временем может лишь усилить, а не рассеять их враждебность.

Подумав об их возможной мести, он даже испугался. «Может, мне лучше вообще сбежать куда-нибудь,— размышлял Бруно.— Оставлю себе этот псевдоним, мистер Три, или в целях лучшей конспирации возьму какой-нибудь другой. Сейчас они еще побаиваются меня, но это, скорее всего, ненадолго».

Но все равно на ходу он продолжал подавать им свой особый знак. Единственным его желанием продолжало оставаться возрождение прежней жизни. В душе он не испытывал к несчастным ни малейшей враждебности — он был выше этого. Только в их сердцах таилась ненависть.

На берегу Залива доктор Блутгельд наконец сумел выбраться из моря машин и увидел на противоположном берегу белый,

разрушенный, будто залитый стеклом Сан-Франциско, лежащий в руинах на противоположной стороне бухты. Там не осталось ни одного целого здания. Над огромным городом стояло облако черного дыма, в котором то и дело мелькали сполохи огня. Зрелище было просто невероятное. Город был похож на полено, превратившееся в печке в головешку. И все равно из него бежали люди. На воде он увидел множество самых разношерстных плавсредств, люди использовали все, что попадало под руку, отчаянно цеплялись за все, что способно было плавать, и отчаянно гребли в направлении Марино.

Доктор Блутгельд оцепенело смотрел на все это, совершенно забыв о своем паломничестве. Сначала нужно исцелить этих людей, а уж потом, если удастся, и сам город. Блутгельд совершенно забыл о себе и полностью сосредоточился на городе, делая руками какие-то новые жесты, о которых до сих пор не имел ни малейшего понятия. Он испробовал все средства и через некоторое время заметил, что дым начинает рассеиваться. В его душе затеплилась надежда. Но людей, отчаянно гребущих через залив, становилось все меньше и меньше, пока наконец на поверхности воды не остался плавать лишь какой-то мусор.

Тогда он сосредоточился на спасении исключительно людей. Он подумал, что самым разумным для них было бы бежать на север, но при этом они будут остро нуждаться прежде всего в воде и пище. Возможно, припасы для них могли бы доставлять армия и Красный Крест. Кроме того, попадающиеся по дороге небольшие городки тоже могли бы хоть как-то делиться с ними своими запасами. И наконец его желания медленно, неохотно, но все же начали исполняться. Он еще долго оставался на прежнем месте, способствуя этому процессу. Положение мало-помалу улучшалось. Люди находили средства для лечения своих ожогов — он позаботился об этом. Кроме того, он подумал и о том, чтобы избавить их от непреодолимого страха. Это было особенно важно. Он сделал так, чтобы они вновь почувствовали хоть какой-то проблеск надежды на благоприятный исход, пусть даже и очень слабый.

Но самым забавным было то, что за время, которое он посвятил улучшению их состояния, к вящему удивлению, он заметил, как значительно ухудшилось его собственное состояние. Он пожертвовал всем ради общего блага — его одежда превратилась в лохмотья, а из туфель торчали пальцы ног. Лицо украшала клочковатая борода, а на верхней губе топорщились усы. Волосы закрывали уши и ниспадали на плечи, а зубы вообще отсутствовали. Он вдруг почув-

ствовал себя очень старым, больным и опустошенным, но дело того стоило. Сколько же он простоял здесь, всецело погруженный в работу? Потоки машин на дорогах давным-давно иссякли. Только справа от него на обочине виднелись остовы брошенных автомобилей. Должно быть, он здесь уже несколько недель. А то и месяцев. Он почувствовал, что ужасно проголодался, а ноги совершенно окоченели. Поэтому он решил снова пуститься в путь.

«Я отдал им все, что у меня было,— думал Бруно, и при этой мысли почувствовал легкую обиду, даже немного рассердился.— А что я получил взамен? Мне требуются стрижка, хорошая еда и медицинская помощь; кое-что необходимо и мне самому. И где я все это получу? Нет,— решил он наконец,— сейчас я слишком изможден, чтобы идти в Уэст-Марино. Придется некоторое время пробыть здесь, на этой стороне Залива — до тех пор, пока я как следует не отдохну и не наберусь сил». Блутгельт шел и шел, и чувство обиды все усиливалось.

Как бы то ни было, свое дело он сделал. Вскоре впереди он увидел пункт первой помощи, окруженный рядами выцветших палаток. Между ними сновали женщины с повязками на руках — это наверняка были медсестры. Кроме того, он заметил и мужчин в касках и с оружием. «Закон и порядок,— понял он.— Благодаря моим усилиям все постепенно приходит в норму. Да, они многим мне обязаны, хотя, разумеется, никогда не признаются в этом. Ладно, не стоит обращать внимания»,— решил он.

Когда Блутгельд добрался до крайней палатки, его остановил один из вооруженных мужчин. Вскоре подошел еще один мужчина с блокнотом.

— Откуда вы? — спросил он.

— Из Беркли,— ответил Бруно.

— Имя.

— Мистер Джек Три.

Они записали информацию, затем вырвали из блокнота листок и вручили ему. На нем был написан номер. Потом мужчины объяснили, что он должен бережно хранить этот листок. В противном случае ему не получить своего пайка. Затем ему было сказано, что если он попытается получить паек в другом лагере беженцев, его расстреляют. После этого оба ушли, оставив его с пронумерованной карточкой.

«Может, сказать им, что все это моих рук дело? — подумал Бруно.— Что я и только я ответственен за все случившееся, что на мне лежит вечное проклятие за тот ужасный грех, который я совершил? Нет,— наконец решил он,— если я это сделаю, они

отнимут у меня карточку, и я не получу пайка». А он просто чудовищно проголодался.

Тут к нему подошла одна из сестер и равнодушно осведомилась:

— Тошнота, рвота, изменения цвета стула?

— Нет,— ответил он.

— Поверхностные ожоги, которые до сих пор не зажили?

Он отрицательно покачал головой.

— Идите вон туда,— сказала сестра, указывая на одну из палаток,— и оставьте там одежду. Там пройдете санобработку, а потом вам побреют голову и сделают необходимые прививки. Правда, у нас кончилась противотифозная сыворотка, так что ее можете не просить.

Вскоре, к своему удивлению, он увидел человека с электробритвой, запитанной от генератора, бреющего головы как мужчинам, так и женщинам. К нему стоял длинный хвост молчаливых людей.

«Санитарные меры? — удивился Блутгельд.— А я-то думал, что все наладил. Может, я просто забыл об эпидемиях? Вероятно, да». Бруно направился к очереди, не переставая удивляться тому, что не сумел предусмотреть всего. «Вполне возможно, я упустил из виду и множество других жизненно важных вещей»,— сообразил он, вставая в самый конец длинной вереницы людей, ожидающих, когда их обреют наголо.

В полуразрушенном бетонном подвале здания на Сидар-стрит, в районе Беркли-Хиллз, Стюарт Маккончи вдруг заметил что-то толстенькое и пушистое, перепрыгивающее с одной бетонной плиты на другую. Он тут же схватил палку от швабры, один конец которой был обломан так, что превратился в длинное деревянное острие, и бросился вперед.

Его сосед по подвалу, худой, с землистым цветом лица мужчина по имени Кен, умирающий от лучевой болезни, заметил:

— Неужели ты будешь это есть?

— Само собой,— отозвался Стюарт, топая по толстому слою пыли, покрывающей пол подвала. Наконец он залег за треснувшей бетонной плитой. Крыса, почуяв его приближение, испуганно пискнула. Она пробралась сюда из канализационного коллектора в Беркли и теперь больше всего на свете хотела снова оказаться там. Но между ней и проходом в канализацию теперь находился Стюарт. Он сразу понял, что перед ним крупная самка — самцы всегда были более жилистыми и худыми.

Крыса в ужасе метнулась было в сторону, но Стюарт молниеносным движением вонзил в нее свою палку. Крыса снова взвизгнула, на сей раз ее визг был долгим и исполненным муки. Даже проткнутая насквозь, она никак не желала умирать, а продолжала визжать. Поэтому он прижал ее к земле и раздавил каблуком голову.

— Слушай,— сказал умирающий,— ты бы хоть поджарил ее, что ли.

— Нет,— ответил Стюарт. Он сел, вытащил перочинный нож, который обнаружил в кармане мертвого мальчишки, и начал свежевать добычу. После чего под неодобрительным взглядом умирающего принялся поедать дохлую сырую крысу.

— Странно, что ты меня еще не съел,— через некоторое время заметил сосед.

— На вкус ничуть не хуже, чем сырые креветки,— ответил Стюарт. Теперь он чувствовал себя гораздо лучше — это была его первая трапеза за несколько дней.

— Слушай, а почему бы тебе не отправиться в один из этих пунктов первой помощи, о которых вчера объявляли с вертолета? — спросил умирающий.— Они говорили — во всяком случае, я так понял,— что ближайший пункт находится возле хиллсайдской средней школы. Это ведь всего в нескольких кварталах отсюда, и добраться туда тебе ничего не стоит.

— Нет,— отрезал Стюарт.

— А почему?

Ответ, хотя Стюарт никогда бы и не признался в этом, был очень прост — он боялся выбраться из подвала и оказаться на улице. Он и сам не знал, почему, разве что там время от времени появлялись какие-то фигуры, национальную принадлежность которых не удавалось определить. Маккончи надеялся, что это американцы, но, вполне возможно, это были китайцы или русские. Голоса их звучали как-то неправильно и отдавались эхом даже средь бела дня. Да и вертолет этот тоже доверия не внушал, что-то в нем было странное. Не исключено, это был просто вражеский трюк, способ выманить людей наружу, а потом пристрелить. Он несколько раз слышал выстрелы в нижней части города. Глухие звуки начинались перед рассветом и с перерывами продолжались до захода солнца.

— Не можешь же ты оставаться здесь вечно,— настаивал Кен.— Это просто неразумно.— Он лежал завернутый в одеяло с одной из кроватей обвалившегося дома. Во время взрыва дом рухнул, и Стюарт с Кеном нашли кровать на заднем дворе. Кро-

вать была аккуратно застелена, все было на месте, включая и две пуховые подушки.

Сейчас Стюарт думал о том, что за пять дней он, шаря по карманам мертвецов, обнаруженных им в развалинах домов на Сидар-стрит, насобирал несколько тысяч долларов. Находил он деньги и в самих развалинах. Другие мародеры обычно искали продукты и разные полезные вещи, вроде ножей и огнестрельного оружия. Ему было даже как-то не по себе оттого, что он единственный охотился за деньгами. И сейчас он чувствовал, что если уйдет из подвала и доберется до пункта первой помощи, ему откроется страшная правда: деньги больше ничего не стоят. А если так, то он просто козел, что собирал их, и когда он появится на пункте с наволочкой, полной денег, все начнут насмехаться над ним, и совершенно справедливо, потому что козлы иного и не заслуживают.

Кроме того, вроде бы никто больше не ел крыс. Возможно, где-то можно было достать куда более приличную пищу, но где именно, ему известно не было; да и потом, ему было как-то больше по сердцу пробавляться тем, чем брезговали другие. Возможно, с воздуха сбрасывали сухие пайки, возможно, банки с консервами приземлились рано утром, когда он еще спал, и их собрали другие. Вот уже несколько дней им владело гнетущее и все крепнущее ощущение того, что где-то что-то раздается бесплатно — возможно, прямо среди бела дня — кому угодно, только не ему. «Не везет так не везет»,— сказал он себе и почувствовал, как портится настроение. Даже съеденная только что крыса уже не казалась ему таким деликатесом, как раньше.

У прячущегося на протяжении этих последних пяти дней здесь, в подвале на Сидар-стрит, Стюарта было достаточно времени подумать о себе, и он понял, как ему всегда было трудно понять, что делают другие. Ему требовались неимоверные усилия, чтобы поступать так же, как остальные, стараться быть похожим на окружающих. Причем это никак не было связано с цветом его кожи, поскольку у него возникали одинаковые проблемы как с неграми, так и с белыми. Это не было асоциальностью в общепринятом смысле слова, это было нечто гораздо более глубокое. Например, Кен, лежащий напротив умирающий мужчина. Стюарт никак не мог понять его, будто их разделяла невидимая стена. Возможно, дело было в том, что Кен умирал, а он — нет. Может, именно поэтому между ними и возник непреодолимый барьер. Теперь люди явно разделились на два лагеря: на тех, которые с каждой минутой становились все слабее и слабее, которые медленно умирали, и на тех, вроде него самого,

которые были способны выжить. И между ними просто не могло быть никакого взаимопонимания, поскольку они принадлежали к совершенно разным мирам.

Тем не менее в их отношениях с Кеном дело было не только в этом. Было что-то еще, все та же старая проблема, которую бомбежка не породила, а всего лишь вывела на поверхность. Теперь разделяющая их пропасть стала гораздо шире, стало очевидно, что он совершенно не понимает смысла большей части происходящего вокруг... например, он размышлял о ежегодных визитах в управление дорожной полиции для продления водительских прав. Лежа на бетонном полу подвала, он все больше и больше убеждался в том, что у остальных людей была веская причина для посещения управления дорожной полиции на Сакраменто-стрит, а он тащился туда лишь потому, что так поступали другие, как малое дитя плетется за взрослыми. А теперь больше не за кем было плестись, он был совсем один. И поэтому ему не с кого было брать пример, а сам он не мог выработать линии своего поведения, не мог строить планы на будущее.

Так что он просто ждал, скрашивая ожидание мыслями о прилетавшем недавно вертолете, о странных фигурах на улице, а больше всего о том, в самом деле он козел или нет.

А потом ему в голову вдруг пришла мысль. Он вспомнил, что видел Хоппи Харрингтона в трансе в забегаловке Фреда. Хоппи видел его, Стюарта Маккончи, жрущего крысу, просто с тех пор случилось столько всего страшного, что Стюарт забыл об этом. Так значит, калека видел вовсе никакую не загробную жизнь, а то, что случилось сегодня!

«Черт бы побрал проклятого урода,— выругался про себя Стюарт, ковыряя в зубах.— Он всех нас обвел вокруг пальца.

Просто удивительно, насколько же люди легковерны,— подумал Маккончи.— А ведь мы поверили ему, возможно, из-за его уродства... То, что он рассказывал, казалось более правдивым из-за его внешнего вида. Сейчас-то он, скорее всего, уже мертв, лежит заваленный в подвале магазина. Ну хоть одно хорошее дело сделала эта война: уничтожила всех уродов.— Но потом он сообразил: — Да ведь она и создала целую кучу новых! Теперь уроды будут топтать землю еще миллион лет. Настоящий блутгельдовский рай. Вот уж кто, наверное, рад-радешенек. Добился-таки своих ядерных испытаний».

Тут Кен пошевелился и пробормотал:

— Слушай, будь добр, сползай на ту сторону улицы. Вон там труп лежит. Вдруг у него в карманах курево завалялось.

«Курево,— подумал Стюарт.— Скорее всего, там еще и бумажник, набитый деньгами». Он проследил за взглядом умирающего и, конечно же, среди развалин дома на противоположной стороне улицы увидел труп женщины. Пульс у него сразу участился, поскольку Стюарт мгновенно заметил возле трупа пухлую дамскую сумочку.

Кен устало произнес:

— Да брось ты эти деньги, Стюарт. Это просто какая-то навязчивая идея, символ бог знает чего.— Когда Стюарт выбрался из подвала, Кен крикнул ему вдогонку: — Символ общества изобилия.— Он закашлялся, его вырвало, но он все же ухитрился добавить: — А его больше нет.

«Да пошел ты»,— подумал Стюарт, переползая на другую сторону улицы к заветной сумочке. И конечно же, открыв ее, он обнаружил толстую пачку банкнот — долларовых пятерок и даже двадцатку. Кроме того, в сумочке оказалась шоколадка, которую он тоже забрал, но, ползя обратно в подвал, он вдруг сообразил, что шоколадка может быть радиоактивной, и выкинул ее.

— Сигареты нашел? — спросил Кен, когда Маккончи вернулся.

— Не-а.— Стюарт достал закопанную в пепле наволочку, развязал ее, сунул туда найденные банкноты и снова завязал.

— Может, в шахматишки? — Кен с трудом приподнялся на локте и открыл деревянные шахматы, которые они со Стюартом нашли в развалинах. Он уже успел научить Стюарта азам игры. До войны тому никогда не приходилось играть.

— Неохота,— отозвался Стюарт. Он молча уставился в серое небо, следя за проплывающим над головой сигарообразным объектом, то ли самолетом, то ли ракетой. «Господи,— подумал он,— а вдруг это бомба?» Стюарт мрачно следил за тем, как эта штука опускается все ниже и ниже. Но сейчас он даже ложиться не стал, не попытался спрятаться, как в тот первый раз, в те первые несколько минут, от которых столько — например, то, что они до сих пор были живы — зависело.— Что это? — спросил Маккончи.

Кен несколько мгновений рассматривал неизвестный объект.

— Это аэростат.

Не веря ему, Стюарт возразил:

— Нет, это китаезы!

— Да нет же, это и в самом деле аэростат, только небольшой. Кажется, их еще называют дирижаблями. Правда, в последний раз я видел такой еще в далеком детстве.

— А разве китайцы не могут перелететь Тихий океан на аэростатах? — спросил Стюарт, представляя себе тысячи таких небольших серых сигарообразных аэростатов, на каждом из которых по взводу раскосых китайских солдат, крепко цепляющихся за поручни и вооруженных чешскими автоматами.— Этого от них вполне можно ожидать. Они всегда пытаются свести мир к своему уровню, отбросить на пару веков назад. Вместо того, чтобы догонять нас...— Тут он замолчал, поскольку разглядел выведенную на боку аэростата надпись по-английски: «ВОЕННО-ВОЗДУШНАЯ БАЗА ГАМИЛЬТОН».

Кен сухо заметил:

— Один из наших...

— И где они только его раздобыли,— удивился Стюарт.

— Оригинальная штука, верно? — заметил умирающий.— Думаю, больше не осталось ни бензина, ни керосина. Все кончилось. Так что теперь мы все чаще будем видеть разные странные средства передвижения. Вернее, ты будешь.

— Да ладно тебе себя оплакивать,— сказал Стюарт.

— Никого я не оплакиваю, ни себя, ни других,— возразил умирающий, аккуратно расставляя на доске фигуры.— Хорошие шахматы,— заметил он.— Кстати, сделаны в Мексике. Наверняка ручная работа... вот только очень хрупкие.

— Объясни-ка еще разок, как ходит слон,— сказал Стюарт.

Тем временем над их головами аэростат по мере приближения становился все больше и больше. Но склонившиеся над шахматной доской обитатели подвала больше не обращали на него никакого внимания. Возможно, с аэростата велась аэрофотосъемка. А может быть, он выполнял какое-то спецзадание — на борту вполне могло быть переговорное устройство для связи с частями, дислоцированными к югу от Сан-Франциско. Кто знал? Да и кому какое было до этого дело? Аэростат медленно плыл дальше, а Кен тем временем сделал первый ход, двинув вперед пешку.

— Игра начинается,— сказал он, а потом негромко добавил: — Во всяком случае, для тебя, Стюарт. У тебя впереди странная, незнакомая, новая игра... если хочешь, можешь даже поставить на кон свою наволочку с деньгами.

Стюарт с ворчанием окинул взглядом свои фигуры и решил начать ходить с ладейной пешки — но, стоило ему взяться за нее, он понял, что ход просто идиотский.

— А можно сходить по-другому? — с надеждой в голосе спросил он.

— Если коснулся фигуры, должен ей и ходить,— ответил Кен, делая ход конем.

— По-моему, это несправедливо. Я же пока только учусь,— сказал Маккончи. Он взглянул на умирающего, но изможденное лицо оставалось непреклонным.— Ладно,— покорно продолжал он, на сей раз, по примеру Кена, делая ход королевской пешкой. «Буду смотреть, как ходит он, и делать то же самое,— решил он.— Так надежнее».

Тут из висящего прямо над их головами аэростата вылетело облачко белых листков, которые, медленно планируя и кружась, стали опускаться на землю. Стюарт и умирающий оторвались от игры. Один из листочков спланировал прямо к ним в подвал. Кен потянулся, поднял его, прочитал и передал Стюарту.

— Берлингейм! — едва начав читать листовку, воскликнул Стюарт — в ней объявлялся набор добровольцев в армию.— Думают, мы отсюда попремся аж в Берлингейм, и все только ради того, чтобы записаться в армию. Да ведь дотуда пятьдесят, а то и все шестьдесят миль. Это ж надо будет обогнуть весь Залив. Нет, они просто спятили!

— Это точно,— подтвердил Кен.— Никакой дурак к ним не потащится.

— Черт, да ведь я даже до пункта первой помощи на Леконт-стрит добраться не могу,— сказал Стюарт. Он просто кипел от возмущения, глядя на проплывающий в небе гамильтоновский аэростат. «Нет, меня им не уболтать,— сказал он себе.— Пошли они...»

— Здесь говорится,— заметил Кен, снова взявшись за прокламацию,— что если доберешься до Берлингейма, тебе гарантируются вода, питание, курево, прививки и лечение радиоактивных ожогов. Что скажешь? Правда, никаких женщин.

— Неужели ты еще можешь думать о сексе? — удивился Стюарт.— Господи, да после первого же взрыва у меня всякую охоту как отрезало. Как будто эта чертова штука в штанах перепугалась до смерти.

— Это все потому, что промежуточный мозг перед лицом опасности подавляет половой инстинкт,— пояснил Кен.— Но все наладится.

— Нет,— возразил Стюарт,— потому что любой рожденный теперь ребенок будет уродом. Половые сношения надо бы вообще запретить... ну, скажем, лет на десять. Нужно бы принять такой закон. Меня лично просто тошнит от идеи мира, сплошь населенного уродами, потому что мне доводилось иметь с ними

дело. Один такой работал у нас в магазине, вернее, в ремонтной мастерской. И мне этого вполне хватило. Вообще-то надо бы за яйца подвесить этого Блутгельда за то, что он натворил.

— То, что Блутгельд натворил в семидесятых,— сказал Кен,— сущая ерунда по сравнению с этим.— Он обвел рукой развалины подвала.

— Это верно,— согласился Стюарт,— но все равно, это было началом.

Тем временем аэростат начал медленно удаляться восвояси. Возможно, кончился запас листовок, и теперь он возвращался на базу Гамильтон на другой стороне Залива, или где она там находилась.

Взглянув ему вслед, Стюарт крикнул:

— Куда же ты? Поговори с нами еще!

— Он не может,— сказал Кен.— Больше ему сказать нечего, это очень примитивное создание. Ты будешь играть или прикажешь мне за тебя ходить? В принципе, я не против.

Стюарт очень осторожно двинул вперед слона и тут же понял, что сделал неверный ход. Это было ясно по выражению лица умирающего.

В углу подвала, среди бетонных обломков, что-то маленькое, юркое и до смерти перепуганное метнулось в щель и затаилось там, боязливо следя за ними. Внимание Стюарта тут же переключилось с шахмат на крысу, и он принялся искать взглядом свою палку.

— Играй! — сердито окрикнул его Кен.

— Ладно, ладно,— раздраженно отозвался Стюарт. Он наугад сделал очередной ход, но внимание его было полностью сосредоточено на крысе.

Глава 7

Элдон Блейн пришел к аптеке в Пойнт-Рейс-Стейшн ровно в девять утра. Он крепко прижимал к себе старенький, перевязанный бечевкой портфель. Тем временем аптекарь отпирал заведение изнутри, звеня цепочками и гремя металлическими дверями. Элдон слушал эти звуки, испытывая все большее нетерпение.

— Еще минуточку! — крикнул аптекарь.

Его голос из-за дверей звучал приглушенно. Распахнув наконец двери, он стал извиняться:

— Раньше это был торец автофургона. Так что открывать его приходится руками и ногами одновременно. Прошу вас, входите,

сэр.— Он придерживал створку дверей рукой, и Элдон увидел темные внутренности аптеки, под потолком которой висела пока еще не зажженная лампочка на допотопном шнуре.

— Я пришел к вам,— быстро начал Элдон,— за антибиотиком широкого спектра действия, вроде тех, что используют для лечения простудных заболеваний.— Он постарался говорить как можно более небрежно, ведь аптекарь понятия не имел, сколько городков в Северной Калифорнии он уже посетил за последние несколько дней, то идя пешком, то доезжая на попутках. Не стоило рассказывать и о том, как тяжело больна его дочь. Он прекрасно знал, что это бы лишь резко повысило запрашиваемую цену. Да и все равно здесь он не заметил солидных запасов товара. Скорее всего, пустой номер.

Аптекарь взглянул на него и заметил:

— Но, я смотрю, у вас с собой ничего нет. Допустим, у меня есть нужное лекарство. Но что вы можете предложить в обмен? — С этими словами он нервно провел рукой по редеющим седым волосам. Это был пожилой невысокий человек, и было ясно, что он принимает его за воришку. Хотя, вполне возможно, он вообще подозревает всех и вся.

Элдон ответил:

— Там, откуда я пришел, меня называют очечником.— С этими словами он раскрыл портфель и продемонстрировал аптекарю ряды новехоньких и бывших в употреблении стекол, оправ и целых очков, собранных по всему району Залива, в особенности урожайным оказался склад в Окленде.— Могу подобрать практически любые очки,— сказал он.— Вот, например, у вас близорукость, дальнозоркость или астигматизм? Подберу вам очки минут за десять — просто придется поменять одно-два стекла.

— Дальнозоркость,— протянул аптекарь,— вот только вряд ли у меня есть то, что вам нужно.— Он с тоской еще раз окинул взглядом ряды очков.

Элдон сердито осведомился:

— Что ж вы сразу не сказали? Я бы давно ушел. Мне сегодня еще нужно добраться до Петалумы — там много аптек. Остается только поймать попутный грузовик.— Элдон развернулся и пошел прочь.

— А вы не могли бы продать мне пару очков за что-нибудь другое? — семеня за ним следом, жалобно спросил аптекарь.— У меня имеется ценное сердечное лекарство, глюконат хинидина. Вряд ли вам удастся выменять его за ваши очки. Зато наверняка

сможете получить за него то, что вам нужно. Кроме меня, здесь его ни у кого нет.

— А у вас здесь есть врач? — поинтересовался Элдон, останавливаясь у заросшей травой проселочной дороги, вдоль которой стояло несколько лавок и жилых домов.

— Конечно,— с ноткой гордости в голосе ответил аптекарь.— Доктор Стокстилл. Он приехал сюда несколько лет назад. Но лекарств у него нет. Только у меня.

С портфелем под мышкой Элдон Блейн шагал по проселочной дороге, с надеждой прислушиваясь к доносящемуся откуда-то сзади характерному звуку газогенераторного двигателя. Хотя машина явно была далеко, шум мотора в тишине раннего калифорнийского утра был слышен очень отчетливо. Но вскоре многообещающий звук затих. Грузовик, увы, свернул куда-то в сторону.

Эта местность к северу от Сан-Франциско в свое время была заселена богатыми фермерами, на этих лугах паслись коровы, но теперь их больше не было, равно как и мясного скота — волов и овец. Сейчас все прекрасно понимали, что акр земли было куда выгоднее использовать в качестве источника зерна или овощей. Сейчас кругом простирались поля, засеянные кукурузой, ранним гибридом, а между рядами кукурузы, среди широких ворсистых листьев, виднелись крупные тыквы, похожие на шары для боулинга. Это был необычный восточный сорт тыквы, которую можно есть целиком, прямо с кожурой и семечками. Когда-то в Калифорнии им пренебрегали... но теперь времена изменились.

Впереди показалась стайка ребятишек, спешащих в школу. В руках у них были потрепанные учебники, свертки с завтраками. Слушая их беззаботный щебет, Элдон Блейн подумал: какая умиротворяющая картина, здоровые и веселые ребятишки, а вот его дочка больна. Если Гвен все же умрет, то у них с женой будут другие. Он относился к этой мысли совершенно спокойно. К этому надо было привыкать. Приходилось привыкать.

Школа стояла в седловине между двух холмов и представляла собой остатки одноэтажного современного здания, несомненно, возведенного незадолго до войны честолюбивыми, заботящимися об общественном благе людьми, лет на десять залезшими в долги и не предполагающими, что выплатить долг при жизни им так и не придется. Таким образом они, сами того не подозревая, получили школу совершенно бесплатно.

Взглянув на окна, Элдон чуть не рассмеялся. В оконные проемы были вставлены остекленные рамы, явно позаимствованные из окрестных разрушенных домов. Они не подходили по размеру, и на месте их удерживали широкие наличники. Впрочем, ничего удивительного — ведь окна наверняка выбило взрывом. «Стекло,— подумал он...— В наши дни это самый острый дефицит... если имеешь стекло, ты богач». Он покрепче прижал к себе портфель и продолжил путь.

Несколько ребятишек, увидев незнакомого человека, остановились и уставились на него. В их взглядах тревога была смешана с любопытством. Он улыбнулся им в ответ. «Интересно,— подумал Блейн,— что они проходят и кто их учителя. Небось какая-нибудь замшелая старушка, вытащенная из своего пенсионного рая и снова усаженная за учительский стол. Или кто-нибудь из местных, у которого, на беду, обнаружился университетский диплом. Хотя, скорее всего, дело в свои руки взяли матери школьников, черпая бесценные дидактические материалы в анналах местной библиотеки».

Кто-то окликнул его сзади. Он обернулся и увидел женщину на стареньком велосипеде.

— Это вы очечник? — спросила она. Вид у велосипедистки был строгий, хотя она — темноволосая, в мужской рубашке и джинсах — была хороша собой и довольно молодо выглядела. Она быстро нагоняла его, велосипед то и дело подпрыгивал на ухабах.— Стойте! Я только что разговаривала с Фредом Куинном, нашим аптекарем, и он рассказал мне о вас.— Она наконец догнала его и, тяжело дыша, спешилась.— Понимаете, к нам уже несколько месяцев никто не завозил очков. Ну почему вы не заглядываете к нам почаще?

Элдон Блейн ответил:

— Я не торгую. Просто надеялся выменять у вас антибиотики.— Разговор начал ему надоедать.— Мне нужно добраться до Петалумы,— сказал он и тут понял, что с завистью смотрит на ее велосипед. Наверняка это было легко прочитать по его лицу.

— Так мы вам поможем,— сказала женщина. Она явно была старше, чем ему показалось поначалу. Об этом говорили и цвет лица, и морщинки. «Должно быть, ей под сорок»,— прикинул Элдон.

— Я член Планового комитета графства Уэст-Марино. И уверяю вас, мы наверняка сможем достать нужные вам лекарства. Разве что придется вернуться и подождать пару часов. Нам просто необходимы несколько пар... Нет, никуда я вас не отпу-

щу.— В голосе ее слышалась только твердость — она не уговаривала, а просто констатировала факт.

— Слушайте, а вы, случаем, не миссис Роб? — спросил Элдон Блейн.

— Точно,— ответила она.— А... как вы меня узнали?

Он ответил:

— Я из Болинаса, и мы внимательно следим за вашими достижениями. Жаль, у нас в Комитете нет человека вроде вас.— Блейн начал чувствовать, что побаивается ее. По слухам, миссис Роб всегда добивалась своего. Это именно они с мужем, Ларри Робом, наладили жизнь в Уэст-Марино после бомбежки. До этого, в прежние времена, она была никем, но катастрофа предоставила ей, как и многим другим, возможность проявить себя и показать, из какого теста она слеплена.

На обратном пути миссис Роб спросила:

— А для кого эти антибиотики? Само собой, вам они ни к чему. На вид вы совершенно здоровы.

— Дочурка умирает,— ответил Элдон.

Она не стала подыскивать слова утешения — в мире им больше не было места,— а просто понимающе кивнула.

— Инфекционный гепатит, да? — спросила она.— Как там у вас с водой? Есть чем хлорировать? Если нет, то...

— Нет, у нее тяжелая ангина,— сказал он.

— Вчера вечером Дэнджерфилд сообщилмне, что некоторые немецкие фармакологические компании возобновили производство. Так что если нам повезет, то вскоре немецкие лекарства снова появятся в продаже. Во всяком случае, на Восточном побережье.

— Вы слушаете спутник? — с завистью спросил он.— А у нас радио полетело, а парень, который всегда его ремонтировал, отправился куда-то к югу от Сан-Франциско за запчастями для холодильника и вряд ли вернется раньше чем через месяц. Скажите, а что он сейчас читает? В последний раз, когда нам удалось поймать его — ох, и давно же это было! — он читал паскалевские «Письма к провинциалу».

Миссис Роб сказала:

— А сейчас Дэнджерфилд читает «Бремя страстей человеческих».

— Это, случаем, не про парня, который познакомился с девушкой и никак не может с ней порвать? — спросил Элдон.— Что-то смутно припоминаю, еще с прошлого раза. Ведь он уже как-то читал эту вещь — несколько лет назад. Парень то и дело снова

сталкивается с ней. Слушайте, а она и вправду в конце концов погубила его?

— Не знаю. По-моему, в тот раз мы его еще не слушали.

— Да, этот Дэнджерфилд классный диск-жокей,— заметил Элдон.— Лучший из всех, кого мне доводилось слышать даже до катастрофы. Мы обычно не пропускаем ни одной его передачи. У нас в пожарном депо каждый вечер собирается человек по двести. В принципе, радио, наверное, мог бы починить и кто-нибудь из нас, но Комитет решил, что это слишком рискованно и лучше дождаться возвращения того парня. Если, конечно, он вообще вернется... а то предыдущий так и сгинул.

Миссис Роб сказала:

— Зато теперь ваша община наконец осознает, что нужно иметь запасное оборудование. Я всегда говорила, что оно просто необходимо.

— Слушайте, а нельзя ли будет присылать к вам нашего человека? Он будет слушать с вами, а потом рассказывать нам.

— Разумеется,— ответила миссис Роб.— Но...

— Само собой, это будет уже совсем не то,— кивнул он.— Не столь...— Он сделал неопределенный жест рукой. Чем же таким привлекал людей Дэнджерфилд, запертый в спутнике, каждый день пролетающем у них над головами? Связь с миром... Дэнджерфилд постоянно смотрел вниз, на родную планету, и видел, как жизнь постепенно налаживается, видел и хорошее, и плохое. Он отслеживал все передачи, записывал их, а потом транслировал снова, и благодаря ему люди чувствовали некое единство.

Он мысленно представил себе этот столь знакомый голос, которого их община так давно была лишена. Вспомнил, как Дэнджерфилд то и дело негромко посмеивается — то ли над собой, то ли над другими,— вспомнил его абсолютную искренность в общении со слушателями, доверительность тона, полное отсутствие какой-либо фальши. Никаких лозунгов, никаких призывов в духе Дня Независимости, которые в свое время и завели людей туда, где они теперь пребывали.

Как-то раз Дэнджерфилд сказал: «А знаете, почему я на самом деле не угодил под бомбы? Почему меня отправили в космос чуть раньше, чем все это началось? Они просто побоялись дать мне оружие. А то я наверняка пристрелил бы какого-нибудь офицера». И тут он усмехнулся, превращая сказанное в шутку. Но это была чистая правда — все, что он говорил, всегда было истинной правдой, даже когда он, казалось бы, шутил. Дэнджер-

филд был политически ненадежным человеком, и тем не менее сейчас он торчал там, наверху, у них над головами. Шли годы. И этому человеку они безоговорочно верили.

Из стоящего на склоне холма дома Робов открывался вид едва ли не на все графство Уэст-Марино: его засаженные овощными культурами поля, ирригационные каналы, пасущийся там и сям скот и, конечно же, лошади. Стоя у окна гостиной, Элдон Блейн наблюдал за тем, как здоровенный першерон, наверняка используемый на пахоте, тащит за собой по дороге автомобиль без двигателя. Очевидно, настало время что-то привезти из графства Сонома.

Если бы миссис Роб не задержала его, он мог бы воспользоваться этой странной попуткой и скоро уже был бы у себя в Петалуме.

Тем временем миссис Роб вовсю крутила педали — она отправилась за обещанными антибиотиками. К удивлению Элдона, она оставила его в доме одного, не боясь, что он может ее обокрасть. Блейн прошелся по комнатам. Мебель, книги, на кухне продукты и даже бутылка вина, в шкафах — одежда. Он с удовольствием бродил по дому — все было как в прежние времена, разве только отсутствовали ставшие бесполезными электроприборы.

Взглянув в выходящее на задний двор окно, он увидел большущий деревянный, выкрашенный зеленой краской бак для воды. «Значит,— сообразил он,— у Робов имеется собственный запас». Выйдя из дома, он увидел невдалеке ручей с чистой, прозрачной водой.

У ручья стояло нечто вроде тележки на колесах. Он удивленно уставился на нее. Манипуляторы деловито наполняли водой ведра. Тележкой управлял сидящий в ней калека — у него не было ни рук, ни ног. Калека то и дело кивал головой, будто дирижируя невидимым оркестром, а механические руки послушно исполняли то, что им приказывал хозяин. «Воду ворует, что ли?» — подумал Элдон.

— Эй! — окликнул он калеку.

Тот мгновенно обернулся и подозрительно взглянул на Блейна. В следующее мгновение что-то больно ударило Элдона в живот, он с трудом удержался на ногах и понял, что его руки крепко прижаты к бокам. Вылетевшая откуда-то из тележки металлическая сетка плотно спеленала его. Оказывается, у калеки имелись средства самозащиты.

— Ты кто? — заикаясь от волнения, спросил калека.— Ты явно не здешний. Я тебя не знаю.

— Я из Болинаса,— ответил Элдон. Сетка продолжала стягиваться, и он почувствовал, что становится трудно дышать.— Я очечник. Миссис Роб попросила меня подождать ее в доме.

Сетка чуть ослабила хватку.

— Не буду рисковать,— сказал калека.— Вот вернется миссис Роб, тогда и отпущу.— Манипуляторы снова занялись делом, методично опорожняя ведра в прицепленную к тележке бочку на колесах. Вскоре бочка была наполнена до краев.

— А тебе разрешили? — спросил Элдон.— Робы не против, что ты берешь воду из их ручья?

— Не против,— ответил калека.— Я всегда даю больше, чем беру.

— Слушай, отпусти меня, а? — попросил Элдон.— Я всего лишь хотел достать лекарства для дочки. Она умирает.

— Для дочки. Она умирает! — передразнил его калека, причем на удивление похоже. Он подъехал к Элдону вплотную. Тележка прямо сверкала, все детали явно были новенькими и ярко блестели на солнце. Элдону еще никогда в жизни не доводилось видеть ничего подобного.

— Может, отпустишь? — снова попросил Элдон.— А я дам тебе за это очки. Любые, какие хочешь.

— Нет, со зрением у меня все в порядке,— сказал калека.— Да и со всем остальным тоже. Кое-чего, конечно, не хватает, но я прекрасно обхожусь и без этого. Так даже лучше. Например, с холма я могу спуститься быстрее, чем ты.

— Скажи, а кто соорудил эту тележку? — спросил Элдон. Он прикинул, что за семь минувших лет она уже давно бы потускнела и износилась, как и все остальное.

— Я сам ее сделал,— ответил калека.

— Верится с трудом.

— Раньше у меня были манипуляторы-протезы. Я управляю всей этой механикой мысленно. И до этого я дошел самостоятельно. Я — мастер на все руки. Кстати, те старые манипуляторы, которые мне выдали еще до войны, были куда хуже, чем эти.— Калека презрительно поморщился. У него было очень худое, подвижное лицо, острый нос и на удивление белые зубы. Словом, лицо, идеально передающее чувства, которые он испытывал к Элдону Блейну.

— Дэнджерфилд говорит, что умельцы сейчас — самые ценные люди,— заметил Блейн.— Более того, совсем недавно он провозгласил Всемирную неделю умельцев. В одной из своих

передач он даже назвал несколько особенно известных. Кстати, как вас зовут? Не исключено, что называл и вашу фамилию.

— Меня зовут Хоппи Харрингтон,— ответил калека.— Хотя, впрочем, я точно знаю, что моего имени он не называл, поскольку постоянно слушаю его передачи. Просто для меня еще не настало время становиться известной в мире личностью, хотя это и входит в мои дальнейшие планы. Местные жители еще очень слабо представляют мои возможности, но и то, что я им даю, должно в известной мере оставаться тайной.

— Да уж, конечно,— кивнул Элдон,— лишнего они болтать точно не будут.— Уверен, что меньше всего им хочется потерять тебя. Вот, например, наш мастеровой отправился на отхожий промысел, и нам, честно говоря, его ужасно не хватает. Слушай, а ты не можешь съездить на некоторое время к нам, в Болинас? Поверь, мы тебя не обидим. Сам знаешь, во время катастрофы нас защитили горы. И с тех пор мало что изменилось.

— Да, помню, я как-то побывал в Болинасе,— сказал Хоппи Харрингтон.— Не поверите, но я очень много где побывал — добирался до самого Сакраменто. Вряд ли кто повидал на своем веку столько, сколько я. Моя тележка позволяет мне покрывать до пятидесяти миль в день.— Его худое лицо при этих словах стало высокомерным, и он, начав от волнения заикаться, продолжал: — Нет, в Болинас я больше не ездок. Уж больно там много всякой дряни в океане.

— С чего ты взял? — резко спросил Элдон.— Это все бабьи сплетни. Может, скажешь, от кого именно ты услышал такое?

— Да вроде бы от Дэнджерфилда...

— Нет, это уж вряд ли,— отмахнулся Элдон.— Уж кому-кому, а ему верить можно. Такую чушь он бы ни за что нести не стал. Да и вообще, он ни в одной из своих программ ни разу не упомянул ни одной сплетни. Скорее всего, он просто пошутил, а ты принял шутку за правду.

— Да нет, любой дурак знает, что всему виной водородные бомбы,— возразил Хоппи.— Разве не они пробудили от вековечного сна разных морских чудищ? — С этими словами он убежденно кивнул.

— Знаешь, ты лучше приезжай и посмотри на нашу общину,— сказал Элдон.— У нас там полный порядок, да и, честно говоря, мы более продвинуты, чем большинство из вас, городских. Например, у нас до сих пор работают светофоры — пусть даже и четыре штуки, зато по часу в день. Вообще не понимаю, как ты мог купиться на такие глупости.

Калека немного смутился.

— Сами знаете, никогда нельзя быть уверенным,— пробормотал он.— Может, это и не Дэнджерфилд сказал.

С дороги, ведущей в город, послышался конский топот — они оба обернулись, услышав звук подкованных копыт. К ним галопом мчался высокий плотный краснолицый человек, кричавший издалека:

— Эй, слушайте, это вы очечник?

— Ну да,— ответил Элдон, наблюдая за тем, как конь разбрасывает гравий на дорожке, ведущей к дому Робов.— Скажите, а вы привезли с собой антибиотики, мистер?

— Нет, их привезет Джун Роб,— успокоил Блейна незнакомец, осаживая лошадь.— Слышь, очечник, давай-ка посмотрим, что у тебя имеется. У меня близорукость, да ко всему прочему еще и сильный астигматизм левого глаза. Можешь помочь или нет? — Он был уже почти в дверях и не отрывал взгляда от Блейна.

— Извините, но помочь ничем не смогу,— сказал Элдон.— Связан по рукам и ногам вашим Хоппи Харрингтоном.

— Побойся бога, Хоппи,— взорвался толстяк.— Не мучай бедного очечника. Я уже несколько месяцев жду очков и больше ждать не собираюсь.

— Нет проблем, Лерой,— неожиданно быстро согласился Хоппи Харрингтон. Стягивающая Элдона сетка ослабла, развернулась и юркнула обратно, куда-то в глубь его сверкающей тележки.

Когда спутник пролетал над районом Чикаго, его вытянутые, похожие на крылья сенсоры уловили слабый сигнал, и Уолтер Дэнджерфилд услышал в наушниках едва слышный, далекий, приглушенный голос с Земли:

— ...и, пожалуйста, поставьте «Вальс Матильды», у нас его очень многие любят. А еще поставьте «Песенку дятла». И...— Слабый сигнал ушел, и теперь в наушниках слышался только треск статических разрядов. «Явно не лазерный луч»,— насмешливо подумал он.

Вслух же в микрофон Дэнджерфилд сказал:

— Что ж, друзья, у нас есть заявка на «Вальс Матильды».— Уолтер потянулся к магнитофону.— Великий баритональный бас Питер Доусон — это, кстати, еще и марка отличного шотландского виски — исполняет «Вальс Матильды».— В изрядно изношенной электронной памяти он нашел номер нужной бобины, и через мгновение она уже крутилась.

Пока транслировалась музыка, Уолт Дэнджерфилд настроил свою приемную аппаратуру, надеясь снова поймать тот слабый сигнал. Однако вместо этого стал невольным участником двусторонних переговоров между двумя военными частями, занятыми в какой-то полицейской акции в Верхнем Иллинойсе. Их отрывистые переговоры заинтересовали Уолтера, и он слушал до тех пор, пока не кончилась музыка.

— Удачи вам, парни в форме,— на прощание сказал он в микрофон.— Переловите всю эту шатию-братию, и да благословит вас Бог.— Дэнджерфилд усмехнулся, потому что не было на свете человека более безнаказанного, чем он. Никто на всей планете не смог бы добраться до него — с момента катастрофы было предпринято шесть попыток, и все провалились.— Поймайте этих ублюдков... или мне следовало бы сказать «этих *молодцов*»? Ведь в наше время так трудно отличить, кто хороший, а кто плохой.— В последние несколько недель его приемники уловили большое количество жалоб на зверства военных.— А теперь вот что я вам скажу, ребята,— как ни в чем не бывало продолжал он.— Поосторожнее там с ружьями на белок. Вот, собственно, и все.— Уолтер начал искать в бортовой фонотеке запись «Песенки дятла».— Ну вот, братишка,— сказал он наконец и поставил пленку.

Мир под ним был погружен в темноту, он сейчас пролетал над ночной стороной планеты. Тем не менее край ее уже постепенно окрашивался солнечными лучами, и скоро он вновь окажется в дневной зоне. Виднеющиеся там и сям огоньки были похожи на дырочки, проколотые в поверхности планеты, которую он покинул семь лет назад — покинул с совсем иной целью, с совсем другими намерениями. Причем куда более благородными.

Его спутник не единственный все еще вращался вокруг Земли, зато единственный был обитаемым. Все остальные давным-давно погибли. Но ведь они и не были так хорошо обеспечены, как Уолт с Лидией — их снабдили запасами на десять лет жизни на другой планете. Ему повезло: кроме пищи, воды и воздуха, на борту было бесконечное множество аудиозаписей, чтобы они не скучали. А теперь с помощью этих лент он не давал скучать другим — наследникам цивилизации, из-за которой он здесь прежде всего и оказался. Они провалили его отправку на Марс — правда, к счастью для себя. Их провал с тех пор приносил им жизненно важные дивиденды.

— Так, так, так,— пропел Уолт Дэнджерфилд в микрофон, используя передатчик, который мог унести его голос на миллионы миль, а не только на какие-то жалкие двести.— Расскажу

вам, что можно сделать с помощью таймера от старой стиральной машины «Дженерал электрик». Об этом нам сообщил умелец из окрестностей Женевы. Спасибо тебе, Георг Шилпер, я знаю, что всем будет приятно услышать, как ты даешь этот совет в своем собственном исполнении.— Он поставил ленту с записью голоса умельца. Теперь все жители района Великих озер Соединенных Штатов получат мудрый совет Георга Шилпера и, несомненно, тут же бросятся использовать его. Мир испытывал настоящий голод по знаниям, рассованным по карманам там и сям, знаниям, которые — без Дэнджерфилда — остались бы достоянием исключительно места своего появления, возможно, навсегда.

После записи совета Георга Шилпера он поставил запись отрывка из «Бремени страстей человеческих» в собственном исполнении и, кряхтя, выбрался из кресла.

Его беспокоила боль. Она появилась под грудиной совершенно неожиданно, и сейчас он в сотый раз поставил в проектор один из медицинских микрофильмов и принялся просматривать раздел, посвященный болезням сердца. «Напоминают ли мои ощущения то, как если бы кто-то пытался выдавить из моей груди воздух? — спросил он себя.— Будто кто-то всей тяжестью навалился на меня? Прежде всего, довольно затруднительно припомнить, что такое вес вообще. Или это просто жжение... а если так, то что? До еды или после?»

На прошлой неделе он связался с больницей в Токио и описал симптомы. Врачи не смогли с уверенностью поставить диагноз. «Одним словом,— сказали они,— вам требуется электрокардиограмма». Но как он мог ее здесь себе сделать? Да и вообще, мог ли ее сделать кто-нибудь во всем мире? Японские врачи явно жили в прошлом. Или Япония восстановилась в куда большей степени, чем кто-либо предполагал?..

«Самое удивительное,— подумал он,— что я вообще протянул так долго». Впрочем, ему этот срок не казался очень уж долгим, поскольку чувство времени было нарушено. Кроме того, он постоянно был очень занят. Например, в данный момент шесть магнитофонов записывали передачи на шести самых широко используемых частотах. До того, как закончится очередной отрывок моэмовского романа, ему придется воспроизвести то, что они успели записать. Ленты могут оказаться пустыми, а может, на них записались многие часы ничего не значащей болтовни. Заранее этого никто знать не мог. «Если бы только,— подумал он,— я мог использовать высокоскоростную передачу... но, к

сожалению, там, внизу, больше не было необходимых декодеров». Часы можно было сжать в секунды, и тогда он мог бы снабжать каждый район полной информацией. А так ему приходилось отвешивать ее каждому району небольшими порциями, с множеством повторов. Таким образом, иногда чтение одного-единственного романа занимало несколько месяцев.

Но по крайней мере он сумел понизить частоту, на которой передавал спутник, до диапазона, на котором люди внизу могли принимать его передачи на обычных УКВ-приемниках. Это было одним из величайших его достижений, и именно оно сделало его тем, кем он стал.

Чтение Моэма закончилось, затем автоматически возобновилось. Оно началось сначала для следующей зоны. Не обращая внимания, Уолт Дэнджерфилд продолжал просматривать медицинские микрофильмы. «Наверное, это всего-навсего спазмы клапана желудочного привратника,— наконец решил он.— Был бы у меня фенобарбитал...» — но весь его запас был использован еще несколько лет назад. Лидия в своей последней самоубийственной депрессии истратила его весь, до конца — истратила и тем не менее покончила с собой. Как ни странно, начало ее депрессии положило внезапно наступившее молчание советской космической станции. До тех пор она верила, что их всех спасут и доставят обратно на Землю целыми и невредимыми. Русские умерли от голода, все десять человек, но никто такого даже и предположить не мог, потому что они до самого конца исполняли служебный долг, передавая на Землю какую-то научную белиберду.

— Так-так-так,— сказал себе Дэнджерфилд, прочитав про клапан привратника и его спазмы.— Ребята,— пробормотал он,— у меня тут какая-то забавная боль появилась, скорее всего, переел накануне... думаю, все, что мне требуется, так это хорошая таблеточка, согласны? — Он на мгновение оторвался от микрофона и выключил магнитофон.— Помните те старые лозунги? — продолжал Дэнджерфилд, обращаясь к своей погруженной во тьму, невидимой аудитории.— Ну, еще довоенные... постойте, как же там? Бомб мы делаем все больше, но нравится нам это все меньше. Что-то вроде этого,— он усмехнулся.— Что, не нравится термоядерная война? Эй, там, в Нью-Йорке, слышите меня? Давайте-ка все, кто меня слышит, все шестьдесят пять человек, быстренько зажгите-ка спички, чтобы я мог вас видеть.

Тут в наушниках раздался громкий сигнал:

— Дэнджерфилд, это дирекция нью-йоркского порта. Не скажете ли, какая нас ждет погода?

— О,— сказал Дэнджерфилд,— вас ждет *прекрасная* погода. Можете смело выходить в море на этих своих утлых лодчонках и спокойно ловить радиоактивную рыбешку. Беспокоиться абсолютно не о чем.

Послышался другой, более слабый голос:

— Мистер Дэнджерфилд, а не будете ли вы столь добры поставить что-нибудь из классического репертуара. Особенно хотелось бы послушать «Холодная ручонка, надо вам ее согреть» из «Богемы».

— Ха, да это я и сам мог бы вам *спеть*,— сказал Дэнджерфилд и, напевая в микрофон, полез за нужной пленкой.

В тот вечер, вернувшись в Болинас, Элдон дал дочке первую таблетку антибиотика, а потом отвел жену в сторону.

— Слушай, у них там, в Уэст-Марино, есть первоклассный умелец, о котором они предпочитают помалкивать. А ведь это всего в двадцати милях отсюда. Думаю, мы должны послать туда людей, похитить его и привезти сюда, к нам.— Помолчав, он добавил: — Он калека, безрукий и безногий, но видела бы ты, какой он себе отгрохал мобиль! Ни один из тех умельцев, что у нас были, не сумел бы сделать ничего даже отдаленно похожего.— Снова натянув шерстяную куртку, он подошел к дверям комнаты.— Схожу, попробую убедить Комитет проголосовать за это.

— Но ведь закон запрещает селиться у нас людям с отклонениями,— возразила Патрисия.— А председателем Комитета в этом месяце является миссис Уоллес. Сам же знаешь, как она относится ко всяким там мутантам. Она ни за что не позволит еще одному калеке приехать и поселиться у нас. У нас их и так уже четверо, да и то она постоянно жалуется.

— Наш закон касается только мутантов, которые могут стать финансовой обузой для общины,— возразил Блейн.— Уж кому и знать, как не мне. Ведь я сам участвовал в составлении проекта. Хоппи Харрингтон обузой точно не будет, напротив, он станет выгоднейшим приобретением. Таким образом, действие закона на него не распространяется. Я выступлю против миссис Уоллес и постараюсь добиться своего. Я наверняка смогу получить официальное разрешение, а насчет самого похищения я уже продумал все до мелочей. Они пригласили нас послушать спутник. Мы приедем к ним в гости, но не только для того, чтобы послушать Дэнджерфилда. Пока они будут сидеть, развесив уши, мы умык-

нем Хоппи. Мы выведем из строя его мобиль и перевезем сюда так быстро, что они и глазом моргнуть не успеют. Что с воза упало, то пропало. А наша полиция, в случае чего, нас защитит.

Патрисия сказала:

— Боюсь я этих уродов. Многие из них обладают необычными способностями, сверхъестественными. Это все знают. Не исключено, что и свой мобиль он соорудил при помощи колдовства.

Презрительно улыбнувшись, Элдон Блейн заметил:

— Может, оно и к лучшему. Может, как раз колдовства-то нам и не хватает — разных там заклинаний и собственного общинного колдуна. Лично я обеими руками «за».

— Схожу посмотрю, как там Гвен,— сказала Патрисия и отправилась за ширму, где лежала их больная дочка.— Но учти, лично я в этом участвовать не желаю. По мне, так то, что ты собираешься совершить, просто ужасно.

Элдон Блейн вышел из комнаты на улицу, окунувшись в ночную тьму. Вскоре он уже торопливо шел по тропинке к дому Уоллесов.

Пока жители графства Уэст-Марино один за другим входили в Форестер-Холл и рассаживались, Джун Роб осторожно вращала ручку настройки радиоприемника, питающегося от двенадцативольтового автомобильного аккумулятора. Обращало на себя внимание то, что Хоппи Харрингтон и сегодня не явился послушать спутник. «Как это он высказался? *Не люблю слушать больных людей.* Довольно странное заявление»,— подумала она.

Из динамика сначала слышалось только потрескивание помех, потом стали различимы тоненькие позывные спутника. Через несколько минут сигнал станет совершенно отчетливым... если только аккумулятор снова не сядет, как это случилось позавчера.

Заполняющие зал люди внимательно прислушивались, и наконец сквозь треск статики стали различимы первые слова Дэнджерфилда.

— ...в штате Вашингтон разразилась эпидемия сыпного тифа, распространившаяся аж до канадской границы,— сообщал Дэнджерфилд.— Так что не советую совать туда нос, друзья. Если это сообщение — правда, то дело плохо. А вот более обнадеживающее сообщение из Портленда, штат Орегон. С Востока прибыли два корабля. Ну, разве не приятная новость? Насколько мне известно, эти два больших грузовых судна, доверху набиты изделиями небольших японских и китайских предприятий.

Слушатели возбужденно зашевелились.

— У меня для вас имеется и хозяйственный совет от специалиста по питанию с Гавайских островов,— продолжал Дэнджерфилд, но тут его голос стал угасать, и снова из динамиков послышался шорох статики. Джун Роб прибавила громкость, но это не помогло. На лицах присутствующих отразилось разочарование.

«Если бы здесь был Хоппи,— подумала она,— он бы смог настроить радио куда лучше, чем я». Она нервно оглянулась на мужа, ища у него поддержку.

— Погодные условия,— заявил тот со своего места в первом ряду.— Просто нужно немножко потерпеть.

Но кое-кто уже бросал на нее враждебные взгляды, как будто это она была виновата в том, что звук исчез. Ей оставалось лишь беспомощно развести руками.

Дверь Форестер-Холла распахнулась, и на пороге появились трое мужчин. Двое были ей незнакомы, а третий был очечником. Они неторопливо оглядели зал и выбрали себе свободные места. Все обернулись и с любопытством уставились на новоприбывших.

— Вы кто такие, ребята? — спросил мистер Сполдинг.— Кто вам разрешил заявиться сюда?

Джун Роб ответила за них:

— Это я пригласила делегацию из Болинаса приехать сюда и послушать вместе с нами спутник. Их радио вышло из строя.

— Шшшш! — зашикали на них, поскольку снова стал слышен голос со спутника.

— ...тем не менее,— говорил Дэнджерфилд,— боль в основном появляется во сне или перед едой. Во время приема пищи она как будто уходит, и это наводит меня на мысль, что это, скорее всего, язва, а не сердце. Если меня слышат какие-нибудь доктора, имеющие доступ к передатчику, может, они смогут связаться со мной и сказать, что они по этому поводу думают. В принципе, я мог бы снабдить их еще кое-какой информацией.

Удивленная Джун Роб слушала, как человек на спутнике продолжает все в больших и больших подробностях описывать симптомы своей болезни. «Уж не это ли имел в виду Хоппи? — спросила она себя.— Дэнджерфилд превратился в ипохондрика, и никто не заметил превращения, кроме Хоппи с его необычайно острыми чувствами.— Ее даже передернуло.— Этот бедняга там, наверху, обреченный крутиться вокруг Земли до тех пор, пока у него наконец, как у тех русских, не кончится пища или воздух и он не погибнет.

А что же нам тогда делать? — спросила она себя.— Без Дэнджерфилда... как же мы будем жить дальше?»

Глава 8

Орион Строд, председатель попечительского совета средней школы Уэст-Марино, подкрутил колмановскую бензиновую лампу так, чтобы в школьной подсобке стало достаточно светло и все четыре члена совета смогли как следует рассмотреть нового учителя.

— Я бы хотел задать ему несколько вопросов,— сказал Строд.— Во-первых, он назвался мистером Барнсом и утверждает, что родом из Орегона. Кроме того, по его словам, он научный работник, специализирующийся на естественных продуктах питания. Это так, мистер Барнс?

Новый учитель, невысокого роста молодой человек в защитного цвета рубашке и рабочих брюках, нервно откашлялся и ответил:

— Да, я знаком с химией, флорой и фауной, в частности специализировался на ягодах и грибах.

— Видите ли, в последнее время именно грибы и составляют нашу проблему,— перебила его миссис Толлмен, пожилая леди, состоявшая в членах совета еще до катастрофы.— Мы всегда не рекомендовали употреблять их в пищу, поскольку уже сталкивались с несколькими случаями отравления по неосторожности, жадности или просто по неведению.

Строд заметил:

— Но мистера Барнса невеждой никак не назовешь. Он окончил университет в Дэвисе, и там его научили, как отличать съедобные грибы от ядовитых. Он не станет гадать или рисковать. Верно ведь, мистер Барнс? — Строд взглянул на нового учителя, ожидая подтверждения своих слов.

— Существуют съедобные виды, насчет которых ошибиться просто невозможно,— кивнул Барнс.— Я прошелся по вашим лугам и лесам и видел прекрасные экземпляры. Ими вы вполне можете пополнить свой рацион без малейшего риска для здоровья. Я даже знаю их латинские названия.

Члены совета зашевелились и стали переговариваться. «Слова нового учителя произвели на них впечатление,— понял Строд.— Особенно последнее замечание насчет латинских названий».

— А почему вы покинули Орегон? — прямо спросил Джордж Келлер, директор школы.

Новый учитель взглянул на него и коротко ответил:

— Политика.

— Ваша. Или их?

— Их,— сказал Барнс.— У меня нет никакой политики. Я учу детей, как делать чернила и мыло и как купировать хвосты ягнятам, даже если эти ягнята уже подросли. К тому же я привез с собой книги.— Он взял верхнюю книгу из небольшой стопки на столе рядом с собой, демонстрируя членам совета, в каком они хорошем состоянии.— Могу сказать вам кое-что еще: в этой части Калифорнии имеется все необходимое для производства бумаги. Вы знаете об этом?

Миссис Толлмен сказала:

— Мы всегда знали это, мистер Барнс. Вот только не знали как. Это ведь как-то связано с древесной корой, не так ли?

Лицо нового учителя приобрело загадочное выражение, напоминающее скрытность. Строд знал, что миссис Толлмен права, но учитель явно не хотел давать ей это понять. Он хотел держать свои знания при себе, поскольку окончательно на работу принят еще не был. Его знания пока оставались недоступными — он ничего не собирался отдавать задаром. И это, конечно, было правильно: Строд даже уважал за это Барнса. Только дурак расстается с чем-то задаром.

В первый раз заговорила новый член совета, мисс Костиган:

— Лично я... я почти ничего не знаю о грибах, мистер Барнс. На что в первую очередь следует обращать внимание, как отличить смертоносную аманиту? — Она уставилась на нового учителя, очевидно, твердо вознамерившись вытянуть из него конкретные факты.

— У аманиты, или попросту бледной поганки,— начал Барнс,— на ножке имеется юбочка. У большинства других грибов она отсутствует. Гриб пластинчатый, с белыми спорами...— Он улыбнулся мисс Костиган, она улыбнулась в ответ.

Миссис Толлмен разглядывала принесенную новым учителем стопку книг.

— Я смотрю, у вас тут имеются «Психологические типы» Карла Юнга. Уж не изучали ли вы заодно и психологию? Как приятно заполучить для нашей школы учителя, который не только разбирается в съедобных грибах, но еще и является знатоком Фрейда и Юнга.

— Это все пустое,— раздраженно сказал Строд.— Нам нужны полезные науки, а не всякая там академическая белиберда.— Он чувствовал себя уязвленным: миссис Барнс не предупредила его насчет того, что она увлекается разными теориями.— Психологией выгребную яму не выроешь.

— Ну, думаю, мы готовы провести голосование по кандидатуре мистера Барнса,— вмешалась мисс Костиган.— Лично я считаю, что он вполне подходит,— по крайней мере, с профессиональной точки зрения. Кто-нибудь из присутствующих придерживается иной точки зрения?

Миссис Толлмен обратилась к мистеру Барнсу:

— Вы, наверное, уже знаете — нашего прежнего учителя мы казнили. Вот почему нам и понадобился новый. Именно поэтому мистер Строд и был послан на поиски. Он обыскал едва ли не все побережье, пока не наткнулся на вас.

С каменным выражением лица мистер Барнс кивнул:

— Да, знаю. Но это меня ничуть не смущает.

— Вашего предшественника звали мистер Остуриас, и он тоже очень здорово разбирался в грибах,— сказала миссис Толлмен.— Хотя на самом деле собирал их исключительно для себя. Он никогда ничего нам о них не рассказывал, но мы не настаивали. Расстрелять мы его решили не за это. Мы расстреляли его за то, что он нам солгал. Видите ли, истинная причина его появления здесь не имела ничего общего с преподаванием. Он искал человека, некоего Джека Три, который, как оказалось, живет в наших краях. Миссис Келлер, уважаемый член нашей общины и супруга присутствующего здесь Джорджа Келлера, нашего директора школы, является хорошей знакомой мистера Три, и именно она сообщила нам о сложившейся ситуации. Естественно, мы действовали законно и официально, через нашего шефа полиции мистера Эрла Колвига.

— Понимаю,— все с тем же каменным выражением лица ответил мистер Барнс, который слушал ее не перебивая.

Заговорил Орион Строд:

— Суд присяжных, который приговорил его и привел приговор в исполнение, состоял из меня, Каса Стоуна, крупнейшего землевладельца в Уэст-Марино, миссис Толлмен и миссис Роб. Я сказал «привел в исполнение», но вы же понимаете, что сама казнь — расстрел — была произведена Эрлом. После того как официальный суд Уэст-Марино принял решение, его исполнение — прямая обязанность шефа полиции.— Он буквально сверлил нового учителя глазами.

— С моей точки зрения, все это выглядит,— сказал мистер Барнс,— в высшей степени официально и законно. Я совершенно удовлетворен. И...— он улыбнулся присутствующим,— лично я обещаю поделиться с вами *своими* знаниями о грибах. Я не собираюсь держать их в тайне, как ваш покойный мистер Остуриас.

Все закивали — им его слова явно пришлись по душе. Напряжение в комнате спало, члены совета начали переговариваться. Была закурена сигарета — один из «Золотых ярлыков» Эндрю Гилла. Ее чудесный, богатый аромат наполнил комнату. Все оживились, испытывая теперь куда большее расположение и к новому учителю, и друг к другу.

При виде сигареты лицо мистера Барнса приобрело какое-то странное выражение, и он хрипло спросил:

— Неужели у вас еще есть табак? После семи лет? — Он явно не верил собственным глазам.

Довольно улыбаясь, миссис Толлмен сказала:

— Нет, мистер Барнс, само собой, никакого табака у нас нет. Впрочем, как и у всех остальных. Но зато у нас есть табачник. Он делает для нас эти особые сигареты «Золотой ярлык», смешивая сушеные овощи и травы, причем состав смеси держит в строжайшем секрете — что, впрочем, вполне оправданно.

— И сколько же они стоят? — спросил мистер Барнс.

— Если в стриженой бумаге штата Калифорния,— сказал Орион Строд,— то около сотни долларов за штуку. А в довоенном серебре — пятицентовик.

— У меня есть пять центов,— сказал мистер Барнс, опуская трясущуюся руку в карман. Он некоторое время шарил там, потом выудил никель и протянул его курящему — им оказался Джордж Келлер, который, скрестив для пущего удобства ноги, развалился в кресле.

— Прошу прощения,— сказал Джордж.— Но у меня нет желания продавать. Лучше отправляйтесь прямиком к мистеру Гиллу. Он целыми днями торчит на своей фабрике. Это здесь недалеко, в Пойнт-Рейс-Стейшн. Хотя, конечно, ему частенько приходится отлучаться по делам — у него свой фольксвагеновский минибус на конной тяге.

— Буду иметь в виду,— сказал мистер Барнс. И очень аккуратно положил свой никель обратно в карман.

— Вы собираетесь садиться на паром? — спросил окленд-ский чиновник.— Если нет, то лучше уберите свою машину, а то она загораживает въезд.

— Нет проблем,— ответил Стюарт Маккончи. Он снова сел в свою машину, дернул вожжи. Его конь, Эдуард Принц Уэльский, тронулся с места, и «понтиак» 1975 года, давно лишившийся двигателя, медленно выкатился на причал.

По обе стороны от причала простирался покрытый легкой зыбью голубой Залив. Стюарт смотрел сквозь стекло, как чайка ныряет вниз, чтобы выхватить что-то съедобное из воды. А вон и рыбаки... люди, пытающиеся добыть себе что-нибудь на ужин. На некоторых красовались лохмотья армейских мундиров. Скорее всего, это были ветераны, обитающие под причалом. Стюарт двинулся дальше.

Если бы только можно было позвонить в Сан-Франциско. Но подводный кабель снова вышел из строя, а обычные провода тянулись до Сан-Хосе, потом на другую сторону, вдоль всего полуострова, и к тому времени, когда звонок дойдет до Сан-Франциско, он обойдется ему в пять долларов серебром. Такое мог позволить себе только очень богатый человек. А ему, Стюарту, придется ждать часа два до отхода парома. Но хватит ли у него терпения?

Ему предстояло чрезвычайно важное дело.

Прошел слух, что найдена огромная советская ракета, которая так и не взорвалась. Она оказалась в земле где-то в районе Белмонта, и ее обнаружил какой-то фермер во время пахоты. Теперь фермер продавал ее отдельными деталями, которых только в системе наведения были тысячи. Фермер просил пенни за любую деталь, на усмотрение покупателя. А Стюарту, учитывая специфику его работы, требовалось множество таких деталей. Но подобных ему людей было хоть пруд пруди. Поэтому важно было придти первым. Если он быстро не пересечет Залив, будет слишком поздно — никаких радиодеталей для него и его бизнеса просто не останется.

Он торговал маленькими электронными капканами (делал их другой человек). Мелкие хищники мутировали и теперь с легкостью избегали обычных пассивных ловушек, независимо от их сложности, или попросту портили их. Особенно сильно изменились кошки, и мистер Харди разработал более совершенный капкан на кошек, намного превосходящий по достоинствам капканы на крыс и собак.

Кое-кто даже утверждал, будто за послевоенные годы кошки выработали собственный язык. По ночам люди частенько слышали, как они перемяукиваются друг с другом в темноте, издавая серии неестественных, отрывистых и хриплых звуков, совершенно не похожих на привычные кошачьи рулады. Кроме того, коты стали собираться в небольшие стаи и — вот это было известно совершенно точно — запасали пищу впрок. Именно эти запасы пищи, тщательно спрятанные и аккуратно хранимые, как раз и

всполошили людей, причем гораздо больше, чем новая манера общения кошек. Как бы то ни было, кошки, равно как и крысы, и собаки, были крайне опасны. Они частенько убивали и поедали маленьких детей — по крайней мере, такие слухи ходили повсеместно. И конечно, при любом удобном случае их в отместку тоже ловили и поедали. В частности, собаки, фаршированные рисом, считались настоящим деликатесом. В небольшой берклийской газетенке «Трибюн», выходящей раз в неделю, из номера в номер публиковались рецепты собачьего супа, собачьего рагу и даже собачьего пудинга.

Воспоминание о собачьем пудинге напомнило Стюарту, насколько он проголодался. Ощущение было такое, будто он не ел с момента падения самой первой бомбы и что последняя серьезная трапеза состоялась в закусочной Фреда в тот день, когда он встретился там с калекой и стал свидетелем его дурацкого транса. «Интересно,— подумал он,— где теперь маленький калека?» Он не вспоминал о нем уже много лет.

Теперь, конечно, таких калек было хоть пруд пруди, и почти все они раскатывали на таких же тележках, какая была у Хоппи, возвышаясь посреди своей маленькой передвижной вселенной, наподобие безногого и безрукого бога. Их вид до сих пор казался Стюарту отталкивающим, но теперь в мире было столько всего отталкивающего... калеки явно были не самым худшим из того отвратительного, что окружало человека. Более всего, решил он, ему не нравятся симбиотические группы на улицах: несколько калек, объединенных для совместного использования недостающих органов. Это напоминало какую-то блутгельдовскую экстраполяцию идеи сиамских близнецов... только здесь участников бывало гораздо больше двух. Один раз он видел сразу шестерых. Сращения производились не в утробе, а сразу после рождения. Это спасало множество калек, от рождения лишенных жизненно важных органов и нуждающихся в симбиотической связи для того, чтобы попросту выжить. Одна поджелудочная железа могла обслуживать несколько человек... это стало настоящим триумфом медицины. По мнению же Стюарта, дефективным попросту следовало бы дать спокойно умереть.

Справа от него безногий ветеран, истово гребя, гнал свой плот к груде плавающего на воде мусора — несомненно, являющегося обломками затонувшего корабля. За плотом тянулось несколько лесок, и ветеран то и дело проверял их. «Интересно,— подумал Стюарт, наблюдая за плотом,— доплывет ли он до Сан-Франциско?» Маккончи мог бы предложить владельцу плота за

переезд хоть пятьдесят центов, почему бы и нет? Стюарт вылез из машины и подошел к кромке воды.

— Эй! — крикнул он.— Давай сюда! — Стюарт достал из кармана пенни, бросил его на причал, и ветеран заметил монетку. Он тут же резко развернул плот и торопливо погреб обратно, стараясь добраться до вожделенной цели побыстрее. Лицо его заливал пот. Он еще издали заулыбался Стюарту и даже приложил ладонь к уху, чтобы лучше слышать.

— Рыбки желаете? — крикнул ветеран.— Я сегодня еще ни одной не поймал, но скоро обязательно что-то будет. А карликовую акулу не желаете? Безопасность гарантирую.— Он поднял над головой обшарпанный счетчик Гейгера, привязанный к талии веревкой — на случай, если прибор случайно упадет в воду. «Или кто-нибудь попытается украсть его»,— сообразил Стюарт.

— Нет,— крикнул в ответ Стюарт, присаживаясь на корточки на краю причала.— Мне нужно попасть в Сан-Франциско. Плачу четвертак.

— Но тогда ведь мне придется оставить здесь лески,— помрачнев, сказал ветеран.— Придется собирать их, чтобы кто-нибудь не украл, пока я в отлучке.

— Тридцать пять центов,— сказал Стюарт.

В конце концов они сошлись на сорока центах. Стюарт стреножил Эдуарда Принца Уэльского так, чтобы никто не смог увести его, и наконец оказался на водной глади Залива, вместе с плотом покачиваясь на волнах.

— Чем занимаешься? — спросил ветеран.— Случаем, не налоги собираешь? — Он спокойно разглядывал Стюарта.

— Не-а,— ответил Стюарт.— Капканами приторговываю.

— Послушай, дружище,— сказал ветеран.— У меня под причалом живет ручная крыса. Она очень умная, такая, что даже умеет играть на флейте. Поверь, я не преувеличиваю — это святая, истинная правда. Я сделал ей маленькую деревянную флейту, и теперь она играет на ней носом... практически получилось что-то вроде азиатской носовой флейты, типа тех, на которых играют в Индии. Ну так вот, жила она у меня, жила, а потом вчера взяла да и сбежала. Причем я видел, как все получилось, но не смог поймать ее. Она бросилась через причал, хотела схватить что-то, может, какую-то тряпку... вообще-то у нее была постелька, я сам ее соорудил, но она все равно постоянно мерзла — этот вид мутации, они все совершенно лысые.

— Да, видал я таких,— кивнул Стюарт, вспомнив, как такая же лысая бурая крыса с успехом сумела увернуться даже от

электронного капкана мистера Харди.— Честное слово, я тебе верю,— сказал Маккончи.— Я отлично разбираюсь в крысах. Но это все цветочки по сравнению с мелкими полосатыми серо-коричневыми кошками... Например, зуб даю, что флейту тебе пришлось делать — крыса ведь не могла сделать ее самостоятельно.

— Это точно,— подтвердил ветеран.— Но играла она и впрямь здорово. Слышал бы ты, как она играла. По вечерам, когда мы возвращались после рыбалки, послушать ее собиралась целая толпа. Я пытался научить ее играть токкату Баха.

— Как-то раз я поймал одну из этих полосатых кошек,— сказал Стюарт,— и она, прежде чем смыться, прожила у меня целый месяц. Так вот, она умела делать маленькие заостренные предметы из крышек консервных банок. Она их то ли как-то сгибала, то ли сворачивала. Короче, я никогда не видел, как она их делает, но оружие это было страшно опасное.

Ветеран, сделав очередной гребок, спросил:

— А как там нынче, к югу от Сан-Франциско? А то мне самому далеко-то не уйти.— Он указал на нижнюю часть тела.— Почти все время торчу на плоту. А если надо искупаться, то у меня тут лючок устроен. Что мне надо, так это найти какого-нибудь доходягу-калеку без рук, без ног и взять себе его тележку. Они еще мобилями называются.

— Я был знаком с самым первым из таких калек,— сказал Стюарт.— Еще до войны. Толковейший был малый, починить мог что угодно.— Он закурил сигарету из эрзац-табака. Ветеран облизнулся.— Ну, короче, к югу от Сан-Франциско места равнинные. Досталось им по первое число, так что там теперь сплошные поля да луга. Никто ничего не строит, а поскольку в основном там были хлипкие домишки, то и фундаментов порядочных не осталось. Фермеры выращивают горох, кукурузу да еще бобы. А посмотреть я хочу ту большую ракету, которую нашел один тамошний фермер. Мне нужны всякие реле, лампы и прочая электронная начинка для капканов мистера Харди.— Он помолчал.— Тебе обязательно надо приобрести такой капкан.

— А зачем? Я живу рыбалкой, так с чего мне ненавидеть крыс? Они вообще мне нравятся.

— Мне тоже,— сказал Стюарт.— Но нужно быть практичным, заглядывать в будущее. Если мы утратим бдительность, в один прекрасный день крысы просто захватят всю Америку. Ловить и убивать крыс — в особенности самых умных, которые могут стать естественными лидерами — наш долг перед страной.

Ветеран искоса взглянул на него.

— Да брось ты, все равно ничего мне не втюхаешь.

— Да нет же, я говорю совершенно искренне.

— Вот что мне не нравится в торговцах: они сами верят в собственные враки. Сами же знаете, что лучшие из крыс способны очень на многое и в отдаленной перспективе могут стать очень полезными для нас. Например, с ними можно бы было пересылать сообщения, поручать или кое-какую мелкую работенку. Но вот насчет их опасности...— Он отрицательно покачал головой.— А сколько стоит ваш капкан?

— Десять долларов серебром. Причем местные фантики в уплату не принимаются. Мистер Харди пожилой человек, а сам знаешь, как старики относятся к ассигнациям штата. То есть он их вообще за деньги не считает.— Стюарт рассмеялся.

— Давайте я расскажу, как встретил крысу, совершившую подвиг,— начал было ветеран, но Стюарт перебил его.

— Мое мнение неизменно,— сказал он.— Так что спорить бесполезно.

После этого оба замолчали. Стюарт любовался просторами раскинувшегося вокруг Залива, ветеран молча греб. Денек был погожий, и пока они, покачиваясь на волнах, неторопливо плыли к Сан-Франциско, Стюарт размышлял об электронных деталях, которые, возможно, удастся купить для мистера Харди. А также о фабрике на авеню Сан-Пабло, неподалеку от развалин того, что когда-то было Калифорнийским университетом.

— Что это у вас за сигарета? — наконец подал голос ветеран.

— Эта? — Стюарт рассеянно повертел в пальцах окурок. Он уже готов был затушить его и сунуть в металлическую коробочку, которую держал в кармане. Коробочка была полна окурков, которые Том Френди, табачник из Южного Беркли, скоро выпотрошит и сделает из них новые сигареты.— Импортные,— объяснил он.— Из графства Марино. Называются «Золотой ярлык», а производит их...— Он замолчал, чтобы произвести на плотовщика большее впечатление.— Впрочем, думаю, говорить не стоит.

— Эндрю Гилл,— закончил за него ветеран.— Слушайте, а нельзя у вас приобрести сигаретку? Я заплачу целых десять центов.

— Они стоят по пятнадцать центов за штуку,— ответил Стюарт.— Их возят сюда через Блэк-Пойнт, потом через Сирс-Пойнт, потом через Лукас-Вэлли — короче говоря, откуда-то из-за Никасио.

— Мне как-то достался один из этих «Золотых ярлыков»,— сказал ветеран.— Он выпал из кармана одного из пассажиров парома. Я выловил его из воды и высушил.

Под влиянием порыва Стюарт протянул ему окурок.

— Да благословит вас господь,— пробормотал ветеран, не поднимая глаз. После этого он стал грести быстрее, губы безмолвно шевелились, глаза сверкали.

— У меня есть еще,— сказал Стюарт.

На это ветеран ответил:

— Я вам вот что скажу: у вас есть еще кое-что — человечность, а это в наши дни самый редкий товар. Самый редкий.

Стюарт кивнул. Он чувствовал, насколько справедливы слова ветерана.

Постучав в дверь небольшой деревянной хибарки, Бонни позвала:

— Джек! Вы дома? — После этого она попробовала открыть дверь и обнаружила, что та не заперта.

Мистеру Барнсу она пояснила: — Скорее всего, он где-то бродит со своим стадом. Сейчас как раз период окота, и у него хлопот полон рот: нынче рождается масса мутантов, и очень многие из них не способны родиться естественным образом, без помощи.

— Сколько же у него овец? — спросил Барнс.

— Три сотни. Они пасутся в каньонах неподалеку отсюда, поэтому точно подсчитать количество голов невозможно. Надеюсь, вы не боитесь баранов?

— Нисколько,— ответил Барнс.

— Тогда прогуляемся,— предложила Бонни.

— И это — человек, которого пытался убить прежний учитель,— пробормотал себе под нос Барнс, когда они шли через выщипанное овцами пастбище к гряде невысоких, поросших елями и кустарником холмов. Большинство кустов, как он обратил внимание, было обглодано; голые ветки свидетельствовали о том, что овцы мистера Три пасутся где-то неподалеку.

— Именно,— сказала женщина, шагающая впереди, засунув руки в карманы. И тут же добавила: — Но, поверьте, я не имею ни малейшего понятия, почему Джек... простой овцевод. Я знаю, что разводить овец на пахотных землях незаконно... но, как вы сами можете убедиться, на самом деле эти земли пахать практически невозможно, поскольку тут сплошные каньоны. Может, мистеру Остуриасу было просто завидно.

«Я ей не верю»,— подумал мистер Барнс. Впрочем, все это не особенно его интересовало. Он, так или иначе, собирался избежать ошибки, допущенной его предшественником, независи-

мо от того, кем или чем являлся мистер Три. С точки зрения мистера Барнса, он вообще являлся чем-то вроде части окружающего пейзажа. Собственное упоминание о мистере Три заставило его покраснеть — в том, каким он представлял себе этого человека, не было ничего приятного.

— Жаль, что мистер Гилл не смог отправиться с нами,— сказал Барнс. Он до сих пор так и не познакомился с выдающимся табачником, о котором слышал еще до приезда в Уэст-Марино.— Помнится, вы мне что-то говорили о вашем музыкальном ансамбле. Значит, у вас есть какие-то инструменты? — Ему это было по-настоящему интересно, поскольку он и сам когда-то играл на виолончели.

— У нас две флейты,— отозвалась Бонни.— Эндрю Гилл и Джек Три. А я играю на фортепиано. Мы исполняем вещи ранних композиторов, таких как Генри Перселл и Иоганн Пачелбел. Время от времени к нам присоединяется доктор Стокстилл, но...— Тут она нахмурилась и замолчала.— Он вечно так занят — ведь нужно объехать столько городков. К вечеру у него уже просто не остается сил.

— А в ваш ансамбль может вступить кто-нибудь еще? — с надеждой спросил Барнс.

— А на чем вы играете? Предупреждаю: мы интересуемся исключительно классикой. Это не просто любительский ансамбль. И я, и Джордж, и Джек играли еще до катастрофы. Мы начали... девять лет назад. Только Гилл присоединился к нам после катастрофы.— Она улыбнулась, и Барнс удивился, насколько красивые у нее зубы. А ведь сколько в последнее время встречается людей, страдающих от недостатка витаминов и лучевой болезни... они потеряли вообще все зубы до единого, и у всех развилась анемия десен. Он тут же сомкнул губы поплотнее, скрывая собственные зубы, которые никогда не были особенно хорошими.

— Когда-то я играл на виолончели,— сказал он, сознавая, что это совершенно бесполезное умение, поскольку виолончелей в природе больше не существовало. Вот играй он на каком-нибудь металлическом инструменте...

— Как жаль,— сказала Бонни.

— А разве в ваших краях вообще не осталось струнных инструментов? — Он был твердо уверен, что в случае необходимости запросто сможет освоить... ну, скажем, альт; более того, он был бы даже рад, если бы это помогло ему влиться в ансамбль.

— Нет,— ответила Бонни.

Впереди показалась овца — черномордый суффолк. Она несколько мгновений рассматривала их, потом развернулась и исчезла. «Ярочка,— заметил Барнс,— крупная, здоровая, мясистая и с отличной шерстью. Интересно,— подумал он,— стригли ли ее хоть раз?»

У него просто слюнки потекли при виде такой красоты. Он не ел баранины уже много лет.

Он спросил Бонни:

— А он режет их или выращивает только ради шерсти?

— Ради шерсти,— ответила она.— У него заскок насчет убийства — ни за что не соглашается, сколько ни предложи. Люди, конечно, время от времени воруют овец... если соскучились по баранине, но это единственный способ. Заранее должна предупредить: его стадо хорошо охраняется.— Она указала куда-то вдаль, и Барнс увидел на вершине холма пса, который внимательно наблюдал за ними. Учитель сразу понял, что это результат сильной мутации, причем полезной, так как морда пса буквально светилась интеллектом.

— Нет, я к его овцам и близко не подойду,— сказал Барнс.— Он не бросится на нас, а? Пес вас знает?

Бонни ответила:

— Я поэтому и пошла с вами, из-за этого пса. У Джека только он и есть. Но этого вполне достаточно.

Пес неторопливо потрусил к ним.

«В свое время,— прикинул Барнс,— его предками были самые обычные серые или черные немецкие пастушьи овчарки. И сейчас характерная форма носа и ушей вполне узнаваема. Теперь же...». Он напряженно ждал приближения пса. Конечно, в кармане у него лежит нож, который много раз выручал его,— но в данном случае он наверняка не поможет. Джек старался держаться поближе к спутнице, которая, как ни в чем не бывало, продолжала идти вперед.

— Привет,— окликнула пса Бонни.

Остановившись перед ними, пес открыл пасть и завыл. Вой производил ужасное впечатление, настолько ужасное, что Барнс даже вздрогнул. Больше всего это напоминало стон задыхающегося или раненного в горло человека, тщетно пытающегося что-то произнести. В этом вое он вроде бы даже разобрал — или ему только показалось — какое-то слово или два, но не был уверен. Однако Бонни вроде бы поняла.

— Молодец, Терри,— сказала она псу.— Спасибо, Терри, умница.— Пес завилял хвостом. Бонни обратилась к Барнсу:

— Мы найдем его в четверти мили отсюда.— И двинулась дальше.

— А что он вам сказал? — спросил Барнс, когда решил, что собака их больше не слышит.

Бонни расхохоталась. Ее смех вызвал в нем раздражение, и он поморщился.

— О господи,— воскликнула она,— да он же поднялся по эволюционной лестнице на миллион лет. Это одно из величайших чудес развития, а вы не можете разобрать, что он говорит.— Она вытерла глаза.— Простите, но это чертовски забавно. Я рада, что вы задали свой вопрос, когда он уже не мог нас слышать.

— Подумаешь,— обиженно сказал Барнс.— Меня это не больно-то впечатлило. Просто вы киснете здесь, в своей глубинке, и вам это кажется настоящим чудом природы. А я исколесил все побережье и навидался такого, что...— Тут он осекся.— Короче, этот пес — сущая ерунда по сравнению с тем, что я видел. Хотя, должен признать, зрелище довольно забавное.

Бонни, все еще смеясь, взяла его под руку.

— Ну да, конечно, вы ведь пришли к нам из большого мира. И видели все его чудеса, в этом вы правы. А что, собственно, вы видели, Барнс? Кстати, мой муж — ваш начальник, а Орион Строд — его. Зачем вы приехали к нам? В нашу глубинку? В эту сельскую глушь? Лично я считаю, что для жизни лучше места нет, у нас здесь стабильная община. И, как ни странно, у нас здесь есть и свои маленькие достопримечательности. Конечно, здесь нет никаких чудес и удивительных мутантов, как в больших городах, где уровень радиации был значительно выше. Зато у нас есть Хоппи.

— Господи,— бросил Барнс,— да сейчас таких калек, как он, пятачок на пучок: они буквально повсюду.

— Тем не менее вы согласились работать у нас,— пристально глядя на него, сказала Бонни.

— Я же говорил. У меня возникли политические разногласия с чинушами, которые возомнили себя королями в своем жалком королевстве.

Бонни задумчиво прокомментировала:

— Мистер Остуриас тоже интересовался политикой. И психологией, как и вы.— Они все шли и шли, а она по-прежнему не спускала с него глаз.— Правда, он был куда менее симпатичным, чем вы. У него была такая маленькая, похожая на яблоко голова. А когда он бежал, у него подкашивались ноги. Да, бегать ему не следовало.— Теперь Бонни как будто окончательно успокоилась.— Он изумительно готовил грибы — навозники и ли-

сички. Впрочем, о грибах он знал все. А вы когда-нибудь пригласите меня на грибной ужин? Я уже так давно... мы пытались собирать их самостоятельно — но, как и предупреждала миссис Толлмен, ничего хорошего из этого не вышло, кроме расстройства желудка.

— Считайте, что вы уже приглашены,— сказал Барнс.

— Как, по-вашему, я привлекательна? — неожиданно спросила она.

Сбитый с толку, он промямлил:

— По-моему да... очень.— Барнс крепко сжимал ее руку, так, будто она была его поводырем.— А почему вы спросили? — осторожно осведомился он, чувствуя, как его охватывает какое-то неведомое, новое для него ощущение. Оно было немного сродни возбуждению, но в то же время столь холодным и рациональным, что вовсе не напоминало чувство. Может, это была своего рода настороженность, разновидность интуиции. Сейчас он особенно остро ощущал и себя, и окружающий пейзаж, и все, что видел вокруг,— короче, все аспекты окружающего мира, а в особенности свою спутницу.

В какую-то долю секунды Барнс со всей непреложностью понял — хотя тому не было видимых оснований,— что Бонни Келлер совсем недавно крутила с кем-то роман; возможно с табачником Гиллом, или с мистером Три, или даже с Орионом Стродом. Как бы то ни было, роман закончился или почти закончился, и теперь она ищет нового партнера. Поиск ее был инстинктивным и практичным. Не приходилось сомневаться в том, что у Бонни за жизнь было множество романов, она явно была докой в этом деле и прекрасно умела разговорить мужчину, чтобы понять, подходит он ей или нет.

«Интересно, а я? — подумал Барнс.— Я подхожу или нет? Не слишком ли все это опасно? Боже мой, ведь она сама сказала, что ее муж — мой начальник, директор школы».

Впрочем, возможно, все это просто игра воображения, поскольку слишком уж невероятным казалось то, что эта крайне привлекательная женщина, входящая в руководство общины и едва знакомая с ним, станет выбирать его таким... хотя она еще не выбрала его, пока она всего лишь прощупывала почву. Его испытывали, но испытания он пока не прошел. В душе Барнса пробудилась мужская гордость, быстро сменившая холодное, рассудочное чувство, охватившее его перед этим. Извращенная сила этой гордости проявила себя почти сразу: теперь он уже больше всего на свете хотел добиться у этой женщины успеха, быть

избранным, невзирая ни на какой риск. При всем при том он не чувствовал к ней ни любви, ни сексуального влечения — просто время еще не пришло. Единственное, что им двигало — это гордость, стремление не быть отвергнутым.

«Странно,— подумал Барнс,— неужели я способен на такое. Неужели все так просто?» Сейчас его разум действовал на куда более низком, нежели обычно, уровне — примерно на уровне морской звезды — и был способен на одну-две простейшие реакции... не больше.

— Слушайте,— сказал он,— да где же этот ваш мистер Три? — Сейчас Барнс шел впереди Бонни, вглядываясь в поросшие деревьями склоны. Тут, в низинке, он заметил гриб и бросился к нему.

— Смотрите,— воскликнул Барнс.— Это называется рыжик. Замечательный гриб. К тому же и встречается нечасто.

Бонни Келлер подошла поближе и опустилась возле гриба на колени, чтобы получше разглядеть его. Ему в глаза бросились ее обнаженные колени.

— Так вы собираетесь срезать его? — спросила она.— И унести с собой в качестве трофея?

— Да, я обязательно прихвачу его с собой,— ответил Барнс.— Но не в качестве трофея. Скорее, как изрядный довесок к сегодняшнему меню: я положу его на сковородку, добавлю масла и поджарю.

Бонни сидела, расчесывая волосы, и впечатление было такое, будто она хочет что-то сказать. В конце концов Барнсу стало не по себе — очевидно, она ждала от него каких-то слов. И тут ему вдруг пришло в голову — он буквально похолодел при этой мысли — что от него ждут не просто каких-то там слов; от него ждут *поступка.*

Они некоторое время смотрели друг другу в глаза, и теперь ему стало казаться, что Бонни тоже напугана, причем не меньше его. Однако ни он, ни она пока ничего не предпринимали, как будто каждый ждал, что первый шаг сделает другой. Ему вдруг пришло в голову, что, если он вдруг коснется Бонни, она либо отвесит ему пощечину, либо убежит... и, кроме того, это может вылится в совершенно нежелательные последствия. Она вполне способна на непредсказуемые поступки. «Господи, да ведь они же убили моего предшественника!»

Неожиданно его пронзила другая мысль: «Неужели такое возможно? Может, она завела с ним шашни, а потом все рассказала мужу? Неужели это настолько опасно? Потому что если это так, моя гордость может отправляться ко всем чертям. Единственное, чего я хочу,— это выйти сухим из воды».

Бонни вдруг сказала:

— А вот и Джек Три.

Вниз по склону холма к ним сбегала собака — тот самый мутант, который как будто обладал способностью говорить. А следом за ним шел мужчина с изможденным лицом, сутулый, с округлыми плечами. На нем были потрепанное городское пальто и грязные серо-голубые брюки. «Во всяком случае, он нисколечко не походит на фермера,— подумал мистер Барнс.— Скорее он похож на средних лет страхового агента, заблудившегося в лесу и плутавшего там с месяц или около того». Лицо незнакомца покрывала иссиня-черная щетина, неприятно контрастировавшая с белым как мел лицом. Мистер Барнс мгновенно почувствовал к этому человеку острую антипатию. Но только ли внешность мистера Три была этому причиной? Видит бог, он за свою жизнь навидался и калек, и обожженных, и больных как людей, так и животных... но нет, его реакция на мистера Три была основана на впечатлении от его неровной походки. Это не была походка здорового человека — это была походка человека страшно больного.

— Привет! — сказала Бонни, вставая.

Первой к ней подбежала собака, виляя хвостом, словно самый обычный пес.

— Я — Барнс, новый школьный учитель,— сказал он, поспешно вставая.

— А я — Три,— сказал больной, явно совершенно бессознательно, и тоже протянул руку. Взяв его руку в свою, Барнс ощутил, насколько она влажная, и тут же выпустил.

Бонни пояснил:

— Джек, мистер Барнс — крупный специалист по купированию хвостов у подросших ягнят, всегда рискующих подцепить столбняк.

— Понятно,— кивнул мистер Три. Правда, впечатление создавалось такое, будто он действует машинально, не сознавая, в чем дело. Нагнувшись, он потрепал пса по голове.— Барнс,— отчетливо произнес он, как будто стараясь вколотить в память пса это имя.

Собака проворчала:

— ...бррррнз...— и гавкнула, глядя на хозяина с надеждой на одобрение.

— Правильно,— улыбаясь, сказал мистер Три. Зубов у него почти не было, во рту зияли голые десны. «Даже хуже, чем у меня,— подумал Барнс.— То ли он находился совсем недалеко от

эпицентра, то ли, как и я, слишком плохо питается». Барнс вздохнул, отвел глаза и отошел в сторонку, держа руки в карманах.

— У вас здесь полно земли,— бросил Барнс.— Кстати, а через какое ведомство вы ее приобрели? Через администрацию графства Марино?

— А я ее и не приобретал,— ответил мистер Три.— Я просто пользуюсь ей. Благодаря помощи нашей милой Бонни Совет граждан графства и Комитет по планированию разрешают мне это.

— Что меня поражает, так это ваша псина. Он действительно может говорить — он совершенно отчетливо произнес мое имя.

— Поздоровайся с мистером Барнсом,— обратился мистер Три к собаке.

Пес тяжело вздохнул и пролаял:

— П-п-приет, мисс-р бббарррнззз.— Он снова вздохнул, глядя на Барнса и явно ожидая его реакции.

Теперь настала очередь вздохнуть Барнсу.

— Просто круто,— сказал он псу. Тот взвизгнул от радости, и принялся весело скакать вокруг Бонни и Барнса.

При виде такого искреннего веселья Барнс неожиданно почувствовал, что испытывает к собаке симпатию. Да, пес, конечно, просто удивительный. И все же... он чем-то отталкивал его, на совершенно бессознательном уровне — впрочем, равно как и мистер Три. Они оба производили впечатление существ, оторванных от мира, моральных уродов; как будто их жизнь здесь, в лесу, полностью отрезала их от всех остальных. Нет, они не одичали, не впали в дикость. Они просто стали противоестественными. Короче, они Барнсу совершенно не нравились.

Зато ему нравилась Бонни, и он никак не мог понять, что сближает ее с таким уродом как мистер Три. Неужели в этой небольшой общине обладание стадом овец делало человека важной шишкой? Или... не было ли здесь чего-то большего, чего-то, что могло бы объяснить попытку предыдущего учителя прикончить мистера Три?

Барнс был заинтригован. Возможно, это был тот же инстинкт, который обычно руководил им при виде новой разновидности гриба, когда он испытывал непреодолимое желание классифицировать его, точно определить, к какому виду тот относится. «Да,— подумал Барнс,— конечно, для мистера Три не больно-то лестно сравнение с грибом». Тем не менее именно такие чувства он испытывал и к странной собаке, и к ее хозяину.

Мистер Три сказал Бонни:

— А дочурку, я смотрю, вы сегодня не взяли, да?

— Нет,— ответила Бонни.— Эдди слегка приболела.

— Что-нибудь серьезное? — хрипло спросил мистер Три. В его голосе звучала неподдельная тревога.

— Просто живот прихватило. У нее это частенько бывает, с самого детства. Живот увеличивается и твердеет. Возможно, аппендицит, но в наши дни с хирургией большие проблемы...— Бонни осеклась и взглянула на Барнса.— Я рассказываю о своей дочке. Вы еще не знакомы с ней... она очень любит этого пса. Да, кстати, его зовут Терри. Они большие друзья. Когда мы с ней бываем здесь, они могут битый час болтать друг с другом.

Мистер Три заметил:

— Да, и она, и ее брат.

— Послушайте,— вдруг сказала Бонни.— Мне это начинает надоедать. Я же велела Эдди прекратить эту глупость. Кстати, именно поэтому я и люблю приводить ее сюда, чтобы она поиграла с Терри. Ей нужны товарищи по играм, иначе она совсем замкнется и полностью попадет под власть своих фантазий. Согласитесь, мистер Барнс, вы ведь учитель. Ребенок должен жить в реальном мире, а не в мире фантазий, верно?

— В наши дни,— задумчиво отозвался Барнс,— я вполне могу понять ребенка, ретирующегося в мир собственных фантазий... трудно винить его за это. Возможно, нам всем следовало бы поступить точно так же.— Он улыбнулся, но ответной улыбки ни от Бонни, ни от мистера Три так и не дождался.

Бруно Блутгельд буквально не спускал глаз с молодого учителя... если только этот невысокий молодой человек в защитного цвета брюках и рабочей рубашке и в самом деле был учителем, как утверждает Бонни.

«Может быть, он тоже охотится за мной? — спросил себя Блутгельд.— Как предыдущий? Не исключено. А Бонни привела его сюда... не может ли это означать, что она тоже на их стороне? Против меня?»

Ему не хотелось в это верить. Тем более после стольких лет. К тому же именно Бонни выяснила истинную причину появления мистера Остуриаса в Уэст-Марино. Бонни спасла его от старого учителя, и Бруно был очень благодарен ей за это. Если бы не она, то сейчас бы его уже не было на свете, и он никогда не забудет ей этой услуги. Поэтому, возможно, мистер Барнс и

впрямь был тем, за кого себя выдает, и беспокоиться не о чем. Блутгельд немного расслабился, успокоился и решил показать Барнсу только что родившихся суффолкских ягнят.

«Но рано или поздно,— сказал он себе,— кто-нибудь все равно выследит меня и убьет. Это вопрос времени. Меня ненавидят буквально все, и никогда не оставят в покое. Весь мир по-прежнему ищет человека, ответственного за то, что случилось, и это совершенно справедливо. Люди абсолютно правы. Кроме всего прочего, на мне лежит ответственность за гибель миллионов, за утрату трех четвертей планеты, и ни человечество, ни я забыть этого просто не в состоянии. Только Господь властен забыть и простить столь ужасное преступление».

Ему пришла в голову мысль:

«Мне не следовало допускать убийства мистера Остуриаса — надо было дать ему убить меня. Но Бонни и остальные... в принципе, это было их решение. Не мое, поскольку я больше не принимаю решений. Господь больше не доверяет мне такой ответственности, и это правильно. Мое дело — сидеть здесь, пасти овец и *ждать того, кто придет* — человека, которому суждено вершить последний суд, ангела мщения.

Когда же он придет? — спросил себя Блутгельд.— Скоро? Я и так жду уже долгие годы. Я устал... Надеюсь, ждать осталось недолго».

Мистер Барнс между тем спросил:

— Мистер Три, а чем вы занимались до того, как стали пасти овец?

— Я был физиком-ядерщиком,— ответил Блутгельд.

Бонни поспешно вмешалась:

— Джек был преподавателем физики. В университете. Конечно, далеко отсюда.

— Преподавателем,— протянул мистер Барнс.— В таком случае у нас много общего.— Он улыбнулся доктору Блутгельду, и тот машинально улыбнулся в ответ. Глядя на них, Бонни ужасно нервничала. Она судорожно стиснула руки, как будто боясь, что вот-вот произойдет нечто ужасное.

— Надо бы нам встречаться почаще,— угрюмо кивая, сказал Блутгельд.— Нам есть о чем поговорить.

Глава 9

Когда Стюарт Маккончи вернулся в Ист-Бэй после путешествия на полуостров к югу от Сан-Франциско, он обнаружил, что

кто-то — а это несомненно была группа ветеранов, обретающихся под пирсом — убил и съел его коня, Эдуарда Принца Уэльского. От бедняги остались лишь скелет, копыта и голова — словом, кучка отходов, совершенно бесполезных как для него, так и для кого-либо еще. Стюарт некоторое время постоял над останками в раздумье. Да, дорого ему обошлась эта поездка. К тому же он все равно опоздал: фермер уже распродал всю электронную начинку своей ракеты по частям и за сущие гроши.

Конечно, мистер Харди наверняка даст другую лошадь, но уж очень Маккончи любил Принца Уэльского. Да и вообще, убивать лошадей ради пропитания было неправильно, поскольку они были жизненно необходимы для совершенно иных целей. Теперь, когда большая часть лесов оказалась вырублена и использована в качестве топлива для газогенераторных автомобилей, а также просто на дрова для обитающих в холодных подвалах людей, они являлись основным видом транспорта. Кроме того, лошади были просто незаменимы при восстановительных работах и, учитывая отсутствие электричества, являлись практически единственным источником энергии. Стюарта привела в бешенство очевидная глупость расправы с Эдуардом. «Да,— думал он,— это уже самое настоящее варварство, которого люди теперь боятся больше всего. Самая настоящая анархия, причем в центре города — в Окленде — и среди бела дня. Раньше на такое, пожалуй, способны были бы лишь красные и китайцы».

Теперь, оставшись безлошадным, он медленно поплелся пешком в сторону Сан-Пабло-авеню. Солнце клонилось к горизонту, разливая над городом необыкновенно густой и сочный закат, к которому за прошедшие со времени катастрофы годы все уже привыкли. Так что Стюарт не обращал на него ни малейшего внимания. «Может,— думал он,— стоит заняться каким-нибудь другим бизнесом. Небольшие капканы... да, конечно, и на них кусок хлеба всегда заработаешь, вот только перспективы практически никакой. Да и какие перспективы могут быть в подобном занятии?»

Утрата коня привела его в глубокое уныние. Стюарт тащился мимо унылых фабричных развалин по заросшему бурьяном, растрескавшемуся тротуару. Из логова неподалеку блеснули чьи-то глаза. Зверь пристально уставился на него. «Тебя,— мрачно подумал Маккончи,— давно бы надо освежевать да подвесить за ноги».

Теперь понятно,— размышлял он,— почему Хоппи мог вполне законно решить, будто видит загробную жизнь. Все эти развалины, блеклое небо в дымке...

Голодные глаза все еще следили за ним — существо явно прикидывало, сможет ли оно справиться с человеком. Стюарт нагнулся, поднял кусок бетона и швырнул его в сторону логова, сооруженного из органического и неорганического материала, плотно склеенного чем-то вроде белой слизи. Очевидно, неизвестное существо превратило часть окружающего мусора в клейкую массу и использовало его для строительства своего убежища. «Занятная зверюга»,— подумал Стюарт. Впрочем, ему было наплевать. Мир вполне мог бы обойтись без всяких там замечательных и занятных созданий, появившихся на свет божий за прошедшие годы.

«К тому же я и сам изменился,— сказал он себе, еще раз обернувшись,— на случай, если неизвестное существо все же вздумает наброситься на него сзади.— Например, я стал куда сообразительнее, чем был прежде. Вряд ли ты со мной справишься, так что оставь-ка ты эту затею».

Очевидно, существо пришло к тому же решению, так как даже носа из своей норы не высунуло.

«Я, конечно, стал совершеннее,— подумал Маккончи,— но и сентиментальнее». Потому что ему действительно было жаль коня.

«Черт бы побрал этих разбойников-ветеранов,— сказал он себе.— Небось стоило нам оттолкнуть плот от берега, как вся шайка навалилась на беднягу Эдуарда. Как хотелось бы выбраться из этого города и переселиться куда-нибудь в пустынное место, где не будет всей этой жестокости и преступности. Ведь именно так после катастрофы и поступил тот психиатр. Стокстилл сразу же убрался из Ист-Бэя — я сам видел. Да, видать, умный он мужик. Он даже не пытался вернуться к прежнему ремеслу, а уж тем более остаться на прежнем месте, как сделал я.

То есть,— подумал Стюарт,— для меня после этой чертовой катастрофы практически ничего не изменилось. Раньше я продавал телевизоры, а теперь — электронные капканы на грызунов. А какая, собственно, разница? И то, и другое, в сущности, полная фигня. Нет, скорее я даже постепенно скатываюсь по наклонной».

Дабы хоть немного утешиться, он вытащил одну из немногих оставшихся дорогих сигарет и закурил.

«Из-за этого идиотского визита на ту сторону залива целый день коту под хвост,— с досадой осознал Маккончи.— Через пару часов стемнеет, и я отправлюсь спать в утепленную кошачьими шкурками комнатушку в подвале, за которую плачу мистеру Харди доллар серебром в месяц. Конечно, можно зажечь

жировую лампу и немного почитать книгу или часть книги.— В основном его небольшая библиотека состояла из частей поврежденных книг.— А можно навестить старого мистера Харди с его старушкой и у них послушать передачу со спутника».

Кроме всего прочего, он пару дней назад лично отправил по находящемуся на побережье в Западном Ричмонде радио заявку с просьбой прокрутить песенку Дэнджерфилда «Здорово потанцевали» — старую добрую вещицу, которую помнил еще с детства. Правда, он точно не знал, имеется ли этот шлягер на бесконечных милях записей Дэнджерфилда,— поэтому, возможно, так его и не дождется.

Дальше он шел, уже мурлыкая себе под нос:

Ох и слышал, братцы, новость,
Потанцуем нынче всласть.
Ох и новость, вот так *новость*!
Потанцуем нынче всласть!
Уж сегодня я подружку обхвачу,
Крепко-накрепко прижму и покручу.

От воспоминания о песенке из добрых старых времен у него слезы навернулись на глаза. «Теперь ничего не осталось,— с горечью подумал Стюарт.— Так сказать, начисто блутгельднуто... а все, что мы теперь имеем, так это какую-то играющую на флейте крысу, да и ту уже давно задавили».

Была у него и еще одна любимая старая вещица, песенка о парне с ножом. Стюарт стал припоминать, как там было дело. Что-то насчет акулы с зубами... а может и просто насчет зубов. Нет, никак не вспомнить. Пластинку с этой песенкой несколько раз ставила ему мать; исполнял ее певец с хриплым голосом, и она Маккончи страшно нравилась.

«Да, бьюсь об заклад, той крысе ее бы нипочем не сыграть,— сказал он себе.— Ни за что на свете. То есть для нас это буквально священная музыка. Музыка из нашего прошлого, в котором просто нет места никакому, даже самому удивительному зверью и разным там уродам. Это прошлое принадлежит исключительно нам, нормальным людям. Хорошо бы — его и самого потрясла эта мысль — уметь так же, как Хоппи, погружаться в транс, только видеть бы не будущее, как он, а, наоборот, *возвращаться* назад.

Интересно, если Хоппи все еще жив, смог бы он такое? Пробовал когда-нибудь? Кстати, интересно, где он теперь, этот пророк? Да, точно, иначе его и не назовешь, один из первых

таких калек — без рук, без ног. Скорее всего, сумел вовремя смыться. Может, даже отправился сдаваться китайцам, когда они высадились на севере.

Наверное, я бы хотел вернуться в тот день, когда впервые встретил Джима Фергюсона. Я тогда искал работу, а для негра получить работу, в которой приходится общаться с людьми, было ой как трудно. В этом плане Фергюсон был молодец: он плевал на расовые предрассудки. Я помню этот день. Тогда я как раз одно время ходил по домам, продавая алюминиевые кастрюли, а потом договорился распространять Британскую энциклопедию по подписке. Боже мой,— вдруг осознал Стюарт,— ведь свою первую настоящую, постоянную работу я получил у Джима Фергюсона, поскольку работа вразнос в счет идти не может».

Пока он вспоминал Джима Фергюсона, который теперь был мертв — мертв все те годы, что прошли со времени падения бомбы,— ноги наконец вынесли его на Сан-Пабло-авеню, где стали попадаться небольшие магазинчики — жалкие лавчонки, торгующие всякой всячиной, от вешалок до сена. Один из них, до которого идти оставалось всего ничего, носил название «Харди и К°. Гомеостатические капканы Харди на мелких хищников». Стюарт поспешил к нему.

Когда Стюарт вошел, мистер Харди бросил на него мимолетный взгляд из-за своего рабочего стола. Комнату заливал белый свет яркой дуговой лампы, а на столе высились груды электронных деталей, собранные по всей Северной Калифорнии. Многие из них поступили из развалин Ливермора. Это объяснялось тем, что у мистера Харди имелись неплохие связи с государственными чиновниками, и они всегда разрешали ему проводить раскопки в закрытых районах.

В прежние времена Дин Харди работал инженером на радиостанции в центре Окленда. Это был худощавый немногословный пожилой человек. Сейчас на нем был зеленый джемпер и даже галстук. А ведь в нынешние времена галстук являлся чрезвычайной редкостью. Голову старика украшала седая курчавая шевелюра, отчего он всегда напоминал Стюарту безбородого Санта-Клауса.

Лицо Харди постоянно хранило насмешливое, ироничное выражение, а чувство юмора у него было довольно странным. Человеком он был некрупным и весил килограммов пятьдесят, никак не больше, но характером отличался властным, и Стюарт

уважал его. Харди было под шестьдесят, и во многих отношениях он для Стюарта был чем-то вроде отца. Родной отец Стюарта, умерший еще в семидесятые годы, был страховым инспектором — тихим человеком, тоже носившим джемпер и галстук. Вот только он не отличался буйным характером Харди и его вспышками гнева. Впрочем, может, все это временами и имело место — только Стюарт никогда не был их свидетелем или просто навсегда подавил в себе память о таких случаях.

А еще Харди напоминал Джима Фергюсона.

Именно это в наибольшей степени и привлекло к нему Стюарта три года назад. Маккончи прекрасно понимал, что никогда не стал бы отрицать этого, да ему и не хотелось. Стюарту очень не хватало Джима Фергюсона, поэтому его всегда тянуло к людям, его напоминавшим.

— Моего конягу кто-то слопал,— сказал он мистеру Харди и с этими словами уселся на стоящий у входа стул.

В этот момент из задней части мастерской появилась Элла Харди, супруга его работодателя, которая как раз готовила обед.

— Ты оставил его *одного*?

— Да,— вынужден был признать Стюарт. Внушительных размеров женщина взглянула на него с осуждением и негодованием.— Мне казалось, что на городском причале Окленда он будет в полной безопасности. Ведь там есть специальный человек, который...

— Да нет, такое случается постоянно,— устало возразил Харди.— Проклятые ублюдки. Должно быть, это дело рук ветеранов войны, которые там гнездятся. Хоть бы кто-нибудь забросил под мост цианидную бомбу, ведь их там сотни. А где повозка? Похоже, тебе пришлось ее бросить, да?

— Мне очень жаль,— ответил Стюарт.

Миссис Харди едко заметила:

— Эдуард стоил восемьдесят пять серебряных долларов. Считай, лишились месячной прибыли.

— Да я все верну,— мрачно посулил Стюарт.

— Не бери в голову,— сказал Харди.— У нас, в Оринде, есть и другие лошади. Лучше скажи, что там насчет деталей от ракеты?

— Тоже не повезло,— ответил Стюарт.— Когда я добрался до места, все уже распродали. Кроме вот этого.— Он достал из кармана пригоршню транзисторов.— Фермер их просто не заметил, так что я попросту спер это. Впрочем, не могу сказать, годятся они на что-нибудь или нет.— Он встал, подошел к столу

и выложил добычу.— Прямо скажем, совсем не густо для целого дня.— Тут его настроение окончательно ухудшилось.

Элла Харди, не говоря ни слова, удалилась обратно на кухню, задернув за собой занавеску.

— Пообедаешь с нами? — спросил Харди, выключая лампу и снимая очки.

— Даже и сам не знаю,— отозвался Стюарт.— У меня какое-то странное чувство. Очень уж я расстроился, вернувшись и обнаружив, что Эдуарда сожрали.

Маккончи прошелся по мастерской. «Сейчас наши отношения с животными здорово поменялись,— пришло ему в голову.— Они стали ближе. Исчезла разделяющая нас прежде пропасть».

— Там, на другой стороне залива, я видел кое-что, чего никогда раньше не видел,— вслух сказал Сюарт.— Какое-то существо вроде летучей мыши, только это была не летучая мышь. Она была больше похожа на куницу, вся такая худая и длинная, с большой головой. Местные называют их гляделками, потому что они ужасно любят кружить возле окон и заглядывать в них.

Харди отозвался:

— Да это же белки-летяги. Я таких видел.— Он откинулся на спинку стула и ослабил галстук.— Они пошли от белок, обитавших в парке «Золотые Ворота».— Тут он зевнул.— Одно время у меня даже были планы их использовать... по крайней мере теоретически они могут оказаться очень полезными для переправки почты. Могут планировать или летать, уж не знаю, как они там это делают, по много миль кряду. Но очень уж злобные. Я оставил эту затею после того, как пообщался с одной из них.— Он поднял правую руку.— Видишь этот шрам? Так вот, это ее зубов дело.

— А парень, с которым я разговаривал, сказал, что они даже очень неплохи на вкус. Мясо напоминает куриное. Ими торгуют в центре Сан-Франциско. Там полно старушек, которые торгуют на улице этими белками в жареном виде, причем горяченькими.

— Только не вздумай пробовать,— предупредил Харди.— Многие из них ядовиты. Это как-то связано с их питанием.

— Слушайте, Харди,— вдруг вырвалось у Стюарта.— Я решил выбраться из города и обосноваться где-нибудь подальше.

Хозяин недоуменно уставился на него.

— Очень уж жестокая здесь жизнь,— пояснил Стюарт.

— Так она нынче везде жестокая.

— Думаю, что нет, если уберешься подальше от города — по-настоящему далеко, скажем, миль этак на пятьдесят-сто.

— Только непонятно, как там прожить.

— Слушайте, а вам не доводилось продавать капканы в сельскую местность? — спросил Стюарт.

— Нет,— ответил Харди.

— А почему?

— Мелкие хищники живут в городах, среди развалин. Ты же и сам прекрасно это знаешь, Стюарт, и попросту витаешь в облаках. Сельская местность стерильна, тебе попросту очень скоро станет не хватать потока идей, которые наводняют город. Там ничего не случается — сеют, пашут, убирают урожай да слушают спутник. Кроме того, вполне возможно, там тебе придется столкнуться со старыми расовыми предрассудками по отношению к неграм, поскольку сельские вернулись к прежним порядкам.— Харди снова водрузил очки на нос, включил лампу и принялся собирать очередной капкан.— Прелести сельской жизни — это один из самых обманчивых из когда-либо существовавших мифов. Поверь мне, ты прибежишь обратно не позже, чем через неделю.

— Я мог бы взять с собой несколько капканов и отправиться с ними... ну, скажем, в окрестности Напы,— настаивал Стюарт.— А то и в долину Сент-Хелена. Может, удастся сторговать их за вино. Они ведь и по сию пору выращивают у себя виноград. Видно, так уж привыкли.

— Вот только на вкус оно не как прежде,— заметил Харди.— Похоже, сама земля изменилась. Теперь вино...— тут он сделал неопределенный жест рукой.— Впрочем, когда попробуешь — поймешь. Вкус просто ужасный. Скверный.

После этого оба некоторое время молчали.

— Тем не менее его пьют,— наконец сказал Стюарт.— Я сам видел: его привозят сюда, в город, на этих старых газогенераторных грузовиках.

— А чего ж удивляться? В наше время люди станут пить все, что только можно достать. Как ты и как я.— С этими словами мистер Харди поднял голову и взглянул на Стюарта.— А знаешь, у кого имеется спиртное? Я имею в виду настоящее спиртное, хотя трудно сказать, откопал он где-то довоенный запас или делает его сам.

— В районе Залива ни у кого.

Харди возразил:

— У Эндрю Гилла, торговца табачными изделиями.

— Что-то верится с трудом.— Стюарт затаил дыхание, мгновенно насторожившись.

— Но в любом случае запасы у него небольшие. Я видел лишь одну литровую бутылку бренди. И мне довелось сделать из нее лишь один глоток.— Харди криво усмехнулся и облизнул губы.— Думаю, тебе бы тоже понравилось.

— И сколько же он просил за нее? — Стюарт постарался, чтобы вопрос прозвучал как можно равнодушнее.

— Тебе бы было не по карману.

— И... оно на вкус как настоящее? Как *довоенное*?

Харди усмехнулся и снова принялся за работу.

— Вот именно.

«Интересно, что же за человек этот Эндрю Гилл? — подумал Стюарт.— Должно быть, здоровенный мужик, бородатый, в жилете... ходит, опираясь на трость с серебряным набалдашником; этакий великан с волнистыми снежно-белыми волосами и импортным моноклем в глазу. Да, представляю его себе воочию. Скорее всего, у него „ягуар“ — теперь, конечно, переделанный под дрова, и тем не менее все тот же роскошный, мощный „Марк-XVI-Салун“».

Заметив мечтательное выражение на лице Стюарта, Харди чуть подался к нему и произнес:

— Могу тебе сказать, что́ он еще продает.

— Небось английские трубки?

— Да, их тоже.— Харди понизил голос.— Фотки с девочками. В разных там позах... ну, сам понимаешь.

— Не может быть! — прошептал Стюарт, воображение которого тут же разыгралось.— Ушам своим не верю.

— Богом клянусь. Самые что ни на есть довоенные календари с девочками, начиная с тысяча девятьсот пятидесятого года. Само собой, они стоят целое состояние. Слыхал, будто за плейбоевский календарь шестьдесят второго года отвалили целую тысячу серебряных долларов. Правда, это было где-то далеко на востоке — то ли в Неваде, то ли где-то в тех краях.— Харди явно загрустил, взгляд его теперь был устремлен в пространство, и он явно забыл о своем капкане.

— В том магазине, где я работал до Бомбы,— сказал Стюарт,— в телевизионном, в мастерской стенки были просто увешаны такими календарями. Но, само собой, они все сгорели. По крайней мере, так я всегда считал.

Харди рассеянно кивнул.

— Представьте себе человека, который копался бы в каких-нибудь развалинах и вдруг наткнулся на остатки склада с календарями с девочками. Представляете? — Его мозг сейчас работал как бешеный.— Сколько бы он мог заработать? Миллионы? Ведь

он мог бы получить за них недвижимость... да что там! Он мог бы приобрести целое графство!

— Это точно,— кивнул Харди.

— То есть я хочу сказать, что он стал бы сказочно богат. Ходят слухи, будто их снова понемногу начали печатать где-то на Востоке, вроде бы в Японии, но только качество совсем никакое.

— Точно, я такие видел,— подтвердил Харди.— Топорная работа. Просто искусство их изготовления практически кануло в небытие. Утраченное, одним словом, искусство. Причем, возможно, что навсегда.

— А вам не кажется, что это результат отсутствия соответствующих девушек? — заметил Стюарт.— У нас же теперь все такие тощие, беззубые. Сами посудите, какие можно делать календари, когда у большинства девушек тело покрыто шрамами от радиационных ожогов, и они совсем беззубые?

Харди разумно заметил:

— Думаю, подходящие девушки имеются. Правда, не знаю где — может, в Швеции или Норвегии, а может, и вообще где-то у черта на куличках... на Соломоновых островах. Я убежден в этом потому, что так говорят моряки с приходящих к нам судов. Но я с тобой согласен в одном: ни в Штатах, ни в Китае, ни в России, короче, в тех странах, куда упали бомбы, их днем с огнем не сыщешь.

— А может, мы смогли бы их отыскать,— пробормотал Стюарт.— Тогда можно было бы начать свой бизнес.

После некоторого раздумья Харди ответил:

— Пленки для съемок больше нет. Не осталось химикатов для ее обработки. Хорошие камеры в большинстве своем были либо уничтожены, либо пропали. Кроме того, большими тиражами печатать календари негде. Но даже если тебе и удастся их отпечатать...

— Но все же если кому-нибудь удалось бы отыскать девушку без ожогов и с хорошими зубами — ну знаешь, с такими, какие у них были до войны...

— Могу сказать, какой можно бы было организовать хороший бизнес. Я много об этом думал.— Харди задумчиво разглядывал Стюарта.— Иголки для швейных машин. За них можно назначать любую цену, какую угодно.

Стюарт встал и, размахивая руками, принялся расхаживать по мастерской.

— Послушайте, я чувствую, когда светит реальное дело, а такого я уже наелся до отвала. Меня больше не интересует

торговля вразнос — я сыт ей по горло. Я уже продавал алюминиевые кастрюли, сковородки, энциклопедии, потом телевизоры, а теперь вот торгую этими капканами. Не спорю, капканы хорошие, и люди их здорово покупают, просто чувствую, что мне предстоят более крупные дела.

Харди лишь нахмурился и невразумительно хмыкнул.

— Я вовсе не хотел обижать вас, просто мне хочется приподняться. Иначе я не могу: ты или растешь, или хиреешь, а может, и попросту спиваешься. Война отшвырнула меня на годы назад, впрочем, как и всех нас. Сейчас я там же, где был и десять лет назад, и ничего хорошего в этом не вижу.

Харди задумчиво почесал нос и спросил:

— Интересно, а что же у тебя было на уме?

— Ну например, вдруг бы я нашел мутировавшую картошку, которая смогла бы прокормить всех на свете.

— Всего лишь одну картошку?

— Нет, конечно, я имею в виду новую разновидность картофеля. Не исключено даже, что я мог бы стать великим селекционером — навроде Лютера Бербанка. Сейчас ведь наверняка повсюду появились миллионы растений-мутантов — во всяком случае, судя по тому, сколько мутантов животных и людей появилось здесь, в городе.

Харди заметил:

— Может, тебе бы даже удалось найти разумные бобы.

— Я вовсе не шучу,— спокойно ответил Стюарт.

Они несколько мгновений молча смотрели друг на друга.

— Собирать гомеостатические капканы, уничтожающие мутировавших кошек, собак, крыс и белок,— наконец заметил Харди,— это истинная услуга человечеству. А ты рассуждаешь как ребенок. Может, и коня нашего съели, пока ты шлялся по Сан-Франциско...

В комнату вошла Элла Харди и объявила:

— Обед готов. Садитесь за стол, пока все горячее. Сегодня у нас запеченная тресковая голова, и чтобы купить ее мне сегодня целых три часа пришлось отмучиться в очереди.

Мужчины поднялись.

— Пообедаешь с нами? — спросил Харди Стюарта.

При мысли о запеченной рыбьей голове у Стюарта просто слюнки потекли. Он был не в силах отказаться, поэтому просто кивнул и последовал за миссис Харди в кухню, заодно представлявшую собой и столовую на задней половине дома. Он уже с месяц как не пробовал рыбы — в Заливе ее почти не осталось,

поскольку большая часть косяков ушла и больше так никогда и не вернулась. А те, которых время от времени все же выуживали, частенько оказывались радиоактивными. Но это, в принципе, большого значения не имело, поскольку люди постепенно приучились есть и таких. Теперь люди вообще готовы были есть все что угодно, так как это стало вопросом выживания.

Дочка Келлеров, дрожа от страха, сидела на смотровом столе. Доктор Стокстилл, ощупывая ее худое бледное тельце, вспомнил шутку, которую много лет назад, еще задолго до войны, видел по телевизору. Какой-то испанский чревовещатель, говоривший от имени курицы...

— Сын мой!..— произносит курица, обращаясь к яйцу.

— А ты уверена? — спрашивает чревовещатель.— Вдруг это твоя дочь?

А курица с достоинством отвечает:

— Я свое дело знаю.

«Девочка — определенно дочь Бонни Келлер,— подумал доктор Стокстилл.— Но явно не дочь Джорджа Келлера, в этом я уверен... Я свое дело знаю. Интересно, с кем же это у Бонни Келлер была связь семь лет назад? Девчушка явно была зачата в то время, когда разразилась война. Но ясно и то, что зачата после того, как упала Бомба — это тоже очевидно. Может, это произошло в тот самый день,— подумал он.— Да, это пожалуй, вполне в духе Бонни: броситься в чьи-то объятия именно в тот момент, когда с неба посыпались бомбы, когда миру приходил конец... Пережить краткий, отчаянный пароксизм любви с каким-то, возможно, даже совершенно незнакомым человеком, с первым встречным... И вот результат».

Девочка улыбнулась ему, и он улыбнулся в ответ. Внешне Эдди Келлер казалась совершенно нормальной, физические уродства отсутствовали. Черт побери, как жаль, что у него нет рентгеновского аппарата. Поскольку...

Вслух он сказал:

— Расскажи мне побольше о своем братишке.

— Ну,— ответила Эдди Келлер тонким голоском,— я все время разговариваю с братишкой, и иногда он отвечает, но чаще всего он спит. Да он почти все время спит.

— А сейчас он тоже спит?

Девочка немного помолчала.

— Нет, сейчас он не спит.

Поднявшись и подойдя к ней, доктор Стокстилл спросил:

— А ты не можешь мне показать, где именно он находится?

Девочка указала на левую часть тела,— насколько он понял, в район аппендикса. Болело у нее именно там. Как раз поэтому девочку и привели к нему — Бонни и Джордж были встревожены. Они знали о существовании братика, но считали его воображаемым, выдуманным товарищем по играм, составлявшим компанию их дочери. Доктор и сам поначалу так считал, поскольку Эдди была единственным ребенком в семье — он это знал. Но она упорно продолжала говорить о братишке. Биллу было столько же лет, сколько и ей. И, само собой, как она сообщила доктору, родился он одновременно с ней.

— Почему же само собой? — спросил он, начиная осмотр — родителей девочки он отправил в соседнюю комнату, так как малышка в их присутствии была слишком замкнутой.

Эдди, как всегда серьезно и спокойно, ответила:

— Потому что он мой брат-близнец. Как же иначе он бы мог быть внутри меня? — Подобно курице испанского чревовещателя, она говорила твердо и уверенно — она тоже знала свое дело.

За послевоенные годы доктор Стокстилл имел дело со многими мутантами, со множеством странных и экзотических вариантов человеческих особей, которые теперь под гораздо более спокойным — хотя и затянутым дымкой — небом буквально процветали. Чем-либо удивить доктора было очень трудно. Но вот такое — ребенок, девочка, у которой в паховой области обитает братишка-близнец!

Билл Келлер находился внутри нее вот уже семь лет, и доктор Стокстилл, слушая малышку, верил ей; он знал, что такое возможно. Это был не первый случай такого рода. Если бы у него имелся рентгеновский аппарат, он бы наверняка увидел маленькое сморщенное тельце размером не больше крольчонка. В принципе, он мог бы определить его наличие и на ощупь... Он начал осторожно пальпировать бока и живот девочки и буквально сразу нащупал нечто твердое. Да, головка в нормальном положении, тело целиком в брюшной полости, с ручками и ножками. Когда-нибудь девочка умрет, тогда сделают вскрытие и обнаружат крошечного морщинистого мужчину, возможно, с седой бородой и совершенного слепого... ее брата, размером по-прежнему не больше крольчонка. Вообще-то Билл в основном спал, но время от времени они с сестренкой разговаривали. О чем же они говорили? Что вообще он мог знать?

На этот вопрос у Эдди был ответ:

— Ну, он не очень много знает. Он ничего не видит, но думает. Вот я и рассказываю ему о том, что творится вокруг, поэтому он всегда в курсе дела.

— И чем же он интересуется? — спросил Стокстилл. Он уже закончил осмотр; с тем скудным набором инструментов и возможностей для проведения анализов больше ничего сделать было нельзя. Во всяком случае, правота девочки подтвердилась, и это было уже что-то. Вот только он не смог взглянуть на эмбриона или извлечь его — последнее вообще решительно исключалось, хотя и было бы желательно.

Эдди подумала и ответила:

— В общем, больше всего он любит слушать про еду.

— Про еду? — с удивлением переспросил Стокстилл.

— Ага. Вы же знаете, он сам есть не может. Вот он всегда и просит меня рассказывать, что я ела на обед, поскольку, в конце концов, пища до него все же доходит... так или иначе. Иначе как бы он мог жить, верно ведь?

— Верно,— согласился Стокстилл.

— Он получает ее от меня,— продолжала Эдди, натягивая кофточку и медленно застегивая ее.— И хочет знать, что именно ему достанется. Особенно ему нравится, когда я ем яблоки или апельсины. А еще... Он любит слушать разные истории. Например, про разные места. Особенно про далекие, вроде Нью-Йорка. Мама рассказывает мне про Нью-Йорк, а потом я пересказываю ему. Он мечтает когда-нибудь побывать там и посмотреть, на что это похоже.

— Но ведь он не может смотреть?

— Зато я могу,— возразила Эдди.— Это почти одно и то же.

— Ты, видно, очень заботишься о нем, да? — спросил глубоко тронутый Стокстилл. Для девочки это было нормально, ведь она прожила с этим всю жизнь и другой жизни просто не мыслила. «Не существует такого понятия как „противоестественное“,— вдруг осознал он.— Это противно всякой логике. По сути, нет никаких мутантов, никаких биологических аномалий, разве что в статистическом смысле. Да, конечно, ситуация необычная, но она не должна нас пугать — напротив, мы должны радоваться. Жизнь хороша сама по себе, и это одна из форм ее проявления. Здесь нет ничего особенно болезненного и жестокого, нет никакого страдания. На самом деле реальны лишь нежность и забота».

— Вот только боюсь,— неожиданно сказала девочка,— что он когда-нибудь умрет.

— Не думаю,— сказал Стокстилл.— Скорее всего, он будет расти. А это может вызвать проблему — твоему телу станет трудно вмещать его.

— И что же тогда будет? — Эдди уставилась на него своими большущими темными глазенками.— Он что — тогда родится, что ли?

— Нет,— ответил Стокстилл.— Для этого он помещается не там, где надо. Придется извлекать его хирургическим путем. Вот только... жить он не сможет. Он может жить только так, как живет сейчас — внутри тебя. «Паразитировать на тебе»,— подумал доктор, но вслух говорить не стал.— Ладно, будем волноваться об этом, когда придет время,— сказал он, погладив девочку по голове.— Если оно придет, конечно.

— А мама с папой не знают,— сказала Эдди.

— Понимаю,— ответил Стокстилл.

— Я рассказывала им о нем,— продолжала Эдди,— но...— Она рассмеялась.

— Ни о чем не беспокойся. Продолжай поступать, как поступала всегда. Все уладится само собой.

Эдди сказала:

— Я рада, что у меня есть братишка. С ним мне не так одиноко. Даже когда он спит, я все равно чувствую его присутствие, знаю, что он со мной. Это вроде того, будто у меня внутри ребеночек. Конечно, я не могу катать его в колясочке, пеленать его и все такое, зато могу с ним разговаривать, и это просто здорово. Вот, например, я рассказывала ему о Милдред.

— А кто такая Милдред? — озадаченно спросил он.

— Ну, вы же наверняка знаете.— Девочка улыбнулась такой его неосведомленности.— Это же та девушка, которая все возвращается и возвращается к Филипу и портит ему жизнь. Мы про них слушаем каждый вечер. Спутник.

— Ах, ну да, конечно.— Она имела в виду роман Моэма, который читал вслух Дэнджерфилд. «Трудно даже представить,— подумал доктор Стокстилл,— что этот растущий в ее теле паразит, обитающий в неизменной влажной темноте, питающийся ее кровью, неведомо каким образом слушает ее пересказ знаменитого романа... что делает Билла Келлера в какой-то мере частью нашего общества. И к тому же по-своему, как-то карикатурно, но все же участвует в общественной жизни. Бог знает, что он там понимает в этой книге. Размышляет ли о нашей жизни? Думает ли он о нас?»

Нагнувшись, доктор Стокстилл чмокнул девочку в лобик.

— Ну ладно,— сказал он, подводя ее к двери.— Теперь можешь идти. Только я еще минутку поговорю с твоими папой и мамой. Там, в приемной, на столике лежит несколько очень старых, настоящих довоенных журналов, почитай пока. Только осторожно.

— А потом мы пойдем домой и будем обедать,— радостно сказала Эдди, распахивая дверь в приемную. Джордж и Бонни, увидев ее, поднялись, лица их были встревожены.

— Прошу вас,— пригласил их доктор Стокстилл, а когда они прошли в кабинет, прикрыл за ними дверь.

— Никакого рака у нее нет,— начал он, обращаясь к Бонни, которую хорошо знал.— Конечно, это какая-то опухоль, сомнений нет. И не могу сказать, насколько она увеличится. Но я считаю, особых оснований для беспокойства нет. Возможно, к тому времени, когда она разрастется настолько, что потребуется хирургическое вмешательство, наша медицина достаточно разовьется и будет способна справиться с проблемой.

Келлеры облегченно перевели дух — до этих его слов они заметно нервничали.

— Можете отвезти ее в университетскую клинику в Сан-Франциско,— предложил Стокстилл.— Там вроде бы проводят небольшие операции... но, честно говоря, будь я на вашем месте, я бы этого делать не стал. «Лучше вам не знать правды,— подумал он.— Вам будет трудно с ней смириться... особенно тебе, Бонни, учитывая обстоятельства, в которых произошло зачатие. У тебя очень легко может развиться чувство вины». Она здоровая девочка и радуется жизни,— сказал он вслух.— Оставьте все как есть. Эта опухоль у нее с рождения.

— Да неужели? — воскликнула Бонни.— Никогда не замечала. Наверное, я не слишком хорошая мать, я всегда так загружена общественной работой...

— Доктор Стокстилл,— вмешался Джордж Келлер,— позвольте задать вопрос. Возможно, Эдди... какой-то необычный ребенок?

— Необычный? — осторожно переспросил Стокстилл.

— Думаю, вы понимаете, что я имею в виду.

— То есть вы хотели спросить, не мутант ли она?

Джордж был бледен, лицо его было по-прежнему мрачно — он ждал ответа. Стокстилл видел это и понимал, что несколькими пустыми фразами тут не отделаешься. Поэтому он сказал:

— Полагаю, именно так вы и считаете. Но почему вы задали этот вопрос? Разве вы замечали в ней какие-нибудь отклонения от нормы? Или она выглядит как-нибудь чудно́?

— Никаких отклонений у нее нет,— в материнском порыве сказала Бонни. Она крепко держала мужа за руку, прижимаясь к нему.— Господи, да это же очевидно, она выглядит абсолютно нормально. Иди ты к черту, Джордж. Что с тобой? Как можно так относиться к собственной дочери? Может, ты устал от нее или что-нибудь в этом роде?

— Есть люди с отклонениями, которые трудно заметить,— возразил Джордж Келлер.— Кроме того, я постоянно вижу много детей, более того, я вижу всех детей и научился различать подобные вещи. Какой-нибудь небольшой горбик, который на поверку оказывается ненормальным явлением. Сами знаете, на нас, школьных работников, возложена обязанность отправлять всех детей с отклонениями от нормы в государственный интернат для специального обучения. Вот я и...

— Все, лично я пошла домой,— перебила его Бонни. Она повернулась, подойдя к двери кабинета: — До свидания, доктор.

Стокстилл сказал:

— Бонни, подождите.

— Не нравится мне этот разговор,— сказала Бонни.— По-моему, он дурно пахнет. И мне не нравится то, что говорите вы оба. Доктор, если вы еще раз хоть как-то намекнете, что у нее имеются отклонения от нормы, я просто с вами перестану разговаривать. И с тобой, Джордж, тоже. Поверь, я не шучу.

После некоторой паузы Стокстилл сказал:

— Вы совершенно напрасно говорите это, Бонни. Я ни на что не намекаю, поскольку намекать просто не на что. У нее доброкачественная опухоль в брюшной полости, вот и все.— Он начал сердиться. Более того, ему вдруг захотелось открыть ей всю правду. Пожалуй, она этого заслуживала.

«Но потом,— рассудил он,— после того, как она испытает чувство вины, будет казнить себя за то, что связалась с каким-то мужчиной и родила ненормального ребенка, ее внимание обратится на Эдди и она просто возненавидит девочку, все выместив на ребенке. Это всегда так бывает. Дети некоторым образом являются укором родителям за прошлые грехи или за те поступки, которые они совершили в первые моменты войны, когда все на время посходили с ума, причем каждый по-своему; совершая свои собственные дурные поступки, осознав, что случилось. Кто-то из нас убивал, чтобы выжить, кто-то просто бежал, кто-то просто остался в дураках... Бонни явно вышла из себя, потеряла над собой контроль. И сейчас стала такой же, как тогда, и сможет сделать то же самое снова. И сама прекрасно об этом знает.

Интересно все же, кто настоящий отец девочки?

«В один прекрасный день я прямо спрошу ее об этом,— решил он.— Возможно, она и сама этого не знает, для нее тот период нашей жизни как в тумане. Те кошмарные дни. Хотя были ли они таким уж кошмаром для нее? Может, для нее это было лучшим временем в жизни, ведь она получила возможность отбросить все условности, без страха делать все, что захочется, поскольку была уверена — все мы были уверены,— *никто из нас не уцелеет*».

Бонни взяла тогда максимум возможного, как всегда. Она при любых обстоятельствах брала от жизни максимум возможного. Хотелось бы ему быть таким же... Стокстилл с завистью смотрел, как Бонни твердым шагом направляется в приемную к дожидающейся ее дочери. Симпатичная, подтянутая женщина — она и сейчас была столь же привлекательна, что и десять лет назад. Тот моральный ущерб, который был причинен всем людям, та, внешне почти не заметная, перемена ее как будто практически не затронули.

Такая вот она, эта Бонни. Во мраке войны, с ее разрушениями, с бесконечным количеством мутаций, Бонни продолжала кружиться в танце радости, веселья и беззаботности; ничто, даже окружающая действительность, не могли заставить ее снова стать благоразумной. Счастливы люди вроде Бонни, которые сильнее любых перемен и разрушений. Именно от этого ей и удалось ускользнуть — от власти сил разрушения, воцарившихся в мире. Крыша рухнула на всех, но не на Бонни.

Он вспомнил карикатуру в «Панче»...

Прервав его размышления, Бонни сказала:

— Доктор, а вы уже познакомились с этим новым учителем, Хэлом Барнсом?

— Нет,— ответил он.— Пока нет. Только раз видел его издали.

— Он вам понравится. Мечтает играть на виолончели, только виолончели нет.— Она весело рассмеялась.— Ну разве не печально?

— Очень,— согласился доктор.

— По-моему, примерно то же и со всеми нами,— сказала Бонни.— У всех нас нет наших виолончелей. Так что же нам остается? Ну, скажите на милость.

— Господи,— сказал Стокстилл,— да откуда же мне знать, не имею ни малейшего понятия.

Бонни со смехом заметила:

— В честности вам не откажешь.

— Она и мне говорит то же самое,— улыбнувшись, сказал Джордж Келлер.— Моя жена видит человечество как кучку трудолюбивых навозных жуков. Себя она, естественно, к таковым не причисляет.

— Надеюсь, что это не так,— сказал Стокстилл.

Джордж кисло взглянул на него, потом пожал плечами.

«Возможно, она изменится,— думал Стокстилл.— Если поймет, что с ее дочерью. Это может подействовать. Для этого требуется нечто вроде внезапного удара, необычного и неожиданного. Она может даже покончить с собой; вся ее радость, жизнелюбие могут в один миг превратиться в полную противоположность и убить ее».

— Послушайте, Келлеры,— вслух сказал Стокстилл,— представьте меня как-нибудь на днях новому учителю, ладно? Интересно будет познакомиться с бывшим виолончелистом. Может, нам с ним удастся соорудить что-нибудь из корыта с натянутой на него проволокой. А играть он мог бы с помощью...

— Конского волоса,— практично предложила Бонни.— Лук мы сделать смогли бы — это дело нехитрое. Что нам потребуется, так это большущий резонатор, издающий низкие звуки. Интересно, вдруг удастся найти какой-нибудь старый кедровый сундук. В принципе, он наверное подошел бы. Но это определенно должно быть что-то деревянное.

Джордж предложил:

— Может, бочка, распиленная пополам бочка?

Они рассмеялись, а вместе с ними и Эдди Келлер, хотя она и не слышала того, что сказал ее отец — или скорее, подумал Стокстилл, муж ее матери.

— Возможно, удастся найти что-нибудь на берегу моря,— сказал Джордж.— Я заметил, на берег частенько выбрасывает кучу разных деревянных обломков, особенно после шторма. Скорее всего, части старых китайских кораблей.

Повеселевшие, они распрощались с доктором Стокстиллом и вышли на улицу. А он стоял и смотрел им вслед: вот идут трое, мужчина и женщина, а между ними маленькая девочка. Точнее, девочка и еще кто-то невидимый, но чье присутствие было вполне ощутимо.

Глубоко задумавшись, он вернулся в дом и закрыл за собой дверь.

«Она могла бы быть и моим ребенком,— думал доктор.— Но она не моя, поскольку семь лет назад Бонни жила здесь, в Уэст-

Марино, а я у себя, в Беркли. Но если бы в тот день я оказался поблизости...

Кто же он такой? — спросил он себя.— Когда сверху обрушились бомбы... кто из нас мог оказаться рядом с ней в тот день? — Он испытывал к этому неизвестному человеку, кем бы он ни был, какое-то странное чувство.— Интересно, как бы он отнесся к известию о том, что у него есть ребенок... вернее, *дети*. Может быть, в один прекрасный день я и найду его. Бонни я правды сказать не могу, а ему, возможно, и расскажу».

Глава 10

В Форестер-Холле жители Уэст-Марино сидели и обсуждали болезнь человека на спутнике. Взбудораженные, они перебивали друг друга, так хотелось им высказать свои соображения. Чтение «Бремени страстей человеческих» уже началось, но никому из собравшихся не хотелось слушать. Все с мрачными лицами переговаривались между собой — они, как и Джун Роб, были встревожены, осознав, что будет с ними, если Дэнджерфилд вдруг умрет.

— Не может он так разболеться,— воскликнул Кас Стоун, самый крупный землевладелец в Уэст-Марино.— Я никогда никому этого не говорил, но теперь знайте: у меня в Сан-Рафаэло есть по-настоящему хороший врач, специалист по сердечным болезням. Я привезу его к какому-нибудь радиопередатчику, тогда он сможет рассказать Дэнджерфилду, что с ним такое. И сможет вылечить его.

— Но ведь у него там, наверху, нет никаких лекарств,— возразила старая миссис Лалли, самый пожилой человек в общине.— Помню, он как-то сказал, что они все ушли на лечение его жены.

— У меня есть хинидин,— заговорил аптекарь.— Возможно, это именно то, что ему нужно. Только вот как его туда отправить?

Эрл Колвиг, который возглавлял полицию Уэст-Марино, заметил:

— Насколько я понимаю, военные в Шайенне в конце года собираются предпринять еще одну попытку добраться до него.

— А ты возьми да и отвези свой хинидин в Шайенн,— предложил Кас Стоун аптекарю.

— Куда? В Шайенн? — переспросил тот дрожащим голосом.— Но ведь дорог через горы больше нет. Мне туда нипочем не добраться.

Как можно более спокойным голосом Джун Роб сказала:

— А может быть, он на самом-то деле и не болен, а все это просто ипохондрия от такого долгого пребывания в изоляции и одиночестве. Я сужу по тому, как подробно он описывает каждый свой симптом.— Но ее вряд ли кто услышал. Джун заметила, как три представителя из Болинаса тихонько двинулись к радиоприемнику и наклонились к нему, собираясь послушать передачу.— Может, он и не умрет,— буркнула она себе под нос.

Услышав эти слова, очечник в ужасе воззрился на нее. Джун увидела на его лице потрясенное, ошарашенное выражение — как будто тот факт, что человек на спутнике может заболеть и умереть, был слишком невероятным. Пожалуй, даже болезнь дочери так на него не подействовала.

В дальнем конце зала люди вдруг смолкли, и Джун Роб оглянулась посмотреть, что произошло.

В дверях показалась сверкающая металлическая тележка. Прибыл Хоппи Харрингтон.

— Хоппи, знаешь последнюю новость? — окликнул его Кас Стоун.— Дэнджерфилд сказал, что заболел, и возможно, это сердце.

Все замолкли, ожидая, когда заговорит калека.

Хоппи прокатился мимо них к радио. Там он остановил свой мобиль, протянул один из манипуляторов и принялся осторожно подкручивать ручку настройки. Трое представителей Болинаса уважительно отошли в сторонку. Шум помех усилился, потом затих, и голос Дэнджерфилда стал слышен громко и ясно. Чтение все еще продолжалось, и Хоппи, торчащий в центре своего агрегата, стал внимательно слушать. Он и все остальные хранили полное молчание до тех пор, пока голос окончательно не смолк, поскольку спутник вышел из зоны приема. Снова стал слышен лишь шум помех.

И тут неожиданно голосом, неотличимым от голоса Дэнджерфилда, калека произнес:

— Итак, друзья мои, как будем развлекаться дальше?

Имитация была столь точной, что кое-кто в зале даже ахнул. Другие зааплодировали, и Хоппи улыбнулся.

— Может, повторишь фокус? — окликнул аптекарь.— Это было здорово.

— Фокус,— произнес калека, только на сей раз точно воспроизведя жеманный дребезжащий голос аптекаря.— Это было здорово.

— Нет,— сказал Кас Стоун.— Давайте лучше послушаем голос Дэнджерфилда. Давай-ка, Хоппи, повтори еще раз.

Калека развернул свой мобиль так, что оказался лицом к публике.

— Так, так, так,— заговорил он знакомым всем низким голосом в присущей ему легкой, ироничной манере. Джун Роб затаила дыхание: эта способность калеки имитировать голоса была просто невероятной и приводила ее в замешательство. Закрыв глаза, она легко могла представить, что это говорит сам Дэнджерфилд, что он сам продолжает говорить с ними. Да она так специально и делала, воображая, что так оно и есть. «Он не болен, не умирает,— убеждала себя Джун,— слушай его, слушай». Как бы в ответ на ее мысли дружелюбный голос произнес:

— Тут у меня немного болит в груди, но это все ерунда. Не берите в голову, друзья. Скорее всего, расстройство желудка. Видно, просто перебрал накануне. А что мы в таких случаях принимаем? Может, кто-нибудь из вас помнит?

Один из мужчин воскликнул:

— Я помню, помню! Лучший фельдшер — «Алка-Зельцер»!

— Так, так, так! — добродушный голос усмехнулся.— Пожалуй, верно. Молодец. А теперь давайте расскажу вам, как хранить всю зиму луковицы гладиолусов, не опасаясь вредителей. Да просто заверните их в алюминиевую фольгу.

Присутствующие захлопали, и Джун Роб услышала, как кто-то неподалеку от нее говорит:

— Дэнджерфилд точь-в-точь так бы и сказал.

Это был очечник из Болинаса. Джун открыла глаза и увидела выражение на его лице. «Должно быть,— пришло ей в голову,— в тот день, когда я впервые услышала, как Хоппи подражает Дэнджерфилду, у меня было такое же».

— А теперь, дорогие друзья,— продолжал Хоппи голосом Дэнджерфилда,— давайте расскажу вам о том, чему я тут за это время научился. Только не отходите от приемников!

Элдон Блейн, очечник из Болинаса, увидел, как калека кладет монету на пол в нескольких футах от своего мобиля. Манипуляторы убрались и Хоппи, все еще что-то бормочущий голосом Дэнджерфилда, сосредоточил взгляд на монетке. Через мгновение она вдруг заскользила по полу к нему. Все присутствующие зааплодировали.

Порозовев от удовольствия, калека слегка поклонился, а потом снова положил на пол монету, на сей раз гораздо дальше, чем в первый раз.

«Волшебство,— подумал Элдон.— Верно Пат говорила: калекам дана возможность делать такие вещи в качестве компенсации за отсутствие рук или ног. Таким образом природа помогает им выжить». Монета снова скользнула к мобилю, и снова публика в Холле зааплодировала.

Элдон обратился к миссис Роб:

— Интересно, он каждый вечер это делает?

— Нет,— ответила та.— Он показывает разные фокусы. Такого я еще не видела, но, впрочем, я и не каждый день сюда хожу. Уж больно много у меня работы. Знаете, как трудно обеспечивать нормальное существование общины! Но, согласитесь, фокус просто удивительный.

«Действие на расстоянии,— размышлял Элдон.— Да, это просто удивительно. *И мы обязательно должны заполучить его,*— решил очечник.— Сейчас в этом нет никаких сомнений. Поскольку, когда Уолт Дэнджерфилд умрет — а теперь совершенно ясно, что это случится, и очень скоро,— у нас останется хоть какая-то память о нем; как бы его репродукция, воплощенная в этом калеке. Нечто вроде грампластинки, которую можно ставить снова и снова».

— А он вас не пугает? — спросила Джун Роб.

— Нет,— ответил Элдон.— С чего бы?

— Даже не знаю,— задумчиво протянула она.

— Скажите, а он никогда не пробовал связаться со спутником? — поинтересовался Элдон.— Многие другие умельцы пытались, и не раз. Странно, что он не попробовал, с его-то способностями.

Джун Роб ответила:

— Хоппи собирался. В прошлом году начал собирать передатчик, долго ковырялся с ним — но, видно, так ничего и не вышло. Он все время затевает какие-то проекты... вечно чем-то занят. Посмотрите хотя бы, какую он соорудил мачту. Давайте выйдем на минутку, я вам покажу.

Он последовал за ней на улицу. Некоторое время они постояли на крыльце Форестер-Холла, давая глазам привыкнуть к темноте. Наконец Элдон увидел: да, вот она — странная, кривоватая мачта, уходящая в ночное небо.

— Это его дом,— пояснила Джун Роб.— А мачта стоит на крыше. Причем Хоппи соорудил ее самостоятельно, без нашей помощи. Он может усиливать импульсы мозга, передавая их своим манипуляторам, и потому очень силен — куда сильнее, чем любой обычный человек.— Она секунду помолчала.— Мы все просто восхищаемся им. Он так много для нас сделал.

— Это точно,— согласился Элдон.

— Вы ведь явились сюда, чтобы похитить его? — тихо спросила Джун Роб.— Верно?

Он удивленно запротестовал:

— Ну что вы, миссис Роб... честно, мы пришли только послушать спутник, сами же знаете.

— Кое-кто уже пытался,— сказала миссис Роб.— Да только похитить его невозможно, потому что он этого просто не позволит. А вашу общину он не любит — он знает, какие у вас там законы. А у нас никакой дискриминации и в помине нет, и Хоппи очень благодарен нам за это. Он очень чувствительно относится ко всему, что касается его лично.

Смущенный Элдон Блейн покинул свою спутницу и собрался вернуться в Холл.

— Постойте! — окликнула его миссис Роб.— Вам нечего беспокоиться — я ничего никому не скажу. Я вовсе не виню вас — нет ничего удивительного в том, что, увидев Хоппи, вам захотелось заполучить его для своей общины. Кстати, знаете, ведь он родился не здесь, в Уэст-Марино. Просто в один прекрасный день он прикатил сюда на своем мобиле — не на нынешнем, а на более старом, на одном из тех, которыми калек до войны снабжало правительство. Он рассказал, что самостоятельно преодолел весь путь от Сан-Франциско до нас. Он подыскивал место, где можно бы было обосноваться, но ему везде, кроме нас, отказывали.

— Ну да,— кивнул Элдон.— Это понятно.

— В наши времена можно украсть что угодно,— продолжала миссис Роб.— Для этого требуется лишь сила. Я видела чуть дальше по дороге вашу полицейскую повозку и знаю, что двое из ваших спутников — полицейские. Но Хоппи поступает, как ему заблагорассудится. Думаю, если бы вы попробовали захватить Хоппи, он, скорее всего, просто убил бы вас. Это не составило бы для него ни малейшего труда, и он ни на секунду бы не задумался.

После недолгой паузы Элдон сказал:

— Я... я очень ценю вашу откровенность.

После этого они вместе молча вернулись в Форестер-Холл.

Взоры всех присутствующих по-прежнему были прикованы к Хоппи Харрингтону, говорящему голосом Дэнджерфилда.

— ...пропадает, когда я ем,— как раз говорил калека.— Вот я и думаю, что это язва, а вовсе не сердце. Так что, если сейчас меня слушают какие-нибудь доктора и у них есть доступ к передатчику...

Один из слушателей перебил его:

— Я обязательно свяжусь со своим доктором из Сан-Рафаэло, я серьезно. А то мы рискуем получить второго мертвеца,

вращающегося виток за витком вокруг Земли.— Это был тот же самый человек, который говорил о враче до того. Сейчас, похоже, он говорил совершенно искренне.— Или, если, как считает миссис Роб, все это продукт его воображения, можно попробовать попросить помочь ему доктора Стокстилла.

«Но ведь Хоппи не было в зале, когда Дэнджерфилд говорил это,— подумал Элдон Блейн.— Как же он смог сымитировать то, чего не слышал?»

И тут он наконец понял. Все было очевидно. Просто у калеки дома имелся радиоприемник, и перед тем, как приехать сюда, он сидел дома и слушал спутник. А из этого следовало, что здесь, в Уэст-Марино, имелось два радио, в то время как в Болинасе не было ни одного. Элдона охватили ярость и отчаяние. «У нас нет ничего,— подумал он.— А у этих людей здесь есть буквально все, включая даже второе действующее частное радио, которым пользуется всего один человек!»

Прямо как до войны,— мелькнула у Элдона мысль.— Они здесь живут практически так же, как тогда. Но это же несправедливо!

Блейн развернулся и снова вышел наружу, в ночную темноту. Никто его не заметил — им не было до него никакого дела. Все были слишком захвачены обсуждением Дэнджерфилда и состояния его здоровья, чтобы обращать внимание на что-либо еще.

Освещая путь керосиновой лампой, Элдон двинулся по дороге; вскоре навстречу ему попались трое: высокий худой мужчина и молодая женщина с темно-рыжими волосами, а между ними шла маленькая девочка.

— Скажите, чтение уже закончилось? — спросила женщина.— Неужели мы опоздали?

— Понятия не имею,— ответил Элдон и отправился дальше.

— Ой, мы его пропустили! — жалобно воскликнула девочка.— Говорила же вам, пошли скорее!

— Ну, все равно надо зайти,— заметил мужчина.

По мере того как охваченный отчаянием Элдон уходил все дальше и дальше по темной дороге, их голоса постепенно затихали вдали. Ему сейчас хотелось оказаться как можно дальше от голосов и людей, от этих богатых жителей Уэст-Марино, у которых было столько всего.

Хоппи Харрингтон, продолжая имитировать Дэнджерфилда, поднял глаза и увидел, как в зал входят Келлеры с дочкой и рассаживаются на заднем ряду. «Почти вовремя»,— сказал он

себе, радуясь тому, что слушателей прибавилось. Но потом почувствовал, что начинает нервничать, заметив, как пристально смотрит на него девочка. Было что-то неприятное в том, как она вперилась в него взглядом, что-то тревожное. Хоппи испытывал подобное чувство каждый раз, когда Эдди смотрела на него. Настроение у него испортилось, и он неожиданно замолчал.

— Продолжай, Хоппи! — выкрикнул Кас Стоун.

— Давай, давай! — послышались крики из зала.

— Слушай, повтори еще разок ну ту, помнишь, насчет «Кул-Эйда»! — крикнула одна из женщин.— Спой ее еще разок, ну ту, где близнецы про «Кул-Эйд» поют.

— «Кул-Эйд» — он все может, «Кул-Эйд» нам поможет...— затянул было Хоппи, но снова смолк.— Думаю, на сегодня хватит,— заявил он.

В зале стало тихо.

— А мой братишка,— вдруг заговорила дочка Келлеров,— говорит, что мистер Дэнджерфилд где-то в этой комнате.

Хоппи рассмеялся.

— Это верно,— возбужденно подтвердил он.

— Он сегодня читал? — спросила Эдди Келлер.

— Да, но чтение уже закончилось,— сказал Эрл Колвиг,— но мы слушали не это. Мы слушали Хоппи и смотрели, как он показывает фокусы. Он сегодня нам много чего показал, верно, Хоппи?

— Слушай, покажи малышке еще раз тот, что с монетой,— попросила Джун Роб.— Думаю, ей понравится.

— Да, покажи его еще разок! — крикнул со своего места аптекарь.— Это было просто здорово. Думаю, и все остальные не откажутся.— Ему так хотелось увидеть фокус еще раз, что он даже привстал, забыв о сидящих позади.

— Мой братик,— негромко сказала Эдди,— хочет послушать чтение. Он за этим сюда и пришел. Никакие монетки его не интересуют.

— Тише! — одернула ее Бонни.

«Братик,— подумал Хоппи.— Но ведь у нее нет никакого брата». При этой мысли он рассмеялся, и кое-кто из зрителей невольно улыбнулся в ответ.

— Твой братик? — переспросил он, подъезжая поближе к малышке.— *Твой братик?* — Хоппи остановил мобиль около нее, все еще смеясь.— Я могу читать,— сказал он.— Я могу быть и Филипом, и Милдред, и любым из героев книги. Я могу быть Дэнджерфилдом — иногда так и бывает на самом деле. Например,

я был им сегодня; вот почему твой братишка решил, будто Дэнджерфилд где-то здесь. Но на самом деле я — это я.— Он оглянулся на остальных.— Верно ведь, друзья? Ведь это был я, да?

— Точно,— согласно кивнул Кас Стоун. Другие тоже закивали.

— Господи, Хоппи, а может ты успокоишься, а? — сурово сказала Бонни Келлер.— Не нервничай, а то не ровен час, вывалишься из своей тележки.— Она, как всегда высокомерно, взглянула на него, и Хоппи почувствовал, как невольно начинает съеживатся.— Что тут было до нашего прихода? — не обращаясь ни к кому в отдельности, спросила Бонни.

Фред Куинн, аптекарь, ответил:

— Да вот тут Хоппи имитировал Уолта Дэнджерфилда, да так здорово, что и не отличишь!

Остальные закивали в знак согласия.

— У тебя нет никакого брата, Эдди,— сказал девочке Хоппи.— Почему ты говоришь, что твой брат хочет послушать чтение, если у тебя нет никакого брата? — Он улыбнулся. Девочка молчала.— Можно его увидеть? — продолжил он.— Можно с ним поговорить? Хотелось бы услышать... тогда я покажу ему имитацию.— Теперь он уже буквально хохотал, от хохота у него текли слезы из глаз. Пришлось вытирать их манипулятором.

— Да, вот это будет имитация! — сказал Кас Стоун.

— Хотелось бы услышать,— сказал Эрл Колвиг.— Ну, сделай же, Хоппи!

— Сделаю,— отозвался Хоппи,— как только ее брат хоть что-нибудь мне скажет.— Он сидел в своем мобиле и ждал.

— Ну, довольно,— вмешалась Бонни Келлер.— Оставь в покое моего ребенка.— От гнева у нее на щеках выступили красные пятна.

Хоппи, игнорируя ее, снова обратился к Эдди:

— Так где же он? Скажи, где он — где-нибудь поблизости?

— Нагнись пониже,— сказала Эдди.— Поближе ко мне. Тогда он с тобой поговорит.— Лицо ее теперь было таким же мрачным, как и у матери.

Хоппи нагнулся, с насмешливой серьезностью повернув голову ухом к ней.

И тут внутри него раздался голос, как будто бывший частью его внутреннего мира. Он услышал вопрос:

— А как ты починил тот проигрыватель? Я имею в виду, как ты *на самом деле его починил*?

Хоппи вскрикнул.

Все уставились на него, видя, что лицо Хоппи побелело, как полотно. Многие вскочили, и у всех на лицах было написано напряженное ожидание.

— Я слышал голос Джима Фергюсона,— сказал Хоппи.

Девочка невозмутимо смотрела на него.

— Хотите еще послушать моего братишку, мистер Харрингтон? Скажи ему что-нибудь, Билл. Он хочет послушать тебя еще.

И голос в голове Хоппи сказал:

— Это было больше похоже на то, как если бы ты исцелил сломанную пружину — срастил, что ли. Что-то я не заметил, чтобы ты заменил ее...

Хоппи резко развернул тележку и отъехал в дальний конец зала, подальше от дочки Келлеров. Он сидел молча, издали глядя на девочку. Хоппи тяжело дышал, а сердце его бешено колотилось. Эдди молча глядела на него в ответ, только теперь на губах у нее играла легкая улыбка.

— Так ты слышал моего брата, да? — спросила она.

— Да,— ответил Хоппи.— Слышал.

— И ты знаешь, где он?

— Да.— Он кивнул.— Только не делай этого больше. Пожалуйста. Если не хочешь, чтобы я снова имитировал разных людей, я не буду. Идет? — Он умоляюще взглянул на нее, но Эдди никак не реагировала на его слова.— Прости,— продолжал он.— Теперь я тебе верю.

— Боже милостивый! — прошептала Бонни Келлер. Она повернулась к мужу, как бы задавая ему безмолвный вопрос. Джордж лишь потряс головой, но ничего не ответил.

Наконец девочка медленно и ровно сказала:

— А ведь вы можете еще и увидеть его, мистер Харрингтон. Хотите посмотреть, как он выглядит?

— Нет,— отозвался тот.— Не хочу.

— Неужели он вас напугал? — Теперь ребенок явно смеялся над ним, вот только улыбка у девочки была пустой и холодной.— Он отомстил вам потому, что вы издевались надо мной. Это рассердило его, и он вас напугал.

Подойдя к Хоппи, Джордж Келлер спросил:

— Что произошло, Хоп?

«Он напугал меня,— подумал Хоппи.— Провел меня, сымитировав Джима Фергюсона, а я полностью купился. Я ведь и впрямь решил, что это говорит сам Джим. Эдди была зачата в тот день, когда погиб Джим Фергюсон. Я знаю точно, Бонни сама как-то мне об этом говорила, и скорее всего, брат Эдди был

зачат одновременно с ней. Но это был не Джим. Это была... *имитация*».

— Теперь ты понял,— сказала девочка.— Билл тоже может подражать людям.

— Да.— Его буквально трясло.— Я понял.

— И подражать очень здорово.— Темные глаза Эдди сверкали.

— Очень, очень здорово,— пробормотал Хоппи. «Не хуже меня,— подумал он.— А может и лучше, чем я. Нужно быть поосторожнее с этим ее братцем Биллом,— прикинул Хоппи.— Да и вообще разумнее держаться в стороне. Он преподал мне хороший урок.

В принципе,— вдруг осознал он,— это вполне мог быть и настоящий Фергюсон. Перевоплощенный, это еще называют реинкарнацией, ведь бомба могла вызвать подобный эффект, хоть и непонятно как.

В таком случае это никакая не имитация, и первое впечатление было совершенно правильным, но откуда же мне знать правду. Сам он мне нипочем не скажет — ведь он ненавидит меня... думаю, из-за того, что я насмехался над его сестрицей Эдди. Вот тут я допустил ошибку — не следовало мне смеяться над ней».

— Так, так, так...— произнес он, и кое-кто начал оборачиваться к нему. Часть людей снова была готова слушать его.— С вами снова ваш старый приятель,— продолжал Хоппи. Но на сей раз он не вкладывал душу в то, что говорил, голос его дрожал. Он улыбнулся слушателям, но не заметил ни одной ответной улыбки.— Может, еще немножко почитаем, а? — спросил он.— А то братишка Эдди тоже хочет послушать.— С этими словами он протянул манипулятор и подкрутил ручку громкости радио, потом подстроил его.

«Ты получишь все что угодно,— думал он.— Хоть чтение, хоть что. Сколько ты пробыл здесь? Всего семь лет? А впечатление такое, будто целую вечность. Кажется, что ты... существовал всегда». С ним говорило какое-то невероятно древнее, морщинистое, седое существо. Что-то маленькое и костлявое, плавающее в жидкости. Обросшее пушистыми волосами, которые струились длинными космами. «Зуб даю, это был сам Фергюсон,— сказал себе Хоппи.— Я просто *чувствовал*, что это он. Да, наверняка он там, внутри этой девчонки.

А интересно, может он выбраться наружу?»

Эдди Келлер сказала брату:

— Как ты сумел так напугать его? Он перепугался до смерти.

Откуда-то изнутри послышался знакомый голос:

— Я раньше был кем-то, с кем он давным-давно был знаком. Кем-то, кто потом умер.

— А-а! — протянула Эдди.— Вот оно что. Впрочем, так я и думала.— Девочка явно была довольна.— А еще ты его собираешься пугать?

— Если он будет вести себя плохо,— ответил Билл,— я и не такое ему покажу.

— А откуда ты узнал о мертвом человеке?

— Ну,— ответил Билл,— ты же сама знаешь откуда. Потому что я и сам мертвый.— Он усмехнулся где-то в недрах тела Эдди: она почувствовала подрагивание изнутри.

— Ну какой же ты мертвый,— возразила она.— Ты такой же живой, как и я. Не смей больше так говорить, это плохо.— Слова брата напугали ее.

Билл сказал:

— Да ладно, я пошутил, больше не буду. Жаль, не видел его лица. Как он выглядел?

— Ужасно,— сказала Эдди.— Когда ты заговорил с ним, физтономия у него стала как у лягушки. Хотя ты все равно не знаешь, как выглядит лягушка, да и вообще ты не знаешь что и как выглядит, поэтому бесполезно объяснять.

— Как бы мне хотелось выйти наружу,— жалобно сказал Билл.— Ну почему я не родился, как все обычные дети! Может, я рожусь попозже?

— Доктор Стокстилл сказал, что это невозможно.

— А он не может помочь? Ты вроде бы сказала...

— Я ошиблась,— ответила Эдди.— Я думала, он может вырезать небольшую круглую дырочку, и все будет в порядке, но он сказал, что это невозможно.

Где-то в глубине ее тела Билли замолк.

— Да ладно, не расстраивайся,— сказала Эдди.— Я и дальше буду рассказывать тебе обо всем.— Ей очень хотелось утешить его, и она продолжала: — Я больше никогда не поступлю, как в тот раз, когда рассердилась на тебя и перестала рассказывать о том, что делается снаружи, обещаю.

— А может, я сам смог бы *заставить* доктора Стокстилла выпустить меня наружу? — спросил Билл.

— Думаешь, удастся? Сомневаюсь.

— Смогу, если захочу.

— Нет,— ответила она.— Врешь ты все, ты можешь только спать да разговаривать с мертвыми. Ну, еще, может, имитировать

разные голоса. Только это все пустяки — я и сама могу делать и то же самое, и еще целую кучу разных вещей.

Ответа не было.

— Билл,— продолжала она,— а знаешь что? Теперь про тебя знают два человека: Хоппи Харрингтон знает и доктор Стокстилл тоже. А ты всегда твердил, что никто никогда о тебе не узнает. Получается, не такой уж ты и умный. Да, думаю, ты не больно-то умный.

Билл внутри нее продолжал спать.

— Если ты сделаешь что-нибудь нехорошее,— заявила Эдди,— я могу проглотить какой-нибудь яд и отравить тебя. Скажешь, не так? Так что веди себя получше.

Девочка все больше и больше боялась его и сейчас говорила в основном для храбрости.

«Может, было бы и не так уж плохо, если бы ты умер,— думала Эдди.— Только тогда мне пришлось бы таскать тебя мертвого, а это... пожалуй, не слишком приятно. Вряд ли мне бы это понравилось».

Она поежилась.

— Не беспокойся обо мне,— неожиданно сказал Билл. То ли он вдруг проснулся, то ли вообще не спал, а просто притворялся.— Я много чего знаю и могу сам о себе позаботиться. И тебя я тоже буду защищать. Ты лучше радуйся тому, что я есть, ведь я могу... ладно, тебе все равно не понять. Знаешь, я могу взглянуть на любого из мертвых, вроде того человека, которого я имитировал. Так вот, их ужасно много — миллионы, нет, даже триллионы мертвецов, и все они очень разные. Когда я сплю, то слышу их бормотание. Они совсем близко.

— Близко где? — спросила она.

— Под нами,— ответил Билл.— Там, внизу — в земле.

— Брр! — поежилась Эдди.

Билл рассмеялся.

— Это правда. И мы тоже когда-нибудь окажемся там. И мама с папой, и все остальные люди. Туда попадает вся и все, включая животных. Например, собака уже почти там — ну, помнишь, та, что умеет говорить. Может, еще и не совсем там, но это почти одно и то же. Вот увидишь.

— Не желаю я этого видеть,— сказала девочка.— Я хочу послушать чтение, так что помолчи и дай послушать. А ты сам-то хочешь послушать? Ты же всегда говорил, что тебе нравится.

— Он тоже скоро будет там,— сказал Билл.— Тот человек на спутнике, который читает.

— Не может быть! — сказала она.— Ты уверен в этом?

— Да,— ответил ее брат.— Совершенно уверен. А еще раньше... ты знаешь, кто такой очечник? Не знаешь, но он очень скоро окажется там — через несколько минут. А потом...— Он замолчал.— Нет, не скажу.

— Да,— сказала она.— Прошу тебя, не говори. Я не хочу этого слышать.

Ориентируясь на высокую мачту передатчика Хоппи, Элдон Блейн двигался к дому калеки. «Сейчас или никогда,— думал он.— Времени в обрез». Никто не пытался остановить его, поскольку все были в Холле, включая и самого калеку. «Я найду радио и унесу его,— сказал себе Элдон.— Если уж я не смог умыкнуть самого калеку, так хоть вернусь в Болинас не с пустыми руками». Передатчик был уже совсем близко — Элдон чувствовал присутствие творения Хоппи... и тут он обо что-то споткнулся. Блейн рухнул навзничь, едва успев раскинуть руки. Остатки низкой ограды.

Теперь стал виден и сам дом или то, что от него осталось. Фундамент, одна стена, а в центре кубической формы хибара, сооруженная из разного хлама и покрытая сверху рубероидом. Мачта, удерживаемая металлическими тросами-растяжками, стояла прямо позади небольшой дымовой трубы.

Передатчик был включен.

Элдон услышал его гудение еще до того, как заметил голубоватое свечение радиоламп. А из-под двери хижины лился свет.

Он нащупал дверную ручку, секунду постоял, потом быстро повернул ее. Дверь поддалась так легко, как будто внутри его что-то поджидало.

Откуда-то доносился дружелюбный, доверительный голос, и Элдон Блейн, похолодев, оглянулся, ожидая увидеть калеку. Но голос раздавался из радиоприемника, стоявшего на рабочем столе среди беспорядочного нагромождения приборов, инструментов и запчастей.

Дэнджерфилд все еще продолжал говорить, хотя спутник наверняка давно ушел за пределы радиоприема. «Контакт со спутником, какого еще никому не удавалось добиться! — сообразил Блейн.— Вот даже что у них здесь есть, в их Уэст-Марино. Но почему работает большой передатчик? Что он передает?» Он стал лихорадочно оглядывать комнату.

Льющийся из радио голос внезапно изменился, стал резче, грубее.

— Очечник! — сказал он.— Что ты забыл в моем доме?

Это был голос Хоппи Харрингтона, и Элдон застыл, как вкопанный, тупо потирая лоб, пытаясь понять, хотя на глубинном, инстинктивном уровне и осознавая, что не понимает... и никогда не поймет.

— Хоппи,— наконец выдавил он.— Где ты?

— Здесь,— отозвался голос из динамика.— И с каждой секундой все ближе и ближе. Стой где стоишь, очечник!

Тут дверь распахнулась, и перед Блейном возник Хоппи Харрингтон на своем мобиле. Его горящие глаза были устремлены на Элдона.

— Добро пожаловать в гости,— съязвил Хоппи, причем голос теперь исходил одновременно и от радио, и от него самого.— Ты небось думал, что это передача со спутника? — Один из манипуляторов вытянулся и щелкнул выключателем.— Ладно, очечник, рассказывай. Что тебе здесь надо?

— Отпусти меня. Ничего мне не надо. Просто полюбопытствовал, и все,— ответил Элдон.

— Тебе ведь нужно радио, верно? — невыразительным голосом спросил Хоппи. Он, похоже, был ничуть не удивлен.

Элдон спросил:

— А почему твой передатчик включен?

— Потому что я передаю на спутник.

— Если ты отпустишь меня,— сказал Элдон,— я отдам тебе все свои очки. А чтобы собрать их, потребовалось несколько месяцев обшаривать Северную Калифорнию.

— В этот раз ты не привез никаких очков,— сказал калека.— Во всяком случае чемоданчика у тебя с собой нет. В любом случае ты можешь идти. Я тебя не держу, ведь ты не сделал ничего плохого. Правда, это я тебе помешал.— Хоппи рассмеялся отрывистым, заикающимся смехом.

Элдон спросил:

— Слушай, а ты, случаем, не собираешься вернуть спутник?

Калека недоуменно уставился на него.

— Ну да, конечно,— сказал Элдон.— Наверняка с помощью этого передатчика ты намерен включить ту последнюю ступень, которая так и не сработала. Она может послужить в качестве посадочного двигателя.

— Я бы не смог сделать этого,— наконец ответил Хоппи.— Даже если бы и захотел.

— Ты же можешь управлять вещами на расстоянии.

— Ладно, расскажу тебе, чем я занят, очечник.— Прокатив мимо Элдона, калека протянул манипулятор и взял со стола какую-то штуку.— Знаешь, что это? Это бобина с магнитной лентой. То, что на ней записано, будет передано на спутник на огромной скорости так, что передача часов информации займет всего несколько секунд. И в то же время все передачи, которые спутник получал во время полета, будут отправлены мне точно таким же образом, на сверхвысокой скорости. Именно так изначально и было задумано, очечник. Еще до катастрофы, до того, как была утрачена аппаратура космической связи.

Элдон Блейн взглянул на стоящее на рабочем столе радио, а потом искоса глянул на дверь. Мобиль теперь стоял так, что не загораживал ее. Интересно, подумал Элдон, если он попробует рвануть отсюда, есть у него шансы или нет?

— Я могу вести передачи на расстояние до трехсот миль,— тем временем говорил Хоппи.— Передавая напрямую, я могу достичь приемников, находящихся в этом радиусе в Северной Калифорнии, но и только. Но, передавая на спутник, где моя информация будет записываться, а потом, по мере его движения, раз за разом воспроизводиться...

— Ты сможешь вступать в контакт со всем остальным миром,— сказал Элдон.

— Именно,— подтвердил Хоппи.— На борту спутника есть вся необходимая аппаратура, и она будет подчиняться соответствующим командам с Земли.

— И тогда ты станешь Дэнджерфилдом,— сказал Элдон.

Калека улыбнулся и, заикаясь, сказал:

— Причем никто не заметит разницы. Я справлюсь с этим. Я уже все продумал. А собственно, какова альтернатива? Молчание. Спутник может замолчать со дня на день. И тогда единственный, объединяющий мир голос исчезнет и мир постепенно придет в полный упадок. Я готов в любой момент отключить Дэнджерфилда. Как только окончательно уверюсь в том, что он вот-вот умрет.

— А он о тебе знает?

— Нет,— ответил Хоппи.

— Хочешь, я скажу тебе, что я думаю? — сказал Элдон.— Я думаю, Дэнджерфилд умер давным-давно, и на самом деле мы все это время слушали тебя.— С этими словами он чуть приблизился к радиоприемнику на рабочем столе.

— Это не так,— твердо ответил калека и продолжил: — Но осталось недолго. Просто удивительно, что он так долго выдер-

живал подобные условия. Видно, военные неплохо поработали, когда отбирали кандидатов.

Элдон схватил приемник и метнулся к двери.

Удивленный калека смотрел ему вслед, разинув рот. Блейн на мгновение обернулся, заметил выражение лица Хоппи, а в следующий миг был уже за порогом, сломя голову мчась к своей полицейской повозке. «Я отвлек его,— думал он на бегу.— Бедный чертов калека даже и не предполагал, что я собирался сделать. Весь этот разговор... какой в нем смысл? Да никакого. Мания величия, и только. Он хочет сидеть в своей хибаре и говорить со всем миром, принимать передачи со всего мира, сделать его своей аудиторией... но никому такое не под силу, кроме Дэнджерфилда, никто не может управлять аппаратурой спутника отсюда, с Земли. Калеке нужно бы было находиться там наверху, внутри, а ведь невозможно...»

Что-то схватило его за шею.

«Как? — спросил себя Элдон Блейн, падая лицом на землю, но по-прежнему не выпуская из рук радио.— Ведь он остался там, в доме, а я здесь. Действие на расстоянии... он держит меня. Неужели я ошибся? Неужели он может дотянуться так далеко?»

Тут что-то схватившее его за шею, стало сжиматься.

Глава 11

Взяв первый, отпечатанный на мимеографе листок крошечной, выпускаемой им два раза в месяц газетки, Пол Диц принялся критически просматривать главную заметку, которую он сам и написал.

ЧЕЛОВЕК ИЗ БОЛИНАСА НАЙДЕН СО СЛОМАННОЙ ШЕЕЙ

Четыре дня назад Элдон Блейн, торговец очками из города Болинас, Калифорния, прибывший в наши края по делам, был обнаружен на обочине дороги мертвым со сломанной шеей и следами насилия на теле. Убийца неизвестен. Эрл Колвиг, шеф полиции Уэст-Марино, начал расследование и в настоящее время допрашивает свидетелей, видевших Блейна в тот вечер.

Вот такая была заметка, и читая ее, Диц испытывал глубокое удовлетворение. Она сразу привлечет внимание множества читателей — а значит, в следующем номере разместят больше объявлений. Основными источниками дохода Пола были Энди Гилл,

который постоянно рекламировал свои табачные изделия и напитки, и Фред Куинн, аптекарь. Ну и, само собой, всегда бывало по нескольку других объявлений. Но конечно же, это не то что в старые добрые времена.

И была одна вещь, о которой он не упомянул в заметке. А именно о том, что очечник из Болинаса находился в Уэст-Марино вовсе не по делу, и все это прекрасно знали. Кое-кто даже считал, что он прибыл сюда с целью умыкнуть умельца. Но поскольку это были лишь домыслы, печатать такое не следовало.

Диц принялся за следующий по важности материал.

ДЭНДЖЕРФИЛД ЗАЯВЛЯЕТ, ЧТО БОЛЕН

Те, кто посещает вечерние прослушивания передач со спутника, сообщают, что Уолт Дэнджерфилд вчера объявил о том, что болен. По его словам, у него «неважное самочувствие, возможно, связанное с язвой желудка или болезнью сердца», и он нуждается лечении. Как нам сообщили, присутствующие в Форестер-Холле выразили глубокую озабоченность состоянием его здоровья. Мистер Кас Стоун, сообщивший нам об этом, заявил, что, в крайнем случае готов организовать консультацию своего личного врача из Сан-Рафаэло и что также обсуждался вопрос о командировании мистера Фреда Куинна, аптекаря из Пойнт-Рейса, в штаб-квартиру Вооруженных Сил с целью доставить лекарства, необходимые Дэнджерфилду. Правда, следует отметить, что окончательное решение принято так и не было.

В остальном газета была заполнена заметками на местные, куда менее интересные темы: кто с кем обедал, кто в какой соседний городок ездил... Пол наскоро просмотрел их, убедился, что все объявления напечатаны без ошибок, а потом принялся за другие полосы.

Разумеется, в его распоряжении были материалы, которые в газете отсутствовали,— материалы, ни в коем случае не подлежащие опубликованию. Например, про Хоппи Харрингтона, до смерти напуганного семилетней девочкой. Диц даже усмехнулся, вспомнив, что ему рассказывали об этой истории, причем все произошло на глазах у окружающих. Или про Бонни Келлер, заведшей очередной роман, на сей раз с новым школьным учителем, Хэлом Барнсом... да, из этого мог бы выйти материальчик, просто пальчики оближешь. Джек Три, местный фермер-овцевод, обвиняет (в миллионный раз) неназванных персон в краже овец.

«Что же еще? Давай прикинем,— думал он. Знаменитый специалист по табачным изделиям, Эндрю Гилл, встретился с неизвестным посетителем из города. Предметом переговоров, возможно, является вопрос о слиянии табачно-спиртного бизнеса Гилла с какой-то крупной городской компанией. Вспомнив об этом, он нахмурился. Если Гилл от них съедет, то газета потеряет самый надежный источник объявлений. Ничего хорошего в этом не было.

«Может, имеет смысл написать об этом в газете,— подумал Диц.— Настроить общественное мнение против его планов перебираться куда бы то ни было. Усиление влияния чужих компаний на местный табачный бизнес... да, пожалуй, так бы я и выразился. Приезжие невесть откуда, замеченные в наших краях. Что-нибудь в этом роде. Это может заставить Гилла передумать; он, конечно, здесь человек новый, но он далеко не глуп. Эндрю появился здесь только после катастрофы. Так что по-настоящему он не один из нас.

Интересно, кто же была та зловещая фигура, что разговаривала с Гиллом? Вопрос этот волновал умы всех местных жителей. Всем этот человек не понравился. Кое-кто утверждал, будто это был негр, другие говорили, что это просто радиационные ожоги — таких называли „черновоенные".

Может, происшедшее с этим очечником из Болинаса случится и с ним,— прикидывал Диц.— Потому что у нас слишком многие недолюбливают чужаков. Нечего им околачиваться здесь и совать нос куда не надо — это может быть опасно».

Убийство Элдона Блейна, естественно, напомнило ему о судьбе Остуриаса... хотя последний был убит на совершенно законных основаниях, открыто, по решению Совета граждан и суда. Тем не менее, по сути, разница была небольшая. И то и другое явно свидетельствовало о настроениях граждан. Так же было бы расценено и внезапное исчезновение из этого бренного мира и негра, или черновоенного, или кем бы он там ни был, который вился вокруг Гилла, к тому же всегда возможно, что какое-то возмездие постигнет и самого Гилла тоже.

Но у Эндрю имелись влиятельные друзья — например, Келлеры. К тому же многие люди зависели от его сигарет и спиртного. Например, его активными покупателями были Орион Строд и Кас Стоун. Вполне возможно, что Гилл в полной безопасности.

«Но только не черный,— подумал Диц.— Не хотел бы я оказаться на его месте. Он из города и не понимает всей глубины чувств членов маленькой общины. Мы здесь представляем собой сплоченную группу и не желаем, чтобы кто бы то ни было пытался эту сплоченность разрушить.

Возможно, их ожидает горький урок. Не исключено, что мы станем свидетелями еще одного убийства. Убийства чернокожего. Да, в каком-то смысле, это было бы лучшим выходом».

Катясь по центральной улице Пойнт-Рейса, Хоппи Харрингтон вдруг заметил чернокожего человека, которого когда-то знал. Они познакомились много лет назад, вместе работали в телемагазине. Да, это точно был он, Стюарт Маккончи.

Но тут калека сообразил, что это просто еще одна из имитаций Билла.

Представив себе, какой мощью обладает существо, угнездившееся в теле Эдди Келлер, Хоппи ощутил ужас. Оно может творить такие вещи прямо средь бела дня, а что он, Хоппи, может противопоставить этому? Как вчера вечером получилось с голосом Джима Фергюсона, так потрясшим его. Несмотря на все невероятные способности калеки, это существо сумело провести Хоппи. «Я просто не знаю, что мне делать»,— лихорадочно размышлял он, продолжая катиться по направлению к темнокожей фигуре. Но та не исчезала.

«А может, Билл знает, что я сделал с этим очечником? — подумал он,— Может, он решил отомстить мне. Дети любят такие вещи».

Свернув на боковую улицу, он прибавил ходу, стараясь побыстрее оказаться как можно дальше от имитации Стюарта Маккончи.

— Эй! — предостерегающе воскликнул кто-то.

Оглянувшись, Хоппи понял, что едва не наехал на доктора Стокстилла. Раздосадованный, он затормозил.

— Извините.— Он несколько мгновений пристально смотрел на доктора, потом вспомнил, что этого человека он тоже знал еще в прежние времена, до катастрофы. Стокстилл был психиатром, имел кабинет в Беркли, и Хоппи время от времени встречал его на Шаттак-авеню. Откуда он здесь взялся? Почему, как и Хоппи, решил обосноваться в Уэст-Марино? Простое ли это совпадение?

«А может быть,— пришла калеке в голову мысль,— может, Стокстилл — лишь постоянная имитация, обретшая существование в день, когда на район Залива упала первая бомба. Ведь именно в этот день был зачат Билл, не так ли?

А все Бонни Келлер,— подумал он,— все это идет от нее. Все несчастья общины... история с Остуриасом, которая едва нас не погубила, разделив на два враждебных лагеря. Это она позаботилась о том, чтобы Остуриас был убит, а на сам деле прикончить

следовало этого дегенерата, этого Джека Три вместе с его овцами. Его надо было пристрелить, а не бывшего школьного учителя.

Вот хороший был человек, добрая душа,— подумал калека, вспомнив мистера Остуриаса.— И почти никто — один я — не поддержал его открыто на так называемом суде».

Доктор Стокстилл раздраженно сказал:

— Хоппи, будь добр, поосторожнее со своим мобилем, сделай одолжение. В качестве личной услуги.

— Я же сказал, что извиняюсь,— ответил Хоппи.

— Чем ты так напуган? — спросил доктор.

— Ничем,— ответил Хоппи.— Я вообще ничего никогда не боюсь.— Но тут он вспомнил инцидент в Форестер-Холле и то, как он там себя повел. Об этом знал весь городок. Доктор Стокстилл хотя и не присутствовал, но тоже знал. В порыве откровенности он все же сознался: — У меня какая-то фобия. Это по вашей части, или вы эти штуки уже забросили? По-моему, она как-то связана с замкнутым пространством. Один раз меня завалило в подвале, в тот день, когда упала первая бомба. Это спасло мне жизнь, но...— он пожал плечами.

— Понимаю,— сказал Стокстилл.

— А вы когда-нибудь обследовали дочку Келлеров? — спросил Хоппи.

— Да,— ответил Стокстилл.

Хоппи резонно заметил:

— В таком случае вы знаете. Это не один ребенок, а два. Они каким-то образом объединены. Может, вам даже известно, как именно, но я этого не знаю... впрочем, мне наплевать. Согласитесь, забавное создание эта девчонка, вернее, она и ее братец.— Теперь в его словах слышалась горечь.— А ведь внешне никаких отклонений нет. Поэтому никто ничего не замечает. Люди обычно обращают внимание на внешние уродства, верно? Вы никогда этого не замечали?

Стокстилл не мог не согласиться.

— В общем и целом, да.

— Я слышал,— сказал Хоппи,— что в соответствии с государственным законом дети-мутанты, все дети с какими-либо отклонениями от нормы, должны передаваться властям в Сакраменто.

Доктор ничего не ответил, а просто молча смотрел на него.

— Вы помогаете Келлерам нарушать закон,— сказал Хоппи.

После недолгой паузы Стокстилл сказал:

— Чего ты добиваешься, Хоппи? — Говорил он негромко и спокойно.

— Д-да нет, н-ничего,— заикаясь, ответил Хоппи.— Просто справедливости. Хочу, чтобы соблюдался закон. Разве в этом есть что-то плохое? Я поддерживаю закон. Я зарегистрирован в Евгенической службе США как...— Он споткнулся на слове.— Как биологический мутант. Конечно, это ужасно неприятно, но я подчиняюсь.

— Хоппи,— негромко спросил доктор,— а что ты сделал с очечником из Болинаса?

Хоппи резко развернул свой мобиль и быстро покатил прочь.

«Что я с ним сделал? — думал Хоппи.— Да убил его, сами небось догадываетесь. Зачем же спрашивать. Какое ваше дело? Человек был не из наших мест, он не в счет, и мы все это знаем. А Джун Роб вообще сказала, что он собирался похитить меня, а этого для большинства людей вполне достаточно... достаточно для Эрла Колвига, и Ориона Строда, и Каса Стоуна, а ведь именно они управляют этой общиной вместе с миссис Толлмен, Келлерами и Джун Роб.

Он знает, что это я убил Блейна,— мрачно думал Хоппи.— Он вообще очень много обо мне знает, хотя я никогда не позволял ему осматривать себя. Он знает, что я могу управлять предметами на расстоянии... впрочем, это всем известно. И все же он, возможно, единственный человек, который понимает, что это означает. Он человек образованный.

Если я снова увижу эту имитацию Стюарта Маккончи,— вдруг пришла ему в голову мысль,— я схвачу его манипулятором за горло и задушу.

Но, надеюсь, я его больше не встречу,— подумал Хоппи. Терпеть не могу мертвых. Моя фобия как раз с этим и связана: *с могилой*. Я был похоронен в могиле с половиной тела Фергюсона, которая упала вниз, в подвал. И это было просто ужасно. Две недели с половинкой человека, который проявлял ко мне участия больше, чем кто бы то ни было еще. Что бы ты сказал, Стокстилл, если бы я оказался на твоей психоаналитической кушетке? Заинтересовал бы тебя такой случай психологической травмы или такого за последние годы ты уже навидался и сыт по горло?

Этот Билл внутри Эдди Келлер каким-то образом живет с мертвыми,— продолжал размышлять Хоппи.— Наполовину в нашем мире, наполовину в другом.— Он горько усмехнулся, вспоминая о времени, когда и сам воображал, будто может вступать в контакт с загробным миром... — Ну и злая же шутка,— подумалось ему.— Больше, чем кого-либо другого, я обманывал сам

себя. Но никто не догадывался, даже Стюарт Маккончи со своей крысой, Стюарт, с жадностью пожирающий...»

И тут он понял. Это означало, что Стюарт выжил. Он не погиб во время катастрофы — по крайней мере не в самом начале, как Фергюсон. Значит, сейчас он, возможно, видел вовсе не имитацию.

Хоппи била дрожь. Он остановил мобиль и некоторое время сидел, лихорадочно размышляя.

«Знает он что-нибудь обо мне? — спросил он себя.— Может доставить мне какие-нибудь неприятности? Нет,— наконец решил Хоппи,— поскольку в те дни ну кто я был такой? Просто беспомощный калека на выданной правительством тележке, который был рад-радешенек любой работе, любой подачке. С тех пор многое изменилось. Теперь я представляю большую ценность для всего района Уэст-Марино,— сказал он себе.— Я первоклассный умелец».

Катясь обратно тем же путем, которым приехал, он вскоре снова оказался на главной улице и огляделся, ища взглядом Стюарта Маккончи. И конечно, негр оказался тут как тут. Похоже, он направлялся в сторону табачно-спиртовой фабрики Эндрю Гилла. Калека покатил было за ним, но тут ему в голову пришла одна идея.

Он заставил Маккончи споткнуться.

Сидя в своем мобиле, Хоппи, видя, как негр спотыкается, едва не падает и с трудом восстанавливает равновесие, усмехнулся про себя. Маккончи хмуро взглянул под ноги на тротуар и двинулся дальше по выщербленному, заросшему сорняками бетону, правда, теперь помедленнее, тщательно выбирая, куда шагнуть.

Калека покатил за ним, и, когда оказался в шаге или около того позади, он окликнул старого знакомого:

— Стюарт Маккончи, продавец телевизоров, пожирающий крыс сырыми, привет!

Негр остановился, как вкопанный. Он не обернулся, нет, он просто стоял, разведя в стороны руки с растопыренными пальцами.

— Ну и как тебе загробная жизнь? — спросил Хоппи.

Через мгновение негр хрипло отозвался:

— Отлично.— И только после этого обернулся.— Значит, ты все-таки выжил.— Он разглядывал калеку и его мобиль.

— Да,— ответил калека.— Выжил. Причем сырых крыс не жрал.

— Похоже, ты здесь за умельца, да? — предположил Стюарт.

— Ага,— ответил Хоппи.— Так меня и зовут: «Безрукий на все руки». А ты чем занимаешься?

— Ну, вообще, я... торгую гомеостатическими капканами на мелких хищников,— признался Стюарт.

Калека хихикнул.

— А что тут такого смешного? — обиженно спросил Стюарт.

— Да нет, ничего,— сказал калека.— Извини. На самом деле я рад, что ты выжил. А кто еще? Ну, тот психиатр, что принимал через дорогу от нас — он тоже здесь. Стокстилл. А Фергюсон погиб...

Тут они оба замолчали.

— Лайтхейзер тоже погиб,— сказал Стюарт.— И Боб Рубенстейн. И официантка Кони, и Тони — ты, наверное, их помнишь.

— Конечно,— кивнул калека.

— А помнишь мистера Кроди, ювелира?

— Нет,— сказал калека.— Боюсь, что нет.

— Он стал инвалидом. Потерял обе руки и ослеп. Но он жив и сейчас в правительственном госпитале в Хейварде.

— Зачем ты здесь? — спросил калека.

— По делам.

— Небось решил выкрасть рецепт смеси для гилловского «Золотого ярлыка»? — Тут калека снова хихикнул, а сам подумал: «Наверняка так оно и есть. У всех, кто является сюда со стороны, единственная цель: либо убить, либо украсть. Взять хотя бы очечника Элдона Блейна, а ведь тот жил почти рядом».

Стюарт без всякого выражения ответил:

— При моем бизнесе приходится много путешествовать. Я объездил всю Северную Калифорнию.— И, немного помолчав, добавил: — Особенно когда у меня был Эдуард Принц Уэльский. А теперь у меня второсортная лошаденка, поэтому дорога отнимает куда больше времени.

— Послушай,— сказал Хоппи.— Только не говори никому, что мы знакомы, потому что, если скажешь, я буду очень огорчен — ты меня понял, да? Я уже многие годы очень важный член здешней общины, и не хочу, чтобы мое положение из-за чего-нибудь пошатнулось. Давай, я помогу тебе с твоим бизнесом, а потом ты уедешь. Что скажешь?

— О'кей,— согласился Стюарт.— Постараюсь убраться как можно скорее.— Он так пристально смотрел на калеку, что Хоппи даже поежился.— Так, значит, ты нашел местечко под солнцем,— продолжал Стюарт.— Повезло.

Хоппи сказал:

— Знаешь, какую услугу я могу тебе оказать? Познакомлю тебя с Гиллом. Мы с ним, естественно, большие друзья.

Стюарт кивнул:

— Отлично, это было бы просто здорово.

— И смотри не затевай ничего такого, понял? — едва не взвизгнул Хоппи. Он уже просто не в состоянии был держать себя в руках.— Не вздумай что-нибудь стырить или еще чего учудить, а то тебе не поздоровится, слышишь?

Негр мрачно кивнул. Но непохоже было, что он испугался. Не было заметно в нем и никакого подобострастия. Поэтому Хоппи все сильнее и сильнее предчувствовал недоброе. «Лучше бы тебе уехать,— думал калека.— Свалить отсюда по-быстрому и не доставлять мне неприятностей. Как бы мне хотелось не быть с тобой знакомым, да и ни с кем из внешнего мира, из мира до катастрофы. Даже думать об этом не хочется».

— Я спрятался в подвале,— неожиданно сказал Стюарт.— Ну, когда упала первая бомба. Я нырнул туда, и оказалось, что это отличное укрытие.

— А почему ты об этом вспомнил? — едва ли не взвизгнул калека.

— Сам не знаю. Думал, может, тебе интересно.

— Ничуть,— снова визгливо отмахнулся калека и даже зажал уши манипуляторами.— Не желаю больше ни слышать, ни вспоминать о тех временах.

— Ладно,— пробормотал Стюарт, задумчиво прикусив губу,— тогда пойдем познакомимся с этим самым Эндрю Гиллом.

— Если бы ты знал, что я могу с тобой сделать,— заметил калека,— ты бы по-настоящему испугался. Например, я могу...— Он осекся, сообразив, что чуть было не рассказал о том, как обошелся с очечником Элдоном Блейном.— Я могу двигать предметы,— продолжал он.— На большом расстоянии. Это своего рода волшебство. Я волшебник.

Стюарт сказал:

— Никакое это не волшебство.— Голос его был лишен всякого выражения.— Мы называем это *уродокинез*.— Он улыбнулся.

— Не может быть,— заикаясь, сказал Хоппи.— Что это значит? Что еще за «уродокинез»? Никогда такого не слышал. Это, получается, вроде телекинеза, да?

— Точно. Но только тем, которым владеют исключительно уроды. Ну, одним словом, мутанты.

«А ведь он ни капельки не боится меня,— осознал Хоппи.— Потому, что мы были знакомы в прежние времена, еще когда я

был никем и звать меня было никак. Нет, это просто безнадежно — негр оказался слишком туп, чтобы понять, насколько все изменилось». Он и сейчас оставался почти таким же, как и раньше, семь лет назад, когда Хоппи видел его в последний раз. Он был непробиваем, как скала.

Тогда Хоппи вспомнил о спутнике.

— Вот погоди,— задыхаясь от волнения, заявил он Стюарту.— Очень скоро даже вы, городские, услышите обо мне. Весь мир обо мне узнает, как уже знают люди в здешних местах. Ждать осталось недолго, я почти готов!

Снисходительно улыбнувшись, Стюарт заметил:

— Лучше сначала произведи на меня впечатление знакомством с табачником.

— А знаешь, что я могу сделать? — спросил Хоппи.— Я мог бы извлечь рецепт Эндрю Гилла прямо из его сейфа, где он его держит, и отдать тебе. Что ты на это скажешь? — С этими словами он рассмеялся.

— Ты лучше нас познакомь,— повторил Стюарт.— Больше мне ничего не нужно. Его табачный рецепт меня ни капельки не интересует.— Разговор явно начал его утомлять.

Дрожа от тревоги и ярости, калека развернул свой мобиль в направлении небольшой фабрики Эндрю Гилла и двинулся вперед.

Эндрю Гилл оторвался от своего занятия — он как раз сворачивал сигареты — и увидел, как в цех заезжает Хоппи Харрингтон, которого он изрядно недолюбливал, а за ним входит какой-то незнакомый негр. Гилл сразу почувствовал легкое беспокойство. Он отложил папиросную бумагу и поднялся. Рядом с ним за длинным столом сидели другие работники, но те продолжали скручивать сигареты.

Всего на него работало восемь человек, и это только в табачном цехе. В перегонном цехе, производящем бренди, было занято еще двенадцать человек, но цех находился дальше к северу, в округе Сонома. Все эти люди были не местными. Его предприятие являлось крупнейшим в Уэст-Марино, не считая крупных фермерских хозяйств, например владений Ориона Строда или овечьего ранчо Джека Три. Продукция его фабрики продавалась по всей Северной Калифорнии, его сигареты медленно перемещались из одного городка в другой, а небольшая их часть, насколько ему было известно, доходила аж до Восточного побережья, где они пользовались большой популярностью.

— Да? — обратился он к Хоппи. Он встал так, чтобы мобиль не мог подъехать близко к рабочей зоне. Когда-то в этом помещении помещалась городская пекарня. Поскольку здание было бетонным, оно уцелело во время бомбежки и оказалось идеальным местом для фабрики. И, разумеется, рабочие трудились почти задаром. Они рады были получить работу практически на любых условиях.

Хоппи, заикаясь, сказал:

— Этот ч-человек явился из Беркли повидаться с вами, мистер Гилл. Говорит, что очень уважаемый бизнесмен. Верно ведь? — калека обернулся к негру.— Во всяком случае так он мне сказал.

Негр, протянув Гиллу руку, сказал:

— Я представляю «Корпорацию Харди по производству гомеостатических капканов на мелких хищников». Приехал, чтобы ознакомить вас с фантастическим предложением, с помощью которого вы за шесть месяцев сможете утроить свои прибыли.— Сейчас его темные глаза буквально сверкали.

Наступило молчание.

Гилл с трудом подавил желание громко рассмеяться.

— Понятно,— кивнул он и сунул руки в карманы. Стараясь казаться серьезным, Гилл продолжал: — Очень интересно, мистер...— Он вопросительно взглянул на негра.

— Стюарт Маккончи,— ответил негр.

Они обменялись рукопожатием.

— Мой наниматель, мистер Харди,— продолжал Стюарт,— уполномочил меня подробно описать вам устройство полностью автоматической сигаретной машины. Нам в «Харди гомеостатик» отлично известно, что ваши сигареты скручиваются исключительно постаринке, вручную.— С этими словами он указал на сидящих за столом рабочих.— Такой способ устарел уже на сотню лет, мистер Гилл. Разумеется, в своих сигаретах «Золотой ярлык» вы сумели добиться высочайшего качества...

— Которое я намерен поддерживать,— негромко вставил Гилл.

Маккончи продолжал:

— Наше автоматическое электронное оборудование ни в коей мере не снизит качества за счет количества, смею вас уверить. Более того...

— Погодите,— перебил его Гилл.— Мне не хотелось бы обсуждать это сейчас.— Он бросил взгляд на торчащего неподалеку от них калеку, который явно прислушивался к разговору. Хоппи покраснел и тут же отъехал в сторонку.

— Ладно, мне пора,— сказал калека.— Мне все это неинтересно, пока! — С этими словами он выкатился из ворот фабрики

на улицу. Стюарт и Гилл смотрели ему вслед до тех пор, пока он не скрылся из виду.

— Наш умелец,— сказал Гилл.

Маккончи хотел было снова начать говорить, но передумал. Вместо этого он прокашлялся и отошел на несколько шагов, оглядывая фабрику и работающих за столом людей.

— Неплохо вы здесь устроились, Гилл. Сразу хотелось бы отметить, как высоко я ценю вашу продукцию — она самая лучшая на рынке, и в этом нет никакого сомнения.

«Такого профессионального подхода я еще не видывал,— подумал Гилл.— Во всяком случае за последние семь лет. Даже не думал, что где-нибудь в мире можно найти что-нибудь подобное. Ведь столько всего изменилось, а вот тебе пожалуйста — мистер Маккончи, который ничуть не изменился». Эта высокопрофессиональная речь Стюарта напомнила ему о более счастливых временах, и Гилл внезапно почувствовал расположение к этому человеку.

— Благодарю,— искренне сказал он. Возможно, мир, наконец действительно начал обретать какие-то свои прежние достоинства: любезность, традиции и понятия, словом, все то, что делало его таким, каким он был. «И самое главное,— подумал Эндрю,— эта речь настоящего торговца, этого Маккончи, она ведь подлинная. Она сумела пережить все, это не просто подражание. Этот человек каким-то образом ухитрился сохранить свой взгляд на мир, свой энтузиазм, несмотря на все пережитое... он до сих пор планирует, обдумывает, привирает... и никто, и ничто не может его остановить.

Да ведь он,— вдруг осознал Гилл,— просто хороший продавец. И даже ядерная война и распад общества не смогли сбить его с пути истинного».

— Как насчет чашечки кофе? — спросил Гилл.— Я устрою себе перерыв минут на десять-пятнадцать, а вы поподробнее расскажете об этой своей автоматической машине, или как она у вас там называется.

— Настоящий кофе? — спросил Маккончи, и любезная, оптимистичная маска на мгновение упала с его лица: теперь в глазах негра читалось лишь нескрываемое вожделение.

— Уж не обессудьте,— сказал Гилл.— Всего лишь заменитель, но довольно неплохой. Думаю, вам понравится. Во всяком случае гораздо лучше, чем то, что продается в городе в так называемых «кофейнях».— Он отправился за водой.

— Да, местечко у вас что надо,— сказал Маккончи, пока они ждали, когда сварится кофе.— Впечатляюще и удобно.

— Спасибо,— поблагодарил Гилл.

— Попасть сюда — моя давнишняя мечта,— продолжал Маккончи.— Дорога заняла у меня целую неделю, но я мечтал о визите к вам с тех самых пор, как выкурил свой первый «Золотой ярлык». Это...— Он смолк, подбирая нужные слова, чтобы выразить свою мысль.— Настоящий островок цивилизации в наши варварские времена.

Гилл сказал:

— А как вам наши места вообще? Маленький городишко, по сравнению с большим городом... должно быть, они здорово отличаются.

— Я только что приехал,— сказал Маккончи.— И сразу отправился прямиком к вам, так что почти ничего еще не видел. Моей коняге потребовалось сменить подкову на правом переднем копыте, и я оставил ее на первой же попавшейся конюшне, ну знаете, сразу за металлическим мостиком.

— О да, конечно,— кивнул Гилл.— Она принадлежит Строду. Я знаю это место. У него там отличный кузнец.

Маккончи сказал:

— Жизнь здесь кажется намного более мирной. Например, если вы оставите лошадь... вот я недавно оставил свою — мне надо было на другую сторону Залива — а, когда вернулся, оказалось, что ее кто-то съел. Именно такие вещи и вызывают отвращение к большому городу и порождают желание держаться от него подальше.

— Понимаю,— согласно кивнул Гилл.— В большом городе жизнь куда более жестока, поскольку там еще слишком много бездомных и обездоленных.

— Я искренне любил того коня,— сказал Маккончи. В словах его слышалась неподдельная печаль.

— С другой стороны, здесь вы постоянно сталкиваетесь с гибелью животных — это всегда было одной из наиболее неприятных сторон сельской жизни. Когда упали бомбы, тысячи животных были страшно искалечены, коровы и овцы... но, конечно, это не идет ни в какое сравнение с человеческими страданиями в больших городах. Должно быть, после катастрофы вам тоже довелось насмотреться всякого.

Негр кивнул.

— Еще бы. Особенно тяжелое впечатление производят мутанты. И люди, и животные. Вот Хоппи...

— В принципе, Хоппи не из этих мест. Он появился здесь уже после войны в качестве умельца по нашему объявлению. Да и сам я нездешний. Когда начали падать бомбы, я как раз был в пути, ну и решил остаться.

Кофе сварился, Гилл разлил его в чашки, и некоторое время они молча прихлебывали ароматный напиток.

— А что это за капканы, которые производит ваша фирма? — наконец спросил Гилл.

— Это капканы активного типа,— объяснил Маккончи.— Гомеостатические означает автономные. Например, они преследуют крысу, кошку или собаку в канализационных трубах... преследуют одну за другой, убивая первую, потом вторую и начиная охоту на третью — и так до тех пор, пока не кончится энергия или какая-нибудь особо ушлая крыса не уничтожит его. Порой встречаются особо продвинутые крысы — те, что знают, как повредить гомеостатическую ловушку Харди,— ну, сами знаете, мутации, которые продвигают по эволюционной шкале. Но таких — единицы.

— Впечатляет,— пробормотал Гилл.

— А теперь, возвращаясь к нашей сигаретной машине...

— Дружище,— прервал его Гилл,— вы мне очень симпатичны, но... имеется одна проблема. У меня попросту нет денег, чтобы купить вашу машину, и мне не на что ее поменять. Кроме того, я не собираюсь никого допускать в свой бизнес в качестве партнера. Так что же нам остается? — Он улыбнулся.— Придется, видно, все оставить как есть.

— Постойте,— мгновенно среагировал Маккончи.— Должно же быть решение. Может быть, мы могли бы передать вам сигаретную машину Харди в пользование в обмен на энное количество сигарет, разумеется вашего «Золотого ярлыка», поставляемое на протяжении энного периода времени.— Его лицо раскраснелось от оживления.— Например, «Корпорация Харди» могла бы стать эксклюзивным лицензированным дистрибьютором ваших сигарет. Мы могли бы представлять вас повсюду, создать вместо той крайне ненадежной системы поставок, которой вы сейчас пользуетесь, сеть постоянных филиалов по всей Северной Калифорнии. Что вы на это скажете?

— Хммм,— задумался Гилл.— Должен признаться, это выглядит довольно интересно. Допускаю, что распространение продукции не самое мое сильное место... Я обдумывал проблему и так и сяк на протяжении нескольких лет. Конечно же, организация поставок необходима, особенно учитывая то, что фабрика находится в сельской местности. Я даже подумывал перебраться в город, но там царят преступность и вандализм. Кроме того, мне не хочется возвращаться в город, ведь теперь мой дом здесь.

Он не стал говорить о Бонни Келлер. На самом деле именно она являлась причиной того, что он до сих пор оставался в Уэст-

Марино. Их связь закончилась много лет назад, но сейчас он любил ее еще сильнее, чем прежде. Он видел, как она переходит от мужчины к мужчине, испытывая все большее разочарование, и Гилл в душе верил, что в один прекрасный день она вернется к нему. К тому же Бонни была матерью его дочери — он прекрасно знал, что Эдди Келлер была его ребенком.

— А вы уверены,— неожиданно сказал он,— что явились сюда не с целью украсть мой рецепт табака для сигарет?

Маккончи рассмеялся.

— Вот вы смеетесь,— сказал Гилл,— но ничего не отвечаете.

— Нет, я здесь не для этого,— ответил негр.— Мы занимаемся электронными устройствами, а не производством сигарет.

Но Гиллу вдруг показалось, что он лукавит, к тому же говорил он слишком уверенно, слишком небрежно. Гиллу стало не по себе.

«А может быть, это просто сельская подозрительность? — спросил он себя.— Оторванность от мира дает себя знать... подозрительность ко всем незнакомцам, ко всему непривычному.

Но все равно нужно быть поосторожнее,— решил Эндрю.— Я не должен поддаваться соблазну лишь потому, что этот человек напоминает мне о старых добрых довоенных временах. Я должен исключительно тщательно изучить эту их машину. Да и вообще, я бы мог попросить спроектировать и построить такую же машину Хоппи. У него большие способности к разной технике. То есть то, что мне предлагают, я мог бы сделать совершенно *самостоятельно*.

Может, это просто одиночество,— спросил он себя.— Вполне возможно. Я тоскую по городским жителям, и их образу мыслей. Здесь, на периферии, человек как-то дичает — взять хотя бы Пойнт-Рейс с его „Вестями и мнениями", заполненными местными сплетнями, да еще печатающимися на мимеографе!»

— Поскольку вы недавно из города,— вслух сказал он,— не расскажете ли заодно, что там интересного — какие-нибудь последние новости, наши или международные, которые до нас не дошли. Мы, конечно, слушаем спутник, но, честно говоря, я уже немного устал и от диск-жокея, и от музыки. Не говоря уже об этом бесконечном чтении.

Оба рассмеялись.

— Я вас понимаю,— кивая и делая очередной глоток кофе, сказал Маккончи.— Что ж, дайте припомнить. Насколько я понимаю, где-то в развалинах Детройта предпринята попытка снова начать производство автомобилей. Они в основном из фанеры, зато работают на керосине.

— Только непонятно, где они собираются брать керосин,— заметил Гилл.— Прежде чем начать строить автомобили, они бы лучше сначала восстановили парочку нефтехимических заводов. А заодно отремонтировали бы несколько основных автострад.

— Да, и вот еще что. Правительство планирует к концу года восстановить одну из дорог через Скалистые горы. Впервые со времен войны.

— Вот это новость! — воскликнул довольный Гилл.— А я и не знал.

— А телефонные компании...

— Постойте,— вставая, перебил его Гилл.— Как насчет капельки бренди в кофе? Когда вы в последний раз пили кофе с коньяком?

— Много лет назад,— признался Стюарт Маккончи.

— Пять звездочек, моего производства. Из долины Сонома.— Он плеснул немного из квадратной бутылки Маккончи в чашку.

— А, вот еще что должно заинтересовать вас.— С этими словами он полез в карман и вытащил что-то плоское и сложенное. Он расправил это на столе, и Гилл увидел, что это конверт.

— Что это? — Гилл взял конверт и недоуменно принялся его рассматривать. Конверт как конверт, с надписанным на нем адресом, проштемпелеванной маркой... и тут наконец осознание пришло к нему. Он буквально глазам своим не верил.— *Почтовая служба*. Письмо из Нью-Йорка!

— Вот именно,— подтвердил Маккончи.— Его получил мой босс, мистер Харди. Аж с самого Восточного побережья, причем всего за четыре недели. Это организовало правительство в Шайенне, военные, им спасибо. Почту доставляют сначала дирижаблями, потом на грузовиках, потом на лошадях. А на последнем этапе доставляют пешком.

— Боже милостивый,— ахнул Гилл и плеснул пятизвездочного себе в чашку.

Глава 12

— Это Хоппи убил очечника из Болинаса,— сказал Билл сестре.— А потом он собирается убить кое-кого еще, когда и кого — точно сказать не могу, но скорее всего он сделает это.

Его сестра в этот момент играла с тремя другими детьми в «камень, ножницы, бумагу». Она перестала играть, вскочила и бросилась в сторону школьного двора, где можно будет спокойно поговорить с Биллом.

— Откуда ты знаешь? — возбужденно спросила она.

— Потому что я разговаривал с мистером Блейном,— сказал Билл.— Он теперь там, внизу, и скоро к нему присоединятся другие. Мне хотелось бы выйти наружу и наказать Хоппи. Мистер Блейн говорит, что я так и должен сделать. Спроси еще раз у доктора Стокстилла, не могу ли я все-таки родиться.— Сейчас он говорил жалобным тоном.— Если бы я мог родиться хотя бы ненадолго...

— Может, я бы смогла наказать его,— задумчиво протянула Эдди.— Спроси мистера Блейна, что нужно сделать, а то я немного побаиваюсь Хоппи.

— Я могу сделать имитацию, которая убьет его,— предложил Билл,— только для этого мне надо выйти наружу. Я бы ему такую имитацию устроил! Слышала бы ты его отца, он у меня вообще здорово получается. Хочешь послушать? — И он низким голосом взрослого мужчины произнес: — Я понимаю, куда метит Кеннеди этим своим очередным снижением налогов. Если он полагает, что таким образом поправит экономику, то он сумасшедший в еще большей степени, чем я думал, то есть совсем спятил.

— А меня можешь? — спросила Эдди.— Сымитируй меня.

— Как же я тебя сымитирую? — возмутился Билл.— Ты же еще живая!

Эдди спросила:

— А каково это — быть мертвой? Ведь все равно мне когда-нибудь придется умереть. Мне интересно.

— Это забавно. Ты сидишь в глубокой яме и смотришь вверх. А сам ты весь сплющенный, как... ну, как будто пустой. И знаешь что? Через некоторое время ты возвращаешься. Ты как будто надуваешься, а когда надуешься и взлетишь, это значит — ты вернулся! Понимаешь, снова вернулся туда, откуда ушел. Живой и невредимый.

— Нет,— ответила Эдди.— Не понимаю.— Ей стало скучно. Она предпочла бы побольше узнать о том, как Хоппи убил мистера Блейна. Кроме того, мертвые люди там, внизу, оказались не очень интересными. Потому что они никогда ничего не делали, а просто сидели и ждали. Некоторые из них, вроде мистера Блейна, все время думали об убийстве, а другие вообще ни о чем не думали и были вроде овощей. Билл не раз рассказывал ей об этом, поскольку ему это было интересно. Он считал, что это очень важно.

Билл предложил:

— Слушай, Эдди, а давай снова попробуем тот эксперимент с животными, а? Ты поймай кого-нибудь маленького и держи

возле живота, а я снова попробую, не удастся ли мне выйти из тебя и перейти в него. О'кей?

— Но ведь мы уже пробовали,— резонно заметила она.

— Ну, еще разочек! Поймай что-нибудь совсем крошечное. Как называются эти... в общем, сама знаешь. У них еще раковины, и они оставляют за собой слизь.

— Слизняки.

— Нет.

— Улитки.

— Да, точно. Поймай улитку и прижми ее ко мне как можно плотнее. Причем постарайся прижать к голове, чтобы она могла слышать меня, а я — ее. Ну как, сможешь? — И с угрозой в голосе добавил: — Если не сделаешь, буду спать целый год.— После этого он окончательно смолк.

— Ну и спи себе,— отозвалась Эдди.— Подумаешь. Я-то могу поговорить и с кучей других людей, а вот ты — нет.

— А я тогда умру, а ты этого не перенесешь, потому что тебе всю жизнь придется таскать в себе мертвеца, или... нет, я тебе скажу, что я сделаю. Да, я знаю, что сделаю. Если ты не поймаешь мне какое-нибудь животное и не поднесешь его ко мне, я начну расти и очень скоро стану таким большим, что ты лопнешь, как старая...— ну в общем, сама знаешь.

— Сумка,— подсказала Эдди.

— Точно. И после этого я выберусь наружу.

— Выберешься,— согласилась она,— но толку от этого никакого не будет: немного подергаешься и все равно умрешь. Ты не сможешь жить самостоятельно.

— Как я тебя ненавижу! — огрызнулся Билл.

— А я тебя еще больше,— заметила Эдди.— Я тебя первая возненавидела, еще давно, когда впервые узнала о твоем существовании.

— Поздравляю,— мрачно отозвался Билл.— Мне на это плевать. Ты — резина, а я — клей.

Эдди промолчала; она вернулась к девочкам, и они продолжали играть в «камень, ножницы, бумагу». Это было гораздо интереснее, чем то, что мог бы сказать ей брат; ведь, сидя внутри нее, он так мало знал, ничего не делал, ничего не видел...

Однако то, что она услышала о том, как Хоппи стиснул горло мистеру Блейну, было довольно интересно. «Интересно,— подумала она,— кого Хоппи придушит следующим, и не стоит ли рассказать обо всем этом матери или полицейскому, мистеру Колвигу».

Внезапно Билл снова заговорил:

— А можно, я тоже поиграю?

Оглядевшись, Эдди убедилась, что никто из ее подружек ничего не слышал.

— А нельзя ли моему братику тоже поиграть? — нерешительно спросила она.

— Да нет у тебя никакого братика,— презрительно бросила Уилма Стоун.

— Да он же выдуманный,— напомнила ей Роуз Куинн.— Так что пускай играет.— И, обернувшись к Эдди, сказала: — Пусть играет.

— Раз, два, три,— одновременно выкрикнули девочки, вытягивая вперед руки. Кто-то выставил все пальцы, кто-то сжал руку в кулак, кто-то оставил только два пальца.

— У Билла получаются ножницы,— объявила Эдди.— Значит, он бьет тебя, Уилма, поскольку ножницы режут бумагу, а ты, Роуз, должна стукнуть его, поскольку камень тупит ножницы, а он связан со мной.

— Как же я его стукну? — спросила Роуз.

После недолгого размышления Эдди сказала:

— Стукни меня вот сюда, только легонько.— Она указала на свой бок, чуть выше пояса юбки.— Только смотри, ладошкой, и поосторожнее, потому что он очень нежный.

Роуз тихонечко шлепнула по указанному месту. Билл изнутри пообещал:

— Ладно, в следующий раз я ей покажу.

К девочкам направлялся отец Эдди, школьный директор, в сопровождении нового учителя мистера Барнса. Они, улыбаясь, подошли к девочкам и остановились.

— А Билл тоже с нами играет,— поведала Эдди отцу.— И сейчас его шлепнули.

Джордж Келлер рассмеялся и заметил мистеру Барнсу:

— Вот что значит быть воображаемым — вечно тебе достается.

— А как же Билл будет бить меня? — с опаской осведомилась Уилма. Она попятилась и взглянула на взрослых.— Он должен меня стукнуть,— пояснила она.— Только смотри, не сильно,— предупредила она, стараясь не глядеть на Эдди.— Ладно?

— Да он сильно и не может,— успокоила ее Эдди,— даже если бы и захотел.— Тут стоящая поодаль Уилма подпрыгнула.— Вот видишь,— сказала Эдди.— Только и всего-то, даже если он и старался изо всех сил.

— А он меня и не стукал,— сказала Уилма.— Он меня просто напугал. Не смог как следует прицелиться.

— Это потому, что он ничего не видит,— пояснила Эдди.— Давай лучше я тебя стукну вместо него. Так будет честнее.— Она метнулась к Уилме и шлепнула ее по запястью.— Ну, давайте еще раз. Раз, два, три...

— Эдди, а почему он ничего не видит? — спросил мистер Барнс.

— Потому что,— ответила она,— у него нет глазок.

Обращаясь к ее отцу, мистер Барнс заметил:

— Что ж, ответ достаточно убедительный.— Они рассмеялись и отправились дальше.

Внутри Эдди ее брат сказал:

— Если ты поймаешь улитку, я, может быть, смогу немного побыть ей и даже чуть-чуть поползать и оглядеться. Ведь улитки же могут видеть, правда? Ты как-то говорила, что у них глаза на таких тоненьких прутиках.

— Стебельках,— поправила Эдди.

— Ну, пожалуйста! — заканючил Билл.

Она подумала: «Я знаю, как сделаю. Поймаю дождевого червяка и прижму его к себе. А когда Билл перейдет в него, все останется по-прежнему — ведь червяки не могут видеть, они только и могут что копать землю, так что братишка ничуть не удивится».

— Ладно,— сказала она и подпрыгнула.— Так и быть, поймаю. Подожди минутку, сейчас попробую найти. Так что потерпи немного.

— Вот здорово,— явно волнуясь и не веря собственному счастью, воскликнул Билл.— Когда-нибудь и я для тебя что-нибудь сделаю. Честное слово.

— А что ты можешь для меня сделать? — спросила Эдди, вглядываясь в траву на краю школьного двора в поисках червяка; ночью прошел дождь, и их должно было быть очень много.— Что такой, как ты, может для кого-либо сделать? — Она шарила глазами по траве, раздвигая травинки тонкими быстрыми пальцами.

Но брат ничего не отвечал; она почувствовала, что он очень опечален ее словами, и это изрядно развеселило Эдди.

— Потеряла что-нибудь? — послышался у нее за спиной мужской голос. Она подняла глаза. Это оказался мистер Барнс, который стоял, смотрел на нее и улыбался.

— Да нет,— смущенно пролепетала она,— просто червяка ищу.

— Да ты, я смотрю, не из брезгливых,— заметил он.

— С кем это ты? — недоуменно спросил Билл.— Кто здесь?

— Мистер Барнс,— сказала она.

— Да? — отозвался мистер Барнс.

— Нет, это я не вам, это я с братом разговариваю,— сказала Эдди.— Он спросил кто здесь. Это наш новый учитель,— пояснила она Биллу.

Билл сказал:

— Ясно; он так близко, что я понимаю его. Он знает маму.

— Нашу маму? — переспросила удивленная Эдди.

— Ага,— немного растерянно отозвался Билл.— Я и сам не понимаю, но он знает ее и часто видится с ней, когда никто другой не видит. Они...— он на мгновение смолк.— Это ужасно и гадко. Это...— Он запнулся.— Нет, даже выразить не могу.

Эдди, разинув рот, уставилась на учителя.

— Вот видишь,— назидательно заметил Билл.— Вот я и сделал кое-что для тебя, верно? Я открыл тебе такой секрет, которого бы ты никогда не узнала. Скажешь, мало?

— Да,— протянула Эдди, ошеломленно кивая.— Пожалуй, немало.

Хэл Барнс сказал Бонни:

— Сегодня встретил твою дочку. И у меня какое-то смутное ощущение, что она все о нас знает.

— Господи, да откуда? — воскликнула Бонни.— Нет, это просто невозможно.— Она протянула руку и подкрутила масляную лампу. Когда стали видны стулья, стол и картины, гостиная сразу обрела куда более уютный вид.— Впрочем, в любом случае беспокоиться не о чем. Все равно она ничего еще не понимает.

«Зато может рассказать Джорджу»,— подумал Барнс.

Мысль о муже Бонни заставила его бросить быстрый взгляд в окно, на залитую лунным светом дорогу. Дорога была совершенно пустынна, лишь ветви окаймляющих ее деревьев беззвучно колыхались. Вдалеке темнели склоны окрестных холмов, а вокруг расстилались поля. «Какой мирный сельский пейзаж»,— подумал Хэл. Являясь директором школы, Джордж сейчас на собрании родительского комитета и домой должен вернуться лишь через несколько часов. Эдди, разумеется, уже отправилась в постель; часы показывали восемь.

«И ко всему еще Билл,— думал он.— Где же, интересно, этот самый Билл, как она его называет? Может, он незримо бродит по дому и шпионит за нами?» Ему стало не по себе, и он чуть отодвинулся от лежащей рядом с ним женщины.

— Что такое? — тут же тревожно спросила Бонни.— Услышал что-нибудь?

— Да нет. Но...— Барнс сделала неопределенный жест рукой.

Бонни приникла к нему, обняла и притянула к себе.

— Господи, какой же ты трусишка. Неужели даже война так тебя ничему и не научила?

— Нет, она научила меня ценить жизнь и не разбрасываться ей попусту,— ответил Хэл,— Она научила меня быть предельно осторожным.

Тяжело вздохнув, Бонни села, оправила одежду и застегнула блузку. Как же все-таки непохож этот человек на Эндрю Гилла, который, занимаясь с ней любовью, никогда ничего и никого не боялся, всегда делал это среди бела дня прямо под растущими вдоль дороги дубами — там, где в любой момент кто-нибудь мог их увидеть. Каждый раз у них это происходило как впервые: внезапно, порывисто, он никогда не оглядывался, не мямлил, не колебался...

«Может, стоит к нему вернуться? — подумала она.— А может,— вдруг пришло ей в голову,— бросить их всех, и Барнса, и Джорджа, и эту мою придурочную дочку; может, взять да и сойтись с Гиллом в открытую, наплевать на остальных и зажить счастливой новой жизнью?»

— Ладно, если мы не собираемся заниматься любовью,— вслух сказала Бонни,— давай вернемся в Форестер-Холл и послушаем спутник.

— Ты это серьезно? — спросил Барнс.

— Разумеется.— Она встала и подошла к шкафу, чтобы взять пальто.

— Так, значит,— процедил он,— все, что тебе нужно, так это заниматься любовью. Это единственное, что тебя интересует в наших отношениях.

— А ты чего бы хотел? *Поболтать*?

Он ничего не ответил, лишь бросил на нее исполненный горечи взгляд.

— Ну, ты даешь,— недоуменно качая головой, заметила Бонни.— Знаешь, мне тебя даже жаль. И вообще, зачем ты приперся в нашу глушь? Учить ребятишек и собирать разные поганки? — Сейчас ее буквально переполняло отвращение.

— То, что я пережил сегодня на школьном дворе...— начал было Барнс.

— Ничего ты там не пережил,— перебила Бонни.— Просто твоя чертова совесть совсем тебя замучила. Ладно. Пошли. Я

хочу послушать Дэнджерфилда. Его, по крайней мере, интересно слушать.— Она накинула пальто и отперла входную дверь.

— Как ты считаешь, с Эдди все будет в порядке? — спросил Барнс, когда они шли по тропинке.

— Само собой,— ответила Бонни, хотя в этот момент думала совсем о другом. «Чтоб ей сгореть»,— буркнула она про себя. Настроение было испорчено напрочь, она шагала вперед, засунув руки в карманы пальто. Барнс шел за ней, стараясь не отстать.

Впереди появились двое. Они вынырнули из-за поворота, и Бонни на мгновение застыла, как вкопанная, решив, будто один из них Джордж. Но тут она разглядела их как следует и поняла: тот, что пониже — это Джек Три, а второй — она наконец рассмотрела и его, снова двинувшись вперед, как ни в чем не бывало — доктор Стокстилл.

— Пошли,— негромко бросила она через плечо Барнсу. Только тогда он двинулся следом, хотя больше всего на свете ему сейчас хотелось развернуться и опрометью броситься прочь.— Привет! — окликнула она Стокстилла и Блутгельда, вернее, Джека Три. Ей каждый раз приходилось вспоминать его новое имя.— Никак у вас сеанс психоанализа на сон грядущий, а? Должно быть, так гораздо эффективнее. Впрочем, ничего удивительного.

Задыхаясь от быстрой ходьбы, Три своим хриплым, скрипучим голосом выговорил:

— Бонни, *я снова видел его*. Это тот самый негр, который раскусил меня в тот день, когда началась война. Когда я направлялся к доктору Стокстиллу. Помнишь, ты еще тогда сама меня к нему отправила.

Стокстилл насмешливо заметил:

— Как говорится, все они на одно лицо. Да и в любом случае...

— Нет-нет, это тот самый,— перебил его Три.— Он выследил меня. Неужели вы не понимаете, что это означает? — Он переводил взгляд с Бонни на Стокстилла, потом со Стокстилла на Барнса. Глаза его были выпучены и полны ужаса.— Это означает, что все начнется по новой.

— Что начнется по новой? — спросила Бонни.

— Война,— ответил Три.— Она и в прошлый раз началась именно поэтому. Негр увидел меня и сразу понял, что я наделал; он знал, кто я такой, и до сих пор знает. Стоит ему только меня увидеть...— Тут приступ кашля помешал ему продолжить.— Извините,— наконец пробормотал он.

Бонни сказала Стокстиллу:

— Негр действительно появился, в этом он прав. Я сама его видела. Очевидно, он приехал, чтобы потолковать с Гиллом насчет продажи сигарет.

— Нет, он просто не может быть тем же самым человеком,— сказал Стокстилл. Теперь они с Бонни стояли немного в стороне от остальных и разговаривали с глазу на глаз.

— А почему бы и нет? — возразила Бонни.— Впрочем, это все равно не имеет значения, поскольку это одна из его фантазий. Он уже тысячу раз твердил что-то подобное. Мол, какой-то негр подметал тротуар и видел, как он входит в вашу приемную. В тот же день началась война, вот потому-то эти два события и слились для него воедино. Теперь он, похоже, совсем свихнется, как вы считаете? — Сейчас она была в этом абсолютно уверена; она всегда ожидала того, что это когда-нибудь произойдет.

— Таким образом,— продолжала Бонни,— период относительной неприспособленности приближается к завершающей стадии.

«Возможно,— подумала она,— и для всех нас тоже. Вообще для всех. Мы просто не можем жить так бесконечно. Блутгельд со своими овцами, я с Джорджем...» — она тяжело вздохнула.— А вы как считаете?

Стокстилл ответил:

— Жаль, что у меня нет стелазина, но весь стелазин был уничтожен во время войны. Он бы ему помог. А лично я не могу. Вы же знаете, Бонни, я ведь вообще оставил практику.— Он сказал это твердо, глядя ей прямо в глаза.

— Он же всем расскажет,— сказала она, глядя на Блутгельда, который сейчас втолковывал Барнсу то же, о чем только что поведал ей и Стокстиллу.— Все узнают, кто он такой, и убьют его, как он и предвидел. Следовательно, он прав.

— Я не в силах его остановить,— мягко заметил Стокстилл.

— По-моему, вам просто безразлично,— сказала Бонни.

Доктор пожал плечами.

Подойдя к Блутгельду, Бонни сказала:

— Послушайте, Джек, давайте сходим к Гиллу, встретимся с этим самым негром, и, держу пари, он вас даже не вспомнит. Хотите, поспорим? Готова поставить двадцать пять серебряных центов.

— Почему вы утверждаете, что явились причиной войны? — спросил Барнс у Блутгельда. Он повернулся к Бонни и недоуменно взглянул на нее.— Что это, военный психоз? Он утверждает, будто война разразится вновь.— Снова повернувшись к Блутгельду, он сказал: — Но этого просто не может случиться снова. Не за-

думываясь, могу привести хоть пятьдесят причин, почему именно. Прежде всего, просто не осталось водородных бомб. Во-вторых...

Положив руку Барнсу на плечо, Бонни сказала:

— Успокойся.— Потом обратилась к Бруно Блутгельду: — Пошли-ка лучше с нами, да послушаем спутник. Ну, как?

Блутгельд пробормотал:

— Какой еще спутник?

— Боже мой,— сказал Барнс.— Да ведь он даже не понимает, о чем ты. У него совсем крыша поехала.— Тут он повернулся к Стокстиллу и сказал: — Послушайте, доктор, по-моему при шизофрении человек утрачивает связь с культурой и ее ценностями. Так вот, сдается мне, этот человек эту связь утратил полностью. Вы только послушайте его.

— Я слышу,— холодно отозвался Стокстилл.

Бонни сказала ему:

— Доктор, Джек Три мне очень дорог. В прошлом он был мне чем-то вроде отца. Прошу вас, ради бога, помогите ему. Я просто не могу видеть его в таком состоянии. Это невыносимо.

Беспомощно разведя руками, доктор Стокстилл сказал:

— Бонни, ты рассуждаешь как ребенок. По-твоему, если тебе чего-то очень захочется, то ты это обязательно получишь. Но ведь в жизни нет места чудесам. Я не могу помочь... Джеку Три.— Он отвернулся и сделал несколько шагов в сторону городка.— Пошли,— бросил он через плечо остальным.— Думаю, миссис Келлер права. Зайдем в Холл, минут двадцать послушаем спутник, и всем нам наверняка станет гораздо лучше.

Барнс снова обратился к Джеку Три. Он говорил совершенно искренне.

— Позвольте мне указать вам на ошибочность ваших рассуждений. Вы видели конкретного человека, негра, в день начала войны. О'кей. Теперь, семь лет спустя...

— Заткнись,— оборвала его Бонни, хватая Барнса за руку.— Богом прошу...— Она выпустила его руку и догнала доктора Стокстилла.— Нет, это просто невыносимо,— сказала она.— Я знаю, это — конец. Он просто не переживет еще одной встречи с этим негром.

Глаза Бонни подозрительно заблестели, она чувствовала, как слезы скатываются по щекам, но не могла остановиться.

— Проклятье,— гневно воскликнула она и ринулась вперед, опережая остальных, в направлении городка и Форестер-Холла. «Не знать даже о спутнике. Надо же настолько оторваться от всего, настолько впасть в маразм... даже представить невозмож-

но. Как же мне это выдержать? Разве такое вообще возможно? А ведь когда-то он был едва ли не гением. Выступал по телевизору, писал научные труды, учил других и спорил...»

Между тем за ее спиной Блутгельд все бубнил:

— Я точно знаю. Стокстилл — это тот самый человек. Потому что, когда я столкнулся с ним на улице — я как раз покупал какую-то еду в магазине,— он точно так же как-то странно посмотрел на меня, будто собирался расхохотаться мне в лицо, но тут же сообразил, что если рассмеется, то все случится снова, и испугался. Один раз он все это уже видел, так что знает, каково это. Ну, как, Стокстилл? Скажете, не *факт*? Он точно знает. Разве я не прав?

— Я вообще сомневаюсь, знает ли он, что вы все еще живы,— ответил Стокстилл.

— Но я просто должен быть жив,— возразил Блутгельд.— Или мир...— Тут его бормотание стало совсем невнятным, и конца фразы Бонни не разобрала; сейчас она слышала только, как ее каблуки стучат по остаткам асфальта под ногами.

«Впрочем, и все мы,— подумала она,— точно такие же безумцы. Взять хотя бы мою дочь с этим ее воображаемым братцем, Хоппи, двигающий монетки и имитирующий Дэнджерфилда, Эндрю Гилл, годами вручную сворачивающий одну сигарету за другой... только смерть избавит нас от всего этого, а может, и смерть окажется бессильной. Возможно, просто уже слишком поздно, и это вырождение потянется за нами и в следующую жизнь. Наверное, было бы лучше,— подумала Бонни,— если бы мы все погибли в первый же день войны. Тогда нам не пришлось бы видеть всех этих калек, уродцев, мутантов и разумных животных... Видно, люди, развязавшие войну, не слишком ревностно отнеслись к своей задаче. Я устала, мне нужен отдых; я хочу уйти от всего этого, уйти в тихое место, залечь там, где всегда темно и никто не донимает разговорами. Навсегда».

Потом ей в голову пришла более практичная мысль:

«А может, все дело в том, что я пока так и не смогла найти своего настоящего мужчину? Но ведь еще не поздно, я все еще молода, стройна, и как все утверждают, у меня прекрасные зубы. Так что все еще впереди, просто нужно набраться терпения».

Показался Форестер-Холл — старомодное деревянное строение, со стенами, выкрашенными белой краской, и забитыми досками окнами. Стекла так и не вставили, и, скорее всего, уже никогда не вставят. «Может быть, Дэнджерфилд, если он еще не умер от прободения язвы, смог бы зачитать мое объявление по

радио,— прикинула Бонни.— Интересно, как бы на это отреагировала наша община? Или можно поместить объявление в местной газете — пусть этот дряхлый пьяница Пол Диц с полгода его попечатает».

Открывая дверь Форестер-Холла, она услышала дружелюбный знакомый голос Уолта Дэнджерфилда, читающего роман в записи, увидела ряды внимательно слушающих людей; на некоторых лицах отражалась тревога, на других было выражение расслабленного удовольствия. В уголке сидели двое мужчин — Эндрю Гилл и симпатичный негр. Это и был тот самый человек, который сдвинул и без того неустойчивую психику так и не сумевшего приспособиться к новой реальности Бруно Блутгельда. Бонни застыла в дверях, не зная, что делать дальше.

Тем временем подошли Барнс и Стокстилл, за ними маячил Блутгельт. Все трое заглядывали в зал, пытаясь найти свободные места. Бруно, который до сих пор ни разу не приходил послушать передачу со спутника, сейчас был явно растерян, поскольку не мог понять, что здесь делают все эти люди. Похоже было, что слова, льющиеся из маленького приемника, до него совершенно не доходили.

Озадаченный Блутгельд стоял рядом с Бонни, растерянно потирая лоб и разглядывая присутствующих. Через несколько мгновений он вопросительно взглянул на нее, а потом двинулся внутрь следом за Барнсом и Стокстиллом. Тут он заметил негра и остановился. Потом обернулся к Бонни, и выражение его лица изменилось. Теперь на нем была написана лишь крайняя подозрительность — полная убежденности в том, что ему абсолютно понятно значение увиденного.

— Бонни,— пробормотал он,— ты должна выставить его отсюда.

— Не могу,— просто ответила она.

— Если ты не выведешь его отсюда,— сказал Бруно,— я сделаю так, что бомбы снова посыплются с небес.

Она уставилась на него и вдруг услышала собственный, срывающийся от волнения голос:

— Да неужели? А сам-то ты этого хочешь, Бруно?

— У меня нет выхода,— снова невыразительно пробормотал Блутгельд. Заметно было, что он полностью погружен в собственные мысли и сейчас в нем происходят многочисленные изменения.— Очень жаль, но начать придется с высотных испытаний; именно с них я начал и в прошлый раз. Если этого окажется недостаточно, я заставлю бомбы падать вам на головы,

и тогда погибнут все до единого. Пожалуйста, прости меня, Бонни, но, видит бог, должен же я как-то защищать себя.— Он попытался улыбнуться, но его беззубый рот оказался способен лишь на жалкое подобие какой-то жуткой гримасы.

Бонни спросила:

— Неужели ты и впрямь можешь это сделать, Бруно? Ты уверен?

— Конечно,— кивнул он. Бруно действительно был уверен, он всегда был уверен в своей власти. Однажды он уже развязал войну и, если ему не оставят другого выхода, сможет проделать это снова. Бонни не видела в его глазах ни сомнения, ни колебаний.

— Неужели один человек может обладать такой безмерной властью,— сказала она.— Разве не странно, что одному человеку дано столь многое?

— Да,— ответил он,— это власть над всем миром, собранная воедино, а в самом центре — я. Видно, богу было угодно, чтобы все было именно так, а не иначе.

— Похоже, он совершил роковую ошибку,— заметила Бонни.

Бруно бросил на нее мрачный взгляд.

— Значит, и ты туда же,— сказал он.— А я-то думал, ты никогда не обратишься против меня.

Она ничего не ответила, а подошла к свободному стулу и села. На Бруно она внимания больше не обращала. Просто не оставалось сил — за эти годы она полностью исчерпала себя и ничего ему дать уже не могла.

Стокстилл, сидевший рядом, наклонился к ней и сказал:

— А ведь этот негр тоже здесь.

— Да,— кивнула она.— Знаю.— Выпрямившись, она сосредоточилась на льющихся из приемника словах; она слушала Дэнджерфилда и пыталась забыть обо всех и обо всем.

«Все, больше я не в силах изменить хоть что-нибудь,— думала Бонни.— Будь как будет, я не виновата. Что бы со всеми нами ни случилось. Я больше не могу брать на себя ответственность, уж слишком долго она давила на меня, и я даже рада, что это бремя наконец свалилось с моих плеч.

Какое облегчение,— подумала Бонни.— Слава тебе, Господи».

«Значит, все начнется заново,— думал Бруно Блутгельд.— Война. Потому что выбора нет — меня к этому вынудили. Конечно, жаль людей. Им всем придется страдать — но, возможно,

когда все кончится, они вновь обретут себя. Возможно, в конце концов, это окажется только к лучшему».

Он уселся, сложил руки на коленях, закрыл глаза и сосредоточился, концентрируя силы. «Растите,— велел он им, силам, находящимся в его подчинении по всему миру.— Объединяйтесь, наращивайте мощь, как в прежние времена. Вы снова нужны мне, слышите? Все без остатка».

Однако в этот момент его внимание привлек голос из радиоприемника, мешая сосредоточиться. «Не обращай внимания,— велел он себе,— ты не должен отвлекаться — это противоречит Плану. Кто это там говорит? И ведь все слушают... может, они получают от него инструкции?»

Повернувшись к соседу, он спросил:

— А кого это мы слушаем?

Сосед, пожилой человек, раздраженно ответил:

— Да вы что? Это же Уолт Дэнджерфилд! — Он явно не верил, что кто-то может этого не знать.

— Никогда о таком не слышал,— заметил Бруно. Он просто никогда не хотел о нем слышать.— И откуда же он вещает?

— Со спутника,— едва ли не испепеляя Бруно взглядом, ответил сосед и снова принялся слушать.

«Да, теперь припоминаю,— подумал Бруно.— Вот, значит, зачем мы сюда пришли: послушать спутник. Послушать человека, который говорит с нами откуда-то сверху.

Смерть тебе! — подумал он, обращаясь к небесам над головой.— Исчезни, потому что ты нарочно мучаешь меня, мешаешь мне делать дело». Послав этот мысленный приказ, Бруно немного подождал, но голос продолжал звучать, как ни в чем не бывало.

— Почему же он не замолкает? — спросил он соседа с другой стороны.— Как он может продолжать?

Сосед, немного растерявшись, ответил:

— Вы имеете в виду его болезнь? Так это он записал еще давным-давно. До того, как заболел.

— Заболел,— эхом отозвался Бруно.— Понятно.— Ведь это он заставил человека на спутнике заболеть. Уже кое-что, хотя и не вполне достаточно. Это только начало. «Умри»,— отправил Блутгельд мысленный приказ в небо, на плывущий над головой спутник. Однако голос все звучал и звучал.

«Может, у тебя есть какой-то экран, чтобы защититься от меня? — подумал Бруно.— Неужели тебя снабдили таким экраном? Ничего, я сокрушу его; похоже, ты предвидел такое нападение, только все это напрасно.

Пусть это будет водородная бомба,— думал он.— Пусть она взорвется рядом с его спутником и сломит его волю к сопротивлению. А потом пусть этот человек умрет, полностью сознавая, против кого он пошел». Бруно Блуттельд сосредоточился, стиснул руки, пытаясь выпустить на волю заключенную в своем мозгу мощь.

А голос все читал и читал.

«Ну ты силен! — не смог не признать Бруно. Этим человеком можно было только восхищаться. Мысль даже заставила его улыбнуться.— Ладно, пусть взорвется несколько водородных бомб,— пожелал он.— Пускай перед смертью его как следует потрясет, тогда он поймет, на чьей стороне настоящая сила».

Голос смолк.

«Ну, наконец-то!» — перевел дух Бруно. Больше концентрировать силы смысла не было. Поэтому он откинулся на спинку, положил ногу на ногу и взглянул на соседа слева.

— Ну, вот и все,— бросил Блутгельд.

— Ага,— подтвердил сосед.— Теперь он расскажет последние новости... если, конечно, позволит здоровье.

Бруно с удивлением заметил:

— Но ведь он уже мертв!

Его сосед, не менее удивленный, возразил:

— Не может он умереть, лично я в это не верю. Вы с ума сошли.

— Нет, так оно и есть,— сказал Бруно.— Его спутник полностью уничтожен. «Неужели этот человек ничего не знает? Неужели миру об этом еще ничего не известно?»

— Ну, ты и чудак,— заметил сосед.— Не знаю, кто ты такой и почему ты такое говоришь, но ты определенно заблуждаешься. Подожди секундочку, и ты снова услышишь его. Хочешь, давай поспорим на пять серебряных центов.

Радио молчало. Люди начали шевелиться и тревожно переговариваться.

«Да, ну вот и началось,— сказал себя Бруно.— Сначала — высотные взрывы в атмосфере, как и в тот раз. А потом... бомбы посыплются вам на головы. Цивилизация в очередной раз будет стерта с лица земли, поскольку нет иного способа остановить распространение повальной жестокости и жажды мщения. Нужно остановить все это, пока не стало слишком поздно». Он оглянулся на негра и улыбнулся. Негр делал вид, будто не замечает его, и весело болтал с соседом.

«Нет, ты все знаешь,— подумал Бруно.— Я-то вижу, меня не проведешь. Ты, в отличие от всех остальных, прекрасно знаешь, что должно произойти».

* * *

«Что-то не так,— подумал доктор Стокстилл.— Почему Уолт Дэнджерфилд не продолжает? Может, у него образовался тромб? Или что-нибудь в этом роде?»

И тут он заметил кривую торжествующую улыбку на беззубом лице Бруно Блутгельда. Стокстилла тут же осенило: да ведь он же считает, что это его рук дело. Параноидальный бред всемогущества — все, что происходит вокруг, происходит по его воле. Он с отвращением отвернулся и даже развернул стул так, чтобы больше не видеть Бруно.

Теперь его внимание привлек молодой негр. «Да,— подумал доктор,— это вполне может быть тот самый негр–продавец телевизоров, который обычно отпирал магазин через дорогу от моей приемной в Беркли много лет назад. Наверное, лучше подойти и спросить его напрямую».

Он встал и подошел к Эндрю Гиллу и негру.

— Прошу прощения,— наклонившись, сказал Стокстилл.— Вам, случайно, никогда не доводилось жить в Беркли и продавать телевизоры на Шаттак-авеню?

Негр ответил:

— Здравствуйте, доктор Стокстилл.— С этими словами он протянул руку, и они обменялись рукопожатием.— Мир тесен,— заметил негр.

— А что случилось с Дэнджерфилдом? — с тревогой в голосе осведомился Эндрю Гилл. У радиоприемника уже стояла Джун Роб, пытаясь настроить его. Вокруг нее постепенно образовалась небольшая толпа, кто-то давал советы, кто-то обменивался мнениями по поводу происходящего. Было заметно, что настроение у всех мрачное.— По-моему, это конец. А вы как думаете, доктор?

— Я думаю, что если это конец, то будет настоящая трагедия.

В дальнем конце помещения Бруно Блутгельд поднялся и громким хриплым голосом объявил:

— Уничтожение бытия началось. Все присутствующие останутся в живых столь долго, сколько потребуется, чтобы исповедаться в грехах и искренне покаяться.

Воцарилось гробовое молчание. Люди, один за другим, поворачивали головы и недоуменно смотрели на него.

— У вас здесь есть священник? — спросил Стокстилла негр.

Обращаясь к Гиллу, доктор Стокстилл поспешно заметил:

— Он не в себе, Энди. Нужно вывести его отсюда. Помоги, пожалуйста.

— Разумеется,— отозвался Гилл и двинулся следом за ним. Они приблизились к Блутгельду, который все еще стоял на том же самом месте.

— Дело высотных бомб, которые я взорвал в тысяча девятьсот семьдесят втором году,— между тем вещал Блутгельд,— найдет свое продолжение в моем нынешнем деянии, одобренном самим Господом Богом в его безграничной мудрости. Не верите, можете справиться в «Апокалипсисе».— Тут он заметил приближающихся Гилла и Стокстилла.— А вы покаялись? — спросил он.— Вы готовы к судному дню?

И тут из радиоприемника вновь послышался знакомый голос. Теперь в нем чувствовалась дрожь, и звучал он гораздо тише, однако все сразу его узнали.

— Извините за паузу,— сказал Дэнджерфилд.— Просто мне вдруг так поплохело, что пришлось прилечь. Вот я и не заметил, что пленка кончилась. Как бы то ни было...— Тут он рассмеялся своим старым, привычным смехом.— Я вернулся. По крайней мере на какое-то время. Так о чем я собирался рассказать? Может, кто-нибудь помнит? Погодите-ка, красная лампочка горит. Значит, кто-то вызывает меня снизу. Минутку.

При этих словах все присутствующие явно испытали радость и облегчение. Внимание людей снова было приковано к приемнику, а про Блутгельда попросту забыли. Стокстилл и сам подошел поближе к радио, равно как и Гилл, и негр–продавец телевизоров. Они влились в небольшую толпу возле приемника и принялись ждать.

— Меня тут просят поставить песенку «Какой ты у меня красивый»,— сообщил Дэнджерфилд.— Вы не против? Может, кто-нибудь помнит «Сестер Эндрюс»? Ладно, тем не менее старое доброе американское правительство, хотите верьте, хотите — нет, снабдило меня записью этой древней, но всеми любимой вещицы... Похоже, они решили, что на Марсе я стану чем-то вроде капсулы времени,— хихикнул он.— Ладно, по просьбе одного старого чудака из района Великих озер ставлю «Какой ты у меня красивый». Поехали!

Зазвучала звонкая и старомодная музыка, и присутствующие облегченно разошлись по своим местам.

Оставшись стоять возле своего стула, Бруно Блутгельд слушал музыку и думал: «Просто не верится. Ведь этого парня там,

наверху, больше нет; ведь я приказал ему исчезнуть. *Нет, это какая-то шутка. Обман. Я знаю, что такого попросту не может быть.*

Как бы то ни было,— наконец пришло ему в голову,— похоже, придется поднапрячься как следует. Начну все заново, и теперь уже на всю катушку». Никто не обращал на него внимания — все снова слушали радио,— поэтому он отошел от стула и незаметно вышел на улицу, в ночную темноту.

Вдалеке виднелась торчащая над домиком Хоппи Харрингтона антенна. Она тускло светилась, пульсировала и гудела. Бруно Блутгельд, направляясь к привязанной неподалеку лошади, недоуменно разглядывал загадочное устройство. «Интересно, что там делает этот калека?» В рубероидном домике горел свет — Хоппи явно был чем-то занят.

«Нужно выключить и его тоже,— сказал себе Блутгельд.— Он должен перестать существовать, как и все остальные, поскольку является таким же злом, как и они. А может быть, даже и большим».

Проходя мимо домика Хоппи, он послал в его сторону коротенькую мимолетную команду на уничтожение. Однако свет внутри продолжал гореть, а антенна по-прежнему гудела. «Нет, похоже, придется заняться этим вплотную,— понял Блутгельд.— Просто сейчас не до того. Ничего, всему свое время».

Погруженный в размышления, он двинулся дальше.

Глава 13

Билл Келлер ощутил рядом с собой какое-то маленькое существо — улитку или слизняка — и тут же перебрался в него. Но его ждало разочарование. Существо оказалось слепым. Он проник в него, но по-прежнему не мог ни видеть, ни слышать.

— Пусти меня обратно,— в панике обратился он к сестре.— Смотри, что ты наделала, ты нашла мне совсем не то. «И сделала это нарочно,— подумал он, начиная шевелиться. Он двигался и двигался, пытаясь найти ее.— Если бы я только мог протянуть руку. Вытянуть ее вверх.— Но у него не было рук, да и вообще не было никаких конечностей. Кто же я теперь такой? — спросил он сам себя, пытаясь выпрямиться.— Как называются эти штуки там, наверху, которые еще ярко сверкают? Эти огоньки в небе... разве я смогу их увидеть, если у меня нет глаз? Нет,— понял Билл,— не смогу».

Он продолжал двигаться, то и дело поднимаясь, насколько это было возможно, затем опускался и полз дальше — единственное,

что оказалось доступным ему в этой новой жизни, в жизни снаружи в собственном теле.

Уолт Дэнджерфилд сидел, скрючившись от боли, в кабине спутника, обхватив голову руками. Боль в животе усиливалась, менялась и целиком поглощала Уолта до тех пор, пока он не перестал воспринимать окружающее.

И тут ему показалось, будто что-то мелькнуло в иллюминаторе. Какая-то далекая вспышка на самом краю темного диска Земли. «Что это может быть? — спросил он себя.— Взрыв — вроде тех, из-за которых я навеки застрял здесь на орбите несколько лет назад? Может, снова началось?»

Встав и подойдя к иллюминатору, он, затаив дыхание, уставился во тьму. Текли секунды, но больше вспышек не было. Да и та, которую он видел, была какой-то странной — тусклой и размытой настолько, что казалась нереальной, как будто ему все просто привиделось.

«Как будто это было воспоминание о случившемся, а не произошло на самом деле,— подумал Дэнджерфилд.— Должно быть, нечто вроде космического эха,— наконец решил он.— Последний отзвук дня катастрофы, до сих пор витающий в пространстве... только уже совершенно безобидный».

Тем не менее он почувствовал, что испуган. Как и грызущая его изнутри боль, этот сполох был слишком странным, чтобы быть воспринятым как должное. В нем таилась какая-то опасность, и забыть его было невозможно.

«Я серьезно болен,— повторил Уолт про себя.— Неужели они не смогут снять меня отсюда? Неужели мне суждено торчать здесь, наверху, до скончания века?»

Для себя он поставил баховскую мессу си-минор. Могучий хорал затопил кабину спутника и позволил ему ненадолго забыться. Боль в животе, тусклая вспышка там, снаружи — все это на время отошло на задний план.

— *Kyrie eleison*,— пробормотал он.— Господи помилуй.

Странные греческие слова, вкрапленные в латинский текст.

Остатки прошлого... все еще живого — по крайней мере для него. «Поставлю-ка я эту мессу для Нью-Йорка,— решил он.— Думаю, им понравится, там ведь всегда было полным-полно интеллектуалов. Почему я всегда должен ставить только то, что заказывают? На самом деле я должен учить их, а не потакать им. В особенности,— подумал Дэнджерфилд,— если мне не придет-

ся торчать здесь слишком долго... да, лучше напоследок поднапрячься и успеть сделать побольше».

Тут спутник резко дернулся. Уолта швырнуло на переборку, он едва успел уцепиться за что-то, как толчок повторился, потом последовала серия более слабых толчков, с полок посыпалась какая-то дребедень, что-то со звоном разбилось. Он ошеломленно оглядывал кабину.

Может быть, метеорит?

Ощущение было такое, будто его спутник кто-то обстрелял.

Он выключил музыку и стал напряженно прислушиваться. В иллюминатор он заметил где-то вдалеке еще одну неяркую вспышку взрыва. «Так они меня, пожалуй, и впрямь достанут. Но почему? Ведь я все равно долго не протяну... так не проще ли подождать?» И тут ему в голову пришла еще одна мысль: «Но ведь, черт побери, я пока жив, и лучше мне вести себя как живому. Нет, я пока еще не умер».

Уолт включил передатчик и сказал в микрофон:

— Извините за паузу. Просто мне вдруг так поплохело, что пришлось прилечь. Вот я и не заметил, что пленка кончилась. Как бы то ни было...

Тут он рассмеялся таким знакомым всем смехом, тем временем вглядываясь во тьму пространства и ожидая очередной странной вспышки. Вскоре полыхнуло снова, только где-то совсем далеко... он облегченно перевел дух. Может, они его и не достанут. Похоже, его точное местоположение не известно и стреляют наугад.

«Поставлю-ка я им назло самый заезженный шлягер,— решил Уолт.— „Какой ты у меня красивый“, да, пожалуй, это подойдет». Довольно насвистывая, он принялся ставить нужную кассету. Вот уж назло, так назло. Наверняка это станет большим сюрпризом для тех, кто пытается его прикончить — если, конечно, именно это было их целью.

«Может, им просто надоели моя дурацкая болтовня и мое чтение,— размышлял Дэнджерфилд.— Если так... что ж, им должно понравиться».

— Я вернулся. По крайней мере на какое-то время. Так о чем я собирался рассказать? Может, кто-нибудь помнит?

Толчков больше не было. У него появилось чувство, что некоторое время они не повторятся.

— Погодите-ка, красная лампочка горит. Значит, кто-то вызывает меня снизу. Минутку.

Дэнджерфилд выбрал на полке нужную пленку и вставил ее в магнитофон.

— Меня тут просят поставить «Какой ты у меня красивый»,— объявил он и мрачно улыбнулся, представив себе кислые мины на лицах своих слушателей. «Что, съели? — подумал Уолт.— Дэнджерфилд отвечает вам „Сестрами Эндрюс“». Все еще улыбаясь, он включил магнитофон.

Эдди Келлер с волнением наблюдала за медленно ползущим по земле червяком. Она точно знала, что ее брат сейчас находится в нем, поскольку внутри себя, в низу живота, она ощущала лишь сознание червяка, в котором лишь монотонно повторялось «Бум-бум-бум», как будто эхо какого-то загадочного червякового процесса.

— А ну-ка, прочь из меня, червячище! — грозно скомандовала она и рассмеялась. «Интересно, что сейчас думает червяк по поводу своего нового образа жизни? Небось так же ошалел, как и Билли. Главное, присматривать за ним,— сообразила Эдди, имея в виду извивающегося на земле червяка.— А то как бы его не потерять».— Билл! — позвала она, наклоняясь к брату.— Видел бы ты, какой ты смешной. Представляешь, весь такой длинный и красный.— А потом подумала: «Как же я не сообразила! Нужно было поместить его в тело какого-нибудь другого человека. Тогда все встало бы на свои места — у меня появился бы настоящий брат, с которым можно бы было играть».

Но, с другой стороны, тогда внутри нее поселился бы совершенно чужой человек, а это было уже куда менее заманчиво.

«Интересно, кого бы можно было для этого использовать? — прикинула Эдди.— Одного из школьников? Или взрослого? Наверняка, Билл предпочел бы стать взрослым. Может, мистера Барнса? Или Хоппи Харрингтона, который и так боится Билла. Или...— тут она едва не пискнула от восторга,— маму. Это ведь проще простого, я всегда могу прижаться к ней, прилечь рядом... и тогда Билл перейдет в нее, а внутри меня окажется мама. Разве не чудесно? Тогда я могла бы заставлять ее делать все, как я захочу. А она больше не сможет меня понукать.

И к тому же,— про себя добавила Эдди,— она больше не сможет заниматься всякими мерзкими вещами с мистером Барнсом, да и с другими тоже. Уж об этом я позабочусь. Билл-то наверняка не станет заниматься ничем подобным. По-моему, он был потрясен не меньше меня».

— Билл! — позвала она, опускаясь на колени и осторожно кладя червяка на ладонь.— Послушай, что я тут придумала...

рассказать? Мы с тобой накажем маму за те плохие вещи, которыми она занимается.— Она приложила червяка к боку, где под кожей ощущалось уплотнение.— Давай-ка перелезай обратно. Все равно червяком быть неинтересно.

Почти тут же она услышала голос брата:

— Ты противная, я тебя ненавижу. Никогда тебе этого не прощу. Ты посадила меня в какое-то слепое существо, без рук, без ног и вообще без ничего. Я только и могу, что извиваться и ползти!

— Знаю, знаю,— перебила Эдди, раскачиваясь взад-вперед и по-прежнему держа теперь уже бесполезного червяка.— Ты меня слышишь? Так ты хочешь сделать то, что я придумала, или нет? Прилечь рядом с мамой, чтобы ты смог сделать сам-знаешь-что? Тогда у тебя будут и глаза, и уши, и ты станешь взрослым человеком.

Билл, явно нервничая, отозвался:

— Даже не знаю. Но, по-моему, мамой мне быть не очень хочется. И вообще я боюсь.

— Эх ты, трусишка,— упрекнула брата Эдди.— Лучше соглашайся, а то можешь вообще навсегда остаться там, внутри. И вообще, кем же ты хотел бы быть, если не мамой? Скажи, я так и сделаю, честно-пречестное слово.

— Ладно, посмотрим,— сказал Билл.— Сперва поговорю с мертвыми людьми и послушаю, что они посоветуют. Кроме того, это вообще может не сработать. Мне и в червяка-то перебраться было непросто.

— Просто ты боишься попробовать,— рассмеялась она и закинула червяка обратно в кусты.— Слабак! Мой брат просто нюня и слабак!

Билл не отвечал. Сейчас его мысли были обращены не на нее и не на окружающий мир. Сейчас он пребывал только в одному ему доступных пределах. «Небось опять болтает с этими своими старыми, противными мертвецами,— подумала Эдди.— Как же я ненавижу этих пустых мертвецов, которые никогда не веселятся, да и вообще ничего не делают».

И тут ей в голову пришла потрясающая идея. «Устрою-ка я так, чтобы он перебрался в этого полоумного мистера Три, о котором все только и судачат»,— решила она. Мистер Три прошлым вечером приходил в Форестер-Холл и что-то бормотал там насчет покаяния. Если Билл будет вести себя немного странно или не сразу сообразит, что сказать и что сделать, то никто просто не обратит на это внимания.

Да, но в этом случае возникала другая проблема: ей придется носить в себе безумца. «Может, съесть что-нибудь ядовитое, как я частенько грожусь,— решила она.— Например, пригоршню листьев олеандра, или касторовых зерен, или еще чего-нибудь в этом роде — и таким образом, избавиться от него. Он-то ведь все равно будет совершенно беспомощным и не сможет мне помешать».

Тем не менее проблема имела место. Мысль о том, что этот самый мистер Три — Эдди не раз видела его, и он не больно-то ей нравился — вдруг окажется внутри нее, казалась не слишком привлекательной. Правда, у него был симпатичный пес, но больше ничего хорошего...

Пес Терри. Вот ответ. Она может улечься рядом с Терри, Билл переберется в собаку, и тогда все станет на свои места.

Вот только жаль, что собачий век так короток. А ведь Терри, по словам матери и отца, и так уже семь лет. Он родился почти тогда же, когда они с Биллом.

«Проклятье,— подумала Эдди.— До чего же трудно принять какое-то решение. Проблема, оказывается, вовсе не шуточная — что же делать с Биллом, которому так хочется выбраться наружу, видеть и слышать.— И тут ее осенило: Интересно, а кого бы я сама хотела иметь у себя внутри?» Ответ был очевиден — только папу.

— А ты бы хотел выглядеть как папа? — спросила она Билла. Но Билл не отвечал, он все еще пребывал где-то далеко, беседуя с теми, кто давно приказал долго жить.

«Наверное,— решила она,— наилучшим выбором все же будет мистер Три, поскольку он живет на отшибе со своими овцами и редко появляется на людях. Биллу в нем будет гораздо легче поскольку говорить он не мастер. Там с ним будут только Терри, да овцы, а поскольку все считают мистера Три немного не в себе, вариант практически идеальный. Наверняка Билл справится с телом мистера Три куда лучше, чем тот, и единственное, о чем придется позаботиться, так это о правильном количестве ядовитых олеандровых листьев — их должно оказаться достаточно, чтобы убить его, но не убить меня. Может, хватит и двух. Ну, максимум трех.

Вовремя у мистера Три крыша поехала,— подумала Эдди.— Хотя он об этом и понятия не имеет. А вот если бы узнал, так, наверное, удивился бы. Может, дать ему немного пожить внутри меня — ровно столько, сколько нужно, чтобы он понял, в чем дело. Вот будет потеха! Лично мне он никогда не нравился, хотя мама утверждает, что он хороший человек. Противный он какой-то». При воспоминании о нем ее даже передернуло.

«Бедный, бедный мистер Три,— восторженно подумала Эдди.— Тебе больше не удастся испортить вечерние слушания в Форестер-Холле, поскольку ты больше не сможешь проповедовать никому, кроме, возможно, меня, а я-то уж тебя слушать не собираюсь.

И где же это лучше сделать? — стала прикидывать она.— Наверное, прямо сегодня. Попрошу маму отвести нас к нему после уроков. А если не согласится, так я и сама туда сбегаю.

Просто дождаться не могу»,— подумала Эдди, подрагивая от нетерпения.

Зазвенел звонок, и она вместе с другими детьми поплелась в школу. Мистер Барнс уже ждал у двери единственной классной комнаты, в которой занимались ученики от первого до шестого класса. Эдди была полностью погружена в свои мысли, и, когда она проходила мимо учителя, тот спросил:

— О чем задумалась, Эдди? Что сегодня так обременило твой могучий мозг?

— Да так,— отозвалась она.— Немножко думала о вас. А теперь вот думаю о мистере Три.

— Ах да! — понимающе кивнул мистер Барнс.— Значит, ты уже все знаешь.

Мимо них спешили в класс другие дети, вскоре они остались наедине. Эдди сказала:

— Мистер Барнс, а вам не кажется, что вы должны прекратить делать с моей мамой то, что делаете? Это нехорошо; так говорит Билл, а уж он-то знает.

Учитель буквально переменился в лице, но ничего не сказал. Вместо того он развернулся, зашел в классную комнату, и уселся за стол. Лицо его буквально пылало. «Может, я что-то не так сказала? — недоумевала Эдди.— Уж не рассердился ли он на меня? Может, теперь в наказание оставит сидеть после уроков, а не то еще и маме расскажет, а она меня отшлепает».

Немного растерявшись, она тоже зашла в класс, уселась за парту и раскрыла драгоценную, затрепанную книжку сказок. На сегодня им задали прочитать «Белоснежку».

Лежа на влажных палых листьях в тени старого дуба, Бонни Келлер крепко прижимала к себе мистера Барнса и думала, что это у них, возможно, в последний раз — отношения начали ее утомлять, Хэл страшно боялся, а это, как она усвоила на долгом опыте, было фатальным сочетанием.

— Ну и пусть,— прошептала Бонни.— Допустим, она все знает. Но ведь она всего-навсего маленькая девочка, она просто не в состоянии понять, в чем дело.

— Да, но она понимает, что дело неладное,— возразил Барнс.

Бонни в ответ лишь тяжело вздохнула.

— А где она сейчас? — спросил Барнс.

— А вон за тем дубом. Подглядывает за нами.

Хэл Барнс тут же вскочил, как ужаленный. Вытаращив глаза, он ошалело оглядывался по сторонам до тех пор, пока не понял, что над ним подшутили.

— Ну и дурацкие же у тебя шуточки! — наконец прошипел он. Желания возвращаться в ее объятия больше не было, настроение испортилось, и он не знал, что делать дальше.— А где она сейчас на самом деле? — наконец спросил Хэл.

— Побежала на ранчо Джека Три.

— Но ведь...— он сделал неопределенный жест рукой.— Он же сумасшедший! А вдруг он... слушай, это не опасно?

— Да она просто хотела повозиться с Терри, с этой говорящей псиной.— Бонни села и принялась выбирать из волос травинки.— Может, его и вообще нет дома. В последний раз Бруно видели...

— Бруно,— повторил Барнс и как-то странно взглянул на нее.

— Я хотела сказать — Джек.— Сердце ее отчаянно заколотилось.

— Прошлым вечером он говорил какую-то чушь насчет своей ответственности за взрыв ядерных бомб в атмосфере в тысяча девятьсот семьдесят втором году.— Барнс по-прежнему разглядывал Бонни; она ждала, а сердце, казалось, было готово выскочить из груди. Впрочем, рано или поздно это должно было случиться.

— Так ведь у него же не все дома,— наконец выдавила она.— Ведь так? Он думает, что...

— Он думает, что он Бруно Блутгельд, разве не так?

Бонни пожала плечами.

— Верно, кроме всего прочего.

— И это действительно он, да? И Стокстилл тоже это знает, и ты это знаешь... и тот негр тоже это знает.

— Нет,— ответила она.— Негр этого не знает... кстати, перестань, пожалуйста, называть его «негром». Его зовут Стюарт Маккончи. Я расспрашивала о нем Эндрю, и тот сказал, что он очень умный, энергичный и крайне активный человек.

Барнс сказал:

— Так, значит, доктор Блутгельд не погиб в день катастрофы. Он явился сюда, все эти годы жил здесь, среди нас. И это человек, который во всем виноват.

— Ну так иди и убей его,— посоветовала Бонни.

Барнс в ответ лишь что-то невнятно буркнул.

— Я серьезно,— сказала Бонни.— Мне все равно. Честно говоря, если бы ты убил его на самом деле, я была бы только рада. «Да, пожалуй, это был бы по-настоящему мужской поступок,— подумала она.— Коренная перемена».

— Интересно, а почему ты столько лет пыталась укрыть такого человека?

— Даже не знаю.— Бонни совершенно не хотелось обсуждать подобную тему.— Давай вернемся в город,— предложила она. Присутствие Хэла начало утомлять ее, и перед глазами снова предстал Стюарт Маккончи.— Сигареты кончились,— сказала Бонни.— Можешь подбросить меня до табачной фабрики.— Она встала и направилась к привязанной у дерева лошади Барнса, которая невозмутимо пощипывала травку.

— Негритос,— мрачно кивнул Барнс.— Значит, теперь ты собираешься закрутить роман с негритосом. Вот уж никогда бы не подумал.

— Не будь снобом,— отрезала она.— Ведь ты все равно боишься продолжать. Ты давно хотел порвать со мной. И очень хорошо — в следующий раз, когда увидишься с Эдди, можешь честно сказать ей: «Я больше не делаю ничего постыдного и плохого с твоей мамочкой, честное благородное слово». Верно ведь? — Она вскочила на лошадь, взяла в руки поводья и бросила: — Ну, что, поехали?

В этот момент небо озарила яркая вспышка.

Лошадь встала на дыбы, Бонни грохнулась на землю и откатилась в кусты. «Неужели это и в самом деле Бруно»,— подумала она, лежа на земле, обхватив голову руками и едва не плача от боли. Острый сучок распорол кожу на лбу, и теперь кровь заливала ей глаза и стекала по рукам. Барнс нагнулся над Бонни, взял за плечо и перевернул на спину.

— Бруно,— сказала она.— Это все он, черт бы его побрал. Нет, похоже, кому-то и впрямь следует его убить. Лучше бы они прикончили его еще в семидесятом — он ведь и тогда уже был не в своем уме.— Бонни достала из кармана платок и промокнула лоб.— Господи, похоже, я здорово поранилась.

— Лошадь, кстати, ускакала,— заметил Барнс.

— Не знаю, кто дал ему такую власть,— сказала она,— но скорее всего это было какое-то злое божество. Я уверена, что это его рук дело, Хэл. Ведь за последние годы мы видели множество странных вещей, так что это неудивительно. Спо-

собность возрождать войну, снова развязать ее, как он вчера и говорил. Может быть, он устроил для нас эту ловушку как раз вовремя. Как ты думаешь? Похоже, мы попали; он...— Бонни смолкла, поскольку в небе снова полыхнула яркая вспышка. Ветви деревьев пригнуло взрывом, и до ее слуха донесся треск ломающихся стволов.

— Интересно, куда же делась лошадь? — пробормотал Барнс, опасливо поднимаясь с земли и растерянно озираясь.

— Да плюнь ты на свою лошадь,— сказала Бонни.— Ясное дело, обратно придется тащиться на своих двоих. Слушай, Хэл, может быть Хоппи сможет чем-нибудь помочь. Он ведь тоже наделен довольно странными способностями. Может, стоит навестить его и рассказать обо всем? Не хочет же он, чтобы его испепелил какой-то придурок? Как ты считаешь? Больше мне в голову ничего не приходит.

— Да, пожалуй, идея неплохая,— согласился Барнс, который все еще вертел головой, пытаясь найти свою лошадь. Похоже было, что он слушает Бонни вполуха.

— Это — наказание нам за наши грехи,— сказала Бонни.

— Что? — рассеянно переспросил Хэл.

— Сам знаешь. За то, что Эдди называет «постыдными, нехорошими делами». Вчера вечером я еще подумала... может, нам было бы лучше погибнуть с остальными; может, то, что начинается, только к лучшему.

— А, вон она! — воскликнул Барнс, ринувшись в рощу. Лошадь запуталась поводьями в кустарнике.

Небо стало угольно-черным. Бонни Келлер помнила этот цвет — ведь он практически никогда и не исчезал, лишь становился все более размытым.

«Наш маленький, хрупкий мир,— думала она,— который мы с таким трудом отстроили после катастрофы... наше маленькое общество, с потрепанными учебниками, сигаретами „делюкс", нашими газогенераторными грузовиками — оно просто не выдержит еще одного серьезного испытания. Оно не в состоянии выдержать того, что делает, или утверждает, что делает с ним Бруно. Еще один нанесенный по нам удар, и нас не станет. Погибнут все разумные животные, погибнут все новые, появившиеся на свет странные виды, погибнут так же внезапно, как и появились. Жаль,— мрачно подумала Бонни.— Это же просто нечестно; погибнет ведь и Терри, говорящий пес. Возможно, мы были слишком амбициозны, возможно, нам просто не стоило пытаться отстроиться заново и продолжать жить.

Хотя, в принципе, все было не так уж и плохо,— подумала она.— Мы выжили, мы занимались любовью и пили пятизвездочное виски Гилла, учили детей в школе с заколоченными досками окнами, издавали газету, подключили автомобильный радиоприемник и каждый день слушали Сомерсета Моэма. А чего еще было от нас ждать? Боже,— подумала Бонни.— *Да ведь это же просто нечестно!* — то, что сейчас происходит. Этого просто не должно было случиться. Нам ведь нужно оберегать наших лошадей, наши посевы, наши жизни, наконец...»

Раздался новый взрыв, только теперь гораздо дальше. «Где-то на юге,— сообразила она.— Недалеко о того места, где бомбы падали в день катастрофы. В Сан-Франциско».

Она устало прикрыла глаза. «И надо же, все это именно тогда, когда появился этот Стюарт Маккончи. Бывает же в жизни невезение!»

Пес, преградив ей путь, прорычал своим странным голосом:

— Трииииии щаааас зааааанят.— И предостерегающе гавкнул. Похоже было, ей не стоило приближаться к дому.

«Да,— подумала Эдди,— верю, что он действительно занят». Она уже видела взрывы в небе.

— Слушай, а знаешь что? — спросила она пса.

— Штоооо? — с любопытством спросил тот. Насколько ей было известно, он был довольно простодушен, и сбить его с толку особого труда не представляло.

— Я придумала, как бросить палку так далеко, чтобы никто ее не смог найти,— сказала Эдди, нагнулась и подняла первый попавшийся прутик.— Хочешь, покажу?

Тут внутри нее раздался голос Билла.

— С кем это ты говоришь? — спросил он. В голосе его слышалось возбуждение от предстоящего перемещения в другое тело.— Случайно, не с мистером Три?

— Нет,— ответила она.— Это всего лишь собака.— Она помахала псу прутиком.— Ставлю десять бумажных долларов, что ты нипочем ее не отыщешь.

— Кааааанешно аааттыыщщууу,— ответил пес и даже взвизгнул от нетерпения. Искать брошенные палки было его любимым развлечением.— Тоооолько сссспооооорить не мооооогууууу,— добавил он.— Деееееенег нееееет.

В этот момент из домика вышел мистер Три. И Эдди, и пес растерялись от неожиданности. Но мистер Три не обращал на

них ни малейшего внимания — он поднялся на соседний холм и вскоре скрылся на другой стороне.

— Мистер Три! — окликнула его Эди.— Может, он уже и не так занят? — спросила она пса.— Слушай, сбегай, спроси его, а? Скажи, что я отвлеку его только на минутку.

Внутри нее Билл тревожно заметил:

— Он ведь не очень далеко ушел, верно? Я знаю, он где-то поблизости. Я готов. На этот раз буду стараться изо всех сил. Ведь он может делать практически все что угодно, да? И видеть, и слышать, и ходить, и чувствовать запахи — ведь так? Не то, что тот червяк.

— Только зубов у него нет,— заметила Эдди.— А во всем остальном он ничем не хуже остальных людей.— Пес тем временем послушно помчался за мистером Три, а Эдди двинулась по тропинке дальше.— Теперь уже скоро,— сказала она.— Скажу ему, что...— Она уже все продумала заранее.— Я ему скажу: «Мистер Три, а знаете что? Я проглотила один из этих манков, которыми пользуются охотники на уток. Хотите, сами послушайте». Ну, как тебе?

— Даже не знаю,— горестно отозвался Билл.— А что такое «манок»? Да и вообще, что такое «утка»? Она живая, да? — Он был явно сбит с толку, ситуация складывалась совершенно для него непривычная.

— Ты, нюня! — прошипела она.— Тише! — Пес уже догнал мистера Три, тот обернулся и теперь хмуро смотрел на нее.

— Я сейчас очень занят, Эдди,— наконец сказал он.— Давай попозже... я потом с тобой поболтаю, сейчас никак не могу.— Три вскинул руки и неопределенно помахал ими над головой, как будто в такт какой-то не слышной никому, кроме него самого, музыки. При этом он строил забавные гримасы, и девушку разобрал смех, настолько глупо это выглядело.

— Я просто хотела вам кое-что показать,— крикнула Эдди в ответ.

— Потом, потом! — отозвался он и что-то сказал собаке.

— Ессссть, сссэээээр! — откликнулся пес и бросился обратно к дому.— Неееет,— проворчал он, догнав Эдди.— Стоооой!

«Проклятье! — чертыхнулась про себя Эдди.— Похоже, сегодня ничего не выйдет. Видно, придется тащиться сюда и завтра».

— Ууууухоооооодиииии,— между тем протянула собака, обнажая клыки. Похоже, хозяин проинструктировал ее как следует.

Эдди крикнула:

— Послушайте, мистер Три...— и тут же осеклась, поскольку мистера Три нигде не было видно. Пес обернулся, взвыл, и тут Билл внутри нее застонал.

— Эдди,— воскликнул он,— мистер Три ушел — я чувствую это. Куда же мне теперь переселяться? Что мне делать?

Высоко в небе показалось пляшущее крошечное черное пятнышко. Девочка удивленно наблюдала за тем, как оно рыскает в воздухе, будто подгоняемое сильными порывами ветра. Вскоре ей удалось разглядеть, что это мистер Три, отчаянно размахивающий руками, кувыркающийся вверх и вниз, подобно воздушному змею. «Что это с ним?» — мрачно подумала она, сознавая, что Билл прав. Их единственный шанс был упущен, их план полностью провалился.

Что-то непонятное крепко держало мистера Три и явно намеревалось с ним покончить. Оно поднимало несчастного все выше и выше, и тут Эдди не смогла удержаться от вскрика. Мистер Три неожиданно начал падать. Нет, он буквально камнем полетел вниз. Услышав, как его тело ударилось о землю, Эдди зажмурилась, а пес Терри горестно завыл.

— В чем дело? — отчаянно взывал Билл.— Что это было? Они забрали его, да?

— Да,— подтвердила она и открыла глаза.

Мистер Три лежал на траве, тело его было изломано, руки и ноги торчали в разные стороны под неестественными углами. Он был мертв — это сразу поняли и Эдди, и верный пес. Терри подбежал к телу хозяина, остановился возле него, обернулся и растерянно взглянул на нее. Девочка молчала, стоя в некотором отдалении от трупа. Ведь то, что сделали эти... кем бы они там ни были... с мистером Три, было просто ужасно. Это было очень похоже на то, что случилось с очечником из Болинаса. Самое настоящее убийство.

— Это сделал Хоппи,— взвыл Билл.— Это Хоппи на расстоянии убил мистера Три, потому что боялся его. Теперь мистер Три там, внизу, с другими мертвыми — я слышу, как он разговаривает с ними. Он говорит им, что это Хоппи дотянулся до него из своего домика, схватил мистера Три, поднял в воздух, а потом швырнул на землю!

— Ничего себе! — удивилась Эдди. «Интересно, и как только Хоппи удалось такое. Может, последней каплей стали взрывы, которые мистер Три устроил в небе? Может, они попросту напугали Хоппи и заставили его пойти на крайние меры?»

Эта мысль напугала девочку. «Вот так Хоппи,— подумала она.— Значит, он может убивать и на таком расстоянии. Пожалуй, больше на такое никто не способен. Надо быть очень ос-

торожными, потому что он может прикончить всех нас; он запросто может расколошматить нас об землю или придушить».

— Скорее всего, в газете это будет опубликовано на первой полосе,— негромко пробормотала она, обращаясь не только к себе, но и к Биллу.

— В какой еще газете? — тревожно спросил Билл.— Я вообще не понимаю, что происходит. Может, все-таки объяснишь. Ну, *пожалуйста*!

Эдди ответила:

— Думаю, нам лучше вернуться в город.— И с этими словами медленно поплелась прочь от останков мистера Три и сидящего над ними пса. «Похоже,— пришло ей в голову,— тебе повезло, что ты не вселился в него, а то тебе пришел бы конец. А кроме того,— подумала Эдди,— он остался бы жить внутри меня. По крайней мере, до тех пор, пока я не пожевала бы олеандровых листьев и не проглотила их. Хотя, впрочем, может, он как-нибудь и справился бы с этим. Ведь у него всякие там разные странные способности. Если уж он сумел произвести все эти взрывы, то наверняка внутри меня смог бы сделать что угодно».

— Может, попробуем использовать кого-нибудь еще? — с надеждой спросил Билл.— Давай, а? Не хочешь попробовать этого, как его... Ну, этого пса? По-моему, я вовсе не против стать им; он быстро бегает, ловит всякую живность и хорошо видит, скажешь, нет?

— Ладно, только не сейчас,— ответила Эдди. Испуг еще не прошел, и сейчас ей больше всего хотелось убраться отсюда подальше.— Как-нибудь потом. Потерпи немного.— Она опрометью бросилась по тропинке по направлению к городку.

Глава 14

Орион Строд, сидящий посреди Форестер-Холла так, чтобы видеть всех присутствующих, поднял руку, призывая собравшихся к вниманию, и объявил:

— Миссис Келлер и доктор Стокстилл попросили жюри присяжных графства и членов совета графства собраться здесь с тем, чтобы обсудить вопрос об имевшем сегодня место убийстве.

Он обвел взглядом помещение, с удовлетворением отметив, что присутствуют миссис Толлмен, Кас Стоун, Фред Куинн, миссис Лалли, Эндрю Гилл, Эрл Колвиг и мисс Костиган — словом, все в сборе. Все внимательно смотрели на Ориона, понимая, что дело и впрямь исключительно важное. Ничего подобного в об-

щине до сих пор не случалось. Это убийство не имело ничего общего с гибелью очечника или казнью мистера Остуриаса.

— Насколько я понимаю,— начал Строд,— недавно стало известно, что один из членов нашей общины, мистер Джек Три...

В этот момент кто-то уточнил:

— Это был Блутгельд.

— Верно,— кивнул Строд.— Но теперь он мертв, и нам не о чем беспокоиться — вы должны это уяснить. И его гибель — дело рук Хоппи. То есть, я хотел сказать, он был убит им.— С этими словами Строд виновато взглянул на Пола Дица.— Стараюсь следить за грамматикой, Пол — вы ведь наверняка тиснете об этом в своей газете, да?

— Более того, подготовлю спецвыпуск,— кивнул Пол.

— Надеюсь, вы все отдаете себе отчет в том, что мы собрались не за тем, чтобы решить, как наказать Хоппи за содеянное. Такой проблемы попросту нет, поскольку Блутгельд являлся известным военным преступником, и более того, снова воспользовался своими магическими способностями для возобновления войны. Думаю, все присутствующие согласны с этим, поскольку все видели взрывы. Далее...— с этими словами он взглянул на Гилла.— У нас здесь присутствует новоприбывший, негр по имени Стюарт Маккончи. Должен отметить, что вообще-то мы здесь, у нас в Уэст-Марино, не приветствуем чернокожих. С другой стороны, насколько мне известно, Маккончи выслеживал Блутгельда, а посему при желании он имеет полное право обосноваться в графстве.

Слушатели одобрительно закивали.

— Главная причина, по которой мы здесь собрались,— продолжал Строд,— это решить, как вознаградить Хоппи за то, что он сделал. Если бы не он, то, возможно, Блутгельд довел бы свое черное дело до конца и никого из нас попросту уже не было бы в живых. Поэтому мы все обязаны Хоппи жизнью. Сегодня его с нами нет — скорее всего он, как обычно, занят ремонтом наших с вами вещей. Не следует забывать, что он наш единственный умелец, а это — большая ответственность. Короче, кто-нибудь хочет предложить, как мы могли бы отблагодарить Хоппи за его крайне своевременное деяние? — Строд обвел вопросительным взглядом собравшихся.

Эндрю Гилл встал и, откашлявшись, заявил:

— Думаю, мне будет позволено сказать несколько слов. Во-первых, хотелось бы поблагодарить мистера Строда и остальных членов данной общины за гостеприимство в отношении моего

делового партнера мистера Маккончи. Во-вторых, хотелось бы предложить посильное вознаграждение Хоппи за ту неоценимую услугу, которую он оказал этой общине и всему человечеству в целом. Со своей стороны могу предложить сотню сигарет «Золотой ярлык»...— с этими словами он замолчал и уже собрался было сесть, но тут внезапно добавил: — ...и коробку моего «пятизвездочного».

В зале зааплодировали, засвистели и в знак одобрения даже затопали ногами.

— Да,— улыбаясь, заметил Строд,— это уже кое-что. Надеюсь, мистер Гилл понимает, что Хоппи спас всех нас. Надеюсь, все видели, что своими взрывами Блутгельд успел повалить кучу старых дубов. Кроме того, все вы знаете, что следующим объектом его внимания должен был стать Сан-Франциско...

— Это точно,— подтвердила Бонни Келлер.

— А следовательно,— продолжал Строд,— многие из нас пожелают внести свою лепту и посильным образом отблагодарить Хоппи за то, что он для всех нас сделал. С моей точки зрения, мы должны поблагодарить мистера Гилла за предложенные им сигареты и виски. Скорее всего, Хоппи был бы очень рад и этому — но, может быть, мы смогли бы придумать, как более почетно увековечить его деяние. Допустим, поставить ему памятник, разбить в его честь парк или воздвигнуть мемориальную стелу... Лично я готов выделить под это участок земли и уверен, что Кас Стоун меня в этом поддержит.

— Не сомневайся! — крикнул с места Кас Стоун.

— Еще у кого-нибудь есть идеи? — спросил Строд.— Вы хотели что-то сказать, миссис Толлмен? Прошу вас.

Миссис Толлмен сказала:

— Думаю, можно бы было выразить нашу общую благодарность мистеру Харрингтону, назначив его президентом управляющего совета графства или почетным председателем школьного совета. Разумеется, все это в дополнение к парку, памятнику, бренди и сигаретам.

— Идея неплохая,— заметил Строд.— Так? Кто-нибудь хочет еще что-нибудь предложить? Друзья, давайте будем реалистами: Хоппи спас нам всем жизни. Этот Блутгельд просто сошел с ума — думаю, все, кто был на вчерашнем слушании, это поняли... Он запросто отбросил бы всех нас туда же, где мы пребывали семь лет назад. Все, что нам за эти годы удалось сделать, пошло бы прахом. Буквально все!

Слушатели одобрительно загудели.

— Когда человек владеет столь могучими, буквально сверхъестественными возможностями,— продолжал Строд,— то, будучи великим физиком, с его огромными познаниями в данной области... можно предположить, что мир еще никогда не оказывался в подобной опасности. Вы согласны со мной? Наше счастье, что Хоппи обладает способностью управлять предметами на расстоянии; более того — наше счастье, что Хоппи все эти годы тренировался, оттачивая свои возможности, поскольку, если бы не его способности делать что-либо на таком расстоянии, нас бы ничто не спасло.

Слово взял Фред Куинн:

— Я переговорил с Эдди Келлер, которая была свидетельницей всего происходящего. Она рассказывала, будто Блутгельда подкинуло в воздух до того, как вмешался Хоппи и размазал его по земле.

— Знаю, знаю,— отозвался Строд.— Я ведь и сам расспрашивал Эдди об этом происшествии.— Тут он оглядел аудиторию.— Если кого-то интересуют подробности, то, уверен, Эдди их вам расскажет. Не так ли, миссис Келлер?

Побледневшая Бонни кивнула.

— А что, Бонни, вы все еще чего-то боитесь?

— Это было просто ужасно,— негромко буркнула Бонни.

— Верю,— сказал Строд,— но тем не менее Хоппи с ним справился

«А ведь, таким образом, Хоппи превращается в исключительно грозного противника. Может, Бонни думает исключительно об этом? Может, именно поэтому она ведет себя столь тихо».— подумал он.

— Лично мне кажется,— заявил Кас Стоун,— лучше всего пойти к Хоппи и спросить его напрямую: «Хоппи, как бы ты хотел, чтобы мы тебя отблагодарили?» Поставить вопрос ребром. Может быть, ему что-то и необходимо в жизни, а мы об этом не знаем.

«Да,— подумал Строд.— Тут ты, похоже, прав, Кас. Может, ему и впрямь позарез нужна куча вещей, о которых мы и понятия не имеем, а в один прекрасный день — причем очень скоро — он заявится и потребует их от нас. Независимо от того, поздравим мы его сегодня или нет».

— Бонни,— спросил он миссис Келлер.— Может быть, и вы что-нибудь предложите? А то вы практически весь вечер молчите.

Бонни Келлер в ответ лишь буркнула:

— Я слишком устала.

— А вы знали, что Джек Три на самом деле был Блутгельдом?

Она молча кивнула.

— Так, значит, это вы сообщили об этом Хоппи?

— Нет,— ответила она.— Я хотела и уже было собиралась сделать это. Но, как оказалось, бесполезно. Он и так уже знал.

«Интересно, кто сообщил ему об этом?» — подумал про себя Строд.

— Этот Хоппи,— дрожащим голосом сказала миссис Лалли,— он, похоже, способен на все... мало того, лично мне кажется, будто он еще более могуществен, чем этот ваш мистер Блутгельд.

— Согласен,— подтвердил мистер Строд.

Присутствующие стали нервно кивать и переглядываться.

— Тем нет менее свои возможности он обратил на службу нашей общине,— заметил Эндрю Гилл.— Прошу вас, не забывайте об этом. Помните о том, что он — наш единственный умелец, что он почти всегда помогает нам поймать передачу Дэнджерфилда. Когда сигнал слабеет, Хоппи развлекает нас своими фокусами и имитациями, когда Дэнджерфилда становится невозможно поймать... Словом, он для нас много чего сделал, не говоря уже о том, что он спас нас от очередной ядерной катастрофы. Поэтому мне нечего сказать, кромё — да благословит Господь Хоппи и его способности. Думаю, нам не остается ничего иного, как поблагодарить Всевышнего за то, что с нами живет такой калека, как он.

— Это верно,— подтвердил Кас Стоун.

— Согласен,— осторожно кивнул Строд.— И тем не менее, мне кажется, будет лучше, если мы предупредим Хоппи на будущее, что отныне...— тут он заколебался,— наши казни должны стать такими же официальными, как казнь Остуриаса по вердикту нашего жюри. То есть не поймите меня превратно, Хоппи сделал все как надо, причем исключительно своевременно... но единственным законным органом власти, которому в будущем предстоит принимать подобные решения, является жюри присяжных. И еще Эрл, который будет приводить приговор в исполнение. То есть я хотел сказать, будет приводить в будущем. Само собой, это не касается случая с Блутгельдом, учитывая его сверхъестественные способности.— Только тут ему пришло в голову, что человека с подобными возможностями просто немыслимо одолеть обычными методами. Впрочем, как и Хоппи... невозможно

даже представить, что кто-то попытается прикончить его — скорее всего, ничего из этого не выйдет.

При этой мысли его даже передернуло.

— В чем дело, Орион? — подозрительно спросил Кас Стоун.

— Нет, ничего,— ответил Орион Строд.— Просто задумался о том, как мы можем еще отблагодарить Хоппи — ведь он буквально спас всех нас от неминуемой гибели.

Присутствующие одобрительно закивали и принялись перешептываться, обсуждая, как им отблагодарить Хоппи.

Джордж Келлер, заметив, как побледнела его супруга, наклонился к ней и спросил:

— Ты в порядке? — С этими словами он попытался обнять ее за плечи, но она отстранилась.

— Нет, просто устала,— ответила Бонни.— По-моему, когда начались все эти взрывы, я с перепугу пробежала целую милю. Хотела увидеть Хоппи.

— А с чего ты взяла, что это сделал Хоппи? — спросил Келлер.

— О,— отозвалась она.— Да ведь все же это знают. Мало кто из нас сомневался, что только он обладает такого рода способностями. Все поняли это, как только...— Тут она запнулась.— Я поняла это, как только увидела взрывы.— С этими словами она взглянула на мужа.

— С кем ты тогда была? — спросил Джордж.

— С Барнсом. Мы собирали грибы в дубравах вдоль дороги на Медвежье Ранчо.

Джордж Келлер прокомментировал:

— Лично я очень боюсь Хоппи. Сама посмотри — он даже и не явился. По-моему, он всех нас презирает. Да и вообще, он всегда опаздывает на встречи в Холле... ну, ты понимаешь, что я имею в виду. Ты согласна со мной? И чем дальше — тем больше, по мере того как усиливаются его возможности.

— Не исключено,— пробормотала Бонни.

— И как, по-твоему, что будет с нами потом? — спросил Джордж.— Теперь, когда Блутгельда больше нет? Проблема для всех закрыта, теперь мы в относительной безопасности. Может, стоит сообщить Дэнджерфилду, чтобы он известил об этом всех остальных?

— Думаю, это может сделать и Хоппи,— негромко отозвалась Бонни.— Он может сделать все что угодно. Почти все.

Сидящий на председательском месте Орион Строд постучал, призывая собравшихся к вниманию.

— Кто хотел бы стать членом делегации, которая отправится к Хоппи и сообщит ему о том, как мы собираемся вознаградить его за подвиг и выразить ему нашу благодарность? — Он обвел взглядом собравшихся.— Желающие есть?

— Я пойду,— сказал Эндрю Гилл.

— И я тоже,— подхватил Фред Куинн.

Бонни сказала:

— И я.

Джордж шепнул ей на ухо:

— А ты уверена, что достаточно хорошо себя чувствуешь?

— Само собой,— вяло откликнулась она.— Я уже в полном порядке. Если не считать царапины на лбу.— Она машинально коснулась повязки.

— А вы что скажете, миссис Толлмен? — спросил тем временем Строд.

— Да, я тоже пойду,— ответила миссис Толлмен, хотя голос ее изрядно дрожал.

— Страшно, что ли? — спросил Строд.

— Ага,— кивнула она.

— А почему?

Миссис Толлмен, поколебавшись, ответила:

— Даже... сама не знаю, Орион.

— Ничего, я и сам пойду,— подбодрил ее Строд.— Таким образом, набирается пятеро — трое мужчин и две женщины. По-моему, как раз то, что нужно. Прихватим с собой бренди и сигареты, а обо всем остальном просто расскажем — о мемориальной доске, насчет назначения президентом совета и председателем... ну и обо всем прочем.

— А может,— негромко вмешалась Бонни,— нам стоило бы послать делегацию, которая забила бы его до смерти камнями?

Джордж Келлер на мгновение запнулся, потом сказал:

— Милая, прошу тебя, ради бога...

— Я серьезно,— ответила Бонни.

— Ты ведешь себя совершенно непредсказуемо,— сказал Джордж, рассерженный и удивленный — он явно не понял, что она имеет в виду.— В чем дело?

— Не обращай внимания,— сказала она,— пользы от этого все равно бы не было. Хоппи размазал бы нас по земле еще до того, как мы пришли бы к его хижине. Может даже, он испепелит меня прямо сейчас.— Она улыбнулась.— За эти слова.

— Тогда, может, лучше помолчишь? — Джордж с ужасом уставился на нее.

— Ладно, помолчу,— ответила Бонни.— Буду нема, как рыба. Мне вовсе не хочется быть сперва подброшенной в воздух, а потом размазанной по земле, как это произошло с Джеком.

— Да уж. Пожалуй...— Келлера явно била дрожь.

— Ты просто трус,— спокойно ответила она.— Скажешь, нет? Удивляюсь, как я этого не сознавала раньше. Может быть, я именно поэтому все время к тебе так относилась.

— И как же именно?

В ответ Бонни лишь улыбнулась, но ничего не ответила. На лице ее красовалась жесткая, ненавидящая и холодная улыбка — такое он видел впервые и не понимал, чем она вызвана. Он отвернулся, раздумывая о том, правдивы ли те слухи, которые ходили о его жене все эти годы. Ведь сейчас она была столь холодна, столь непреклонна. Джордж Келлер почувствовал, насколько он несчастен.

— Господи,— произнес он,— неужели ты называешь меня трусом лишь потому, что мне не хотелось бы видеть, как мою жену размазывают по земле?

— Это мое тело и моя жизнь,— ответила Бонни.— И я вправе распоряжаться ими по своему усмотрению. Я не боюсь Хоппи — в принципе, на самом деле я боюсь его, но не хочу выказывать этого, если только ты способен заметить разницу. Я легко отправлюсь к его рубероидному домику и посмотрю прямо ему в глаза. Я конечно поблагодарю его, но заодно и предупрежу, что в будущем ему придется быть куда более осторожным. И что мы будем настаивать на этом.

Джордж не мог не восхищаться ей.

— Да, именно так и сделай,— кивнул он.— Это, пожалуй, будет самым правильным. Он должен знать, как мы к нему относимся.

— Спасибо,— негромко ответила она.— Большое тебе спасибо, Джордж, за поддержку.— С этими словами Бонни отвернулась и стала слушать Ориона Строда.

Джордж Келлер вдруг почувствовал, что несчастен, как никогда в жизни.

Сначала предстояло наведаться на фабрику Эндрю Гилла и прихватить там сигареты и «пятизвездочное». Бонни, Орион Строд и Гилл вышли из Форестер-Холла и вместе пошли по

дороге. Они сознавали, какая серьезная ответственность на них лежит.

— А что это за совместный бизнес, который вы затеваете с Маккончи? — спросила Бонни у Эндрю Гилла.

Гилл ответил:

— Стюарт собирается автоматизировать мое производство.

Она недоверчиво переспросила:

— Наверное, вы собираетесь через спутник рекламировать продукцию, да? Раньше их еще называли рекламными роликами. Это было неплохо. Может, я даже что-нибудь для вас бы сочинила.

— Разумеется,— ответил Гилл,— если это пойдет на пользу бизнесу.

— Так вы это серьезно — насчет автоматизации.— Бонни только сейчас начала осознавать, что, возможно, он вовсе и не шутит.

Эндрю сказал:

— Узнаю побольше после того, как встречусь с его боссом в Беркли. Мы со Стюартом собираемся наведаться к нему в ближайшие дни. Целую вечность не бывал в Беркли. Стюарт говорит, город понемногу отстраивается — конечно, таким, как раньше, он уже не будет. Впрочем, может быть, и будет.

— Сомневаюсь,— заметила Бонни.— Но мне в общем-то, все равно. Этот городишко мне никогда особенно не нравился.

Оглянувшись и убедившись, что Орион их не слышит, Гилл сказал ей:

— Бонни, а почему бы тебе не съездить с нами?

Она удивленно спросила:

— С чего бы это?

— Думаю, тебе было бы полезно на некоторое время расстаться с Джорджем. А вполне возможно, и уйти от него насовсем. По-моему, так было лучше и для тебя, и для него.

Бонни кивнула:

— Да, возможно, но ведь...— Идея вдруг показалась ей совершенно нелепой, да и вообще разговор зашел слишком далеко. Впрочем, кривить душой тоже было нечего.— Но тогда ведь все узнают,— сказала она.— Тебе не кажется?

— Да все и так все знают, Бон.

— Вот как! — Она смущенно кивнула.— Что ж, для меня это настоящий сюрприз. Очевидно, до сих пор я пребывала в приятном заблуждении.

— Поехали с нами в Беркли,— сказал Гилл,— и начнешь все заново. В каком-то смысле и для меня это станет началом новой

жизни. Это будет означать, что пришел конец тупому скручиванию сигарет вручную — по штучке, на крошечной машинке. Наконец я стану хозяином самой настоящей фабрики в полном смысле этого слова — в довоенном смысле.

— В довоенном,— эхом отозвалась Бонни.— А хорошо ли это?

— Разумеется,— воскликнул Гилл.— Я чертовски устал, мне опротивело делать их вручную. Я годами мечтал как-то освободиться от этого, а Стюарт указал мне путь.— С этими словами Эндрю скрестил пальцы на удачу.

Вскоре они дошли до фабрики, в цехе рабочие, как всегда, скручивали сигареты. Бонни подумала: «Так вот, значит, как — эта часть нашей жизни очень скоро навсегда уйдет в прошлое. А жаль, я всегда была сентиментальной, и мне будет ее не хватать. Но, в принципе, Эндрю прав. Такой способ производства — это не дело. Слишком уж монотонно, слишком медленно. Кроме того, и сигарет-то в сущности получается кот наплакал. С настоящим оборудованием Эндрю мог бы обеспечивать всю страну, конечно при наличии соответствующего транспорта и средств доставки».

Тем временем Стюарт Маккончи нагнулся над бочкой гилловского эрзац-табака и внимательно разглядывал содержимое. «Да,— подумала Бонни,— похоже, он или уже знает рецептуру смеси, или она ему попросту ни к чему».

— Скажите, а вы в состоянии будете продавать крупные партии сигарет? Ведь машины будут производить их во много раз больше. Вы продумали эту часть?

— Да,— ответил Маккончи.— Мы составили целый план реализации в массовом масштабе. Мой босс, мистер Харди...

— Ради бога, только не читайте мне лекцию о сбыте! — перебила его Бонни.— Раз говорите, что все продумали — я верю вам на слово, а спросила просто так, из чистого любопытства.— Она окинула его критическим взглядом.— Энди хочет, чтобы я поехала с вами в Беркли. Вы тоже не против?

— Ну, разумеется,— растерянно протянул он.

— Я могла бы стать у вас секретаршей,— сказала Бонни.— В вашей центральной конторе. Где-нибудь в самом центре, ведь так? — Она рассмеялась, но ни Стюарт Маккончи, ни Гилл к ней не присоединились.— Это что, запретная тема? — поинтересовалась она.— Похоже, мои шутки затрагивают самое святое для вас. Если так, то прошу прощения.

— Да нет, все в порядке, просто нам предстоит еще очень много чего обсудить — осталась целая куча нерешенных проблем.

— Ладно, может, я с вами и поеду,— сказала Бонни.— Не исключено, что это как-то поможет мне решить финансовые проблемы.

Настала очередь Маккончи подозрительно уставиться на нее.

— А какие у вас, собственно, проблемы? Здесь прекрасное место для воспитания дочери, а притом, что ваш супруг — директор...

— Ой, умоляю,— перебила Бонни,— только не надо расписывать, как у меня все здорово. Прошу вас! — Она отошла к Гиллу, который тем временем укладывал предназначенные для вручения Хоппи сигареты в металлическую коробку.

«Насколько же все-таки наивен мир,— думала Бонни.— Даже и сейчас, после того что с ним произошло. Гилл хочет излечить меня от моей неугомонности. Стюарт Маккончи представить себе не может, что мне может хотеться чего-то, чего я здесь уже не имею. Хотя, возможно, это они правы, а я — нет. Может быть, я излишне усложняла свою жизнь... может, в Беркли найдется машина, которая спасет и меня. Возможно, какой-нибудь автомат решит все мои проблемы и они канут в небытие».

Усевшись за стол, Орион Строд писал речь, с которой собирался обратиться к Хоппи. Бонни улыбнулась, подумав о том, насколько же все это серьезно. «Интересно, произведет ли это впечатление на самого Хоппи?» Приятно ему будет или, напротив, он почувствует к ним лишь презрение? «Нет,— решила она,— скорее, он все же будет доволен. Так подсказывает моя интуиция. Больше всего на свете ему хотелось именно таких почестей: всеобщего признания. Хоппи будет страшно горд.

Интересно, а сам он готовится к нашему приходу? — подумала Бонни.— Умылся, побрился, надел свежую рубашку... и с нетерпением ждет, когда же мы наконец появимся. Считает ли он, что это — величайшее достижение его жизни, так сказать, пик карьеры?»

Она попыталась мысленно представить себе калеку. Хоппи каких-то несколько часов назад убил человека, а из того, что говорила Эдди — да и буквально все считали так же,— была уверена, что он убил и очечника. «Городской крысолов,— сказала она себе, и ее даже передернуло.— Кто же будет следующим? И будут ли его снова поздравлять, как сегодня, за каждого следующего?

Может, нам придется устраивать такие же пышные церемонии еще много-много раз,— подумала Бонни. И решила: — Нет, поеду-ка я в Беркли. Больше всего на свете мне хочется оказаться как можно дальше отсюда.

И как можно скорее,— мысленно добавила она. Если удастся, то прямо сегодня. Прямо сейчас».

Сунув руки в карманы пальто, Бонни поспешно вернулась с Стюарту Маккончи и Гиллу; они о чем-то разговаривали, а она стояла рядом и с интересом слушала.

Доктор Стокстилл с сомнением сказал калеке:

— А ты уверен, что он меня слышит? Передатчик точно дотягивается до спутника? — Он еще раз недоверчиво дотронулся до кнопки микрофона.

— Стопроцентной гарантии, что он вас слышит, я, конечно, дать не могу,— усмехнулся Хоппи.— Но я абсолютно уверен только в том, что перед вами пятисотваттный передатчик. По прежним понятиям это не больно-то много, но вполне достаточно для связи со спутником. Я связывался с ним неоднократно.— Он улыбнулся своей острой, напряженной улыбкой, а в умных серых глазах засверкали огоньки.— Так что давайте. Интересно, есть у него там, наверху, кушетка для психоанализа или нет? — С этими словами, калека рассмеялся.

Доктор Стокстилл заметил:

— Ничего, обойдемся и без кушетки.— Он нажал кнопку микрофона и произнес:

— Мистер Дэнджерфилд, с вами говорит врач — отсюда, снизу, из Уэст-Марино. Меня крайне беспокоит ваше состояние. Впрочем, как и всех остальных людей на планете. Вот я подумал, что, возможно, смог бы вам помочь.

— Скажите ему правду,— вмешался Хоппи.— Объясните, что вы — психоаналитик.

Доктор Стокстилл осторожно сказал в микрофон:

— Раньше я был психиатром и психоаналитиком. Теперь же, разумеется, я самый обычный практикующий врач. Вы меня слышите? — Но из динамика доносился лишь треск статики.— Нет, похоже, он меня не слышит,— разочарованно заметил он Хоппи.

— Для установления связи всегда требуется время,— пояснил Хоппи.— Попробуйте еще раз.— Он хихикнул.— Так вы, значит, считаете, будто проблемы у него в голове, да? Ипохондрия. А вы уверены? Впрочем, больше вам ничего не остается, поскольку если причина не этом, то вы все равно ничем не сможете ему помочь.

Доктор Стокстилл снова нажал кнопку микрофона и начал:

— Мистер Дэнджерфилд, с вами говорит Стокстилл из графства Марино, из Калифорнии. Я — врач...

Все это уже стало казаться абсолютно безнадежным. Зачем продолжать? Хотя, с другой стороны...

— Скажите ему насчет Блутгельда,— неожиданно посоветовал Хоппи.

— Хорошо,— кивнул Стокстилл.— Сейчас скажу.

— Можете назвать ему мое имя,— сказал Хоппи.— Скажите, что это я его прикончил. А хотите знать, доктор, как он вам на это ответит? — Тут калека внезапно переменился в лице и заговорил голосом Уолта Дэнджерфилда: — А знаете, друзья мои, мне только что сообщили очень, очень хорошую новость... думаю, вы все будете рады ее услышать. А заключается она вот в чем...— Калека замолчал, поскольку из динамика послышались какие-то звуки.

— ...слышите меня, доктор? Это Уолт Дэнджерфилд.

Доктор Стокстилл тут же отозвался:

— Слышу вас хорошо. Дэнджерфилд, я хотел расспросить вас о характере мучающих вас болей. У вас на спутнике есть бумажный пакет? Мы с вами попробуем провести небольшой курс лечения двуокисью углерода. Возьмите пакет и дуйте в него. Выдыхайте в него, а потом вдыхайте. Таким образом, вскоре вы будете дышать чистой двуокисью углерода. Вы меня понимаете? Сам по себе способ кажется довольно примитивным, однако основан на вполне серьезной научной базе. Видите ли, избыток кислорода дает толчок некоторым реакциям в промежуточном мозгу, из-за которых вегетативная нервная система попадает в порочный круг. Одним из симптомов гиперактивности вегетативной нервной системы является усиление перистальтики — вполне возможно, причиной вашего недуга является именно она. В медицине это называется тревожным симптомом.

Услышав это, калека только покачал головой, развернулся и отъехал в другой конец комнаты.

— Извините...— голос из динамика был едва слышен.— Я не совсем понял, доктор. Вы сказали — дышать в бумажный пакет? А полиэтиленовый подойдет? Я не задохнусь? — Тут голос Дэнджерфилда стал неуверенным, а затем последовал вопрос: — Скажите, а никак нельзя синтезировать фенобарбитал из тех препаратов, которые у меня имеются? Я мог бы продиктовать вам перечень, и, возможно...— Тут его голос совершенно заглушила статика. Когда снова стали различимы его слова, он говорил уже о чем-то другом. «Возможно,— подумал доктор Стокстилл,— он потихоньку теряет рассудок».

— Одиночество в космосе,— начал доктор,— оказывает разрушительное воздействие на мозг и со временем выливается в так называемую «космическую болезнь». Для нее характерно обусловленное невесомостью тревожное состояние, вызывающее реакции на соматическом уровне.— Говоря это, он вдруг понял, что делает все неправильно, что он уже проиграл. Калека отъехал подальше — ему, видимо, было просто противно слушать всю эту дребедень.

— Мистер Дэнджерфилд,— сказал Стокстилл,— я просто пытаюсь разорвать этот порочный круг, и возможно, углекислый газ поможет нам в этом. А когда нам удастся побороть напряжение, мы сможем начать собственно психотерапию, включая воспроизведение забытых, травмирующих вашу психику воспоминаний.

Диск-жокей сухо ответил:

— Видите ли, доктор, травмирующие мою психику воспоминания вовсе не забыты; я и посейчас все прекрасно помню. Не поверите, но я буквально окружен ими. Это своего рода клаустрофобия, и я переношу ее очень, очень плохо.

— Клаустрофобия,— сказал доктор Стокстилл,— представляет собой фобию, связанную с промежуточным мозгом, и является одной из форм нарушения пространственного восприятия. Более того, она связана с панической реакцией на реальную или воображаемую опасность. Словом, это подсознательное желание бежать от нее.

Дэнджерфилд спросил:

— Интересно, доктор, но куда же мне бежать? Давайте же будем реалистами. Как, во имя всего святого, может мне помочь психоанализ? Я болен, мне нужна операция, а не тот бред, который вы тут несете.

— А вы уверены,— спросил Стокстилл, чувствуя полную беспомощность и понимая, насколько глупо все происходящее.— Поймите, возможно, это займет некоторое время, но мы с вами по крайней мере уже установили первичный контакт. Вы знаете, что я пытаюсь вам помочь, а я знаю, что вы меня слушаете. «Надеюсь, вы меня действительно слушаете»,— сказал он про себя.— Таким образом, с моей точки зрения, мы уже кое-чего добились.

После этих слов он немного подождал. Но из динамика не доносилось ни звука.

— Алло, Дэнджерфилд! — сказал он в микрофон.

Тишина.

За его спиной калека заметил:

— Он либо отключился, либо спутник вышел из зоны приема. А вы и впрямь считаете, что можете ему помочь?

— Если честно, не знаю,— признался Стокстилл.— Но попробовать стоит.

— Если бы вы начали все это с год назад...

— Да кто же тогда мог предположить.

«Ведь тогда Дэнджерфилд для нас был чем-то самим собой разумеющимся — вроде солнца в небе,— вдруг осознал Стокстилл.— А сейчас, как верно заметил Хоппи, уже немного поздно».

— Может, завтра повезет,— сказал Хоппи, на губах которого змеилась едва заметная, почти что издевательская ухмылка. И все же Стокстилл подметил в ней какую-то глубокую печаль. То ли Хоппи жалел его самого, то ли ему было жаль затраченных впустую усилий. А может, он искренне сочувствовал человеку в пролетающем над их головами спутнике? Трудно сказать.

— Да, завтра продолжим,— сказал доктор.

В дверь постучали.

Хоппи сказал:

— Похоже, к нам делегация.— На его худом лице появилась широкая, довольная улыбка. Даже само лицо как будто раздалось вширь и потеплело.— Прошу прощения.— Он направил мобиль к двери, протянул манипулятор и открыл ее.

За дверью стояли Орион Строд, Эндрю Гилл, Кас Стоун, Бонни Келлер и миссис Толлмен. Они явно нервничали и вообще были не в своей тарелке.

— Харрингтон,— сказал Строд,— у нас для тебя кое-что есть. Этакий небольшой подарок.

— Отлично! — обернувшись к Стокстиллу, улыбнулся Хоппи.— Ну как, убедились? — сказал он доктору.— Я же говорил. Это их благодарность. Входите, входите. Я вас ждал.— Он пошире открыл дверь, и они прошли в хижину.

— Что вы тут делали? — спросила доктора Стокстилла Бонни, заметив его стоящим с микрофоном у передатчика.

— Пытался связаться с Дэнджерфилдом.

— Терапия? — спросила она.

— Да,— кивнул он.

— Похоже, не слишком удачно?

— Ничего, завтра попробую снова,— сказал Стокстилл.

Орион Строд, на мгновение забыв о цели их прихода, заметил Стокстиллу:

— Правильно, правильно, вы же были психиатром.

Хоппи нетерпеливо вмешался:

— Так что же мне тут принесли? — Он бросил взгляд на стоящего позади Строда Гилла и заметил коробку с сигаретами и ящик бренди.— Это все мне?

— Да,— ответил Гилл.— В знак нашей признательности.

Тут же и коробка, и ящик выскользнули из его рук. Эндрю, растерянно мигая, следил, как они подплыли по воздуху к Хоппи и медленно опустились на пол прямо перед мобилем. Калека тут же открыл и то, и другое манипуляторами.

— Э-э-э,— смущенно начал Строд,— мы еще хотели кое-что тебе сказать. Ничего, если прямо сейчас? — Он с опаской смотрел на Хоппи.

— Так, а что еще? — оторвался наконец от подарков Хоппи.— Что вы еще принесли, чтобы отплатить за услугу?

Бонни, наблюдающей за происходящим, пришло в голову, что она никогда не представляла, насколько же он все-таки ребенок. Просто маленький ребенок... Конечно, мы должны были принести намного больше, все подарки следовало красиво упако-вать, перевязать ленточками, и украсить веселыми открытками. *Его ни в коем случае нельзя было разочаровывать*,— вдруг осознала она.— Ведь от его настроения зависит наша жизнь».

— Так что, больше ничего нет? — раздраженно осведомился Хоппи.

— Сейчас пока, нет,— сказал Строд.— Но обязательно будет.— Он окинул взглядом остальных членов делегации.— *Настоящие* подарки, Хоппи, требуется тщательно подготовить. А это — только начало.

— Понятно,— отозвался калека. Но, похоже, не особенно поверил услышанному.

— Честно-честно, Хоппи,— поспешно сказал Строд.— Святая, истинная правда.

— Я не курю,— сказал Хоппи, разглядывая сигареты. Взяв пригоршню «ярлыков», он раздавил их в манипуляторе и ссыпал на пол.— От этого бывает рак.

— Ну, видишь ли,— начал Гилл,— это с одной стороны. А с другой...

Калека усмехнулся:

— Сдается мне, что это все, что вы собираетесь мне дать,— сказал он.

— Да нет же,— уверил его Строд.— Будет еще куча всего.

В хижине воцарилось молчание, нарушаемое лишь треском статических разрядов из динамика.

Из угла комнаты вверх поднялся какой-то предмет — большая лампа для передатчика,— поплыл по воздуху вперед, ударился об стену и громко взорвался, засыпав присутствующих осколками стекла.

— Да нет же,— передразнил Хоппи Строда его низким звучным голосом.— Будет еще куча всего.

Глава 15

Тридцать шесть часов Уолт Дэнджерфилд провалялся на койке в каком-то полубессознательном состоянии. Теперь он точно знал, что у него никакая не язва. Это был сердечный приступ, и, возможно, очень скоро он его убьет. Несмотря на все то, что говорил этот психоаналитик Стокстилл.

Передатчик спутника продолжал раз за разом транслировать легкую концертную музыку. Нежные звуки струн создавали иллюзию комфорта и довольства. У Дэнджерфилда не было сил даже подняться и пойти выключить музыку.

«Тоже мне, доктор выискался,— с горечью думал Уолт.— Не нашел ничего лучшего, как предложить бумажный пакет. Это было похоже на сон... едва слышный голос, исполненный такой уверенности в себе. И каково же оказалось разочарование».

Сообщения поступали со всего мира — по мере того, как спутник кружился вокруг него по орбите. Его записывающее оборудование ловило их и снова отправляло, но и только. Отвечать Дэнджерфилд больше не мог.

«Стало быть, надо сказать им,— подумал он.— Похоже, время пришло, время, которого мы ожидали, все мы, наконец пришло».

Он на четвереньках добрался до кресла перед микрофоном, кресла из которого он целых семь лет общался с родной планетой. Немного посидев и отдышавшись, Уолт включил один из маленьких магнитофонов, взял микрофон и принялся диктовать послание, которое, когда он наговорит его до конца, будет непрерывно транслироваться вместо концертной музыки.

— Друзья мои, с вами говорит Уолт Дэнджерфилд. Хотелось бы поблагодарить всех вас за то чудесное время, которое мы с вами провели в разговорах. Это помогало нам чувствовать, что все мы вместе. Однако, боюсь, что эта моя хворь больше не позволит мне продолжать делать то, что я делал все эти годы. Поэтому с превеликим сожалением должен заявить, что разговариваю с вами в последний раз...— Он с трудом продолжал го-

ворить, аккуратно подбирая слова, стараясь, чтобы им, его слушателям, там, внизу, было не так горько. Тем не менее он сказал им правду. Он сказал, что ему, похоже, пришел конец и что теперь они должны найти какой-то другой способ общения друг с другом, научиться обходиться без него. Закончив, Уолт выключил микрофон и устало по давней привычке прокрутил записанное.

Но лента оказалась пуста. На ней не было абсолютно ничего, хотя он говорил около пятнадцати минут.

Очевидно, что-то случилось с оборудованием, но сейчас ему было все равно; он снова включил микрофон, перещелкнул несколько переключателей на пульте, на сей раз решив передать свое послание напрямую. А уже жители того района, на который велась передача, как-нибудь разнесут его послание дальше. Другого выхода он не видел.

— Друзья мои,— снова начал он.— Это Уолт Дэнджерфилд. У меня для вас плохие новости, но...— И только тут он понял, что говорит в мертвый микрофон. Динамик над головой молчал; значит, передача не велась. В противном случае он слышал бы собственный голос.

Сидя и пытаясь понять, в чем дело, он заметил кое-что еще, кое-что куда более странное и зловещее.

Вся окружающая его аппаратура работала. Причем, судя по всему, работала уже некоторое время. Высокоскоростные магнитофоны, которыми он никогда не пользовался, теперь бешено крутились — в первый раз за семь лет. Уставясь на них, Уолт заметил, как щелкнули реле, один магнитофон замер, зато заработал другой, только уже на обычной скорости.

«Ничего не понимаю,— сказал он себе.— *Что происходит?*»

Очевидно, системы принимали сигнал на высокой скорости, а теперь один из них начал воспроизводить записанное. Но кто все это запустил? Только не он. Приборы показывали, что передатчик спутника включен, идет трансляция. В тот момент, когда он понял, что информация, уловленная и записанная, теперь транслируется, динамик над его головой ожил.

— Так, так, так,— с усмешкой произнес голос — его собственный голос.— С вами снова ваш старый приятель, Уолт Дэнджерфилд. Прошу прощения за эту концертную музыку, обещаю, такого больше не повторится.

«Когда же я говорил такое?» — недоуменно спросил он себя, оцепенев в кресле и растерянно слушая. Он был потрясен и озадачен. Голос был так похож на его собственный, так жизнерадостен. «Разве я мог бы сейчас так говорить? Так бодро го-

ворить я мог разве что много лет назад, когда еще был здоров и *она* еще была жива».

— Короче,— продолжал голос,— то легкое недомогание, о котором я вам говорил... видно, в кухонном шкафу завелась прожорливая мышь. Думаю, вы умерли бы со смеху, представляя, как Уолт Дэнджерфилд со шваброй гоняется по спутнику за мышью, но примерно так все и было. Короче говоря, часть моих запасов оказалась испорченной, а я и не заметил... во всяком случае, брюхо мне прихватило. Однако,— тут он услышал свой собственный знаменитый смешок,— я уже в полном порядке. Знаю, вы будете рады услышать это, все вы — те, кто нашел возможность прислать мне пожелания выздоровления. Я очень вам благодарен за это.

Поднявшись с кресла перед микрофоном, Уолт Дэнджерфилд с трудом доплелся до койки, улегся, закрыл глаза и снова принялся размышлять об этой боли в груди и о том, что же она означает. «При стенокардии,— думал он,— боль такая, будто на грудь давит огромный кулак. У меня же боль скорее острая. Если бы я мог сейчас еще раз проглядеть те медицинские микрофильмы... возможно, я просто пропустил что-то важное. Например, боль сосредоточена непосредственно за грудиной, а не левее. Что это может означать?

А может, ничего страшного и нет? — подумал Дэнджерфилд, снова поднимаясь с койки.— Может, Стокстилл, этот психиатр, который советовал дышать углекислым газом, прав? Может, причина действительно кроется в психике. Сказались столько лет одиночества?

Впрочем, нет, не похоже. Уж слишком эта боль реальна».

В болезни его удивляла еще одна вещь. Поскольку, несмотря на все усилия понять, чем подобное может быть вызвано, Уолт так и не пришел ни к какому выводу. Дэнджерфилд даже не удосужился сказать об этом нескольким врачам, с которыми консультировался. А теперь было уже слишком поздно, поскольку он был так болен, что был не в состоянии управляться с передатчиком.

А странность эта заключалась в том, что боль всегда усиливалась именно тогда, когда спутник пролетал над Северной Калифорнией.

Среди ночи Эдди Келлер неожиданно разбудило возбужденное бормотание Билла.

— Чего тебе? — сонно спросила сестра, пытаясь понять, что брат там такое лопочет. Она села на кровати, протирая глаза, а тем временем бормотание перешло в настоящий визг.

— Хоппи Харрингтон! — буквально вопил внутри нее Билл.— Он захватил спутник! Хоппи захватил спутник Дэнджерфилда! — Он возбужденно верещал, повторяя это снова и снова.

— А ты откуда знаешь?

— Потому что так говорит мистер Блутгельд. Он сейчас хоть и далеко внизу, но по-прежнему видит все, что происходит у нас наверху. Он о нас все знает. И ненавидит Хоппи, потому что тот его убил.

— А как там сам Дэнджерфилд? — спросила она.— Еще не умер?

— По крайней мере, внизу его нет,— после довольно продолжительной паузы ответил брат.— Похоже, пока нет.

— И кому я должна об этом рассказать? — спросила Эдди.— Насчет Хоппи и спутника?

— Расскажи маме,— посоветовал брат.— Лучше прямо сейчас.

Выбравшись из постели, Эди пересекла холл, подошла к двери спальни родителей, приоткрыла ее и позвала:

— Мама, мне надо тебе кое-что сказать...— и тут же осеклась, поскольку матери в спальне не было. В постели был только один человек — ее отец. А мать — девочка мгновенно это поняла — ушла и больше никогда не вернется.

— Где она? — спросил внутри нее Билл.— Я знаю, что ее здесь нет. Я всегда ее чувствую.

Эдди медленно прикрыла дверь спальни. «Что же мне делать?» — спросила она себя, и, оглушенная, поплелась обратно, дрожа от ночного холода.

— Да тише ты! — шикнула она на Билла, и его бормотание стало немного потише.

— Ты должна найти ее,— сказал Билл.

— Не могу,— отозвалась Эдди, поскольку знала, что это безнадежно.— Дай мне лучше подумать, как быть дальше,— наконец сказала она, возвращаясь в свою комнату, к халату и тапочкам.

Бонни заметила Элле Харди:

— Какой у вас уютный дом. И все же, оказавшись в Беркли после стольких лет, испытываешь какое-то странное чувство.— Она ощутила смертельную усталость.— У меня буквально слипаются глаза,— сказала Бонни.

Было два часа ночи. Взглянув на Гилла и Стюарта, она заметила:

— Ну и быстро же мы сюда добрались, верно? Даже еще год назад такое путешествие оказалось бы на три дня дольше.

— Точно,— подтвердил Гилл и зевнул. Он тоже выглядел усталым. Почти все дорогу он правил лошадьми, поскольку повозка принадлежала ему.

Мистер Харди сказал:

— Видите ли, миссис Келлер, обычно мы как раз в это время настраиваемся на спутник.

— Вот как,— сказала она. Ей было плевать на спутник, но, по-видимому, это было неизбежно — им просто из вежливости придется послушать хотя бы несколько минут.— Значит, вы здесь ловите передачи два раза в день.

— Да,— подтвердила миссис Харди.— И честно говоря, не жалеем о том, что слушаем эти поздние передачи. Хотя последние несколько недель...— она взмахнула рукой.— Думаю, вы и сами знаете — Дэнджерфилд серьезно болен.

Несколько мгновений все молчали.

Заговорил Харди:

— Как ни горько об этом говорить, мы уже пару дней не можем его поймать. Все время играет только классическая музыка, которая передается явно автоматически снова и снова...— Он обвел всех четверых взглядом.— Поэтому мы и возлагаем столько надежд на сегодняшний ночной сеанс.

Про себя Бонни подумала, что им завтра предстоит куча дел, и тем не менее он прав. «Мы должны потерпеть. Мы должны знать, что происходит на спутнике — слишком это важно для всех нас.— Бонни стало грустно.— Уолт Дэнджерфилд,— думала она,— неужели ты там умираешь совершенно один? А может, ты уже мертв, а мы об этом не знаем? Интересно, неужели музыка теперь будет передаваться вечно? — продолжала размышлять она.— По крайней мере до тех пор, пока спутник не упадет обратно на Землю, или его не унесет в пространство, или он не сгорит на Солнце?»

— Пожалуй, пора,— взглянув на часы, сказал Харди. Он подошел к приемнику и аккуратно включил его.— Уж очень долго эта штука нагревается,— пожаловался Харди.— По-моему, одна из ламп садится. Мы уже просили, чтобы из Ассоциации умельцев Западного Беркли прислали мастера, так они ответили, будто загружены по горло. Я бы и сам посмотрел, в чем дело, но...— Он виновато пожал плечами.— Прошлый раз, когда я пытался починить его, стало только хуже.

— Вы так до смерти напугаете мистера Гилла,— заметил Стюарт.

— Да нет,— возразил Гилл.— Я понимаю. У нас, в Уэст-Марино, то же самое. Приемниками занимаются только умельцы.

Обращаясь к Бонни, миссис Харди сказала:

— Стюарт говорит, будто вы здесь жили.

— Да, я некоторое время работала в радиационной лаборатории,— ответила Бонни. А потом университет направил меня в Ливермор. Но, конечно...— Она поколебалась.— Здесь все так изменилось. Сейчас Беркли просто не узнать. Пока ехали по городу, я не узнала почти ничего, кроме Сан-Пабло-авеню. Знаете, все эти магазинчики — они выглядят совсем новыми.

— Так оно и есть,— подтвердил Дин Харди. Из приемника послышался треск статики, и он приложил ухо к динамику.— Обычно мы принимаем передачи на частоте шестьсот сорок килогерц. Прошу прощения.— Он повернулся к ним спиной, внимательно вслушиваясь в треск.

— Зажгите лампу,— предложил Гилл.— При свете будет легче настраивать.

Бонни зажгла масляный светильник, про себя удивляясь, как это здесь, в относительно крупном городе, люди все еще зависят от такого примитивного осветительного прибора. Она-то была уверена, что тут уже давно восстановлено электроснабжение, во всяком случае частично. «А ведь в некоторых отношениях,— осознала она,— они отстали даже от Уэст-Марино. Если же взять Болинас...»

— Ага,— вдруг произнес мистер Харди, прерывая поток ее мыслей.— Кажется, я его поймал. И это вовсе не музыка.— Он буквально сиял.

— Наконец-то,— обрадовалась миссис Харди.— Только бы ему стало получше.— Она тревожно стиснула руки.

Из динамика донесся такой знакомый, непринужденный, дружелюбный голос:

— Эй вы, ночные люди, там, внизу подо мной. Как вы думаете, кто это говорит вам привет, привет и еще раз привет, а? — Дэнджерфилд рассмеялся.— Верно, друзья, я снова на ногах, жив и здоров, и вам того же желаю. Как раз сейчас как бешеный нажимаю все эти разные кнопки, верчу ручки и все такое прочее.— В голосе его слышалась теплота, и у людей, окружающих Бонни, лица тоже посветлели, на них появились улыбки удовольствия от услышанного. В такт словам Дэнджерфилда люди медленно кивали.

— Слышали, что он сказал? — спросила Элла Харди.— Говорит, будто, мол, ему получше. Да и по разговору слышно, что так оно и есть. Сразу ясно по голосу.

— Так-так-так,— протянул Дэнджерфилд.— А теперь давайте посмотрим, какие у нас новости. Может, слышали о враге общества номер один, физике, которого мы все очень хорошо помним? Нашем старом приятеле докторе Блутгельде — или, может, лучше сказать докторе Смерть? Как бы то ни было, думаю, вы все уже знаете, что доктора Смерть с нами больше нет. Да-да, так оно и есть.

— Точно, ходили такие слухи,— взволнованно кивнул мистер Харди.— Один торговец, который прилетал сюда на аэростате из графства...

— Тссс! — прервала его Элла Харди, прислушиваясь.

— Уж поверьте мне,— продолжал Дэнджерфилд.— Некто в Северной Калифорнии разобрался с доктором С. Окончательно разобрался. И все мы сильно обязаны этому некто — обязаны по гроб жизни,— поскольку, вы только представьте себе, друзья, этот некто — инвалид. И тем не менее ему удалось то, что до сих пор не удавалось никому.— Теперь голос Дэнджерфилда был тверд и суров. Таким они его еще никогда не слышали. Слушатели недоуменно переглянулись.— Я говорю о Хоппи Харрингтоне, друзья мои. Как, разве вам не знакомо это имя? Очень жаль, поскольку, если бы не Хоппи, никого из вас уже не было бы в живых.

Харди, нахмурившись и потирая подбородок, вопросительно взглянул на Эллу.

— Этот Хоппи Харрингтон,— продолжал Дэнджерфилд.— Он достал доктора С. на расстоянии в добрых четыре мили, причем запросто. Вам наверняка покажется невероятным, что человек может дотянуться до другого человека и разделаться с ним на расстоянии в четыре мили, верно ведь, ребята? Ведь это о-о-очень длинные руки, разве не так? Причем очень сильные руки, да? Ладно, тогда открою вам еще одну, еще более страшную тайну.— Голос стал доверительным, он упал едва ли не до задушевного полушепота.— У Хоппи *вообще* нет ни рук, ни ног.— Тут Дэнджерфилд замолчал.

Бонни негромко заметила:

— Эндрю, скажи, это же он, да?

Обернувшись к ней, Гилл ответил:

— Конечно, дорогая. Думаю, да.

— О ком вы? — спросил Стюарт Маккончи.

Тут снова зазвучал голос из динамика. Теперь он был гораздо спокойней, но в то же время и куда более мрачней. Он стал ледяным и каким-то пустым.

— Была сделана попытка отблагодарить мистера Харрингтона за подвиг. Правда, не слишком щедро. Пригоршня сигарет и несколько бутылок паршивого виски — если это вообще можно назвать «благодарностью». Ну, и еще несколько сбивчивых фраз, произнесенных дешевым местным политиканом. Вот и все — и это в благодарность человеку, который спас всех нас. Думаю, они решили...

Элла Харди заметила:

— Нет, это не Дэнджерфилд.

Обращаясь к Гиллу и Бонни, мистер Харди спросил:

— Кто это? Скажите же?

Бонни ответила:

— Это — Хоппи.— Гилл согласно кивнул.

— Неужели он там,— спросил Стюарт.— На спутнике?

— Не знаю,— ответила Бонни. Да и какое это имело значение? — Он взял его под свой контроль — вот что важно. «А мы-то думали, будто, уехав в Беркли, избавимся от всех проблем,— подумала она.— И что избавимся от Хоппи».— Впрочем, это меня ничуть не удивляет,— сказала она вслух.— Он готовился к этому очень давно.

— Впрочем, хватит об этом,— уже значительно более веселым тоном заявил голос из приемника.— Вы еще услышите о человеке, спасшем всех нас — я буду держать вас в курсе... старина Уолт никогда ничего не забывает. Ладно, а теперь давайте послушаем музыку. Как вы насчет настоящего кантри на пятиструнном банджо, а, ребята? Самое настоящее старинное американское кантри! «На ферме Пенни» в исполнении Пита Сигера, величайшего из исполнителей народных песен.

Последовала пауза, а потом из динамика полились звуки симфонической музыки.

Бонни задумчиво заметила:

— Видно, у Хоппи получилось не все. Остались какие-то цепи, которые он пока не контролирует.

Симфоническая музыка внезапно оборвалась. Снова наступила тишина, а потом в эфир полетело что-то, воспроизведенное на повышенной скорости. Писк и чириканье продолжались недолго и почти сразу прекратились. Бонни невольно улыбнулась. После этого наконец раздались звуки пятиструнного банджо.

Тяжело нынче в деревне,
Тяжело на ферме Пенни.

После вступительных аккордов банджо послышался простодушный тенор. Все пятеро по давней привычке внимательно слушали. Ведь они на протяжении целых семи лет зависели исключительно от передач Дэнджерфилда, они осознали это — радио стало буквально частью их естества, их привычной реакцией. И все же... Бонни чувствовала, что окружающие ее люди испытывают чувство стыда и отчаяния. Никто из присутствующих до конца не понимал, что же именно произошло, лично же она ощущала лишь жалость к ним. Они снова получили своего Дэнджерфилда, и в то же время — нет; они получили лишь видимость, оболочку, но чем же это являлось по сути? Чем-то вроде какой-то нежити, призрака — оно не было живым, не было осязаемым. Его можно было слышать, и тем не менее оно было пустым и мертвым. Оно обладало особенным качеством, как будто ледяной холод и одиночество объединились, чтобы заключить человека на спутнике в какой-то новый кокон. Оболочку, которая подгоняла живого человека под себя и постепенно убивала его.

«Медленное убийство, постепенное уничтожение Дэнджерфилда,— размышляла Бонни,— было явно намеренным, и совершалось оно... нет, не из космоса, не откуда-то там, неизвестно откуда — нет, оно планомерно проводилось отсюда, снизу, с его родной планеты. Дэнджерфилд умер не от долгих лет одиночества; его сгубило планомерное воздействие с поверхности того самого мира, который он так старался объединить. Если бы Дэнджерфилд был в состоянии плюнуть на нас,— размышляла она,— сейчас он был бы жив. Именно в то время, когда он слушал нас, принимал наши послания, его убивали, а он и понятия об этом не имел.

Впрочем, скорее всего, он и сейчас об этом понятия не имеет,— решила она.— Скорее всего, все происходящее просто совершенно сбивает его с толку, если он только мало-мальски способен воспринимать окружающее».

— Это просто ужасно,— уныло заметил Гилл.

— Да, ужасно,— согласилась Бонни.— Но неизбежно. Уж слишком он был уязвим там, у себя на спутнике. Если бы этого не сделал Хоппи, то рано или поздно обязательно нашелся бы еще кто-нибудь.

— И что же нам делать? — спросил мистер Харди.— Если уж вы так уверены в этом, то, может, нам лучше...

— Ну, конечно же,— сказала Бонни,— мы уверены. Сомнений нет. А вы считаете, что мы должны послать к нему делега-

цию и попросить его прекратить все это? Интересно, как бы он отреагировал на это.

«Насколько близко мы вообще смогли бы подойти к этой его до боли знакомой хижине, прежде чем он бы нас уничтожил. Возможно, мы и сейчас находимся чересчур близко — даже сидя в этой комнате,— подумалось ей.— Нет,— продолжала размышлять Бонни,— ни за что на свете не стала бы к нему приближаться. Более того, по-моему, самое разумное — бежать куда глаза глядят. Попробую уговорить Гилла, а если он не согласится, то — Стюарта, а не его, так еще кого-нибудь. Главное — не останавливаться, не оставаться подолгу на одном месте, и тогда, возможно, Хоппи меня не достанет. Сейчас я просто слишком испугана, и мне нет дела до остальных. Сейчас меня заботит лишь моя собственная участь».

— Послушай, Энди,— вслух сказала она.— Я хочу уехать.

— Хочешь сказать, из Беркли?

— Да,— кивнула она.— Вниз по побережью до Лос-Анджелеса. Я уверена, мы справимся. Мы доберемся дотуда, и будем в безопасности. Это точно.

Гилл ответил:

— Но я просто не могу уехать, дорогая. Мне нужно вернуться в Уэст-Марино. У меня же бизнес, и я не могу его так запросто бросить.

Бонни удивилась:

— Ты собираешься обратно в Уэст-Марино?

— Разумеется. А что? Не можем же мы все бросить только потому, что Хоппи выкинул дурацкую шутку. Нет, просто глупо требовать от нас такого. Думаю, и сам Хоппи такого бы не потребовал.

— Так еще потребует,— возразила она.— Со временем он потребует всего. Я точно знаю, я просто предвижу это.

— Тогда дождемся этого,— сказал Гилл.— А пока будем заниматься своим делом.— Обернувшись к Харди и Стюарту Маккончи, он сказал: — Все, больше нет сил. Поверьте, завтра нам есть что обсудить.— Эндрю встал.— Может, все еще и образуется. Не следует впадать в отчаяние.— С этими словами, он хлопнул Стюарта по плечу.— Верно я говорю, а?

Стюарт ответил:

— Однажды мне уже довелось прятаться в подвале. Неужели снова придется пережить такое? — Он обвел взглядом присутствующих, дожидаясь ответа.

— Да,— сказала Бонни.

— Тогда я готов,— сказал он.— Но в тот раз я все же выбрался из подвала — я не остался там. И смогу выбраться еще раз.— Он тоже встал.— Гилл, можете переночевать в моей комнате. А вы, Бонни, оставайтесь с Харди.

— Да,— кивнула Элла Харди.— У нас для вас найдется местечко, миссис Келлер. А со временем найдем что-нибудь более подходящее.

— Отлично,— машинально откликнулась Бонни.— Просто прекрасно.— Она потерла глаза. «Да, хорошо бы как следует выспаться,— подумалось ей.— Это бы очень помогло. А что потом? Поживем — увидим.

«Если только,— вдруг пришло ей в голову,— доживем до завтра».

Неожиданно Гилл спросил:

— Слушай, Бонни, а тебе трудно было поверить в эту историю с Хоппи? Или ты поверила сразу? Неужели ты так хорошо его знаешь? До конца понимаешь его?

— Мне кажется,— сказала она,— с его стороны это очень смелый поступок. Но именно этого и следовало от него ожидать. Теперь он дотянулся туда, куда не смог дотянуться ни один из нас. Как он сам выразился, у него теперь длинные, очень длинные руки. Он полностью компенсировал свою физическую неполноценность. Остается только восхищаться им.

— Верно,— кивнул Гилл.— Я и восхищаюсь. Да еще как.

— Если бы я была полностью уверена, что он этим и удовольствуется,— продолжала Бонни,— я бы так не боялась.

— Кого мне по-настоящему жаль,— сказал Гилл,— так это Дэнджерфилда. Только представьте, лежит там на своей койке без сил, больной, и только и может, что слушать.

Она кивнула, но постаралась не думать о Дэнджерфилде. Это было просто невыносимо.

Эдди Келлер в халате и тапочках спешила по тропинке к хибаре Хоппи Харрингтона.

— Скорее,— сказал внутри нее Билл.— Они говорят, что он знает о нас; мол, мы в опасности. Если бы нам удалось подобраться к нему поближе, я бы сымитировал кого-нибудь из мертвых, кто напугал бы его, потому что он боится мертвецов. Мистер Блейн говорит — это потому, что мертвецы для него вроде отцов, множества отцов, и...

— Тихо,— оборвала его Эдди.— Дай подумать.— В темноте она сбилась с пути и теперь не могла отыскать тропинку через

дубовую рощу. Девочка остановилась, тяжело дыша от быстрой ходьбы, и попыталась сориентироваться по тусклому лунному серпу над головой.

«Кажется, тропинка правее,— подумала она.— Ниже по склону. Главное — не упасть, иначе он услышит шум — ведь у него очень-очень хороший слух, он слышит почти что все». Она стала красться дальше, затаив дыхание.

— Я тут приготовил отличную имитацию,— забубнил Билл, которому никак было не успокоиться.— Все будет примерно так: когда я окажусь поблизости от него, я свяжусь с кем-нибудь из мертвых, и, скорее всего, тебе не понравится, поскольку это... ну... немного противно. Но не бойся, это всего лишь на несколько минут, а потом мертвые смогут говорить с ним прямо через тебя. Как считаешь, нормально получится? Ведь стоит ему услышать...

— Да, нормально,— ответила Эдди,— если только недолго.

— Слушай. А знаешь, что они говорят? Они говорят: «За свои прегрешения кое-кто получил хороший урок. Именно так Господь заставляет нас понять, в чем мы грешны». А знаешь, кто это сказал? Это священник, который читал проповеди, когда Хоппи был малышом и отец носил его в церковь на спине. Он обязательно вспомнит это, несмотря на то что прошло много-много лет. Это был самый ужасный момент в его жизни, и знаешь почему? Потому что это священник заставил всех прихожан в церкви посмотреть на Хоппи, а это было неправильно, и отец Хоппи больше никогда в церковь не приходил. Тем не менее именно поэтому Хоппи теперь такой, какой он есть — все из-за этого священника. Поэтому-то он его так и боится и, услышав его голос снова...

— Заткнись,— в отчаянии рявкнула Эди. Сейчас они были наверху холма, под которым ютился домишко Хоппи — девочка видела свет в окнах.— Прошу тебя, Билл. Пожалуйста.

— Но ведь должен же я объяснить тебе,— продолжал настаивать Билл.— Когда я...

Он смолк. Теперь Эдди ничего внутри себя больше не слышала. Лишь ощущала пустоту.

— Билл! — позвала она.

Он исчез.

И в этот момент прямо перед ней в тусклом свете луны появилось нечто.

Оно вспорхнуло откуда-то из-под ног, длинные седые волосы струились позади, подобно хвосту. Оно взмыло в воздух и завис-

ло на уровне ее лица. Неведомое существо представляло собой маленькую круглую голову размером с бейсбольный мяч с крошечными безжизненными глазами и огромным зияющим ртом. Изо рта донесся какой-то писк, а потом странный шарик снова рванулся вверх, как будто окончательно вырвавшись на свободу. Девочка следила за тем, как он поднимается все выше и выше, над верхушками деревьев, паря в воздухе, доселе ему незнакомом.

— Билл,— сказала Эдди,— да ведь он же вытащил тебя из меня. Он вытащил тебя наружу. «И ты покидаешь меня,— вдруг осознала она.— это Хоппи заставляет тебя улететь».

— Вернись! — воскликнула девочка, хотя это не имело большого значения, поскольку он просто не мог жить вне ее тела. Это-то уж она точно знала. Ведь именно так сказал доктор Стокстилл. Билл не мог родиться, Хоппи слышал это и заставил его появиться на свет, зная, что это наверняка убьет его.

«Значит, тебе так и не удастся создать свою имитацию,— осознала девочка.— Говорила же я, веди себя тихо, а ты все взбрыкивал».

Прищурившись, она увидела — или ей показалось, что увидела где-то над головой — крошечный круглый объект, за которым струился хвост волос... но вскоре он исчез в темноте неба.

Она осталась одна.

«Зачем же идти еще куда-то? Все кончено». Эди развернулась и, опустив голову, поплелась обратно вверх по склону с закрытыми глазами — назад, домой, в постель. У нее немного болел живот. Расставание с братом не прошло даром. «Если бы только вел себя потише,— думала девочка.— Говорила же я тебе, ведь говорила».

Она потащилась дальше.

Плавая в атмосфере, Билл почти ничего не видел, почти ничего не слышал, лишь чувствовал, как где-то внизу шевелятся животные и ветви деревьев. Он ощущал оказываемое на него давление, какая-то сила поднимала его, но помнил и подготовленную имитацию и воспроизвел ее. В холодном воздухе его голос звучал пискляво, но, услышав его, Билл поправился и воскликнул:

— За свои прегрешения кое-кто получил хороший урок,— изо всех сил возопил он, и собственный голос эхом отдался в его ушах, да так громко, что он пришел в восторг.

Давление на него ослабло, он взмыл вверх, наслаждаясь полетом, затем нырнул вниз. Теперь он пикировал вниз и только у самой земли метнулся в сторону и полетел, направляемый живой силой внутри себя, до тех пор пока не завис над хижиной Хоппи Харрингтона.

— Такова воля Божья! — прокричал он своим тонким, едва слышным голоском.— Любому понятно, что настало время положить конец испытаниям ядерных бомб. Призываю всех написать письма президенту Джонсону! — Он понятия не имел, кто такой президент Джонсон. Наверное, кто-то из живых. Билл огляделся, но президента не увидел. Он увидел вокруг лишь дубовые рощи да животных, увидел птицу с мощным клювом, которая бесшумно планировала над землей, выискивая добычу. И, когда она, развернувшись, направилась в его сторону, Билл в ужасе вскрикнул.

Птица в ответ издала какой-то ужасный звук, в котором слышались лишь голод и алчность.

— Слышите, вы! — снова воскликнул Билл, парящий в темном холодном воздухе.— Вы все должны отправить письма протеста!

Светящиеся глаза птицы все то время, что они порхали над верхушками деревьев в неярком свете луны, неотступно следили за Биллом. Наконец сова все же настигла его и в мгновение ока раздавила клювом.

Глава 16

Он снова был внутри кого-то. Он больше ничего не видел и не слышал — чувства появились лишь ненадолго, а потом снова исчезли. Сова, ухая, полетела дальше. Билл Келлер сказал птице:

— Ты меня слышишь?

«Может, и слышит, а может, и нет — ведь это всего-навсего сова. В отличие от Эдди, она совершенно безмозглая. Да, совершенно другое дело. Интересно, а смогу ли я жить в тебе? — задал он вопрос, оказавшись где-то внутри нее, черт знает где...— Ты же ведь летаешь где хочешь, у тебя свои маршруты».

Внутри совы вместе с ним плавали мертвая мышь, и еще какое-то существо, достаточно крупное, чтобы продолжать бороться за жизнь. «Ниже»,— велел он сове. Глазами птицы Билл Келлер видел дубы, причем видел все ярко, как при свете дня. Миллионы объектов были совершенно неподвижны, но вскоре он заметил один, который двигался — это явно было живое су-

щество, и сова тут же направилась в его сторону. Однако ползучее существо, явно ничего не подозревая, продолжало ползти и в конце концов выбралось на открытое место. Мгновением позже его проглотили. Сова полетела дальше. «Господи,— подумал Билл.— Неужели будут еще жертвы? Ведь это продолжается все ночи напролет, снова и снова, а потом купание под дождем, если он идет, а потом — продолжительный, глубокий сон. Неужели в этом и состоит счастье?»

Он сказал:

— Фергюсон не разрешает своим сотрудникам пить; это против его правил, верно? — А потом добавил: — Хоппи, а откуда исходит свет? От Бога? Ну, то есть, я имею в виду, от библейского Господа. Так это правда?

Сова в ответ лишь в очередной раз ухнула.

— Хоппи,— окликнул он снова,— в тот раз ты сказал, что кругом темно. Это действительно так? Неужели там совсем нет света?

Тысячи мертвых внутри него взывали ко вниманию. Он послушал их, кое-кого попросил повторить, наконец отобрал нужного.

— Ах ты, грязный маленький урод! — сказал Билл.— Послушай. Оставайся здесь, мы сейчас гораздо ниже уровня земли. А ну стой, придурок, где стоишь! Сейчас я поднимусь наверх и приведу сюда тех, кто остался наверху. А ты пока расчисть-ка тут побольше места, чтобы им было где расположиться.

Перепуганная сова взмыла вверх, поднимаясь все выше и выше в надежде избавиться от него. Но Билл Келлер продолжал свое дело, выслушивая, выбирая и снова слушая.

— Оставайся здесь,— повторил он. Внизу снова показались огни жилища Хоппи — сова описала круг, вернувшись на прежнее место, поскольку оказалась не в силах улететь. Это он заставил ее вернуться туда, куда ему было нужно. Билл подводил ее все ближе и ближе к хибаре Хоппи.— А ну, стой, придурок,— сказал он.— Стой, где стоишь.

Сова спустилась ниже, отчаянно ухая от буквально сжигающего ее желания улететь прочь. Но она попалась и сознавала это. Она ненавидела его.

— Президент должен внять нашим призывам,— сказал Билл.— Пока еще не поздно.

Неимоверным усилием сове все же удалось выполнить нужную операцию — она отрыгнула его, и он устремился к земле, пытаясь уловить направление воздушных потоков. Через несколько мгновений он грохнулся на землю в траву и, жалобно пища,

покатился в сторону, до тех пор, пока не оказался в какой-то ложбинке.

Избавленная от его присутствия сова взмахнула крыльями и растворилась в небе.

— Да будет свидетелем тому сострадание человеческое,— произнес он, лежа в своем укрытии — теперь голос священника произносил слова, сказанные много лет назад.— Сие — наших рук дело; вот плоды безрассудства человеческого.

В отсутствие совиных глаз, он видел окружающее очень смутно. Казалось, что свет погас, и его окружают лишь какие-то мутные тени. Это были деревья.

Кроме того, на фоне ночного неба он с трудом различил очертания хибары Хоппи. Она была совсем рядом.

— Впусти меня обратно,— шевельнув губами, сказал Билл. Он покатался по ложбинке, шурша палыми листьями.— Я хочу обратно.

Рядом послышался шорох — это какое-то ночное животное, услышав его, поспешило прочь.

— Хочу назад-назад-назад,— пропищал Билл.— Снаружи я долго не смогу. Я умру. Эдди, где ты? — Он не чувствовал ее присутствия, а чувствовал лишь близость калеки, сидящего у себя дома.

И Билл, изо всех сил покатился к хижине.

Рано утром доктор Стокстилл подошел к обитому рубероидом жилищу Хоппи Харрингтона с тем, чтобы предпринять четвертую попытку помочь Уолту Дэнджерфилду. Он еще издали услышал гудение работающего передатчика, в доме мелькали огни. Озадаченный, он постучался.

Дверь открылась, за ней сидел Хоппи Харрингтон собственной персоной. Хоппи окинул доктора взглядом, причем как-то странно: опасливо и настороженно.

— Хочу попробовать еще раз,— сказал Стокстилл, зная, что усилия тщетны, но не желая опускать руки.— Ты как, не против?

— Конечно, нет, сэр,— отозвался Хоппи.— Пожалуйста.

— Дэнджерфилд все еще жив?

— Да, сэр. Если бы он умер, я бы об этом узнал.— Хоппи отъехал в сторону, чтобы дать ему пройти.— Он все еще там, наверху.

— А что случилось? — осведомился Стокстилл.— Похоже, ты всю ночь глаз не сомкнул.

— Ага,— ответил Хоппи.— Овладевал всякой всячиной.— Он нахмурился и медленно двинул мобиль вперед.— Оказывается, это нелегко,— заметил он, явно погрузившись в собственные мысли.

— Сейчас, по здравом размышлении, я понимаю, что идея насчет лечения углекислотой была ошибочной,— заметил Стокстилл, усаживаясь перед микрофоном.— На сей раз, если удастся связаться со спутником, попробую метод спонтанных ассоциаций.

Калека продолжал кружить по комнате, наконец его мобиль уткнулся в край стола.

— Извините, я случайно. Не хотел вам мешать.

Стокстилл заметил:

— Ты какой-то не такой.

— Нет, я все такой же. Я прежний Билл Келлер,— сказал калека.— Просто не Хоппи Харрингтон.— Он вытянул один из своих манипуляторов, указывая куда-то в угол комнаты.— Хоппи вон там и теперь всегда там будет.

В углу лежал сморщенный комок, больше всего похожий на пончик диаметром в несколько дюймов.

Его рот был разинут в застывшей улыбке. В этом странном объекте проглядывало нечто человеческое, и Стокстилл, подойдя, поднял его с пола.

— Раньше это был я,— сказал калека.— Но вчера вечером мне удалось подобраться достаточно близко для того, чтобы переселиться. Он пытался сопротивляться, но был слишком испуган, вот я и победил. Я показывал ему одну имитацию за другой. И слова священника прикончили его.

Стокстилл, разглядывая сморщенного маленького гомункулуса, промолчал.

— Вы, случайно, не знаете, как обращаться с передатчиком? — наконец спросил калека.— А то я так ничего и не понял. Пробовал, только ничего не получается. Только и научился, что зажигать огоньки — они то загораются, то гаснут. Всю ночь этим занимался.— В подтверждение своих слов он подъехал к стене и принялся манипулятором перещелкивать тумблеры.

Через некоторое время Стокстилл, все еще глядя на мертвое крошечное существо на ладони, медленно произнес:

— Я так и знал, что оно нежизнеспособно.

— Нет, некоторое время он жил,— сказал калека.— Примерно с час. Неплохо, верно? И часть этого времени он был совой — правда я не знаю, имеет ли это какое-нибудь значение.

— Я... я, наверное, лучше попробую связаться с Дэнджерфилдом,— наконец выдавил Стокстилл.— Ведь он может умереть в любой момент.

— Точно,— кивнул калека.— Хотите, я его возьму? — Он протянул манипулятор, и Стокстилл отдал ему гомункулуса.— Эта сова проглотила меня,— пожаловался калека.— Не больно-то приятно. Правда, глаза у нее были отличные. Через них смотреть — одно удовольствие.

— Да,— задумчиво подтвердил Стокстилл.— У сов просто превосходное зрение, так что остается тебе только завидовать.— То, что он еще мгновение назад держал в руке, казалось ему вещью совершенно невероятной. И в то же время ничего странного тут не было: калека переместил Билла всего на несколько дюймов — этого оказалось вполне достаточно. Сущий пустяк по сравнению с тем, что он проделал с доктором Блутгельдом. Очевидно, сразу после этого Хоппи потерял Билла, поскольку тот, оказавшись вне тела сестры, стал последовательно переселяться из одного тела в другое. А в конце концов нашел самого Хоппи и переселился в него — а того переместил в собственное тело.

Правда, обмен оказался неравноценным, причем проиграл Хоппи Харрингтон. Тело, полученное им в обмен на свое собственное, протянуло в лучшем случае несколько минут.

— А вы знаете...— то и дело запинаясь, как будто еще не совсем освоившись со своим новым телом, спросил Билл Келлер.— Знаете, что Хоппи некоторое время управлял спутником? Все были этим ужасно взволнованы, разбудили меня среди ночи, чтобы рассказать об этом, а я разбудил Эдди. Вот так я сюда и попал,— добавил он, глядя на Стокстилла невинным взглядом.

— И что же ты теперь намерен делать? — спросил Стокстилл.

— Первым делом нужно привыкнуть к новому телу, а оно очень тяжелое,— сказал калека.— Я чувствую, как меня тянет к земле, а ведь до этого я все время свободно плавал. А знаете что? По-моему, эти манипуляторы — отличная штука. Я уже научился делать ими кучу вещей.— Манипулятор метнулся вперед, коснулся картинки на стене, потом метнулся в сторону передатчика.— Мне нужно поехать отыскать Эдди,— продолжал калека.— Нужно сказать ей, что со мной все в порядке, а то она небось думает, я мертв.

Повернувшись к микрофону, Стокстилл произнес:

— Уолтер Дэнджерфилд, это доктор Стокстилл из Уэст-Марино. Вы меня слышите? Если слышите, то ответьте. Я бы хотел

продолжить лечение, которое мы с вами начали вчера.— Он немного помолчал, затем повторил то же самое.

— Придется попробовать несколько раз,— заметил за его спиной калека.— Думаю, вам будет нелегко, поскольку Уолт очень слаб. Скорее всего, он не может подняться с постели и не понял, что произошло, когда Хоппи овладел спутником.

Кивнув, Стокстилл снова нажал кнопку микрофона и повторил все еще раз.

— Я вам не нужен? — спросил Билл Келлер.— Можно я пойду поищу Эдди?

— Конечно,— откликнулся Стокстилл. Потирая лоб, он наконец собрался с мыслями и добавил: — Только будь осторожен... вполне возможно, что больше тебе переселиться не удастся.

— А я и не собираюсь,— сказал Билл.— Меня это вполне устраивает, потому что здесь теперь никого нет, кроме меня.— И добавил для ясности: — То есть, хочу сказать, я тут совсем один. Я больше не часть кого-то другого. Конечно, я и раньше переселялся в другие тела, но первый раз это оказалась какая-то слепая тварь — тогда Эдди перехитрила меня,— но мне это нисколечко не понравилось. Здесь, в этом теле совсем другое дело.— Худое лицо калеки озарила улыбка.

— Просто будь осторожнее,— повторил Стокстилл.

— Конечно, сэр,— послушно ответил калека.— Постараюсь. Мне уже и так не повезло с совой, но я не́ виноват — я вовсе не хотел, чтобы меня проглотили. Это была идея совы.

«Зато последняя идея была твоей собственной,— подумал доктор Стокстилл.— Это чувствуется. И это очень важно». А в микрофон повторил:

— Уолт, это доктор Стокстилл, снизу, из графства Уэст-Марино. Я все еще пытаюсь связаться с вами. Надеюсь, что, если вы будете следовать моим советам, мы сможем справиться с вашим недомоганием. Хотелось бы сегодня попробовать спонтанные ассоциации с тем, чтобы выявить глубинные корни вашего напряжения. В любом случае вреда это вам не причинит. Думаю, так вам будет спокойнее.

Из динамика доносился лишь треск статики.

«Неужели безнадежно? — подумал Стокстилл.— Может, не стоит и продолжать?»

Тем не менее он еще раз нажал кнопку микрофона и начал снова:

— Уолтер, тот, кто перехватил у вас управление спутником... так вот, теперь он мертв, так что пусть вас это больше не

беспокоит. Когда вы достаточно окрепнете, я расскажу вам обо всем подробнее. Идет? Вы согласны?

Он прислушался. Нет ничего. Одни статические разряды.

Калека, тем временем разъезжавший по комнате, подобно большому, попавшему в замкнутое пространство жуку, вдруг спросил:

— Как вы думаете, а теперь мне можно будет ходить в школу?

— Да,— пробормотал Стокстилл.

— Но я и так уже много чего знаю,— похвастался Билл.— Я слышал все это от Эдди, когда она сидела на уроках. Так что мне не нужно будет начинать все сначала, я мог бы учиться вместе с ней. Как вы считаете?

Стокстилл кивнул.

— Интересно, что бы на это сказала моя мать? — поинтересовался калека.

Стокстилл раздраженно переспросил:

— Что? — И только тут понял, кто имеется в виду.— Она уехала,— сказал он.— Бонни уехала вместе с Гиллом и Маккончи.

— Да это я знаю,— жалобно сказал Билл.— Но, может быть, она все-таки когда-нибудь вернется?

— Скорее всего — нет,— ответил Стокстилл.— Бонни вообще довольно странная женщина, слишком непостоянная. Поэтому не стоит рассчитывать на ее возвращение. «Может, даже и лучше, если она ничего не узнает,— сказал он сам себе.— Ей будет трудно воспринять такое. Ведь, как ни говори, а она вообще не знала о твоем существовании, Билл. Знали только мы с Эдди. Ну и, конечно, Хоппи. И еще сова»,— вспомнил доктор.

— Мне кажется,— неожиданно произнес он вслух,— с Дэнджерфилдом сегодня связаться не удастся. Может, как-нибудь в другой раз.

— Наверное, я вам мешаю,— сказал Билл.

Стокстилл кивнул.

— Извините,— сказал Билл.— Я просто пытался практиковаться и не знал, что вы зайдете. Я вовсе не хотел огорчать вас. Все случилось совершенно неожиданно — я добрался сюда и сумел подкатиться под дверь, прежде чем Хоппи сообразил, что происходит. Но тогда было уже поздно, поскольку я оказался слишком близко к нему.— Увидев, как изменилось лицо доктора, он замолчал.

— Понимаешь... просто я никогда раньше с подобным не сталкивался,— принялся объяснять Стокстилл.— Да, я знал о твоем существовании. Но и только.

Билл с гордостью отозвался:

— Зато вы не знали, что я могу перемещаться из тела в тело.

— Верно,— согласился Стокстилл.

— Попробуйте еще раз связаться с Дэнджерфилдом,— посоветовал Билл.— Не сдавайтесь, потому что я знаю — он точно там. Только не скажу, вам откуда я это знаю, а то вы еще больше расстроитесь.

— Ну, спасибо тебе,— сказал Стокстилл.— Спасибо за то, что не говоришь.

Он еще раз включил микрофон. Калека открыл дверь и выкатился наружу, на тропинку. Мобиль немного отъехал, потом остановился, и калека нерешительно оглянулся.

— Давай, давай ищи свою сестренку,— крикнул Стокстилл.— Уверен, она очень обрадуется.

Когда он снова бросил взгляд наружу, калека уже укатил.

— Уолт Дэнджерфилд,— сказал в микрофон Стокстилл.— Я намерен сидеть здесь и пытаться связаться с вами до тех пор, пока вы наконец не ответите или я наверняка не буду знать, что вы мертвы. Я не утверждаю, что вы не страдаете каким-то серьезным заболеванием, но продолжаю настаивать, что отчасти проблема заключается в вашем психологическом состоянии, которое в очень многих отношениях оставляет желать лучшего. Вы со мной согласны? А после того, через что вам пришлось пройти, наблюдая, как кто-то перехватывает контроль над станцией...

Из динамика донесся едва слышный ироничный голос:

— О'кей, Стокстилл. Так и быть, давайте попробуем эти ваши спонтанные ассоциации. Пусть даже исключительно ради того, чтобы по умолчанию доказать вам — я серьезно физически болен.

Доктор Стокстилл перевел дух и немного расслабился.

— Давно пора. А вы все это время меня слышали?

— Да, дружище,— ответил Дэнджерфилд.— Просто интересно было, сколько вы продержитесь. Но вы оказались крепким орешком. Да и вообще вы, психоаналитики, помимо всех своих недостатков, еще и очень настойчивый народ.

Откинувшись на спинку стула, Стокстилл трясущимися руками закурил «Золотой ярлык» и сказал:

— Вы можете улечься и устроиться поудобнее?

— А я и так лежу,— довольно ядовито заметил Дэнджерфилд.— Причем лежу уже целых пять дней.

— Тогда расслабьтесь, насколько сможете. Требуется абсолютная пассивность.

— Я пассивен, как кит,— сказал Дэнджерфилд.— Кит, покачивающийся на морских волнах. Короче, теперь, наверное, следует рассказать о детском стремлении к инцесту? Так, дайте припомнить... Кажется, я представляю свою мать, она сидит за туалетным столиком и расчесывает волосы. Она очень красивая. Хотя нет, простите, вру. Это из какого-то фильма, а представляю я себе Норму Ширер. Это какое-то очень-очень позднее телешоу.— Он едва слышно рассмеялся.

— А ваша мать действительно напоминала Норму Ширер? — спросил Стокстилл. Теперь он вооружился блокнотом и карандашом и быстро делал пометки.

— Да нет, скорее Бетти Грейбл,— отозвался Дэнджерфилд.— Если, конечно, вы ее помните. Впрочем, вряд ли. Я-то ведь гораздо старше вас. Мне едва ли не тысяча лет... одиночество здесь, на спутнике, очень, знаете ли, старит.

— Просто продолжайте говорить,— сказал Стокстилл.— Говорите все, что приходит в голову. Не задумывайтесь, пусть воспоминания льются совершенно свободно.

Дэнджерфилд продолжал:

— Может, вместо чтения людям самых великих классических произведений мне было бы лучше постоянно рассказывать о психологических травмах, связанных с приучением к горшку. Интересно, как отреагировало бы на это человечество! Лично мне это кажется просто захватывающей темой.

Стокстилл невольно рассмеялся.

— А вы, пожалуй, хороший человек,— заметил явно довольный Дэнджерфилд.— По-моему, это неплохо. Говорит в вашу пользу.— Он рассмеялся своим обычным смехом.— У нас с вами есть что-то общее. Нам обоим кажется, что все происходящее между нами довольно забавно.

Уязвленный Стокстилл прервал его:

— Я искренне хочу вам помочь.

— Да бросьте,— ответил далекий голос.— На самом деле это я вам помогаю, док. И в глубине души, подсознательно, вы сами это чувствуете. Просто вам хочется ощущать, что вы снова делаете какое-то стоящее дело, верно? Уже небось и забыли, когда в последний раз переживали такое. Давайте так — ложитесь, расслабьтесь, а все остальное уже мое дело.— Уолт усмехнулся.— Вы, конечно, понимаете, что весь этот разговор я записываю на пленку. И теперь каждый раз, пролетая над Нью-Йорком, буду транслировать наши дурацкие разговоры — там просто обожают всякую такую высокоинтеллектуальную чушь.

— Прошу вас,— сказал Стокстилл,— давайте продолжим.

— Так, так, так,— фыркнул Дэнджерфилд.— Ну, разумеется. Может, рассказать о девчонке, в которую я влюбился в пятом классе? Именно тогда по-настоящему начались мои кровосмесительные фантазии.— Он помолчал, а потом задумчиво продолжал: — А знаете, я ведь не вспоминал о Майре много лет. Пожалуй, лет двадцать, не меньше.

— Вы приглашали ее на танцы или что-нибудь в этом роде?

— Это в пятом-то классе? — воскликнул Дэнджерфилд.— Да вы, должно быть, спятили. Конечно же, нет. Но мы, правда, целовались.— Теперь его голос звучал куда более расслабленно, почти так, же как раньше.— Никогда этого не забуду...— пробормотал он.

Его на мгновение заглушила статика.

— ...а потом,— снова сумел разобрать слова Дэнджерфилда доктор Стокстилл,— Арнольд Клейн дал мне по башке, а я его изрядно отделал — чего он, в сущности, и заслуживал. Вы меня слышите? Интересно, сколько народу нас сейчас слушает. Я вижу, как там, внизу, загорается все больше огней — со мной стараются связаться сразу на нескольких частотах. Погодите-ка, док. Нужно ответить на несколько вызовов. Вдруг со мной пытаются связаться и другие психоаналитики. Кто знает, вдруг среди них окажется кто-нибудь получше вас.— И напоследок добавил: — Да и подешевле.

Наступило молчание. Через некоторое время Дэнджерфилд заговорил снова:

— Меня тут поддерживают, говорят, что я совершенно правильно сделал, отметелив Арнольда Клейна,— довольным голосом сообщил он.— Пока мнения разделились как четыре к одному в мою пользу. Мне продолжать. Или как?

— Будьте добры,— подтвердил Стокстилл, делая пометки в блокноте.

— Что ж,— заговорил Дэнджерфилд,— потом еще была такая Дженни Линхарт. В начале шестого класса.

Спутник, по-видимому, приблизился, поскольку качество приема значительно улучшилось. А может, просто такой качественной оказалась аппаратура Хоппи. Доктор Стокстилл откинулся на спинку стула, снова закурил и принялся слушать голос, который становился все громче и в конце концов целиком заполнил небольшую комнату.

«Интересно,— подумал Стокстилл,— сколько раз Хоппи вот так же сидел здесь, слушая спутник? Строя планы на будущее, готовясь к предстоящему дню. А теперь все кончено. Кстати,

взял ли калека этот морщинистый высохший трупик с собой? Или он по-прежнему валяется где-то неподалеку?»

Стокстилл не стал оглядываться. Все его внимание было сосредоточено на голосе, который сейчас был таким громким и отчетливым. Сейчас он не замечал ничего, кроме этого голоса.

Бонни проснулась в непривычной, но довольно мягкой постели в незнакомой комнате. За окном разливался желтоватый, тусклый свет утреннего солнца, заливая комнату. Над кроватью, протягивая к ней руки, склонился человек, которого она очень хорошо знала. Это был Эндрю Гилл, и на мгновение Бонни представила себе — позволила себе представить,— что они вернулись на семь лет назад, в день катастрофы.

— Доброе утро,— пробормотала она, обнимая Эндрю.— Постой, а то ты меня сломаешь. К тому же ты сегодня еще не брился. Да и вообще, в чем дело? — Бонни резко села, оттолкнув его.

Гилл ответил:

— Ты, главное, не волнуйся.

Откинув одеяло, он поднял ее на руки и понес к двери.

— Куда мы? — спросила Бонни.— В Лос-Анджелес? Ты что же — так всю дорогу и будешь нести меня на руках?

— Нет, мы должны кое-кого послушать.— Гилл плечом толкнул дверь и внес ее в небольшой коридор с низким потолком.

— Интересно. Кого же? — спросила Бонни.— Послушай, но ведь я же не одета.— На ней была только ночная рубашка, в которой она спала.

Впереди виднелась гостиная четы Харди. Там у радиоприемника сгрудились Стюарт Маккончи, супруги Харди и еще несколько человек, скорее всего, работников мистера Харди. На лицах присутствующих читались радость и облегчение.

Из динамика доносился тот же голос, который они слышали вчера вечером — или не тот? Эндрю Гилл уселся на стул, посадив ее на колени.

— ...а потом Дженни сказала мне,— слышалось из приемника,— что я напоминаю ей большого пуделя. Думаю, причиной было то, как обычно стригла меня сестра. Я действительно был похож на пуделя. Она вовсе не хотела меня обидеть. Она просто сказала то, что думала, и дала понять, что думает обо мне. Согласитесь, даже это уже само по себе было большим шагом вперед для человека, считающего, что его вообще никто не замечает.— Дэнджерфилд смолк, будто ожидая ответа.

— С кем это он разговаривает? — сонно спросила Бонни, еще окончательно не проснувшаяся. И только тут поняла, что это означает.— Он жив,— воскликнула она.— А Хоппи больше нет. Черт побери,— громко сказала она,— может, кто-нибудь все-таки скажет мне, что случилось? — Бонни слезла с колен Эндрю и теперь стояла дрожа — утренний воздух был довольно прохладен.

Элла Харди сказала:

— Мы и сами не знаем, что случилось. Очевидно, он вышел в эфир среди ночи. Мы просто не выключили радио, потому и услышали. Обычно в это время передачи не бывает.

— Такое впечатление, что он разговаривает с врачом,— сказал мистер Харди.— Возможно, с психиатром, который пытается его лечить.

— Боже милостивый! — воскликнула Бонни, едва не складываясь пополам от смеха.— Ушам своим не верю! Это же сеанс психоанализа! «Но где же Хоппи? — подумала она.— Неужели он сдался? Может быть, он попытался дотянуться так далеко, что напряжение оказалось непосильным. Не могло ли оказаться, что у него, как и любого другого живого существа, имеется свой предел возможностей?»

Она поспешно вернулась в свою комнату, прислушиваясь к тому, что происходит в гостиной, и стала одеваться.

«Неужели он думает,— сказала она себе, натягивая одежду,— что этот знахарь сможет ему помочь?» Бонни с трудом смогла застегнуть юбку — ее трясло от холода и смеха. «Дэнджерфилд, лежащий там, в спутнике, на кушетке и повествующий о своем детстве... о, господи»,— подумала Бонни и поспешила в гостиную, чтобы ничего не пропустить.

В коридоре ее ожидал Эндрю.

— Сигнал исчез,— сказал он.— Больше ничего не слышно.

— Почему? — Веселье мгновенно сменилось ужасом.

— Нам вообще повезло, что мы хоть что-то услышали. Но, думаю, с ним все в порядке.

— Ой,— сказала она.— А я так боюсь за него. Вдруг ему плохо?

Эндрю ответил:

— Нет, нет, он в норме.— Гилл положил свои большие руки на плечи Бонни.— Ты же сама слышала, слышала, как он говорит!

— В таком случае этот психоаналитик заслуживает самой высокой государственной награды.

— Да,— серьезно согласился он.— Ты совершенно права. Психоаналитик — национальный герой.— После этого Эндрю замол-

чал, продолжая сжимать ее плечи, но держась на некотором расстоянии.— Ты извини, что я вот так ворвался и вытащил тебя из постели. Просто я был уверен, тебе не хотелось бы это пропустить.

— Верно,— согласилась Бонни.

— Ты все еще настаиваешь на продолжении путешествия. До самого Лос-Анджелеса?

— Ну...— ответила она. У тебя же здесь дела. Во всяком случае можем здесь пробыть какое-то время. Подождем и посмотрим, будет ли с ним все в порядке и дальше.— Она все еще испытывала тревогу, все еще опасалась Хоппи.

Эндрю заметил:

— Никогда ни в чем нельзя быть уверенным до конца, ты согласна? Давай разберемся: он смертен, следовательно, рано или поздно все равно умрет. Как и все мы.— Он пристально смотрел на нее.

— Но только не *сейчас*,— сказала она.— Если бы только это случилось попозже, хотя бы через несколько лет... тогда бы я еще выдержала.

Бонни Келлер положила ладони на руки Гилла, потянулась к нему и поцеловала в губы. «Время,— думала она.— Любовь, которую мы испытывали друг к другу в прошлом; любовь, с которой мы относимся к Дэнджерфилду теперь и будем относиться и дальше. Только жаль, что наша любовь — чувство, которое мы испытываем друг к другу и к нему — бессильна. Плохо, что нельзя взять и мгновенно сделать его опять как новеньким».

— А помнишь день катастрофы? — спросил Эндрю.

— Ну еще бы, конечно помню,— отозвалась она.

— И что ты по этому поводу подумала?

Бонни ответила:

— Решила, что я тебя люблю.— Тут она отпрянула, покраснев от такого признания.— Извини,— смущенно пробормотала Бонни,— что-то меня понесло, извини, пожалуйста. Это пройдет.

— Но ведь ты не шутила.— Гилл был очень проницателен.

— Да,— кивнула она.

Эндрю заметил:

— Должно быть, я старею.

— Как и все мы,— заметила Бонни.— Когда я с утра встаю с постели, то едва могу разогнуться... должно быть, ты сегодня и сам заметил.

— Нет,— ответил Гилл.— Пока в твоей милой головке сохраняются эти замечательные зубки.— Он бросил на нее смущен-

ный взгляд.— Даже не знаю, что тебе и сказать, Бонни. У меня ощущение, что здесь мы добьемся очень многого — во всяком случае очень надеюсь. Неужели этот наш приезд сюда для того, чтобы договориться о новом оборудовании для моей фабрики — просто одна большая глупость? Неужели это...— он сделал неопределенный жест,— дурь?

— Напротив, это чудесно,— ответила Бонни.

Выглянув в коридор, миссис Харди окликнула их:

— Мы снова на минутку поймали его, и он все еще рассказывает о детстве. Хотела предупредить, что теперь мы не поймаем его до обычного времени — до четырех пополудни. Как насчет позавтракать? У нас есть три яйца — муж на той неделе купил у бродячего торговца,— придется делить на всех.

— Яйца? — переспросил Гилл.— Какие? Куриные?

— Они такие большие и бурые,— сказала миссис Харди.— Может, и куриные, но пока не разобьешь, уверенной быть нельзя.

Бонни сказала:

— Звучит очень заманчиво.— Она почувствовала, что страшно проголодалась.— Думаю, нам следует за них заплатить, вы и так столько для нас всего сделали — предоставили кров и накормили ужином.— В эти дни такое гостеприимство было делом совершенно неслыханным, и уж тем более удивительно было столкнуться с ним в городе.

— Но мы же теперь партнеры,— заметила миссис Харди.— Так что делим все поровну, разве не так?

— Просто мне нечего предложить вам в ответ.— Бонни было страшно неудобно, и она опустила голову. «Я могу только брать,— подумалось ей.— Но не давать».

Однако проблема решилась очень просто. Миссис Харди взяла ее за руку и потянула на кухню.

— Можете помочь мне все приготовить,— сказала она.— У нас еще и картошка есть. Вот и почистите. Мы все равно готовим работникам завтрак, да и едим все вместе — так дешевле, да и кухонь своих у них нет, они живут в комнатах — и Стюарт, и остальные. Так что приходится о них заботиться.

«До чего же вы хорошие люди,— думала Бонни.— Так вот, значит, какой он — город. Вот от чего мы старались держаться подальше все эти годы. Мы слышали ужасные истории о том, что, мол, там одни развалины, среди которых бродят хищники, а из населения остался всякий сброд, разные пройдохи и грабители — словом, отбросы того общества, которое когда-то существовало... и от которого мы в свое время, еще до войны, тоже

бежали. Мы испытываем по отношению к городам слишком большой страх, чтобы жить в них».

Когда они вошли на кухню, Бонни услышала, как Стюарт Маккончи говорит Дину Харди:

— ...эта крыса умела не только играть на флейте, но и...— он смолк, заметив ее.— Просто рассказываю историю из здешней жизни,— извиняющимся тоном пояснил Маккончи.— Вам она может показаться неприятной. Это история об очень умном животном, а многим людям они крайне противны.

— Нет-нет, расскажите,— попросила Бонни.— Крыса, умеющая играть на флейте — это очень интересно.

— Конечно, может, я перепутал, и речь шла о двух разных животных,— сказал Стюарт, ставя воду для эрзац-кофе на огонь. Он некоторое время возился у плиты, устраивая котелок поровнее. Потом, удовлетворенный, прислонился к дровяной плите и сунул руки в карманы.— А все-таки, по-моему, тот ветеран сказал, что она еще разработала примитивную бухгалтерию. Но, кажется, это малоправдоподобно.— Он нахмурился.

— А я верю,— сказала Бонни.

— Нам бы такую крысу,— заметил мистер Харди.— Если наш бизнес будет расширяться, а я на это надеюсь, нам обязательно понадобится хороший бухгалтер.

Снаружи, на Сан-Пабло-авеню, уже вовсю сновали авто на конной тяге. Бонни слышала громкий стук копыт по мостовой. Услышав эти звуки пробуждающейся городской жизни, она подошла к окну и выглянула на улицу. Там оказалось еще и множество велосипедистов, мимо проехал огромный старый газогенераторный грузовик. А кроме того, мимо окна тек настоящий поток пешеходов.

Из-под деревянной хибары выскочило какое-то животное и, опасливо перебежав через дорогу, исчезло под крыльцом дома на противоположной стороне улицы. Через мгновение оно появилось снова, на сей раз за ним следовало другое животное. Оба были приземистыми и коротконогими — возможно, мутировавшие бульдоги. Второе животное тащило за собой неуклюжую, похожую на санки волокушу. Волокуша, нагруженная разными ценными предметами — в основном провизией,— скользила и подпрыгивала на неровной мостовой, пока наконец оба животных не исчезли в своей берлоге.

Бонни продолжала внимательно наблюдать, но коротконогие животные так больше и не появились. Она уже хотела отойти от окна, когда заметила на улице еще что-то, начинающее свою

дневную деятельность. На мостовой появился круглый металлический корпус, покрытый пятнами грязи, присохшими листьями и каким-то прилипшим мусором. Он остановился и поднял к небу две тонкие, подрагивающие антенны.

«Это еще что такое?» — недоуменно подумала Бонни. А потом вдруг сообразила, что видит гомеостатическую ловушку Харди в действии.

«Что ж, удачи тебе»,— мысленно пожелала она.

Ловушка, немного постояв и пошарив антеннами во всех направлениях, нерешительно развернулась, а потом направилась вслед за двумя похожими на бульдогов животными. Она исчезла за углом соседнего дома мрачная и торжественная, но уж больно медлительная. Бонни не удержалась от улыбки.

Дневная жизнь началась. Город пробуждался ото сна, возвращаясь к повседневной жизни.

ПРЕДПОСЛЕДНЯЯ ПРАВДА

AAA

Глава 1

Туман вползет снаружи и доберется до тебя. Более того: он захватит тебя полностью. Стоя у высокого, узкого окна библиотеки... бетонные обломки, из которых построили это величественное сооружение, в каком-то ином веке были пандусом, и по нему можно было выехать на Прибрежное шоссе... Стоя у высокого, узкого окна библиотеки, Джозеф Адамс наблюдал, как туман ползет со стороны Тихого океана, и размышлял. Вечерело, мир погружался во тьму. И туман пугал Адамса — так же, как другой туман, который таился у него внутри. Туман, который не захватывал, не окутывал — но тянулся, шевелился, заполняя все полости тела. Туман, который люди обычно называют «одиночеством».

— Плесни мне чего-нибудь,— послышался сзади жалобный голос Коллин.

— А у тебя что, руки отсохли? — отозвался он.— Самой лимон не выжать?

Он отвернулся от окна, от мертвых деревьев на фоне Тихого океана, от слоистых облаков, которые нависали над ним, от наползающей темноты... В какой-то момент он был почти готов соорудить ей что-нибудь. И тут же его осенило. Он понял, что ему действительно следует делать и где он сейчас должен быть.

Устроившись за письменным столом с мраморной столешницей, спасенной из руин дома в Рашен-хилл — когда-то это был квартал города, который назывался Сан-Франциско,— он ткнул кнопку и включил риторайзер.

Недовольно ворча, Коллин отправилась на поиски какой-нибудь «жестяной девы»[1], способной удовлетворить ее просьбу. Джозеф Адамс, сидевший за своим столом перед риторайзером, услышал, как она уходит, и даже обрадовался этому. Он знал — но не решался слишком углубляться в анализ собственных переживаний — что по ряду причин чувствует себя с Коллин Хэкетт куда более одиноким, чем в ее отсутствие. Как бы то ни было, в ночь с воскресенья на понедельник он сооружал себе этот отвратительный коктейль — ужасно приторный, словно одна из его жестянок откопала где-то бутылку токая и подливала ему в мартини вместо сухого вермута. Забавно... Обычно они не совершают подобных ошибок... может быть, это предзнаменование? Джо Адамс задумался. Может быть, скоро они станут умнее нас?

Он осторожно набрал на клавиатуре нужное имя существительное. «Белка». Потом, после доброй пары минут глубоких, но вялых размышлений, ввел ограничивающее прилагательное: «умная».

— О'кей! — произнес он вслух, откинулся на спинку стула и коснулся кнопки «создать текст».

Когда Коллин вернулась в библиотеку с высоким стаканом чего-то крепкого, риторайзер уже начал читать вслух свежесочиненный текст.

— Это мудрая старая белка,— тоненьким голоском вещала машина (ее оборудовали жалкой двухдюймовой пищалкой).— Но мудрость этого зверька вовсе не его заслуга. Это природа наградила...

— О боже! — воскликнул Адамс и в сердцах хлопнул рукой по хрупкому корпусу из стали и пластика, до отказа набитому электроникой. Машина смолкла, и только тут Джо заметил стоящую у него за спиной Коллин.

— Прости, но я на пределе. Слушай, ну почему Броузу... или, скажем, генералу Хольту, или маршалу Харензанному — да хоть кому-нибудь из власть предержащих — не распорядиться, чтобы воскресный вечер начинался примерно в пятницу пополудни и...

— Дорогой,— со вздохом заметила Коллин,— как я поняла, ты ввел всего лишь две семантические единицы. Думаю, ее бедным электронным мозгам этого мало.

— Думаю, этого ему будет более чем достаточно,— он снова включил машину и напечатал длинное предложение. Коллин по-

---

[1] В оригинале игра слов: *leady* — жестянка, железяка; *lady* — домохозяйка. (*Прим. ред.*)

прежнему стояла у него за спиной, потягивая коктейль и наблюдая за происходящим.— Столько хватит?

— Вот чего я никогда не могла понять,— заметила она.— Ты так страстно любишь свою работу — или так страстно ненавидишь? «Компетентная дохлая крыса копошится под бревном, лежащим трупом»...

— Понимаешь,— мрачно произнес он,— я просто хочу посмотреть, на что способна эта тупица, за которую я выложил пятнадцать тысяч западемдолларов. Кроме шуток. Я просто жду,— он нажал клавишу воспроизведения.

— А когда речь должна быть готова?

— Завтра.

— Тогда лучше встань пораньше.

— Ну уж нет,— утром он ненавидел все это еще сильнее.

И тут риторайзер снова заверещал, как сверчок:

— Само собой, мы привыкли считать крыс своими естественными врагами. Но только представьте себе, какую пользу они приносят нам при онкологических исследованиях. Жалкие крысы, подобно йоменам, незаметно служили прогрессу чело...

И опять, точно по злому умыслу, оборвал фразу на полуслове.

— ...вечества,— задумчиво закончила Коллин, изучая старинный бюст Эпштейна[1] — подлинный, найденный при раскопках. Бюст украшал собой нишу, разделяющую западную стену стеллажей, где Джозеф Адамс хранил справочные материалы по рекламным телепередачам прошедшего, далекого, великого двадцатого столетия — в том числе творения Стэна Фреберга[2], вдохновленные религиозными мотивами и шоколадками «Марс».

— Господи, ну и сравнение,— пробормотала она.— Йомены... Бьюсь об заклад, даже такой профи, как ты, не знает, кто они такие. Так в Средние века называли молодых крестьянских парней.

Коллин кивнула «жестяной деве», которая явилась в библиотеку по ее приказу:

— Подай мне плащ и распорядись, чтобы флаппер подали к главному подъезду. Я улетаю к себе на виллу.

Последняя фраза предназначалась Джозефу. Он никак не отреагировал, и Коллин добавила:

---

[1] Продюсер группы «Битлз». (*Прим. ред.*)

[2] Актер-комик американского кино. Его текст для радиорекламы шоколадок «Марс», часто приводимый в учебниках по маркетингу как текст, заставляющий работать воображение слушателя, вполне можно назвать «вдохновенной поэмой». (*Прим. ред.*)

— Джо, попробуй еще раз. Всю речь целиком, без этой дурацкой машинки,— напиши ее своими собственными словами. И тебе не придется уподоблять крыс йоменам.

«Честно говоря,— подумал он,— не уверен, что смогу написать такое без помощи машины, своими собственными словами. Без нее я как без рук».

Тем временем снаружи туман одержал полную победу. Одного взгляда в окно оказалось достаточно, чтобы убедиться: он захватил весь мир, окружающий библиотеку. Ну и пусть, подумал Адамс. По крайней мере мы имеем возможность наблюдать, нам все же удалось лицезреть еще один из этих чудесных, созданных частицами радиоактивного распада закатов.

— Ваш флаппер, мисс Хэкетт,— возвестила жестяная дева.— Он у главного входа, я слышу издалека, что ваш шофер класса II уже открыл вам дверь. В связи с обильными вечерними испарениями один из слуг мистера Адамса будет согревать вас теплым воздухом, пока вы не окажетесь внутри, в полном комфорте.

— О боже! — Джозеф Адамс сокрушенно покачал головой.

— Это твоя школа, дорогой. Все эти драгоценные жаргонные словечки — точь-в-точь как у тебя.

— Да,— с горечью согласился он,— мне нравятся высокий стиль, помпезность и ритуалы.

Повернувшись к ней, он произнес почти с мольбой:

— Я получил от Броуза мемо. Передали в Агентство из его собственного бюро в Женеве. В качестве ключевого символа этой речи должна фигурировать белка. А что еще можно сказать о белках — то, чего о них никто не знает? Ну, они запасливы, они трудолюбивы. Это всем известно. Ты можешь сказать о них еще что-нибудь такое, к чему можно было бы прицепить какую-нибудь мораль, черт ее подери?

«Самое главное — подумал он,— что белок больше нет. Этих зверьков больше не существует в природе. А мы продолжаем восхвалять их достоинства, уничтожив их как вид».

И решительно, с расстановкой набрал на клавиатуре риторайзера две новые семантические единицы. «Белка». А потом — «геноцид».

Вскоре машина возвестила:

— Забавнейший случай произошел со мной вчера, по пути в банк. Мне случилось проходить через Центральный парк. Представляете...

Джо недоуменно воззрился на машину.

— Да как же ты могла вчера проходить через Центральный парк? Ведь его уже сорок лет как нет!

— Джо, это всего лишь машина! — она, уже в плаще, склонилась, чтобы поцеловать его на прощанье.

— Слушай, да это просто бред какой-то! — возмутился он.— А кроме того, я ввел «геноцид», а она мне выдает «забавный». Разве ты...

— Она просто вспоминает прошлое,— сказала Коллин, пытаясь найти хоть какое-то объяснение.

Она нагнулась, провела пальцами по его щеке, заглянула ему в глаза.

— Я люблю тебя,— проворковала она,— но ты себя просто убиваешь... эта работа тебя убивает. Знаешь... попробую-ка я связаться с Броузом через наше Агентство и выбить для тебя двухнедельный отпуск. Кстати, у меня для тебя подарок. Одна из моих жестянок откопала кое-что в окрестностях моей виллы. Все абсолютно законно — вещь найдена на моей территории. Вернее, на том участке, который стал моим после маленького обмена с моим северным соседом, который произвели мои жестянки.

— Книга! — он почувствовал, как в груди у него теплеет,— это разгоралось угасшее было пламя жизни.

— Правильно, книга, причем очень хорошая. Настоящая довоенная книга, не какая-нибудь ксероксная копия. Знаешь, как называется?

— «Алиса в Стране чудес»,— он столько слышал об этой книге, что давно хотел заполучить экземпляр и прочитать от корки до корки.

— Еще лучше. Это одна из тех забавных скандальных книжек, что издавались в шестидесятых годах,— причем в отличном состоянии, даже обложка не пострадала. Знаешь, были такие, из серии «Помоги себе сам»: «Как я успокоил свои нервы с помощью лукового сока» или «Как я сделал миллион долларов, ведя двух-с-половинную жизнь на службе в ФБР». Или...

— Коллин,— перебил Джо.— Знаешь, не так давно я выглянул в окно и увидел белку.

Она недоверчиво посмотрела на него.

— Не может быть.

— Хвост. Этот хвост ни с чем не спутаешь. Знаешь, такой пушистый — круглый, толстый и серый, как щетка для мытья бутылок. И она прыгала, вот так...— он описал рукой волнообразную линию, иллюстрируя свои слова, а еще для того, чтобы восстановить в памяти картину.— Я даже вскрикнул. Ее искали

четыре жестянки...— он пожал плечами.— В конечном итоге они вернулись ни с чем и заявили: «Нет, доминус, к сожалению, мы ничего не обнаружили», или нечто в этом роде,— Джо помолчал. Разумеется, это была просто гипнагогическая галлюцинация[1], вызванная либо перепоем, либо недосыпом. Он прекрасно знал это. «Жестяные девы» тоже знали. А теперь это знала и Коллин.

— Нет, ты только себе представь! — закончил он.

— Так и опиши своими словами, что ты при этом почувствовал. От руки, на бумаге — а не при помощи этой дурацкой машины. Что означало для тебя появление юркой маленькой живой белочки. Главное,— Коллин ткнула пальцем в сторону риторайзера ценой в пятнадцать тысяч долларов,— чтобы он за тебя не думал. И...

— А Броуз,— отозвался Джо,— возьмет и все вычеркнет. Можно, конечно, загрузить ее в вак, потом скормить «кену»[2] и записать на пленку. Думаю, такое прокатит. Но только не через Женеву. Потому что я просто не могу им сказать: «Да ладно вам, ребята, и так сойдет». Мне придется сказать...

Впрочем, он уже ощутил умиротворение и начинал размышлять.

— Ладно, попробую,— Джо решительно поднялся, отпихнув старокалифорнийское плетеное кресло.— Уговорила. Я даже попробую написать это от руки. Только найду эту — как ты ее называешь?

— Шариковая ручка. Вспомни: что есть у двери, у сумки и у ребенка? Правильно, ручка. Видишь, как все просто?

Он кивнул.

— Вот ручками мне и придется программировать вак. Думаю, ты права. Может, это и шаг назад — но, по крайней мере, меня не будет выворачивать наизнанку. Я уже видеть не могу это...

Он окинул взглядом библиотеку, пытаясь найти... эту самую... как ее?

Тем временем риторайзер, предоставленный самому себе, продолжал вещать:

— ...пушистого малыша. Но в его крошечной головке таится недюжинный ум. Может быть, даже больший, чем мы можем себе представить. Уверен, нам с вами есть чему у него поучиться...

---

[1] Видения, возникающие при переходе от сна к бодрствованию. (*Прим. ред.*)

[2] Сокращенное от «манекен». (*Прим. ред.*)

Монолог продолжался и продолжался. Тысячи микрочипов во внутренностях машины муссировали эту проблему, черпая сведения с десятков инфодисков. Все это могло продолжаться до бесконечности, но Джо Адамсу было некогда. В конце концов он нашел ручку.

Все, что теперь требовалось,— это чистый лист бумаги. Черт, это у него точно было! Он поманил «жестянку», которая собиралась проводить Коллин до флаппера.

— Распорядись, чтобы вся прислуга занялась поисками бумаги, на которой можно писать. Обыщите все комнаты виллы,— даже те, что сейчас пустуют, включая спальни. Я точно помню: где-то валялся лист или даже целая пачка. Ее в свое время нашли при раскопках.

«Жестяная дева» немедленно передала указание по прямой радиосвязи, и Джо почувствовал, что в доме начался переполох. По всей вилле захлопали двери пятидесяти с лишним комнат. Прислуга ожила, покинув места, на которых неподвижно находилась после выполнения очередного задания. И он — их господин и владелец — почувствовал стопами своих ног, как здание наполняется жизнью, и часть тумана, который успел заползти внутрь, развеялась. И пусть это сделали машины, которых с легкой руки одного чеха прозвали «роботами», что на их дурацком языке означает «работник».

Однако снаружи был туман, и он по-прежнему пытался просочиться в окно.

Когда же Коллин уедет... Он знал, что тогда туман начнет еще более непреклонно скрестись и ломиться, пытаясь ворваться внутрь.

Господи... ну почему сегодня не понедельник, почему он не в Агентстве, не в своем Нью-Йоркском офисе, вместе с другими янсменами? Чтобы жизнь была не движением каких-то мертвых — вернее, неживых — созданий. А настоящей жизнью.

— Знаешь что? — неожиданно вырвалось у него.— Я люблю свою работу. Более того, кроме нее, у меня ничего нет. Все это...— он обвел рукой библиотеку, не забыв затянутое туманом окно.

— Да, это как наркотик,— сочувственно поддакнула Коллин.

— Вроде того,— кивнул он.— Если уж пользоваться архаичными терминами. Пожалуй, этот я у тебя позаимствую.

— Ты лингвист до мозга костей,— с нежностью заметила она.— Ладно, сделка состоялась. Слушай, а может, тебе все-таки воспользоваться услугами машины?

— Нет! — решительно отозвался он.— Ты совершенно права. Отныне я намерен все делать совершенно самостоятельно.— В любой момент в комнату могла ввалиться одна из многочисленного штата «жестяных дев» с чистым листом бумаги — он точно знал, что бумага в доме была. А если ее нет, то можно выменять ее у соседа. Для этого придется совершить небольшую прогулку — разумеется, в сопровождении и под охраной свиты «жестянок» — в соседнее поместье, расположенное южнее, на виллу к Феррису Гранвиллю. У Ферриса точно есть бумага: он сам рассказывал на той неделе по открытой видеолинии, что работает над — господи помилуй! — записками.

Интересно, кому на Земле — или под Землей, или над Землей — эти записки адресованы.

Глава 2

Пора спать. Во всяком случае, так утверждали часы. С другой стороны, электричество снова отключали, как и на прошлой неделе, так что будильник может отставать на несколько часов. Впрочем... Вполне возможно, мрачно подумал Николас Сент-Джеймс, что на самом деле пора вставать. Он прислушался к естественным реакциям своего тела, но они, несмотря на все проведенные под землей годы, ничего не подсказали.

В душевой, которой пользовались все обитатели квартирки 67-В убежища «Том Микс», названного в честь известного американского актера, шумела вода — очевидно, жена принимала душ. Некоторое время Николас копался на ее туалетном столике, пока не нашел наручные часы. Взглянув на циферблат, он убедился: они показывают то же самое время, что и будильник. Тем не менее ему совершенно не хотелось спать. Скорее всего, это из-за Мори Соузы, догадался он. Старик болен — от одной этой мысли голова начинала буквально раскалываться. Наверное, именно так себя чувствуешь, когда подхватишь «пакетную чумку». Вирус вселяется в тебя, и голова распухает до тех пор, пока не лопается, как надутый бумажный пакет. Наверное, он заболел. В самом деле. Притом посерьезней, чем Соуза. А Мори Соуза — главный механик их «термитника», которому было под семьдесят,— умирал.

— Я уже выхожу,— крикнула Рита. Однако душ по-прежнему шумел — значит, она не собиралась освобождать ванную.— Слушай, если надо, то заходи, почисти зубы... или сунь их в стакан с водой, или уж не знаю, что ты там с ними делаешь.

Что я делаю... скорее всего, заболеваю «пакетной чумкой». Должно быть, последняя неисправная «жестянка», которую им прислали, была продезинфицирована кое-как. А может, он подцепил «вонючую сухотку». От этой мысли его передернуло: только представить себе, что ты постепенно съеживаешься, голова усыхает до размеров бильярдного шара, хотя черты лица остаются узнаваемыми.

— Ладно,— задумчиво произнес он, начиная расшнуровывать рабочие ботинки. Сейчас ему почему-то страшно захотелось почувствовать себя чистым. Да, пожалуй, действительно стоит принять душ — несмотря на то, что норму воды в «Томе Миксе» с недавнего времени сильно урезали, причем с его собственного одобрения. Но когда не чувствуешь себя чистым, ты обречен. Особенно если учесть, что вся мерзость, которая может уничтожить твой организм, все эти микроскопические штучки попадают внутрь с каждым из этих ходячих кусков железа, собранных твоими же руками, потому что кто-то не удосужился провести дезинфекцию. Он просто нажал кнопку и сбросил нам очередные три сотни фунтов грязного хлама в контейнерах. Грязь во всех проявлениях — радиация и микробы... Да, подумал он, комбинация — лучше не придумаешь.

И тут где-то в далеком уголке его памяти мелькнуло: Соуза умирает. Разве что-нибудь может быть важнее? Долго ли мы продержимся без старого ворчуна?

Примерно две недели. Поскольку именно в этот срок выполнение их плана подлежит пересмотру. Причем — учитывая редкую везучесть обитателей этого убежища, включая самого Николаса,— на сей раз разбираться приедет не кто-то из людей генерала Хольта, а агент министра внутренних дел Стэнтона Броуза. Можно не сомневаться. Эти двое постоянно сменяли друг друга у руля. По словам Янси [1], который регулярно появлялся на огромном экране, это предотвращало коррупцию.

Николас взял трубку аудиофона и набрал номер клиники убежища.

— Ну, как он?

На другом конце провода отозвалась доктор Кэрол Тай, исполняющая обязанности заведующей крошечной клиники:

— Пока без изменений. Но сознания не терял. Приходите — по-моему, он хотел о чем-то поговорить с вами.

---

[1] Фамилия Защитника (Yancy) — производное от *yank* или *yankee* — «янки». (*Прим. ред.*)

— О'кей.

Николас положил трубку, крикнул Рите — в ванной по-прежнему шумела вода,— что уходит, и покинул квартирку. Общий коридор был забит битком: обитатели убежища покидали магазины и комнаты отдыха, торопясь оказаться дома и лечь в постель. Значит, часы не врут. На многих были купальные халаты и шлепанцы из ворсистой синтетики, которые пользовались популярностью в убежище. Похоже, и вправду самое время на боковую. Но он знал, что не сможет уснуть.

Спустившись на три этажа, он миновал анфиладу приемных — по большому счету, клиника не работала, в ней оставались только лежачие больные — и дошел до поста дежурной медсестры. Девушка почтительно встала, чтобы поприветствовать Николаса — ведь они, как-никак, сами избрали его своим президентом. Несколько шагов — и он остановился у двери в палату Мори Соузы, на которой красовалась табличка: «Тишина! Не беспокоить!». Он повернул ручку и вошел.

На широкой белой постели под одеялом лежало нечто плоское, нечто расплющенное — настолько, что его можно было увидеть, лишь пристально вглядевшись, словно отблеск или пятно; настолько неясное, что не отражало свет, а лишь поглощало его. Только сейчас Николас осознал, что постель умирающего старика действительно поглощает все виды энергии. То, что лежало в кровати, было лишь пустой оболочкой. Казалось, какой-то паук высосал его — вселенский паук или, учитывая их местоположение,— потусторонний паук. Паук, способный высосать из человека жизнь. Даже на такой глубине.

Губы распростертого на кровати человека слабо шевельнулись.

— Привет.

— Привет, старый зануда,— ответил Николас, придвигая к кровати стул.— Как самочувствие?

Немного помолчав — как будто слова Николаса не сразу дошли до сознания, а некоторое время преодолевали какое-то гигантское пространство,— старый механик пробормотал:

— Не слишком, Ник.

«Слава богу,— подумал Николас,— ты не знаешь, что с тобой. Если только Кэрол не сказала тебе об этом после нашей последней беседы». Он глядел на старого механика и думал, что подсказывают тому собственные инстинкты. Обычно панкреатит заканчивается летальным исходом в ста процентах случаев — так сказала ему Кэрол. Разумеется, никто не стал бы говорить такое самому Соузе, поскольку оставалась еще надежда на чудо.

— Ладно, старина, ты выкарабкаешься,— смущенно сказал Николас.

— Слушай. Ник. Сколько жестянок мы собрали в этом месяце?

Сказать ему правду или нет? Соуза пролежал на больничной койке уже восемь дней; будем надеяться, что он его последний посетитель и старик не узнает, как все обстоит на самом деле, и поймать его на слове. Ник решил солгать.

— Пятнадцать.

— Ну, тогда...— болезненная пауза. Взгляд Соузы был устремлен в потолок; он так ни разу и не взглянул на Николаса, будто стыдился собственной немощи.— Может, мы еще успеем выполнить план.

— Да какая разница,— заметил Николас,— успеем мы его выполнить или нет? — Они с Соузой были знакомы давным-давно — с тех пор, как оказались заперты в этом подземном гробу под названием «Том Микс». Всю войну, целых пятнадцать лет.— Меня больше беспокоит, сможешь ли ты...

Господи, да что же я такое говорю, кто меня за язык дергал?

— Смогу ли я выкарабкаться,— прошептал Соуза.

— Слушай, я хотел сказать «когда».

Он уже ненавидел на себя за эту оговорку. В этот момент в дверях показалась Кэрол. В своем белом халате она выглядела такой профессиональной, туфли на низком каблуке, в руках папка — без сомнения, с историей болезни Соузы. Не говоря ни слова, Николас поднялся и, протиснувшись мимо Кэрол, вышел в коридор.

Кэрол вышла следом. Они оказались одни в пустом коридоре.

— Он протянет еще неделю,— сказала она,— а потом — конец. Как бы ты ни изворачивался — «когда», «если»...

— Я просто сказал ему, что за этот месяц нам удалось собрать пятнадцать жестянок. Если можно, позаботься о том, чтобы никто не сказал ему, что это не так.

— Насколько мне известно,— заметила она,— вы собрали не больше пяти.

— Семь.

Он сообщил ей эту цифру не потому, что она была врачом — человеком, от которого все они зависели. Дело было в родстве душ. Он всегда говорил Кэрол лишь чистую правду. Это было что-то вроде эмоционального крючка, который зацепил его и удерживал подле нее. Она — в отличие от большинства окружающих — всегда мгновенно замечала любую ложь, даже самую

невинную. Так какой смысл лгать сейчас? Кэрол никогда не нуждалась в красивых словах. Правда была для нее важнее всего на свете. И сейчас она в очередной раз получила правду.

— Но ведь это означает, что мы не можем выполнить план,— сказала она. Сказала, как само собой разумеющееся.

Он кивнул.

— Отчасти так получилось потому, что от нас затребовали три «типа VII», а это слишком сложно, у нас не хватает мощностей. Если бы заказали «тип III» или «тип IV»...

К несчастью, этого не произошло. Никогда не происходило и не произойдет. Как всегда. До тех пор, пока на поверхности идет война.

— Кстати, тебе известно,— наконец спросила Кэрол,— что на поверхности искусственные поджелудочные и прочие артифорги вполне доступны? Думаю, ты что-то об этом слышал — по официальным каналам.

— Да, но только это противозаконно. Искусственные органы предназначены исключительно для военных госпиталей. В первую очередь для них. Категория «2-А». Нас это не касается.

— Но говорят, что...

— Тебя поймают.

Без сомнения, для начала будет инсценировано выездное заседание суда военного трибунала, потом — расстрел. Казнь — пожалуй, единственное наказание за торговлю на черном рынке. Конечно, если тебя сумеют поймать.

— Как я понимаю, ты просто боишься подняться на поверхность,— Кэрол бросила на Николаса быстрый, невероятно проницательный взгляд.

— Ага,— кивнул он. Это и в самом деле было так. Две недели: смерть от разрушения костного мозга, ответственного за восстановление красных кровяных телец. Одна неделя: смерть от «пакетной чумки», «вонючей сухотки» или, не приведи Господь, «рачьей клешни». Он и без того до смерти боится что-нибудь подцепить. И не раз обдумывал подобную возможность — впрочем, как и любой из обитателей убежища,— хотя еще не было ни одного случая, чтобы какая-нибудь зараза проникла снаружи в «Том Микс».

— Ты мог бы,— продолжала Кэрол,— собрать на совещание этих... ну, ты понимаешь, о ком я. Те, кому ты можешь доверять. И выбрать добровольца.

— Черт побери, да уж лучше я сам пойду.

Он совершенно не хотел посылать туда кого бы то ни было, поскольку лучше других знал, что творится там, наверху. Никому

оттуда не вернуться. Если не военный трибунал, то гомотропные устройства, но тебя накроют и уничтожат или будут преследовать, пока ты не умрешь. Возможно, это займет всего несколько минут.

Что и говорить, гомотропы — подлые штуки и делают свое дело весьма подло.

— Слушай, сказала Кэрол,— я прекрасно понимаю: ты душу бы заложил, чтобы спасти Соузу.

— Я очень люблю его,— ответил он.— И дело не в цехах, планах и всей этой ерунде. Вспомни, разве был хоть один раз — за все годы, что мы здесь торчим, под землей — чтобы он хоть кому-то отказал? В любое время дня и ночи... прорвавшаяся труба, перегоревшая пробка, засорившаяся канализация — он всегда приходил без вопросов, латал, чинил, и все снова начинало работать.

А ведь Соуза занимал должность главного механика и вполне мог послать вместо себя кого-нибудь из полусотни своих подчиненных и не забивать себе голову. Именно он научил Николаса простой истине: хочешь сделать хорошо — сделай сам, ни в коем случае не поручай другому.

Можно подумать, что война уже успела проникнуть и сюда, к нам. Мы тут собираем восемь типов металлических бойцов и тому подобное, а деятели из правительства Эстес-Парка, чиновники аппарата Зап-Дема, да и сам Броуз неусыпно следят за нами, за каждым нашим движением.

И тут, словно его мысли волшебным образом материализовались, серая расплывчатая фигура отделилась от стены и устремилась к ним. Комиссар Дейл Нуньес собственной персоной — энергичный, занятой, вечно спешащий по делам.

— Ник! — едва переведя дух, Нуньес развернул мятый клочок бумаги и начал читать.— Вот: «Через десять минут будет передано сообщение чрезвычайной важности. Всем включить систему общего оповещения и собраться в Оргзале». Мы все должны прослушать это одновременно, чтобы потом не возникало вопросов. Поверь, все очень серьезно,— в его крошечных птичьих глазках горела тревога.— Говорю тебе как на духу, Ник: если верить сообщению, которое пришло по кабелю, то речь пойдет о Детройте. Похоже, они прорвали последнее кольцо обороны.

— О боже! — ахнул Николас и рефлективно устремился к ближайшему аппарату системы оповещения, динамики которой имелись на каждом этаже и в каждом помещении «Тома Микса».

— Но ведь сейчас все спят,— спохватился он.— Думаю, большинство уже спят или ложатся спать. Может быть, пусть посмотрят трансляцию по индивидуальным приемникам?

— Могут возникнуть вопросы,— возбужденно пояснил Нуньес.— После падения Детройта нам, скорее всего, снова поднимут план — вот чего я больше всего боюсь. Если это действительно так, я хочу, чтобы каждый уяснил, с чем это связано.

Он выглядел не слишком счастливым.

— Но послушай, Дейл, ты же отлично знаешь ситуацию. Мы даже не можем...

— Слушай, давай сначала соберем всех в Оргзале, ладно? А ситуацию обсудим потом.

Николас взял микрофон.

— Граждане «Тома Микса»,— произнес он, обращаясь к каждому жителю убежища.— С вами говорит президент Сент-Джеймс. Я приношу свои извинения за беспокойство, но через десять минут все мы должны собраться в Оргзале. Приходите как есть, не беспокойтесь о том, что на вас надето. Даже если вы в купальном халате. Похоже, нас ждут скверные новости.

— Будет говорить сам Янси,— пробормотал Нуньес.— Это точно. Мне сообщили.

— Насколько мне известно,— продолжал Николас, слыша, как его голос гремит в пустоте больничного коридора — впрочем, как и во всех помещениях огромного подземного муравейника, в котором проживают полторы тысячи человек,— с нами будет говорить сам Протектор. Он ответит на наши вопросы.

Он повесил микрофон, чувствуя себя так, словно только что потерпел крах. Не самый подходящий момент, чтобы сообщать скверные новости. А тут еще Соуза, план, проверка на носу...

— Я не могу оставить пациента,— твердо заявила Кэрол.

— Но, доктор,— огорченно пробормотал комиссар,— мне приказано собрать всех до единого.

— В таком случае,— заметила Кэрол с непревзойденной рассудительностью, которая одновременно пугала и восхищала Николаса,— мистер Соуза тоже должен явиться. Разумеется, если распоряжение подлежит столь безоговорочному исполнению.

Это подействовало. При всех своих бюрократических замашках, при всем своем невротическом стремлении добиваться буквального исполнения любой директивы, которая поступала в убежище через него, Нуньес не мог не согласиться с этим аргументом.

— Хорошо, оставайтесь здесь,— и, обернувшись к Николасу, бросил: — Идем.

Он резко развернулся и зашагал, сгибаясь под грузом ответственности. Контроль за лояльностью граждан был его главной задачей: как-никак, Нуньес был пол-комом, то есть политкомиссаром убежища «Том Микс».

Пятью минутами позже Николас Сент-Джеймс, строгий и подтянутый, уже восседал в своем президентском кресле, установленном на небольшом возвышении в Оргзале, в первом ряду. У него за спиной люди рассаживались по местам. Раздавались скрипы и шорох, люди переглядывались, переговаривались, при этом все, включая самого Ника, не сводили глаз с огромного — от пола до потолка — видеоэкрана. Это было окно — единственное окно — в мир, который находился наверху, и все, что появлялось на этом гигантском экране, воспринималось более чем серьезно.

Интересно, подумал он: слышала ли Рита объявление? Или она до сих пор нежится в душе, время от времени отпуская в его адрес реплики?

— Ну как старина Соуза? — обернувшись к Николасу, шепотом спросил Нуньес.— Есть улучшения?

— При панкреатите... вы что, шутите?

Этот комиссар — действительно идиот, или только притворяется?

— Между прочим, я отправил наверх уже пятнадцать прошений,— заметил Нуньес.

— Верю,— кивнул Николас.— И ни в одном не было официального запроса на предоставление артифорга поджелудочной, который Кэрол могла бы ему пересадить.

— Нет, я просто просил перенести ближайшую проверку,— и, почти извиняясь, Нуньес продолжал: — Ник, политика — это искусство возможного; не исключено, что нам предоставят отсрочку, но поджелудочной нам не получить ни за какие коврижки. Этого у них просто нет. Понимаешь, нам придется списать Соузу, а на его место назначить кого-нибудь из младших механиков. Уинтона, например. Или Боббса, или...

В этот момент огромный экран из серого стал ослепительно-белым. И спикер-система произнесла:

— Добрый вечер.

Полторы тысячи зрителей в Оргзале привычно пробормотали в ответ:

— Добрый вечер.

Это было привычной формальностью: никакой обратной связи с поверхностью не было. Информация шла только в одном направлении — вниз. Только с поверхности под землю.

— Программа новостей,— возвестил голос из динамиков. На экране появился стоп-кадр: горящие и рушащиеся здания. Затем картинка ожила. Под звуки, похожие на отдаленный рокот странных инопланетных тамтамов, здания превращаются в пыль — одно за другим, дождем каменных осколков осыпаются на землю, буквально растворяясь в воздухе. На их месте остается лишь дым, а в дыму бесчисленные «жестяные девы», которые до сих пор удерживали Детройт,— разбегаются, точно муравьи, выпущенные из невидимой банки. И какая-то невидимая сила методично давит их, точно муравьев.

Планы становились все крупнее, грохот изливался из динамиков. Похоже, камера была установлена на одном из спутников-шпионов Зап-Дема, она демонстрировала картину всеобщего разрушения. Общественные здания: библиотека, церковь, школа, банк. Возможно, это были комбинированные съемки. Потом, с небольшим замедлением, камера показала, как здания распадаются едва ли не на молекулы, превращаются в пыль, из которой когда-то возникли.

«А ведь там, наверху, вполне могли бы быть мы. А не жестянки. Когда я был мальчишкой, мы с родителями целый год жили в Детройте».

Господи, благодарю тебя за всех нас, комми и американцев. За то, что война началась на колонизованной планете, из-за спора о том, кому именно — Зап-Дему или Нар-Дему — должна принадлежать основная часть ее поверхности. Именно благодаря этому в течение года, пока шла война на Марсе, население Земли успело спрятаться в подземные убежища. И, подумал он, мы все еще тут. Конечно, ничего хорошего в этом нет, но мы все еще целы — в отличие от них. Он не мог отвести глаз от экрана, где целый взвод жестянок плавился в огне — они действительно плавились, как жестяные банки. Самое страшное, что они продолжали двигаться, растекаясь на ходу. Ник не выдержал и отвел глаза.

— Ужас какой! — шепнул комиссар Нуньес, сидящий рядом с ним с посеревшим лицом.

В этот момент на пустое кресло справа от Николаса опустилась Рита. На ней был купальный халат и шлепанцы. Вместе с ней пришел и младший брат Николаса Стью. Оба тут же, так ничего ему и не сказав, уставились на экран — как будто Николаса вообще здесь не было. На самом деле каждый из присутствующих в Оргзале был один на один с катастрофой, которая происходила перед ними на гигантском телеэкране. Наконец диктор объявил:

— Вы... видели... Детройт. 19 мая 2025 года от Рождества Христова. Аминь.

Им хватило нескольких секунд, чтобы разрушить защитный барьер, окружающий город, ворваться внутрь и сделать это.

Детройт продержался почти пятнадцать лет. Что ж, на очередном заседании Верховного Совета в Кремле, который они берегут как зеницу ока, маршал Харензанный сможет нанять художника, чтобы тот в качестве символа очередной победы нарисовал на двери зала заседаний еще одну маленькую башенку. Теперь у него на счету еще один американский город.

И тут... Николас еще был охвачен ужасом. На его глазах был обращен в пыль еще один из немногих оставшихся столпов западной цивилизации, в которую он искренне верил и которую по-настоящему любил. И несмотря на этот ужас, в голове Николаса уже шевелилась унизительная, эгоистичная мысль. Это означает, что план опять повысят. С каждым днем наверху остается все меньше людей, и все больше спрашивают с нас — с тех, кто внизу.

— Сейчас Янси все объяснит,— пробормотал Нуньес.— Ну, как такое могло случиться. Слушай внимательно.

И, конечно же, Нуньес оказался прав, потому что Протектор никогда не сдавался. В своем нежелании признать, что этот последний удар является смертельным, он был похож на огромную старую упрямую черепаху — это его качество всегда восхищало Николаса.

И вот теперь...

Они наконец таки добрались до нас, понял Николас... и даже до тебя, Тэлбот Янси, наш дух-пол-военачальник, которому до сих пор хватает мужества жить на поверхности, в своей крепости в Скалистых горах. Даже тебе, дружище, вряд ли удастся исправить положение.

— Американцы, друзья мои,— раздался голос Янси, в котором не слышалось даже намека на усталость или раздражение. Николас заморгал, потрясенный силой этого человека. Янси казался абсолютно невозмутимым. Он оставался верен своим корням, своему вест-пойнтскому воспитанию. Он тоже видел, что произошло, принял это и понял. Тем не менее он не позволил эмоциям выбить себя из колеи, лишить спокойствия и мудрости.

— Теперь вам известно,— продолжал Янси негромким голосом человека средних лет, голосом умудренного опытом солдата, крепкого телом и твердого духом, который способен оставаться таким еще многие годы...

...ничего общего с нынешним подопечным Кэрол — высосанной оболочкой, умирающим предметом, распластанным на больничной койке...

— ...что случилось ужасное. От Детройта не осталось ничего, а вы знаете, какой вклад вносили все эти годы его заводы-автоматы в производство военной техники. Теперь мы лишились их. Однако при этом мы не потеряли ни одной человеческой жизни — единственной ценности, с которой мы не можем, не хотим расстаться.

— Здорово сказано,— заметил Нуньес, делая пометки.

За спиной Нуньеса беззвучно возникла Кэрол Тай — как обычно, в белом халате, в туфлях на низком каблуке. Он инстинктивно привстал и оказался с ней лицом к лицу.

— Он умер,— сказала Кэрол,— Соуза. Только что. Я сразу же заморозила его... я находилась при нем до последнего, так что не потеряла ни секунды. Мозговые ткани остались в целости и сохранности. Он... просто ушел.

Она попыталась улыбнуться, но не удержалась, и из ее глаз хлынули слезы. Ник был потрясен — он никогда не видел Кэрол плачущей, и что-то в нем закричало от ужаса: это было нечестно.

— Они хотят сломить нас,— трансляция из крепости Эстес-Парк продолжалась. На экране появилось лицо самого Янси, а кадры военной хроники — клубящиеся облака пыли, которая превращалась в раскаленный газ,— растаяли на заднем плане. Несгибаемый, твердый как сталь человек за массивным дубовым письменным столом говорил с ними из своей крепости, которую Советы так и не смогли найти. Им не помогло даже такое ужасное смертоносное оружие, как «Сино-двадцать» — новейшие самонаводящиеся ракеты.

Николас усадил Кэрол рядом и привлек ее внимание к экрану.

— С каждым днем,— говорил Янси, причем голос его был исполнен гордости — достойной и оправданной гордости,— мы становимся все сильнее. Не слабее. Вы — становитесь все сильнее.

И можно было поклясться: сейчас он смотрит прямо в глаза всем и каждому: Николасу и Кэрол, Дейлу Нуньесу, Стью, Рите, каждому из обитателей «Тома Микса». Всем, кроме Соузы, который только что умер. Когда ты мертв, подумал Николас — никто, даже сам Протектор, не может убедить тебя в том, что ты стал сильнее. Ты умер, и мы все тоже умерли. Вместе с тобой. Если только не удастся достать — за любую цену, на самом черном рынке, торговцы которого ради денег готовы ограбить даже военный госпиталь — эту самую поджелудочную железу.

Николас осознал еще кое-что. Рано или поздно — пусть даже это противозаконно — ему все равно придется подняться на поверхность.

Глава 3

Когда железобетонное лицо Тэлбота Янси — лицо человека, который выше их всех — наконец исчезло с экрана, и светящаяся поверхность вновь стала серой, комиссар Дейл Нуньес вскочил с кресла и объявил, обращаясь ко всем присутствующим:

— А теперь, ребята, ваши вопросы.

Слушатели оставались безучастными — в той мере, настолько это могло сойти с рук.

На правах народного избранника Николас встал и обратился Дейлу:

— Нам нужно провести совещание с правительством Эстес-Парка,— сказал он.

Откуда-то из задних рядов, чей-то голос — то ли мужской, то ли женский — резко спросил:

— Президент Сент-Джеймс, это правда, что Соуза умер? Я вижу здесь доктора Тай.

— Да, это правда,— ответил Николас.— Но он в глубокой заморозке, так что у нас еще осталась надежда. А теперь, друзья, давайте обсудим то, что сказал Протектор. Перед его выступлением вы видели взятие и уничтожение Детройта. Вам отлично известно, что мы не справляемся с планом — в этом месяце мы должны поставить двадцать пять «жестяных дев», а в следующем...

— В каком еще следующем? — перебил его кто-то из середины зала. В голосе сквозило отчаяние и безнадежность.— В следующем месяце нас уже не будет.

— Допускаю,— ответил Николас.— Но эту ревизию мы переживем. Позвольте напомнить вам кое-что. Первое взыскание — это снижение пищевого рациона на пять процентов. Затем нам начнут присылать призывные повестки, и только если эти меры не подействуют, к расстрелу приговорят каждого десятого — но не более. И лишь в том случае, если мы на протяжении трех месяцев не будем справляться с планом, нас, возможно — подчеркиваю, возможно,— закроют. Даже в этом случае у нас остается право обратиться в Верховный суд Эстес-Парка. Могу вас заверить: прежде чем подчиниться решению о полном закрытии, мы обязательно воспользуемся этой возможностью.

— А повторный запрос на замену главного механика уже направляли? — послышался еще чей-то голос.

— Да,— ответил Николас. Вот только на всем белом свете второго такого, как Мори Соуза, больше не сыщешь, подумал он. Разве что в других убежищах. Притом, что из... дай бог памяти, сколько их там всего? — из ста шестидесяти тысяч «термитников» в Западном полушарии ни в одном даже говорить не захотят о том, чтобы отпустить действительно стоящего главного механика. А для этого надо еще связаться хотя бы с несколькими из них. Вот, например, пять лет назад ребята из «Джуди Гарленд» — того «термитника», что к северу от нас,— пробурили горизонтальную шахту, добрались до нас и молили — буквально молили — одолжить им на время Соузу. Всего-то на месяц. Мы твердо сказали «нет».

— Отлично,— поспешил вмешаться комиссар Нуньес: по доброй воле никто вопросов по теме не задавал.— Проведем летучку, чтобы убедиться, насколько до вас дошли слова Протектора,— он ткнул пальцем в сторону молодой супружеской пары.— Что послужило причиной прорыва нашего защитного экрана вокруг Детройта? Встаньте, пожалуйста, и назовитесь.

Молодожены неохотно поднялись с мест, муж ответил:

— Джек и Мира Фрэнкис. Причиной поражения стало применение Нар-Демом новой ракеты-распылителя «Галатея Тип-3», действующей на субмолекулярном уровне. Я так думаю. Что-то вроде этого.

Он с несчастным видом уселся обратно и усадил супругу.

— Неплохо,— кивнул Нуньес — объяснение было вполне удовлетворительным.— А почему Нар-Дему временно удалось опередить нас в военных технологиях? — он окинул взглядом зал, выбирая следующую жертву.— Может быть, это вызвано промахами нашего руководства?

Поднялась женщина средних лет — явно старая дева.

— Мисс Гертруда Праут. Нет, скорее всего, руководство тут ни при чем,— выпалила она и плюхнулась обратно в кресло.

— Тогда в чем же дело? — произнес Нуньес, по-прежнему обращаясь к ней.— И будьте добры, мадам, прежде чем ответить, встаньте. Благодарю вас.

Мисс Праут неохотно поднялась.

— Может быть, это мы что-то упустили? — подсказал Нуньес.— Я имею в виду не наш «термитник», а всех нас, жителей подземелья, производителей военной техники, в целом.

— Да-да,— покорно, срывающимся голосом подтвердила мисс Праут.— Мы не сумели произвести...— она запнулась, тщетно

пытаясь припомнить, что именно. Повисла напряженная, неловкая пауза.

Николас не выдержал.

— Друзья, мы производим основное орудие войны. Ведь «жестянки» могут жить в радиоактивных зонах, на территориях, зараженных самыми разными формами смертоносных бактерий, переносить воздействие вещества, разрушающего хлинэстеразу...

— Холинэстеразу,— поправил его Нуньес.

— ...и только благодаря этому мы все еще живы. Этим устройствам, собранным в наших цехах, мы обязаны жизнью — во всех смыслах. Вот что хотел сказать комиссар Нуньес. Необходимо понять, почему мы должны...

— Я сам справлюсь,— негромко заметил Нуньес.

— Нет, Дейл. Позволь уж мне.

— Ты уже сделал одно непатриотичное заявление. Газ, который разрушает холин, изобрели американцы. А посему я приказываю тебе сесть на место.

— Ради бога,— возразил Николас.— Я отказываюсь подчиниться. Люди устали, и сейчас не место и не время для придирок. Смерть Соузы...

— Нет, как раз самое время,— заявил Нуньес.— Я учился в берлинском психиатрическом «Ваффен-Институте» под руководством самой миссис Морген — а там знают свое дело.

Он повысил голос, обращаясь к аудитории:

— Как вы все понимаете, наш главный механик...

— Знаешь, комиссар? — весьма недружелюбно крикнул кто-то из зала.— То есть пол-ком Нуньес, сэр... Давай мы дадим тебе мешок репы и посмотрим, сможешь ли ты выдавить из нее бутылку крови. Идет?

Люди в зале начали одобрительно перешептываться.

— Я же предупреждал,— заметил Николас, глядя, как комиссар, весь пунцовый от негодования, судорожно впился в свои конспекты скрюченными пальцами.— Может, все-таки отпустим людей по домам?

— Между избранным вами президентом и мной возникли некоторые разногласия,— громко объявил Нуньес.— Чтобы прийти к компромиссу, я задам всего один вопрос.

Он помолчал, обводя глазами зал. Присутствующие устало и со страхом смотрели на него. Толпа, которая только что объединилась, превратившись в агрессивное сканирующее существо, смолкла. Нуньес сделал их, потому что Нуньес — единственный в убежище — был не гражданином, а чиновником Зап-Дема. Ему

стоит только скомандовать, и в «термитник» по шахте тут же спустятся полицейские — правда, люди, а не роботы. Но если у Броуза, паче чаяния, под рукой не окажется полицейских, то обитателям бункера придется иметь дело со штурмовой командой закаленных в битвах «жестяных дев».

— Итак,— объявил Николас,— комиссар задаст еще один вопрос. Последний. А потом — слава тебе, Господи,— мы все наконец отправимся баиньки,— и уселся обратно в кресло.

Нуньес выдержал паузу.

— Как,— тихо, ледяным тоном спросил он,— нам искупить свою вину перед мистером Янси?

Николас беззвучно застонал. Но никто, даже он сам, не имел законной — равно как и какой-либо другой — власти остановить этого человека, которого чей-то насмешливый голос из зала только что так корректно назвал пол-комом. Но так ли плох Закон? Именно комиссар Нуньес был живым связующим звеном между «термитником» и правительством Эстес-Парка; в идеале, через Нуньеса они получали возможность принимать запросы и обсуждать проблемы с другими убежищами и правительством — даже сейчас, в пекле мировой войны.

Вот только «термитов» раздражал напор Дейла Нуньеса. Комиссар привык всегда поступать так, как он считал нужным,— вернее, так, как считало нужным его начальство наверху. Сегодняшний случай с собранием после отбоя был весьма показателен. С другой стороны, какова альтернатива?

Однажды кое-кто — он тут же огромным усилием воли заставил себя навсегда забыть имена этих людей — сделал Николасу заманчивое предложение: что, если как-нибудь ночью полком исчезнет без лишнего шума? Нет, ответил тогда Николас. Это ничего не даст. Потому что они тут же пришлют другого. Кроме того, Дейл Нуньес все-таки человек. А не безликая сила. Или вы хотите, чтобы Эстес-Парк был для вас просто силой, которая обращается к вам с телеэкранов? Хотите видеть и слышать — но не иметь возможности что-то сказать в ответ?

Поэтому, хотя комиссар Нуньес напоминал прыщ на ровном месте, Николас признавал необходимость его присутствия в «Томе Миксе». Тех радикалов, которые явились к нему тогда на ночь глядя и предложили простое и действенное решение этой проблемы, ему удалось переубедить — во всяком случае, он очень на это надеялся.

Во всяком случае, Нуньес все еще был жив. Не исключено, что именно его доводы заставили радикалов отказаться от этой

идеи... а ведь это было аж три года назад, когда Нуньес впервые проявил свою чрезмерную ретивость.

Догадывался ли об этом сам Нуньес? Представлял ли, что находится в двух шагах от гибели и что некто иной, как Николас, убедил тех людей не трогать его?

Интересно узнать, какова была бы реакция Нуньеса, узнай он обо всем. Благодарность?

Или — презрение.

В этот момент Кэрол сделала жест в его сторону. Она подзывала его — прямо на глазах у всех присутствующих в Оргзале! Пока Нуньес шарил по рядам глазами, выбирая очередную жертву, Кэрол — невероятно! — сигналила Николасу, что он должен немедленно выйти вместе с ней.

Призывные жесты доктора привлекли внимание не только Николаса, но и его жены. Рита тут же сделала каменное лицо и уставилась куда-то поверх головы Кэрол, словно ничего не заметила. Дейл Нуньес, который как раз выбрал цель, тоже заметил ее жестикуляцию и нахмурился.

Однако Николас послушно встал и, сопровождаемый Кэрол, покинул Оргзал. Они вышли в пустынный коридор, где не было никого, кроме них.

— Во имя всего святого,— спросил он, когда они остановились,— что тебе нужно?

Взгляд, брошенный им вслед Нуньесом, был весьма красноречив... Похоже, ему предстоит услышать от комиссара много интересного.

— Хочу, чтобы ты заверил свидетельство о смерти,— сказала Кэрол, направляясь к лифту.— Бедный старина Мори...

— Но с чего такая спешка? — она явно не договаривала, и он это знал.

Кэрол не ответила, и всю дорогу до клиники они не сказали друг другу ни слова — пока не зашли в холодильный отсек, где лежало застывшее тело. Бросив беглый взгляд под простыню, он закрыл камеру и одну за другой подписал справки, которые Кэрол уже разложила рядом. Пять экземпляров, аккуратно отпечатанные, готовые к отправке наверх по видлайну, где их примут бюрократы.

И тут Кэрол расстегнула пуговицу своего белоснежного халата и вытащила крошечный электронный прибор, в котором Николас мгновенно узнал потайной диктофон. Она вынула из него катушку с пленкой, отперла маленький сейф с выдвижными ящичками, предназначенный для медикаментов,— и его изумлен-

ному взгляду предстал целый набор таких же катушек и другие электронные устройства. Ни одно из которых, насколько он мог судить, не имело ни малейшего отношения к медицине.

— И как это понимать? — спросил он, на сей раз уже более спокойно. Очевидно, она хотела, чтобы он увидел все это — и диктофон, и хранилище бобинок, которые она держала подальше от посторонних глаз. Он знал Кэрол так же хорошо, так же близко, как и все прочие обитатели «Тома Микса». Это что-то новенькое

— Я записала речь Янси,— сказала Кэрол.— Ну, ту ее часть, при которой присутствовала.

— А остальные катушки?

— Тоже Янси. Предыдущие речи. За весь последний год.

— А разве это законно?

Кэрол сложила все копии свидетельства о смерти Мори Соузы и вставила в ксерокс-передатчик, который по проводам передаст в архивы Эстес-Парка.

— Вообще-то, да. Я узнавала.

Николас вздохнул с облегчением:

— Иногда мне начинает казаться, что у тебя не все дома.

Ее мысли всегда текли в каком-то необычном, странном направлении, вспыхивая и отражая всю полноту ее внутренней вселенной, каждый раз безмерно удивляя Николаса. Ему было не угнаться за этим течением, и это порождало нечто вроде благоговейного трепета.

— Объясни.

— Ты обратил внимание, что он несколько раз использовал французское выражение coup de grace — «решающий удар»? В конце февраля он произносил последнее слово как «грас». А в марте...— она достала из сейфа таблицу с примерами и сверилась с ней.— Вот, пожалуйста, двенадцатое марта. Произнес «ку де гра». Затем, в апреле, пятнадцатого, снова прозвучало «грас»,— она подняла глаза и пристально взглянула на Николаса.

Он устало и раздраженно пожал плечами.

— Слушай, можно я пойду спать? Давай обсудим это как-нибудь в другой...

— Далее,— непреклонно продолжала Кэрол,— третьего мая в своей очередной речи он снова использовал это выражение. Достопамятная речь, в которой он объявил, что Ленинград практически уничтожен,— она бросила взгляд в таблицу.— Судя по всему, «ку де гра». Без буквы «с». То есть вернулся к самой ранней форме произношения,— она сунула таблицу обратно в

сейф и заперла его. Николас отметил, что замок отпирался и запирался не только обычным ключом, но еще и сканировал отпечатки ее пальцев. Даже если заполучить дубликат ключа — или ее собственный ключ — отпереть сейф не удастся. Открыть его может только она сама.

— Ну и что?

Кэрол ответила:

— Сама не знаю, но это неспроста. Кто ведет наземную войну?

— «Жестянки».

— А где же люди?

— Слушай, ты прямо комиссар Нуньес номер два — допрашиваешь людей после отбоя, когда им уже давно пора быть в...

— Все люди живут в «термитниках»,— продолжала Кэрол.— Под землей. Ну, как мы. Но если ты подаешь заявку на артифорг, тебе отвечают, что их поставляют исключительно в военные госпитали — по всей видимости, они находятся на поверхности.

— Даже не знаю, что сказать,— пробормотал он.— Мне вообще плевать, где они — эти самые госпитали. Меня волнует только одно: они пользуются определенными преимуществами, а мы — нет.

— Но ведь войну ведут жестянки. Кто тогда лечится в военных госпиталях? Жестянки? Нет. Поврежденные жестянки поступают в ремонтные мастерские под землю — например, к нам. Но «жестяная дева» — это конструкция из металла, и поджелудочной железы у нее нет. Разумеется, на поверхности есть живые люди, хотя их очень немного. Например, правительство Эстес-Парка. А в Нар-Деме — советское правительство. Хочешь сказать, все эти поджелудочные железы — для них?

Он молчал. Кэрол совершенно озадачила его.

— Нет,— продолжала она,— здесь что-то не так. Нет никаких военных госпиталей, поскольку снаружи нет ни гражданского населения, ни живых солдат, которые могли бы получить ранения во время военных действий и нуждались бы в артифоргах. И тем не менее они отказываются присылать нам артифорги. Они отказали мне, когда я просила поджелудочную для Соузы. Хотя им отлично известно: без Соузы нам не выжить. Подумай над этим, Ник.

— Хм-м-м...— это все, что он мог сказать.

— Знаешь, Ник,— спокойно сказала Кэрол,— тебе придется придумать что-нибудь поумнее, чем «хм-м-м». Причем, очень скоро.

Глава 4

На следующее утро, едва открыв глаза, Рита заявила:

— Я видела, как ты вчера ушел с этой... как ее... Кэрол Тай. Как это понимать?

Николас, заспанный и помятый — его лишили возможности даже ополоснуть лицо холодной водой, не говоря уже о том, чтобы побриться и почистить зубы,— проворчал:

— Надо было заверить свидетельства о смерти Соузы. Вот и все дела.

Он прошлепал к ванной, которой помимо них с Ритой пользовались их соседи справа, и обнаружил, что дверь заперта.

— Ну ладно, Стью,— проворчал он.— Хорош скрестись, открывай.

Дверь открылась. Как и ожидалось, в ванной находился младший брат Николаса. Стоя перед зеркалом, он с виноватым видом соскребал с подбородка все, что там успело вырасти.

— Не обращай на меня внимания,— сказал Стью.— Заходи и...

Из комнатки Стью донесся визгливый голосок Эдит, его жены:

— Мы сегодня первые, Ник! Вчера твоя женушка весь вечер там полоскалась. Думаю, ты можешь подождáть.

Ник покорно закрыл дверь ванной и поплелся на кухню — слава богу, она принадлежала только им с Ритой — и поставил кофейник на плиту. Пришлось разогревать вчерашний кофе — на то, чтобы сварить свежий, просто не хватило бы энергии. В любом случае синтетических зерен оставалось всего ничего. Их все равно не хватит до конца месяца. Опять придется канючить, одалживаться или меняться с другими «термитами», отдавать сахар — они с Ритой почти его не употребляли,— чтобы получить эти странные коричневые эрзац-зернышки.

А ведь он мог пить кофе до бесконечности. О да. Если бы была возможность. Но, как и все прочее, кофе — или, как его именовали в накладных, «син. коф. зрн.» — выдавалось строго по спискам, в строго ограниченном количестве. За эти годы он научился с этим мириться — на уровне разума. Но организм страстно требовал больше.

Он до сих пор помнил, как впервые попробовал настоящий кофе — еще до войны. Тогда ему было всего девятнадцать, он учился на первом курсе и как-то решил выпить кофе вместо

детского пойла — солодового молока. Он как раз вступил во взрослую жизнь... а потом началось это.

Но, как любил говорить Тэлбот Янси, улыбаясь или хмурясь — смотря по ситуации: «По крайней мере нас не испепелили, несмотря на угрозы. Потому что у нас был целый год на то, чтобы уйти под землю, и этого не следует забывать». И Николас не забывал. Стоя у плиты, где разогревался вчерашний синтетический кофе, он думал о том, что пятнадцать лет назад мог быть испепелен. Он мог принять ужасную смерть от паралича, когда весь холин в его организме был бы разрушен американским нервно-паралитическим газом — самым чудовищным на тот момент оружием, которое оказалось в руках высокопоставленных идиотов из бывшего Вашингтона, округ Колумбия. Наивные! Они полагали, что антидоты, атропин и прочие прелести защитят их от чего угодно. Например, от нервно-паралитического газа, произведенного на Ньюпортском химическом заводе в Западной Индиане по заказу печально знаменитой корпорации ФМК. Правда, от советских ракет им спастись не удалось. Николас понимал все это и радовался. Он остался жив и может пить этот син. коф.— по правде сказать, довольно горький.

Дверь ванной распахнулась, и Стью объявил:

— Все, я закончил!

Николас уже направился к ванной, но в этот момент в дверь прихожей постучали.

Черт бы подрал это президентство... Он подошел к двери, распахнул ее и оказался лицом к лицу с четверкой «термитов». Очередная делегация. Йоргенсон, Холер и Фландерс — активисты «термитника», кто же еще; на заднем плане — Петерсон, Гранди, Мартино, Джиллер и Кристенсон, группа поддержки. Николас тяжело вздохнул. И впустил всю компанию.

Стараясь не шуметь — на это у них ума хватило — делегаты прошли в квартирку президента, и внутри стало не повернуться. Едва притворив входную дверь, Йоргенсон начал:

— В общем, мы решили обтяпать это дело, президент. До четырех утра обсуждали,— он говорил негромко, но твердо и решительно.

— Обсуждали что? — спросил Николас, хотя уже понял, о чем пойдет речь.

— Короче, мы займемся этим самым пол-комом Нуньесом. Устроим потасовку на двадцатом этаже — туда добраться непросто, потому что все проходы заставлены ящиками с запчастями

для «жестянок». Пока он с нами разберется, пройдет не меньше получаса. И у вас будет время. Время, которое вам нужно.

— Кофе? — предложил Николас, направляясь на кухню.

— И сделаем все прямо сегодня,— сказал Йоргенсон.

Николас прихлебывал кофе и молчал. Больше всего на свете он жалел, что не добрался до ванной. Запереться там, чтобы никто не смог его достать — ни жена, ни братец, ни его благоверная, ни эта делегация.

Ни Кэрол, добавил он. Как было бы здорово — запереться там. Хотя бы на минутку. И просто посидеть в одиночестве и тишине. Просто посидеть.

А потом, отсидевшись какое-то время, он, возможно, смог бы немного поразмышлять. И ощутить самого себя. Не Николаса Сент-Джеймса, президента подземного «термитника» «Том Микс», а просто человека. И тогда он, возможно, поймет, прав ли комиссар Нуньес и действительно ли закон есть закон. Или права Кэрол Тай, и здесь в самом деле происходит что-то странное и неправильное — что бы она ни хранила в своем контейнере на пленках с записями речей Янси за последний год. Coup de gras, подумал он. Именно то, что мне требуется,— решительный удар по башке.

Не выпуская чашку из рук, он повернулся к делегации активистов.

— «Сегодня!» — передразнил он Йоргенсона, которого всегда недолюбливал. Здоровенный детина с красной бычьей шеей — типичный любитель пива с соленой рыбкой.

— Мы знаем, что это надо сделать поскорее,— негромко проговорил Холер. Потом он заметил Риту, которая причесывалась перед зеркалом, и занервничал. Впрочем, остальные тоже чувствовали себя не в своей тарелке. Естественно, они боятся этого копа... пол-кома. И все-таки рискнули прийти.

— Позвольте, я объясню ситуацию,— начал Николас.— Что касается артифоргов...

Фландерс не дал ему договорить.

— Мы узнали все, что вообще можно было узнать. Все, что хотели узнать. Послушайте, президент: мы знаем, что за гадость они затевают.

Шестеро или семеро делегатов посмотрели на своего товарища со смесью нервозного раздражения и разочарования. Казалось, их напряжение переполняет крошечную — точнее сказать, стандартного размера — квартирку, где обитал Николас.

— Кто именно?

— Шишки из Эстес-Парка,— ответил Йоргенсон.— Они всем этим заправляют. А своим микки-маусам вроде Нуньеса только указывают, кого и где прижимать.

— И что же они задумали?

— А вот что,— Фландерс едва не заикался от волнения.— Им не хватает еды — чтобы просто прокормиться. И они готовы найти любой предлог, только бы закрыть какой-нибудь «термитник» — все равно где. Мы не знаем, сколько убежищ они хотят закрыть. Но «термитам» останется только выйти на поверхность, на верную смерть... может, много, а может, пару-тройку... Все зависит от того, насколько их приперло.

— Вот видишь,— взмолился Холер, обращаясь к Николасу — почти в полный голос, за что получил от соседа локтем в бок и тут же перешел на шепот,— им нужен только предлог. А предлог у них будет — как только мы не выполним месячный план по жестянкам. Помнишь, вчера вечером, после этого телефильма про падение Детройта, Янси объявил, что план поднимут? Мы сразу догадались: они поднимут план, и все «термитники», которые не справятся, будут закрыты. Мы, например. А там, наверху...— он ткнул пальцем в потолок,— мы просто сдохнем.

— Так же, как Николас,— едко заметила Рита, не отрываясь от зеркала,— которого вы собираетесь отправить за артифоргом.

— Миссис Сент-Джеймс,— Холер повернулся к ней,— он наш президент. Мы его выбрали. Именно потому и выбрали, что он... короче, сами знаете. Лучше помогите нам.

— Ник вам не отец родной,— возразила Рита.— И не волшебник. И не член правительства Эстес-Парка. Он не может произвести на свет искусственную поджелудочную железу. Он не может...

— Вот деньги,— перебил ее Йоргенсон, протягивая Николасу толстый белый конверт.— Здесь только запдемовские пятидесятки. Сорок купюр. В общем, двадцать тысяч запдемдолларов. Вчера поздно ночью, когда Нуньес отправился на боковую, мы обошли весь «Том Микс» и собрали.

Это примерно половина дохода убежища за... он никак не мог сосчитать в уме — слишком напряженный момент. За долгий, очень долгий период. Похоже, активистам пришлось потрудиться.

Рита снова заговорила — так же едко.

— Вот и делайте все сами. Вы уже собрали деньги. Теперь тяните жребий. И оставьте моего мужа в покое.

Ее голос стал мягче:

— Если кто-то из вас отлучится, Нуньес не сразу это заметит, а Ник все время на виду. По большому счету, вы можете отсут-

ствовать несколько дней, и никто не хватится, а если исчезнет Ник, Нуньес узнает об этом сразу, и...

— И что, миссис Сент-Джеймс? — вежливо, но твердо осведомился Холер.— Что он может сделать после того, как президент Сент-Джеймс войдет в шахту и поднимется на поверхность?

— Ник вернется, Джек. И Нуньес его прикончит.

Да и черт с ним. Возможно, я вообще не вернусь.

С явным, нескрываемым отвращением Йоргенсон полез в карман рабочей куртки и вытащил предмет — небольшой, с сигаретную пачку.

— Мистер президент,— хрипло произнес он — торжественным, официальным тоном, словно курьер, доставивший официальную ноту,— вам известно, что это такое?

Еще бы, подумал Николас. Самодельная бомба. И если я не отправлюсь наверх, причем прямо сегодня, ты заложишь ее где-нибудь у меня в квартире или в офисе. Ты установишь таймер, или приспособишь ее на манер мины-ловушки, и она взорвется и разнесет меня на куски — а заодно, скорее всего, и мою жену. А может быть, моего младшего брата и его жену или всех, кто в этот момент окажется в моем кабинете,— если взрыв произойдет в кабинете. Ведь вы, ребята, профессиональные электрики; профессиональные монтажники и сборщики — по крайней мере, среди вас таких достаточно. Впрочем, о любом из нас можно такое сказать — в какой-то степени... Вы отлично знаете, как все это устроить, стопроцентный успех вам гарантирован. Поэтому, если я не соглашусь отправиться на поверхность, ваш комитет уничтожит меня — безусловно и несомненно — плюс, скорее всего, несколько человек, которым посчастливится оказаться рядом. Если же я соглашусь, кто-нибудь непременно стукнет Нуньесу — среди полутора тысяч граждан у него есть свои люди,— и он пристрелит меня где-нибудь на полпути к поверхности, потому что такие прогулки по всем законам военного времени считаются преступлением.

— Послушайте, президент,— сказал Фландерс.— Я понимаю: вы думаете, что мы заставим вас ползти вверх по шахте, а наверху у выхода все время тусуются жестянки — ну, или почти все время,— чтобы спустить к нам очередного покореженного сотоварища... но послушайте...

— Новая шахта,— догадался Николас.

— Точно. Мы прокопали ее сегодня рано утром, как только заработал завод-автомат. Он так грохочет, что заглушил шум землечерпалки и всей прочей техники, которую пришлось использовать. Идет абсолютно вертикально. Просто шедевр.

— Он начинается от крыши помещения ВАА на первом этаже,— сказал Йоргенсон.— Это склад редукторов для «типа II». Внутри ствола тянется цепь, которая закреплена наверху — намертво, гарантирую, поклясться могу,— и ее не видно из-за...

— Врешь,— огрызнулся Николас.

Йоргенсон растерянно заморгал.

— Нет, честно...

— Да не могли вы за два часа пробурить вертикальный ствол до поверхности,— сказал Николас.— Давай колись.

После долгой, унылой паузы Фландерс промямлил:

— Мы начали ее бурить. Успели пройти почти сорок футов. Там осталась портативная землечерпалка. Мы решили, что запихаем вас в шахту с кислородным оборудованием, потом изолируем основание ствола, чтобы погасить вибрацию и шум.

— Понимаю,— сказал Николас.— Я заберусь в шахту и буду копать, пока не выберусь? И как по-вашему, сколько у меня на это уйдет? Учитывая, что я буду работать в одиночку, крошечной «землеройкой»?

После некоторого молчания кто-то из делегатов пробормотал:

— Два дня. Пищу и воду мы уже приготовили, а еще автономный космический скафандр — вроде тех, с которыми летали на Марс. Впитывает влагу, удаляет отходы организма — короче, делает все. Как ни говори, куда лучше, чем подниматься по основной шахте, где наверху разгуливают жестянки.

— Ага,— усмехнулся Николас,— а внизу — Нуньес.

— Нуньес в это время будет разнимать драку на двадцатом...

— Ладно,— вздохнул Николас.— Уговорили.

Делегаты, не веря собственным ушам, уставились на него.

Рита всхлипнула. Отчасти этот звук отчаяния был обращен к себе самой.

— Когда эта штука рванет, от нас ничего не останется,— проговорил Николас.— Вот что это значит,— он указал на коробочку в руке Йоргенсона. Ipse dixit[1], подумал он. А я еще помню кое-что из иностранных языков. Заявление, которое сделано, но ничем не подтверждено. И, с учетом ситуации, не хотел бы я увидеть, как его подтвердят. То, на что способна эта штука, приведет в ужас даже нашего пол-кома комиссара Нуньеса.

---

[1] Сам сказал, сказано *(лат.)* — ссылка на авторитетную личность или коллективный авторитет, даваемая вместо обоснования конкретного тезиса. (*Прим. ред.*)

Он отправился в ванную, закрыл — и запер — за собой дверь. Ему просто необходимо было хоть ненадолго остаться в одиночестве, в тишине. Побыть просто живым существом, а не Сент-Джеймсом, президентом стерильного подземного убежища времен Третьей мировой войны под названием «Том Микс», сооруженного в 2010 году от Рождества Христова. Через много лет после Рождества Христова, подумал он, через чертовски много лет.

Пожалуй, решил он, стоит вернуться — не с артифоргом, а с пакетной чумкой. Для всех вас до последнего человека.

Эта мысль неприятно поразила его. Конечно, все это ерунда. На самом деле — он понял это, открывая горячую воду, чтобы побриться,— на самом деле я просто до смерти перепуган. Я не хочу целых сорок восемь часов торчать в вертикальной шахте. Я не хочу ждать, пока снизу ко мне ворвется Нуньес или отряд полицейских-жестянок Броуза засечет звук землечерпалки. А еще мне страшно не хочется выбираться наверх — туда, где радиация, развалины, война. И смертельные болезни, от которых мы спаслись бегством, спрятались здесь. Я не имею ни малейшего желания выбираться на поверхность, даже если на то есть самые веские причины.

Он презирал себя за это; даже намыливая щеки, он не мог смотреть на свое отражение в зеркале. Нет, это просто невозможно. Он распахнул дверь ванной, которая вела в комнату Стью и Эдит, и крикнул:

— Эй, не одолжите мне ненадолго электробритву?

— Конечно,— отозвался брат и извлек бритву из ящика.

— А в чем дело, Ник? — спросила Эдит с весьма необычным — для нее — сочувствием.— Боже правый, ты выглядишь просто жутко.

— Я действительно жуткий,— ответил Николас, усаживаясь на неубранную постель, чтобы побриться.— Нужно очень постараться, чтобы заставить меня сделать что-то правильное.

Ему совершенно не хотелось вдаваться в подробности. Он скоблил себе щеки и сосредоточенно молчал.

Глава 5

Джозеф Адамс летел на своем флаппере над зелеными равнинами, полями, лугами, бескрайними просторами североамериканских лесов. Повсюду, точно созвездия, были разбросаны строения и поместья, возведенные в самых неожиданных местах. Он

летел из своего поместья на тихоокеанском побережье, где был полноправным владельцем, в Агентство в Нью-Йорк-Сити, где он был одним из множества янсменов — Людей Янси. Начинался первый рабочий день недели, долгожданный и наконец-то наступивший понедельник.

На соседнем сиденье лежал кожаный дипломат, на котором золотом было вытеснено «ДПА», а в дипломате лежала готовая речь. За спиной, на задних сиденьях, теснились четыре «жестяные девы» — его личные телохранители.

Почти всю дорогу он беседовал по видфону со своим коллегой по Агентству, Верном Линдбломом, обсуждая деловые вопросы. Верна трудно было назвать генератором идей или мастером слова, зато он был гениальным видеохудожником. В данный момент он был куда лучше, чем Джозеф Адамс, осведомлен о планах их московского шефа Эрнста Эйзенблата, поскольку находился в студии.

— На очереди Сан-Франциско,— сообщил Линдблом.— Я уже его строю.

— А масштаб какой? — спросил Адамс.

— Один к одному.

— В натуральную величину? — Адамс не поверил своим ушам.— И Броуз это одобрил? Или Эйзенблата опять посетила гениальная идея создать...

— Это только часть города. Ноб-Хилл и кварталы вдоль залива. На все про все около месяца, так что никакой спешки. Блин, вчера вечером прогнали фильм про Детройт...

В голосе Линдблома слышалось облегчение. Само собой, старший мастер может расслабиться. Генераторов идей в Агентстве пруд пруди, чего не скажешь о толковых макетчиках — те представляли собой совершенно закрытую гильдию, куда не были вхожи даже Броуз и его агенты. Они в чем-то были подобны мастерам по производству красного стекла во Франции тринадцатого века — уходили они, и вместе с ними уходило их искусство.

— Хочешь послушать мою новую речь?

— О Господи, нет! — искренне воскликнул Линдблом.

— Я написал ее собственноручно,— скромно сообщил Адамс.— Я выкинул машину в мусорник — она постоянно гонит одно и то же.

— Слушай,— Линдблом заговорил с неожиданной серьезностью.— Тут ходят слухи... вроде бы тебя собрались перевести с речей на какой-то особый проект. Только не спрашивай меня, на

какой именно,— мой источник такими сведениями не располагает. Это мне сказал один фоутмен,— добавил он.

— Хм-м,— Адамс пытался выглядеть спокойным, продемонстрировать невозмутимость, но на душе уже скребли кошки. Можно не сомневаться: если это оказалось важнее его основной работы, тут поработал Броуз и его контора. А в самом Броузе и его особых проектах было нечто весьма несимпатичное. Хотя...

— Может, тебе и понравится,— сказал Линдблом.— Вроде связано с археологией.

Адамс ухмыльнулся.

— Ясное дело. Советы сбрасывают ракеты на Карфаген.

— Вот именно. А тебе предстоит писать речи для Гектора, Приама и прочих деятелей. Советую обзавестись Софоклом — в качестве шпаргалки или чернового материала.

— Друзья мои,— торжественно начал Адамс,— у меня для вас печальные новости, исполнитесь мужества. Новая советская межконтинентальная баллистическая ракета «Дворник А-3» с химической боеголовкой распылила самую обычную радиоактивную столовую соль над окрестностями Карфагена, на территории площадью в пятьдесят квадратных миль, но это лишь доказывает...— он запнулся.— Кстати, что там производят в Карфагене на автофабриках? Вазы?

Не важно: это уже епархия Линдблома. Грандиозная панорама, усеянная керамическими черепками, отснятая мультифаксными объективами телекамер студии Эйзенблата в Москве — гигантской, оборудованной по последнему слову техники, и располагающей почти неограниченными возможностями.

— ...Это, дорогие мои друзья и сограждане, все, что им осталось. Как сказал генерал Хольт, мы уже нанесли ответный удар: недавно разработанное нами оружие устрашения, истребители «Полифем Х-В», уничтожило десятую часть военного флота в Афинах, и теперь, с Божьей помощью, мы сможем...

— Знаешь,— задумчиво заметил Линдблом — его голос доносился из небольшого динамика видфона,— будет чертовски забавно, если кто-нибудь из людей Броуза запишет все это на пленку.

Внизу с севера на юг потоком жидкого серебра змеилась широкая река. Джозеф Адамс выглянул наружу, чтобы в очередной раз полюбоваться Миссисипи, познать ее красоту. Эта красота не была создана рестбригадами; это была сверкающая под утренним солнцем частица довоенного мира. Подлинного мира, который не нужно было ни восстанавливать, ни воссоздавать: он

никогда не исчезал. Вид этой могучей реки, как и бескрайняя гладь Тихого океана, всегда успокаивала его, поскольку само их существование доказывало, что в мире есть что-то неподвластное разрушению, нечто спасительное.

— Да и пускай записывает,— буркнул Адамс, ощутив прилив энергии. Вид этой сверкающей внизу ленты наполнял его силой — достаточной для того, чтобы прервать разговор, выключить видфон. Вдруг Броуз действительно подслушивает.

А затем за Миссисипи он увидел творение рук человеческих — нагромождение тяжеловесных строений, которые почему-то казались ему забавными. Поскольку это были циклопические сооружения — жилкомпы, возведенные неуемным Луисом Рансиблом. Этот человек, чья армия строителей, многочисленных, как муравьи, маршем прошла по стране, ничего не разрушая своими жвалами, но созидая бесчисленным количеством металлических рук гигантские общежития — с детскими городками, бассейнами, теннисными кортами и площадками для дартса.

Перефразируя евангелиста Иоанна, можно сказать: «И познаете истину, и истиной поработите других». Или, как сказал бы Янси: «Дорогие мои американцы! Передо мной лежит документ столь священный и значимый, что я хотел бы попросить вас...», и так далее. Откуда-то навалилась усталость. А ведь он еще не добрался до Нью-Йорк-Сити, до дома 580 на Пятой авеню. До Агентства еще лететь и лететь, и рабочий день еще не начался. Сидя в своем поместье на побережье Тихого океана, он чувствовал, как тонкие, извивающиеся, туманные щупальца одиночества крепнут день ото дня и тянутся к его горлу. Но сейчас, пролетая над этими землями — над возрожденными, над теми, которым (боже, какая жалость!) еще только предстоит возродиться, над «горячими зонами», похожими на пятна стригущего лишая, разбросанные повсюду,— он испытывал неловкость и стыд. А еще точнее — жгучее чувство вины. Не потому, что восстановление — это скверно. Просто *все это* было скверно само по себе, и он знал, кто в этом виноват.

Вот было бы здорово, подумал он, если бы уцелела однаединственная ракета. На орбите. Нажать бы такую большущую старомодную кнопку, которыми когда-то пользовались вояки. Выпустить эту ракету — «Пуффффф!» — прямо по Женеве. По Стэнтону Броузу.

Даст бог, в один прекрасный день он, Джо Адамс, зарядит свой вак не речью — пусть даже это будет хорошая речь, вроде той, которую он закончил вчера ночью и которая сейчас лежит

рядом с ним,— а простым честным рассказом о том, как все обстоит в действительности. Через вак он загрузит запись в симулятор, а затем переведет на аудио и видео-пленки. Система автономна, редактировать материалы никто не будет — разве что Эйзенблату вздумается заглянуть на чашку кофе в неподходящий момент... впрочем, официально даже он не вправе корректировать содержание речи.

А потом небо упадет на землю.

Интересно бы на это посмотреть, усмехнулся Адамс. Само собой, с безопасного расстояния.

«Слушайте все»,— произнесет он, начиная программировать «Мегавак 6В». И все эти забавные крошечные штучки, которыми начинен вак, тут же придут в движение, и изо рта «кена» польются слова — но не такие, как обычно. Они заиграют множеством тонких смысловых оттенков, придав невероятную убедительность этому, откровенно говоря, до неприличия убогому и пустому тексту. Ведь даже он, пройдя «Мегавак-6В», звучал из телеприемников и динамиков вдохновенной речью, и ни один здравомыслящий человек ни на секунду не усомнился бы в том, что в ней говорилось,— а тем более люди, которые пятнадцать лет провели в подземных убежищах, отрезанные от всего мира. И вот теперь, когда сам Янси, как в одном древнем парадоксе, произнесет: «Все, что я говорю,— ложь», это сначала обескуражит, а потом заставит глубоко задуматься.

И чего бы он этим добился? Женева не преминет прицепиться к нему. «Мы вами недовольны, мистер Адамс»... Джо представил себе, как это произносит голос, который он давно успел возненавидеть — как и все остальные янсмены. Суперэго — так называли этот голос довоенные интеллектуалы, или Ayenbite of inwyt[1] — или как там говорили в Средние века. Совесть.

Стэнтон Броуз, окопавшийся в своем особняке «Фестунг»[2] в Женеве, похожий на средневекового алхимика в остроконечном колпаке, на гниющую разлагающуюся рыбу — блестящую и зловонную, отливающую опаловой белизной морскую рыбу, дохлую макрель с тусклыми глазами... а может, Броуз выглядит совсем не так?

---

[1] Угрызения совести *(староангл.)*. Название сделанного Дэном Майклом из Нортгейта (1340) перевода французского трактата «Сумма грехов и добродетелей». Этот трактат написан монахом Лаврентием Галлом для короля Филиппа II. *(Прим. ред.)*

[2] «Крепость» *(нем.)*.

Лишь два раза в жизни Джозеф Адамс видел Броуза во плоти. Броуз был стар. Сколько ему, неужели восемьдесят два? Непохоже. Не скелет, обмотанный лохмотьями полупрозрачной сухой плоти, вовсе нет. В свои восемьдесят два года Броуз весил, наверное, целую тонну, ходил вразвалку, колыхаясь всем своим огромным телом, совал нос во все дела, брызгал слюной... Его сердце билось — конечно, это было искусственное сердце, а еще у него была искусственная селезенка и искусственный... в общем, и так далее.

И тем не менее это был настоящий Броуз. Поскольку мозг у него не был искусственным — такой вещи просто не существовало. Правда, до войны в Фениксе существовала некая «Артифорг Гэн Корпорейшн» — но ее продукт относился к той категории, которую Адамс называл «подлинным фальшивым серебром»... Это целая вселенная подлинных подделок, которые плодились как грибы после дождя.

Тебе кажется, что в эту вселенную можно войти в дверь с табличкой «ВХОД», пройти этот мир насквозь и выйти в дверь с табличкой «ВЫХОД» — примерно через пару минут... Но этот мир бесконечен, как склады реквизита на московской киностудии Эйзенблата, это целая анфилада, и дверь с надписью «ВЫХОД» оказывается дверью с надписью «ВХОД», ведущей в следующую комнату.

И теперь... Если прав Верн Линдблом, если прав человек из лондонской частной разведывательной корпорации Вебстера Фоута, распахнулась еще одна дверь с надписью «ВХОД». Ее распахнула трясущаяся старческая рука, протянувшаяся из Женевы... Сознание Адамса подхватило метафору, развило, она стала зримой, пугающей. Он видел эту дверь мысленным взором, он чувствовал дыхание царящей за ней тьмы — тьмы, не нарушенной ни одним лучиком света, тьмы, куда ему предстоит войти с бог знает каким заданием. Это не похоже на ночной кошмар — оно такое же бесформенное, как черный безразличный туман снаружи и внутри, но только...

...слишком четкое. Этот кошмар сформулирован предельно понятными словами, присланными в мемо из логова этого проклятого монстра из Женевы. И генерал Хольт, и даже маршал Харензанный, который вообще-то был офицером Красной Армии, а не козлом, которого по ошибке пустили в огород,— даже Харензанный иногда прислушивался к тому, что им говорили. Но этот старый слюнявый мешок, нафаршированный артифоргами... Он жадно поглощал их один за другим, опустошая и без того скудные фонды,— но оставался глух.

В буквальном смысле слова. Много лет назад его органы слуха отказали. Тем не менее Броуз отказался заменить их искусственными: ему просто нравилось ничего не слышать.

Броуз просматривал каждую запись выступлений Янси — и даже прослушивал. Это было чудовищно: Адамс представлял себе, как эта грузная полумертвая туша воспринимает звуковое сопровождение через провода, через электроды, умело вживленные в надлежащую часть мозга... в единственный собственный орган. Броуз превратился в этакого Железного Дровосека. Он стал просто набором пластиковых запчастей для тела, произведенных «Артифорг Гэн Корпорейшн»,— сложных, безотказных (до войны корпорация с гордостью давала пожизненную гарантию, а в соответствующих структурах бизнеса хорошо представляли, что это означает). В принципе, на что-то подобное могли претендовать и не столь крупные фигуры — например, любой из янсменов. Номинально запасы артифоргов в подземных складах под Эстес-Парком принадлежали всему кругу янсменов, а не одному Броузу.

Но на самом деле все было куда сложнее. Когда у Шелби Лейна — Адамс был частым гостем в его поместье в Орегоне — отказала почка, необходимого артифорга на складе не оказалось, хотя все прекрасно знали, что почки есть. Лежа в своей огромной спальне, окруженный встревоженными «жестянками» Лейн не поверил своим ушам, когда ему объяснили, что произошло. Оказывается, Броуз заранее закрепил за собой эти три искусственные почки. Он присвоил эти чертовы почки, «заморозил» их на складе, лишил остальных возможности ими воспользоваться, и эту «опережающую» заявку почти признали законной... Бедняга Лейн обратился в Примирительный Совет, или, как его называли, Прим-Совет, который постоянно заседал в Мехико-Сити, вынося решения по территориальным спорам между владельцами поместий. В состав этого совета входило по одной «жестяной деве» каждого из существующих типов. Лейн не проиграл это дело, но и не выиграл, поскольку умер. Он умер, дожидаясь решения по делу о прикреплении. А Броуз — Броуз продолжал жить, зная, что его почки могут отказать еще трижды. Можно было подать иск в Прим-Совет — и не дождаться решения, подобно Лейну, а после смерти истца иск автоматически аннулировался.

Жирный старый клоп, подумал Адамс. И тут впереди показался Нью-Йорк — его шпили, послевоенные высотные здания, эстакады и туннели. И флапперы, похожие на фруктовых мушек,— подобно его собственному, они несли янсменов в офисы. Понедельник начался.

А через несколько мгновений его собственный флаппер, подобно фруктовой мушке, уже парил над особенно высоким зданием цвета «кардинал»[1]. Это и был дом 580 по Пятой авеню, главный офис Агентства.

По большому счету, Агентство занимало весь город. Все здания вокруг были частью гигантского аппарата, а дом 580 — лишь его центральным органом. Но именно здесь Джозеф Адамс исполнял свои непосредственные обязанности, здесь он окапывался, обороняясь от конкурентов, равных ему по уровню. Он был первоклассным сотрудником... а в его дипломате, который он теперь с надеждой прижимал к себе, лежал первоклассный материал — и он это знал.

Может быть, Линдблом прав. И русские действительно собираются бомбить Карфаген[2].

Он посадил флаппер на крышу, на пандус посадочной площадки, коснулся кнопки скоростного спуска — и машина заскользила вниз, на его этаж, к его офису.

Он вошел к себе в кабинет с дипломатом в руке, не ощутив ни тени, ни проблеска тревоги,— и замер: перед ним, мигая и щурясь, колыхалась бесформенная туша, шевелящая своими псевдоподиями, как тюлень плавниками, разевая рот в подобии довольной улыбки. Туша радовалась, видя его растерянность, его страх, который наводила как своим внешним видом, так и своим положением.

— Приветствую, мистер Адамс. Не уделите мне пару минут, сэр?

Каким-то непостижимым образом оно втиснулось в его кресло и поместилось за столом. Это был Стэнтон Броуз собственной персоной.

Глава 6

— Разумеется, мистер Броуз.

Джозеф Адамс почувствовал тошноту, рот наполнился слюной. Джо отвернулся и поставил дипломат на пол. Трудно было ожидать, что организм так отреагирует,— впрочем, как и на появление Броуза в его собственном кабинете. Нет, он не был испуган, не был устрашен. Он даже не испытал ярости от того, что Броуз ввалился сюда и ему не помешали хитроумные замки — он вва-

[1] Темно-красный, цвет мантии римских кардиналов. (*Прим. ред.*)

[2] В США тоже есть город с таким названием (Carthage). (*Прим. ред.*)

лился сюда и расположился, как у себя дома. Нет, все это не в счет. Его выворачивало, и тошнота затмевала все остальное.

— Может быть, вам требуется некоторое время, чтобы прийти в себя, мистер Адамс? — голос был вкрадчивый, тонкий — казалось, в надувную игрушку вселился злой дух, развлекающийся с натянутой мембраной.

— Д-да,— отозвался Адамс.

— Пардон... Вы же знаете, я ничего не слышу. Я должен видеть ваши губы.

Мои губы, подумал Адамс. Он повернулся к Броузу.

— Извините, один момент. У меня проблемы с флаппером.

Он вспомнил, что оставил во флаппере своих четырех верных спутников. Жестянки-ветераны, его телохранители.

— Позвольте...— начал он, но Броуз перебил — не то чтобы грубо, а так, словно Адамс не сказал ни слова.

— Мы выпускаем новый проект исключительной важности,— затренькал он.— Вам поручается писать для него текст. Смысл состоит в следующем...

Броуз смолк, вытащил из кармана огромный отвратительный платок и промокнул им рот, словно возвращая бесформенной плоти, похожей на кусок теста или мягкий пластик, прежнюю форму.

— В ходе работы над этим проектом — никаких документов, никаких телефонных разговоров. Словом, никаких записей. Все обсуждать только устно, только с глазу на глаз: я, вы и Линдблом, который будет строить макеты.

Ха, торжествующе подумал Адамс. Агентство Вебстера Фоута, всемирное частное разведывательное управление со штабквартирой в Лондоне, уже сунуло свой нос в твои дела и разнюхало все, что хотело. Несмотря на меры безопасности, которые сделали бы честь психопату, Броуз проиграл, даже не начав игру. Вряд ли что-то могло доставить Адамсу большее удовольствие. Тошнота отступила. Он закурил сигару, прошелся по кабинету и с самым серьезным видом кивнул. Он просто сгорает от желания участвовать в этом жизненно важном, строго секретном предприятии.

— Конечно, сэр,— сказал он.

— Вы наверняка знаете Луиса Рансибла.

— Да, это тот, что строит жилкомпы,— кивнул Адамс.

— Смотрите на меня, Адамс.

Глядя прямо на него, Джозеф Адамс продолжал:

— Я пролетал над одним из его жилкомпов. Средневековые башни, да и только.

— Ну да,— пропищал Броуз,— они предпочли выбраться наружу. И оказались неспособны воссоединиться с нами — а мы не нашли им применения. На что еще они могли рассчитывать, кроме этих многоэтажных ульев? По крайней мере, они могут играть в китайские шашки. Куда более спокойное занятие, чем сборка «жестяных дев».

— Понимаете,— сказал Адамс,— между моим поместьем и Нью-Йорком три тысячи миль — одни прерии. Я пролетаю над ними каждый день. Причем дважды. И иногда это наводит на размышления. Я помню, каким было это место до войны, до того, как им пришлось укрыться в этих термитниках.

— Иначе, Адамс, они бы погибли.

— О да,— протянул Адамс,— я понимаю; они бы погибли, превратились бы в пепел, и жестянки замешивали бы его в строительный раствор. Просто иногда я думаю о шоссе 66.

— Ч-щ-щ-то такое, Адамс?

— Автострада. Она соединяла города.

— А, понимаю. Скоростная автомагистраль!

— Нет, сэр. Просто шоссе. Впрочем, это неважно.

Он почувствовал, как накатила усталость — такая сильная, что на долю секунды возникла мысль: сердечный приступ или какое-то еще серьезное физическое недомогание. Он осторожно положил сигару, уселся в кресло для посетителей по другую сторону стола, растерянно моргая, глубоко дыша и пытаясь понять, что происходит.

— О'кей,— наконец продолжал Адамс.— Я знаю Рансибла. Сейчас он наслаждается жизнью в Кейптауне и действительно — я это точно знаю — пытается создать нормальные условия для бывших обитателей убежищ. В квартирах есть встроенные электроплиты, шкафы-свиблы, трехмерные телевизоры, ковры из псевдошерсти во всю стену, на каждые десять человек выделяется «жестянка», которая делает всю черную работу — ну, убирает, моет... так в чем же дело, мистер Броуз? — он ждал, тяжело дыша от волнения.

— Недавно,— ответил Броуз,— одно «горячее пятно» в Южной Юте неподалеку от Сент-Джорджа остыло... правда, на картах оно отмечено по-прежнему. Это почти на границе с Аризоной. Сплошные красные скалы и больше ничего. Рансибловские счетчики Гейгера засекли падение уровня радиации раньше всех остальных, и Рансибл тут же застолбил участок, оформил заявку, ну и все такое прочее.— Броуз сделал неопределенный жест, выражающий «я не одобряю, но вынужден смириться».— Он

намерен через несколько дней отправить туда свои бульдозеры-автоматы и готовить площадки под новое скопище своих жилкомпов... Знаете, у него полным-полно всякого металлолома, который он таскает за собой по всему миру.

— Ему это необходимо,— заметил Адамс.— Вы видите, что за дома он строит. Зато жилкомпы растут как грибы.

— Короче говоря,— сказал Броуз,— этот участок нужен нам самим.

Врешь, подумал Адамс. Он встал, повернулся спиной к Броузу и сказал вслух:

— Врешь!

— Не слышу.

Адамс снова повернулся лицом к Броузу.

— Там одни скалы. Кому захочется строить там поместье? Боже мой, да ведь кое у кого из нас владения площадью по полтора миллиона акров!

Он пристально поглядел на Броуза. Это просто не может быть правдой, сказал он себе. Рансибл оказался там первым, потому что никому до него не было дела до того, какой там уровень радиации. Никто не платил Вебстеру Фоуту и его полевым бригадам, чтобы они вели наблюдение за этим участком. Рансибл получил его благодаря простой халатности. Так что не пытайся пудрить мне мозги, Броуз. Он почувствовал, как ненавидит эту тушу в своем кресле. Тошнота исчезла, уступив место подлинным эмоциям.

Очевидно, Броуз прочел это на лице Адамса.

— Допускаю, место, скорее всего, действительно негодное,— великодушно согласился он.— И до войны было таким, и осталось.

— Если вы хотите, чтобы я возглавил аудиочасть проекта,— заявил Адамс — он почти не верил, что осмеливается сказать такое в лицо самому Броузу,— то лучше расскажите как есть. Я очень плохо себя чувствую. Я всю ночь писал речь — от руки. А еще меня страшно достал туман. Он постоянно меня достает. Я зря приобрел поместье на побережье, да еще к югу от Сан-Франциско. Наверное, в Сан-Диего мне было бы лучше.

— Ладно,— отозвался Броуз.— Слушайте. Вы правы. Нас совершенно не интересует эта сухая пустошь на границе Юты и Аризоны. И никого из янсменов не интересует, разве что ради мрамора. Вот, взгляните.

Его плавники-псевдоподии каким-то чудом извлекли из-под стола сверток и развернули на столе, как рулон с образцами обоев.

Адамс осторожно разглядывал рисунки.

Очаровательно. Что-то вроде восточных росписей по шелку... но неужели из будущего? Он уже заметил, что изображенные предметы выглядят немного... неестественно.

Какие-то странные пистолеты с непонятными кнопками и выпуклостями. Электронные устройства, которые — как подсказывал ему внутренний голос — были совершенно нефункциональны.

— Ничего не понимаю,— сказал он.

— Это археологические находки, которые предстоит изготовить мистеру Линдблому. Думаю, для такого талантливого мастера подобная работа не покажется трудной.

— Но зачем?

И тут Адамс понял.

Это действительно фальшивое секретное оружие. Но не только оно. Броуз разворачивал свиток, и он увидел кое-что другое.

Черепа.

Некоторые из них были человеческими.

А другие — нет.

— Все эти штуки сделает Линдблом,— сказал Броуз.— Но сначала нужно посоветоваться с вами. Поскольку их найдут...

— Найдут?!

— Линдблом изготовит их на базе эйзенблатовской студии в Москве. Потом они будут зарыты на участке, где Рансибл собрался возводить свои жилкомпы. Однако мы должны быть уверены, что их сочтут невероятно ценными. В довоенном научном журнале «Мир природы» — как вам, наверное, известно, он был весьма популярен среди образованных людей по всему миру — должны быть опубликованы серии статей, в которых проводится анализ...

Дверь отворилась, и в кабинет, опасливо озираясь, вошел Верн Линдблом.

— Мне велели подойти сюда,— сказал он Броузу, затем перевел взгляд на Адамса. Но так ничего и не сказал. Не было нужды говорить, что час назад никто ровным счетом ничего не обсуждал.

— Смотрите,— сказал Броуз, обращаясь к Линдблому,— это рисунки находок, которые будут зарыты в Южной Юте. Причем, в соответствующем геологическом слое,— он развернул свитки так, чтобы Линдблом мог как следует рассмотреть их, и Верн окинул их взглядом профессионала.— Конечно, есть такая вещь, как время, но я уверен, что вы уложитесь. Не обязательно, чтобы

их обнаружил первый же бульдозер. Главное — чтобы артефакты нашлись прежде, чем они все перекопают и начнут застройку.

— Кстати,— произнес Линдблом,— а у вас есть свой человек в команде Рансибла? Кто обнаружит эти сокровища? Вдруг их попросту не заметят?

Похоже, Верн знает, к чему все это затевается, подумал Адамс. Кто-то его проинформировал, и очень неплохо. Сам Адамс, откровенно говоря, был сбит с толку. Однако он счел необходимым продолжать игру и снова принялся разглядывать рисунки. Надо сказать, они были выполнены тщательно и профессионально.

— Разумеется,— подтвердил Броуз.— Это инженер, а зовут его Роберт...

Он пытался вспомнить. Но в восемьдесят два мозг уже не так послушен, как раньше.

— А, Хиг! Боб Хиг. Если никто ничего не заметит, то это сделает он. Итак, Линдблом... вы приступаете? Эйзенблат уже в курсе, он предоставит вам все необходимое по первому требованию — любое оборудование, любые материалы, которые есть на студии. Правда, он не знает, зачем. И мы постараемся, чтобы об этом узнало как можно меньше народу.

— Так, значит, Хиг находит их,— сказал Линдблом,— и сообщает об этом Рансиблу. А тем временем...— он поглядел на Адамса,— ты пишешь статьи из довоенного «Мира природы». Где какой-нибудь всемирно известный археолог описывает находки такого же плана.

— Понятно,— отозвался Адамс. Теперь ему действительно стало понятно. Статьи, которые ему предстоит написать, будут напечатаны на искусственно состаренных листках, чтобы никто не усомнился в их подлинности. На их основании — на основании научно обоснованной позиции — правительство Эстес-Парка объявит эти штуки бесценными находками. Они будут направлены на рассмотрение Прим-Совета в Мехико — высшей судебной инстанции, стоящей и над Зап-Демом, и над Нар-Демом, не говоря уже о Луисе Рансибле, каким бы богатым и могущественным ни был этот великий строитель. И на основании этих подложных статей, опубликованных задним числом, Совет вынесет решение в пользу правительства Эстес-Парка. Территория, на которой обнаружены столь ценные находки, автоматически становится собственностью правительства.

Но... Броузу не нужна эта земля. Здесь что-то не так.

— Вы просто не понимаете,— проговорил Броуз.— Линдблом, объясните.

— Следите за ходом мысли,— сказал Верн.— Хиг — или еще кто-то из людей Рансибла, наблюдающих за «жестянками» и бульдозерами,— находит наши изделия и сообщает об этом Рансиблу. Американское законодательство — независимо от ценности находок, невзирая на...

— О Господи,— простонал Адамс.

Рансибл не дурак: он понимает, что обязан предоставить находки на рассмотрение правительства Эстес-Парка, иначе землю конфискуют автоматически.

— Он их утаит,— сказал Адамс.

— Ну разумеется! — восторженно завопил Броуз.— Мы обратились к миссис Морген из Института прикладных психологических исследований, она провела анализ документальных свидетельств и составила психологический портрет этого человека. Он полностью подтверждает выводы наших психологов. Черт побери, судите сами: он бизнесмен, ему нужны деньги и власть. Что для него значат бесценные древние творения инопланетян, которые высадились в Южной Юте шестьсот лет назад? А эти черепа... это не черепа Homo sapiens. В вашей статье будет опубликована фотография этого рисунка. Вы выскажете предположение, что в Юте приземлился корабль пришельцев. Вы попытаетесь восстановить их облик по костям и другим находкам. Вы напишете, что они нарвались на отряд индейцев и проиграли сражение, так и не сумев колонизировать Землю — причем это только предположения, поскольку в ваше время — тридцать лет назад — у вас было слишком мало доказательств. Вы возлагали надежду на новые находки. Вот они. Перед вами.

— Итак,— сказал Адамс,— у нас в распоряжении кости и оружие. Весьма показательно. Догадки тридцатилетней давности подтвердились, мы стоим на пороге величайшего научного открытия.

Он подошел к окну и сделал вид, что смотрит в стекло. Луису Рансиблу, создателю жилкомпов, сообщат о находках, и он сделает неверный ход. Он догадается, что их закопали на его территории специально, чтобы лишить его участка. Он сделает неверный ход — утаит находки и продолжит строительство.

А в это время...

Верный интересам науки — а не своего «босса», видя алчность этого строительного магната, Роберт Хиг — «скрепя сердце» сообщит о своей находке правительству Эстес-Парка.

И Рансибл автоматически становится преступником. По закону все довоенные находки — а «жестянки», которые почти постоянно перекапывают землю почти в каждом поместье почти каж-

дого янсмена, почти постоянно что-то находят — все довоенные находки, обладающие художественной или технической ценностью, становятся личной собственностью владельца участка. За исключением предметов чрезвычайной ценности.

Инопланетяне, которые шестьсот лет назад прилетели на Землю, вступили в бой с туземными племенами, проиграли бой и вынуждены были улететь... Разумеется, в Мехико, на заседании Прим-Совета, у Рансибла не будет ни единого шанса. Ему не помогут даже лучшие адвокаты планеты.

Но Рансибл не просто лишится своей земли.

Он получит от сорока до пятидесяти лет тюрьмы — в зависимости от искусства обвинителей Эстес-Парка. Несколько янсменов уже имели дело с «Декретом о бесценных находках», как назывался этот закон. Правительству не доложили о находках подобной важности, и это выплыло на поверхность... На Совете Рансибла обвинят во всех смертных грехах, его сотрут в порошок. Экономическая империя, которую он создал, его жилкомпы, возведенные по всему миру, перейдут в общественную собственность: это оговаривалось в «Декрете» — именно эта статья и делала его столь опасным. Человек, осужденный по этому закону, не только отправлялся за решетку — он лишался всего имущества.

Все это было очевидно. И Адамс уже представлял, какими должны быть его статьи для «Мира природы» тридцатилетней давности.

Однако...

Эта догадка заставила его окаменеть, тупо уставившись перед собой. Погрузившись в какое-то сонное оцепенение, он пассивно слушал диалог Броуза и Линдблома. Эти двое, без сомнения, понимали, зачем все это затевается,— в отличие от него самого.

Зачем правительству Эстес-Парка уничтожать Рансибла? В чем он виноват... или, по крайней мере, почему представляет для них угрозу?

Луис Рансибл строит жилье для обитателей убежищ, которые выбираются на поверхность. Эти люди уверены, что война продолжается,— и обнаруживают, что война окончилась много лет назад, что поверхность планеты превратилась в один огромный парк, застроенный виллами и разделенный на поместья немногочисленной элиты... Так почему, спрашивал себя Адамс, потребовалось уничтожить человека, который оказывает человечеству такую огромную услугу? Не только «термитам», которые оказываются на поверхности и которым надо где-то жить, но и нам,

людям Янси. Ни для кого не секрет, что «термиты», живущие в рансибловских жилкомпах,— просто заключенные, а сами жилкомпы — настоящие резервации... или — пользуясь более поздним выражением — концлагеря. Куда более обустроенные, чем подземные убежища,— и все же концлагеря остаются концлагерями, поскольку оттуда невозможно выйти даже на самое короткое время — во всяком случае, на законных основаниях. Правда, случается, что два-три человека все же ухитряются покинуть жилкомп... Но на этот случай здесь, в Зап-Деме, есть армия генерала Хольта, а в Нар-Деме — армия маршала Харензанного. Армия прекрасно подготовленных боевых «жестянок», которые выслеживают беглецов и возвращают к трехмерным телевизорам, к бассейнам, на коврики из искусственного меха.

— Линдблом,— сказал он,— сейчас я стою спиной к Броузу. Он меня не слышит. Зато ты слышишь прекрасно. Сделай одолжение, отвернись от него, как бы ненароком. Только не поворачивайся ко мне — главное, чтобы он не видел твоих губ. И скажи мне, ради всего святого, зачем им это.

Через мгновение он почувствовал, что Линдблом сменил положение.

— Зачем что, Джо?

— Травить Рансибла.

— А ты разве не знаешь?

— Никто из вас не смотрит на меня,— недовольно заметил Броуз.— Будьте добры, развернитесь, и мы продолжим обсуждение проекта.

— Ну, давай же! — прошипел Адамс, разглядывая здания Агентства за окном.

— Они считают,— отозвался Линдблом, что Рансибл систематически сообщает то в одно убежище, то в другое, что война окончена. Кто-то этим занимается. Факты налицо: Вебстер Фоут и его люди выяснили это примерно месяц назад, в ходе обычного опроса группы «термитов», которые выбрались на поверхность.

— Что происходит? — на этот раз в голосе Броуза появилось капризное недоверие.— По-моему, вы переговариваетесь.

Адамс отвернулся от окна и снова повернулся к нему. Линдблом сделал то же самое и уставился на чудовищную тушу, которая каким-то чудом поместилась в кресле за столом.

— Мы не переговариваемся,— объяснил Адамс.— Просто размышляем.

На лице Линдблома не отражалось ничего, кроме обычной каменной отрешенности. Он получил задание и был намерен

выполнить его. И всем своим видом призывал Джозефа Адамса последовать его примеру.

А если это не Рансибл? Если это кто-то другой?

Тогда весь этот проект, подложные артефакты, статьи в «Мире природы», «утечка» информации о находке, иск, поданный в Прим-Совет, уничтожение империи Рансибла и заключение его в тюрьму... Это ничего не изменит.

Джозефа Адамса била дрожь. В отличие от Броуза, в отличие от Верна Линдблома и, возможно, Роберта Хига, от всех и каждого, кто так или иначе вовлечен в этот проект,— он подозревал, что здесь произошла ужасная ошибка.

Но подозрений недостаточно, чтобы остановить проект. Хотя бы на миг.

— Слушай, Линдблом,— пробормотал он, снова отворачиваясь от Броуза,— возможно, они ошиблись. Возможно, это не Рансибл.

Ответа не последовало. Верн не мог ответить: в этот момент он смотрел на Броуза, который поднялся на ноги и, грузно опираясь на костыль из магниевого сплава и переваливаясь, заковылял к двери кабинета, что-то бурча себе под нос.

— Видит бог,— сказал Адамс, по-прежнему глядя в окно,— я напишу эти статьи. Но если он ни при чем, я его непременно предупрежу.

Он повернулся к Линдблому, пытаясь понять его реакцию. Но ничего не понял, хотя Линдблом явно слышал его.

Ничего, рано или поздно он примет какое-то решение. Джозеф Адамс хорошо знал этого человека, который был его близким другом, работал с ним,— и мог не сомневаться.

Реакция будет очень сильной. Верн Линдблом будет долго заниматься самокопанием, но потом, скорее всего, согласится с ним. А может быть, даже поможет ему придумать, как предупредить Рансибла — не оставив следов, по которым агенты Броуза смогут обнаружить утечку информации. И не только агенты Броуза, но и лучшие частные сыщики Фоута — фоутмены,— работающие с ними рука об руку. С другой стороны...

С другой стороны, надо смотреть правде в глаза. Правда состоит в том, что Верн Линдблом — янсмен. В первую очередь по натуре. Реакция будет сильной: он донесет на Адамса. Агенты Броуза, не теряя времени, явятся на виллу Джозефа Адамса и прикончат его.

Все очень просто.

И нет никакого способа узнать, какое решение в конце концов примет его закадычный друг Линдблом — в отличие от Броуза,

Адамс не может обратиться за помощью в Инсти тут прикладных психологических исследований и заказать прогноз.

Остается только ждать. И молиться.

А молитвы, с горечью подумал он, перестали исполняться двадцать лет назад — еще до начала войны.

— Я записываю разговор, сэр,— произнес дежурный специалист частной полицейской корпорации «Вебстер Фоут лимитед», скрючившийся в тесной кабинке, и его ауд-устройство передало фразу в штаб-квартиру в Лондоне.

— Тема, которую мы обсуждали? — послышался далекий голос Вебстера Фоута.

— Похоже на то.

— Хорошо. Ты знаешь, кто хочет связаться с Луисом Рансиблом. Позаботься о том, чтобы он это сделал.

— Мне очень жаль, сэр, но...

— Постарайся. Используй то, что под рукою, и не ищи себе другое,— голос Вебстера Фоута звучал повелительно. Это означало: все, что сказано в данный момент, следует понимать как приказ.

— Есть, мистер Фоут. КМР.

— Разумеется,— сказал Вебстер Фоут.— «Как можно раньше».

В Лондоне повесили трубку.

Дежурный специалист «Вебстер Фоут Лимитед» немедленно вернулся к своей аппаратуре, следящей и записывающей. Она была экономно настроена на минимальное усиление, которое обеспечивало приемлемый уровень звуковоспроизведения. Потом внимательно проверил видеозапись и убедился, что за время аудиоконтакта с шефом ничего не упустил. Сейчас не тот момент, когда позволяется что-то упускать.

Он просто не имел права.

Глава 7

Все это время блистательная речь, написанная от руки, лежала в дипломате Джозефа Адамса.

Линдблом остался в кабинете. Он дрожащими руками закурил сигарету, давая понять, что не готов продолжать разговор — по крайней мере, в данный момент.

Ему хватило того, что произошло. Он не ушел лишь потому, что сил уйти не было.

— Знаешь,— заметил Адамс — он уселся за стол, открыл дипломат и вытащил исписанные листки,— ты вполне можешь меня сдать.

— Знаю,— пробормотал Линдблом.

Адамс встал и подошел к двери.

— Это я загоню в вак. Потом загрузим модулятор, запишем пленку и забудем про нее. Теперь то, что мы обозвали «новым проектом»,— фальшивые инопланетные артефакты, из-за которых человека посадят за решетку. Человека, который всю жизнь обеспечивал приличным жильем...

— Кстати, нацисты,— перебил его Линдблом,— тоже не записывали приказы, которые касались «окончательного решения» — уничтожения евреев. Все только устно. От начальника — подчиненному, на словах и только с глазу на глаз.

— Как насчет кофе? — предложил Адамс.

Линдблом пожал плечами.

— Черт подери! Они решили, что это Рансибл. Кто мы такие, чтобы с этим спорить? Дай волю фантазии, покажи мне хоть кого-то, кому выгодно нести эту благую весть в убежища?

— С удовольствием,— ответил Адамс. Он видел, что Линдблом не на шутку обескуражен.— Это может быть кто-то из бывших «термитов» — в рансибловских жилкомпах их тысячи. Достаточно, чтобы в бункер вернулся всего один человек. Допустим, его не поймали ни агенты Броуза, ни фоутмены. Из этого убежища информацию передали в другое — ну, и далее по цепочке.

— Ага,— вяло кивнул Линдблом.— Конечно. Почему бы и нет? Только вот кто его пустит обратно? Может быть, он «светится»? Или подцепил эту... как мы ее обозвали? Ах да, «пакетную чумку». Да они прикончили бы его на месте. Потому что они верят всей белиберде, которую мы скармливаем им по ТВ, блин. Семь дней в неделю и еще дважды в месяц в ночь на воскресенье — для профилактики. Поверь, этот человек покажется им живой бомбой. Да, ты еще кое-чего не знаешь. Бывает полезно время от времени подкормить людей Фоута — а взамен вовремя узнавать последние новости. Так вот, «термиты» узнали об истинном положении дел наверху не от кого-то из своих знакомых. Не от человека, который вернулся с поверхности.

— Ладно, допустим. «Термит» не может вернуться в «термитник». Значит...

— По кабелю.

Это прозвучало как гром среди ясного неба. С секунду Адамс тупо пялился на Линдблома, пытаясь переварить эту информацию.

— Вот именно,— подтвердил макетчик.— По телевизору. Всего минута, и сигнал был очень слабым. Но этого хватило.

— Боже правый! — прошептал Адамс. Их же там миллионы. А если кто-нибудь подключится к главному кабелю — основному, единственному центральному кабелю, соединяющему Эстес-Парк со всеми существующими убежищами? На что это будет похоже? Земля разверзнется, и миллионы людей, которые пятнадцать лет провели в заточении под землей и все это время верили, что у них над головами радиоактивная пустыня, взрывы ракет, бактерии, руины и сражающиеся армии, выйдут на поверхность. Системе владений будет нанесен смертельный удар, и колоссальный парк, над которым он пролетал дважды в день, снова превратится в густонаселенную страну. Конечно, плотность населения не достигнет довоенной, но приблизится к ней. Снова появятся дороги. И города.

И — в конце концов — разразится новая война.

В том-то все и дело. Именно массы подбили своих лидеров на войну — как в Зап-Деме, так и в Нар-Деме. Но, как только массы оказались внизу, в герметичных убежищах, правящая элита Востока и Запада получила возможность заключить сделку. Как ни странно, это вовсе не было их заслугой — ни Броуза, ни генерала Хольта, который в то время был главнокомандующим силами Зап-Дема, ни маршала Харензанного, главнокомандующего советскими Вооруженными силами. Но и Хольт, и Харензанный прекрасно понимали, в какой момент нужно выпустить ракеты — что они и сделали. И прекрасно поняли, что настало время прекратить боевые действия. Не прояви они этого благоразумия, мир был бы невозможен — но за этим сотрудничеством двух высших военачальников стояло кое-что еще. Что-то, представлявшееся Адамсу более чем реальным, хотя и странным — и глубоко трогательным.

Совет Примирения в Мехико, в Амекамеке, организованный «жестяными девами».

Он помог установить мир на планете. И в качестве правящего органа, верховного судьи, он так и не ушел со сцены. Человек создал оружие, наделил его способностью мыслить самостоятельно, и оно воспользовалось этой способностью. Размышление длилось два года — два года отвратительного разрушения, когда гигантские армии «жестяных дев», принадлежащие двум сверх-

державам, бились друг с другом насмерть. Наконец передовые модели, созданные с дальним прицелом — их предполагалось использовать в качестве аналитиков при планировании как тактики отдельных сражений, так и для выработки общей стратегии (это были «типы» X, XI и XII),— пришли к выводу, что оптимальной будет стратегия финикийцев, разработанная еще пять тысяч лет назад. Лучше всего, подумал Адамс, она сформулирована в «Микадо»[1]. Если для всеобщего удовлетворения достаточно просто сказать, что преступник казнен, то почему не сказать вместо того, чтобы сделать? С точки зрения жестянок-аналитиков проблема действительно решалась просто. Они не были поклонниками Гилберта и Салливана — этих авторов, равно как и текст «Микадо», никто не загружал в их искусственные мозги в качестве руководства к ведению боевых действий. Тем не менее они пришли к общему выводу — и при содействии маршала Харензанного и генерала Хольта начали действовать на его основании.

— Но они не заметили главного,— вслух сказал Адамс.

— Пардон? — пробормотал Линдблом. Его все еще трясло, и он все еще не желал продолжать разговор. Выглядел он прескверно.

— Чего не заметил Прим-Совет,— сказал Адамс,— и до сих пор не замечает, поскольку в их искусственной системе мышления нет такой штуки, как либидо. То, что эта максима — «Зачем казнить преступника, если...»

— Заткнись, а! — простонал Линдблом, повернулся и вышел из кабинета. Джозеф Адамс остался в одиночестве, со своей речью в руке и мыслями в голове. Он чувствовал, что полностью обессилен.

Вряд ли можно винить Линдблома. Поскольку почти все янсмены обладали одной общей чертой. Все они были настоящими эгоистами. Они превратили мир в свои охотничьи угодья за счет миллионов, запертых внизу. Они сознавали, что это неправильно, и даже подсознательно испытывали чувство вины. Правда, не настолько сильное, чтобы сбросить Броуза и выпустить термитов на поверхность. Но его было достаточно, чтобы наполнять каждый вечер агонией одиночества и опустошенности, чтобы делать

[1] Комическая опера Гилберта и Салливана. Гилберт, сэр Уильям (1836 – 1911),— драматург и либреттист, Салливан, сэр Артур (1842–1900),— композитор; написали в соавторстве четырнадцать оперетт, очень популярных в конце XIX — начале XX века. (*Прим. ред.*)

ночи невыносимыми. И они знали, кто пытается хоть как-то искупить преступление — кражу целой планеты у ее законных владельцев. Это был не кто иной, как Луис Рансибл. Они получали выгоду от того, что «термиты» оставались под землей, а он получал выгоду, выманивая их на поверхность. Янсмены считали Рансибла своим антагонистом, но в глубине души признавали, что с моральной точки зрения прав именно он. Приятного в этом было мало. Во всяком случае, Джо Адамса это не радовало. Он стоял посреди своего кабинета с текстом своей блистательной речи, которой предстояло пройти через вак, потом через имитатор, потом быть записанной на пленку и подвергнуться кастрации в офисе Броуза... Эта речь — она тоже не открывала правды, хотя уже не была винегретом из стандартных клише, вранья, банальностей, эвфемизмов...

И других еще более скверных ингредиентов, которые Адамс нередко замечал в речах, сочиненных его коллегами-янсменами. В конце концов, он был всего лишь одним из целой своры составителей речей.

Прихватив свою новую речь, о которой был весьма высокого мнения — во всяком случае, иного мнения пока никто не высказал,— Адамс вышел из кабинета и на скоростном лифте спустился на другой этаж, где пыхтел «Мегавак-6В». Впрочем, гигантский организм занимал далеко не один этаж. С момента своего создания машина претерпела множество изменений, обзавелась множеством новых блоков и сильно разрослась. Теперь «Мегавак-6В» превратился в настоящее чудовище, зато манекен, в отличие от него, оставался прежним.

Когда он вышел из лифта, два мордоворота в униформе — отобранные лично Броузом, но на удивление вялые и, судя по физиономиям, тупые как пробка — молча смерили его взглядом. Они знали Адамса и понимали, что он приходит на этаж, где программируют «Мегавак-6В», в силу служебной необходимости.

Направляясь к «Мегаваку», Адамс обнаружил, что место уже занято. Какой-то незнакомый янсмен уже барабанил по клавиатуре, как пианист-виртуоз, исполняющий финал рапсодии Ференца Листа с двойными октавами — разве что не молотил по ней кулаком.

Рядом лежала распечатка с речью, и Адамс, не удержавшись от соблазна, подошел поближе, чтобы взглянуть на нее.

Янсмен тут же перестал печатать.

— Прошу прощения,— извинился Адамс.

— Ваш допуск, пожалуйста,— янсмен, смуглый тощий юноша с черными, как у мексиканца, волосами, повелительно протянул руку.

Тяжко вздохнув, Адамс извлек из дипломата мемо от женевского бюро Броуза, которая разрешала загрузить в вак конкретную речь.

На удостоверении был проставлен цифровой код, внесенный в записку. Смуглый янсмен сравнил номера в записке и удостоверении. Похоже, его это удовлетворило, и он вернул оба документа Адамсу.

— Я закончу минут через сорок,— молодой человек снова застучал по клавиатуре.— Так что отойдите и не мешайте,— добавил он спокойно, но довольно неприветливо.

— Пожалуй, мне нравится ваш стиль.— Адамс все-таки успел прочитать пару фраз. Речь была хороша, даже необычно хороша.

Янсмен снова обернулся.

— Вы — Адамс? — он снова протянул руку, на сей раз для рукопожатия. После этого символического жеста напряжение упало до приемлемого уровня. Что поделать: когда встречаются два янсмена — будь то в чьем-то поместье, будь то здесь, в Агентстве, между ними неизбежно проскакивает искра. Подсознательно они чувствуют себя соперниками, а сопернику надо доказать свое превосходство. Это делало пребывание в Агентстве еще более тягостным, но Адамс давно понял, как действовать в подобной ситуации — иначе его давно бы здесь не было.

— У вас тоже есть неплохие тексты. Я видел последние записи,— глубоко посаженные мексиканские глаза молодого янсмена — блестящие, черные — буквально буравили Адамса.— Правда, я слышал, что Женева любит пощипать ваши речи.

— Что поделать,— смиренно ответил Адамс,— Таков наш бизнес. Либо выкинут пару слов из твоей речи, или тебя самого. Третьего, увы, не дано.

— Хотите на спор? — улыбка юноши стала тонкой и проницательной. Адамс понял, что обескуражен.

Осторожно: они борются за один и тот же приз.

— Полагаю, скучную бессодержательную речь можно считать...

— Позвольте я вам кое-что покажу,— смуглый янсмен поднялся и щелкнул тумблером главного процессора, чтобы вак начал обрабатывать загруженный текст. После этого они с Адамсом отправились туда, где помещался имитатор.

Как всегда, он сидел в своем кресле — в гордом одиночестве, за большим дубовым столом, за спиной висел американский флаг. В Москве сидел точно такой же кен, подключенный к точно такому же «Мегаваку», только флаг был советский. В остальном все то же самое: та же одежда, такие же волосы с проседью, то же мужественное лицо умудренного опытом человека, то же выражение отеческой заботы, тот же волевой подбородок — словом, полная идентичность. Оба были одновременно созданы в Германии и оживлены специалистами-янсменами. Обычно вокруг суетились техники, готовые наметанным взглядом обнаружить малейший предвестник неполадки, которая могла вызвать хотя бы секундный сбой — все, что могло нарушить свободу и естественность. Все они, люди Янси, крепко-накрепко завязаны на это чучело, и оно должно во всем соответствовать личности, которую изображает.

Любой сбой, мрачно подумал Адамс, пусть даже на долю секунды, чреват настоящей катастрофой. Как в тот раз, когда его левая рука вытянулась и... На стене вспыхнула красная лампочка, задребезжал звонок. Команда техобслуживания в полной готовности возникла как из-под земли.

Да, это была катастрофа. Простертая левая рука вдруг затряслась, словно манекен поразила болезнь Паркинсона. Этот нейромоторный тремор — если бы запись шла прямо в эфир — можно было бы счесть предвестником неумолимой старости. Да, скорее всего, жители убежищ придумали бы именно такое объяснение. Стареет, послышится шепот в Оргзалах, где они сидят под присмотром своих пол-комов. Смотрите, у него уже руки трясутся. Совсем измучен, бедняга. Помните Рузвельта? Война в конце концов свела его в могилу. А теперь и наш Протектор... И что с нами тогда будет?

Разумеется, это никогда не будет передано по кабелю, и «термиты» никогда не увидят, как у Протектора дрожат руки. Кена вскрыли, тщательно обследовали, протестировали, проверили и удостоверились, что виной всему была крошечная микросхема. И один из рабочих, сидящий за одним из столов в одной из мастерских в одном из жилкомпов Рансибла, был без лишнего шума освобожден от своих обязанностей — а может быть, и от своей жизни... так и не узнав, почему. Возможно, он просто не представлял, какой великой цели служат эти крошечные катушки, диоды и конденсаторы.

Кен зашевелился. Джозеф Адамс зажмурился. Он стоял на прежнем месте, за камерами, рядом с маленьким смуглым янс-

меном — таким молодым и таким талантливым, автором слов, которые сейчас прозвучат. Сейчас кен свихнется, в отчаянии подумал Адамс, и начнет декламировать порнографические стишки. Или, как старая запиленная грампластинка прошлого века, вдруг начнет повторять одно и то же, повторять одно и то же, повторять одно и то же...

— Дорогие мои соотечественники,— кен говорил своим обычным голосом — твердым, чуть хрипловатым, но полностью контролируемым.

И Джозеф Адамс про себя невольно произнес: да, мистер Янси. Да, сэр.

Глава 8

Джозеф Адамс прослушал ту часть текста, которую темноволосый янсмен успел ввести в вак. Когда кен снова замер, и камеры — сей же миг — отключились, он обернулся к автору, который по-прежнему стоял рядом, и сказал:

— Что ж, снимаю перед вами шляпу. Прекрасная речь.

Это действительно было захватывающе. Манекен Протектора Тэлбота Янси полностью завладел его вниманием. Каждая интонация выверена и идеально точна, тон выдержанный и корректный...

Текст был слегка изменен и дополнен «Мегаваком» — и, откровенно говоря, облагорожен. Конечно, Адамс не мог этого видеть, но буквально чувствовал, как вак вкладывает обработанный текст в уста кена. Внутренним взором видел машину, вдыхающую жизнь в другую машину, сидящую за дубовым столом, позади которого висит американский флаг. Чертовщина какая-то, подумал Адамс.

Но хорошая речь есть хорошая речь. Кто бы ни озвучивал ее. Представьте себе школьника, читающего по книжке Тома Пейна[1]. Великие слова не теряют своего смысла, хотя чтец запинается и путается. В отличие от кена. Вак и техники, которые крутятся рядом, позаботятся о том, чтобы великие слова прозву-

[1] Пейн Томас (1737–1809) — общественный и политический деятель Великобритании и США, представитель революционного крыла просветительства XVIII века. Родился в Англии, в 1774 году уехал в Америку, где участвовал в борьбе за независимость английских колоний, требовал отмены рабства. Основные работы — «Серьезная мысль», «Право человека», антирелигиозный памфлет «Век разума». (*Прим. ред.*)

чали должным образом. И мы тоже, подумал он, мы тоже. Мы знаем, что делаем.

— Как вас зовут? — спросил он у юного автора.

— Дэйв...— отозвался молодой человек.— А фамилию я забыл.

Он по-прежнему пребывал в каком-то мистическом полутрансе, хотя кен уже давно смолк.

— Вы не помните собственной фамилии?

Удивленный, Адамс ждал еще некоторое время, и вдруг его осенило. Юноша не может сказать ему о чем-то напрямую. Он сравнительно недавно стал янсменом и еще не утвердился в этой иерархии.

— Лантано,— сказал Адамс.— Вы — Дэвид Лантано, живете в «горячей зоне» недалеко от Шайенна.

— Верно.

— Неудивительно, что вы такой черный.

Радиационный ожог, сообразил Адамс. Молодой человек, жаждущий поскорее получить владение, поторопился с выбором территории. Слухи, которые проскальзывали в праздных вечерних разговорах мировой элиты, подтвердились: юный Лантано пал жертвой своего нетерпения.

— Ну, я еще жив,— философски заметил Лантано.

— Да вы посмотрите на себя! Как у вас с костным мозгом?

— Если верить анализам, уровень продукции красных кровяных телец пока не слишком упал. Я уверен, что выкарабкаюсь. И земля «остывает» прямо на глазах. Так что самое страшное уже позади. Можете как-нибудь заглянуть на огонек, Адамс,— добавил он, криво усмехнувшись.— Мои жестянки работают днем и ночью, так что вилла почти достроена.

— Нет уж,— отозвался Адамс.— В ваше пекло я не полезу даже за стопку долларов высотой с Эверест. Судя по вашей речи, вы можете внести бесценный вклад в наше дело. Так зачем рисковать своим здоровьем, своей жизнью? Вы прекрасно могли бы жить здесь в Нью-Йорке, в здании Агентства, пока...

— Пока,— перебил Лантано.— Пока участок в Шайенне не остынет окончательно. Это лет десять-пятнадцать. А за это время кто-нибудь наложит на него лапу.

Это мой единственный шанс — занять территорию раньше времени, хочешь сказать ты. И ты знаешь, что не первый из молодых янсменов, кто пошел этим путем. Но слишком часто это опрометчиво сделанное приобретение и лихорадочное заселение еще не «остывших» земель приносили только одно — смерть. Не

быструю и безболезненную гибель, а долгое, мучительное угасание на протяжении нескольких лет.

Как же мне повезло, думал Адамс, глядя на смуглого — вернее сказать, обгоревшего — молодого человека. Он уже успел обжиться: вилла давно достроена, угодья полностью засажены, всюду зелено. А в свое время это была «горячая зона» на побережье к югу от Сан-Франциско. Он хорошо заплатил фоутменам за определенные сведения, которым можно было доверять. И не прогадал. В отличие от его нового знакомого.

Да, конечно, когда-нибудь Лантано выстроит роскошную виллу — огромное строение из обломков бетона, которые когда-то были городом Шайенном. Но она будет уже не нужна Дэвиду.

Его смерть, согласно постановлению Прим-Совета, позволит снова выставить участок на конкурс. И снова начнется безумная борьба между янсменами, жаждущими захватить эту землю вместе с тем, что осталось после Лантано. Финал этой истории известен. Какая ирония... Вилла, за которую этот юноша заплатил страшной ценой — собственной жизнью — отойдет кому-то другому. Кому не придется строить, изо дня в день командуя бригадой «жестянок»...

— Как я понимаю,— сказал Адамс,— вам приходится проводить в Шайенне чертовски много времени.

Двенадцать часов в сутки, согласно постановлению Прим-Совета. Время, которое новый владелец обязан находиться в своих владениях.

— Я прилетаю сюда. Работаю, как вы успели убедиться,— Лантано направился в клавиатурный зал «Мегавака-6В», Адамс последовал за ним.— Как вы выражаетесь, Адамс, у нас еще есть работа. И я надеюсь жить и выполнять эту работу,— Лантано снова уселся за клавиатуру и уставился в распечатку.

— Что ж, во всяком случае, ваши умственные способности не пострадали,— заметил Адамс.

— Спасибо,— улыбнулся Лантано.

В течение следующего часа, пока Лантано загружал свою речь в «Мегавак», Адамс стоял рядом. Он прочитал ее целиком, потом в том виде, в котором машина передала ее кену, потом услышал ее из уст седовласого, по-отечески заботливого Тэлбота Янси. И вдруг с ужасом понял, насколько пуста его собственная речь. Убийственный контраст.

По сравнению с этим то, что лежало у него в дипломате, было просто младенческим лепетом. Ему страшно захотелось провалиться сквозь землю. Навсегда.

Откуда у этого юноши — начинающего янсмена, умирающего от облучения,— такие идеи? Откуда такая поразительная точность формулировок? Откуда он знает, каким образом вак обработает его речь... и как она прозвучит, когда кен будет произносить ее перед камерами? Ведь для этого требуются годы работы — разве не так? Именно годы потребовались ему самому, чтобы научиться тому, что он умеет сейчас. Написав фразу и просмотрев ее, представить — лишь с определенной степенью вероятности — как она будет звучать в окончательном варианте. Иными словами, в каком виде услышат ее миллионы обитателей подземелий, которые день за днем смотрят эти передачи и верят всему, что им говорят, загипнотизированные тем, что мы, янсмены, называем бессмысленным словом «печатные материалы».

Весьма подходящее название, подумал Адамс. Совершенно беспредметный предмет. Впрочем, бывают и исключения — например, хотя бы сегодняшняя речь молодого Лантано. Она подчеркивала — неохотно признал Адамс,— даже усиливала достоверность личности Янси. Но...

— Ваша речь,— сказал он Лантано,— не просто логична. Это подлинная мудрость. Она напоминает речи Цицерона,— он гордился тем, что наследует в своих работах традиции великих мастеров древности — таких, как Цицерон и Сенека, Шекспир с его монологами в исторических пъесах и Том Пейн.

Он уже засовывал листки со своей речью в дипломат, когда Дэвид Лантано сдержанно проговорил:

— Благодарю за ваши слова, Адамс. А самое ценное — то, что именно вы дали мне этот отзыв.

— И почему же?

— Понимаете,— задумчиво протянул Лантано,— я знаю: несмотря на все ограничения...— он бросил на Адамса проницательный взгляд,— вы работали изо всех сил. Думаю, вы понимаете, о чем я. Есть просто работа, а есть легкая работа и грязная работа, и этого вы тщательно избегаете. Я уже несколько лет наблюдаю за вами и заметил, что вы не похожи на большинство остальных. Броуз тоже это видит. Он срезает в ваших текстах больше, чем пропускает в эфир, но искренне вас уважает. Вынужден уважать.

— Неплохо,— заметил Адамс.

— Скажите, Адамс, вы испугались, когда Женева «ощипала» вашу лучшую работу? После того, как ваша речь миновала столько инстанций? Может быть, это было скорее недовольство — или...— Дэвид Лантано пристально поглядел на него.— Да... пожалуй, вас это напугало.

Повисла короткая пауза.

— Да, верно,— сказал Адамс.— Иногда мне действительно становится страшно. Но только ночью, когда я не в Агентстве, а у себя на вилле, в окружении «жестянок». И не тогда, когда я пишу свои речи, или прогоняю их через вак, или наблюдаю за кеном... в общем, не здесь, где...— он обвел рукой пространство,— где я что-то делаю. Только когда я остаюсь один.

Он умолк. Удивительно — он только что открыл свои самые сокровенные мысли этому юному незнакомцу. Обычно янсмены опасались вести столь доверительные беседы — любая информация личного характера могла в любой момент быть использована против него самого.

В Агентстве не прекращалась борьба за право писать речи для Янси — а фактически, быть самим Янси.

— Здесь, в Агентстве, в Нью-Йорке,— мрачно проговорил Дэвид Лантано,— мы можем сражаться друг с другом сколько угодно. Но по сути мы — единое целое. Как это называется... целостный организм[1]. Нечто подобное христиане называли братством... согласитесь, это обязывает. Но после работы, в шесть вечера, мы садимся во флапперы и разлетаемся кто куда. Пересекаем пустой континент, добираемся до виллы, населенной мыслящими конструкциями, которые могут двигаться и говорить, но...— он сделал неопределенный жест.— Они бездушные, Адамс. Все эти «железные девы», включая самых продвинутых, что заседают в Совете,— все они бездушные. Но каждый вечер, отправляясь в гости, вы берете с собой пару этих жестянок — а если вмещает флаппер, то и больше. Каждый вечер.

— Я слышал, что умные янсмены так и делают,— сказал Адамс.— Стараются поменьше сидеть дома. Я тоже пытался. Прилетал на свою виллу, ужинал и отправлялся в гости...— он подумал о Коллин и своем соседе Лейне, пока тот еще был жив.— У меня есть девушка,— вдруг вырвалось у него.— Она тоже янсмен — или, как говорят некоторые, янс-вумен. Мы время от времени встречаемся и разговариваем. Но из большого окна моей библиотеки...

— ... не видно ничего, кроме тумана и прибрежных скал,— закончил за него Дэвид Лантано.— Самый мрачный на свете берег, который тянется более чем на сотню миль к югу от Сан-Франциско.

---

[1] Игра слов: *«corporate body»* можно перевести и как «корпоративная организация». (*Прим. ред.*)

Адамс растерянно заморгал. Черт побери, откуда этому парню известно, что он чувствует? Откуда он знает о страхе перед туманом? Казалось, Лантано читает его самые потаенные мысли.

— Если вы не против, я хотел бы ознакомиться с вашей речью,— сказал Лантано.— Тем более, что вы так внимательно изучили мою... насколько я понял, от начала и до конца,— он мельком взглянул на дипломат Адамса, на этот раз с некоторой опаской.

— Нет,— ответил Адамс. Он действительно не мог — после той сильной, свежей речи, которую он только что прослушал.

«Письменный материал», созданный Дэвидом Лантано и с такой убедительностью изложенный манекеном Янси, касалась проблемы лишений. Это была больная тема для обитателей убежищ... во всяком случае, насколько можно было судить по докладам пол-комов, которые получало правительство Эстес-Парка. Эти доклады поступали правительственным чиновникам, те группировали их с тем, чтобы данными мог воспользоваться любой янсмен — и в первую очередь составители речей. Эти базы данных создавали подобие обратной связи. Единственный источник информации о том, какой эффект произвели в «термитниках» их речи.

Интересно будет ознакомиться с этими отчетами после того, как эту речь Лантано передадут по кабелю. Это произойдет примерно через месяц. Мысленно Адамс сделал пометку и запомнил код, по которому она будет проходить. Он непременно ознакомится с докладами, которые придут из убежищ всего мира... Во всяком случае, из Зап-Дема. Если отзывы окажутся благоприятными, советские власти запросят из «Мегавака» мастер-копию записи речи, скормят ее собственному «Мегаваку» в Москве, чтобы после должной обработки загрузить в тамошнего кена... Женевский офис Броуза тоже может выразить желание получить запись — на этот раз оригинал, присвоить ее и официально объявить «первоисточником», на который будут ориентироваться составители речей во всем мире. Если речь Лантано действительно так хороша, как показалось Адамсу, она может стать одним из немногих «непреложных заявлений», которые становятся неотъемлемой частью официальной политики. Какая честь! А ведь Лантано еще так молод.

— Как вы решились заговорить об этом? — Адамс все больше восхищался новичком: этот смуглый юноша, еще не ставший владельцем имения как такового, ночевал на зараженной территории, получая все новые дозы облучения, мучался, умирал — и

все же превосходно выполнял работу.— Как вы решились открыто поставить это на обсуждение? «В убежищах люди систематически лишаются того, что принадлежит им по праву»! Вы прямо говорите это в своей речи...— он вспомнил, как Янси произносил отточенные фразы Лантано своим мужественным голосом. Тэлбот Янси, искусственный и в каком-то смысле несуществующий Протектор! Этого заявления — вернее, того, что ты будешь говорить «термитам» через две-три недели, когда запись пройдет обычную проверку в Женеве,— совершенно недостаточно. Вы не живете полной жизнью. Именно об этом говорил Руссо: «Человек рождается свободным, но всю жизнь проводит в цепях». В наши дни и в нашем веке эти слова приобретают иной смысл. Люди родились на поверхности земли, но теперь лишены этой земли — воздуха, солнечного света, холмов, океанов и рек, цветов, запахов. Людям оставили только убежища, подобные консервным банкам, подводным лодкам, вмурованным в землю. Вы отрезаны от остального мира, ютитесь в металлических коробках, освещенных искусственным светом, дышите затхлым воздухом, много раз очищенным и восстановленным, в обязательном порядке слушаете по трансляции музыку и целыми днями сидите в мастерских, изготовляя «жестяных дев» для... Но даже Лантано не смог бы сказать в этом месте правду — это было бы слишком. Вы не знаете, для чего они предназначены на самом деле. Для того, чтобы наверху каждый из нас мог пополнять свою свиту новыми слугами, которые обслуживают нас, сопровождают нас, копают, строят, наводят чистоту, расшаркиваются перед нами... Вы сделали нас настоящими средневековыми баронами в замках. Вы — нибелунги, гномы, обитающие в шахтах под землей; вы работаете на нас день и ночь. А мы расплачиваемся с вами «печатным материалом».

Разумеется, в речи этого не будет — да и как можно! И все же правда прозвучала — слова о том, что жители убежищ лишены чего-то, на что имеют полное право. Их ограбили. Ограбили всю их многомиллионную армию, и за все эти годы ничем не возместили ущерб.

— Дорогие мои американцы,— торжественно произнес манекен Тэлбота Янси своим суровым, мужественным, воинственным, командным отеческим голосом (Адамсу никогда не забыть этот момент речи).— Когда-то в древности христиане высказали идею — возможно, некоторые из вас уже понимают, о чем идет речь. О том, что земная жизнь — или, в вашем случае, подземная — это лишь переходный момент. Краткий эпизод между жиз-

нью прошлой — и жизнью будущей, вечной, совершенно иной. Одному королю-язычнику с Британских островов было видение, после чего он обратился в христианство. Он увидел свою жизнь в полете ночной птицы, которая влетела в окно замка. Влетела в натопленную, ярко освещенную пиршественную залу, пронеслась над столом, за которым пировали и веселились гости — и на мгновение ощутила себя частицей бурлящей жизни, и обрадовалась, что побывала там, где есть другие живые существа. А затем, продолжая полет, нырнула в другое окно и снова исчезла в пустой черноте ночи, царящей за стенами замка. Она больше никогда не увидит этого ярко освещенного теплого зала, гула голосов и кипения жизни. Но вы...

Янси говорил — и эти слова, как всегда, торжественные, величавые и властные, были обращены к каждому из миллионов людей, обитающих в убежищах по всему миру.

— Вы, дорогие мои американцы,— ваша жизнь в своих подземных убежищах не может быть тем мигом, который вы захотите вспоминать. Вспоминать, предвкушать его возвращение или радоваться тому, что такой миг все же был — этот краткий полет через залу, залитую светом. Вы заслуживаете, чтобы такой миг — хотя бы краткий — был в вашей памяти. Но чудовищное безумие, которое охватило мир пятнадцать лет назад, погрузив его в адскую ночь, стало для вас приговором. Изо дня в день вы платите за безрассудство. Вы изгнаны с поверхности земли хлыстами фурий, которые в незапамятные времена изгнали наших прародителей из райского сада. Так не должно быть. Поверьте мне: в один прекрасный день срок вашего заточения закончится. Ограниченность вашего мира, лишения, которых вы не заслужили,— все это исчезнет прежде, чем отзвучит трубный глас. Ужасные бедствия закончатся. Это не будет долгим, постепенным освобождением. Вас вынесет на поверхность, вытолкнет из-под земли — даже тех, кто захочет воспротивиться этому. Вы вернетесь на свою землю, которая ждет вас, ждет, когда вы снова предъявите на нее свои права. Дорогие американцы, друзья мои. Вы имеете право на эту землю, и мы бережем ее для вас. Но мы будем оставаться сторожами лишь до поры. Однажды мы уйдем, а вы вернетесь. И даже память, даже сама идея нашего существования будет похоронена навсегда. И вы,— произнес под конец манекен Янси,— не сможете даже проклясть нас, потому что просто не вспомните о нашем существовании.

Господи, подумал Адамс. И этот человек хочет прочитать мою речь!

Дэвид Лантано заметил отвращение, которое мелькнуло на его лице.

— Я наблюдал за вами, Адамс,— спокойно сказал он.— Вы действительно достойны похвалы.

— Ерунда,— ответил Адамс.— Понимаете, я пытался кое-что сделать, и это было правильно, но просто недостаточно — я пытался развеять их сомнения. По поводу того, что такое положение необходимо. Но вы... Боже мой, вы прямо сказали, что это подземное существование — не просто необходимость. Что это несправедливость, что-то вроде проклятья, которое может быть снято. Я использую Янси, чтобы убедить их жить по-прежнему, поскольку на поверхности еще хуже — бактерии, радиация и смерть. Но вы — совсем другое дело. Вы дали им торжественное обещание, вы заключили с ними нечто вроде негласного договора, дали им слово — слово Янси: в один прекрасный день они получат прощение.

— Ну,— мягко заметил Лантано,— в Библии сказано: «Бог простит». Или нечто вроде этого — точно не помню.

Сейчас он выглядел очень усталым — еще более усталым, чем Линдблом. Все они очень устали — все их братство. Какое тяжкое бремя, подумал Адамс,— эта роскошь, в которой мы живем. Никто не заставляет нас страдать, мы сами выбрали для себя страдание. Он видел эту печать на лице Лантано, а еще раньше — нечто очень похожее — на лице Верна Линдблома. Но только не Броуза, понял он внезапно. Человек, облеченный наибольшей властью и ответственностью, в наименьшей степени ощущает — если, конечно, ощущает вообще — ее бремя.

Неудивительно, что все они дрожат, неудивительно, что мучаются по ночам. Все они служат дурному хозяину.

И знают это.

Глава 9

Речь так и осталась лежать в дипломате — ее не увидел Дэвид Лантано и не поглотил «Мегавак»... похоже, она останется там до конца дней. Джозеф Адамс мчался по горизонтальному экспресс-транспортеру из дома 580 по Пятой авеню в гигантское хранилище справочных материалов Агентства. Здесь бережно сохранялось все уцелевшее наследие довоенных лет, все бесценные знания — всегда к услугам представителей элиты, таких как Адамс.

Именно это и было ему нужно — вернее, определенная часть этого.

Добравшись до огромной центральной станции, он встал в очередь. Вскоре перед ним предстал некий гибрид «типа XXXV» и «Мегавака 2В». Эта механическая монада распоряжалась бескрайним лабиринтом стеллажей, на которых рядами стояли катушки с микропленкой. Каждая катушка представляла собой двадцать шесть томов справочной литературы, умещенной в объеме йо-йо.

— Э-э-э...— начал Адамс. Он услышал себя как бы со стороны и понял, что его голос звучит весьма жалобно.— Даже не знаю, как объяснить. Я не ищу какую-то конкретную книгу, например «De Rerum Natura» Лукреция, или «Письма к провинциалу» Паскаля, или «Замок» Кафки...

Все эти книги стали вехами его жизни — книги, которые создали его. А еще были бессмертные творения Джона Донна, Цицерона, Сенеки, Шекспира...

— Ваш идент-ключ, пожалуйста,— прогудел главный хранитель архива.

Адамс сунул ключ в щель, машина считала информацию. Теперь администратор мог свериться с банками данных, где регистрировались все источники, которыми Адамс когда-либо пользовался, и последовательность, в какой это происходило, и оценить общий объем его знаний. С точки зрения архивной информации он теперь знал об Адамсе все до мелочей и мог предсказать — во всяком случае, Адамс на это надеялся — следующий пункт развития его органичного, непрерывно изменяющегося сознания. Он, Джозеф Адамс, представал еще одним носителем знаний со своей собственной историей развития.

Бог знает каким может быть этот самый пункт. Речь, написанная Дэвидом Лантано, выбила его из колеи. Он дрожал, оглушенный ужасной, отвратительной догадкой. Кризис — возможно, последний и решающий в его профессиональной карьере. То, чего даже в перспективе больше всего на свете боялись все составители речей для Тэлбота Янси: утраты творческих способностей. Когда в один прекрасный день они уже не смогут загружать тексты в вак — потому что загружать будет нечего.

Главный хранитель официальных архивов Агентства пощелкал какой-то невидимой электронной челюстью и заявил:

— Не нужно так волноваться, мистер Адамс.

— О'кей,— ответил тот, чувствуя, как беспокойство нарастает. Янсмены, выстроившиеся за ним в очередь, нетерпеливо переминались с ноги на ногу.— Поехали.

— Осмелюсь порекомендовать вам «Источник Номер Один»,— произнес Главный хранитель.— Два документальных фильма 1982

года, обе версии, «А» и «Б». Не сочтите за труд подойти к стойке справа от вас, вам выдадут катушки с оригиналами работ Готлиба Фишера.

Рушились основы, опоры и формы — все, что было Джозефом Адамсом. Он шагал к стойке справа, как на эшафот, с каждым шагом умирая страшной, мучительной смертью. Исчез тот внутренний пульс, который поддерживал существование его личности.

Если он до сих пор не сумел понять двух документальных фильмов Готлиба Фишера, он не способен понять ничего.

Организация Янси, сам Янси — то, чем он был, и то, как он возник... а, следовательно, и существование всего улья янсменов — таких, как он сам, Верн Линдблом и Лантано,— и даже самого старика Броуза, отвратительного и всемогущего... В основе всего этого лежали два документальных фильма «А» и «Б». Фильм «А» предназначался для Зап-Дема; фильм «Б» — для Нар-Дема. Дальше идти было некуда.

Он отброшен на многие годы назад. К самым истокам своей профессиональной карьеры, карьеры янсмена. И если такое могло случиться с ним, вся эта система может рухнуть.

Привычный мир уходил из-под ног.

Глава 10

Он получил катушки и, точно в тумане, направился к свободному столику с фильмоскопом. И только усевшись, понял, что где-то по дороге поставил свой дипломат, забыл его забрать и ушел. Иными словами, сознательно, по каким-то веским причинам, избавился от него, навсегда расстался со своей рукописью, которую создавал в таких муках.

У него серьезные проблемы, и вот еще одно тому подтверждение.

Теперь предстояло подвергнуть себя просмотру этих фильмов. С чего начнем?

Он действительно не знал. Наконец, более или менее наугад, Адамс выбрал версию «А». Все-таки он остается янсменом Зап-Дема. К тому же фильм «А» — первый из двух опусов Готлиба Фишера — всегда нравился ему больше. Если в этих двух фильмах вообще была толика правды, то, пожалуй, именно в фильме «А» — очень глубоко зарытая под мусорной кучей фальшивок. Парадоксально, но именно невероятные размеры этой кучи способствовали тому, что оба «документальных» фильма стали Источником Номер Один, глубоко почитаемым всеми янсменами.

В искусстве «большой лжи» Готлиб Фишер превосходил их всех вместе взятых. Никому из ныне живущих — равно как и тех, кому еще предстоит родиться — уже не удастся не моргнув глазом рассказать правду о тех золотых временах. Западногерманский кинорежиссер Готлиб Фишер унаследовал «УФА» — крупнейшую киностудию Третьего Рейха, которая в тридцатые годы работала рука об руку с ведомством доктора Геббельса. Настоящий гений фальсификации, способный создать убедительную хронику из ничего, он предпочитал действовать не пряником, а кнутом,— причем бил этим хлыстом с чертовски метко. Помимо этого Фишер располагал колоссальными ресурсами. Военные ведомства — как Зап-Дема, так и Нар-Дема — обеспечили ему финансовую поддержку и свое благословение, подкрепив это передачей подлинных хроник Второй мировой войны, которые до этого хранились в засекреченных фильмохранилищах.

Сюжет фильмов-близнецов был задуман так, чтобы их можно было выпустить на экраны одновременно. Он был посвящен событиям Второй мировой войны, которая в восемьдесят втором году еще была свежа в памяти людей. Она закончилась всего за тридцать семь лет до появления фильмов-близнецов. Ветерану, который встречал в сорок пятом свое двадцатилетие, а сейчас включал телевизор в своей гостиной в Бойсе, штат Айдахо, чтобы посмотреть Эпизод Один (и так далее до двадцати пяти) фильма «А», исполнилось всего пятьдесят семь.

А ведь эти люди, думал Джозеф Адамс, склоняясь к окулярам фильмоскопа, должны были помнить достаточно, чтобы понять: с экрана им показывают стопроцентную ложь.

Перед его глазами появилось крошечное, ясное изображение. Адольф Гитлер обращался к своим верным сторонникам — в конце тридцатых среди депутатов рейхстага таких было подавляющее большинство. Фюрер был возбужден, насмешлив, язвил и издевался. Эту знаменитую сцену знал наизусть каждый из людей Янси: Гитлер отвечал на требование президента Соединенных Штатов Рузвельта гарантировать неприкосновенность границ примерно дюжины больших и малых европейских государств. Гитлер перечислял эти страны одну за другой, каждый раз все громче и громче, а эти продажные лакеи гоготали в такт выкрикам своего вождя, охваченного безумным весельем. Какие эмоции! Фюрер, издевающийся над этим абсурдным перечнем — чуть позже он будет захватывать эти государства одно за другим,— его воодушевленно орущие приспешники... Джозеф Адамс смотрел, слушал, чувствовал, как отзывается в нем их рев, как ему передается сардоническое веселье Гитлера... И одновременно испытывал простое, почти дет-

ское удивление: неужели такое действительно происходило? Но это было так. Этот отрывок Эпизода Один фильма «А» — как это ни странно, учитывая характер самого фильма — был подлинным.

Но дальнейшее было работой берлинского режиссера. Интерьер Рейхстага стал меркнуть, и из темноты постепенно стала проступать другая картина — все четче и четче. Голодные, с пустыми глазами немцы. Дни Веймарского прозябания. Пред-гитлеровские дни. Безработные. Разорившиеся. Проигравшие. Побежденная нация без надежд на будущее.

Комментарии читал актер-профессионал, нанятый Готлибом Фишером,— кажется, Александр Сурберри или что-то вроде этого. Его вкрадчивый и одновременно уверенный голос звучал все более настойчиво, лез в уши, навязывая свою трактовку видеоряда. Теперь на экране расстилалась бескрайняя гладь океана. Спустя год после окончания Первой мировой войны Королевские военно-морские силы Великобритании блокируют Германию с моря. Англичане намеренно и планомерно пытаются уморить голодом нацию, которая давным-давно капитулировала и теперь совершенно беспомощна.

Адамс приостановил воспроизведение и закурил.

Неужели ему действительно нужно в очередной раз слушать сильный проникновенный голос Александра Сурберри, чтобы понять основную идею Фильма «А»? Неужели он обречен сидеть здесь двадцать пять часов, отсматривая один эпизод за другим, а потом перейти к Версии «Б», не менее продолжительной и изощренной? Он знает, о чем этот фильм. Он знает, о чем будет говорить Алекс Сурберри в версии «А» и какой-то восточногерманский профи, не уступающий Сурберри, в версии «Б». Он прекрасно знает, какова главная идея этих фильмов... каждого из этих фильмов.

В тот момент, когда фильмоскоп отключился и Адамс возблагодарил судьбу за эту передышку, Сурберри как раз собирался сделать весьма важное замечание: эти сцены, разделенные двадцатью годами истории, имели очень много общего. Британская блокада девятнадцатого года и концентрационные лагеря сорок третьего, заполненные умирающими от голода ходячими скелетами в полосатых робах.

Именно из-за англичан появился Бухенвальд — такова была трактовка истории от Готлиба Фишера. Всему виной англичане, а не немцы. Немцы были всего лишь жертвами, как в девятнадцатом, так и в сорок третьем. Потом в фильме «А» будут показаны жители Берлина. Сорок четвертый, они блуждают по окрестным лесам и собирают крапиву, чтобы сварить суп. Немцы голодали, голодала вся континентальная Европа, как в концлагерях, так и за их пределами. И все это из-за англичан.

Как все просто и ясно. На протяжении двадцати пяти эпизодов, следующих один за другим, зрителя подводили к этому выводу. Последняя и окончательная версия истории Второй мировой войны — во всяком случае, для жителей Зап-Дема.

И зачем мне это нужно? — спрашивал себя Адамс, снова затягиваясь сигаретой. Он был истощен физически и эмоционально и весь дрожал. Я и так знаю, что именно увижу. Мне наплетут, что Гитлер был человеком крайне эмоциональным, ярким, легко поддающимся переменам настроения, неуравновешенным... но это же так естественно! Поскольку он, несомненно, был настоящим гением. Как Бетховен. Мы все так восхищаемся Бетховеном! Так давайте прощать величайшим гениям всех времен и народов их маленькие слабости. Тем более, что Гитлера под конец просто довели до безумия, до психоза, до паранойи... И все из-за того, что Англия не желала понять, осознать, что подлинная угроза, нависшая над миром, исходит от сталинской России. Да, у Гитлера был странный характер (не забывайте: как и все немцы, он пережил ужасный продолжительный стресс — Первую мировую войну и последовавшее за ним Веймарское прозябанием). Это заставило флегматичных англосаксов считать Гитлера «опасным». На самом же деле — и Алекс Сурберри эпизод за эпизодом проникновенно втолковывал это зрителям — зрителям Зап-Дема,— Англия, Франция, Германия и Соединенные Штаты должны были стать союзниками. Объединить усилия в борьбе с тем, кто был по-настоящему опасен,— с Иосифом Сталиным, этим исчадием ада, одержимым мегаломанией, идеями мировой революции... Эту догадку подтверждает политика СССР в послевоенный период — период, в который даже Черчилль вынужден был признать в России настоящего врага...

...каковым она являлась всегда. Тем не менее коммунистическим пропагандистам, пятой колонне западной демократии, удавалось ввести в заблуждение целые страны и их правительства — даже Рузвельта и Черчилля, вплоть до послевоенного времени. Взять хотя бы Элджера Хисса[1]... или тех же супругов

[1] Хисс, Элджер (1904–1996) — соратник президента Ф. Д. Рузвельта в годы Нового курса, участник создания ООН. В 1948 был обвинен в передаче секретных документов внешнеполитического ведомства агентам КГБ. Однако осудить его удалось только на повторном процессе по обвинению в даче ложных показаний, за что он был приговорен к 5 годам тюремного заключения. После 1954 написал книгу, где отрицал свою причастность к советской разведке. *(Прим. ред.)*

Розенбергов, которые выкрали секрет Бомбы и передали его Советской России.

Вот, например, сцена, открывающая Эпизод Четыре фильма «А». Запустив прокрутку, Адамс остановился на этом эпизоде и прильнул к фильмоскопу — этому современному хрустальному шару, в который человек заглядывает, чтобы узнать — только не будущее, а прошлое...

Нет, не прошлое. То, что он смотрит,— просто фальшивка.

Перед глазами разворачивалась новая сцена. Елейное мурлыканье Алекса Сурберри лезло в уши, доводя до бешенства. Сцена, в которой заключена вся мораль Фильма «А» — мораль, которую Готлиб Фишер, с благословения военного руководства Зап-Дема, намеревался довести до зрителя. Иными словами, raison d'être — смысла и причиной существования — всех двадцати пяти часов версии «А».

Перед ним на миниатюрной сцене разыгрывался спектакль — встреча глав трех государств-союзников. Рузвельта, Черчилля, Сталина. Место действия: Ялта. Зловещая, роковая Ялта.

Вот они сидят в своих креслах, три мировых лидера — рядком, так, чтобы было удобнее фотографам. Это поистине историческое событие, значение которого трудно переоценить. Никто из ныне живущих не вправе забывать о нем, ворковал Сурберри. Именно там было принято решение исключительной важности. Сейчас вы можете увидеть это собственными глазам.

Какое решение?

— В этом месте и в тот самый момент,— с профессиональной вкрадчивостью шептал на ухо Джозефу Адамсу голос,— была заключен договор, которому суждено предопределить судьбу всех последующих поколений.

— О'кей,— вслух произнес Адамс, заставив вздрогнуть скромного юношу-янсмена, сидящего за соседним фильмоскопом.

— Прошу прощения,— буркнул Джо. Ну, Фишер, не тяни. Объясни, что это за договор. Как говорится, лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. Говори по делу — или заткнись. Покажи, зачем снималась вся эта эпопея — или проваливай.

Но он видел этот фильм много раз и знал, что ему покажет режиссер.

— Джо! — раздался у него за спиной женский голос, привлекая его внимание. Выпрямившись, он поднял глаза и увидел, что перед ним стоит Коллин.

— Подожди,— сказал он.— Ничего не говори. Потерпи секундочку.

Он снова приник к фильмоскопу, жадно и испуганно. Прямо как какой-то несчастный термит, подумал он, который трясется от ужаса, потому что — якобы — подцепил «вонючую сухотку» и уже прощается со всем миром. Но этот страх не на пустом месте — Джозеф Адамс знал это. Ужас в его душе нарастал и нарастал, пока не стал невыносимым. Он по-прежнему смотрел в окуляр, а Александр Сурберри то мурлыкал, то шептал... Может быть, они — там, внизу,— чувствуют то же самое? Может быть, они улавливают какие-то намеки, привкус лжи, когда смотрят на экране? Ведь то, что мы им показываем,— такая же подделка... От этой мысли он буквально окаменел.

— Эти уникальные кадры,— мурлыкал между тем Сурберри,— сделаны одним из сотрудников американской Секретной службы при помощи камеры с телеобъективом, замаскированной под пуговицу. Мы приносим извинения за качество изображения.

Кадры, как и предупреждал Сурберри, и впрямь были размытыми. Вдоль парапета двигаются две человеческие фигуры. Рузвельт и — Иосиф Сталин, Рузвельт сидит в своем инвалидном кресле, укрытый пледом, кресло толкает слуга в военной форме.

— Специальный микрофон с большим радиусом действия позволил агенту записать...

О'кей, подумал Джозеф Адамс. Пока все неплохо. Камера размером с пуговицу... Кто вспомнит в восемьдесят втором году, что в сорок четвертом таких миниатюрных устройств еще не было? А если и вспомнит, то спорить не станет — так и вышло, когда фильм демонстрировали по всему Зап-Дему. Никто не написал в Белый дом письмо, которое начиналось, скажем, так: «Уважаемые господа! В отношении камеры размером с пуговицу «агента Секретной службы» в Ялте, позвольте уведомить вас, что...». Нет, ничего такого не произошло, или письмо было благополучно похоронено... а может быть, и сам его автор.

— Какой эпизод, Джо? — спросила Коллин.

Он снова оторвался от аппарата и остановил фильм.

— Великую сцену. Ту, где Рузвельт и Сталин сговариваются предать Западную демократию.

— А, ну да,— кивнула она, присаживаясь рядом.— Нечеткая съемка с большого расстояния. Такое забудешь. Ведь в нас вколотили...

— И ты, конечно, знаешь, что они там напортачили.

— Вообще-то нас заставили это заучить. Лично Броуз, он ученик Фишера. Так что, пока он жив...

— В наше время,— заметил Адамс,— никто таких ошибок не делает. Я имею в виду подготовку «материала». Мы хорошо учились, копили опыт. Хочешь взглянуть? Или, может, послушать?

— Нет уж, спасибо. Честно говоря, мне он не нравится.

— Мне тоже — причем оба,— признался Адамс.— И все равно — это потрясающий фильм. А самое потрясающее — то, что публика его проглотила... и даже переварила.

Он снова прильнул к окулярам и запустил пленку.

Запись голосов, принадлежащих двум туманным фигурам, оказалась неожиданно четкой. Громкое шипение — доказательство того, что запись действительно сделана секретным агентом с помощью мощного потайного микрофона — чуть смазывало слова, но все, что нужно было разобрать, было слышно.

В этой сцене версии «А» Рузвельт и Сталин говорили по-английски: Рузвельт — со своими гарвардскими интонациями, Сталин — с сильным славянским акцентом и гортанными призвуками.

Из-за этого Рузвельта было проще понять. То, что он говорил, было чрезвычайно важно — тем более, что он был откровенен, поскольку понятия не имел о «скрытом микрофоне». Он, Франклин Делано Рузвельт, президент Соединенных Штатов, на самом деле был агентом компартии. И выполнял ее задание. Он продавал США своему боссу Иосифу Сталину, а тот говорил: «Да, товарищ»; «вы понимаете, что нам нужно»; «значит, мы договорились: вы задержите войска союзников на западе с тем, чтобы наша Красная Армия могла углубиться в Центральную Европу. То есть, дойти до Берлина, и установить советское господство на...» — тут гортанная речь Сталина, и так неразборчивая из-за сильного акцента, стала едва слышна, поскольку оба мировых лидера вышли за пределы радиуса действия микрофона.

Снова остановив фильм, Джозеф Адамс сказал Коллин:

— Несмотря на ту ошибку, Готлиб отлично поработал. Актер, игравший Рузвельта,— действительно вылитый Рузвельт. А тот, что играл Сталина...

— Кстати, насчет ошибки,— напомнила Коллин.

— Да...

Промах был действительно очень серьезный — самый страшный промах Фишера. И единственный серьезный промах во всех двадцати пяти эпизодах Фальшивки «А».

Иосиф Сталин не знал английского. А, поскольку Сталин не мог говорить по-английски, не могло быть и всей этой сцены.

Ключевой сцены, которая только что завершилась. Она сама разоблачала себя — и наглядно демонстрировала, что из себя представляет весь этот «документальный» фильм. Намеренно, профессионально сработанная фальшивка — сработанная с единственной целью: снять Германию «с крючка», на котором она оказалась в результате преступлений, совершенных немцами во время Второй мировой войны.

К восемьдесят второму году Германия вновь стала мировой державой, и, что еще более важно, фактически главой содружества стран, именующих себя «Государствами Западной демократии» — сокращенно «Зап-Демом». ООН развалилась во время Латиноамериканской войны семьдесят седьмого, оставив после себя вакуум власти, в который тут же умело и энергично устремилась Германия[1].

— Меня тошнит,— пожаловался Адамс, трясущимися руками беря сигарету. Подумать только, и мы все, такие, как мы есть сейчас — порождение этой грубо сляпанной фальшивки, этой сцены, где Сталин говорит на языке, которого никогда не знал!

Какое-то время они молчали.

— Но ведь, в принципе,— начала Коллин,— Фишер вполне мог бы...

— Все исправить. Один-единственный скромный переводчик. Вот и все, что требовалось. Но Фишер был настоящим художником. Ему было нужно, чтобы разговор происходил с глазу на глаз, без посредников. Он чувствовал, что это произведет куда более глубокое впечатление.

И Фишер оказался прав. Его «документальный» фильм был действительно повсеместно признан исторически справедливым. Фильм разоблачал ялтинское «предательство», правильно показывал «непонятого» Адольфа Гитлера, который в действительности просто пытался спасти западные демократии от комми... Даже лагеря смерти — даже это получило объяснение. Все, что потребовалось,— склеить вместе несколько кадров с английскими военными кораблями и умирающими от голода узниками концлагерей плюс несколько фальшивых эпизодов, которых вообще никогда не было на самом деле, плюс несколько метров подлинной кинохроники из военных архивов Зап-Дема... И убаюкивающий голос, связавший все это воедино. Убаюкивающий — но твердый.

Блеск.

---

[1] Напомним, что этот роман Дика был написан в 1964 году. (*Прим. ред.*)

— Не понимаю,— наконец проговорила Коллин.— Почему ты так переживаешь? Потому, что эта ошибка так бросается в глаза? Не так уж она и заметна. Те, кто смотрел фильм в восемьдесят втором, знали, что Сталин не говорил...

— А ты знаешь,— перебил ее Адамс. Сейчас он говорил тихо, очень осторожно,— ты знаешь, что такая же ошибка есть в Фильме «Б»? Тебе кто-нибудь ткнул в нее пальцем? Знаешь, по моему мнению, даже сам Броуз никогда не смотрел версию «Б» так же внимательно, как версию «А».

— Так... задумчиво протянула она,— попробуем вспомнить. В версии «Б», для коммунистического мира восемьдесят второго...— она нахмурилась, пытаясь вспомнить.— Я уже сто лет не смотрела версию «Б», но...

— Начнем с рабочей гипотезы, которую положили в основу версии «Б». СССР и Япония пытаются спасти цивилизацию. Англия и США — тайные союзники нацистов и Гитлера; они привели его к власти с единственной целью — чтобы он развязал войну в Восточной Европе — чтобы тем самым сохранить «статус кво» в отношении развивающихся государств Восточного полушария. Это нам известно. Во время Второй мировой войны Англия и США только делали вид, что воюют с Германией. Все боевые действия на Восточном фронте на самом деле вела только Россия; высадка в Нормандии и открытие... как его... Второго фронта? — имели место после того, как Советы разгромили Германию. США и Англия просто решили, что им пора выйти на сцену, и жадно накинулись на трофеи...

— ...которые по праву принадлежали СССР,— подхватила Коллин.— А где Фишер допустил ошибку? Идея выглядит вполне правдоподобно — впрочем, как и идея фильма «А». Использована подлинная кинохроника обороны Красной Армией Сталинграда...

— Точно. Все настоящее. Подлинное и абсолютно убедительное. И война была действительно выиграна под Сталинградом. Но...— он стиснул кулак, сломав сигарету, и аккуратно положил ее в пепельницу.— Я не собираюсь смотреть фильм «Б». Хотя Главный хранитель мне советует. Просто я качусь по наклонной. Я перестал расти. Значит, скоро меня обойдут — и все. Я понял это еще прошлым вечером, до того, как ты улетела. Я снова убедился в этом сегодня — когда прослушал речь Дэйва Лантано и понял, что она сто очков вперед даст всему, что я делаю... и на что я вообще способен. А ему где-то девятнадцать. Ну, максимум двадцать.

— Двадцать три,— сказала Коллин.

Адамс уставился на нее.

— Ты с ним встречаешься?

— Скорее сталкиваюсь. Он то появляется в Агентстве, то исчезает. Похоже, ему больше нравится сидеть в своей «горячей зоне» и командовать «жестянками». Он следит за тем, чтобы его виллу строили в точном соответствии с его задумками. По-моему, это из-за того, что он не надеется увидеть ее законченной. Он мне нравится, только он какой-то странный и загадочный. Настоящий отшельник. Прилетает в Агентство, скармливает свои речи «ваку», потом гуляет по этажам, но почти ни с кем не разговаривает, и снова исчезает. Ладно... что за ошибка в версии «Б» — в версии для Нар-Дема, о которой не знает никто, кроме тебя, и которую за столько лет не заметил даже сам Броуз?

— Это сцена, где Гитлер во время войны тайно посещает Вашингтон и встречается с Рузвельтом.

— Ах, да! Эта идея появилась у Фишера в связи с полетом Гесса в...

— Очень важное секретное совещание Рузвельта и Гитлера, май сорок второго. Рузвельт, в присутствии посла Великобритании лорда Луиса Маунтбаттена и принца Баттена фон Баттенберга[1], заверяет Гитлера, что союзники отложат высадку в Нормандии минимум на год. Тогда Германия сможет перебросить все свои силы на Восточный фронт и разгромить Россию. Кроме того, Рузвельт обещает регулярно передавать германской разведке и лично адмиралу Канарису[2] маршруты всех конвоев с военными грузами, которые направляются в северные порты русских, чтобы подводные лодки нацистов могли безнаказанно топить их. Помнишь размазанные кадры, которые «с большого расстояния» сделал «верный член партии, служащий в Белом доме»... Гитлер и Рузвельт сидят на диване. «Вам не о чем беспокоиться»,—

---

[1] «*Batten*» — половая доска *(англ.)*. Это слово имеет еще одно значение: «жиреть», «преуспевать за счет других», «жить в праздности». (*Прим. ред.*)

[2] Канарис Фридрих Вильгельм (1887–1945) — немецкий адмирал, с 1935 по февраль 1944 года — начальник управления разведки и контрразведки верховного командования вооруженных сил Германии — «абвера». Создал широкую шпионско-диверсионную сеть в странах Европы, Азии, Африки и Америки. В феврале 1944 уволен в отставку. Принял участие в «заговоре генералов» 20 июля 1944 года, был арестован и повешен в концлагере Флоссенберг 8 апреля 1945 года. (*Прим. ред.*)

заверяет Рузвельт Гитлера. Союзники будут проводить бомбардировки только ночью, чтобы сделать как можно больше промахов, а любая информация из России по поводу планов военных операций, диспозиции войск и тому подобное будет передаваться в Берлин не позднее, чем через двадцать четыре часа после ее получения Соединенным Королевством, или Великобританией через Испанию.

— И они, конечно, разговаривают по-немецки,— предположила Коллин.— Я угадала?

— Нет,— огрызнулся он.

— Значит, по-русски? Чтобы зрителям Нар-Дема было понятно? Просто я так давно...

— Нет,— жестко произнес Адамс.— Ошибка состоит в том, что Гитлер прилетает на «секретную базу ВВС США в окрестностях Вашингтона». Подумать только, и никто ничего не заметил. И, прежде всего, во время Второй мировой войны никаких Военно-воздушных сил США попросту не существовало.

Она недоуменно поглядела на него.

— Тогда это называлось «Военно-воздушный корпус»,— пояснил Адамс.— Авиацию еще не считали отдельным родом войск. Впрочем, это еще мелочи — небольшая ошибка в сопровождающем тексте. Смотри,— он торопливо извлек из фильмоскопа катушку с фильмом «А», вставил катушку с версией «Б», прильнул к окулярам и немного прокрутил пленку — пока не обнаружил нужную сцену в шестнадцатом эпизоде. Затем он снова откинулся на спинку кресла, предоставив Коллин полюбоваться действием.

Несколько минут Коллин молча наблюдала за происходящим.

— Вижу,— пробормотала она.— Реактивный самолет... заходит на посадку, ночь... так... да, ты прав. Комментатор сказал «База ВВС США», и я смутно припоминаю...

— Самолет,— подсказал Адамс.

Коллин остановила пленку и уставилась на застывшую картинку.

— Гитлер прилетает в США в мае сорок второго года,— пояснил Адамс.— На турбореактивном «Боинге-707». Эти самолеты появились только в середине 60-х. Единственный реактивный самолет Второй мировой войны — немецкий истребитель, который так и не пошел в серию.

— О Господи! — ахнула Коллин.

— Но и это сошло с рук,— сказал Адамс.— Люди в Нар-Деме поверили — ведь к восемьдесят второму они привыкли к

реактивным самолетам и совершенно забыли, что сорок лет назад на всех самолеты были только... как же это...

— Пропеллеры,— подсказала Коллин.

— Кажется, я понимаю,— задумчиво произнес Адамс,— почему Глазный хранитель архивов посоветовал мне еще раз обратиться к этим фильмам, к первоисточникам. К работам великого Готлиба Фишера — первого янсмена. Человека, который, по сути, придумал Тэлбота Янси.

И который, увы, умер, так и не увидев воплощения своей идеи. И того, как эту идею одновременно используют оба мировых блока враждующих государств.

— Хранитель хотел, чтобы я убедился: мои страхи по поводу качества моей работы преувеличены. Они непомерны. Вся наша работа — наше коллективное создание истории — в самой своей основе, начиная с этих двух псевдодокументальных фильмов,— это ошибка. Когда кто-то из нас идет на обман — будь то ты, я или кто-то еще,— то рано или поздно, не в одном, так в другом, это выплывет наружу.

— О да,— кивнула она.— Мы простые смертные, мы так несовершенны.

— Но вот что странно,— продолжал Адамс.— Дэвид Лантано у меня такого чувства не вызывает. Помнится, я перепугался — теперь понимаю, почему. Он не такой, как мы. Он безупречен — или может стать таковым. В отличие от нас. Так кто он тогда? Может, он вообще не человек?

— Бог его знает,— нервно отозвалась Коллин.

— Не говори так. Когда говоришь о Дэвиде Лантано, почему-то не хочется вспоминать о Боге.

Возможно, подумал он,— потому, что этот человек так близок к силам смерти. Он живет в своей «горячей зоне», изо дня в день подвергаясь смертоносному воздействию радиации. Кажется, что она не просто сжигает, убивает его, но и наделяет его какой-то мистической силой.

Он снова ужаснулся своей смертности и хрупкости равновесия сил, начиная с биохимического уровня, которое позволяет человеку жить.

Но Дэвид Лантано научился жить в самом центре этих сил и даже управлять ими. Как ему такое удалось? Лантано получил право пользоваться силами, которые нам недоступны. Просто интересно, как ему удается ими управлять. Я тоже так хочу.

— Я кое-что усвоил,— сказал он Коллин.— Я понял, чему меня должны научить эти обрывки фишеровских фильмов во-

семьдесят второго года. Думаю, можно фильмоскоп выключать,— он встал, вынул катушки с пленками.— Вот что я усвоил. Сегодня утром я слушаю речь новичка двадцати трех лет от роду и впадаю в панику. После этого смотрю две версии фишеровского фильма восемьдесят второго года. И я понял.

Она слушала не перебивая, с чисто женским, почти материнским терпением.

— Даже Фишер,— наконец сказал он,— величайший из всех нас, в подметки не годится Дэвиду Лантано.

Он действительно понял это. Но... во всяком случае, на данный момент... он еще не вполне понимал, что это может означать.

Тем не менее у него было предчувствие. В один прекрасный день и он сам, и остальные люди Янси, не исключая и самого Броуза, это узнают.

Глава 11

Крошечный самодельный сенсор, закрепленный на скафандре,— нечто вроде сонара, только предназначенный для геологов, а не для субмарин,— сообщил Николасу Сент-Джеймсу, который пробивался наверх с помощью маленькой портативной землечерпалки, что до поверхности остался примерно ярд.

Он выключил черпалку и попытался наконец хоть ненадолго успокоиться. Еще какие-то пятнадцать минут, понял он, и я окажусь на поверхности. И на меня начнется охота.

Приятно, нечего сказать,— инстинктивно чувствовать, что ты вот-вот станешь дичью.

Человек представляет собой нечто искусственное, невероятно сложное, с тысячами миниатюрных составляющих, с обратной связью и резервными системами, со сверхчуткими сенсорными органами, с автономными и практически вечными источниками питания. И, что хуже всего, обладает неким изначальным качеством, свойственным любому живому существу: температура его тела выше температуры окружающей среды.

Этот была простая и печальная истина. Быть живым означало привлекать внимание; такова реальность на поверхности Земли, и ему придется быть готовым к тому, чтобы при первом признаке опасности бежать, прятаться, затаиться. Но не сражаться. Он не представлял, как победить. Либо он ускользнет, либо погибнет. И эта игра в прятки начнется в тот момент, когда он окажется на поверхности. Сейчас, в душной темноте тесного туннеля, глотая спертый воздух, он цеплялся, подобно насекомому, за кли-

нья, которые сам вбил в стенку, и думал, что теперь может быть слишком поздно.

Возможно, еще до того, как выбрался на поверхность, его засекли. Уловили вибрацию его крошечной землеройки, перегревшейся и работающей на последнем издыхании. Или звук его дыхания. Или... какое дикое, нелепое, отвратительное применение нашли тому главному, что отличает живое от неживого! Тепло его тела могло привести в действие одну из автономных мин — он видел такие по телевизору. Мина отсоединилась от крепления, на котором держалась, оставаясь невидимой... отсоединилась и теперь ползет по кучам мусора и щебня, которые покрывают всю поверхность Земли,— словно там прошла грандиозная пьянка свихнувшихся гигантов, к концу ночи надравшихся до непотребного состояния. Мина ползет к точке, где ее траектория пересечет его путь, к месту их встречи, к тому месту, где он выберется на поверхность. Настоящее совершенство, подумал он, полная синхронизация по месту и времени. Между тем, что делает она, и что делаю я.

Он знал, что мина там есть. Более того, он знал это уже в тот момент, когда вошел в шахту и вход под ним завалили.

— Активисты...— пробормотал он.— Комитетчики хреновы... Вас бы сейчас сюда.

Кислородная маска приглушила голос, слова едва достигали слуха — скорее, вибрация голоса передавалась по лицевым костям. Лучше бы Дейл Нуньес меня остановил, подумал он. Кто знал, что мне будет так страшно?

Должно быть, это и есть та пружина, которая делает человека параноиком. Предельно острое, мерзкое ощущение того, что за тобой следят. Да, решил он, пожалуй, это самое гадкое, что я когда-либо испытывал. Страх был всего лишь незначительным компонентом. Нет, сейчас преобладало другое ощущение: ты виден как на ладони. Невыносимо.

Он снова запустил «землеройку», машина заурчала и возобновила работу. Земля и камни расступались у него над головой, «землеройка» распыляла, сжигала их, превращала в чистую энергию — или что-то еще. В итоге оставался лишь тончайший пепел, высыпающийся сзади из машины — ничего больше. Все остальное она использовала для своего метаболизма, и в туннеле под ним не оставалось ничего.

Он сможет вернуться — в любой момент.

Но он этого не сделал. Он продолжал пробиваться вверх.

Из крохотного динамика интеркома послышался голос одного из активистов «Тома Микса» — убежища, которое осталось где-то внизу:

— Эй, президент Сент-Джеймс! С вами все в порядке? Мы уже целый час ждем, а от вас до сих пор ни слова.

— Единственное слово, которое я хочу сказать...

Он смолк. К чему это говорить? Они не услышат ничего нового. И, скорее всего, уже поняли, каково ему сейчас. Кроме того, он президент, народный избранник, а президенты и народные избранники — пусть выбранные населением подземного убежища — не имеют права так выражаться. Он продолжал копать. Интерком молчал: там, внизу, поняли правильно.

Десять минут спустя вверху мелькнул свет. На лицо Николасу посыпалась земля, камешки, какие-то корни. Хотя очки и маска фактически представляли собой шлемообразную конструкцию, которая защищала вполне надежно, Николас невольно съежился. Солнечный свет. Пугающий, сероватый и такой резкий, что Николас ощутил нечто вроде упрямой ненависти. Его рука царапнула воздух, пытаясь вырвать этот мерзкий глаз — глаз, который никогда не закрывается. Солнечный свет. Смена дня и ночи — снова, после пятнадцати лет. Если бы я умел молиться, усмехнулся он, я бы помолился. Думаю, помолился бы о том, чтобы око этого самого старого из богов, солнечного божества, не стало для меня предвестником смерти. О том, чтобы прожить достаточно долго и успеть увидеть смену дня и ночи, а не только этот мимолетный обжигающий отблеск.

— Я выбрался,— сказал он в интерком.

Ответа не было. Может быть, просто села батарейка... Нет, фонарь на шлеме горел по-прежнему, хотя в сиянии полуденного солнца его свет казался тусклым. Николас яростно встряхнул передатчик. Сейчас ему было важнее снова связаться с «термитником», чем вылезти наружу. Боже мой... моя жена, мой брат, мои друзья. Я отрезан.

Желание вернуться обратно, вниз, было сродни панике. Он задергался, как жук, разбрасывая комья земли и камни, отправляя вниз целый оползень. Он рвался на свободу, скреб пальцами влажную гладкую землю, цеплялся за нее... Поверхность. Горизонтальная и совершенно бесконечная. Теперь он лежал на ней, вжимаясь в нее всем телом, словно хотел оставить на ней отпечаток. Это будет мой след, одичало подумал он. Вмятина в форме человека. Я никогда не исчезну, если она останется.

Потом он открыл глаза и взглянул в направлении севера — сориентироваться оказалось несложно. Достаточно было приглядеться к скалам и траве — бурым, безнадежно больным пучкам сорняков, которые были под ним и вокруг. Казалось, Полярная

звезда притягивает к себе все, заставляя жизнь вращаться вокруг себя. Николас поглядел вверх. Удивительно: небо скорее серое, чем голубое. Пыль, решил он. Разумеется, это следствие войны; частицы пыли так и не осели полностью. Он почувствовал разочарование.

Но земля... По его руке проползло что-то живое, одетое хитиновым панцирем. Николас глядел на это существо почти с восторгом — он знал, помнил, что это такое. Муравей, который нес во рту какую-то белую крошку. Николас следил, как он ползет. Они не отличались блестящим умом, эти крошечные создания, но по крайней мере никогда не сдавались. Тогда, пятнадцать лет назад, они остались, вместо того чтобы спасаться бегством. Они лицом к лицу встретили Судный день — и вот теперь живут там же, где жили. И свидетельство тому — этот кроха, типичный представитель своего народа. Всего народа муравьев, который ничто не способно пошатнуть, разве что время.

Интерком зашипел.

— Эй, президент Сент-Джеймс! Вы уже снаружи? — взволнованная скороговорка тонула в помехах.

— Да, выбрался.

— Давайте, рассказывайте, что там. Что вы видите?

— Ну, для начала... небо серое из-за пылевой взвеси. Выглядит малоутешительно.

— Ох, жалость какая! — на другом конце линии кто-то завозился и затопал.

— Ничего особого разобрать не могу,— продолжал Николас.— Руины Шайенна справа от меня. Пара зданий, кажется, уцелела, но в остальном картина удручающая. Они довольно далеко, эти развалины,— почти на горизонте. А поблизости одни только булыжники. На самом деле...

На самом деле все могло быть куда хуже, и он был озадачен. То, что он увидел вдалеке, явно напоминало рощицу.

— Судя по телепередачам,— сказал он,— тут рядом у границы с Небраской должна находиться крупная военная база. Как мы планировали, я направляюсь на северо-восток. Надеюсь...

— Не забудьте,— возбужденно затарахтел динамик.— Если верить слухам, торговцы черного рынка селятся на развалинах городов, в погребах, и старых бомбоубежищах. Если в северо-восточном направлении не видно ничего обещающего, отправляйтесь на север, прямо в Шайенн, и посмотрите, можно ли там с кем-нибудь завязаться. Думаю, в таком большом городе множество подвалов — достаточно глубоких, чтобы в них можно

было укрыться. Или личные убежища, на одного-двух человек. Они должны быть повсюду. А самое главное, помните: они знают, как спасаться от жестянок, иначе бы им не просто не выжить. Поняли? Вы меня слышите?

— Слышу, слышу,— отозвался Николас.— Договорились. Я...

— И еще у вас есть коробочка, там разогретое металлическое конфетти, верно? Это чтобы термочувствительные «убийцы» сбились со следа. И специальные шарики для изэнтропных «киллеров» устройств — не забывайте разбрасывать их вокруг себя, когда двинетесь в путь. Ха... Ну прямо как Гензель и Гретель, верно? Только вам будет лучше, если птички склюют ваши хлебные крошки.

Николас осторожно поднялся и, пошатываясь, встал.

Тут-то его и засекли. Он слышал, как они движутся. Они появились, стоило ему изменить положение в пространстве. Развернувшись, он выхватил жалкое оружие, которым его снабдили умельцы из убежища. Первая из «жестяных дев» взмыла вверх, словно была наполнена гелием и ничего не весила. Луч самодельного лазерного пистолета прошел ниже. А она, похоже, из бывалых! Робот развернулся в воздухе и приземлился на землю почти за спиной у Николаса. Тем временем вторая «жестянка», изгибаясь, как сороконожка, с огромной скоростью двигалась прямо на него, спереди, выставив вперед какую-то штуку, которую Николас не смог опознать. Но «жестянка» не стреляла — она просто пыталась схватить его! Николас попятился, еще раз выстрелил из своего жалкого самодельного пистолета, но это ничего не дало. Жестянка-сороконожка лишилась какой-то незначительной анатомической детали, и тут ее напарница — та, что была за спиной у Николаса — вцепилась в него. Попался, подумал он. Пальцы-крючья тащили его, волокли по камням и кочкам — казалось, его привязали вместо прицепа к машине, которая едет и не собирается останавливаться. Он пытался отцепиться, но крюки пробили скафандр, а некоторые впились в спину и плечи. Жестянка явно понимала, что жертва не окажет сопротивления. Николас даже не мог повернуться.

И только тут он понял, зачем все это. И что они делают.

Они пытались как можно быстрее оттащить его от входа в туннель. Пока одна из жестяных дев удерживала Николаса, вцепившись в него сзади, вторая занялась туннелем — повреждения, нанесенные пистолетом Николаса, не помешали ей запечатать вход. Она обрабатывала почву чем-то вроде лазера. Земля, камни и пучки сорняков превращались в кипящую, пузырящуюся массу,

вокруг клубился пар. Входа больше не было — он был завален и исчез. Жестянка, которая тащила Николаса, остановилась, поставила его на ноги, выбила интерком и раздавила своей нижней конечностью. А затем принялась методично срывать с Николаса все, что на нем было: шлем, пистолет, маску, кислородный баллон, скафандр... и тут же разрывала и разбивала. Наконец процедура была закончена, и удовлетворенная жестянка замерла.

— Вы ведь советские жестянки, правда? — пробормотал Николас. Как же иначе. Вряд ли западемовские стали бы...

И тут он заметил, что на корпусе ближайшей к нему «жестяной девы» что-то написано. Написано не кириллицей, и слова были не русские, а английские. Очень четкая надпись, сделанная одним взмахом широкой кисти по трафарету — но сделанная не в подземном убежище. Эта надпись появилась уже после того, как жестянку подняли на поверхность по «мусоропроводу». Возможно, эту «жестяную деву» собирали в «Томе Миксе». Это уже не имело значения, потому что эта немыслимая надпись эмалевыми буквами гласила:

СОБСТВЕННОСТЬ ДЭВИДА ЛАНТАНО
ИДЕНТ АГЕНТСТВА 3-567-587-1
ПРИ ВОЗВРАТЕ ПРЕТЕНЗИИ НЕ ПРИНИМАЮТСЯ
ВОЗВРАТ ВОЗМОЖЕН ТОЛЬКО В ХОРОШЕМ
ИЛИ ОТЛИЧНОМ СОСТОЯНИИ

Глава 12

Он стоял, созерцая эту непостижимую надпись на груди жестянки, когда робот обратился к нему:

— Мы приносим свои извинения за столь бесцеремонное обращение, сэр. Но нам было необходимо переместить вас на расстояние от туннеля и вместе с тем по возможности запечатать его. Наверное, вы можете сообщить непосредственно нам — дабы не возникало необходимости в последующем применении детекторной аппаратуры... Планирует ли кто-нибудь еще из обитателей вашего убежища выход на поверхность или, возможно, следует за вами?

— Нет,— буркнул Николас.

— Понятно,— интонация подразумевала удовлетворенный кивок.— Следующий вопрос. Что заставило вас прокладывать вертикальный туннель, в нарушение известного вам распоряжения и невзирая на ожидающее вас строгое взыскание?

— Иными словами,— добавила ее покалеченная напарница,— будьте так любезны сообщить причину вашего появления, сэр.

Некоторое время Николас молчал, потом пробормотал, запинаясь:

— Я... пришел... мне нужно достать кое-что.

— Не могли бы вы объяснить, что вы обозначаете термином «кое-что»? — спросила невредимая.

Хоть убейте, не представляю, говорить им правду или нет... Вся эта ситуация, весь этот мир вокруг и его обитатели — металлические, но исключительно вежливые — они нажимают на него, но сохраняют уважение... Он был обескуражен и дезориентирован.

— Мы готовы дать вам некоторое время, чтобы вы смогли собраться с мыслями,— сказала неповрежденная жестянка.— Однако мы настаиваем на том, чтобы вы ответили,— она шагнула к нему с каким-то прибором в «руке».— Нам хотелось бы проверить ваши высказывания на детекторе лжи, сэр. Иными словами, с помощью независимой чувствительной системы, которая поможет установить правдивость ваших ответов. Не сочтите за оскорбление, это стандартная процедура, сэр.

Прежде, чем Николас успел что-то понять, детектор лжи был закреплен у него на запястье.

— Итак, сэр...— продолжала жестянка,— Какие сведения о положении дел на поверхности Земли вы передали своим товарищам по убежищу при помощи устройства связи, дальнейшее использование которого мы только что сделали невозможным? Будьте любезны, сообщите нам все необходимые подробности.

— Я... я не знаю,— ответил он, запинаясь.

— Спрашивать не имеет смысла,— обратился к напарнику покалеченный робот.— Мне удалось записать их разговор с близкого расстояния.

— Воспроизведи, пожалуйста,— ответил невредимый.

Это было ужасно и отвратительно. Из металлической глотки подбитой жестяной девы раздались знакомые голоса — весь его разговор с теми, кто остался внизу, был записан. Слова, которые выходили изо рта жестянки, сопровождались скрипами и звучали невыразительно, но ясно, словно она передразнивала людей.

— Эй, президент Сент-Джеймс! Вы уже снаружи?

Потом его собственный голос — кажется, немного ускоренный:

— Да, выбрался.

— Давайте рассказывайте, что там. Что вы видите?

— Ну, для начала... небо серое из-за пылевой взвеси.

Он был вынужден стоять перед этой парой и слушать все, что говорил только что, от начала и до конца. И все это время он спрашивал себя снова и снова: что происходит?

Наконец прослушивание записи закончилось, и жестянки стали совещаться.

— Он не сообщил им ничего важного,— объявила целая.

— Именно так,— кивнула покалеченная.— Спроси его еще раз, собираются ли они подниматься на поверхность.

Металлические головы повернулись к Николасу и сосредоточенно уставились на него.

— Мистер Сент-Джеймс, собирался ли кто-нибудь еще последовать за вами сейчас или позже?

— Нет,— хрипло отозвался он.

— Мой самописец показывает, что он говорит правду,— заметила пострадавшая машина.— Теперь еще несколько вопросов, мистер Сент-Джеймс. Расскажите, пожалуйста, о цели вашего выхода на поверхность. Не сочтите за неуважение, сэр, но я настаиваю: вы должны рассказать нам, зачем вы здесь.

— Нет,— ответил он.

— Свяжись с мистером Лантано,— сказала покалеченная,— и спроси, убить нам мистера Сент-Джеймса или передать в организацию Рансибла или берлинским психиатрам. Твой передатчик действует, а мой уничтожен оружием мистера Сент-Джеймса.

После недолгой паузы уцелевшая жестянка объявила:

— Мистера Лантано на вилле нет. Персонал сообщает, что он в Нью-Йорке, в Агентстве.

— Могут ли они с ним связаться?

Долгая — очень долгая — пауза. Наконец неповрежденная «жестяная дева» сообщила:

— Они связались с Агентством по видфону. Мистер Лантано действительно был там, работал с «ваком», потом куда-то ушел, и никто в Агентстве не знает, вернется ли он, и если вернется, то когда именно. Поэтому,— добавила она,— мы должны принять решение самостоятельно.

— Выражаю несогласие,— возразила ее напарница.— В отсутствие мистера Лантано мы должны связаться с ближайшим янсменом и руководствоваться его решением, но не своим собственным. На вилле есть видфон. Возможно, мы сможем связаться с мистером Артуром Б. Таубером, который находится восточнее, в своем поместье. Если не с ним, то с кем-нибудь из Агент-

ства в Нью-Йорке. Фактически мистер Сент-Джеймс не сообщил никому из своих товарищей в убежище ничего существенного по поводу условий на поверхности. Следовательно, они сочтут его смерть обычным следствием военных действий. Это объяснение их удовлетворит.

— Твой последний довод очень убедителен,— сказала невредимая жестянка.— Думаю, мы должны принять решение сами и убить его, а не беспокоить янсмена мистера Артура Б. Таубера, который сейчас может также находиться в Агентстве, и к тому времени, как мы...

— Принимаю.

Из покалеченной машины выдвинулось какое-то устройство, похожее на короткую трубку. Николас понял, что именно это отправит его в мир иной. Так оно и будет, и обсуждать больше нечего — совещание двух «жестяных дев» было недолгим. И лишь одна мысль вертелась у него в голове: это мы сделали их, сделали своими руками, в наших мастерских; ведь это — творения наших рук. Но разговор был закончен, решение принято.

— Погодите,— сказал он.

Обе жестянки замерли в ожидании — словно правила хорошего тона не позволяли убить его в такой момент.

— Скажите,— спросил он,— ведь вы из Зап-Дема, а не Нар-Дема,— я точно это знаю, я вижу, на каком языке сделаны надписи у вас на корпусах. Почему вы должны меня убить?

Он взывал к их невероятно восприимчивым и рациональным искусственным мозгам, к их высокоорганизованным мыслительным устройствам, которыми снабжали «тип VI».

— Я поднялся на поверхность,— продолжал он,— чтобы приобрести искусственную поджелудочную железу — иначе мы не сможем выполнить производственный план. Артифорг, понимаете? Для нашего главного механика. Для нужд оборонной промышленности.

Но с чего он взял, что война продолжается? Он видит только следы, остаточные признаки того, что здесь шла война... Руины? Их нельзя назвать свежими, пейзаж существует в таком виде не первый год, если судить по деревьям. Они выглядели молодыми и совершенно здоровыми. Так вот чем дело, подумал он. Война давно закончилась. То ли в ней победила одна из сторон, то ли военные действия прекратились, и теперь эти жестянки не принадлежат Зап-Дему, не являются бойцами правительственной армии, а частная собственность человека, чье имя на них указано,— некоего Дэвида Лантано. И именно от него они получают при-

казы... когда могут найти его. Но в настоящий момент рядом нет никого, к кому можно обратиться. И из-за этого мне придется умереть.

— Мой самописец,— заметила покалеченная жестянка,— регистрирует сильную активизацию мыслительной активности мистера Сент-Джеймса. Думаю, было бы гуманно сообщить ему...

И смолка. Потому что просто развалилась. Там, где она только что стояла, возвышалось нагромождение разъединенных элементов — вертикальная колонна, которая качнулась, потом рухнула и рассыпалась. Вторая жестянка начала разворачиваться вокруг своей оси, точно шпиль из цельного металла. Она действовала, как опытный боец,— искала, откуда пришел удар, уничтоживший ее напарника. Но не успела. Тот же смертоносный луч угодил в нее, оборвав вращение. Жестяная дева распалась и осела грудой деталей. И Николас обнаружил, что остался в полном одиночестве. Рядом не было никого живого, никого, кто мыслил и разговаривал,— даже этих искусственных созданий. Только что здесь суетились жестянки, готовые отправить его на тот свет — теперь наступила тишина. Он был рад этому, он ощущал сильное и глубокое облегчение, хотя и не понимал, что их уничтожило. Николас растерянно оглядывался вокруг, как только что оглядывалась «жестяная дева», и, как и она, не замечал ничего особенного. Валуны, пучки травы и вдали, у горизонта,— развалины Шайенна.

— Эй! — громко крикнул Николас.

Он принялся расхаживать взад и вперед, словно мог случайно споткнуться о своего спасителя — то ли крошечного, как муха, вроде того муравья у него на ноге, то ли невидимого, которого можно обнаружить, лишь столкнувшись с ним. Но так ничего и не обнаружил. По-прежнему было тихо.

И вдруг...

— Отправляйся в Шайенн! — загремел голос, усиленный мегафоном.

Николас подскочил от неожиданности и обернулся. За одним из валунов прятался человек. Незнакомец заговорил, но показываться явно не собирался. Интересно, почему?

— В Шайенне,— снова раздался голос,— ты найдешь бывших «термитов», которые выбрались на поверхность до тебя. Естественно, они не из твоего убежища. Но они тебя примут. Они покажут тебе глубокие подвалы, где уровень радиации минимален, и где ты будешь в безопасности до тех пор, пока не примешь решение, что делать дальше.

— Мне нужен артифорг,— повторил он упрямо, словно заведенный. Это было все, о чем он сейчас думал.— Наш главный механик...

— Понимаю,— мегафон делал голос оглушительным.— Но я еще раз советую: отправляйся в Шайенн. Это займет несколько часов, но здесь весьма «жарко», так что не стоит задерживаться надолго. Лучше спускайся в подвалы Шайенна!

— А вы не могли бы сказать, кто вы такой?

— Это обязательно?

— Конечно, нет,— пробормотал Николас.— Просто хотелось бы знать. Для меня это очень важно.

Он немного подождал и добавил:

— Пожалуйста.

После недолгой паузы, явно нехотя, из-за валуна неожиданно появился человек — причем так близко от Николаса, что тот шарахнулся назад. Мегафон не просто усиливал голос — это не позволяло даже примерно определить местоположение источника звука. Он успешно создавал впечатление — совершенно неправильное,— что говоривший находится на значительном расстоянии как от Николаса, так и от жестянок. Все оказалось иначе.

А человек, который вышел из-за валуна, был...

Тэлботом Янси.

Глава 13

— По-моему,— сказал Верн Линдблом, стоявший с другой стороны стола,— этого вполне достаточно.

Он указал на несколько предметов, изображающих оружие. Рядом лежали «кости» и «черепа», аккуратно упакованные в пластик. Человеческие и инопланетные, разительно не похожие друг на друга. Сейчас они рассортированы, но скоро смешаются в земле Юты.

На Джозефа Адамса они произвели впечатление. Линдблому не потребовалось много времени. Даже Стэнтон Броуз, громоздящийся в своем кресле-каталке, выглядел приятно удивленным. И, разумеется, был безмерно доволен.

Последний из присутствовавших не проявил никакой реакции — ему не разрешали. Он просто отсвечивал на заднем плане. Интересно, что это за тип, подумал Адамс. И тут же понял и ощутил приступ отвращения: скорее всего, тот самый, кого Броуз намерен сегодня внедрить в штат сотрудников Рансибла. Роберт

Хиг, которому предстоит «обнаружить» одну из этих «древностей» — или несколько. Главное — начать процесс.

— Мои статьи,— заметил Адамс,— даже вчерне не готовы. А ты уже сотворил все эти штуки.

Вообще-то он набросал начало первой статьи — примерно страницу. На то, чтобы закончить всю «трилогию», понадобится не один день. Потом их нужно будет передать в мастерские Агентства, чтобы там отпечатали фальшивые номера журналов, разбавив другими статьями,— скорее всего, это будут подлинные научные материалы тридцатилетней давности из довоенных выпусков «Мира природы».

— Не волнуйтесь,— пробормотал Стэнтон Броуз — древняя расплывшаяся туша, покоящаяся в инвалидном кресле.— «Мир природы» не понадобится, пока наши дорогие юристы не начнут разбирательство в Прим-Совете, так что времени у вас предостаточно. Тянуть не советую, но мы можем начать без вас. Чтобы закопать эти штуки, Адамс, вы не нужны,— и непонятно почему добавил с довольным видом: — слава тебе, Господи.

— Кстати, ты в курсе? — произнес Линдблом, обращаясь к Адамсу.— Мы кое-что выяснили: Рансибл нанял фоутменов, и они его предупредили — или очень скоро предупредят,— что против него что-то затевается. Что-то этакое. Правда, они не знают, что именно. Разве что кто-то из присутствующих в этой комнате — агент Вебстера Фоута, что маловероятно. Подробности знаем только мы четверо.

— Пятеро,— поправил Броуз.— Еще девочка, которая сделала оригинальные эскизы — прежде всего, черепа инопланетян. Нужно очень хорошо разбираться в антропологии и анатомии, чтобы создать такое. Ей пришлось придумать, чем эти черепа должны отличаться от человеческих, чтобы сразу стало ясно... Более выпуклые надбровные дуги, одинаковые коренные зубы, отсутствие резцов, сглаженный подбородок, зато гораздо более внушительный объем переднего отдела черепа, что говорит о наличии высокоразвитого мозга, объемом свыше полутора тысяч кубических сантиметров. Иными словами, череп представителя расы, которая стоит куда выше нас на лестнице эволюции. То же самое можно сказать про это,— он указал на кости ноги.— Ни один любитель не смог бы изобразить большую и малую берцовые кости с таким искусством, как она.

— Да, действительно,— сказал Адамс.— Она может рассказать что-то людям Рансибла или Вебстера Фоута?

То, что могу сделать я сам, подумал он... и тебе, Верн Линдблом, это отлично известно.

— Она мертва,— сказал Броуз.

Стало очень тихо.

— Все, с меня хватит,— пробормотал Линдблом, развернулся и зашагал к выходу, как лунатик.

И тут же два агента Броуза — ослепительно чистые высокие ботинки, тонкие холодные лица — материализовались перед ним, преградив путь к двери. Боже правый, откуда они взялись? У Адамса захолонуло сердце. Значит, все это время они находились в комнате, но, благодаря какому-то техническому колдовству, оставались совершенно незаметными. Кам-копир, догадался он. В прежние времена этой штукой пользовались постоянно... Камуфляжная краска-хамелеон, которая просто маскируется под обивку стен.

— Никто ее не убивал,— сказал Броуз.— Она умерла от инфаркта. Переутомление. Бедняжка трудилась, не жалея себя: мы поставили слишком жесткие сроки — к сожалению, слишком жесткие. Господи, да она была просто бесценной! Посмотрите, какое качество работы,— с этими словами он ткнул дряблым пухлым пальцем в ксерокопию ее рисунков.

Линдблом заколебался.

— Я...

— Это правда,— перебил его Броуз.— Можешь ознакомиться с ее историей болезни. Арлин Дэвидсон. У нее поместье в Нью-Джерси. Ты же ее знал.

— Что верно, то верно,— согласился Линдблом, покосившись на Адамса.— У Арлин действительно был порок сердца, и врачи неоднократно предупреждали ее, чтобы она не переутомлялась. Но эти...— он с нескрываемой ненавистью взглянул на Броуза.— Они постоянно подгоняли ее. Им нужно было получить материалы точно в срок, к определенной дате,— он снова повернулся к Адамсу: — То же и с нами. Я свое дело уже сделал. Когда на меня давят, я работаю очень быстро. А как ты? Планируешь дожить до окончания своих статей?

— Надеюсь,— отозвался Адамс. Сердце у меня здоровое, подумал он, ведь в детстве я не болел ревматизмом, как Арлин. Но даже если было иначе, они все равно давили бы на меня, как сказал Верн. Они постоянно подгоняли бы меня, как Арлин, хотя это убило бы меня,— правда, убьет лишь после того, как я выдам на-гора все требуемое. Он почувствовал себя слабым, бессильным и разочарованным. Наша фабрика по производству фальшивок, думал он, требует от нас слишком многого. Да, мы — правящая элита, но не пребываем в праздности. Даже самому Броузу приходится вкалывать без устали. И это в его-то возрасте!

— А почему Арлин не пересадили искусственное сердце? — неожиданно спросил Роберт Хиг — ко всеобщему удивлению, робко... Но это был очень хороший вопрос.

— Сердец больше нет,— пробормотал Броуз. Он был явно недоволен тем, что Хиг вмешался в разговор. Да еще подобным образом.

— Насколько мне известно, еще по крайней мере два...— начал было Хиг, но Броуз резко перебил его.

— Свободных — больше нет.

Иными словами, на подземном складе в Колорадо они есть. Только предназначены исключительно для тебя, неповоротливый хрюкающий, слюнявый, тухлый, старый мешок сала. Они нужны тебе все, чтобы поддерживать существование твоей проклятой туши. Как скверно, что мы не можем восстановить те уникальные довоенные технологии, с помощью которых создавались артифорги... Как скверно, что мы не можем производить здесь, в цехах Агентства, сердце за сердцем, или просто отправить приказ в какой-нибудь из крупных термитников, чтобы они изготовили нам партию.

Черт побери, мы можем изготовить сердце прямо здесь. Правда, это будет фальшивка. Оно будет выглядеть как настоящее, биться как настоящее. Но пересадите его человеку... Оно окажется тем же, чем оказывается все, что мы делаем. Вряд ли пациент долго проживет с... этой штукой.

Наша продукция, если трезво рассудить, не в состоянии поддерживать жизнь даже секунду. Лучшая характеристика нас и наших результатов... Боже милостивый! Тоскливое чувство нарастало — тот безбрежный, жуткий потаенный туман, который снова затягивал его. Даже сейчас, в этом переполненном кабинете Агентства, в обществе своего друга-янсмена Верна Линдблома — настоящего друга, своего начальника Стэнтона Броуза и этого ничтожества Роберта Хига, который — удивительное дело! — задал один-единственный, но очень существенный вопрос. Очко в пользу Хига, подумал Адамс. Ему хватило духу спросить об этом. Кто знает... Никогда не сбрасывай человека со счетов, каким бы бесцветным, пустым и продажным он ни казался.

Линдблом — медленно и с явной неохотой — наконец-то вернулся к столу, где лежали свежеизготовленные артефакты.

— В любом случае, Джо,— он говорил, понизив голос, медленно роняя слова и почти без выражения, как автомат.— Рансибл не замедлит провести радиоуглеродный анализ находок. Так что они не только должны выглядеть на шестьсот лет. Им действительно должно быть шестьсот.

— Вы же понимаете,— вмешался Броуз,— что в противном случае мы бы не стали заказывать Верну эти блестящие новенькие вещички. Как и ваши журнальные статьи, их требуется состарить. А эти, как видите, прямо с пылу с жару.

Поскольку возраст находок, сообразил Адамс, сфальсифицировать невозможно, Рансибл тут же обнаружит обман. Значит, так оно и есть.

— Ходят слухи,— сказал он Броузу,— насчет машины времени или чего-то подобного. Об этом каждый слышал, но никто не может сказать, что это не просто байки.

— Она доставит их в прошлое,— отозвался Броуз.— Она может отправлять объекты в прошлое, но вернуть не в состоянии — билет в один конец. Кстати, а ты не знаешь почему, а, Верн? — он покосился на Линдблома.

— Нет,— отозвался тот и пояснил, обращаясь к Адамсу: — Ее изобрели во время войны в качестве оружия — разработка какой-то чикагской компании, не самой крупной. Советская ракета уничтожила здание компании вместе со всеми сотрудниками. В итоге у нас есть машина времени, но мы не знаем, ни как она работает, ни как построить еще одну.

— Но она работает,— сказал Броуз.— Она переправляет в прошлое небольшие объекты. Мы скормим ей все это. Черепа, кости — все, что лежит на этом столе, предмет за предметом. Это нужно будет сделать глубокой ночью, на земле Рансибла в Южной Юте. С нами будут геологи — они покажут, на какую глубину зарывать артефакты, и бригада жестянок для земляных работ. Все нужно сделать очень точно. Если они окажутся слишком глубоко, автобульдозеры Рансибла их не достанут. Понимаете?

— Ага,— кивнул Адамс. Применять такое изобретение в подобных целях... Мы могли бы отправлять в прошлое научные сведения, которые оказались бы просто бесценны для цивилизаций прошлого — например, рецепты лекарств. Мы могли бы оказать поддержку обществам и людям прошлого — всего каких-нибудь несколько книг, переведенных на латынь или греческий, или даже на староанглийский... Могли бы предотвращать войны, обеспечить наших предков лекарствами, которые остановили бы эпидемии чумы в Средние века. Мы могли бы связаться с Оппенгеймером и Теллером и убедить их отказаться от разработки атомной и водородной бомб — для этого достаточно было бы послать им несколько документальных лент о войне, которую мы недавно пережили. Но нет. Машину используют для *этого* — для того, чтобы состряпать фальшивку, соорудить несколько орудий

и, в итоге, наделить Стэнтона Броуза еще большей личной властью. Правда, цель создания этого устройства была еще более отвратительной — оно должно было стать оружием.

Мы — раса проклятых, сказал себе Адамс. Правильно сказано в Библии: на всех нас печать греха, позорное пятно. Потому что лишь проклятая, заклейменная, изначально ущербная раса станет использовать свои открытия так, как это делаем мы.

— Кстати,— заметил Верн Линдблом, нагибаясь, чтобы взять со стола одну из причудливых «инопланетных стрелялок»,— я сочинил эту штуку на основе того, что знал об этой «машине времени». Я имею в виду оружие, которое та чикагская контора называла «Реверсивный метаболический распределитель» или что-то в этом духе,— он протянул Адамсу устройство, похожее на замысловатый тюбик.

— Правда, на войне этот распределитель так и не применили,— продолжал он,— поэтому мы не знаем, как его должны были использовать. Но мне нужен был какой-нибудь прототип...

— Я не вижу твоих губ,— жалобно заметил Броуз и проворно развернул свое кресло на колесах. Теперь он снова мог видеть лицо Линдблома.

— Я рассказал Адамсу,— пояснил дизайнер,— что мне нужен был прототип для «инопланетного оружия». Не мог же я просто придумать какую-нибудь пародию на наши собственные пушки времен Третьей мировой войны. Эксперты Рансибла заметили бы слишком много знакомых деталей и разгадали бы наш замысел. Иными словами...

— Да,— согласился Броуз.— Странное совпадение: пришельцы, которые высадились на Землю шесть столетий назад, почему-то пользуются оружием, как две капли воды напоминающим наше собственное... и все отличие, как сказал Верн, состоит в оформлении кожуха, который сделан по эскизу Арлин.

— Словом, кожух пришлось начинить деталями, не привычными для наших современников,— сказал Верн Линдблом.— Изобретать их было некогда, поэтому я обратился в архивы передовых военных разработок Агентства, где хранятся образцы оружия, так и не запущенные в производство,— он бросил короткий взгляд в сторону Броуза.— Мистер Броуз оформил мне допуск. Иначе мне было туда не попасть.

Архивы передовых военных разработок Агентства занимали один из секторов Нью-Йорка, закрепленных за Броузом,— точно так же, как за ним были закреплены артифорги, хранящиеся на подземных складах Колорадо. Люди Янси получили в свое рас-

поряжение полный комплект фальшивок. Настоящее было доступно только одному человеку — Броузу. Или, если возникала необходимость, как в данном случае,— кучке людей, работающих под его личным руководством над секретным проектом. Но об этом остальным янсменам ничего не было известно.

— Выходит, это и в самом деле оружие,— пробормотал Адамс, почти со страхом разглядывая диковинное устройство. Ничего себе фальшивка...— Я могу взять одну из этих штуковин и...

— Разумеется! — сердечно подхватил Броуз.— И пристрелить меня. Берите любую и стреляйте. Или попросите Верна, если он вам так надоел.

— Они не действуют, Джо,— пояснил Верн Линдблом.— Но после того, как они шестьсот лет пролежат в земле Юты...— он улыбнулся.— Если бы мне удалось создать действующие образцы, я мог бы завоевать весь мир.

— Это уж точно,— хихикнул Броуз.— И вы бы работали на Верна, а не на меня. Нам пришлось отыскать этот... как его? — ах да, «Реверсивный метаболический распределитель» — в архивах передовых военных разработок, чтобы отправить наши изделия в прошлое, поэтому у Верна была уйма времени, чтобы вскрыть его и покопаться...— он поправился: — нет, конечно. Тебе ведь было запрещено в нем копаться, а, Верн? Что-то я запамятовал.

— Я только смотрел,— деревянным голосом подтвердил Верн.— И ни в чем не копался.

— Беда с этими «мануальным типом» [1],— заметил Броуз, обращаясь к Адамсу.— Им мало смотреть, им надо непременно все пощупать, всюду сунуть пальцы...— он усмехнулся.— Представляю, как ты мучился, Верн. Любоваться опытными образцами оружия времен войны — самого совершенного, которое так и не запустили в производство, которое никогда не выпускалось на автофабах — ни на наших, ни на советских... Ничего, в один прекрасный день мой мозг окончательно сдаст... атеросклероз или что-нибудь в этом роде — тромб, или, может, опухоль. Ты расправишься со всеми янсменами, что попытаются составить тебе конкуренцию, и займешь мое место. И вот тогда можешь преспокойно отправляться в архивы, в отдел образцов, и копаться в них хоть целыми днями, сколько душе угодно.

---

[1] Правильнее было бы сказать «кинетическим». Имеются в виду люди, которые строят свою картину мира прежде всего на основе тактильных и мышечных ощущений. (*Прим. ред.*)

Роберт Хиг, стоящий на почтительном расстоянии от них, подал голос.

— Мне бы хотелось прояснить пару моментов, мистер Броуз. Допустим, я обнаружил что-то из этих предметов — один или два. Разумеется, они корродированы и выглядят скверно. Должен ли я сразу определить, что они внеземного происхождения, или нет? Я имею в виду, когда стану показывать их мистеру Рансиблу...

— Скажете ему,— резко ответил Броуз,— что вы, как инженер, вы совершенно уверены в их инопланетном происхождении. В тысяча четыреста двадцать пятом американские индейцы не делали... Черт, это и дураку понятно. Вам даже не придется заваливать Рансибла всякими научно-техническими словесами. Просто покажете ему находки и скажете, что они найдены в слое шестисотлетней давности. «Взгляните, разве это похоже на стрелы с кремневыми наконечниками? Или на горшки из необожженной глины, или на гранитные жернова?» Скажете это, а потом спокойно возвращайтесь к своим бульдозерам и проследите, чтобы было найдено и все остальное — и прежде всего черепа пришельцев.

— Понятно, мистер Броуз,— отозвался Роберт Хиг и покорно кивнул.

— Хотел бы я видеть рожу Луиса Рансибла, когда вы покажете ему находки,— сказал Броуз. Его подслеповатые старческие глаза увлажнились в предвкушении этого зрелища.

— Увидите,— кивнул Линдблом.— У Хига на одежде будет закреплена камера-пуговица, причем со звукозаписью. Когда начнется разбирательство, мы сможем доказать, что Рансибл знал и о находках, и об их научной ценности.

В его голосе звучало слегка скрываемое презрение — презрение к этому дряхлеющему мозгу, который уже не в состоянии удерживать в памяти все факты. Надо же — упустить такую жизненно важную деталь проекта! Повернувшись к Джозефу Адамсу, Линдблом заметил:

— Ты должен помнишь эти крошечные камеры. Готлиб Фишер постоянно использовал их в своих фильмах — все эти «нечеткие, совершенно секретные кадры».

— Ага,— хмуро подтвердил Адамс.— Я помню.

Маловероятно, что он когда-нибудь забудет эти знаменитые «камеры размером с пуговицу». Которые, язвительно добавил он про себя, выпускались в сорок третьем году,— если верить Фишеру.

— А ты уверен,— продолжал он,— что эти находки не окажутся слишком ценными? Что они будут обладать такой фантастической научной ценностью, что даже Рансибл...

— Берлинские психиатры,— сказал Броуз,— считают: чем выше их научная ценность, тем сильнее будет его страх потерять землю. И тем сильнее желание скрыть находку.

— Но если ваши берлинские психиатры не угадали,— заметил Адамс,— то вся работа пойдет коту под хвост.

В глубине души у него теплилась надежда, что так и будет. Рансибл поступит как честный человек, и сразу во всеуслышание объявит о находках — вместо того, чтобы позволить врагам воспользоваться его слабостью, его страхами, его жадностью и скупостью.

Но он чувствовал, что берлинские психиатры не ошиблись.

И если кто-нибудь — и бог знает, кто это может быть — не придет на помощь, Луис Рансибл обречен.

Глава 14

Солнце пробивалось сквозь листья плюща, которым было увито патио кейптаунской виллы Луиса Рансибла. Сам Рансибл лежал, полностью расслабившись, и слушал отчет фоутмена — безымянного курьера, типичного сотрудника международной частной полицейской корпорации «Вебстер Фоут, лтд.» со штабквартирой в Лондоне.

— В понедельник утром,— читал фоутмен, развернув перед собой подборку документов,— наши устройства наблюдения перехватили разговор по видфону, который состоялся между двумя янсменами, Джозефом Адамсом из Идейного отдела, и Верном Линдбломом из Производственного отдела. Вообще Верн Линдблом занимается строительством у Эйзенблата, хотя в последнее время Броуз перевел его в нью-йоркское Агентство.

— И в этом разговоре,— отозвался Луис Рансибл,— упоминали меня?

— Нет,— признался фоутмен.

— Тогда какого черта...

— Мы считаем — то есть мистер Фоут считает,— что вам необходимо ознакомиться с данными сведениями. Позвольте кратко изложить...

Рансибл вяло кивнул:

— О'кей. Излагайте.

Черт, подумал он, я же знаю, что на меня открыта охота. За такие деньги я бы предпочел получать от вас что-нибудь более существенное, чем подтверждение этого факта. Потому что я знаю это и без Вебстера Фоута.

— Адамс и Линдблом,— продолжал фоутмен,— обсуждали новый телепроект, который Эйзенблат собирается снимать на своей московской киностудии. Это сюжет об уничтожении Сан-Франциско. Адамс упомянул свою новую речь, которую только что закончил и которую собирался, как он выразился, «загрузить ее в вак, а потом скормить кену». Речь, по его словам, написана от руки.

— И за это я плачу...

— Одну минуточку, мистер Рансибл,— с чисто английской выдержкой перебил фоутмен.— Сейчас я процитирую подлинные слова янсмена Линдблома, как их записала наша аппаратура. «Тут ходят слухи...» Как вы понимаете, это он говорит своему другу. «Вроде бы тебя собрались перевести с речей на какой-то особый проект. Только не спрашивай меня, на какой именно,— мой источник такими сведениями не располагает. Это мне сказал один фоутмен».

Он смолк.

— И что дальше?

— Дальше,— сказал фоутмен,— они заговорили об археологии.

— Хм-м.

— Потом они обменялись шутками насчет уничтожения древнего Карфагена и военного флота Афин. Довольно забавно, но отношения к делу не имеет... Однако позвольте мне обратить ваше внимание на один факт. Янсмен Линдблом сказал неправду. Никто из нашей корпорации не сообщал ему ни о каком «особом проекте». Линдблом сказал это Адамсу для того, чтобы тот не расспрашивал его о деталях — в этом нет сомнений. Очевидно, информация получена от кого-то из самого Агентства. В итоге...

— В итоге,— перебил его Рансибл,— мы знаем о существовании какого-то особого проекта, о том, что в нем участвует человек из Идейного и человек с эйзенблатовской фабрики грез, и все это делается в строжайшей тайне. Даже от прочих сотрудников Агентства.

— Именно. Об этом как раз говорит нежелание Линдблома...

— И как это объясняет Вебстер Фоут? — спросил Рансибл.— Есть у него на этот счет какая-нибудь версия?

— Разговор состоялся в понедельник. Первое: с момента этого разговора Верн Линдблом непрерывно работал. У него даже не было времени вернуться в свое поместье и как следует отдохнуть — он ночевал либо в Агентстве, либо в студии Эйзенблата в Москве. Второе: на этой неделе ни одна речь Адамса не

была загружена в вак. Иначе говоря, еще до того, как он успел пропустить речь через машину...

— Похоже, ребята,— усмехнулся Рансибл,— это все, что вы сумели раскопать. Верно?

— Помимо этого, нам известен еще один реально значимый факт. За это время Броуз несколько раз покидал Женеву и прилетал на скоростном флаппере в Нью-Йорк. И по меньшей мере один раз — а возможно, дважды — встречался с Адамсом и Линдбломом. И, возможно еще с одним или двумя сотрудниками — к сожалению, мы не можем сказать точно. Как я уже говорил, мистер Фоут считает, что «особый проект» имеет какое-то отношение к вам. Думаю, для вас не секрет, что мистер Фоут весьма склонен доверять своим скромным парапсихологическим способностям, и это приносит ощутимую пользу. Я имею в виду способность предвидеть будущее. Правда, по поводу данной ситуации нельзя сказать, что у него ясные предчувствия. Но он настоятельно просил передать: обязательно сообщайте ему о любых необычных событиях, которые могут иметь место в ходе осуществления ваших проектов. Даже если эти события покажутся вам незначительными. И не предпринимайте никаких самостоятельных шагов, пока не свяжетесь с мистером Фоутом. Как экстрасенс, мистер Фоут совершенно искренне заинтересован в вашем благополучии.

— Смею надеяться,— язвительно бросил Рансибл,— что заинтересованность мистера Фоута поможет пролить больше света на эту ситуацию.

Фоутмен с видом смиренного философа развел руками.

— Несомненно, мистер Фоут тоже этого желает,— он зашуршал своими бумажками, пытаясь отыскать еще что-нибудь важное.— Ах, да. Еще одна новость. Это не касается прошлого разговора, но любопытно. Женщина-янсмен по имени Арлин Дэвидсон, владелица поместья в Нью-Джерси, лучшая художница Агентства, умерла на прошлых выходных от обширного инфаркта. Точнее, в ночь с субботы на воскресенье.

— Ей пытались пересадить искусственное сердце?

— Нет.

— Вот подонок,— прошипел Рансибл. Он ненавидел Броуза — если только мог возненавидеть Броуза сильнее, чем ненавидел до сих пор.

— У нее было слабое сердце. В детстве она перенесла ревматизм и страдала пороком сердца. И она об этом знала.

— Иными словами...

— Возможно, ей пришлось выполнить какое-то чрезвычайно важное задание в кратчайшие сроки, и она переутомилась. Это всего лишь предположение. Однако Броуз... ему несвойственно так часто посещать Нью-Йорк — в его-то восемьдесят. Этот «особый проект»...

— Да,— согласился Рансибл.— Должно быть, это действительно нечто из ряда вон выходящее,— он немного помолчал и добавил: — Я уверен: Броуз уже запустил когти в мою корпорацию.

— Совершенно верно.

— Но ни мне, ни вам неизвестно...

— Нам до сих пор не удалось выявить агента — или агентов Броуза — среди ваших людей. Мне очень жаль,— судя по всему, он говорил искренне. Если бы среди сотрудников Рансибла удалось обнаружить агентов Броуза, это стало бы колоссальным достижением «Вебстер Фоут лтд.».

— О чем я сейчас больше всего думаю,— пробормотал Рансибл,— так это о Юте.

— Прошу прощения, что?

— В окрестностях бывшего Сент-Джорджа находится автоматическая техника и бригады «жестянок». Я давно готов дать команду начинать работу.

Это ни для кого не было секретом.

— Мистеру Фоуту это известно, но он еще не сообщал, что думает по этому поводу. По крайней мере мне.

Луис Рансибл поднялся с шезлонга.

— Думаю, нет смысла терять время. Распоряжусь, пусть приступают к работе и начинают копать. И буду надеяться на лучшее.

— Да, сэр,— кивнул фоутмен.

— Пятьдесят тысяч человек...

— Да, огромный комплекс.

— Которые смогут жить там, где они должны жить,— под солнцем. А не в каком-то подземном убежище, как лягушки на дне высохшего колодца.

Фоутмен продолжал листать свои документы, пытаясь найти что-нибудь полезное, но больше ничего не обнаружил.

— Что ж, желаю вам успехов. Может быть, при следующей встрече...

Будет ли она, эта встреча? Возможно, сегодняшний визит — похоже, неудачный — окажется последним, подумал фоутмен. Конечно, если Вебстера Фоута не подвели его провидческие способности.

Обычно они его не подводили.

Глава 15

Со стороны крайне беспорядочного нагромождения уродливых развалин — когда-то они были высотными зданиями, улицами, могучими и сложными городскими структурами — навстречу Николасу Сент-Джеймсу шли четверо. Бородатые, оборванные — но, судя по всему, совершенно здоровые.

— Интересно,— произнес один из них вместо приветствия,— как получилось, что ни одна из жестянок тебя не засекла?

Совершенно измотанный, Николас какое-то время стоял, потом опустился на ближайший камень и машинально полез в несуществующий карман за сигаретами. Пачку сигарет вместе со всем остальным уничтожили роботы.

— Там были даже две жестянки. Когда я выбрался. И они меня засекли — думаю, по вибрации «землеройки».

— Они очень чувствительны к таким вещам,— согласился предводитель.— Секут любую технику. И любые радиосигналы — если ты, например...

— Так и было. Интерком для связи с подземельем. Они записали каждое слово.

— А почему они тебя отпустили?

— Их уничтожили,— ответил Николас.

— Значит, твои приятели-«термиты» вылезли следом за тобой и прикончили их. Мы тоже так сделали. Сначала нас было пятеро, и они сцапали того, кто выбрался первым. Они не собирались его убивать — просто потащили в один из этих... короче, ты не знаешь. В какой-то из рансибловских жилкомпов. Эти чертовы тюряги...— он пристально поглядел на Николаса.— Но мы напали на них сзади. Правда, того парня, что шел первым, они убили... на самом деле он погиб, когда мы начали стрелять по жестянкам. Думаю, это наш промах,— бородач помолчал.— Джек Блэр. Будем знакомы.

— А ты из какого «термитника»? — спросил другой.

— Из «Тома Микса»,— ответил Николас.

— Это где-то неподалеку?

— Четыре часа ходу.

Николас смолк. Бородачи тоже молчали, явно не зная, что еще сказать. Все пятеро вдруг ощутили неловкость и принялись рассматривать камушки под ногами. Наконец Николас проговорил:

— Этих двух жестянок, что меня сцапали, уничтожил Тэлбот Янси.

Бородачи разом уставились на него. Они даже моргать перестали.

— Богом клянусь,— сказал Николас.— Понимаю, в это трудно поверить, но я видел его собственными глазами. Он не собирался показываться — явно не хотел, но я его упросил. Я видел его совсем близко. Это точно был он.

Бородачи по-прежнему изумленно взирали на него.

— Сами посудите, как я мог его не узнать? Я в течение пятнадцати лет видел его по телевизору, по три, четыре, а то и пять раз в неделю.

Через несколько мгновений Джек Блэр наконец выдавил:

— Но... дело в том, что никакого Тэлбота Янси нет.

Один из его приятелей пояснил:

— Понимаешь, дело в том, что все это фальшивка. Понимаешь?

— Что именно? — выдавил Николас, хотя уже знал ответ. В один миг он ощутил чудовищность этого обмана. Настолько грандиозного, что невозможно описать словами. Это выходило за пределы любых описаний. И можно даже не надеяться, что эти четверо помогут ему справиться с задачей: он должен сам пройти через это.

— Тот, кого вы каждый вечер видите на экранах,— сказал Джек Блэр,— внизу, в этом вашем — как его... «Томе Миксе», да? В общем, в вашем «термитнике». Так вот, этот самый «Янси», Протектор — просто робот.

— Даже не робот,— поправил его другой бородач.— Те могут действовать сами — они их зовут автономами, хомео... А этот — просто чучело, которое сидит за столом.

— Но ведь он говорит,— резонно заметил Николас.— Причем говорит как настоящий патриот. Только не подумайте, что я с вами спорю. У меня это в голове не укладывается.

— Он говорит только потому,— пояснил Джек Блэр,— что его программирует большой компьютер, который называется «Мегавак-6В» или что-то в этом роде.

— А кто программирует компьютер? — наконец спросил Николас. Разговор протекал как-то медленно, тягуче — словно во сне, словно они разговаривали под водой и на каждого давил какой-то невидимый груз.

— Ведь кто-то должен загружать в него все эти речи,— проговорил Николас,— Не может же сам компьютер...

— У них целая толпа умных ребят,— ответил Джек Блэр.— Их называют янсменами. Эти янсмены придумывают всякие идеи,

потом пишут речи, загружают их в «Мегавак-6В», а тот уже что-то делает со словами, добавляет нужные интонации и жесты, которые должно делать это чучело. Поэтому Янси выглядит как настоящий. Потом все это записывается на пленку и запись отсматривает главный янсмен, который сидит в Женеве,— какой-то старый гриб по имени Броуз. И если он эту пленку одобрит, ее показывают по телевизору во всех «термитниках» Зап-Дема.

— У Советов тоже есть такое чучело,— добавил один из его приятелей.

— А как же война? — спросил Николас.

— Давно закончилась,— ответил Джек Блэр.

— Вижу.

— Они совместно используют киностудию в Москве,— продолжал Блэр.— Так же как и нью-йоркское Агентство. У комми есть классный режиссер, по фамилии Эйзенблат. Он ставит все военные сцены, которые вы потом видите по ТВ. Обычно... м-м-м... они снимаются на макетах — в уменьшенных масштабах. А иногда в натуре. Например, когда показывают сражение жестянок. Классно получается. То есть я хотел сказать, убедительно. Мы даже сейчас ухитряемся кое-что поймать — когда телевизор работает. Пока мы жили внизу, в убежище, нас дурачили. Этот Эйзенблат и все эти янсмены — они дурачили всех нас. Бывали, конечно, исключения. Но иногда кое-кто из «термитов» выбирался на поверхность. Как ты, например

— Я выбрался не потому, что обнаружил обман,— возразил Николас. А ведь Кэрол обнаружила, подумал он. Кэрол оказалась права. Она умнее, чем я,— *она знала*.

— И весь мир теперь так выглядит? — он обвел рукой развалины Шайенна.— Радиация, развалины?

— Нет, черт возьми! — воскликнул Блэр.— Это «горячая зона», одна из немногих, что остались. Остальное — настоящий парк. Они превратили всю Землю в огромный парк и разделили на поместья. Я про янсменов. У каждого целая свита жестянок. Ни дать ни взять средневековые короли. Довольно забавно,— он понизил голос: — Но вообще-то это нечестно. Во всяком случае, мне так кажется.

Остальные бородачи энергично закивали, выражая полное согласие. Это было нечестно, вне всякого сомнения.

— Ребята,— проговорил Николас,— а как вы здесь живете? — он обвел четверку взглядом.— Где вы берете еду? — и понял, что должен спросить еще кое-что.— Здесь есть еще кто-нибудь, кроме вас?

— Само собой,— ответил Блэр.— В нашей колонии около двухсот бывших «термитов». Мы живем в развалинах Шайенна. Вообще-то наше место в тюрягах — мы так называем эти здоровенные муравейники, которые строит тот по фамилии Рансибл,— я об этом уже говорил. В принципе, там неплохо, не то что в убежищах... Я имею в виду, не чувствуешь себя крысой в консервной банке. Просто нам хочется...— он сделал неопределенный жест.— Черт, не могу объяснить.

— Нам хочется приходить и уходить, когда вздумается и куда вздумается — пояснил его приятель.— Правда, сейчас у нас тоже нет такой возможности. Мы не рискуем выбираться из Шайенна, иначе нас сцапают жестянки.

— А почему они сюда не заходят? — спросил Николас.

— Почему не заходят? — возразил Блэр,— Заходят, просто... не слишком усердствуют — уловил, о чем я? В основном делают вид, будто ищут. Понимаешь, эта территория — часть нового поместья, которое только формируется, даже вилла — главное здание — еще не достроена, да и все остальное тоже. К тому же здесь до сих пор «жарко». Но один янсмен все же поселился на этой земле — решил попытать удачу. Даже пытается здесь обжиться. Если ему это удастся и радиация его не прикончит, то территория станет его собственностью, его поместьем, а сам он станет доминусом.

— Дэвид Лантано,— сказал Николас.

— Верно,— кивнул Блэр и как-то странно посмотрел на него.— А ты откуда знаешь?

— Это были его жестянки,— ответил Николас.— Ну, те, что меня сцапали.

— И они собирались тебя *убить*?!

Он кивнул.

Бородачи переглянулись — озабоченно и смущенно.

— А Лантано был в тот момент на вилле? Он дал «добро»?

— Нет,— ответил Николас.— Они пытались связаться с ним, но не смогли. Поэтому сами приняли решение.

— Тьфу, дубины! — выругался Блэр.— Лантано никогда бы им такого не позволил, голову даю на отсечение. Он бы их в порошок стер. Понимаешь, изначально «жестяные девы» были созданы, чтобы убивать. Насколько я знаю, многие из них даже успели повоевать. У них просто рефлекс уничтожать все живое. Если только доминус не прикажет им сделать что-то другое. Но все равно, тебе чертовски повезло, что ты выбрался из такой передряги живым. Черт, у меня прямо мурашки по коже. Нет, серьезно...

— Слушай,— перебил его другой бородач,— он что-то говорил про Янси. Думаешь, такое возможно?

— Я действительно его видел,— повторил Николас.— Это точно был он.

— «И узрел я Господа. Вы сомневаетесь в этом? Вы смеете сомневаться?» — Джек Блэр явно цитировал какой-то одному ему известный текст.— Слушай, а каким оружием пользовался этот парень — ну, который тебя спас? Лазерным пистолетом?

— Нет. Жестянки просто рассыпались,— сказал Николас.— В пыль,— он пытался объяснить им, с какой беспощадной быстротой были уничтожены роботы.— В груду обломков. К тому же, по-моему, ржавых. Это вам о чем-нибудь говорит?

Блэр медленно кивнул.

— Ясно. Какая-то навороченная янсменская хлопушка. Значит, парень, который тебя спас,— янсмен, у нас таких штук просто быть не может. Я даже не знаю, как оно называется,— скорее всего, сохранилось со времен войны. У янсменов такого добра навалом. Время от времени у янсменов, что живут друг с другом по соседству, случаются приграничные конфликты — ну, они начинают выяснять, где кончаются земли одного и начинаются земли другого. Оба сломя голову несутся на маленьких флапперах в арсенальную секцию нью-йоркских архивов Агентства — кстати, там же хранят все пленки с речами Янси,— а потом обратно к себе в поместья. И тут начинается потеха. Они бросают в бой свои маленькие армии жестянок, те палят друг в дружку, как сумасшедшие... В итоге разнесут по дюжине жестянок с каждой стороны — и на этом успокаиваются. Потом покалеченные жестянки отправляются на ремонт в ближайший «термитник». Кроме того, снизу поступают свежеизготовленные жестянки, так что свита постоянно пополняется.

— У некоторых янсменов в поместьях по паре тысяч жестянок,— вмешался один из бородачей.— Целые армии.

— Например, у Броуза,— подхватил Блэр.— По слухам — десять или одиннадцать тысяч. Официально жестянки Зап-Дема считаются армией под командованием генерала Хольта. Ты знаешь, что он может отменить приказ любого янсмена, любого доминуса любого поместья и даже использовать их жестянок? Но к Броузу это не относится,— добавил он упавшим голосом.— Никто не может отменить приказ Броуза. Броуз стоит выше всех. Например, только он имеет доступ в арсенал, где хранят самые навороченные образцы оружия — оружие, которым так и не воспользовались,— по-настоящему страшные штуки. Если бы ими

воспользовались, скорее всего, и планеты бы этой уже не было. Так что война закончилась очень вовремя. Еще бы месяц и... конец,— он махнул рукой.

— У вас не найдется закурить? — спросил Николас

Четверка посовещалась, потом Николасу неохотно протянули пачку «Лаки Страйк». Он осторожно вытащил сигарету, а драгоценную пачку вернул владельцам.

— Во всем приходится себя ограничивать,— извиняющимся тоном пояснил Блэр, давая Николасу прикурить.— Понимаешь, этот новый доминус, у которого здесь будет поместье,— Дэвид Лантано — он, в общем-то, неплохой малый. Я уже говорил, что он не дает воли своим жестянкам — чтобы они нас не отстреляли и не отправили в какой-нибудь жилкомп. Получается, он вроде как о нас заботится. Дает нам еду...— Блэр на мгновение смолк, взглянул на Николаса с каким-то непонятным выражением.— И сигареты. Да, он действительно пытается нам помочь. И еще таблетки. Он самолично приносит нам таблетки от радиации — если не ошибаюсь, они помогают восстановлению красных кровяных телец. Он сам глотает эти таблетки — это я точно знаю.

— Он болен,— пояснил другой экс-термит.— Он сильно облучен. Понимаешь, по закону он должен проводить здесь, в этом пекле, не менее двенадцати часов в сутки. И, в отличие от нас, не имеет права прятаться по подвалам. Мы вообще редко выходим наружу. Сейчас, например, вылезли только потому, что заметили тебя.

Он обернулся к Блэру и нервно добавил:

— Кстати, нам давно пора возвращаться в нору. Мы и так уже нагулялись,— он кивнул в сторону Николаса.— А он — тем более. Он уже несколько часов бродит по поверхности.

— Вы хотите взять меня с собой? — спросил Николас.— Как я понимаю, ребята, я могу жить у вас?

— Само собой,— кивнул Блэр. Наша община так здесь и образовалась. Неужели ты решил, что мы дадим тебе пинка под зад? С чего ты взял? — похоже, он не на шутку рассердился.— Чтобы тебя пришила какая-нибудь жестянка, или...— он не договорил.— Можешь считать это благородным жестом. Живи здесь, сколько захочешь. Потом разберешься, что к чему, и будешь думать, оставаться или отправиться в жилкомпы — если не ошибаюсь, там живет несколько сотен тысяч бывших «термитов». Во всяком случае, решать тебе. Только *не спеши*. Для начала осмотрись.

Он зашагал к руинам по чуть заметной тропке, которая больше всего походила на козью тропу. Остальные, включая Николаса, цепочкой потянулись за ним.

— Иногда проходит не одна неделя,— Блэр поглядел на него через плечо,— пока ты по-настоящему придешь в себя и выкинешь из головы все, чем тебя пятнадцать лет пичкали по «кабелю».

Он помолчал, потом на секунду остановился и, повернувшись, проговорил очень серьезно:

— Может быть, умом ты все это принимаешь, но сердцем — я точно знаю — ты просто не в состоянии это принять — вот так, сразу. Это для тебя слишком. Нет никакого Янси. И никогда не было — слышите? *Никогда не было,* мистер Сент-Николас.

— Меня зовут Николас Сент-Джеймс,— поправил его Николас.

— Так вот, никакого Янси никогда не существовало. Война *была*, с нее все и началось, сам видишь,— он обвел рукой развалины, покрывающие десятки миль. То, что осталось от Шайенна.— Янси был придуман Стэнтоном Броузом. А саму идею он позаимствовал у одного западногерманского режиссера. Возможно, ты о нем слышал. Правда, когда он умер, тебя еще на свете не было. Но его «Победу на Западе» — это документальный фильм о Второй мировой войне, двадцать пять серий — все равно гоняли по ТВ. Я тогда еще пешком под стол ходил, но помню очень хорошо.

Николас кивнул.

— Готлиб Фишер. Конечно, помню.

Он тоже — причем не раз и не два — видел этот документальный сериал, ставший классикой. Фильм Фишера ставили в один ряд с «Голубым ангелом», «На Западном фронте без перемен» и «Головокружением».

— Так это он придумал Янси? Готлиб Фишер? — он шагал в хвосте процессии — возбужденный, встревоженный и совершенно сбитый с толку.— Но зачем?

— Ради власти,— бросил на ходу Блэр. Вся четверка то и дело ускоряла шаг, торопясь поскорее вернуться в свое «логово» — глубокий подвал, уцелевший после взрыва водородных бомб, которые превратили город в кучу развалин.

— Власть,— понимающе откликнулся Николас.— Ясное дело.

— Только, если ты помнишь, Фишер сгинул во время той злополучной экспедиции на Венеру. Ему так хотелось быть в числе первых космических путешественников. Он просто не мог не полететь — ну, и получил свое, потому что...

— Помню, помню,— перебил его Николас. Об этом случае писали на первых полосах всех газет. Безвременная трагическая

гибель Готлиба Фишера: при входе в атмосферу на его корабле взорвался двигатель... Фишеру было под сорок. Никому после него не удалось создать ни одного документального или художественного фильма, подобного «Победе на Западе». Это было время бездарностей. Правда, накануне войны появились довольно интересные экспериментальные фильмы какого-то русского — или советского — режиссера. Его работы в Зап-Деме были запрещены... как его звали?

Стараясь не отстать от энергично шагающих бородачей, Николас наконец вспомнил фамилию этого русского. Эйзенблат. Если верить Блэру, теперь этот человек снимает поддельные батальные эпизоды, которые показывали жителям убежищ Зап-Дема и Нар-Дема — наглядное подтверждение той лжи, которая содержалась в речах Янси. Жители Зап-Дема наконец-то получили возможность увидеть фильмы Эйзенблата.

Очевидно, отношения между Востоком и Западом наладились. Теперь Эйзенблат не считается «вражеским» режиссером, как было в те времена, когда Николаса Сент-Джеймса, его жену Риту и его младшего брата Стью буквально под дулом пистолета заставили спуститься в «Том Микс». Тогда они думали, что это самое большее на год... или, по самым пессимистичным прогнозам, на два.

Пятнадцать лет. И из этих пятнадцати...

— Скажите мне честно, когда закончилась война,— сказал Николас,— Сколько лет назад?

— Это тебя сильно огорчит,— предупредил Блэр.

— Ничего, выкладывай.

Блэр кивнул.

— Тринадцать лет назад. Не считая года войны на Марсе. На Земле война продолжалась всего два года. Вот и получается, что тринадцать лет тебе просто вешали лапшу на уши, Николас... как дальше... Извини, я опять забыл твою фамилию. Ник. Ничего, если я буду звать тебя Ник?

— Нормально,— пробормотал Николас. Он вспомнил Кэрол, Риту, старину Мори Соузу, Стью и всех остальных. Йоргенсон, Холер, Джиллер, Кристенсон, Петерсон, Гранди, Мартино... Сколько их еще? А Дейл Нуньес, пол-ком «Тома Микса»... Интересно, подумал Николас, знал ли об этом Нуньес? Если знал — богом клянусь, я убью его, задушу его собственными руками, чтобы почувствовать, как он умирает, и ничто меня не остановит. Это невозможно: комиссар Нуньес все это время находился под землей, вместе с остальными. Нет, не все время. Только...

Конечно, Нуньес знал. Он всего несколько лет назад спустился к ним по «мусоропроводу». В качестве представителя Правительства Эстес-Парка, представителя Янси.

— Послушайте, мистер Сент-Джеймс,— обратился к нему один из бородачей.— Я вот думаю: если вы ни о чем не догадывались, то зачем сюда полезли? Или вы все-таки рассчитывали обнаружить здесь что-то, кроме бесконечной бойни? Вам же постоянно долдонили по ТВ — тот парень, как я помню,— что на поверхности вас тут же пристрелят...

— А вот это едва не случилось,— заметил Блэр.

— ...Из-за «пакетной чумки» или «вонючей сухотки», которых на самом деле в природе не существует,— еще одна байка, которую придумали для «термитов». Правда, кое-что существует — тот кошмарный нервный газ, который мы изобрели. «Химическая корпорация Нью-Джерси», или как там ее называли. Рад вам сообщить, что туда угодила советская ракета и разнесла вдребезги всю эту лавочку. Но там до сих пор держится радиоактивный фон, хотя остальная поверхность...

— Я выбрался наружу,— признался Николас.— чтобы купить искусственную поджелудочную железу. Артифорг. На черном рынке.

— Но их попросту нет,— сказал Блэр.

— Я готов...

— Ты не понял. Их вообще нет! Нигде! Даже янсмены не могут их достать, поскольку Броуз присвоил их, причем на совершенно законных основаниях.

Блэр обернулся. Его лицо перекосилось от ярости, словно смятое гибкими пальцами невидимого скульптора.

— Все только для Броуза! Ему уже восемьдесят два или восемьдесят три, он весь набит артифоргами — один мозг остался. Компании, которая их делала, больше нет, так что теперь никто понятия не имеет, как их делать. Это дегенерация — я имею в виду то, к чему приводит война. Янсмены пытались, но их артифорги после пересадки действуют не больше месяца. Видимо, для производства требуются какие-то специальные техники, что-то из области, что называется, «высоких технологий». Ну, всякие сверхточные приборы и все такое прочее... Не забывай, была война. *Самая настоящая* война. Теперь у янсменов есть поместья, а вы, ребята, торчите под землей и делаете для них жестянок, а они летают туда-сюда на своих чертовых флапперах. Агентство в Нью-Йорке штампует речи, а «Мегавак-6В» их вылизывает, но и только,— подытожил он, и дальше шел молча.

— Но я должен достать поджелудочную,— произнес через некоторое время Николас.

— И не надейся,— отозвался Блэр.

— Тогда я должен вернуться в «Том Микс» и все рассказать. Они тоже смогут выйти на поверхность. Забыть о выполнении плана и не бояться, что «термитник» снимут со снабжения.

— Конечно. И стать узниками на поверхности. Согласен, здесь гораздо лучше. Рансибл как раз собрался строить новый жилкомп на юге Юты. Видишь, мы в курсе последних новостей, потому что Дэвид Лантано дал нам диапазонный радиоприемник. Он только говорит, не показывает, но мы ловим все переговоры — не то, что передают в танки, а то, о чем разговаривают владельцы поместий. По вечерам они постоянно болтают друг с другом — они ведь страшно одиноки. Только представь: пятьдесят тысячах акров — и ты один на один со своими жестянками.

— Без семьи? — спросил Николас.— Без детей?

— Большинство из них бесплодны,— ответил Блэр.— Дело в том, что во время войны они оставались на поверхности — ну, ты помнишь. Курсанты Военно-воздушной академии в Эстес-Парке. И они выжили. Элита армии США — молодые курсанты ВВС. Но стали стерильными. Ничего себе цена, правда? Очень не хило. За все то, что сейчас имеют. За то, что были курсантами элитной академии и оказались в этом гигантском бомбоубежище в Скалистых горах.

— Но мы тоже заплатили,— заметил Николас.— И посмотри, что мы имеем!

— Слушай, ты лучше подожди немного,— сказал Блэр.— И как следует подумай, прежде чем вернуться в свой «термитник» и все рассказать. Учитывая то, как действует нынешняя система...

— Им лучше выбраться,— с вызовом вмешался один из его товарищей-бородачей.— Ты забыл, каково там, под землей? Или впадаешь в старческий маразм, как Броуз? Рансибл позаботился о том, чтобы всем было лучше. Он чертовски хороший строитель. Там у них будет пинг-понг, бассейны и коврики во всю стену из этого... ну как его такая прикольная синтетика...

— Тогда какого черта ты корячишься в этих руинах? — спросил Блэр.— Нежился бы у бассейна в своем ненаглядном жилкомпе!

— Ну...— проворчал тот товарищ,— я просто... хочу быть свободным.

Ответа не последовало. Комментарии были излишни.

Но оставался еще один вопрос, который требовал прояснения, и Блэр задумчиво спросил:

— И все-таки я не понимаю, Ник. Как мог Тэлбот Янси тебя спасти, если никакого Тэлбота Янси нет?

Николас не ответил. Он слишком устал, чтобы отвечать.

К тому же не знал ответа.

Глава 16

Первый из огромных бульдозеров-автоматов закряхтел, точно древний старец. Потом припал к земле, оттопырив хвост,— так делают жуки-вонючки, чтобы пустить струю,— и с усилием выдернул из земли свой ковш. Неимоверных размеров ковш, переполненный грунтом, качнулся в одну сторону, потом в другую... И опрокинул землю в нетерпеливо разинутую пасть конвертора — тоже полностью автоматического, действующего совершенно автономно и не требующего человеческого присутствия.

Оказавшись в поле, которое генерировал конвертор, земля мгновенно преобразовывалась в энергию. А энергия не заслуживала того, чтобы ее разбазаривали. Захваченная контуром, она текла по кабелю в главный аккумулятор метабатареи, которая находилась в четверти мили от стройплощадки. Метабатареи, изобретенные накануне войны, позволяли запасать огромное количество энергии — миллиарды эргов. И сохранять ее десятилетиями.

Энергия этих метабатарей будет обеспечивать электроэнергией готовые жилкомпы. Она будет давать тепло, прохладу — и все остальное, что потребуется их обитателям.

За долгие годы строительства Рансибл выработал образ действия, который оказался весьма эффективным: ничто не должно пропадать.

Именно эти люди станут приносить настоящую прибыль, размышлял Роберт Хиг, стоя возле автоматического бульдозера — возле первого из двенадцати, которые одновременно приступили к работе. Раньше они работали в своих подземных убежищах, собирая жестяных дев, пополняя свиты и личные армии владельцев поместий, и точно так же им предстоит работать на Рансибла.

В нижних этажах каждого жилкомпа размещаются цеха и мастерские, где производятся детали для сборки жестянок. Вручную, поскольку сложная сеть наземных автофабов в ходе военных действий стерта с лица земли. «Термиты», обитающие под землей, естественно, не знают об этом. Они понятия не имеют, откуда берутся детали, которые к ним поступают. Сообщить им об этом — все равно что объявить (Боже упаси!) что поверхность Земли пригодна для жизни.

В том-то и заключается вся суть, думал Хиг. Не позволить им догадаться об этом. Стоит им выбраться из-под земли — и снова начнется война.

По крайней мере, так ему говорили. И он никогда в этом не сомневался. В конце концов, сам он не был янсменом — он просто работал на Агентство, на Броуза. В один прекрасный день, если повезет, если он хорошо выполнит свою работу, Броуз внесет его имя в список кандидатов. И тогда он на законных основаниях выберет «горячую зону» для своего поместья... конечно, если к тому времени еще останутся «горячие зоны».

Возможно, размышлял Хиг, достаточно будет хорошо выполнить нынешнее задание — как-никак, это проект особой важности. И я стану янсменом. И начну платить частным сыщикам Вебстера Фоута, чтобы они вели наблюдение за уровнем радиации в оставшихся «горячих зонах». Я смогу ждать долго — как до недавнего времени ждал этот Дэвид Лантано. Если удалось ему, то удастся и мне. Потому что — кто слышал о нем до последнего времени?

— Ну как оно, мистер Хиг? — крикнул рабочий, который наблюдал за тем, как работают бульдозеры — зачерпывают грунт, отправляют в конверторы, снова зачерпывают.

— Нормально,— откликнулся Хиг.

Он подошел ближе, пристально разглядывая срез твердого бурого грунта. Бульдозеры должны были углубиться в землю на пятьдесят футов, создать котлован с ровным дном площадью в пять квадратных миль. Вполне посильная задача, учитывая возможности, которыми обладает техника Рансибла. Главная и единственная проблема состоит не в том, чтобы удалить грунт, а в создании абсолютно ровной поверхности. Повсюду суетились геодезисты — жестяные девы последних моделей. Переставляя теодолиты на треножниках, они измеряли степень отклонения от горизонта. Земляные работы не должны занять много времени. Не то что перед войной, когда нужно было строить целую кучу подземных убежищ,— никакого сравнения.

Следовательно, зарытые артефакты вот-вот появятся. Или их вообще не найдут. Котлован закончат дня через два, не больше.

«Надеюсь,— подумал Хиг,— они ничего не напутали и чертовы фальшивки лежат не слишком глубоко. Несколько лишних футов — и всему этому особому проекту конец. Как только котлован начнут заливать бетоном, вбивать первые сваи... А фактически — когда начнут устанавливать пластиковую опалубку для бетона». Опалубку должны были вот-вот доставить по воздуху с места последней стройки.

Надо быть начеку. В любую минуту. Успеть остановить бульдозеры. Всю эту копающую, ухающую, пыхтящую ораву — остановить мгновенно. И как только стихнет скрежет...

...вопить что есть мочи.

Он подобрался. В толще бурой земли, чуть ниже мертвых древесных корней, что-то блеснуло. Точно, там что-то торчит, все в грязи: если бы не его бдительность, никто бы ее не заметил. Ни жестянки, ни бульдозеры, ни даже его коллеги-инженеры — все заняты своей работой. Как и он сам. Он пригляделся. То ли просто камень, то ли первый из...

Точно. Ржавое, потемневшее от времени оружие. Невероятно — но именно этот ствол он видел накануне вечером, только тогда он было новеньким и блестящим, только что собранным умелыми руками янсмена Линдблома. Как же оно изменилось за шесть веков! Внезапно Хиг ощутил отвратительное, почти тошнотворное сомнение. Это просто *не может* быть тем, что изготовил Линдблом, что лежало на столе перед ним, Адамсом и Броузом. Или оно изменилось до неузнаваемости? Хиг подошел поближе, щурясь от яркого солнца. Камень или оружие? По его знаку ближайший бульдозер мгновенно сдал назад. Спрыгнув в котлован, Хиг зашагал к находке и наконец остановился возле темного бесформенного предмета, торчащего из земли.

И присел на корточки.

— Эй! — есть здесь хоть кто-нибудь из людей, или только жестянки и машины? Наконец он заметил Дика Паттерсона, другого инженера, как и он, работающего у Рансибла.

— Эй, Паттерсон! — заорал Хиг. И только тут обнаружил, что его находки — черт бы ее подрал! — никогда не касалась рука человека. Поспешишь — людей насмешишь. Господи Иисусе! И надо было так опростоволоситься!

В этот момент подошел Паттерсон.

— Что такое?

— Да нет. Ничего.

Проклиная себя и все на свете, Хиг снова выбрался из котлована, сделал знак бульдозеру, тот снова взревел, и темный предмет — самый обычный булыжник — вскоре исчез под гусеницей.

Десять минут спустя под ковшом бульдозера в ярких лучах утреннего солнца что-то блеснуло белым металлом. Теперь сомнений не было — на глубине десяти футов на свет показалось первое «творение инопланетян».

— Эй, Паттерсон! — снова возопил Хиг. Но на этот раз Паттерсон оказался слишком далеко и не услышал. Хиг подошел к переговорному устройству, установленному неподалеку, чтобы объявить общий сбор... и передумал. Пожалуй, пока не стоит поднимать панику. Он снова сделал бульдозеру знак. Машина попятилась — сварливо ворча, неохотно, словно протестуя. Еще шагая к находке, Хиг с каким-то яростным возбуждением понял: да, это оно. Странного вида оружие, почти полностью укрытое землей. Нож бульдозера содрал слой ржавчины, под которой заблестел чистый металл.

Прощайте, мистер Рансибл, торжествующе подумал Хиг. Теперь уж я точно стану янсменом. Он всем чувствовал, что так оно и будет. А вам предстоит узнать, каково сидеть в тюрьме — вам, человеку, который строил тюрьмы для других. Жестом скомандовав бульдозеру заглушить двигатель, он решительно устремился к переговорному устройству. Он произнесет специальное кодовое слово — «остановка всех работ на стройке». Потом к нему сбегутся все инженеры и добрая половина жестянок, чтобы выяснить, в чем дело...

Хиг незаметно включил потайную камеру-пуговицу и, одновременно с ней, крошечный магнитофон. Рансибла не было, но Броуз в самый последний момент решил, что лучше будет записать все с самого начала — с того момента, как Хиг в первый раз объявит о находке.

Он нагнулся и взял трубку переговорного устройства.

И в этот момент лазерный луч, сверкнув, срезал правую половину черепа инженера — вместе с соответствующей долей мозга. Хиг рухнул на землю, трубка упала рядом и раскололась. Больше он не шевелился. Он был мертв.

Бульдозер-автомат, остановленный незадолго до этого, терпеливо ждал команды возобновить работу. Наконец другой инженер, работавший поодаль, сделал соответствующий знак, и бульдозер с благодарным урчанием снова принялся за дело.

Вскоре небольшой блестящий предмет, покоящийся в земле на глубине десяти футов и впервые за шестьсот лет увидевший солнце, вновь исчез под гусеницами.

Вместе со следующим ковшом грунта он исчез в ненасытном чреве конвертора.

Без малейших колебаний конвертор тут же преобразовал его — весь умопомрачительный комплекс схем и деталей — в чистую энергию.

Земляные работы продолжались.

Глава 17

Вебстер Фоут знакомился в своем лондонском офисе с фотоотчетом. Медленно разматывая пленку, он изучал ее через ювелирную лупу — старомодные вещи обладали для него особым очарованием. Снимки были сделаны спутником-шпионом 65 во время 456-го и 765-го витков над северо-западной частью земного шара.

— Вот здесь,— сказал его фотоэксперт Джереми Сенцио, указывая на один из кадров.

— Отлично, мой мальчик.

Вебстер Фоут добрался до отмеченного кадра, остановил перемотку. Придвинул к себе 1200-кратный микроскоп, вложил в него пленку и вручную настроил фокус — сначала ручкой грубой настройки, затем — тонкой: Фоут страдал легким астигматизмом и предпочитал пользоваться левым глазом. Вглядевшись в изображение, он сразу понял, чем заинтересовался Сенцио.

— Грубо говоря, это район на границе Колорадо, Небраски и Вайоминга,— сказал эксперт.— Чуть южнее находился Шайенн — до войны это был довольно крупный американский город, столица штата.

— Да, в самом деле.

— Хотите посмотреть весь этот фрагмент?

Вебстер Фоут ответил:

— Да, пожалуйста. И спроецируй изображение на большой экран.

Через мгновение свет в комнате погас, и на стене-экране появился светлый прямоугольник — проекция одного из кадров. Сенцио запустил анимационную установку, и изображение ожило. Продолжительность фрагмента — несколько минут.

Благодаря увеличению в тысячу двести раз — между аниматографом и пленкой находился объектив микроскопа — каждая деталь сцены была видна как на ладони. Человек и две «жестяные девы».

Следя за происходящим, Вебстер Фоут понял, что одна из жестянок намерена убить человека: одна из ее конечностей сделала характерное движение. Как профессионал, Фоут был хорошо знаком с «анатомией» жестянок и точно знал, что это означает. Человеку осталось жить считанные секунды.

И вдруг одна из жестянок рассыпалась, точно кучка пыли, на которую чихнули. Ее напарница стремительно разворачивает-

ся — это называется «схема кругового движения» и означает, что каждый болт движется по дуге, и вся система работает на пике нагрузки, пытаясь обнаружить источник опасности.

В следующую секунду и эта жестянка превратилась в груду разрозненных обломков, которая осела бесформенным холмиком.

— Это все,— сказал Сенцио и включил свет.

— Если не ошибаюсь...— Фоут заглянул в один из справочников корпорации,— это поместье мистера Дэвида Лантано. Впрочем нет, еще не поместье — скорее, будущее поместье. Год еще не истек, так что с точки зрения закона это просто «горячая зона». Которая находится в ведении Лантано.

— По-видимому, эти жестянки принадлежат... принадлежали Лантано.

— Скорее всего,— рассеянно кивнул Фоут.— Знаешь что, мальчик мой... Просмотри все фрагменты до и после с увеличением в четыреста раз и постарайся разобраться, откуда мог прийти луч, который разнес жестянок. И кто...

На столе запищал видком. Вызов пришел от мисс Грей, секретарши Фоута, а сигнал — три световых и один звуковой — означал, что дело не терпит отлагательства.

— Прошу прощения,— сказал Фоут и повернулся к полноразмерному экрану видкома, на который мисс Грей вывела вызов.

Лицо, которое появилось на экране, принадлежало Луису Рансиблу — мрачное, грубоватое, мясистое, на носу старомодное пенсне... С тех пор как Фоут видел Рансибла в последний раз, тот изрядно полысел, а седые пряди, зачесанные от уха до уха в попытке замаскировать голую макушку, стали еще жиже.

— Ваш агент просил меня немедленно сообщить, если по ходу работы у меня случится что-нибудь странное,— сказал Рансибл.

— Да, конечно! — Фоут энергично придвинулся к экрану и нажал кнопку рекордера. Этот разговор стоит записать.— Рассказывайте, Луис. Что случилось?

— Кто-то убил одного из моих инженеров. Он работал на новой площадке в Южной Юте, и ему снесли лазером полголовы. Так что ваше пророчество осуществилось. Под меня явно копают.

Рансибл выглядел скорее возмущенным, чем напуганным; впрочем, для него это было вполне естественно.

— Вы сможете продолжать работы без этого человека? — спросил Фоут.

— Разумеется. Мы так и копаем. Его вообще обнаружили где-то через час после того, как все произошло. За работой никто

ничего не заметил. Его фамилия Хиг. Боб Хиг. Не скажу, что из лучших, но и не из худших.

— В таком случае продолжайте работы,— сказал Фоут.— Само собой, мы пришлем к вам на площадку агента — он осмотрит тело Хига. Агент прибудет через полчаса, я вызову кого-нибудь из ближайших филиалов. Не теряйте со мной связь. Возможно, они сделали лишь первый ход, но далеко не последний.

Кто такие «они», можно было не уточнять: Рансибл знал об этом не хуже его.

Разговор был закончен. Теперь Фоут мог вернуться к изучению пленки, полученной со спутника.

— Ну, как успехи? — спросил он, обращаясь к Сенцио.— Ты понял, откуда пришел луч?

Интересно, есть ли какая-нибудь связь между убийством инженера и уничтожением этих жестянок? Это всегда привлекало его — найти связь между разрозненными фрагментами и насладиться целостной картиной, когда все нити сплетались в гармоничное целое. Но как связаны два эти акта уничтожения? Даже его экстрасенсорные способности не позволяли установить эту связь. До поры до времени...

— Нет,— сказал эксперт.— Пока ничего.

— Может быть, они пытаются запугать Рансибла, чтобы он прекратил работы в Юте? — вслух предположил Фоут.— Трудно представить: Рансибл будет терять инженеров одного за другим, но справится. Боже мой, да оружие, которое хранится в Агентстве,— я уже не говорю о продвинутых образчиках, доступных Броузу... Они могли разом снести всю эту площадку, со всеми людьми, со всеми жестянками и прочей техникой. А какого-то инженера... да еще и не самого лучшего...

Полный бред.

— Никаких догадок? — спросил Сенцио.— Или парапсихологических ощущений?

— О да,— ответил Вебстер Фоут. Ощущение было странное и едва заметное. Но оно росло, пока не превратилось в то, что называют предвидением или откровением.

— Сначала уничтожены две жестянки,— сказал он.— Потом в Юте убивают лазером одного из сотрудников Рансибла — в тот момент, когда они начинают рыть котлован... Я подозреваю...

Он замолчал. Еще одна смерть, сказал он себе. И очень скоро. Он вытащил из кармана старинные круглые часы и взглянул на них.

— Стреляли в *затылок*. Убийство. На очереди — кто-то из янсменов.

— Убьют... янсмена?! — Сенцио ошеломленно уставился на шефа.

— Да, и очень скоро,— ответил Фоут.— Если уже не убили.

— И нам тут же сообщат.

— Разумеется,— сказал Фоут.— Только на этот раз не Рансибл, а сам Броуз. Потому что...— его экстрасенсорные способности подсказали ответ.— Убьют человека, от которого Броуз зависит, и его гибель выведет Броуза из себя. Это будет совершенно безумный звонок.

— Ладно, подождем — увидим,— недоверчиво отозвался Сенцио.— Может быть, вы правы.

— Я прав, потому что знаю, что должно случиться,— сказал Фоут.— Вопрос только в одном — *когда*?

Его талант был очень слаб в том, что касалось предсказания времени событий, и Фоут признавал это. Он ошибался на несколько дней, а иногда даже на недели. Но не более.

— Предположим,— задумчиво произнес Фоут,— что убийство этого Хига не имеет никакого отношения к Рансиблу. В конце концов, для Луиса потеря невелика. То есть метили не в Рансибла.

Допустим, подумал он, несмотря на то, что Хиг был сотрудником Рансибла, удар предназначался Стэнтону Броузу. И чем это плохо?

— Как ты относишься к Броузу? — спросил он фотоэксперта, который отвечал за всю видеоинформацию, поступающую со спутников.

— Честно говоря, никогда об этом не задумывался,— отозвался Сенцио.

— А я задумывался. И пришел к выводу, что Броуз мне не нравится. И я бы пальцем не пошевелил, чтобы ему помочь. Если бы мог ему отказать.

Но может ли он отказать Броузу? Броузу, который действует через генерала Хольта и маршала Харензанного, у которых есть целая армия закаленных в боях жестянок плюс самое совершенное оружие из архивов Агентства. Броуз может достать его здесь, в «Вебстер Фоут, лтд.», в любой момент, когда пожелает.

Но, возможно, на свете есть человек, который не боится Броуза.

— Мы узнаем, существует ли тот, кто на такое способен,— сказал Фоут.— Тогда и только тогда, когда будет убит янсмен, который очень важен для Броуза.

Это было еще одно предсказание, сделанное благодаря его экстрасенсорным способностям.

— Какого рода человек?

— Особого рода,— сказал Фоут.— С такими мы еще не встречались.

Потому что таких просто не существовало — насколько ему было известно.

Я буду сидеть здесь, за своим письменным столом, сказал себе Фоут. Я буду с надеждой ждать, когда поступит вызов от этого мерзкого, жирного старого паука Стэнтона Броуза, который поведает мне похоронным голосом: крайне ценный для него человек из особо приближенных умер насильственной смертью. Причем убийство было совершено не каким-нибудь грубым, варварским способом — совсем наоборот. Нет, как выражаются,— весьма утонченно. И после этого разговора я устрою себе двухнедельный запой.

Пожалуй, можно начинать ждать прямо сейчас. Стрелки на круглом циферблате его старинных карманных часов показывали девять часов утра по лондонскому времени. И понемногу откроем праздник. Он взял «Знаменитую сверхтонкую смесь миссис Клуни»[1] и вложил по крошечной щепотке в каждую ноздрю.

Оказавшись в центральном холле нью-йоркского Агентства, Джозеф Адамс огляделся и, убедившись, что никто за ним не следит, поспешно юркнул в видфонную кабину, потом закрыл дверь и приготовился опустить в щель деньги.

— Кейптаун, пожалуйста. Виллу Луиса Рансибла,— трясущиеся руки едва удерживали ауд-трубку около уха.

— Семь долларов за первые...— послышался голос оператора. Явно жестянка — говорит очень деловито и лаконично.

— Хорошо.

Он быстро сунул в щель пятерку и две долларовые купюры. Прежде чем связь установилась, Адамс судорожно, поспешно, но, тем не менее, очень тщательно, завесил экран носовым платком. Теперь видеопортал был блокирован, и собеседники могли только слышать друг друга.

— Слушаю вас,— произнес из аппарата женский голос.— Я — мисс Ломбард, секретарь мистера Рансибла. С кем я говорю?

Голос внезапно охрип. Не понадобилось ничего делать специально, чтобы его не узнали.

— У меня чрезвычайно срочное послание,— сказал Адамс.— Лично для мистера Рансибла.

---

[1] Сорт нюхательного табака. (*Прим. ред.*)

— Назовитесь, пожалуйста. Если вы...

— Не могу,— прохрипел Джозеф Адамс.— Не исключено, что линия прослушивается. Возможно...

— Простите, сэр... Повторите, что вы сказали. К тому же видеосигнал не проходит. Не могли бы вы связаться с нами по другому каналу?

— До свидания,— сказал Джозеф Адамс. «Я просто не могу рисковать»,— с ужасом подумал он.

— Сейчас я вас переключу, сэр. Если вы немного подождете...

Адамс повесил трубку.

Все еще дрожа, он сорвал с экрана платок, встал и вышел из будки. Хорошо, он почти сделал это. Во всяком случае, попытался... Да, я попытался, сказал он себе. И почти сделал это.

Может, отправить телеграмму? Или заказное письмо? Без обратного адреса, буквы вырезать из газет?

Нет, я не смогу, понял он. Ни за что не смогу. Мне чертовски жаль, Луис Рансибл, но я связан по рукам и ногам. Оковы слишком крепки, я слишком давно, слишком долго их таскаю. Я смирился с ними, они стали частью меня. Они стали частью моей души. Навсегда. Отныне и вовеки.

Он медленно побрел прочь. Пелена какого-то оцепенения окутывала его все плотнее, пока он шел по коридору, удаляясь от видфонной будки. Он возвращался в свой кабинет. Как будто ничего и не случилось.

Ничего не случилось. Такова горькая правда: ничего, ничего, совсем ничего.

Значит, все будет идти своим чередом. Силы, о которых он не имел ни малейшего понятия, несомненно реальные, но непостижимые, ускользающие от его восприятия подобно бабочкам, похожие на тени, скользящие по небосклону его жизни, не оставляя ни малейшего следа, ни малейшего ощущения... Он чувствовал себя слепым, испуганным и беспомощным. Однако он продолжал идти вперед. Поскольку это было естественно. И ему не оставалось ничего иного.

Он шел, и странная пелена тоже двигалась. Она покачивалась, катилась вместе с ним. Направляла, не давая повернуть ни вправо, ни влево,— прямо вперед.

Глава 18

Машина на твердых резиновых колесиках двигалась по зеленой лужайке — совершенно пустой, поскольку жестянки-садов-

ники уже расползлись и отправились в свои стойла, где замерли в неподвижности до утра. Машина не издавала шума; она ориентировалась по отраженным сигналам радара, но эти частоты практически не использовались. И сейчас эти сигналы, возвращаясь, подсказали машине, что у нее на пути стена большого каменного здания — первая из целей ее непрерывного многоэтапного путешествия. Значит, направление выбрано верно. Машина притормозила и наконец беззвучно уткнулась в стену здания. Запустилась программа второго этапа, и машина заняла нужное положение у стены.

Щелк! Начался второй этап.

При помощи дисков присосок, которые выдвигались из вращающегося вала в центральной части корпуса, машина стала подниматься по стене, пока не достигла окна.

Попасть внутрь через окно не составило проблемы — несмотря на то, что алюминиевая рама окна была надежно заперта. Машина просто подвергла стекло мгновенному воздействию высокой температуры. Оно расплавилось, оставив несколько потеков, похожих на мед. В центре окна — туда, где вошел тепловой луч — образовалась широкая дыра. Машина без труда переползла со стены на алюминиевую раму...

И на мгновение замерла перед алюминиевой рамой. Четвертый этап.

Машина произвела на довольно мягкий металл точное давление ровно в сто двадцать футов — именно таков был ее вес в состоянии покоя. Рама подалась, потом деформировалась. Удовлетворенная результатом, машина сделала еще одно движение в вертикальной плоскости, при помощи тех же присосок оказалась внутри и опустилась на пол.

Несколько мгновений она оставалась неподвижной — во всяком случае, так могло показаться. Но внутренние системы напряженно работали. Наконец ферромагнитная пленка поползла через звукоснимающую головку, и машина неожиданно плаксивым, хотя и приглушенным голосом произнесла: «Черт побери!» Пленка перемоталась и упала в специальный контейнер, где и сгорела.

Машина на своих цельнорезиновых колесах покатилась дальше, ориентируясь, подобно летучей мыши, по сигналам радара. Справа — невысокий столик. Машина остановилась возле него, селетоидные переключатели снова защелкали. Затем машина протянула металлическое щупальце, и его конец крепко надавил на столешницу. Казалось, машина на миг облокотилась на столик, точно человек, страдающий избыточным весом, который желает

передохнуть, перед тем как идти дальше. И снова двинулась вперед. Очень осторожно. То, что она искала — *тот*, кого она искала,— был совсем рядом. Он спал в соседней комнате, машина уловила звук его дыхания и тепловое излучение тела. Ориентируясь на эти тропизмы, изменяющиеся почти синхронно, машина развернулась в нужном направлении.

Проезжая мимо кладовки, машина дважды щелкнула и испустила электрический импульс, соответствующий частоте альфа-волны человеческого мозга — совершенно конкретного человека.

Прибор, затаившийся в кладовке, уловил этот импульс и записал на пленку. Эта запись велась непрерывно, а пленка находилась в герметичной капсуле, замурованной в стену. Чтобы извлечь эту капсулу, не зная особого кода, пришлось бы рассверлить стену. Всего этого машина не знала. Ей это было просто ни к чему. Она не отвлекалась на исследования, поскольку это не входило в ее непосредственную задачу.

Она двигалась дальше.

Проезжая мимо распахнутой двери спальни, машина остановилась, попятилась на задних колесах. Щупальце снова вытянулось и ловко воткнуло в медную защелку синтетическую нить из костюмной ткани. На это ушло несколько секунд. Удовлетворенная результатом, машина продолжала путь и остановилась лишь на миг, чтобы обронить три волоска и чешуйку с кожи головы. Иначе зачем ей было останавливаться — когда тепловые излучения тела и звук дыхания вели ее прямо к постели, на которой лежал человек?

Машина застыла у самого края кровати. Теперь начиналась самая сложная часть всей операции. Вновь торопливо защелкали переключатели, запуская одни механизмы и останавливая другие. Машина преображалась на глазах. Плавно, тонко регулирующийся поток тепла размягчал пластик, она вытягивалась, становилась тоньше и наконец снова встала на задние колеса. Стороннему зрителю зрелище показалось бы весьма комичным. Машина покачивалась, точно кобра, вставшая на хвост, и с трудом сохраняла равновесие. Казалось, она вот-вот упадет, в одну или в другую сторону: теперь, когда все ее тело ушло в рост, площадь опоры стала слишком мала. Однако машина была слишком занята, чтобы отвлекаться на эту проблему. Главная схема, которая контролировала все ее действия, или «часы» (так техники времен войны называли это разработанное ими устройство), требовала от нее решения задачи гораздо более важной, чем сохранение равновесия.

Завершилась серия фаз, когда машина перемещалась в пространстве, ориентируясь на усиление и ослабление пульса и дыхания. Теперь оставалось последнее: точно локализовать расположение сердца человека, лежащего в постели,— сердца, которое еще билось. На выполнение этой задачи потребовалась минута. Все перцептивные системы были заблокированы, сосредоточены на биении сердца. Сенсоры-стетоскопы точно определили, на какой глубине находится источник звука. И следующая программа была запущена немедленно. Машина не могла испытывать колебаний, когда расположение бьющегося сердца определено. Она могла только действовать — сразу или никогда.

Из отверстия под верхней крышкой вылетел самонаводящийся дротик с цианистым калием. Он летел крайне медленно — чтобы траекторию его полета можно было изменить даже в самую последнюю секунду. Дротик немного повилял, когда из машины поступила команда о небольшой поправке, и мягко воткнулся в грудь спящего человека, точно слева.

И мгновенно впрыснул яд.

Человек умер, так и не проснувшись.

И в тот же момент узкий золотистый ошейник, охватывающий его горло,— очень тонкий, почти невидимый, но до отказа начиненный сложнейшей электроникой,— испустил специфическую серию радиосигналов. Этот сигнал был тут же принят усилителями, закрепленными под кроватью, и активировал их. И наконец, едва произошла остановка сердца и прекратилось кровообращение, золотистый ошейник послал еще одну условную команду.

Взвыла сирена, в комнату долетел лязг. «Жестяные девы» ожили и, шумя, как ветряные мельницы, изо всех помещений виллы устремились в спальню хозяина. Сигнал приняли и те жестянки, что находились за пределами виллы. Они также ринулись к дому и выстроились под окном спальни.

Смерть человека заставила проснуться всю его свиту — все пятьдесят самых разнообразных жестянок. Направляясь на сигнал усилителей, закрепленных под кроватью, все они собрались к месту преступления.

После того как дротик был выпущен, машина тоже зарегистрировала у человека остановку сердца. Ее корпус снова нагрелся, осел и вскоре принял прежнюю квадратную форму. Работа была выполнена, и машина покатилась прочь от кровати.

И тут небольшая антенна, похожая на реснички, укрепленная спереди на корпусе, уловила радиосигналы усилителя. Машина поняла, что уйти не удастся.

Из-под окна, где вместо стекла зияла проплавленная дыра, раздался голос жестянки «тип VI».

— Сэр! — жестяная дева вещала во всю мощь своего усилителя.— Мы знаем, что вы там. Не пытайтесь бежать. Представитель полицейского агентства уже на пути сюда. Просьба до его прибытия оставаться на месте.

На своих маленьких колесиках машина откатилась от кровати, в которой лежал мертвец. Она регистрировала присутствие жестянок за дверью спальни, в холле, под окном. Жестянки были повсюду, они расположились с идеальной точностью, перекрыв ей пути к отступлению. Машина вернулась в смежную со спальней комнату — ту, через которую она проникла в дом. Здесь она остановилась, как будто внезапно о чем-то вспомнив, и уронила на ковер капельку крови. Потом развернулась, двинулась сначала в одну сторону, потом в другую... Наконец все комбинации переключателей в «часах» были использованы. Главная система проанализировала ситуацию в целом. Все выходы перекрыты, двигаться некуда. Следовательно, оставалось только одно... и главная система запустила еще одну программу.

Пластиковый кожух, заключающий в себе все системы, снова стал нагреваться, обтекать, меняя форму. На сей раз машина превратилась в самый обычный переносной телевизор, с ручкой, экраном и усиковой антенной.

В этом виде машина и застыла в неподвижности; все детали ее электронной «анатомии» отключились, на этот раз — окончательно.

Больше ничего не оставалось, операция завершилась. Невротические колебания между двумя противоположными стремлениями — стремлением бежать и стремлением остаться — разрешились в пользу последнего. В темноте комнаты машина теперь выглядела как самый обычный переносной телевизор — как и планировали те, кто создавал ее во время войны, на случай подобной ситуации. Если защитники будут действовать слишком энергично, то машина, даже идеально укомплектованная для совершения убийства, не сможет скрыться.

Машина неподвижно стояла во мраке. Под расплавленным окном «жестяная дева» «тип VI» снова и снова повторяла свое предупреждение, а в холле перед дверью в спальню выстроилась фаланга жестянок, чтобы не позволить кому-либо — и чему-либо — покинуть место преступления.

Так продолжалось в течение часа. До тех пор, пока в спальню не был допущен Вебстер Фоут — для исполнения своих обязанностей.

Глава 19

Это действительно был совершенно безумный звонок. Фоута вызвал не кто иной, как Стэнтон Броуз, древняя развалина. Броуз был в истерике, его желеобразное лицо, загородившее весь экран, тряслось, как в припадке, а сам он весьма походил на маразматика.

— Вебстер, убит один из моих людей, один из лучших! — едва ли не плача, Броуз с мольбой взирал на Фоута. Он в буквальном смысле слова не мог держать себя в руках. Зачарованно глядя, как его конечности то и дело сводит судорога, Фоут думал о том, что снова оказался прав. Предчувствие подтвердилось. Причем сразу.

— Разумеется, мистер Броуз, я лично этим займусь,— он достал ручку.— Назовите, пожалуйста, фамилию янсмена и местоположение его поместья.

— Верн Линдблом,— затараторил Броуз, брызгая слюной.— Его поместье... Я не помню... Я не знаю, где его поместье. Мне только что позвонили. Его ошейник... отключился через секунду после того, как его нашли. Жестянкам удалось выследить убийцу... он все еще там, на вилле,— а они перекрыли все окна и двери, и, если вы отправитесь туда немедленно, то схватите его. Учтите — это не первое убийство, а уже второе.

— Да что вы! — удивленно пробормотал Фоут. Оказывается, Броуз уже знает о гибели Роберта Хига, инженера Рансибла.

— Да, первым был...— Броуз запнулся, его лицо заколыхалось, как море. Казалось, складки плоти то опустошаются и бессильно обвисают, то вновь наполняются и заполняют углубления и отверстия черепа.

— Мне сообщили мои агенты, работающие у Рансибла,— произнес он, немного успокоившись.

— Хм-м...

— Это все, что вы можете сказать? Верн Линдблом был...— Броуз засопел, высморкался, промокнул слезы и под конец вытер губы тыльной стороной своей мясистой ладони.— Ладно... а теперь слушайте, Фоут, и слушайте внимательно. Немедленно вышлите в Калифорнию группу ваших лучших людей, в поместье Джозефа Адамса. Я не хочу, чтобы он был следующим.

— А почему Адамс?

Фоут знал, почему,— но хотел услышать, что скажет по этому поводу Броуз. Существовал некий особый проект — об этом Фоуту

было известно, но о сути проекта он понятия не имел. И вот участников этого проекта отправляют на тот свет, одного за другим. Броуз представлял себе общую картину. Фоут тоже. Вытащив ручку, глава агентства сделал пометку: «Штурм-группа в поместье „А". Немедленно».

— Не надо меня допрашивать,— объявил Броуз голосом умирающего старца.— Никаких «зачем». Просто действуйте.

Фоут отреагировал сдержанно — как и требовало его положение.

— Не беспокойтесь. Я лично отправлюсь в поместье этого Линдблома, а для охраны янсмена Адамса выделю лучшую группу. Мои люди с него глаз спускать не будут — конечно, если он еще жив. Кстати, а у него, как у Линдблома, был...

— «Сигнальные ошейники» есть у всех,— проскрежетал Броуз.— Так что Адамса еще не убили. Но убьют непременно, если вы будете тянуть время. Мы не предполагали, что все так обернется,— никто из моих людей не предполагал — и не в состоянии себя защитить. Когда война закончилась, мы решили, что все позади. Я знаю, что некоторые устраивают стычки жестянок на границах своих поместий, но такое! Это все равно что война! Снова война.

Вебстер Фоут выразил согласие и на этом закончил разговор, а затем связался с лос-анджелесским филиалом и вызвал группу из четырех десантников. И наконец поднялся на крышу здания корпорации. За ним следовали две «жестяные девы» с тяжеленными кейсами, набитыми специальным оборудованием.

На крыше их поджидал межконтинентальный армейский флаппер — скоростная машина времен войны. Машина уже пофыркивала: мотор запустили из офиса, с помощью пульта дистанционного управления. В сопровождении жестянок Фоут поднялся на борт и уже через несколько секунд летел над Атлантикой.

По видфону Фоут связался с Агентством в Нью-Йорке и выяснил, что поместье покойного находится в Пенсильвании. Следующий вызов он сделал в свою штаб-квартиру в Лондоне, чтобы запросить досье на янсмена Верна Линдблома, чтобы немного освежить память, и данные почти сразу же появились на экране. Да, несомненно: Линдблом был не просто одним многих, кто творил в организации янсменов,— он сам изо дня в день творил эту организацию. Этот человек имел свободный доступ на студию Эйзенблата в Москве... Последнее Фоут обнаружил еще в ходе расследования «особого проекта»: похоже, Линдблом играл в этом проекте ключевую роль. Расследование, с раздражением подумал он, в ходе которого до сих пор не выяснилось ничего полезного!

Если только не считать того, что Броуз пришел в полное отчаяние и почувствовал себя беспомощным, как младенец. Сейчас он хочет любыми способами предотвратить убийство Джозефа Адамса. И это лишь подтверждает, что оба совершенных убийства — Хига и Линдблома — имеют самое непосредственное отношение к специальному проекту. Фоут ясно чувствовал это — ощущал незримую нить, которая тянется от Хига к Линдблому, а теперь, возможно, и к Адамсу. И — его осенило — вполне возможно, что и к Арлин Дэвидсон. Ее сердечный приступ в прошлую субботу не был вызван естественными причинами, и эта смерть имеет прямое отношение к делу. В любом случае, рыдания Броуза позволяют допустить, что все эти люди, гибнущие один за другим, участвовали в «особом проекте» Агентства — проекте Броуза. Следовательно, Хиг — теперь это очевидно — был агентом Броуза в стане Рансибла. Предчувствие не обмануло Фоута. Убийца Хига не преследовал цели навредить Рансиблу как таковому, что было бы выгодно Броузу или кому-то еще. Убийство Хига — и это доказывает гибель янсмена Линдблома — должно было нанести удар самому Броузу. Окончательная цель весьма серьезна. Нанести удар самому главному янсмену... Теперь это перестало быть догадкой и стало фактом.

Но что это за «особый проект»... вернее, что это был за «особый проект»? Фоут по-прежнему ломал над этим голову. Судя по всему, на данный момент проект свернут. Очевидно, в нем участвовало не так много народу. И не исключено, что Адамс — последний, кто остался в живых. Если не считать самого Броуза.

Профессиональная память Фоута дала сигнал. Адамс — участник этого проекта, Адамс, которого сейчас охраняет команда десантников-фоутменов, вполне может — под давлением сложившихся обстоятельств — рассказать кому-нибудь из сотрудников «Вебстер Фоут, Лтд.», что представлял собой этот «особый проект». Проект, целью которого было — в этом Фоут нисколько не сомневался — уничтожить Рансибла. Превратить его в козла отпущения... Только что-то пошло не так. Бульдозеры по-прежнему копали землю в южной Юте. Рансиблу никто не смог помешать. Зато Броуз явно наступил кому-то на ногу.

Откровенно говоря, никогда в жизни Фоуту не доводилось видеть Броуза — и вообще кого-либо — настолько... встрепанным. Полностью утратившим контроль над эмоциями. Должно быть, этот особый проект действительно имеет решающее значение. Можно ли считать, что он разработан с целью полного и

окончательного уничтожения Луиса Рансибла? Иными словами, можно ли предположить здесь провокацию, которая должна привести к последнему, открытому столкновению между Броузом и легендарным создателем империи жилкомпов? Столкновение... и почти мгновенный крах одного из них!

Боже мой, спокойно подумал Фоут, мой агент ведет переговоры с Луисом Рансиблом. Я разговаривал с Рансиблом по видфону. И у меня не возникло и тени впечатления, что он уже разработал такие разумные и эффективные шаги, чтобы обезопасить себя. Создается впечатление, будто Луис Рансибл не подозревает, что против него что-то затевается, более того — почти равнодушен к этому... Тогда каким образом он смог отреагировать на происходящее столь решительно, в столь короткое время?

Чего Рансибл точно не осознал,— так это значения, которое имела гибель Роберта Хига. Из разговора по видфону это было совершенно ясно.

Следовательно, решил Фоут, вполне возможно — более того, весьма вероятно,— что Хиг и янсмен Линдблом, а до них женщина-янсмен Арлин Дэвидсон, были убиты не по наущению Рансибла. Более того, без его ведома.

Кто-то явно заботится о безопасности Луиса Рансибла. И явно не он сам.

Очевидно, в игру вступила новая фигура — новая фигура! — о которой ни я, ни Рансибл, ни даже сам Броуз не имеем ни малейшего представления. И начала борьбу.

Я вполне доволен тем, что у меня есть, подумал Фоут. И я рад этому. Стоит мне попытаться прыгнуть выше головы — как Броуз со своим особым проектом — и не исключено, что я очень скоро окажусь в роли мишени... а заодно и установщика мишеней, если быть точным.

Глава 20

Меньше чем через час Вебстер Фоут высадился на крышу виллы убитого янсмена. Не тратя времени даром, в сопровождении двух своих великолепных жестянок, несущих тяжелые кейсы с оборудованием, он спустился по пандусу, застеленному пушистыми коврами, на верхний жилой этаж виллы. Навстречу никто не вышел. Лишь впереди, в холле, выстроилась фаланга бдительных жестянок — они стерегли запертую дверь. Там, в спальне, находилось тело их господина, владельца поместья. И если права

та самая «тип VI», что все еще торчит в темноте, наблюдая за окном, убийца заперт внутри — на месте преступления.

Вот чем полезен сигнальный ошейник, подумал Фоут. Увы, история доказала, что человек, сколь бы высокое положение он ни занимал, не застрахован от покушения на собственную жизнь. Но он в состоянии создать угрозу — вполне выполнимую,— что убийца будет пойман. В момент смерти Верна Линдблома вся сложнейшая машинерия мгновенно пришла в действие, и убийца оказался в западне. Вполне вероятно, что в спальне Вебстер Фоут, обнаружит не только труп (будем надеяться, не изуродованный), но и вооруженного убийцу-профессионала, который не намерен дешево продать свою жизнь.

Фоут остановился перед фалангой жестянок, которые охраняли дверь, точно верные псы — молчаливые и грозные, и бросил, обернувшись к своему эскорту:

— Оружие.

Обе жестяные девы опустили свои неподъемные кейсы на пол, распахнули их и выпрямились в ожидании дальнейших указаний.

— Что-нибудь из нестойких паралитиков,— распорядился Фоут.— Попробуем на время вывести его из строя. Сомневаюсь, что этот парень прихватил с собой кислородный аппарат.

Одна из жестянок услужливо протянула длинный тонкий цилиндр с замысловатым наконечником.

— Благодарю,— кивнул Фоут и, миновав фалангу молчаливых жестянок Линдблома, подошел к закрытой двери.

Приставив наконечник к деревянной двери — ее явно откопали на развалинах какого-то старинного особняка,— Фоут еще секунду размышлял о бренности жизни. Он признал, что плоть станет прахом, а потом нажал на спуск.

Наконечник цилиндра начал бешено вращаться. Дверь была прочной, из настоящей древесины, а не клеенной стружки, но наконечник в считанные мгновения проделал отверстие, запечатал его пластиком, чтобы газ не проник наружу и оружие не причинило вреда владельцу, и наконец выстрелил внутрь хрупким шариком с нервно-паралитическим газом, воздействующим на нервные окончания. Шарик упал где-то в темноте и разлетелся на мельчайшие осколки — никакая сила на Земле не могла этого предотвратить. Услышав характерный звон, Вебстер Фоут извлек из кармана свои круглые часы, засек время и приготовился ждать. Газ будет действовать пять минут, после чего сам собой распадется на безопасные компоненты. Только после этого можно будет войти.

Пять минут истекло.

— Пора, сэр,— сказала одна из его «жестяных дев».

Вебстер Фоут высвободил свою установку и передал ближайшей жестянке, которая снова уложила ее в кейс. Однако убийца мог проявить предусмотрительность и подготовиться к газовой атаке — такую возможность не следовало исключать. Фоут достал из кейса небольшой пистолет — на вид просто забавная игрушка, совершенно непригодная для самообороны. Потом глубоко задумался. В прошлом это спасало его шкуру в любых обстоятельствах... Он вытащил накидку из экранирующего пластика, развернул ее и задрапировался с ног до головы. Одна из «жестяных дев» поспешила помочь хозяину. В итоге накидка укутала его, точно плащ-палатка: лишь снизу торчали щиколотки, обтянутые носками из английской шерсти, и шнурованные полуботинки из настоящей кожи, изготовленные в Лондоне. Со своим забавным пистолетом, в котором на самом деле не было ничего забавного, Фоут снова прошел сквозь фалангу линдбломовских жестянок. И... распахнул дверь в спальню.

— Свет,— скомандовал он. В комнате царил мрак, а искать выключатель — или его отсутствие — было некогда.

Одна из двух его превосходно подготовленных жестянок услужливо и без малейших колебаний подняла над собой защищенный ночник. Свет вспыхнул, осветив спальню. Желтоватый, уютный и теплый, он не слепил, зато позволял разглядеть каждый предмет. Вот кровать, на которой под одеялом лежит убитый, Верн Линдблом,— с закрытыми глазами, мирно, словно не подозревая о собственной смерти, словно никто не довел до его сведения факт его мгновенной, безболезненной гибели.

Для Фоута картина была ясна. Убитый лежал на спине, полностью расслабленный — признак смерти от цианида, надежного, многократно опробованного и широко распространенного яда. Возможно, его ввели через иглу, которая вонзилась в мозг, в сердце или в верхний отдел позвоночника. Во всяком случае, это милосердно. Фоут огляделся в поисках того, что ожидал увидеть,— совершенно беспомощного взрослого мужчину, который не способен ни двигаться, ни говорить, аритмично дергается, когда спонтанно активизируется та или иная рефлекторная дуга, но не может сопротивляться, не пытается спастись.

Но в спальне никого не было. Ни одного человека, ни в каком состоянии. Мертвец, с умиротворенным видом лежащий под своим одеялом, был единственным, кто находился здесь,— только он и Фоут, никого больше. Фоут осторожно прошел в соседнюю

комнату. Ясно, что преступник проник сюда через окно, но и в этой комнате никого не обнаружилось. Жестяные девы, вышколенные и послушные, следовали за ним. Он никого не обнаружил, и они никого не обнаружили... Наконец жестянки принялись открывать все попадающиеся на пути двери. Одна из дверей вела в ванную комнату, отделанную плиткой под мозаику, а две другие — в кладовки.

— Похоже, ушел,— вслух произнес Фоут.

Жестянки ничего не ответили — комментарии были излишни.

Когда они вышли, фаланга «жестяных дев» Линдблома по-прежнему преграждала вход в спальню.

— Сообщите своему главному — «типу-VI»,— сказал Фоут,— что вы опоздали.

— Есть, мистер Фоут,— «жестяная дева», которая была за старшую, мгновенно выполнила приказ.

— Получен ответ,— сообщила она через несколько секунд.— Такое исключено. Убийца мистера Линдблома находится на территории спальни, иное полностью исключено.

— Железная логика,— согласился Фоут.— Только факты говорят, что иное вполне возможно,— он повернулся к своим помощникам: — С этого момента начинайте собирать сведения. Исходя из того, что убийца — человек, а не машина, особое внимание обратите на следы органики. Чешуйки кожи, волосы и тому подобное.

— Мистер Фоут,— произнесла одна из «жестянок» Линблома,— в стену спальни вмонтирован приемник-энцефалограф. У нас есть ключ, с помощью которого мы можем снять его показания.

— Отлично,— кивнул Фоут.— Я обязательно ознакомлюсь.

— И магнитофон, который постоянно включен на запись.

— Превосходно.

Если только убийца действительно человек. Если он произнес хоть слово. Если он находился в достаточной близости от энцефалографа. Если. Погруженный в раздумья, Вебстер Фоут вернулся в спальню, а затем в соседнюю комнату, чтобы повнимательнее осмотреть окно, через которое проник убийца.

На полу стоял переносной телевизор.

Нагнувшись, Фоут взялся за его ручку. Он мог стереть отпечатки пальцев преступника, но это его мало беспокоило. Вряд ли убийца стал бы переносить телевизор с места на место.

Телевизор оказался слишком тяжелым. Потребовалось немалое усилие, чтобы просто оторвать его от пола.

— Вот оно,— негромко произнес Фоут

— Вы что-то сказали, сэр? — откликнулась из кладовки «жестяная дева», которая возилась там с приемником-энцефалографом.

— Я нашел убийцу,— ответил Фоут.— Этот телевизор.

Жестянка фыркнула.

— По моему мнению, сэр, портативный телевизор вряд ли может стать орудием, с помощью которого человека...

— Не желаешь самостоятельно поискать убийцу своего хозяина? — огрызнулся Фоут.— Или все-таки предоставишь это мне?

— Разумеется, вам, мистер Фоут. Вы здесь главный.

— Благодарю за доверие,— колко бросил Фоут. Он уже ломал голову, каким образом — если такое вообще возможно — вскрыть это устройство, которое столь успешно притворяется телевизором? Если я не ошибаюсь, он будет столь же успешно сопротивляться подобным попыткам, ибо устроено так, чтобы не допустить обследования враждебными агентами.

И тут его вновь осенило. Пройдет много дней, а то и недель, прежде чем ему удастся разобраться с этим «телевизором». Даже при всем мастерстве его помощников.

Орудие убийства у него в руках. И что толку, черт побери?

Глава 21

Улики. След, который начинается от окна с покореженной алюминиевой рамой и выплавленным стеклом. «Жестяные девы» Вебстера Фоута возились с рамой: фотографировали ее, уточняли степень деформации металла и искривления поверхности, вычисляли оказанное на раму давление в фунтах на квадратный дюйм, которое могло бы вызвать подобные повреждения.

Они собирали информацию — дотошно и кропотливо, как и полагалось хорошим криминалистам. Но сам Фоут почти ничего не чувствовал. Он рассеянно взирал на происходящее — безучастный и абсолютно равнодушный.

— Пятно крови, мистер Фоут,— доложила один из жестянок.

— Хорошо,— равнодушно отозвался он.

Линдбломовская жестянка, которая вскрывала приемник-энцефалограф в кладовке, подала голос.

— Судя по непрерывной записи показателей, в комнате некоторое время находился...

— Еще один человек,— закончил за нее Фоут.— Который прошел мимо прибора, испуская альфа-волны.

— Звукозаписывающее устройство также сделало...

— Запись человеческой речи,— сказал Фоут.— Он явился сюда, чтобы убить спящего человека и тем не менее говорил вслух. Причем достаточно громко, чтобы микрофон зафиксировал его голос.

— И не только громко,— сказала жестянка,— но и вполне отчетливо. Не желаете прослушать запись?

— Нет, не сейчас,— пробормотал Фоут.— Чуть позже.

И в этот момент одна из его жестянок торжествующе возвестила своим пронзительным металлическим голосом:

— Три человеческих волоса, не принадлежащих жертве!

— Продолжайте,— сказал Фоут. Это не последняя улика, по которой можно без труда опознать убийцу, сказал он себе. У нас есть запись его уникальной характеристики — картины излучений мозга. Есть запись его голоса, есть волосы с головы, капля крови, нам известен его вес... Впрочем, довольно странно: с чего бы ему ронять единственную каплю крови прямо посреди комнаты. Одну-единственную!

Через несколько мгновений была обнаружена нитка. А еще чуть позже — отпечатки пальцев на журнальном столике, не принадлежащие убитому.

— Все, можно закругляться,— сказал Фоут своим жестянкам.

— Но, сэр,— возразила одна из них,— мы еще можем найти...

— Вы уже все нашли,— улыбнулся Фоут.— Все, что способна подбросить стандартная модель «Айзенверке Гештальтмахер-2004». Голос, отпечатки пальцев, волосы, капли крови, лоскутки ткани, данные о весе тела и характерную картинку альфа-волн — обычно этого хватает за глаза. На самом деле на основании таких улик любой компьютер выдаст следующий ответ: у вас в распоряжении семь признаков для установления преступника. Из которых без шести можно обойтись. Достаточно энцефалограммы и даже просто отпечатков пальцев.

На самом деле именно это его и беспокоило. Эта западногерманская машина, изобретенная во время войны, явно переусердствовала. От девяноста процентов ее начинки — равно как и ее действий — не было никакой пользы. Убрать эти девяносто процентов — и машина, превратившись в портативный телевизор, и весила бы как телевизор. Но немцам всегда была свойственна любовь к завершенному гештальту — иначе говоря, к полноте картины.

Теперь, когда он располагает полным набором улик — характеристик, которые составляют завершенный гештальт,— остается единственный вопрос: каким компьютером и какой базой данных

по населению воспользоваться. В принципе, Фоут мог выбрать любой из трех. Каждый предлагал грандиозную базу данных населения Земли — полноценную библиотеку, оснащенную перекрестными ссылками. По странному совпадению, поиск производился именно по тем характеристикам, которые оказались в распоряжении Фоута за последний час работы на месте преступления.

Он может отправиться в Москву. Не исключено, что большой «ВВ-7» обнаружит референтную карту человека, обладающего всеми семью характеристиками. Можно воспользоваться компьютером «109-А3» в Эстес-Парке. Или «Мегаваком 6В», который находится в нью-йоркском Агентстве янсменов. Последний невелик и по мощности уступает двум другим, но в его памяти хранится полная информация обо всех янсменах, как ныне живущих, так и покойных. Фоут чувствовал: человек, который может быть описан этим «гештальтом»,— янсмен, а не один из миллионов «термитов», обитателей убежищ. Их данные в этом компьютере содержатся. Так почему бы не воспользоваться «Мегаваком 6В»?

И тут же Вебстер Фоут понял, что существует еще один момент. Его клиент, Стэнтон Броуз, который находится в Женеве, в своем «Фестунге», будет немедленно оповещен о запросе, получит его копию, а затем и копию результата поиска.

Всем заинтересованным сторонам выгодно, чтобы Броуз получил такую информацию.

Следовательно, остается большой московский «ВВ-7», который в наименьшей степени контролируется Броузом.

Фоут и его «жестяные девы» с увесистыми кейсами снова погрузились во флаппер. Интересно, подумал детектив, чью фамилию выдаст компьютер... заставив, возможно, заработать колесо правосудия? Кто он, один из людей Янси, которого пыталась подставить «Гештальтмахер»? Осторожно поставив мнимый телевизор на соседнее сиденье, Фоут снова отметил его вес. Качество, которое машина оказалась не в состоянии скрыть и которое сразу выдавало ее... Она в состоянии прикинуться практически любым предметом, соответствующим ей по габаритам, но не в силах обмануть силу притяжения.

Впрочем, он уже догадывался, чью фамилию назовет компьютер. Интересно, сбудется ли в очередной раз его предсказание.

Три часа спустя, запустив автопилот и как следует выспавшись в объятьях мягкого кресла, Вебстер Фоут прибыл в Москву.

Внизу рассыпались бесконечные павильоны киностудии Эйзенблата — казалось, ребенок опрокинул коробку с игрушечны-

ми домиками. Фоут, который всегда мечтал увидеть эту колоссальную фабрику по производству фальшивок, повернулся к окну. Со времени его последнего визита в Москву студия заметно расширилась: Фоут отметил несколько новых строений из обломков, скрепленных раствором. Их явно возводили жестянки. Возможно, они изображали развалины уничтоженных городов... Кажется, на очереди Сан-Франциско; следовательно, потребуются мосты, водная поверхность, холмы... Да, здешним макетчикам придется изрядно попотеть.

А на том месте, где когда-то стоял Кремль — во время Третьей мировой войны прямо в него угодила американская самонаводящаяся ракета «Царица Дидона» и разнесла древнее строение из красного кирпича на молекулы,— теперь возвышалась вилла маршала Харензанного, второе по величине поместье в мире.

Разумеется, поместье Броуза в Женеве было намного больше. И все же этот просторный парк с величественными зданиями, похожими на роскошные дворцы, мог вызвать лишь восхищение и зависть. В отличие от владений Броуза, которые производили весьма гнетущее впечатление,— казалось, над Фестунгом простерла свои древние рваные крылья какая-то злая сила. Как и его коллега в Зап-Деме, маршал был прежде всего солдатом, а не пол-комом, склонным к сибаритству. Нет, он был человеком — которому, впрочем, не было чуждо ничто человеческое. Человеком, который любил жизнь.

Как и генерал Хольт, маршал располагал армией закаленных в боях жестянок, которые номинально подчинялись ему. И, как и генерал, находился под колпаком у Броуза.

Флаппер заходил на посадку. Забавно, мысленно спросил себя Фоут, как этот полубезумный — хотя по-прежнему весьма коварный — старик восьмидесяти двух лет, эта неподъемная туша, умудряется до сих пор удерживать власть? Может, у него в Женеве есть какое-то секретное устройство, которое позволяет ему в кризисной ситуации перехватить у Хольта и Харензанного командование над всеми жестянками на планете? Или причина гораздо глубже?

Возможно, наконец решил он, это нечто вроде того, что одна христианская секта называла «передачей апостольской благодати». Скорее всего, дело обстоит так. Перед Третьей мировой военное командование Нар-Дема и Зап-Дема обладало абсолютной властью. Гражданские правительства, по сути, являлись лишь осколками того, что некогда составляло объединенные нации. Эта военная элита правила благодаря своему полубогу, мастеру художественной фальшивки Готлибу Фишеру. Правила, цинично и высокопрофес-

сионально управляя всеми средствами массовой информации. Но далеко не всегда военные знали, как следует пользоваться этими средствами. Это знал лишь Фишер. Когда разразилась война, обе стороны заключили сделку. А потом Фишер погиб, оставив после себя лишь одного ученика — Стэнтона Броуза.

Нет, за этим должно стоять нечто большее. Может быть, харизма лидера? Магическая аура, которая окружала многих лидеров? Ганди, Цезарь, папа Иннокентий III, великий полководец Валленштейн, Лютер, Рузвельт... А может, дело просто в том, что Броуз — это Броуз? Он правит с тех пор, как закончилась война: на сей раз власть оказалась в руках полубога. Впрочем, он и до этого был весьма могущественным человеком. Он унаследовал — в буквальном смысле слова, по решению суда,— все студии, принадлежавшие Фишеру, со всем оборудованием. Всю его фабрику по подделке истории.

А эта странная гибель Фишера, столь неожиданная и трагичная, в глубинах космического пространства?

Больше всего, подумал Фоут, мне хотелось бы заполучить ту машину времени, которую Броуз держит в своем хранилище передовых разработок. Я бы отправил в прошлое аппаратуру для видео- и аудиозаписи и проследил бы все, что происходило начиная с восемьдесят второго года. Я бы приделал электронные хвосты им обоим — и Фишеру, и Броузу. И в первую очередь — Фишеру. Чтобы наблюдать за ним до самого момента его смерти. Мне просто любопытно, что на самом деле произошло с его кораблем во время посадки на Венере. Тем, что якобы взорвался при запуске тормозных двигателей.

Он уже собрался выйти из флаппера, когда бортовой видфон издал резкое «Бз-з-з». Вызов пришел из лондонской штаб-квартиры корпорации. Скорее всего, от Сенцио, который оставался за главного на время его отсутствия.

Фоут включил видфон.

— Слушаю тебя, мальчик мой.

На экране появилось лицо Сенцио.

— Я получил изображение места, откуда был выпущен луч,— сообщил он.

— Какой луч?

— Который уничтожил жестянок янсмена Дэвида Лантано. Неужели не помните?

— Уже вспомнил. Продолжай. Кто или что выпустило этот смертоносный луч? Скорее всего, это был янсмен, но кто именно?

— Понимаете, снимок сделан сверху. Поэтому очень трудно разобрать, кто стрелял. Но...

Сенцио смолк.

— Продолжай, черт возьми,— взорвался Фоут.— Мне срочно нужно попасть на прием к маршалу Харензанному, и...

— Судя по кадрам, полученным со спутника...— выпалил Сенцио,— человек, уничтоживший жестянок,— Тэлбот Янси.

Он ждал ответа Фоута, но тот молчал.

— То есть... я хочу сказать, этот человек был очень похож на Янси.

— Насколько похож?

— Как две капли воды. Мы увеличили картинку до натуральной величины. Это именно тот человек, которого вы — я хотел сказать «все» — видят на своих телеэкранах. Ошибки быть не может.

Так что теперь я буду общаться с Харензанным, подумал Фоут, с этой новостью в голове.

— Хорошо, сынок,— сказал он.— Спасибо тебе. Да, кстати, отдельное спасибо за то, что дал мне время собраться с мыслями, прежде чем сообщить все это. Сейчас мне действительно было необходимо это узнать.

Он выключил видфон, поколебался, затем снова выбрался из флаппера, оставив в салоне двух жестянок, для которых все равно не было дела.

Значит, это сделал Янси, подумал он. Убил Арлин Дэвидсон, затем — Боба Хига, потом — Верна Линдблома. Следующим, несомненно, будет Джозеф Адамс, а последним — самолично Броуз. А может быть, и я сам — человек, который пытается распутать эту цепочку.

Манекен, приделанный к дубовому столу и запрограммированный «Мегаваком 6В». Он стоял за валуном посреди «горячей зоны» в окрестностях Шайенна и оттуда меткими выстрелами уничтожил двух боевых жестяных дев. Просто ради того, чтобы спасти жизнь одному из многочисленных «термитов», который выбрался на поверхность подышать свежим воздухом и наконец-то полюбоваться солнышком... Теперь уже бывший «термит», поскольку в настоящее время он скрывается в руинах Шайенна вместе с другими такими же бывшими «термитами», которые живут непонятно для чего, ожидают неизвестно чего... А потом эта кукла, этот манекен по имени Тэлбот Янси, незаметно для сотрудников Агентства возвращается за свой дубовый стол, привинчивает себя обратно к креслу, чтобы произнести очередную речь, загруженную в компьютер.

Это уже отдавало шизофренией. Спускаясь по пандусу на взлетное поле офиса маршала Харензанного, Фоут признал поражение.

Через полчаса с огромным документом в руках — это было разрешение на доступ, выданное одним из секретарей маршала — Фоут уже стоял перед огромным советским компьютером «ВВ-7» и с помощью дружелюбных внимательных советских техников вводил данные по семи вещественным доказательствам, которые его жестяные девы нашли на месте преступления,— семи подложным уликам, доставленным «Гештальтмахером».

«ВВ-7», возвышающийся над ним, упираясь в потолок, заработал, перерабатывая базу данных в поисках соответствующего признакам человека. И через некоторое время — примерно так, как и ожидал Фоут,— лист бумаги выполз из принтера и с шорохом упал на лоток.

Фоут поднял листок и прочитал имя, напечатанное на нем.

Предвидение вновь не обмануло его. Фоут сердечно поблагодарил русских техников и быстро направился на стартовую площадку, к своему флапперу.

На листке было напечатано: БРОУЗ, Стэнтон.

Впрочем, как и предполагалось.

Если бы машина, этот «Гештальтмахер»,— сейчас она спокойно стояла на соседнем сиденье, ничем не отличаясь от переносного телевизора... если бы она скрылась с места преступления и на шее у Линдблома не оказалось «сигнального ошейника», то улики, выражаясь юридически, прямо и объективно указывали бы на того, на кого и должны были указывать. Нет никакого сомнения: убийца — Стэнтон Броуз, который сам нанял Фоута для расследования этого преступления. Разумеется, это не мог быть Броуз, и предмет на соседнем сиденье подтверждал это.

Конечно, если Фоут не ошибся. Вдруг это никакой не «Гештальтмахер»? Как можно быть окончательно уверенным, не вскрыв машину и не узнав, как она работает?

Так что пока Вебстер Фоут со своими помощниками будет вскрывать машину — процесс обещал быть длительным и трудоемким. И все это время Броуз будет вызывать его по видфону и спрашивать: какие улики обнаружены, на кого они указывают?

«На вас, мистер Броуз»,— желчно подумал Фоут. Он так и видел, как произносит: «Вы — убийца. Следовательно, я предъявлю вам обвинение, арестую вас и прослежу, чтобы вы предстали перед Прим-Советом».

Весело, нечего сказать!

На самом деле веселого было мало. И в подобной перспективе, и в мыслях о том, чего будет стоить вскрыть эту штуковину, что занимает соседнее сиденье. Корпус у нее из прочного пла-

стика — настолько прочного, что ни обычное сверло, ни термополе...

И еще одна мысль донимала его, точно заноза: существует ли вообще Тэлбот Янси? И если существует — как такое возможно?

Все это было выше его понимания.

Но это была его работа. Его работа требовала, чтобы именно он и никто другой разобрался в происходящем. Если не он, то кто же еще?

Не стоит ничего сообщать Броузу, решил Фоут. До поры до времени. А если и сообщить, то лишь необходимый минимум.

Его интуиция, его мистическое ясновидение подсказывали: никому — и в том числе ему самому — не будет пользы, если Стэнтону Броузу станут известны факты, установленные в процессе расследования.

Поскольку Броуз — и именно это делало его столь неудобным — может догадываться, что именно против него затевают, а самое главное — точно знает, как с этим поступить.

Глава 22

— Похоже, койки для тебя у нас нет, Ник,— печально объявил Джек Блэр, бородатый бывший «термит».— Пока нет. Придется, видно, тебе поспать на полу.

Они стояли посреди подвала здания, в котором когда-то помещалась штаб-квартира крупной страховой компании. Компания давным-давно исчезла вместе со своим железобетонным зданием, зато подвал сохранился в целости и сохранности. За что и пользовался всеобщей любовью.

Николас огляделся и увидел вокруг множество других бывших «термитов», ныне живущих, так сказать, на поверхности. И тем не менее все они казались начисто лишенными чего-то, что когда-то полностью принадлежало им, лишенными привычной жизни, даже в физическом смысле, того, что всегда им принадлежало.

— Да, конечно, я понимаю, что это не лучший способ вернуться на родную землю,— заметил Блэр, увидев выражение его лица. Может, мы были недостаточно смиренными?

— Или слишком кроткими,— сказал Николас.

— Со временем начинаешь испытывать ненависть,— резко заметил Блэр.— Желание добраться до их глоток. Идея неплоха. Но только как претворить ее в жизнь? Если придумаешь что-нибудь, расскажи. Расскажи нам всем. А пока...— он обвел взглядом подвал.— Пока тебе нужно где-то спать. Лантано дал нам...

— Очень хотелось бы взглянуть на этого Лантано,— сказал Николас.— Похоже, только у этого янсмена есть один-два приличных гена.— А еще, подумал он, с его помощью, скорее всего, и удастся добыть артифорг.

Блэр сказал:

— Думаю, ты очень скоро познакомишься с ним. Он очень скоро появится здесь. Ты его сразу узнаешь — у него характерный темный цвет кожи. Это радиационные ожоги.— Он поднял голову и сказал: — А вот и он.

Человек, спустившийся в подвал, был не один. За его спиной виднелись несколько жестянок, тащивших на спинах здоровенные ящики с припасами для бывших «термитов», прячущихся в развалинах. Кожа его действительно была темной, более того, еще и красноватой. Но, тут же сообразил Николас, это вовсе не было следствием радиационных ожогов.

И пока Лантано шествовал по подвалу, пробираясь между коек, то и дело перешагивая через лежащих людей и их скромные пожитки, порой здороваясь, кому-то улыбаясь, Николаса внезапно осенило. Боже мой, когда Лантано появился в подвале, он выглядел настоящим видавшим виды иссушенным возрастом стариком, а теперь, вблизи, Лантано кажется человеком вполне средних лет. Аура преклонного возраста оказалась иллюзией, вызванной комплекцией янсмена, а также некоторой скованностью его походки. Создавалось впечатление, что он больше всего на свете боится споткнуться, упасть и покалечиться.

Николас подошел к нему, и сказал:

— Мистер Лантано!

Их благодетель, сопровождаемый свитой жестянок, которые вынимали из сумок принесенные продукты и раздавали их бывшим термитам, остановился и взглянул на Николаса.

— Слушаю вас,— сказал он с едва заметной улыбкой.

Блэр дернул Николаса за рукав.

— Слушай, только не доставай его. Не забывай, он болен. Радиация. Ему нужно как можно быстрее вернуться на виллу и отдохнуть.— Он обернулся к гостю: — Верно ведь, мистер Лантано?

Темнокожий человек кивнул, не отрывая взгляда от Николаса.

— Да, мистер Блэр. Я действительно болен. В противном случае я навещал бы вас чаще.— Лантано отвернулся, чтобы проверить, насколько быстро и эффективно его жестянки распределяют принесенные продукты, больше не обращая внимания на Николаса.

— Похоже, его постоянно подавляли и презирали,— сказал Николас.

Лантано тут же обернулся и пристально взглянул на него. Его темные, глубоко посаженные глаза теперь полыхали внутренним огнем, как будто собираясь взорваться. Казалось, что это внутреннее пламя вот-вот выжжет их, и Николас вдруг испытал какой-то благоговейный трепет.

— Да, друг мой. Что вы хотели попросить? Может, раскладушку?

— Кстати, было бы неплохо,— вмешался Блэр.— У нас действительно не хватает спальных мест, мистер Лантано.— Еще коек десять — просто так, на всякий случай, поскольку то и дело появляются люди вроде этого Ника Сент-Джеймса. Причем с каждым днем их становится все больше и больше.

— Возможно, иллюзия потихоньку выцветает,— сказал Лантано.— Ошибка тут, ошибка там. Неизвестно откуда взявшийся слабенький видеосигнал... Слушайте, Ник, а вы случаем не из-за этого выбрались наружу?

— Нет,— ответил Николас.— Мне нужна поджелудочная. При мне целых двадцать тысяч долларов..— Он машинально сунул руку в выпотрошенный накануне жестянкой карман. Но бумажника там не оказалось. То ли вывалился, когда жестянка его обыскивала, то ли вывалился, пока та тащила его... а может, он и сам потерял его по дороге... он не имел ни малейшего понятия. Николас растерянно развел руками, не зная, что сказать или сделать, и просто молча уставился на Лантано.

Тот немного помолчал, затем сказал:

— Видите ли, Ник, я все равно ничем не смог бы вам помочь.— Говорил он едва слышно, но в голосе ощущалось искреннее сочувствие. А самое главное — глаза. Они по-прежнему горели. В них все еще пылало пламя, не свойственное обычному человеку. Нет, оно было поистине первородным — шло из глубин человеческого, а может, даже и животного естества. Его питал какой-то неведомый источник потусторонней энергии, о существовании которой Николас не имел ни малейшего понятия.

— Так вот, я и говорю,— напомнил Блэр.— У Броуза...

Лантано перебил его:

— Нет, не так. Евангелие гласит: «Один будет презрен, другой отвержен». Вы имели в виду меня? — Он обвел рукой сопровождающих его жестянок, которые к этому времени как раз закончили раздавать гостинцы экс-«термитам».— Вообще-то, Ник, я в полном порядке. У меня около сорока жестянок, а это для

начала вовсе не плохо. Особенно, учитывая то, что с точки зрения закона это пока не полноценное поместье, а просто радиоактивное пятно.

— А как же цвет вашей кожи? — спросил Николас.— Вы выглядите...

— Послушай, ты! — рявкнул Блэр, оттаскивая его от Лантано. А потом негромко, сердито шепнул: — Чего ты добиваешься? Хочешь достать его? Лантано ведь и так знает, что обожжен. Господи, но ведь он постоянно приходит сюда и раздает...

— Все верно, только это не ожоги,— сказал Николас. Этот человек — индеец, сказал он себе. Судя по носу, чистокровный чероки. Интересно, зачем он тогда выдает цвет своей кожи за радиоактивные ожоги? Разве есть закон, препятствующий индейцам становиться... как, бишь, они называются?... Ах да, янсменами? Во всяком случае, они представляют собой часть правящих. Может, как в старые времена, такая роль отводилась только белым — как в прошлые столетия с их расовыми предрассудками?

Лантано сказал:

— Мистер Сент-Джеймс... Ник... Мне очень жаль, что вам сегодня пришлось пережить столь неприятную встречу с моими слугами. Понимаете, эти две жестянки были настроены столь воинственно, поскольку...— Говорил он очень спокойно, как будто все, что успел сказать Николас, ничуть его не задело,— получалось, вопрос с цветом кожи нимало его не волновал, а, следовательно, Блэр заблуждался.— Другие владельцы поместий,— продолжал Лантано,— граничащих с этим, очень хотели бы завладеть моей территорией. Они постоянно посылают своих жестянок со счетчиками Гейгера, чтобы замерить уровень радиации. Надеются, что он все еще слишком высок и скоро прикончит меня. В этом случае участок снова стал бы свободным.— С этими словами он улыбнулся. Мрачно.

— А что, он все еще слишком радиоактивен? — спросил Николас.— Что говорят данные замеров?

— Ничего они не говорят. Поскольку никто из тех, кто пытается их проводить, не выживают. Мои металлические друзья уничтожают их — насколько радиоактивен участок, исключительно мое личное дело. Но, понимаете... это делает жестянок крайне опасными. Попытайтесь понять, Ник, мне пришлось набирать в основном старых, опытных бойцов. Мне просто необходимы были их непреклонность, опыт и способности. Янсмены — думаю, вам знакомо это слово — отдают предпочтение новеньким, с пылу с жару жестянкам, свежесобранным в танках. Но у меня есть серь-

езная проблема: я вынужден защищаться.— Он говорил это едва ли не нараспев, как будто произнося какое-то заклинание, голос был тихим, и Николасу приходилось напрягать слух, чтобы разобрать слова. Такое впечатление, подумал он, будто Лантано становится каким-то нереальным, медленно растворяется в воздухе.

Он снова бросил взгляд на темнокожего человека и опять заметил на его лице характерные признаки возраста, но на этот раз они, сливаясь, складывались в какую-то знакомую картинку. Как будто, старея, Лантано превращался в кого-то... кого-то другого.

— Ник,— мягко спросил Лантано,— так что там насчет моей кожи?

Ответом была тишина, Ник молчал.

— Ну давайте же,— подбодрил его Лантано.

— Вы...— Он внимательно вгляделся в лицо Лантано, и теперь вместо признаков возраста вдруг увидел... молодость. Стройный человек, гораздо моложе, чем он,— лет девятнадцать-двадцать, не больше. Должно быть, это радиация, решил Николас, она пожирает его до самого мозга костей. Иссушает, угнетает, ускоряет разрушение клеток, тканей; да, пожалуй, он болен — Блэр прав.

И тем не менее этот человек выздоравливал. Прямо на глазах. Такое впечатление, как будто он раскачивается из стороны в сторону: то приходит в полный упадок, поддаваясь влиянию радиации, с которой ему приходится сосуществовать по двенадцать часов ежедневно... но потом, когда она, казалось бы, уже готова окончательно расправиться с ним, он вдруг каким-то невероятным усилием ухитряется отпрянуть от края и снова возвращается к норме.

Время свивается и развивается вокруг него, вероломно играя с его метаболизмом. Но так и не может окончательно победить. Не может одолеть его.

— Блаженны,— только и смог ответить Николас словами из Евангелия,— миротворцы.— И замолчал. Больше ему сказать было нечего. Он не мог объяснить собеседникам то, что знает, что его давнее хобби, увлечение североамериканскими индейцами, их историей и культурой позволили ему понять то, что другим экс-«термитам» было недоступно. Их страх перед радиацией, страх, развившийся еще тогда, когда они сидели под землей в своих танках, а теперь лишь еще более сильный, сбивал их с толку, не позволял увидеть то, что для него самого было совершенно очевидно.

И все же он был по-прежнему озадачен, поскольку Лантано явно сознательно позволял им думать о себе именно так: он болен, облучен. И он действительно казался каким-то увечным,

причем не внешне, а скорее внутренне. Поэтому, в сущности, мнение экс-«термитов» было верным.

— Интересно,— спросил Лантано,— почему это миротворцы блаженны?

Николас просто остолбенел. Ведь это были его собственные слова.

Сейчас он уже и сам не представлял, что имел в виду. Евангельская фраза сама всплыла у него в памяти, пока он смотрел на Лантано,— вот и все, что он понимал... примерно так же, как незадолго до этого ему на ум сами собой пришли другие слова насчет презираемых и отверженных. И этот человек был... в глубине души он сознавал, кто был этот человек, даже несмотря на то, что большинство обитателей «Тома Микса» относились к воскресным службам как к чистой формальности. Однако его вера была искренней. Равно как и вера — вернее даже было бы назвать это не верой, а страхом,— в то, что в один прекрасный день им придется узнать, как американским индейцам удалось выжить, поскольку теперь уже им самим вскоре придется овладевать искусством изготовления кремневых орудий и дубления кожи.

— Знаете, Ник,— сказал Лантано,— может, быть, вы заглянете ко мне в гости на виллу? Несколько комнат уже готовы, поэтому я вполне могу жить с относительным комфортом, пока мои шумные железные друзья ворочают и укладывают камни и обломки когда-то бывшие банками, путепроводами и тому подобным.

Николас перебил его:

— А я смогу там остаться на время? У вас, а не здесь?

Немного помолчав, Лантано ответил:

— Ну разумеется. Получите возможность убедиться, что мои жена и дети находятся в полной безопасности от кровожадных жестянок владельцев соседних поместий даже в мое отсутствие. Если хотите, можете даже временно возглавить мои скромные оборонительные силы.— Повернувшись, он дал сигнал своей свите. Жестянки начали выбираться из подвала.

— Да-а,— завистливо протянул Блэр.— Вижу, губа у тебя не дура.

Николас сказал:

— Ты уж извини.— Он совершенно не представлял, почему Лантано так расположен к нему и почему его самого так тянет к этому человеку. Сущая загадка, подумал он. В этом человеке какая-то тайна: один раз посмотришь — он кажется стариком, потом — человеком средних лет, а потом подойдешь поближе — настоящий юнец. Тогда как же жена и дети? Значит, он не может

быть таким уж юнцом. Поскольку Дэвид Лантано, выбираясь из подвала, двигался с проворством человека лет двадцати с небольшим, в полном расцвете юных сил, не свойственных человеку, обремененному грузом ответственности за жену и детей.

Время, подумал Николас. Такое впечатление, будто это сила, которая выдает всем нам билет в один конец на пути к власти — причем власти его собственной, а не нашей,— в его случае разделилась надвое; с одной стороны она движет им, в то же время с другой,— он сам овладевает ею и заставляет служить его собственным целям.

Николас последовал за Лантано и его жестянками прочь из подвала и вскоре оказался под серым хмурым небом.

— У нас здесь очень живописные закаты,— заметил Лантано, остановившись и обернувшись к Николасу.— Это здорово скрашивает унылый цвет дневного неба. Кстати, вам не довелось видеть лос-анджелесский смог?

— Нет, на западном побережье я никогда не бывал,— ответил Николас. А потом подумал: «Но ведь Лос-Анджелес избавился от смога к 1980 году — меня тогда еще и на свете не было».

— Лантано,— вслух спросил он,— а сколько вам лет?

Но идущий впереди него человек ничего не ответил.

Высоко в небе что-то медленно пролетело. С запада на восток.

— Спутник! — восторженно воскликнул Николас.— Бог ты мой! Я их не видел все эти годы.

— Это спутник-шпион,— бросил Лантано.— Фотографирует. А сейчас перешел на более низкую орбиту, чтобы получить снимки почетче. Кстати, интересно, с какой стати? Что здесь может быть интересного? Может, это владельцы соседних поместий? Доминусы, больше всего на свете желающие увидеть мой труп? Слушайте, Ник, а я похож на труп? — С этими словами он остановился.— Нет, правда, Ник, ответьте. Я здесь или я мертв? Как, по-вашему? Может, плоть, в которую я облечен...— тут он смолк, отвернулся и продолжал путь.

Николас, несмотря на усталость после четырехчасового пути до Шайенна от устья туннеля, старался не отставать. Надеюсь, думал он, что идти недалеко.

— Вы, наверное, еще никогда не видели виллу, расположенную в поместье, а? — спросил Лантано.

— Я и поместья-то никогда не видел,— отозвался Николас.

— Тогда мы с вами немножко полетаем, и я покажу вам несколько таких вилл с флаппера,— сказал Лантано. Вам навер-

няка будет интересно — с высоты, скорее всего, покажется, будто это просто парк: ни городов, ни дорог. Очень красиво. Вот только жаль, что животных не осталось. Все вымерли. Навсегда.

Они продолжали идти. Спутник над ними почти ушел за линию горизонта, в серую, похожую на смог дымку, которая, как подумал Николас, будет висеть над головами еще многих поколений.

Глава 23

Внимательно разглядывая снимок сквозь вставленную в правый глаз лупу, Сенцио наконец произнес:

— Двое мужчин. Десяток жестянок. Пробираются среди развалин Шайенна в направлении недостроенной виллы Лантано. Хотите крупный план?

— Да,— неожиданно отозвался Вебстер Фоут. Пожалуй, имело смысл дать команду спутнику корпорации ненадолго перейти на более низкую орбиту, чтобы получить изображение почетче.

Свет в комнате медленно погас. На экране возник участок снимка, укрупненный в тысячу двести раз. Заработал проектор, и двенадцать фигур пришли в движение.

— Это тот же самый человек,— заметил Сенцио,— которого мы видели вместе с двумя уничтоженными жестянками. Но тут с ним не Лантано. Лантано — молодой человек лет примерно двадцати. А этот человек на экране явно средних лет. Сейчас я принесу вам его досье.— С этими словами он исчез. Оставшийся в одиночестве Вебстер Фоут продолжал наблюдать за разворачивающимися на экране событиями: двенадцать пробирающихся через развалины фигур, экс-«термит», явно выбивающийся из сил, его спутник — явно Дэвид Лантано. И все же — как верно заметил Сенцио — человек на экране был явно средних лет. Странно, сказал себе Вебстер Фоут. Должно быть, это следствие воздействия радиации. Она убивает его, и в данном случае скорая гибель приняла такую странную форму: преждевременное старение. Да, лучше бы Лантано, пока не поздно, убираться оттуда подобру-поздорову.

— Вот, смотрите! — сказал Сенцио, вернувшийся с личным делом Лантано. Он включил свет и остановил проектор.— Родился в 2002 году; следовательно, ему сейчас двадцать три. Тогда непонятно, как человек на экране...— Он снова выключил свет.— Нет, определенно, это не Дэвид Лантано.

— Возможно, его отец?

— Судя по личному делу, его отец умер еще до войны.— Сенцио при свете настольной лампы внимательно изучал сведения о янсмене Дэвиде Лантано, которые удалось собрать корпорации.— Как ни странно, Лантано — бывший «термит». В один прекрасный день ему невесть как удалось выбраться на поверхность из-под развалин Сан-Франциско, после чего он попросил убежища в одном из жилкомпов Рансибла. После чего его, как и положено, сначала отправили в Берлинский военно-психиатрический институт. Миссис Морген нашла, что он необыкновенно даровит, и порекомендовала взять его в Агентство на испытательный срок. Начал карьеру с составления речей и занимается этим по сей день. Причем особо отмечается, что речи у него выходят просто блестящие.

— На экране — он,— перебил помощника Вебстер Фоут.— Просто его убивает радиация. Следовательно, по собственной жадности и желанию во что бы то ни стало заполучить поместье, он вскоре расстанется с жизнью, Агентство лишится блестящего спичрайтера, а сам он — жизни.

— А ведь у него жена и двое детей, из чего вытекает, что он не стерилен. Следовательно, из-под руин Сан-Франциско он выбрался не один, а со всей своей маленькой семьей. Очень трогательно!

— Скорее всего, они погибнут вместе с ним. Причем еще до конца нынешнего года. Включи-ка проектор, мой мальчик.

Сенцио послушно снова запустил проектор. Измученный «термит» по-прежнему тащился позади. На какие-то несколько мгновений он и Лантано скрылись из виду в развалинах полуразрушенного огромного здания; потом снова появились. Теперь вереница жестянок тянулась за ними.

И тут Вебстер Фоут подался вперед и воскликнул:

— Боже мой! Скорее, стоп-кадр!

Сенцио снова остановил проектор; фигуры замерли на месте.

— А ты не мог бы увеличить только одного Лантано? — спросил Фоут.

Опытными движениями Сенцио пробежался пальцами по клавиатуре, подстраивая увеличение и резкость. Фигура на экране, движущаяся первой,— фигура темнокожего человека — стала увеличиваться, пока не заняла весь экран. Теперь стало окончательно ясно, что это молодой, энергичный человек.

Сенцио и Вебстер Фоут пялились на нее в недоуменном, растерянном молчании.

— Что ж, мальчик мой,— через некоторое время сказал Фоут.— Похоже, это полностью опровергает мою теорию радиационного облучения.

— Так он должен выглядеть сейчас. Так он и выглядит. Это соответствует его биологическому возрасту.

Фоут заметил:

— В хранилище новейших видов военных разработок нью-йоркского Агентства имеется устройство, называемое машиной времени, с которой экспериментировали с целью отправить некие объекты в прошлое. Доступ к этому устройству имеет только Броуз. Но увиденное нами сейчас свидетельствует о том, что Лантано также, возможно, получил доступ либо к самому этому устройству, либо к его копии, созданной специалистами Агентства. Думаю, если это возможно, нам не помешает установить постоянное видеослежение за этим самым мистером Лантано. Кстати, а может, удастся оснастить видеокамерой одну из жестянок из свиты Лантано? Понимаю, это рискованно, но, с другой стороны, если он ее и обнаружит, то останется только жестянка с выдернутой видеокамерой. Никто не сможет ничего доказать. А ведь нам всего-то и нужна какая-нибудь дюжина фотоснимков. Буквально горстка... и все.

Пленка тем временем дошла до конца, проектор теперь просто жужжал, а изображение на экране застыло. Сенцио снова включил свет. Мужчины встрепенулись, потянулись, раздумывая об увиденном.

— А какие именно дополнительные снимки вам могли бы понадобиться? — поинтересовался Сенцио.

— Его фотографии в том возрасте, в который он приходит в результате темпоральных колебаний,— ответил Фоут.

— Скорее всего, мы их видели. Уже.

— А может, и нет. Кстати, а знаешь? — неожиданно спросил Фоут, которого вновь осенило его предвидение; он и так-то был не в состоянии с ним бороться, а сейчас оно просто обрушилось на него с невиданной доселе силой.— Этот человек не белый; он то ли негр, то ли индеец, то ли еще кто-то в этом роде.

— Но ведь в мире больше не осталось индейцев,— возразил Сенцио.— Вспомните статью, которая появилась накануне войны. Почти все они стали участниками программы переселения малых народностей на Марс и все до единого погибли в первый же год войны — пока военные действия велись лишь на поверхности Марса. А уж те, что остались на Земле...

— Во всяком случае, этот все еще здесь,— перебил его Фоут.— И точка. Нам ни к чему двадцать индейцев, нам нужен всего-навсего один... которого не заметили.

Один из техников осторожно постучал в дверь.

— Мистер Фоут, позвольте доложить. Есть сообщение по поводу того переносного телевизора. Который вы велели разобрать до винтика.

Фоут ответил:

— То есть вы вскрыли его, и оказалось, что это всего-навсего стандартная модель довоенного цветного телевизора с...

— Нет, сэр, мы не можем его вскрыть.

— И даже рексероидные сверла не смогли помочь?

Рексероид, минерал, добываемый на Юпитере, в принципе справлялся с любым другим материалом. Поэтому Фоут всегда держал в одной из своих лондонских лабораторий по меньшей мере одно рексероидное сверло. Как раз на подобный случай.

— В том-то и дело, сэр. Все дело в самом рексероиде. Сверло углубляется на четверть дюйма... а потом... потом материал телевизора попросту съедает кончик сверла, и дальше оно ни на что не годится. Короче говоря, мы лишились одного рексероидного сверла. Мы заказали еще несколько, но их пришлют аж с самой Луны — только там остались доступные запасы. Ни у кого из янсменов их нет, даже у самого Эйзенблата в Москве. А если и есть, то они не желают в этом признаваться. Сами же знаете, как ревностно относятся янсмены к своим запасам. Да они просто боятся, что если одолжат его вам, то...

— Ладно,— отозвался Фоут.— Не надо лирики.— Продолжайте попытки. И учтите — я своими глазами видел эту штуку. Это никакой не сплав, это пластик.

— Значит, это пластик, с которым нам еще никогда не доводилось встречаться.

— Это одно из самых совершенных видов вооружения,— сказал Фоут.— Причем, несомненно, из секретных хранилищ Агентства. Хотя, похоже, кто-то его уже откопал. В любом случае это устройство было создано в самом конце войны и никогда прежде не использовалось. Послушайте, неужели вы хотите сказать, что не заметили, что эта штучка — немецкого производства? Это же явно «Гештальтмахер», и к гадалке ходить не надо.— Он постучал себя пальцем по лбу.— По крайней мере, так мне подсказывает моя лишняя шишка на лобной доле мозга. Хотя все это совершенно бездоказательно. Но сначала вскройте ее, а потом убедитесь в моей правоте. Сами увидите все кровеносные сосуды, волоски, мозговые волны, следы, отпечатки пальцев.

«И, кроме того,— вспомнил он,— еще и след от укола гомеостатичной и гомотропной иглы с цианистым калием. А также — самое главное...»

— Вы наверняка пытались подвергнуть ее нагреву? — спросил он.

— Да, но не слишком сильному. Нагревали до двухсот сорока градусов. Просто боялись, что если...

— Нагревайте до трехсот пятидесяти. И в случае каких-либо непредвиденных реакций немедленно сообщайте мне.

— Есть, сэр! — С этими словами техник удалился.

Фоут сказал Сенцио:

— Им ни за что его не вскрыть. Это никакой не рексероид, это термопластик. Но только не обычный термопластик, а очень умный немецкий, который размягчается, стоит температуре понизиться на долю градуса. В противном случае он даже крепче рексероида. Ему требуется совершенно определенная температура; внутри обычно помещается нагревательный контур, который, в случае необходимости изменить внешний вид изделия, начинает нагреваться. Если, конечно, процесс затягивается.

— А если его перегреть,— заметил Сенцио,— то внутри не останется ничего, кроме пепла.

Это было справедливо. Немцы подумали даже об этом: машина была устроена так, что, будучи подвержена необычным нагрузкам — таким, как нагрев, сверление, попытки проникнуть внутрь любым способом,— включала систему самоуничтожения. Причем механизм даже не взрывался — он просто выгорал изнутри. Так, чтобы попытки проникнуть внутрь продолжались бы — проникнуть в корпус, где практически ничего уже не оставалось.

Да, подумал Фоут, эти последние военные машины были просто чертовски умны. Особенно для нас, простых смертных. Страшно даже представить, какие еще средства уничтожения разработали бы ученые головы, продлись война еще год. Если бы не были уничтожены автофабы, все расположенные на поверхности научные центры и лаборатории... вроде того одного-единственного центра, где производили артифорги.

Включился интерком, и мисс Грей сказала:

— С вами хотел бы переговорить янсмен Дэвид Лантано. Соединить вас с ним?

Фоут бросил взгляд на Сенцио.

— Наверняка видел, как спутник спускается пониже, и понял, что мы дополнительно снимали его. Наверняка будет спрашивать, с какой целью.— Он начал поспешно прикидывать, какую бы можно было назвать причину. Может, бывший «термит»? Неплохо, повод достаточно веский, поскольку по закону Лантано обязан был передавать берлинским психиатрам любого «термита», который

выходил на поверхность на территории его домена. После этого он сказал в интерком: — Давайте Лантано, мисс Грей.

На большом экране видфона появилось лицо Дэвида Лантано, и Вебстер Фоут с удивлением понял, что сейчас человек пребывает в моложавой фазе своих возрастных осцилляций. Во всяком случае, сейчас перед ним был человек, внешностью вполне соответствующий своим двадцати трем годам.

— К сожалению, раньше не имел удовольствия познакомиться с вами лично,— вежливо начал Фоут (подобная вежливость вообще была свойственна почти всем янсменам).— Однако доводилось видеть составленные вами речи. Они великолепны.

Лантано сказал:

— Нам нужен артифорг. Поджелудочная железа.

— Господи боже мой!

— Вы могли бы найти одну. Постарайтесь. Мы щедро заплатим.

— Но их попросту нет! — воскликнул Фоут, а про себя подумал: «Интересно, зачем? Кому она так срочно потребовалась? Может, тебе самому? Или, может, за ней выбрался на поверхность твой приятель-«термит»? Да, скорее последнее, и ты пытаешься оказать ему услугу — во всяком случае, делаешь вид, будто пытаешься».

— Полностью исключено, мистер Лантано,— продолжил он. И тут ему в голову пришла еще одна мысль.— Позвольте мне посетить вашу виллу,— продолжал он,— пусть даже и совсем ненадолго. У меня имеются кое-какие карты, оперативные карты времен войны, на которых обозначены районы, которые впоследствии никто как следует не изучал, но в которых потенциально могут находиться склады с артифоргами. В основном это госпитали ВВС в отдаленных уголках страны — на Аляске, в Северной Канаде. В принципе эта цепочка может тянуться и до Восточного побережья. Так что мы могли бы обсудить все это с глазу на глаз...

— Отлично,— согласился Лантано.— Вас устроит сегодня в девять вечера у меня на вилле? Девять по моему часовому поясу. У вас это будет...

— Поверьте, сэр, время считать я умею,— ответил Фоут.— Значит, договорились. И уверен, что при ваших выдающихся способностях вы сможете с толком воспользоваться этими картами. А потом отправить в выбранные места собственных жестянок, или моя корпорация может...

— Ладно, итак, в девять по моему времени,— повторил Лантано и отключился.

— Зачем? — через несколько мгновений спросил Сенцио.

Фоут ответил:

— Конечно же, чтобы установить видеокамеру.

— А, ну да, разумеется! — покраснел Сенцио.

— Давай-ка еще раз прокрутим ту ленту,— задумчиво ска-зал Фоут.— Ту, где Лантано в среднем возрасте. И останови на том моменте, где он выглядит старше всего. Я только сейчас, во время разговора с ним, заметил в его внешности одну вещь...

Снова заряжая проектор, увеличительное оборудование, Сенцио спросил:

— И что же это?

— Мне показалось,— сказал Фоут,— будто Лантано, начиная стареть, становится очень на кого-то похожим. Не могу вспомнить, на кого именно, но на кого-то хорошо мне знакомого.— И, глядя на молодого Лантано на экране видфона, он снова испытал это же чувство, своего рода «дежа вю».

Мгновение спустя в затемненной комнате он смотрел на изображение Лантано в среднем возрасте, но только снятого сверху. Угол съемки был неудачным и всегда будет неудачным, поскольку камеры на спутнике всегда были ориентированы сверху вниз. Но в данном случае — и это было заметно,— когда спутник пролетал у них над головами, и Лантано, и экс-«термит» подняли головы и взглянули вверх.

— А я знаю, кто это,— неожиданно нарушил тишину Сенцио.— Тэлбот Янси.

— Да, только кожа у него темная,— возразил Фоут.— У того, кто на снимке.

— Но ведь существуют разные отбеливатели, всякие там военные, кожные...

— Нет, Янси значительно старше. Если бы у нас оказался снимок Лантано лет, скажем, в шестьдесят пять, а не в пятьдесят, то можно было бы сказать что-нибудь более определенное. «А когда я окажусь на его вилле,— уверенно подумал Фоут,— мы установим оборудование, которое позволит нам такой снимок сделать. И произойдет это сегодня же вечером, всего через несколько часов...»

Кто же он такой, этот Лантано? — спросил он себя. Но ответа не было. По крайней мере, пока.

Но за долгие годы он научился быть терпеливым. Ведь он был профессионалом; на недостроенной вилле Лантано он установит камеру, которая рано или поздно позволит ему узнать побольше, и наконец, в один прекрасный день — хотелось бы надеяться, что

это случится не слишком поздно,— появится один ключевой неизвестный факт, все известные факты наконец увяжутся в единое целое: смерть Дэвидсон, Хига и Линдблома, уничтожение двух жестянок, странное старение-омоложение Лантано и еще тот странный факт, что с возрастом он все больше и больше начинает напоминать куклу из металла и пластика, привинченную к деревянному столу там, в Агентстве в Нью-Йорке... о, подумал Фоут, а ведь это тогда объяснит ту странную часть ленты, на которой был заснят источник разрушительного луча, прикончившего жестянок. Это был некто, как нам показалось, *напоминающий* Тэлбота Янси.

Это был Дэвид Лантано в самом своем пожилом возрасте; *это мы тоже понимаем.*

Итак, ключевой факт найден.

«Да, Броуз,— подумал он,— ты совершил колоссальный промах. Ты потерял монополию на содержимое военных архивов и хранилищ оружия. Кто-то заполучил в свое распоряжение машину времени и теперь использует ее, чтобы уничтожить тебя. Но как ему удалось ее заполучить? Впрочем, это особого значения не имеет. Важно то, что она у него есть. В этом все дело».

— Готлиб Фишер,— заметил он вслух.— Идея Янси исходила от него; таким образом, истоки кризиса фактически лежат в прошлом. А тот, кто располагает возможностью путешествовать во времени, обладает и доступом к прошлому, вдруг сообразил он. Значит, существует нечто общее, какая-то связь между Дэвидом Лантано, кем бы он ни был, и Готлибом Фишером, году в 1982-м или 84-м — во всяком случае, незадолго до гибели Фишера, но никак не после нее... Возможно, незадолго до того, как Фишер начал работать над своим «принципом Янси»,— его вариации на тему «принципа фюрера», его новое решение проблемы того, кто будет вести за собой людей в дальнейшем, поскольку если люди слишком слепы, чтобы управлять собой самостоятельно, как можно доверить им управлять другими людьми? Как знает любой немец, ответом стал «фюрер», а ведь Готлиб Фишер и сам был немцем. Затем, как всем нам отлично известно, Броуз украл идею у Фишера и воплотил ее в реальность; две куклы — одна в Москве, другая — в Нью-Йорке,— закрепленные за дубовыми письменными столами, программируемые компьютером, который в свою очередь питается речами, написанными хорошо обученными представителями элиты... Все это можно совершенно законно поставить в заслугу Стэнтону Броузу, но вот что нам в голову никогда не приходило, так это то, что сам Готлиб Фишер где-то украл идею, оригинальную изначальную идею, украл ее у кого-то.

Где-то в районе 1982 года немецкий режиссер *воочию видел Тэлбота Янси.* И мысль о новом фюрере вовсе не родилась благодаря его прозорливости, художественной гениальности, а явилась результатом самой обычной встречи. А с кем мог в основном встречаться Готлиб Фишер в 1982-м? С актерами. С сотнями актеров, которых отбирали для съемок двух его эпохальных документальных фальшивок,— причем особенно ценились актеры, обладавшие портретным сходством с крупнейшими политическими деятелями, мировыми лидерами, и способные сыграть их. Иными словами, актеры, обладавшие собственной *харизмой*, этим поистине волшебным свойством характера.

Он медленно и задумчиво сказал Сенцио, потиря нижнюю губу:

— Знаешь, я думаю, что если как следует прочесать версии «А» и «Б» — эти творения гения фальшивки Готлиба Фишера, в одной из сфальсифицированных сцен мы рано или поздно наткнемся на Тэлбота Янси. Загримированного под кого-то из персонажей...

«Возможно, под Сталина,— решил он.— Или под Рузвельта. Впрочем, это мог быть кто угодно. Чего не было в этих двух документальных фильмах, так это перечней фамилий исполнителей: кто кого из лидеров играл. Этот перечень нам просто необходим, но его не существует и не существовало никогда. Его *тщательнейшим образом* не составляли».

Сенцио заметил:

— Кстати, ведь у нас есть собственные копии фильмов.

— Вот и отлично. Займись ими и отбери все инсценировки. Отдели их от подлинной хроники...

Сенцио истерически расхохотался.

— Боже милостивый, спаси нас! — Он закрыл глаза и потряс головой.— Да разве такое под силу одному человеку?

Да, довод резонный, подумал Фоут.

— Ладно,— наконец решил он.— Тогда просто начни просматривать их. И смотри до тех пор, пока на экране не мелькнет Протектор. Это будет один из великих харизматических лидеров, например, кто-то из «Большой тройки». Он точно не будет Муссолини или Чемберленом, так что их можешь пропустить.

«Господи,— вдруг пришло ему в голову,— а вдруг это окажется Гитлер, который прилетает на „Боинге-707" в Вашингтон для секретных переговоров с Рузвельтом? Неужели именно такое сегодня правит миллионами „термитов" — актер, который показался Готлибу Фишеру особенно подходящим на роль Адольфа Гитлера?»

Впрочем, это могла быть и роль второго плана. Например, какого-нибудь генерала. А то и простого пехотинца в своем окопчике.

— Это займет у меня несколько недель. А разве они у нас есть? Если людей продолжают убивать...

— Джозеф Адамс в безопасности,— сказал Фоут.— А Броуз... Плохо, если его прикончат, это будет значить, что его тайный враг станет более могущественным.— Его тайный враг, который совершенно явно и очевидно был Дэвидом Лантано. Но это возвращало к первоначальному вопросу: кто или что такое этот самый Дэвид Лантано?

Как бы то ни было, частичный ответ у него уже был — по крайней мер, пока. Конечно, все следовало тщательно проверить. Дэвид Лантано в период максимального старения был нанят — или, во всяком случае, прошел собеседование с Готлибом Фишером — на роль в одной из двух его документальных фальшивок 1982 года. Вот такая у Фоута сложилась гипотеза. А теперь ее нужно было проверить.

Следующий этап обещал быть очень трудным — этап, следующий за положительной идентификацией Янси, то есть Дэвида Лантано, в одной или обеих версиях фильма 1982 года.

Следующим этапом, и это вполне соответствовало талантам Вебстера Фоута, будет тихое и незаметное проникновение с помощью специализированного оборудования на недостроенную виллу Дэвида Лантано в то время, когда тот будет в Агентстве в Нью-Йорке. И хотя бы ненадолго завладеть машиной времени, которой пользовался Лантано.

Фоут знал — это будет нелегко. Но для выполнения подобной работы у нас есть все необходимые приборы и оборудование. Мы занимаемся этим с 2014 года. Причем на сей раз это будет работа не для какого-то там клиента, а для нас самих.

Поскольку, вдруг осознал он, в данном случае на карту поставлены наши собственные жизни, доказательство тому уже есть, это колоссальный банк, который кто-то готов сорвать, не останавливаясь ни перед чем.

— А потом мы обратимся в Прим-Совет с иском против Броуза.

— На каком основании?

— А на том основании,— негромко пояснил Фоут,— что единственным законно выбранным мировым лидером, как известно любому «термиту», является Протектор — Тэлбот Янси, что на протяжении пятнадцати долгих лет подряд подтверждало и правительство Эстес-Парка. И такой человек существует на самом деле. Следовательно — *Броуз не обладает никакой законной властью.* Поскольку законная власть, подумал он, целиком и полностью

принадлежит Янси, и это полностью признают как в Нар-Деме, так и в Зап-Деме.

И, кажется, Янси пытается добиться реального признания этой власти, решил Фоут. Наконец-то.

Глава 24

Маленький темнокожий мальчик застенчиво пролепетал:

— Меня зовут Тимми.

Стоящая рядом с ним младшая сестренка улыбнулась и прошептала:

— А меня — Дора.

Николас сказал:

— Привет, Тимми и Дора.— Повернувшись к стоящей чуть поодаль миссис Лантано, он заметил: — У вас просто чудесные ребятишки.— И только сейчас, заговорив с женой Лантано, вдруг вспомнил о собственной жене, Рите, все еще запертой там, внизу, как и множество других людей, по-прежнему обреченных оставаться в подземных убежищах. Причем, скорее всего, навечно, поскольку даже доброжелательно расположенные к ним живущие на поверхности люди, вроде Дэвида Лантано и, если он правильно понял, строителя жилкомпов Луиса Рансибла, даже у этих людей не было планов, не было надежд, не было ни малейшего представления, что предложить «термитам». Кроме — как в случае Рансибла — чистеньких приятных тюрем над землей вместо мрачных и куда более тесных тюрем под ней. А Лантано...

Ведь его жестянки точно убили бы меня, вдруг понял Николас. Если бы на сцене не появился Тэлбот Янси, да еще с эффективным оружием.

Он спросил Лантано:

— Как они могут говорить, будто Янси не настоящий? И Блэр так говорит, да и все тоже. Вот и вы утверждаете то же самое.

Лантано как-то загадочно ответил:

— Любой правитель, который когда-либо пребывал у власти...

— Нет, тут другое,— сказал Николас.— И думаю, вы знаете, в чем дело. Это не проблема противопоставления человека его публичному имиджу. Насколько мне известно, в истории вообще такой ситуации еще не возникало. Самой возможности того, что такого человека не существует вовсе. И, все же я видел его собственными глазами. Он спас мне жизнь.

«Я выбрался на поверхность,— сообразил он,— чтобы узнать две вещи: что Тэлбота Янси не существует, как мы всегда считали,

и что он существует на самом деле, что он достаточно реален, чтобы уничтожить двух свирепых ветеранов-профессионалов, которые в отсутствие удерживающего их в узде хозяина тут же берутся за старое, готовые убивать даже без серьезных на то причин. Ведь убийство человека для них совершенно естественный акт — просто часть их ремесла. Причем, возможно, основная его часть».

— В качестве одной из составляющих своего образа,— продолжал Лантано,— любой мировой лидер неким вымышленным аспектом. Особенно это характерно для последнего столетия. Ну и, разумеется, для Древнего Рима. Каким, например, на самом деле был Нерон? Мы этого не знаем. И *они* сами тоже не знали. То же самое можно сказать и о Клавдии. Кем был Клавдий: идиотом или великим, даже святым человеком? А пророки, религиозные...

— Да, тут вам никто не ответит,— кивнул Николас. Ответ был очевиден.

Сидящая с детьми на длинной металлической скамейке с мягким покрытием Изабелла Лантано сказала:

— Вы совершенно правы, мистер Сент-Джеймс, ему никто не ответит. Но сам он знает, только тоже никому не скажет.— Взгляд ее больших, блестящих глаз был устремлен на супруга. Они с Дэвидом Лантано молча обменялись многозначительными взглядами. Николас, не приглашенный к этому безмолвному разговору, поднялся и бесцельно прошелся по гостиной с высокими потолками, чувствуя себя совершенно беспомощным.

— Налейте себе выпить,— предложил Лантано.— Лучше текилы. Мы привезли из Мехико-Сити очень недурной запас.— И добавил: — Я там как раз выступал перед Прим-Советом, и, к собственному удовлетворению, понял, насколько им все, в сущности, безразлично.

— А что это за совет такой? — спросил Николас.

— Самый настоящий верховный суд этого нашего единственного мира.

— И что же вам от них было нужно? — спросил Николас.— Решение какого-нибудь вопроса, да?

После довольно продолжительного молчания Лантано лаконично ответил:

— Да, скорее, ответа на один чисто академический вопрос. Каков точный легальный статус Протектора. По сравнению с Агентством. По сравнению с генералом Хольтом и маршалом Харензанным. По сравнению...— он замолчал: в гостиную вошла одна из его «жестяных дев» и приблизилась к нему.— ...По сравнению со Стэнтоном Броузом,— закончил он.— В чем дело? — обратился он к жестянке.

— Доминус, на границе охраняемого периметра появился янсмен,— почтительно начала «жестяная дева».— Со свитой из тридцати жестянок. Он очень возбужден и хотел бы встретиться с вами лично. Кроме того, его сопровождает группа людей, так называемых коммандос Фоута, которые выполняют роль его личной охраны, защищающей от любых опасностей — реальных или мнимых. Как он утверждает, по приказу из Женевы. Похоже, он очень напуган и велел передать вам, что его лучший друг мертв, а сам он — «следующий». Таковы были его точные слова, они хранятся у меня в записи, мистер Лантано. «Если только Лантано» — в своем возбуждении этот человек даже забыл о самой обычной форме вежливости. «Если Лантано мне не поможет, я — следующий». Пропускать его или нет?

Обратившись к Николасу, Лантано сказал:

— Скорее всего, это янсмен из Северной Калифорнии по имени Джозеф Адамс. Большой ценитель некоторых аспектов моей работы.— Подумав несколько мгновений, он сказал жестянке: — Пригласи его в дом. Но имей в виду, на девять у меня назначена встреча.— Он взглянул на часы.— Почти девять, поэтому дайте ему понять, что долго пробыть у меня он не сможет.— Когда жестянка удалилась, Лантано сказал Николасу: — Кстати, довольно известный человек. Возможно, он покажется вам интересным. Во всяком случае, то, чем он занимается, вызывает в нем внутренний конфликт. Но...— Лантано решительно махнул рукой, вопрос для него был решен.— Он все равно продолжает работать. После всех сомнений и конфликтов. Да, они мучают его, но он все равно продолжает.— Голос у Лантано упал, и снова лицо его с потрясающей неожиданностью вдруг превратилось в лицо пожилого, умудренного жизнью человека, причем это был уже не мужчина средних лет, а настоящий старик. Именно таким видел его Николас, когда Лантано в первый раз появился в подвалах Шайенна, только теперь он стоял совсем рядом с этим человеком. А потом в один момент все исчезло. Как будто увиденное было всего лишь игрой света, а человек ничуть и не менялся. Тем не менее он знал, понимал, что все это происходит на самом деле; а когда он оглянулся на жену Лантано и двух его детей, у него возникло смутное ощущение, что изменения относятся ко всем троим, только у детей это было взросление, переход к зрелости и расцвету сил. Ему показалось, что на какой-то миг, на очень короткое время, они вдруг стали старше. А потом это впечатление тоже пропало.

Но он видел это. Видел этих детей взрослыми людьми, а миссис Лантано седовласой старушкой, изредка клюющей носом в безвременном полусне, в оцепенении, позволяющем сохранить жалкие остатки уходящих прежних сил.

— А вот и они! — сказала Изабелла Лантано.

В гостиную с громким звяканьем ввалилась группа жестянок и остановилась. Откуда-то из-за их спин выскользнули четверо, которые быстро внимательно и профессионально осмотрели помещение. А уже потом между ними в гостиную протиснулся одинокий перепуганный человек. Это, должно быть, и есть Джозеф Адамс, сообразил Николас. Человека буквально колотило от тревоги за собственную жизнь, которая сделала его жертвой какой-то вездесущей, всепроникающей неизлечимой болезни.

— Благодарю вас,— поспешно обратился Адамс к Лантано.— Надолго я вас не задержу. Я был другом Верна Линдблома, мы вместе работали. Его смерть... поверьте, обычно я о себе так не беспокоюсь.— Он указал сначала на группу жестянок, потом — на отряженных на его защиту людей-коммандос — свое двойное прикрытие.— Это все следствие шока, вызванного его смертью. Да и вообще, жизнь — штука очень и очень одинокая.— Все еще дрожа, он уселся у камина неподалеку от Лантано, с какой-то отрешенностью обвел взглядом сначала Изабеллу с детьми, потом перевел взгляд на Николаса.— Я летал в его домен в Пенсильвании; его жестянки меня хорошо знают, потому что мы частенько вечерами играли с ним в шахматы. Вот они меня и впустили.

— И что же вы там обнаружили? — неожиданно резко спросил Лантано. Николаса поразила прозвучавшая в его голосе враждебность.

Адамс ответил:

— Старшая жестянка типа «VI» ознакомила меня с записью мозговых колебаний, сделанной встроенным в стену прибором. Совершенно четкая запись альфа-волн убийцы. Я прихватил ее с собой и пропустил через «Мегавак-6В». В нем хранятся записи альфа-волн всех янсменов.— Тут его голос задрожал и мелко затряслись руки.

— И,— спросил Лантано,— чье же имя он выдал?

После недолгого молчания Адамс ответил:

— Стэнтона Броуза. Отсюда следует предположить, что убил его Стэнтон Броуз. Убил моего лучшего друга.

— Таким образом,— сказал Лантано,— получается, что вы не только лишились лучшего друга, но и приобрели врага.

— Да, думаю, Броуз следующим убьет меня. Как убил Арлин Дэвидсон, потом Хига, а потом Верна. Если бы не эти фоутмены...— он указал рукой на четверку коммандос.— Без них бы я уже давно был бы мертв.

Лантано задумчиво кивнул и заметил:

— Весьма вероятно.

Причем сказано это было так, будто он знал наверняка.

— Вот я и пришел к вам,— сказал Адамс,— попросить вашей помощи. Судя по тому, что мне о вас известно, никто не обладает такими способностями, как вы. Вы просто необходимы Броузу — без притока в Агентство таких блестящих молодых янсменов, как вы, мы в конце концов непременно допустим ошибку. Броуз и сам день ото дня впадает во все больший маразм; рано или поздно он пропустит ленту с какой-нибудь серьезнейшей ошибкой. Ну вроде тех, что содержатся в фильмах Фишера,— что-нибудь вроде «Боинга» или говорящего по-английски Сталина — короче, сами знаете.

— Да,— ответил Лантано.— Знаю. Правда, есть и другие, просто их мало кто замечал. Обе версии содержат мелкие второстепенные ошибки.— Итак, по-вашему, я необходим Броузу. И что с того? — Он вопросительно взглянул на Адамса.

— Скажите ему,— отрывисто едва ли не каркнул Адамс, как будто у него перехватило дыхание,— что если меня убьют, то вы уйдете из Агентства.

— А с чего бы мне делать это?

— А с того,— отозвался Адамс,— что в один прекрасный день жертвой станете вы. Если Броузу все это сойдет с рук.

— А как по-вашему, почему Броуз убил вашего друга Линдблома?

— Должно быть, он решил, что этот спецпроект...— Адамс смолк, борясь с собой.

— Но вы все делали свое дело,— сказал Лантано.— И по мере того, как каждый из вас заканчивал работу, от него тут же избавлялись. Арлин Дэвидсон — как только были закончены рисунки, причем не просто рисунки — исключительно реалистичные изображения, проработанные до мельчайших деталей. Хиг — как только обнаружил артефакты на стройплощадке в Юте. Линдблом — как только закончил изготовление самих артефактов и они были отправлены в прошлое. Вы — в тот момент, когда будут закончены ваши три статьи для «Мира природы». Кстати, вы закончили их? — Он пристально взглянул на собеседника.

— Да,— кивнул Адамс.— И как раз сегодня я передал их в Агентство. Для обработки. Их должны напечатать в поддельных номерах журнала, выпущенных задним числом, ну и так далее. Похоже, вы и сами знаете не хуже меня. Но...— Теперь уже он наградил Лантано подозрительным взглядом.— Ведь Хиг погиб преждевременно. Он не обратил внимания Рансибла на находки,

хотя камера была включена. У Броуза есть и другие тайные агенты, и они сообщили... и из отснятого камерой ясно, что Рансибл ничего не знает. Он, вне всякого сомнения, совершенно ничего не знает о существовании, вернее прежнем существовании артефактов. Таким образом, получается...— голос его стал едва слышен, теперь он едва ли не бубнил себе под нос: — что-то пошло не так.

— Да,— согласился Лантано,— что-то действительно пошло не так, причем в самый критический момент. Вы правы — Хига убили на мгновение раньше, чем нужно. Могу сказать вам и еще одну вещь. Ваш друг Линдблом был убит немецким боевым устройством, называемым «Гештальтмахер»; оно независимо выполняет две совершенно различные задачи: во-первых, практически мгновенно и безболезненно убивает жертву, что по германским представлениям делает этот акт этически приемлемым. А во-вторых, оно оставляет ряд...

— Улик,— перебил его Адамс.— Знаю, мы слышали о таких. Нам известно, что такая машина хранится в арсенале современного оружия, куда, естественно, есть доступ у Броуза. Затем альфа-волна, которую записал прибор в доме Верна...— Он замолчал, сжимая и разжимая кулаки.— Все это были фальшивки, намеренно подсунутые нам «Гештальтмахером» подделки. А остальные улики...

— Да, все без исключения указывали на Броуза. Вебстер Фоут, который прибудет сюда с минуты на минуту, скормил все семь улик московскому компьютеру, но он выдал имя только Броуза. Так же, как «Мегавак» выдал вам его на основании всего одной улики. Но одной — этой одной — оказалось вполне достаточно.

— Но тогда получается,— хрипло заметил Адамс, что Броуз не убивал Верна. Это сделал кто-то другой. Кто-то, кто хотел не только убить Линдблома, но и заставить нас поверить, будто это дело рук Броуза.— Его лицо было искажено от непосильного умственного напряжения, и Николас, наблюдая за ним, понял, что мир этого человека рухнул; в один момент несчастный лишился интеллектуальных и прочих ориентиров; психологически он сейчас плавал, затерянный среди свинцово-серого пустынного моря.

Однако похоже было, что Лантано не сильно трогали отчаяние и полная растерянность Адамса. Он резко сказал:

— Но «Гештальтмахеру» не удалось уйти с места преступления, поскольку его лишили такой возможности бдительные жестянки Линдблома. Человек, отправивший машину на задание и снаряжавший ее фальшивыми уликами, знал, что на Линдбломе был сигнализатор. Вот на вас он, например, есть.— Он указал на шею Адамса и подумал: «Разве не все вообще янсмены носят

сигнализаторы?». Николас тоже заметил тоненький золотистый ошейник из какого-то необычного металла.

— Это факт,— не мог не согласиться Адамс. Теперь он с удивлением осознал, что еле может говорить.

— Поэтому Броуз увидел возможность отвести от себя подозрение в том, что именно он готовил машину к убийству. Поскольку все улики явно указывают на него и совершенно очевидно, что все улики, оставленные машиной,— фальшивки, то Фоут, которому по роду деятельности все это должно быть известно, как рассчитывал Броуз, сразу решит, что киллер именно он и что именно этого и добивался убийца, а Броуз невиновен.— Он помолчал.— Однако Броуз не невиновен. Именно он программировал машину. В надежде навести подозрения на себя и тем самым убедить полицию в том, что он невиновен.

Адамс признался:

— Я ничего не понимаю.— Он потряс головой.— Нет, это просто в голове не укладывается, Прошу вас, Лантано, даже и не пытайтесь объяснять еще раз — я все уже слышал. И сами по себе слова вроде бы понятны. Просто все это слишком уж...

— Слишком запутанно,— согласился Лантано.— Машина, которая убивает, а в придачу еще и подбрасывает фальшивые улики, только в данном случае фальшивые улики — подлинные. Поймите, Адамс, в данном случае мы имеем дело с фальсификацией в ее окончательном выражении, так сказать, с высшей стадией в эволюции организации, созданной исключительно с целью фабрикации разного рода лжи. Причем самой что ни на есть убедительной. А вот и Фоут.— Лантано встал и повернулся к двери. Она распахнулась, и в гостиную вошел человек. Николас обратил внимание, что его не сопровождает свита жестянок и толпа детективов для охраны. Под мышкой он держал простую кожаную папку.

— Адамс! — сказал Фоут.— Рад, что до вас еще не добрались.

Лантано довольно хмуро — похоже, он устал — представил присутствующих друг другу, в том числе и Николаса, причем впервые за все время визита до смерти перепуганного янсмена Джозефа Адамса.

— Прошу прощения, Адамс,— сказал Лантано,— но наша встреча с мистером Фоутом строго конфиденциальна. Вам придется покинуть нас.

Адамс поспешно спросил:

— Так вы поможете мне или нет? Он поднялся, но не уходил. И его охрана — как люди, так и жестянки — пребывали в неподвижности, внимательно следя за происходящим.— Мне нужна

помощь, Лантано. Нет такого места, где я мог бы укрыться от него; он все равно достанет меня, поскольку имеет доступ к этому секретному оружию, а ведь Бог знает, что там еще хранится. Тут он с мольбой во взоре взглянул на Николаса, в этот момент ища даже его поддержки.

Николас сказал:

— Вообще-то есть одно место, где он, может, вас и найдет.— Он размышлял над этим уже несколько минут, когда ему стало ясно положение Адамса.

— Где? — спросил Адамс.

— Внизу, в «термитнике».

Адамс уставился на него, но конфликт так подействовал на него, что по выражению лица трудно было понять, какие мысли проносятся у него в голове.

— В моем убежище,— пояснил Николас, сознательно — поскольку в помещении было слишком много народу — не называя убежище.— Я могу восстановить вертикальный туннель. Я все равно собираюсь возвращаться — с артифоргом или без него — так что можете отправиться со мной.

— Ах, да,— сказал Фоут. Артифорг. Так значит, это для вас. Поджелудочная железа.— Он уселся, расстегнул папку.— Для кого-нибудь в вашем «термитнике»? Кто-то из близких, любимая старая тетушка? А вам известно, что артифорги, как, должно быть, уже объяснил вам мистер Лантано...

— Я все равно собираюсь попытаться,— сказал Николас.

Глава 25

Из расстегнутой папки Вебстера Фоута на пол выскользнул рулон документов. Он нагнулся, чтобы подобрать их, в этот момент увидел свой шанс и воспользовался им. Подбирая левой рукой подсадную утку из документов, он молниеносно сунул правую в подушки дивана, на котором сидел. Причем выбрал место неспроста. Передающая видеокамера была способна не только записывать звук и изображение, но и мгновенно транслировать всю информацию Фоуту через ближайшую ретрансляционную подстанцию.

До крайности встревоженный за свою судьбу янсмен Джозеф Адамс сказал Фоуту:

— Вы пропустили все улики через московский компьютер и получили имя Броуза. Значит, по-вашему, Броуз невиновен, поскольку улики поддельные и специально подброшены машиной-

убийцей, а сделал это кто-то, враждебно настроенный по отношению и к Линдблому, и к Броузу.

Уставившись на него и недоумевая, откуда он может это знать, Фоут только и выдавил:

— Хм-м-м.

— Это правда,— хрипло сказал Адамс.— Я знаю, потому что сам прогнал характеристики альфа-волны через «Мегавак» и получил тот же результат. Но Дэвид Лантано...— Он кивнул на темнокожего молодого янсмена,— считает, что Броуз мог запрограммировать машину, зная, что она будет поймана; и вы действительно поймали ее.

— Видите ли,— осторожно начал Фоут,— да, у нас есть некий объект. Но нам пока не удалось проникнуть внутрь, эта штука никак не поддается. Мы предполагаем, что это замаскировавшаяся военная машина немецкого производства, но это и все.— Он пока не видел причин отрицать это на данный момент. Однако поскольку Джозефу Адамсу и Дэвиду Лантано все это уже известно, конечно, придется сообщить Броузу. «Причем как можно скорее,— сообразил Фоут.— Броуз должен узнать об этом именно меня, а не от них. Поэтому мне лучше поскорее убраться отсюда, добраться до флаппера, откуда можно через спутник по видфону связаться с Женевой. Поскольку, если Броуз получит информацию от них, а не от меня, моя репутация серьезно пострадает, а я этого себе позволить не могу».

Он почувствовал, что разозлен и в то же время расстроен.

«Вы хотите сказать,— подумал он,— что меня, как мальчишку, провели на мякине. Или, точнее, даже дважды провели? А преступление было совершено этим переносным телевизором — вернее, так похожей на него машиной,— но достал его действительно Броуз, и настроил так, чтобы подозрение пало на него самого? И подумать только, что мне такое, даже при моих экстрасенсорных способностях, даже и в голову не пришло!»

Это все Лантано, это его идея. Просто гениально. Этот человек опасно, так опасно одарен.

Вживленный в его ухо совершенно невидимый приемопередатчик пропищал:

— Аудио- и видеосигналы проходят совершенно чисто, мистер Фоут. Камера исключительно удачно расположена. С этого момента можем совершенно свободно писать все, что происходит в этом помещении.

Фоут медленно, все еще пребывая в глубокой задумчивости, развернул рулон своих военных карт, на которых было помечено

расположение важнейших военных складов. Карты были совершенно секретными... или, как еще выражались раньше, имели гриф секретности. Предоставлены они ему были генералом Хольтом через Агентство. Для выполнения одной из работ, заказанной Броузом. Оригиналы карт были возвращены, а у него остались ксерокопии. Сейчас он бегло проглядывал их, готовый начать скучную — исключительно для отвода глаз — беседу с Лантано... но тут, без предупреждения, его экстрасенсорные способности буквально обрушились на него, и он впился взглядом в самую верхнюю карту. На ней был изображен район неподалеку от атлантического побережья Северной Каролины. На карте были обозначены три арсенала армии США, подземные склады вооружений, которые давным-давно раскопали жестянки Броуза и извлекли все мало-мальски ценное. Во всяком случае, пометки на карте свидетельствовали именно об этом. Но...

Расположение арсеналов указывало на то, что они предназначались для обеспечения высокомобильных бронетанковых тактических наземных частей, возможно, предназначенных для ведения боевых действий против жестянок, десантированных с гигантских советских транспортных субмарин девяностых. В то время обычной схемой было размещение подобных арсеналов по четыре в каждом стратегическом оборонительном районе. На трех складах, как правило, хранились боеприпасы, горючее и запчасти для тяжелых, покрытых рексероидной броней танков, способных выдержать прямое попадание ракеты класса «земля — земля» с атомной боеголовкой... вот эти-то три и были раскопаны. Но никакого четвертого склада на карте обозначено не было, и тем не менее он обязательно должен был иметься приблизительно милях в пятидесяти позади остальных. Причем на этом складе должны были храниться медицинские припасы — если только таковыми обеспечивался персонал высокомобильных бронетанковых оборонительных соединений, снабжающихся с трех арсеналов, расположенных ближе к побережью.

Он достал ручку и соединил три обозначенных арсенала линиями, затем, взяв со стоящего по соседству с диваном столика книгу, воспользовался краем обложки как линейкой и превратил треугольник в правильный квадрат.

А ведь через пять часов, сообразил Фоут, бригада моих жестянок уже могла бы начать в этом месте раскопки. Они пробили бы шурф и через пятнадцать минут установили бы, есть ли там четвертый склад медикаментов и оборудования для полевых госпиталей. Шансы на успех, прикинул он, примерно сорок процен-

тов. Но... его корпорация в прошлом производила раскопки и при гораздо более скромных шансах на успех.

Некоторые принесли плоды, другие — нет. Но если окажется, что там под землей склад артифоргов, это будет просто бесценной находкой. Ведь даже небольшое их количество — три или четыре... даже такая горстка нарушит монополию Броуза.

— Вот в этом месте,— сказал он Лантано, который как раз подошел и уселся рядом с ним,— я планирую начать раскопки. Сами видите, почему.— Он указал на три уже раскопанных склада, а затем — на вычерченные им линии.— Мой дар предвидения,— продолжал он,— подсказывает мне — ну, знаете, как лозоискатель чувствует воду,— что здесь мы найдем неизвестный до сих пор армейский медицинский склад. И, возможно, там нам повезет. В смысле искусственной поджелудочной.

Джозеф Адамс сказал:

— Думаю, мне пора.— Очевидно, несчастный окончательно сдался. Он сделал знак своим сопровождающим. Жестяные девы и четверо фоутменов окружили его и тесной группой двинулись к выходу, являя собой картину полного поражения.

— Подождите! — окликнул его Лантано.

Адамс остановился в дверях и обернулся. Его несчастное лицо все еще было искажено горем и страданием, потерянностью и горем от смерти друга, непониманием того, что делать дальше, и неуверенностью в том, кто виновник всех его несчастий,— все эти чувства слились в одну жалкую гримасу.

— Вы готовы убить Стэнтона Броуза? — спросил Лантано.

Растерянно уставясь на него, Адамс выдавил:

— Я...— На лице у него отразился слепой ужас. Воцарилась тишина.

— Вам все равно не скрыться от него, Адамс. Думаю, даже убежище вас не спасет. Потому что там вас поджидают броузовские пол-комы. Допустим, вы спуститесь в «термитник» вместе с Ником. Их пол-кому, который работает на Броуза, скорее всего, отлично известно истинное положение вещей здесь, наверху...— Лантано замолчал. Дальше объяснять просто не имело смысла.— Так что решать вам, Адамс,— наконец продолжал Лантано.— А мотив можете придумать для себя какой угодно. Например, месть за гибель Линдблома, опасения за собственную жизнь... да хоть за все остальное человечество, наконец. Выбирайте. Если пожелаете, можете воспользоваться всеми тремя мотивами. Но у вас есть возможность увидеться с Броузом. Возможно, вызвать его на встречу. Хотя, в принципе, шансы на это чрезвычайно малы. Тем не менее они есть.

Сами взгляните на свое положение, оцените собственный страх. А дальше ведь будет только хуже, Адамс, предупреждаю, и, думаю, присутствующий здесь мистер Фоут меня поддержит.

— Я... я не знаю,— наконец пробормотал Адамс.

— С моральной точки зрения,— заметил Лантано,— это было бы правильно. Я в этом нисколько не сомневаюсь. И мистер Фоут это знает. И наш новый знакомый Ник тоже — с недавних пор. И вы сами знаете это, Адамс. Не так ли? — Он ждал; Адамс не отвечал. Тогда Лантано сказал, обращаясь к Фоуту: — Ну конечно, знает. Он один из немногих янсменов, которые понимают это. Особенно теперь, после смерти Линдблома.

— А чем же я его убью? — наконец спросил Адамс.

Лантано произнес, внимательно разглядывая военную карту Фоута:

— Оружие я вам дам. Предоставьте это мне. Думаю, это то самое место.— Он ткнул пальцем в точку, помеченную на карте Фоутом.— Можете начинать копать. Я оплачу расходы.— После этого он снова повернулся к Адамсу, который по-прежнему стоял в дверях в окружении жестянок и фоутменов.— Броуза нужно убить. Это только вопрос времени. И исполнителя. И вида оружия.— Он обратился к Фоуту: — А вы какое бы оружие порекомендовали? Адамс встретится с Броузом в Агентстве на этой неделе, в своем собственном офисе. То есть в офисе Адамса. Поэтому ему не придется носить оружие при себе, оно может к тому времени уже находиться в офисе, установленное соответствующим образом, ему нужно будет иметь при себе лишь спусковое устройство.

Просто невероятно, подумал Фоут. *Разве за этим я явился сюда?* Ведь мой визит изначально был всего лишь предлогом, возможностью установить в доме следящее устройство. С помощью которого я смог бы побольше узнать о Дэвиде Лантано. А вместо этого я втянут — или, во всяком случае, приглашен принять участие — в заговор с целью убийства могущественнейшего человека в мире. Причем человека, в распоряжении которого находится огромное количество самого совершенного оружия.

Человека, которого, осознал Фоут, мы все смертельно боимся.

Причем весь этот разговор благодаря камере, которую он спрятал в диване, тщательно записывался. К тому же, по невероятной, сводящей с ума иронии судьбы, его собственными техниками. Специалистами его собственной корпорации, на местной ретрансляционной подстанции, а потом в самой лондонской штаб-квартире. Конечно, теперь уже поздно отключать камеру, все самое главное, суть разговора уже ушла в эфир. И несомненно, где-то в недрах

корпорации «Вебстер Фоут лтд.» Броуз имеет своих шпионов. Рано или поздно, хотя, возможно, и не сразу, подробнейшие сведения об этом разговоре по тайным каналам окажутся в Женеве. И все, кто был в этой комнате, осознал Фоут, будут убиты. Даже если я отвечу «нет», даже если мы с Адамсом скажем «нет» — *этого будет недостаточно.* Потому что старик Стэнтон Броуз не захочет рисковать. От нас придется избавиться. Просто на всякий случай. Чтобы гарантировать его абсолютную безопасность.

Вслух Фоут сказал:

— У вас же есть запись альфа-волн Броуза. В том стенном мониторе на вилле Линдблома. И у вас есть к ней доступ...— Сейчас он обращался к Адамсу.

— Годный ориентир,— кивнул Лантано.

— Поскольку жестянки Линдблома признают вас за ближайшего друга покойного...— Фоут заколебался, а затем нехотя сказал: — Поэтому я тоже рекомендую альфа-волны в качестве признака жертвы для оружия. Самого обычного противопехотного высокоскоростного дротика с цианидом. Разместить его следует где-нибудь в вашем офисе в Агентстве так, чтобы, зарегистрировав присутствие этих характерных альфа-волн, сработал пусковой механизм.

Воцарилась тишина.

— А прямо сегодня его можно установить? — спросил Лантано Фоута.

— Установить пусковое устройство для такого дротика можно всего за несколько минут,— ответил Фоут.— И запрограммировать пусковой механизм внутри корпуса. И даже зарядить сам дротик.

Адамс спросил:

— А... а разве у вас есть такая штука? — Вопрос был обращен к Фоуту.

— Нет,— отозвался Фоут. Что было истинной правдой.

— У меня есть,— вмешался Лантано.

Фоут сказал:

— Вообще сохранились сотни таких высокоскоростных противопехотных дротиков с цианидом. Их в свое время широко использовали коммунистические международные убийцы, и буквально тысячи низкоскоростных, траекторию которых можно было корректировать после выстрела — вроде того, что прикончил Верна Линдблома. Но все они очень старые. Да, они существуют, но полагаться на них не стоит, слишком много лет.

— Я имел в виду,— перебил его Лантано,— *что у меня есть только один.* Полный комплект: сам дротик, пусковое устройство, кожух, спусковой механизм. И все это в отличном состоянии.

— В таком случае,— заметил Фоут,— похоже, у вас тоже есть доступ к машине времени. Поскольку всем этим устройствам не менее пятнадцати-двадцати лет.

Лантано кивнул:

— Так оно и есть.— Он яростно стиснул руки.— Только не знаю, как все это собрать. Довоенных и военных убийц специально учили этому. Но, думаю с вашими исчерпывающими познаниями в данной области...— тут он пристально взглянул на Фоута,— ...вы наверняка справитесь. Верно ведь?

— Сегодня вечером? — спросил Фоут.

— Понимаете,— ответил Лантано,— Броуз может посетить офис Адамса прямо завтра. Если установить устройство сегодня, то Броуз, возможно, будет мертв через двенадцать–двадцать четыре часа. Думаю, все отлично понимают, что альтернативой будет смерть всех присутствующих в этой комнате. Поскольку в течение следующих *сорока восьми* часов Броузу уже станет известно о содержании нашего разговора.— И добавил: — Причем благодаря какому-то шпионскому устройству, которое вы сами же и принесли, Фоут. Я не знаю, что оно из себя представляет, где находится, когда и как вам удалось установить его, но я знаю одно: сейчас оно в этой комнате и функционирует.

— Да, это так,— наконец признался Фоут.

— Тогда нам лучше осуществить намеченное,— заговорил Адамс.— Причем, именно сегодня вечером, как он и предлагает. Хорошо, я отправляюсь в домен Линдблома и добуду запись альфа-волн Броуза. Я вернул их жестянке «типа VI», которая там за главного.— Тут он заколебался, неожиданно что-то сообразив.— Эта же запись была и у «Гештальтмахера». Откуда она у него взялась? Такая запись могла быть только у человека, который программировал машину, а располагать ею мог только сам Броуз. Поэтому, думаю, вы правы, Лантано. Именно Броуз ввел данные.

— А вы — что? — негромко спросил Лантано.— Решили, будто, возможно, это я послал машину для убийства вашего друга?

Адамс колебался.

— Не знаю. Знаю только одно: кто-то ее послал, вот и все. Если бы не имя, которое выдала мне машина, я был бы уверен...

— А я был уверен, что это ваших рук дело,— вставил Фоут.

Лантано взглянул на него и улыбнулся. Причем это не была улыбка молодого человека, нет, это была мягкая улыбка какого-то древнего-древнего колдуна. Необузданная мудрость, которая могла позволить себе быть снисходительной, быть терпимой, поскольку и так навидалась всего.

— Да вы же американский индеец,— выпалил Фоут, которого только сейчас осенило прозрение.— Из прошлого. Которому в прошлом каким-то образом удалось завладеть одной из наших современных машин времени. Как вы заполучили ее, Лантано? Неужели Броуз послал временной зонд в ваши времена? *Скажите, так это или нет?*

Немного помолчав, Лантано ответил:

— Это все артефакты, которые изготовил Линдблом. Он использовал в них некоторые блоки настоящей военной машины времени. Геолог допустил ошибку, и некоторые артефакты появились не под землей, а прямо на поверхности, на виду. Я как раз проходил мимо во главе военного отряда. Вы бы тогда ни за что меня не узнали — я и одет был по-другому, да еще и весь раскрашен.

— Чероки! — воскликнул Николас Сент-Джеймс, бывший «термит».

— Точно,— кивнул Лантано.— По вашему летосчислению — из пятнадцатого века. Так что у меня было время подготовиться к этому.

— К чему — к этому? — спросил Фоут

Лантано ответил:

— Вы знаете, кто я, Фоут. Или, вернее, кем я был в прошлом, в 1982 году. И кем я стану. Очень скоро. Ваши люди ведь изучают документальные фильмы. Так вот, я избавлю от их длительных и сложных поисков. Вы найдете меня в эпизоде девятнадцатом версии «А». Я появляюсь там очень ненадолго.

— И кого же,— спокойно спросил Фоут,— вы там играете?

— Генерала Дуайта Дэвида Эйзенхауэра. В том насквозь фальшивом, полностью вымышленном, придуманном Готлибом Фишером эпизоде, в котором Черчилль и Рузвельт — или, вернее, актеры, исполняющие их роли в назидательных целях Фишера,— совещаются с Эйзхенхауэром насчет того, насколько еще можно оттянуть вторжение на континент. Его еще называли «День Д». У меня там изумительные по своей глупости реплики... Никогда их не забуду.

— А я ведь их помню,— неожиданно заговорил Николас.

Все разом повернулись к нему.

— Вы говорили,— процитировал Николас: — «Сдается мне, погода никудышная. Вполне подходящая для того, чтобы помешать высадке и не дать нам успешно захватить плацдармы». Фишер заставил вас произнести эти слова.

— Точно,— кивнул Лантано.— Те самые слова. Однако высадки прошли успешно. Поскольку, как показано в версии «Б», в столь же выспренно-фальшивой сцене для нардеповских зри-

телей,— Гитлер нарочно задержал две танковые дивизии в районе Нормандии, *чтобы высадка прошла успешно.*

Некоторое время все молчали.

— Интересно,— спросил Николас,— а будет ли смерть Броуза означать конец эры, начавшейся с появления этих двух документальных фильмов? — Он обратился к Лантано: — Вы сказали, что у вас есть доступ к...

— Смерть Броуза,— твердо ответил Лантано,— станет началом времени, когда мы вместе с Прим-Советом, с которым я уже обсуждал этот вопрос, начнем решать при участии Луиса Рансибла — без него тут никак не обойтись — что именно сказать миллионам подземных жителей.

— И они выйдут на поверхность? — спросил Николас.

— Если мы этого хотим,— сказал Лантано.

— Черт, конечно, хотим,— запротестовал Николас.— Ведь именно в этом все и дело. Разве не так? — Он перевел взгляд с Лантано на Адамса, потом — на Фоута.

Фоут сказал:

— Думаю, да. Лично я согласен. И Рансибл наверняка тоже.

— Но с «термитами»,— заметил Лантано,— говорит только один человек. И человек этот — Тэлбот Янси. Как он решит поступить?

Адамс возмущенно начал:

Но ведь на самом деле никакого...

— Нет, есть,— возразил Фоут, а потом спросил Лантано: — И какое же решение примет Тэлбот Янси?

«Думаю, ты можешь дать самый надежный ответ, подумал он. Поскольку ты знаешь, и я знаю, откуда ты это знаешь, и это ты понимаешь. Ведь сейчас мы не в трясине фальшивок — все это реально, кто ты такой на самом деле, а известно мне это благодаря снимкам, сделанным моим спутником».

После недолгой паузы Лантано задумчиво сказал:

— Если все пройдет, как задумано, Тэлбот Янси в скором будущем объявит, что война закончилась. Но что поверхность все еще радиоактивна. Поэтому подземные убежища следует освобождать постепенно, по строгому графику, этап за этапом.

— А это правда? — спросил Николас.— Их действительно будут постепенно освобождать? Или это просто еще одна...

Взглянув на часы, Лантано заметил:

— Пожалуй, нам пора приниматься за дело. Адамс, вы добываете запись альфа-волн в Пенсильвании. Я пойду за комплектом оружия, на котором мы сошлись. Фоут, пойдемте со мной — мы встретимся с Адамсом в офисе, и там вы установите оружие,

запрограммируете его и подготовите к завтрашней операции.— Он встал и решительно двинулся к двери.

— А как же я? — спросил Николас.

Лантано взял фуражку Фоута, протянул ее Николасу и сказал:

— Мои жестянки в вашем полном распоряжении. И скоростной флаппер, который доставит вас и девять или десять жестянок в Северную Каролину. Копать нужно вот в этом месте. И желаю удачи,— коротко добавил он.— Поскольку теперь вы полностью предоставлены сами себе — все зависит только от вас. А у нас сегодня совсем другие дела.

— Жаль, что нам приходится так торопиться,— сказал Фоут.— Я бы предпочел все обсудить поподробнее.— Он чувствовал, как его охватывает страх. Шестое чувство, экстрасенсорное предвидение да и просто самый обычный человеческий страх.— Было бы у нас чуть побольше времени,— сказал он.

Тогда Лантано спросил его:

— А как вы думаете, оно у нас есть?

— Нет,— ответил Фоут.

Глава 26

Вместе со своим мощным сопровождением из жестянок и людей Джозеф Адамс покинул гостиную виллы; Фоут и Лантано вместе последовали за ним.

— Так это действительно Броуз запрограммировал машину? — спросил Фоут у смуглокожего молодого человека — снова молодого, но, как он имел возможность убедиться по снимкам со спутника, способного или страдающего перемещениями в самые разные отрезки своего жизненного пути.

Лантано ответил:

— Ну, поскольку машина излучала альфа-волны...

— Которые может заполучить любой янсмен в любом из трех главных компьютеров,— негромко заметил Фоут, так, что эти слова не достигли слуха Джозефа Адамса, заглушенные лязганьем его свиты.— Лантано тоже, давайте смотреть правде в глаза. Смерть Линдблома — ваших рук дело? Просто мне хотелось бы знать, прежде чем мы ввяжемся во все это.

— А разве это важно? В самом деле, какая вам разница?

Фоут ответил:

— Разница есть. Но я все равно не отступлюсь.— Из-за опасности, таящейся в отказе от их плана, из-за угрозы их жизням. На этом заключительном этапе моральные проблемы большого

значения уже не имели. Особенно с того момента, как он установил видеокамеру. Если кто и стал жертвой его профессиональной изощренности, так это...

— Хорошо, это я запрограммировал машину,— через некоторое время признался Лантано.

— Но почему? Что такого сделал Линдблом?

— Ничего. Более того, я был у него в большом долгу, поскольку именно через него заполучил машину времени; без него меня бы здесь не было. А до него я...— Едва заметное колебание в голосе.— ... Я убил Хига.

— И зачем?

— Хига я прикончил, чтобы остановить специальный проект, равнодушно пояснил Лантано.— Чтобы спасти Рансибла. Чтобы специальный проект провалился. Так оно и вышло.

— Но при чем тут Линдблом? Ладно, причины убийства Хига еще можно понять, но...— Он недоуменно развел руками.

Лантано ответил:

— Для этого самого. Чтобы под подозрение попал Броуз. Чтобы убедить Адамса, что его лучшего друга, насколько я понимаю, его единственного друга, который когда-либо был у Адамса, убил Броуз. Правда, я рассчитывал, что машине удастся уйти. Никогда не считал жестянок Линдблома столь эффективными, обученными действовать настолько быстро. Очевидно, Линдблом подозревал неладное, а может, тому были и другие причины.

— И каких же результатов вы добились этой смертью?

— Она заставила Адамса действовать. Броуз опаслив, Броуз без всяких на то разумных, основательных причин не доверяет мне и избегает меня. Броуз никогда не приближался ко мне на расстояние выстрела, и никогда бы этого не сделал. Я не мог достать его в одиночку, без помощи Адамса. Поверьте, я заглядывал в будущее и знаю точно: Броуз либо умрет завтра утром во время визита в офис Адамса — это одно из немногих мест, куда он наведывался без опаски,— или останется в живых и — хотите верьте, хотите — нет,— останется на своем месте еще двадцать лет.

— В таком случае,— сказал Фоут,— вы поступили правильно.— Конечно, если это было правдой. Но никакой возможности проверить слова Лантано у него не было. Двадцать лет. Тогда Броузу было бы сто два года. Просто кошмар, подумал Фоут. А ведь мы все еще пребываем в нем и нам все еще только предстоит проснуться.

— Чего Адамс не знает,— сказал Лантано,— и никогда не узнает, так это один позорный факт, которому просто не должно было

быть места. Линдблом накануне своей смерти мучительно размышлял, принять или не принимать одно решение. И наконец принял его: он окончательно собрался сообщить Броузу о моральных колебаниях Адамса в отношении специального проекта. Он знал, что Адамс уже на грани передачи Рансиблу информации, достаточной для того, чтобы не дать Рансиблу попасться на крючок. На основании полученной от Адамса информации Рансибл тут же обнародовал бы свои находки. Да, он потерял бы свои земли в Юте, но имел бы возможность и дальше заниматься своим делом. Сохранил бы политическую свободу. Вообще, честно говоря, Линдблом до конца был предан лишь Агентству. Броузу. А вовсе не своему другу. Я понимал это, Фоут, уж поверьте. На следующий день Линдблом нашел бы способ связаться — а он отлично знал, как именно,— с Броузом, сидящим в своей «Крепости» в Женеве, и Адамс сам этого боялся: он знал, что его, Адамса, жизнь в руках Линдблома. И все из-за необычных для янсмена адамсовских щепетильности и высоких побуждений. Из-за того, что он понимал, насколько нечистоплотен этот специальный проект от начала и до конца.— Он замолчал и несколько мгновений следил за тем, как страшно перегруженный необычной свитой флаппер Адамса наконец сумел оторваться от земли и исчез в ночном небе.

Фоут заметил:

— Будь я на вашем месте, я бы этого не сделал. Не стал бы убивать Хига или Линдблома. Да и вообще никого.— На своем веку он и так навидался достаточно убийств.

— Тем не менее,— возразил Лантано,— вы согласны участвовать в нашем предприятии. В убийстве Броуза. Значит, даже вы, оказавшись в безвыходной ситуации, чувствуете — понимаете,— что остается прибегнуть только к крайней мере. Я прожил шестьсот лет, Фоут, и я точно знаю, когда необходимо и когда не следует прибегать к убийству.

Да. Подумал Фоут. Не сомневаюсь.

Интересно, но где же заканчивается эта цепочка? Будет ли Броуз последним? Никаких гарантий нет.

Интуиция подсказывала ему, что жертв будет гораздо больше. Подобный ход рассуждений, подобные методы решения проблем, стоило им зародиться, обретали собственную жизнь. Лантано — или Тэлботу Янси, как он скоро будет себя называть, причем явно не в первый раз,— для достижения своей цели потребовалось шесть столетий. Очевидно, за Броузом могут последовать Адамс, или Рансибл, и, как он с самого начала предполагал, он сам. В общем тот, чья смерть, по мнению Лантано, была «необходима».

Да, подумал Фоут, «необходимость» — любимое слово тех, кто рвется к власти. Хотя единственная необходимость была чисто внутренней, производным от желания любой ценой добиться своих целей. Броуз обладал этим качеством, обладал им Лантано, обладали им бесчисленные рядовые янсмены и будущие янсмены; сотни, если не тысячи пол-комов, сидящих в «термитниках» под землей, понял Фоут, правят, как самые настоящие тираны, благодаря своей связи с поверхностью, благодаря своему тайному знанию истинного положения вещей в мире.

Но этот человек стремился к своей цели на протяжении нескольких веков.

Так кто же тогда, спросил себя Фоут, идя следом за Лантано к стоящему неподалеку скоростному флапперу, представляет собой большую опасность? Шестисотлетний Лантано... Янси... Бегущее Красное Перо, или как там его звали в племени, который в преклонной стадии своего жизненного цикла станет тем, кто сейчас представляет собой всего лишь куклу, изготовленную по его образу и подобию, и намертво прикрепленную к дубовому столу — куклу, которая — и это определенно заставит содрогнуться большинство сотрудников Агентства, владельцев доменов — внезапно обретет способность двигаться и станет вполне реальной... это либо жизнь под игом дряхлеющего, маразматического монстра, окопавшегося в Женеве, думающего лишь о том, как сделать повыше и покрепче окружающие его стены. Как может нормальный, разумный человек сделать выбор, и при этом сохранить разум? Да, все верно, мы — проклятый народ, вынужден был признаться себе Фоут. Книга Бытия совершенно права, если мы вынуждены сделать выбор, если существует только два варианта, в обоих из которых мы становимся орудиями в руках либо одного, либо другого, пешками, которыми совершают свои ходы либо Лантано, либо Стэнтон Броуз, следуя собственной стратегии игры.

Но разве это все? Спросил себя Фоут, задумчиво залезая в флаппер, и усаживаясь рядом с Лантано, который уже запустил двигатель. Флаппер взмыл в темноту ночного неба, оставляя позади радиоактивные развалины Шайенна и недостроенную освещенную яркими огнями виллу... которая, вне всякого сомнения, будет достроена.

— Комплект элементов,— заговорил Лантано,— из которых состоит оружие, там, на заднем сиденье. В стандартной фабричной упаковке.

— Так, получается, вы знали, какой я сделаю выбор,— сказал Фоут.

— Путешествие во времени,— ответил Лантано,— вообще очень полезная вещь.— Больше он ничего не сказал, и дальше они летели в молчании.

Есть еще и третий вариант выбора, подумал Фоут. Третий человек, обладающий огромной властью, который не является пешкой ни в руках Лантано, ни в руках Стэнтона Броуза. На своей кейптаунской вилле, нежась на солнце в своем увитом плющом патио, возлегает Луис Рансибл, и, если нам требуется подыскать разумного человека и разумные решения, то и то и другое можно найти как раз в Кейптауне.

— Я все сделаю, как и обещал,— заговорил Фоут.— Соберу эту чертову штуку в офисе Адамса в Нью-Йорке.

«А потом отправлюсь в Кейптаун. К Луису Рансиблу»,— решил он.

«Мне просто физически плохо от этой ауры „необходимости", исходящей от сидящего рядом со мной человека,— вдруг осознал Фоут.— Высший порядок политической и моральной реальности, которую я просто не в силах осмыслить. Да ведь я и прожил-то всего-навсего каких-то сорок два года. А вовсе не шестьсот».

«А как только я благополучно доберусь до Кейптауна,— пообещал он себе,— буду постоянно слушать новости в ожидании сообщения из Нью-Йорка о том, что Стэнтон Броуз, эта жирная и рыхлая маразматическая свинья, мертв — если переворот в Агентстве, совершенный одним из самых молодых (Боже милостивый, да разве шестьсот лет — это молодость?) и самых талантливых сотрудников, прошел успешно. А после этого я, возможно,— и надеюсь, что вместе с Луисом Рансиблом, если нам удастся договориться,— подумаю, как быть дальше. Попробую найти свою собственную „необходимость"».

Поскольку на данный момент он даже отдаленно не представлял, в чем она может заключаться.

Вслух он спросил:

— А вы лично готовы сразу после того, как Броуз будет мертв, попросить Прим-Совет назначить одного-единственного законного правителя? Всепланетного Протектора, по положению превосходящего генерала Хольта у нас в Зап-Деме и маршала...

— А разве любой из нескольких сотен миллионов «термитов» и так не знают этого? Разве верховная власть Протектора не была установлена много лет назад?

— А как же жестянки? — спросил Фоут.— Они тоже будут подчиняться вам? Или по-прежнему Хольту и Харензанному? Если до этого дойдет дело?

— Вы упускаете из виду одну вещь: мой законный доступ к манекену, той *штуке* за дубовым столом. Я программирую ее, я скармливаю ей чтиво через «Мегавак 6В». Поэтому я в каком-то смысле уже начал превращение; я просто смешаюсь с ней, причем не путем резкого отказа от нее вообще, а путем...— Лантано сделал резкий жест рукой.— Думаю, самое подходящее слово *слияние*.

Фоут заметил:

— Вряд ли вам понравилось бы сидеть привинченным к этому столу.

— Думаю, этого аспекта можно благополучно избежать. Просто Янси время от времени начнет посещать «термитники». Как Черчилль во время Второй мировой посещал пострадавшие от бомбардировок районы Англии. *Эти* эпизоды Готлибу Фишеру не пришлось подделывать.

— Интересно, а вам за столетия жизни только раз довелось побывать публичной фигурой, да и то в документальном фильме Готлиба Фишера? В единственной роли американского генерала Второй мировой войны? Или...— Его экстрасенсорное чутье сейчас чрезвычайно обострилось; похоже он что-то нащупал.— Не доводилось ли вам до этого уже находиться у власти — раз, а, может, и несколько. Разумеется, власти относительной... не такой, не масштаба планетарного Протектора...

— В общем-то я всегда был человеком активным. И не раз добивался успеха. Моя роль возрастает по непрерывной эволюционной кривой.

— Я мог бы знать, какие-либо из ваших имен?

— Сидящий рядом с ним человек, коротко ответил:

— Да. Несколько.— Распространяться он не стал, и было ясно, что ответа Фоут не получит. После этого оба некоторое время молчали. Флаппер продолжал нестись над темной поверхностью Земли к далекому Нью-Йорку.

— Не так давно,— осторожно начал Фоут, практически не ожидая получить ответа на этот прямой вопрос,— мои лучшие следователи, работающие с выбравшимися на поверхность «термитами», выявили удивительный — для меня — факт. Они несколько раз принимали слабенькие — не от имени правительства Эстес-Парка — передачи, в которых обращалось внимание зрителей на кое-какие несоответствия в официальных...

— Тут я, пожалуй, совершил ошибку,— отозвался Лантано.

— Так, значит, это ваших рук дело.— Теперь он знал происхождение этих странных передач. Предчувствие снова его не обмануло.

— Да, это была моя ошибка,— сказал Лантано.— И она едва не стоила Рансиблу его свободного существования, а это для него равноценно жизни. Было ясно: пора остановиться, как только я узнал, что Броуз подозревает в подпольных передачах Рансибла. Все, чего бы я добился, так это заставил Броуза натравить на Рансибла своих агентов-убиц. А мне это было ни к чему. Я замел все следы, но было поздно. У Броуза в его непредсказуемом, изношенном, изобретательном, инфантильном мозгу уже зародился специальный проект. Шестеренки начали вращаться, и все это была моя — целиком моя — вина. Я пришел в ужас от той каши, которую сам же и заварил. И тогда...

— Вы ухитрились,— язвительно перебил его Фоут,— довольно удачно выйти из положения.

— Мне пришлось, поскольку ответственен за все происходящее был я, и только я. Я превратил смутные подозрения Броуза в полную уверенность. Разумеется, мне нельзя было засветиться. Поэтому, я начал с Хига. Это казалось мне единственным способом подобраться к проекту на такой поздней его стадии, единственной возможностью сделать так, чтобы проект лопнул, закрылся, причем не на время, а навсегда.

— Причем, как вы сами выразились, при этом не засвечиваясь.

Лантано сказал:

— Это была сложная и опасная ситуация, и не только для Рансибла...— Он взглянул на Фоута.— Но и для меня. А мне это было совершенно ни к чему.

«Боже, помоги мне,— подумал Фоут.— Помоги уйти от этого человека. И поскорее оказаться во флаппере над Атлантикой, связаться с Рансиблом по видфону и сообщить ему, что я в пути».

А вдруг Рансибл не захочет слушать?

Эта крайне тревожная мысль, со всеми вытекающими из нее последствиями, занимала Фоута на всем остальном протяжении пути до здания Агентства в Нью-Йорке и офиса Адамса.

В офисе было темно. Адамс еще не появился.

— Естественно, ему потребуется какое-то время,— сказал Лантано,— чтобы забрать запись альфа-волн.— Он, явно нервничая — что ему было несвойственно — взглянул на часы, на тот циферблат, который показывал нью-йоркское время.— Может, лучше получить запись прямо из «Мегавака». Начинайте пока сборку.— Они еще немного постояли в коридоре перед дверью офиса Адамса в здании номер 580 на Пятой авеню.— Давайте, а я пока схожу за записью.

С этими словами Лантано повернулся и быстро пошел прочь. Фоут окликнул его:

— Насколько я знаю, ключи были только у самого Адамса и у Броуза.

Удивленно уставившись на него, Лантано начал:

— А разве вы не...

— Моя корпорация,— перебил его Фоут,— естественно, располагает всем необходимым для вскрытия любого замка в мире, независимо от его сложности или прочности. Но...— с собой у него никаких инструментов не было; они хранились в Лондоне и в филиалах, разбросанных по всему миру.

— В таком случае можно просто стоять здесь и ждать.— Лантано был явно недоволен, но смирился с неизбежностью — Адамс понадобится им не только из-за альфа-волн Стэнтона Броуза, запись которых предстояло ввести в смертоносное оружие, но и просто для того, чтобы попасть в помещение, в офис, куда, скорее всего, ранним утром, опередив хозяина офиса, явится толстый, стареющий Броуз. Одно из немногих мест за пределами Женевы, где он, по-видимому, чувствовал себя в безопасности. А в самой Женеве добраться до него было просто нереально. Если бы они изменили планы и попытались совершить покушение на него там, то их уже попросту не было бы в живых.

Они ждали.

— Допустим,— наконец заговорил Фоут,— Адамс передумал. И не появится вовсе.

Лантано сердито взглянул на него.

— Он появится.— Глубоко посаженные глаза наполнились злобой даже при одном предположении о подобной возможности.

— Короче, я жду еще ровно пятнадцать минут,— со спокойным достоинством, не обращая ни малейшего внимания на эти исполненные ярости темные глаза,— а потом сматываю удочки.

Ожидание продолжалось, минута текла за минутой.

И по прошествии каждой из уходящих минут Фоут думал; нет он не придет, он вышел из игры. А если так, то логично предположить, что он связался с Женевой, следовательно, вывод только один: мы дожидаемся здесь убийц, посланных Броузом. Дожидаемся в этом коридоре своей собственной смерти.

— А правда, что будущее,— обратился он к Лантано,— это набор альтернативных вариантов? Причем некоторые гораздо более вероятны, чем другие?

Лантано лишь недовольно хмыкнул.

— Не может в одном из альтернативных вариантов будущего оказаться так, что Адамс сообщает о заговоре Броузу и тем самым спасает свою шкуру за счет наших?

Лантано нехотя ответил:

— Да. Но это маловероятно. Примерно один к сорока.

— У меня есть так называемый дар предвидения,— продолжал Фоут. И этот дар, подумал он, подсказывает мне, что соотношение совсем не такое, куда больше шансов за то, что мы здесь в ловушке, как розовоухие мышата, тонущие, барахтающиеся и тонущие в миске с медом. Которые вот-вот захлебнутся в том, чем так недавно наслаждались.

Ожидание с психологической точки зрения оказалось делом крайне изнурительным и противным.

И, несмотря на то, что показывали стрелки часов Лантано, казалось едва ли не бесконечным.

Фоут уже сомневался, сможет ли он вообще его пережить.

Сможет — или, учитывая возможности Броуза быстро перебрасывать своих агентов с места на место, переживет ли.

Глава 27

Долетев до домена Верна Линдблома и снова забрав там у старшей жестянки модели «IV» запись альфа-волн Стэнтона Броуза, Джозеф Адамс со своей свитой из жестянок-телохранителей из организации Фоута вновь отправился в путь. Только летел он теперь куда глаза глядят — ни в направлении Нью-Йорка, ни в каком-нибудь другом.

Это сходило ему с рук лишь несколько минут. Потом один из четырех фоутменов, сидевший позади него, наклонился к нему и произнес отчетливо и мрачно:

— Бери курс на Агентство, на Нью-Йорк. Немедленно. Или я тебя пристрелю.— С этими словами он приставил холодный круглый ствол к затылку Джозефа Адамса.

— Ничего себе телохранители! — горько заметил Адамс.

— У вас назначена встреча в вашем офисе с мистером Фоутом и мистером Лантано,— напомнил фоутмен.— Нехорошо ее срывать.

На левом запястье Адамса был укреплен специальный сигнал тревоги — он обзавелся или сразу после смерти Верна — специальное микроволновое устройство, связывающее его со свитой жестянок, которые, как сельди в бочке, сейчас заполняли флаппер. Он прикинул, стоит подать им сигнал или нет, что случится раньше: его успеет убить профессионал-фоутмен или ветераны-жестянки разделаются с четырьмя телохранителями?

Вопрос интересный.

А ведь от этого зависела его жизнь.

Собственно, а почему бы и не полететь в Агентство? Что его удерживает?

Просто я боюсь Лантано, вдруг понял он. Лантано слишком много знает, слишком много подробностей о смерти Верна Линдблома. Но и Стэнтона Броуза я тоже боюсь; я смертельно боюсь их обоих, но чего бояться со стороны Броуза, мне понятно, а вот со стороны Лантано — нет. Поэтому во мне Лантано вызывает еще более сильное ощущение того ужасного внутреннего и внешнего тумана, который высасывает из меня жизнь... хотя, впрочем, видит Бог, Броуз тоже не сахар. Этот его специальный проект был настоящим воплощением извращенности и цинизма. Да еще эта присущая Броузу уникальная смесь старческого лукавства, непонятной болтовни, постоянного едва ли не ребяческого желания нашкодить и наслаждаться этим.

К тому же, пришло ему в голову, с течением времени Броуз будет становиться только хуже. Его мозги гниют, все больше мелких кровеносных сосудов лопается. А вследствие этого отмирает все большее количество мозговых тканей, лишенных кислорода и питания, делая этого человека все более омерзительным, непредсказуемым, как с этической, так и с практической точек зрения.

Еще двадцать лет под старческим игом Стэнтона Броуза будут настоящим кошмаром — ведь его отмирающий мозг будет тащить за собой в бездну и весь остальной мир. И он — как и все остальные янсмены — будет дергаться, как марионетки, повинуясь рывкам безумного кукловода. По мере того, как будет вырождаться мозг Броуза, они, будучи его продолжением, тоже не избегнут вырождения. Боже, ну и перспектива...

Причем той силой, которая разлагает мозг Стэнтона Броуза, является сила, находящаяся под полным контролем Лантано,— само время. Следовательно...

Одним выстрелом, одним высокоскоростным дротиком с цианидом, ориентированным на источник альфа-излучения, его можно вычеркнуть из их жизней. И разве это не является единственной рациональной целью этого полета в Нью-Йорк, в его офис, где ждут Лантано и Фоут?

Но организм Джозефа Адамса, не желая внимать подобным увещеваниям, продолжал впрыскивать гормоны страха в симпатическую нервную систему, очевидно желая сбросить напряжение,— то есть бежать.

«Я хочу оказаться как можно дальше от всего этого».

Впрочем, и Фоут тоже, вдруг понял он, если только выражение его лица хоть что-нибудь означало, испытывал примерно те

же чувства. Только они не были столь остры, как у меня, поскольку в противном случае его бы сейчас в Нью-Йорке просто не было — он бы уже давно смылся. Причем для этого у него имелась масса возможностей. А у меня, сообразил он, их нет. Я, в отличие от него, к такому шагу совершенно не подготовлен.

— О' кей,— бросил через плечо Адамс сидящему у него за спиной фоутмену, приставившему лазерный пистолет к его затылку.— Я просто на минутку растерялся. Но теперь я в норме.— И он направил флаппер в сторону Нью-Йорка.

Фоутмен, увидев, что флаппер взял курс на северо-запад, убрал лазерный пистолет обратно в кобуру.

Джозеф Адамс тут же нажал кнопку сигнализатора опасности на левом запястье. Микроволновой импульс, адресованный его жестянкам, мгновенно сработал, хотя он сам ничего при этом не почувствовал. Впрочем, как и четверо фоутменов.

Адамс по-прежнему делал вид, что полностью сосредоточен на панели управления, а в это время его жестянки в непродолжительной схватке — практически бесшумной — прикончили четверых фоутменов. Звуки послышались чуть позже — Адамс даже не успел осознать, что дело сделано,— когда открылся задний люк флаппера и с грохотом и лязгом жестянки вышвырнули тела фоутменов за борт, в пустоту и безмолвие ночи, которая, как казалось Адамсу, наступила, но никогда не закончится.

Адамс вслух произнес:

— Я просто не могу лететь в Нью-Йорк.— С этими словами он зажмурил глаза.

«In nomine Domini — Во имя Господне»,— подумал он. Четыре человека мертвы, это ужасно, и этот грех будет преследовать его всю оставшуюся жизнь, теперь на нем клеймо убийцы, хотя убивал он не своими руками. Но это было даже хуже.

«Но ведь они угрожали убить меня,— вдруг вспомнил он.— И от страха я потерял рассудок; они угрожали убить меня, если я не полечу в Нью-Йорк, а поскольку я не могу этого сделать...

Боже, помоги всем нам! Чтобы жить, мы должны убивать, нужно заплатить именно такую цену: четыре жизни за одну».

Как бы то ни было, это случилось. Он развернул флаппер, теперь они летели на юго-восток, к Северной Каролине. Вместо Нью-Йорка. Который он больше никогда не увидит.

Только через несколько часов он заметил пятнышко света в царящей внизу темноте. Это и было нужное место.

По команде Адамса флаппер начал по спирали снижаться к земле. К тому месту, где экс-«термит» Николас Сент-Джеймс с помощью жестянок Дэвида Лантано вел раскопки, пытаясь найти под землей не обнаруженный до сих пор медицинский склад армии США, где предположительно могли храниться и артифорги.

После посадки Адамс вышел из флаппера и отправился к месту раскопок. Вскоре он увидел экс-«термита» Николаса Сент-Джеймса, сидящего возле большого штабеля ящиков и коробок. Стало ясно, что место было выбрано верно. Они действительно обнаружили армейский склад, и сейчас выносили на поверхность то, что там хранилось. На жаргоне янсменов это называлось «рождественским утром».

Заметив приближающуюся «жестяную деву», Николас присмотрелся повнимательнее и окликнул:

— Кто там?

Жестянки Лантано тут же прекратили работу, и, не дожидаясь команды, двинулись к Николасу, чтобы в случае необходимости защитить его. Их металлические руки были опущены, чтобы мгновенно выхватить закрепленное на поясах оружие. Двигались они очень быстро и, конечно же, очень слаженно.

Адамс отдал приказ, и его «жестяные девы» мгновенно выстроились вокруг него в оборонительном каре. Теперь обоих людей разделяли их жестянки, сомкнувшиеся так плотно, что Ник и Адамс не видели друг друга.

— Сент-Джеймс, вы меня помните? Я — Джо Адамс. Мы познакомились в домене Дэйва Лантано. Вот, прилетел посмотреть, как у вас дела. Повезло ли вам с артифоргом?

— Еще как повезло! — крикнул в ответ Николас.— Только зачем нам эти стенки из жестянок? Кто с кем собирается драться и ради чего?

— Нет, я вовсе не имел в виду ничего такого,— откликнулся Адамс. Позвольте, я отведу своих жестянок. Только пообещайте, что вы сделаете то же самое и не предпримете враждебных действий.

Явно озадаченный Николас ответил:

— Но ведь война давно закончилась — мне это Блэр сказал, да я и сам видел домены. Так какие же между нами могут быть враждебные действия?

— Абсолютно никаких.— Адамс сделал знак своим жестянкам, и те отступили, хотя и неохотно, поскольку все были бывалыми бойцами на войне, которая закончилась тринадцать лет назад.

Адамс подошел к экс-«термитю».

— Так вы нашли нужный артифорг?

Николас радостно, как получивший подарок ребенок, воскликнул:

— Да! Целых три артифорга: сердце, почку, а поджелудочную я нашел сам, причем в фабричной упаковке — она запаяна в алюминиевом контейнере.— Он поднял ее и с гордостью протянул Адамсу.— Причем залитая в пластик, чтобы внутрь не проник воздух. Наверняка до сих пор как новенькая. В этом контейнере, как здесь написано, она может храниться целых пятьдесят лет.

— Значит, вам все же повезло,— сказал Адамс.

«Ты получил то, зачем выбрался на свет божий,— подумал он.— Твое путешествие подошло к концу. Ну и везет же тебе. Вот бы у меня все было так просто. Если бы я вот так же мог держать в руках и читать надписи на упаковке того, что я страстно желаю, чего мне так не хватает для того, чтобы сохранить жизнь. Да, просто взять это в руки — нечто осязаемое и твердое, а мои страхи были бы конкретными страхами перед чем-то понятным. Например, как в твоем случае, страхом не найти конкретное устройство времен войны, а потом все же найти и заполучить его. А смотри, что потерял я, подумал он. Мой домен, работу, а теперь еще и собираюсь расстаться с поверхностью Земли. Чтобы не разделить судьбу Верна Линдблома, поскольку, сказал он себе, я знаю виновник его смерти — Дэвид Лантано. Я понял это в тот момент, когда он сказал, что у него есть устройство для запуска отравленного дротика. Набор компонентов, из которых собирается смертоносное оружие, так хорошо нам всем известное: высокоскоростной — или, как в случае с Линдбломом,— дротик с ампулой цианида на конце. Причем не какой-нибудь там ржавый, а в рабочем состоянии... как и тот, что пронзил сердце Верна Линдблома.

В идеальном состоянии, как выразился Лантано. Раздобытый прямо из военных времен, тринадцать лет назад, с помощью машины времени Лантано. И который предстояло установить в моем офисе, чтобы убить Броуза так же, как был убит Верн. Считается, что подобное убийство мгновенно и безболезненно, но все равно это убийство, такое же, как убийство четырех фоутменов моими жестянками. Но такова жизнь. И я ухожу. Опускаюсь. Если удастся».

— Собираетесь возвращаться в «термитник»? — спросил он Николаса.

— Да, немедленно. Чем меньше времени Соуза проведет в заморозке, тем лучше. Меньше пострадает мозг. Я собираюсь оставить жестянок Лантано здесь — пусть продолжают работать. Думаю, Лантано и Фоут сумеют поделить находки или как-то договориться.

— Да,— кивнул Адамс,— похоже, они могут найти общий язык. Фоут привез карту, Лантано предоставил жестянок и оборудование. Так что они наверняка придут к общему знаменателю.

«Самое удивительное,— подумал он,— это то, что ты получаешь свою поджелудочную без каких-либо условий. Они ничего не попросили взамен. Значит, они, в принципе, не такие уж и плохие люди — в общепринятом смысле слова. Ведь Фоут и Лантано достойно и заботливо дали тебе возможность получить то, чего лишил тебя — и всех остальных людей на планете — Броуз. Броуз, которому понятие „забота" вообще незнакомо».

— А я думал, что у вас с ними назначена встреча в Нью-Йорке,— сказал Николас.

— Сами справятся.— Альфа-волны Стэнтона Броуза они вполне могут получить из «Мегавака»; они и сами рано или поздно это сообразят, поняв, что он так и не явится, а. может, и уже сообразили. А если им не удастся установить дротик в его офисе, если они — даже при помощи инструментов и навыков Фоута не смогут открыть сложный дверной замок, не смогут проникнуть внутрь — они наверняка найдут подходящее место в коридоре, миновать который, чтобы попасть в офис, невозможно, и по которому наверняка будет проходить Стэнтон Броуз. На каком-то глубинном, потаенном уровне сознания он был уверен, ему подсказывала интуиция: Фоут и Лантано что-нибудь придумают.

Правда, они никогда не забудут о том, как он их подвел. Если они не прикончат Броуза, то эта старая жирная маразматическая туша наверняка прикончит их самих, а заодно, возможно, и самого Адамса. Если же все пройдет успешно, то, может быть, при удобном случае, когда Фоут и Лантано — скорее всего Лантано, который сменит Броуза,— окажутся у власти, они выследят его. Для мести у них будет уйма времени. Короче, так или иначе, но ему конец. Независмо от того, чем закончится установка оружия в коридоре возле его офиса в здании Агентства по адресу: Нью-Йорк, Пятая авеню, дом 580.

— Кстати, а вы говорили Лантано,— спросил он Николаса,— из какого именно вы «термитника»?

— Конечно, нет,— ответил Николас.— Не мог же я подвергать опасности оставшихся там людей. У меня там жена, младший брат и...— Он осекся.— Впрочем, я сказал название танка одному экс-«термиту», живущему в развалинах Шайенна. Его зовут Джек Блэр.

Он виновато пожал плечами:

— Но, скорее всего, он уже все забыл. Вообще похоже, все эти бедолаги, живущие в развалинах, немножечко того...— И, взяв себя

в руки, с гордостью добавил: — Кстати, я ведь избранный президент нашего танка. Поэтому на мне лежит колоссальная ответственность. Почему они и послали на поверхность за артифоргом именно меня.— Он повернул голову и взглянул на стоящий неподалеку флаппер.

Адамс спросил:

— А можно мне с вами?

— Куда?..— Николас был явно удивлен, но в принципе сейчас его больше всего занимала с таким трудом добытая поджелудочная — как сам артифорг, так и проблема возвращения с ним обратно в «термитник».— Вы хотите отправиться со мной под землю? Почему?

— Мне нужно спрятаться,— просто ответил Адамс.

Немного помолчав, Николас спросил:

— От Лантано?

— От всех них, ответил Адамс.— Они убили моего единственного друга, а теперь доберутся и до меня. Но если я укроюсь под землей, а они не будут знать в каком именно я убежище, то, возможно,— если, конечно, ваш пол-ком не донесет...

— Мой пол-ком,— монотонным голосом произнес Николас,— явился с поверхности, из Эстес-Парка, уже после окончания войны. Он все прекрасно знал. Поэтому в «Томе Миксе» больше не будет никакого пол-кома. Во всяком случае,— этого.

Еще одна смерть, понял Адамс. И тоже «необходимая». Как и все прочие, как и моя собственная будущая смерть. Впрочем, это правило, эта необходимость существовали всегда, и распространялась на все живое. В данном случае мы имеем дело лишь с ускорением естественного, органического процесса.

— Само собой,— сказал Николас. Добро пожаловать. Из того, что вы говорили на вилле Лантано, вам и здесь, на поверхности, ой как не сладко.

— Сущий ад,— вздохнул Адамс. Да, для него здесь действительно теперь был самый настоящий ад — место, где поджаривают на кострах грешников: багровые огни, обугленная почва, ямы со смолой,— и все это было наследием закончившейся тринадцать лет назад войны. В этом аду он жил: сначала была испепеляющая все сущее война, потом — уже более прохладная разновидность ада в форме наползающего тумана, а потом — снова мучительное ожидание неминуемой гибели, после того как он узнал о смерти Верна Линдблома.

— Только учтите, вам придется привыкать к тесноте,— предупредил Николас, когда они шли к флапперу. Жестянки Адамса тащились следом.— Да, кстати, этих придется оставить.— Он указал на

железную свиту.— Вам придется спускаться одному. У нас очень мало места, представляете, даже ванная комната у нас одна на...

— Меня устраивает,— сказал Адамс. Он готов был согласиться на что угодно, даже расстаться со своими жестянками, последней его собственностью, причем с радостью. Кроме того, ему даже хотелось разделять ванную комнату с обитателями соседней квартиры. Это будет ему вовсе не в тягость, напротив, он будет страшно рад. Поскольку это позволит ему компенсировать долгие годы одиночества в качестве доминуса своего огромного, безмолвного, окруженного лесами домена с его туманом, этим ужасным, пустым тихоокеанским туманом.

«Термитам» этого не понять. Может, они даже будут удивлены такой его способностью приспосабливаться к тесноте, после сравнительно сносных условий, в которых он жил в качестве чиновника правительства Эстес-Парка. Именно так он им представится, *вынужден* будет представиться. Мол, он, как и пол-комы, спустился к ним в убежище, чтобы разделить с ними все тяготы и лишения... во всяком случае, так они будут думать.

Какая ирония судьбы!

Глава 28

Наконец они оказались в воздухе. Флаппер несся сквозь ночную черноту на северо-запад, к развалинам Шайенна. На борту было только два человека. Все жестянки — как Адамса, так и Лантано — остались продолжать раскопки. Интересно, подумал Адамс, начнут они враждовать между собой или нет? Вполне возможно.

Вскрыть устье туннеля, ведущего в «Том Микс», оказалось целой проблемой. Только на рассвете им с помощью оборудования, прихваченного из домена Адамса на Тихоокеанском побережье, удалось пробиться сквозь твердую, оплавленную корку, которую жестяные девы Лантано сделали барьером, препятствующим дальнейшему использованию шахты. Николасу и Адамсу вообще повезло, что они ее нашли Зато помогла им в этом именно дотошность жестянок. Место входа в шахту отчетливо выделялось посреди окружающей местности даже ночью, поскольку было абсолютно голым, явно искусственным и безжизненным пятном, похожим на обсидиановую лепешку посреди поросших травой развалин.

Наконец перед ними снова зиял вход в шахту. Профессионально выполненная работа более не существующих жестянок пошла насмарку. Правда, это заняло несколько часов.

Переключив флаппер на автопилот, Адамс отправил его прочь. Машина поднялась и вскоре исчезла в серой утренней дымке. Оставлять ее было нельзя: она сразу выдала бы место, где они исчезли. И еще оставалась проблема заделки входа в туннель, причем заделать его следовало так, чтобы никто не смог его обнаружить даже с помощью специальной аппаратуры.

Для этого они с Адамсом вырезали специальную пробку. Круг твердого дерна, который точно соответствовал диаметру устья туннеля. Впрочем, это было самой простой частью работы. Они с Адамсом протиснулись в туннель, а потом, с помощью цепочек, привязанных к вбитым в дно пробки колышкам, подтянули крышку так, чтобы она точно легла на место. Серый свет утра тут же померк, и теперь единственным освещением стали лучи их фонарей.

Потом очень аккуратно они повытаскивали все металлические клинья из днища пробки, поскольку детекторы сразу обнаружили бы присутствие металла, и это могло бы навести возможных преследователей на цель.

Пять минут спустя Николас уже пробил ногами нижнюю пробку, которую активисты «термитника» под умелым руководством Йоргенсона соорудили так, чтобы ее легко было выбить сверху. Ведь все понимали: если Николас вернется — с артифоргом или без — ему все равно придется проходить тем же путем.

В крошечной кладовой на этаже один все руководство комитета — Халлер, Фландерс и Йоргенсон — ждали, сжимая в руках маленькие, странного вида лазерные пистолеты, которые тайком изготовили в производственных мастерских.

— Мы тебя уже целый час слушаем,— сказал Йоргенсон.— Как ты там шумишь и гремишь, вскрывая туннель. Само собой, мы сразу установили сигнальную систему, и она подняла нас ровно в четыре утра. Ну как ты? — И только тут он заметил алюминиевый цилиндр в руках Николаса.

— Достал,— ахнул Халлер.

— Да, достал,— подтвердил Николас.— Он передал цилиндр Йоргенсону и повернулся, чтобы помочь выбраться из туннеля Адамсу.— Как там Дейл Нуньес? Он сообщил наверх об...

— Нуньес,— перебил его Йоргенсон,— погиб. Несчастный случай. В одном из цехов на нижних уровнях. Призывал нас повышать производительность труда. И слишком близко подошел к электрическому кабелю. А кабель почему-то — я уже, признаться, и забыл, почему,— оказался плохо заизолированным.

Халлер подхватил:

— А какой-то козел случайно толкнул Нуньеса, да так, что тот упал прямо на этот самый кабель. Ну и кранты.— И добавил: — Мы его уже похоронили. Понимаешь, иначе бы он сообщил о твоем исчезновении.

— И мы послали от твоего имени,— сказал Йоргенсон,— как будто ты по-прежнему здесь, официальный рапорт в Эстес-Парк. С просьбой прислать другого пол-кома вместо покойного комиссара Нуньеса, ну и, конечно, выразили самые глубокие соболезнования.

Воцарилось молчание.

Наконец Николас сказал:

— Нужно отнести артифорг Кэрол.— А потом, обращаясь ко всем присутствующим, добавил: — Поверьте, я добыл его вовсе не для того, чтобы мы могли и дальше выполнять квоту. Я добыл его просто для Соузы, чтобы спасти ему жизнь. К тому же, с квотами покончено.

— То есть как это? — подозрительно спросил Йоргенсон.— Что там, наверху? — Тут он наконец заметил Адамса, и сразу понял, что Николас вернулся не один.— А это еще кто? Уж будь добр, объясни?

Николас сказал:

— Давай попозже, сейчас что-то настроения нет.

— Он ведь все еще президент «Тома Микса»,— напомнил Фландерс Йоргенсону.— И может молчать сколько ему заблагорассудится. Ну ты вообще! Да ведь он притащил поджелудочную! Неужели при этом он еще и речь должен сказать?

— Да нет,— смущенно ответил Йоргенсон.

— Где Кэрол? — спросил Николас, когда они с Джозефом Адамсом двинулись к выходу. Он взялся за ручку, толкнул...

Дверь была заперта.

Йоргенсон сказал:

— Мы не можем отсюда выйти, мистер президент. Ни один из нас.

— Это кто так решил? — после недолгой паузы спросил Николас.

— Так Кэрол и решила,— ответил Халлер.— Это все из-за тебя. Кто знает, какой заразы ты мог принести...— он указал на Адамса,— да и этот твой приятель тоже. Просто мы решили, что в любом случае должны сторожить вход в туннель. А вдруг это не из-за тебя сработала тревога! А если бы это оказался все-таки ты, то мы считали, что просто не можем тебя не встретить, так сказать, не поприветствовать. Ведь как-никак, официальное лицо.— Он оглянулся в поисках поддержки.— Даже если бы ты не добыл артифорг. Ты же все-таки решился пойти за ним.

— Да, причем рискуя жизнью,— поддержал его Йоргенсон.

Николас ядовито заметил:

— Кстати, под угрозой, исходящей от вас, ребята, и не только в отношении меня, но и моей жены и брата.

— Может, и так,— сказал Йоргенсон,— но ты же все-таки пошел, ты же не просто высунул голову, огляделся, сполз обратно и заявил, мол, извините, ребята, ничего не вышло. А ведь запросто мог бы. И нам было бы нечего сказать. Никто бы не мог сказать, что ты не попытался.— Теперь встречающие понурились. Чувствуют себя виноватыми, понял Николас. Им стыдно за то, какими средствами они заставили его отправиться наверх. А теперь, сообразил он, их президент вернулся, да еще с артифоргом, и старик Мори Соуза будет спасен и снова займется делами. Производство жестянок достигнет прежнего уровня, и мы справимся с квотой. Вот только теперь их президент знает правду. Которой не знал, выбираясь наружу по узкому туннелю,— правду, которую с самого начала знал комиссар Дейл Нуньес.

Неудивительно, что Нуньес настаивал на связи с поверхности только по официальным каналам — то есть через него, Нуньеса. И никаких *прямых* контактов с верхним миром.

Неудивительно, что присутствие пол-кома в каждом убежище было делом чрезвычайной важности.

Всегда было ясно, что пол-ком выполняет какую-то жизненно важную работу для *кого-то* — предположительно для правительства Эстес-Парка. Но только выбравшись на поверхность лично — и вернувшись обратно — он по-настоящему понял, насколько жизненно важна эта работа и для кого она делается.

— О'кей,— сказал Николас встречающим, сдаваясь и отпуская ручку двери.— И что же Кэрол собиралась делать дальше? Проводить какую-то санобработку? — Уничтожать разные там микробы, бактерии и вирусы, которых, как он теперь знал, и в помине не было. Его так и подмывало взять да и рассказать им все как есть, но он сдержался. Самое главное, решил он, это выбрать подходящий момент. С такими вещами шутить не стоит: если ошибешься, реакция может оказаться слишком бурной. Может выплеснуться наружу слишком много — причем вполне оправданного — гнева. Они будут вырываться наружу через большую шахту, которую охраняют жестянки, выскакивать на поверхность, сжимая в руках свои самодельные лазерные пистолеты... а ветераны-жестянки начнут уничтожать их по мере появления. И вот тогда все для нас будет кончено.

Йоргенсон сказал:

— Мы уже сообщили Кэрол по интеркому, что это ты. Она появится с минуты на минуту. Потерпи немного. Соуза все равно в глубокой заморозке, подождет еще часок. Она собирается пересадить ему поджелудочную где-то в середине дня. А нам тем временем предстоит раздеться, сложить всю одежду в кучу, а потом пройти в оборудованную за дверью дезкамеру — мы сами соорудили ее в мастерских. Там нас обольет несколькими видами дезинфектантов...

Адамс тихо шепнул Николасу:

— Слушайте, я никогда... Никогда не представлял себе, насколько они во все это верят Просто невероятно.— Он был просто ошарашен.— Мы-то всегда думали, что люди в основном принимают все это на чисто интеллектуальном уровне. Но *такое*...— Он недоуменно пожал плечами.

— Верят на все сто,— кивнул Николас. Причем, и на всех эмоциональных тоже. До самого что ни на есть глубочайшего животного уровня.— Он нехотя начал раздеваться. До того момента, который он выберет, чтобы рассказать им всю правду, выбора просто не было. Нужно было пройти весь ритуал.

В конце концов, как будто движимый каким-то слабым, неизвестно откуда взявшимся рефлексом, Адамс тоже принялся медленно расстегивать рубашку.

Глава 29

Ровно в час пополудни того же дня Кэрол Тай сделала — и успешно — операцию по пересадке поджелудочной железы все еще замороженному мертвому Мори Соузе, а потом, при помощи самого лучшего медицинского оборудования «термитника», восстановила кровообращение, сердцебиение и дыхание старика. Сердце снова начало перекачивать кровь, а после этого один за другим были удалены все искусственные стимуляторы.

Электроэнцефалограммы и кардиограммы на протяжении следующих нескольких критических часов показывали, что все процессы в организме идут нормально. У старика Соузы появились неплохие — очень неплохие — шансы выздороветь и прожить еще немало здоровых, важных лет.

Ну вот и все. Николас долго стоял у постели старого механика, наблюдая, как из аппаратов, следящих за состоянием пациента, выползают длинные ленты, исчерченные кривыми, потом, удовлетворенный, вышел.

Настало время снова предстать перед ютящимися в тесных квартирках со становящейся каждое утро ареной никогда не

прекращающейся войны совместной ванной комнатой родственниками. Ему предстояло снова вернуться к прежней жизни.

На какое-то время.

А потом, сказал он себе, идя по больничному коридору к лестнице, ведущей на его этаж, этаж, где он всегда обитал, вострубят трубы и восстанут — только не мертвые,— а обманутые. Причем вовсе не нетленные, к сожалению, а очень даже смертные, бренные и ужасно обозленные.

Целое гнездо разъяренных, готовых уничтожить любого врага ос, ринувшихся в атаку. Сначала этот «термитник», но скоро мы установим контакт и с соседними, поведаем им всю правду. Передайте, скажем, дальше. И со временем ее узнают все. В конце концов весь мир превратится в скопище осиных гнезд, и если они одновременно бросятся в атаку, никакая армия жестянок их не остановит. Конечно, жертвы будут. Возможно, каждый третий. Но вряд ли больше.

Однако все зависело от телепередач в следующие двадцать четыре часа. От того, что скажет Тэлбот Янси, истинный или мнимый.

Прежде всего нужно подождать и посмотреть.

Так кто же одержит верх — Броуз или Лантано? Кто останется в живых и при власти, а кто погибнет?

Все станет ясно из следующей речи Янси, следующей дозы чтива. Возможно даже, из первого десятка слов, которые прозвучат с экрана.

Интересно, подумал он, подходя к двери своей крошечной квартирки, кого бы мне хотелось увидеть больше? Должно быть, Адамсу видней. Дэвид Лантано был добр ко мне, с его помощью я получил артифорг. Но еще до этого его жестянки едва меня не убили... и наверняка убили бы, если бы не вмешался этот же человек, правда, в своем более пожилом воплощении Янси с искусственно осветленным лицом. А может, там взял или со временем возьмет верх кто-то другой — не Лантано и не Броуз, а сразу два человека.

Джозеф Адамс, пока они вскрывали устье туннеля, высказал такое предположение: возможен новый союз, союз Вебстера Фоута с его всемирной полицейской корпорацией, и Луиса Рансибла с его громоздкой внеэкономической гигантской империей-переростком.

Натравленные на Агентство с его армией жестянок, многие из них — старые опытные бойцовские коты с хвостами пистолетом, соскучившиеся по войне и готовые под любым предлогом снова броситься в бой... причем неважно, под чьим командованием, Стэнтона Броуза или Дэвида Лантано.

Он открыл дверь.

Дома оказалась Рита, которая уже ждала его.

— Привет,— негромко сказала она.

— Привет.— Он неуклюже переминался с ноги на ногу в дверях, не зная, входить или нет, и пытаясь догадаться, в каком она настроении.

Рита поднялась со словами:

— Наконец-то ты вернулся. Как я рада тебя видеть! Ну как ты? — Она приблизилась к нему, столь же растерянная, что и он.— Значит, ты ничем не заразился. Я этого больше всего боялась. Уж такие ужасы про всякие эти болезни рассказывают по телевизору, да и Нуньес тоже говорил... пока не пропал.

Он обнял ее и крепко прижал к себе.

— Все это здорово,— прошептала Рита, тоже крепко обхватив его руками.— Но Ник, буквально несколько секунд назад объявили общий сбор. Мы все немедленно должны собраться в зале, будет выступать Протектор. Только, знаешь, я, наверное, не пойду — Нуньес, как ты, наверное, уже знаешь, мертв, так что *насильно загонять* нас туда некому. Лучше останусь дома. С тобой. Она крепко держала его, но он быстро высвободился из ее объятий.— В чем дело? — удивленно спросила она.

— Я пошел в зал,— сказал он и направился к двери.

— Да зачем тебе...

Но у Николаса уже не было времени отвечать, он бегом бросился по коридору к лестнице.

Через несколько мгновений Николас Сент-Джеймс с еще несколькими обитателями убежища уже входил в зал собраний. Заметив Джозефа Адамса, он пробрался к нему и уселся рядом.

Огромный — от пола до потолка — телевизионный экран был включен и неярко светился, но передача еще не началась.

Адамс бросил:

— Вот сидим ждем. Диктор объявил, что это «задержка по техническим причинам».— Он был бледен, лицо осунулось.— Он, то есть Янси, уже появился было, но потом изображение исчезло. Как будто...— он искоса взглянул на Николаса,— кто-то отключил камеру.

— Господи Иисусе! — ахнул Николас и почувствовал, как у него остановилось сердце, но через мгновение снова забилось в прежнем ритме.— Значит, борьба еще не закончена.

— Скоро узнаем,— отозвался Адамс с хладнокровием профессионала.— Это ненадолго.

— А он как обычно сидел за своим дубовым столом, с флагом за спиной, да?

— Не успел заметить. Уж слишком быстро все произошло. Картинка появилась всего на какую-то долю секунды. Думаю...— Адамс говорил негромко, но слышно его было хорошо, несмотря на то, что вокруг них неспешно рассаживались другие термиты, зевали. Переговаривались. Они ведь не знали, они просто не могли знать, что эта передача означала для их общей и личной будущей жизни.— ...Честно говоря, похоже, в девять часов утра в Нью-Йорке так ничего и не произошло. По-видимому, схватка разыгрывается только сейчас.— Он взглянул на часы.— В Агентстве сейчас шесть часов вечера. Следовательно, что-то — Бог знает что — длится уже целый день.— С этими словами он снова выжидательно уставился на большущий телеэкран.

— Так значит,— заметил Николас,— дротик не попал в цель.

— Возможно. Но это еще не конец. Лантано вряд ли сразу же сдался бы и погиб. Давай разберемся. Прежде всего это оружие, если дротик не попадает в цель, сразу извещает об этом владельца. Поэтому Лантано, как бы далеко он ни находился — пусть даже в тысяче миль от места покушения — тут же узнал бы о неудаче. А Фоут наверняка что-нибудь придумал. Надеюсь, что он уже в Кейптауне. Если у него хватило ума — а его у него, поверь, хватает,— то он определенно в Кейптауне. И наверняка рассказал Рансиблу всю правду о спецпроекте. И не следует забывать еще одной вещи: в этих жилкомпах Рансибла тысячи и тысячи экс-«термитов», которых Рансибл, возможно, уже обучил военному делу, вооружил и подготовил к...— тут он смолк.

На экране появилось огромное трехмерное цветное изображение отлично всем знакомого, загорелого, с жесткими чертами лица Тэлбота Янси.

— Друзья мои, американцы,— начал он своим суровым и твердым, торжественным и серьезным и в то же время необыкновенно проникновенным голосом.— Сегодня, видит Господь наш всемогущий, я должен сообщить вам нечто настолько важное, что остается лишь молиться Всевышнему и благодарить его за то, что мы дожили до этого дня. Друзья мои...— тут голос стал буквально переполняться эмоциями, которые сдерживала только железная воля военного до мозга костей. Всегда исключительно мужественный, но сейчас явно потрясенный — вот каким предстал Тэлбот Янси перед своими слушателями. Николас попросту не в состоянии был оценить происходящего: был это манекен, которого они всегда видели на экране, или это...

Камера отъехала назад. Стал виден дубовый стол. Флаг. Все как всегда.

Николас нагнулся к Джозефу Адамсу и шепнул:

— Похоже, Броуз все же одолел их. Видимо, опередил.— Он почувствовал в голове свинцовую тяжесть и невероятную подавленность. Все было кончено.

Впрочем, а что здесь такого? Может, это и к лучшему. Кто знает? И кто узнает? Все равно перед ним и перед всеми остальными «термитами» стояла колоссальная задача. Не что иное, как тотальная, всеобщая война до победы, война за то, чтобы вырваться на поверхность и навсегда там остаться.

Тем временем с экрана, преодолевая волнение, Тэлбот Янси объявил:

— Сегодня должен сообщить всем вам, каждому из вас, живущих под землей, где вы в своих убежищах столько лет трудились не покладая рук...

— Ну, давай же! — прошипел Адамс.

— ...не жалуясь на невзгоды, страдая, но всегда веря... так вот, друзья мои, ваша вера, долгие годы подвергавшаяся испытанию, оправдалась. Друзья мои, война окончена.

Через мгновение зрители, сидящие в зале буквально оцепенели от услышанного. Николас и Адамс переглянулись.

— И вскоре, друзья мои, продолжал Янси своим суровым, торжественным голосом,— вы снова вернетесь в свой собственный, залитый солнцем мир. Поначалу вы будете потрясены, вам будет нелегко, но должен вас предупредить: процесс будет медленным, происходить поэтапно. Но главное позади. Военные действия закончены. Советский Союз, Куба и все остальные члены Нар-Дема наконец приняли общее решение прекратить...

— Лантано,— не веря своим глазам, произнес Адамс.

Николас встал и направился к выходу.

В коридоре, в полном одиночестве, он остановился и задумался. Очевидно, Лантано, с помощью Вебстера Фоута или без него в конце концов все же прикончил Броуза — либо утром с помощью отравленного дротика, либо позже и с помощью какого-то другого оружия. Каким-то иным, но очень профессиональным и не менее пригодным способом. Причем поразил он наверняка именно старый мозг, поскольку только его невозможно было заменить. Стоило этому единственному в своем роде органу выйти из строя — и все, конец. И конец наступил.

Броуз определенно мертв, сообразил он. В этом сомневаться не приходится. Эта передача была тому доказательством — только ее мы и ждали. Единственный знак, который мы здесь внизу, могли получить. Правление янсменов, обман, затянувшийся на

тринадцать лет или даже на целых сорок три года, если вести отсчет с момента выхода на экраны фильмов Готлиба Фишера, закончилось.

К лучшему, а может, и к худшему.

В коридоре появился Адамс. Некоторое время оба молчали, потом Адамс сказал:

— Теперь все зависит от Рансибла и Фоута. Возможно, им удастся создать для Лантано патовое положение. Немного умерить его пыл. Создать то, что в прежнем американском правительстве называлось «балансом сил». Возможно, они обратятся в Прим-Совет, настаивая...— Он махнул рукой.— Впрочем, Бог его знает. Просто надеюсь, они хоть что-то предпримут. Это же кошмар, Ник; скажу тебе честно, для этого мне не нужно быть там и видеть все собственными глазами. Это самый настоящий кошмар, и длиться он будет еще очень долго.

— Но,— сказал Николас,— нам все равно надо начинать выбираться отсюда.

Адамс ответил:

— Я бы предпочел немного подождать и посмотреть, как Лантано, или кто там сейчас управляет куклой,— так вот, я хотел бы посмотреть, как они объяснят все эти тысячи и тысячи квадратных миль илесовых полей. Вместо бескрайней радиоактивной пустыни...

Он улыбнулся, но улыбка тут же перешла в гримасу от нахлынувших на него в этот момент куда более глубоких, сильных и противоречивых идей, он быстро просчитывал в уме одну возможность за другой. Он, профессиональный изобретатель идей, янсмен, словом, тот, кем он был сейчас, снова вернулся в родную стихию — к возбуждению, страху, напряжению.

— А что вообще он или они, кто бы они ни были, вообще могут сказать? Разве тут может вообще быть какое-либо мало-мальски правдоподобное объяснение? Лично я ни одного придумать не могу. Во всяком случае, прямо сейчас, с ходу. Хотя Лантано... нет, тебе не понять, Ник. Он это может. Он просто гений. Да, вполне может.

— Так вы считаете,— сказал Николас,— что самая большая ложь еще впереди?

После продолжительной и явно мучительной паузы Адамс ответил:

— Да.

— А просто правду они сказать не могут?

— Что-что? Послушай, Ник, кто бы они ни были, какая бы, пусть даже самая невероятная группа, ни захватила власть, за-

ключая союзы и выходя из них, кому бы ни достались хотя бы на время козырные карты, после сегодняшнего долгого дня, в который мы не знаем, что именно произошло, перед ними вста_ла задача. Нет, Ник, у них возникла колоссальная проблема. Проблема, как объяснить то, что планета превращена в гигантский, тщательно ухоженный садовниками-жестянками парк. Понимаешь? Причем не просто найти удовлетворительное объяснение для тебя и меня, или для парочки экс-«термитов» там и здесь, а сотням и сотням миллионов враждебно настроенных, по-настоящему взбешенных скептиков, которые будут тщательно проверять каждое слово, которое отныне прозвучит с телеэкрана, независимо от того, из чьих уст оно исходит, и так будет продолжаться бесконечно. Ты хотел бы заняться решением подобной проблемы, а, Ник? Нет, насколько бы тебе такое понравилось?

— Мне бы это вообще не понравилось,— ответил Николас.

Адамс сказал:

— А мне бы понравилось.— В его глазах вдруг появилась такая тоска, такое страдание, смешанные с тем, что Николасу показалось неподдельным и даже страстным всепожирающим желанием вернуться к знакомой и любимой работе.— Клянусь Богом, как бы я хотел этим заняться! Снова сидеть у себя в офисе В Агентстве на Пятой авеню в Нью-Йорке, отсматривая телепередачи, предназначенные для «термитников». Ведь это моя работа. То есть была моя работа. Но туман совершенно запугал меня, да еще одиночество. Я позволил им одержать надо мной верх. Но если бы я сейчас вернулся, это уже бы не повторилось. Потому что ведь это так важно, нам пришлось столько потрудиться, чтобы этот момент настал, и сейчас самое время пожинать плоды. Пусть даже мы и не ведали, что творим. Все равно это свершилось, *а я не там, а здесь*, и именно когда решающий момент все-таки наступил. Я не у дел и скрываюсь здесь — я сбежал.— Его страдание, чувство утраты, осознание того, что отрезан от всех и вся, ощутимо усиливались с каждой секундой, у него то и дело перехватывало дыхание, как будто кто-то невидимый периодически жестоко бил его в живот. Он раскачивался взад и вперед, как будто вот-вот упадет. А схватиться не за что. Адамс пытался удержаться за пустоту, но впустую. И все же он не оставлял попыток.

— Все кончено,— сказал ему Николас, не пытаясь, да и не испытывая большого желания проявлять по отношению к нему доброту.— Для вас лично, и для всех остальных тоже.

«Потому что,— сказал он себе,— я намерен сказать им правду».

Их взгляды встретились, Адамс растерянно моргал, вынырнув из бездны, в которую падал и падал. Во взглядах обоих не было и следа дружелюбия и ни малейшей теплоты. Теперь они были разделены. Абсолютно.

И, секунда за секундой, разделяющая их пропасть пустоты становилась все шире и шире. До тех пор, пока Николас наконец не почувствовал это, почувствовал, как на него наползает то, что Джозеф Адамс всегда называл туманом. Внутренний, безмолвный туман.

— О'кей,— выдавил Адамс.— Ты выболтаешь правду; вы соорудите какой-нибудь жалкий десятиваттовый передатчик и свяжетесь с соседним «термитником», а тот — с другими. А я тем временем вернусь в свой домен, закроюсь в библиотеке, где мне сейчас и следовало бы быть, и напишу речь. Причем, несомненно, это будет лучшая из моих речей. Шедевр. Потому что сейчас именно это и требуется больше всего. Я превзойду в ней даже самого Лантано — при необходимости я способен и на это. Лучше меня в нашем деле никого нет — я знаю, это — мое истинное призвание. И вот тогда мы посмотрим, Ник, немного подождем и посмотрим, кто победит, кто во что и кому поверит, когда все это закончится. Ведь ты не собираешься упускать свой шанс, так вот и я не намерен упускать свой. Я не намерен оставаться на обочине. Выброшенным на свалку.— Он буквально сверлил Николаса взглядом.

В коридор влетела возбужденная и задыхающаяся от волнения Рита.

— Николас, я только что слышала — война закончилась, и мы скоро вернемся на поверхность. И тогда наконец сможем начать...

— Еще не так скоро,— сказал Николас.— Там, наверху, еще не успели как следует подготовиться, да и условия пока не совсем подходящие.— Он страдальчески взглянул на Адамса, ища поддержки.— Правда ведь?

— Да, пока еще рановато,— как-то невыразительно, чисто механически медленно ответил Адамс, как будто он был уже не здесь, а там, и его осталось совсем немного — ровно столько, чтобы ответить.— Но все придет в норму. Ты правильно сказал. Со временем.

— Но ведь это правда,— затарторила Рита.— Мы победили. А этот Нар-Дем сдался под натиском армий наших жестянок. Так сказал Янси, все только об этом и говорят.— Увидев выражение его лица, она упавшим голосом сказала: — Но ведь это не просто слухи. Сам Янси, Протектор, лично сказал это...

Обернувшись к Адамсу, Николас усмехнулся:

— А как насчет того, чтобы объявить им — объявить нам — что это просто сюрприз. Подарок на день рождения.

— Нет,— решительно отмахнулся Адамс, снова прокручивая в голове вариант, тщательно взвешивая идею Николаса.— Нет, это не пройдет.

— Уровень радиации,— сказал Николас. Он вдруг почувствовал, что устал — правда, не так уж сильно, особенно учитывая все, что ему сегодня пришлось пережить. Но никакого уныния или пессимизма он не испытывал. Несмотря на то, что они с Адамсом оба понимали: незаметно подкрался конец всем этим долгим годам ожидания и истраченным впустую силам.

— Радиация,— снова произнес Николас.

При этих словах глаза Адамса загорелись.

— Радиация,— продолжал Николас.— Только сейчас, после долгих тринадцати лет, она наконец-то упала до приемлемого уровня. Ну, как вам это? Что скажете? И на протяжении всех этих лет вы просто вынуждены были говорить — у вас не было выбора, просто не было иного выбора; с моральной и практической точек зрения было просто *необходимо* говорить о том, что война продолжается. Поскольку в противном случае, как это вам отлично известно, все тут же ринулись бы на поверхность.

— Невзирая ни на что,— согласно кивнул Адамс.

— Преждевременно,— продолжал Николас.— Именно так люди всегда поступают по глупости. Но радиация скоро убила бы их. Таким образом, если разобраться, с вашей стороны это явилось своего рода самопожертвованием. Этакой моральной ответственностью, которую взяло на себя ваше руководство. Неплохо, а?

— Я знаю только одно,— тихо сказал Адамс,— мы обязательно что-нибудь придумаем.

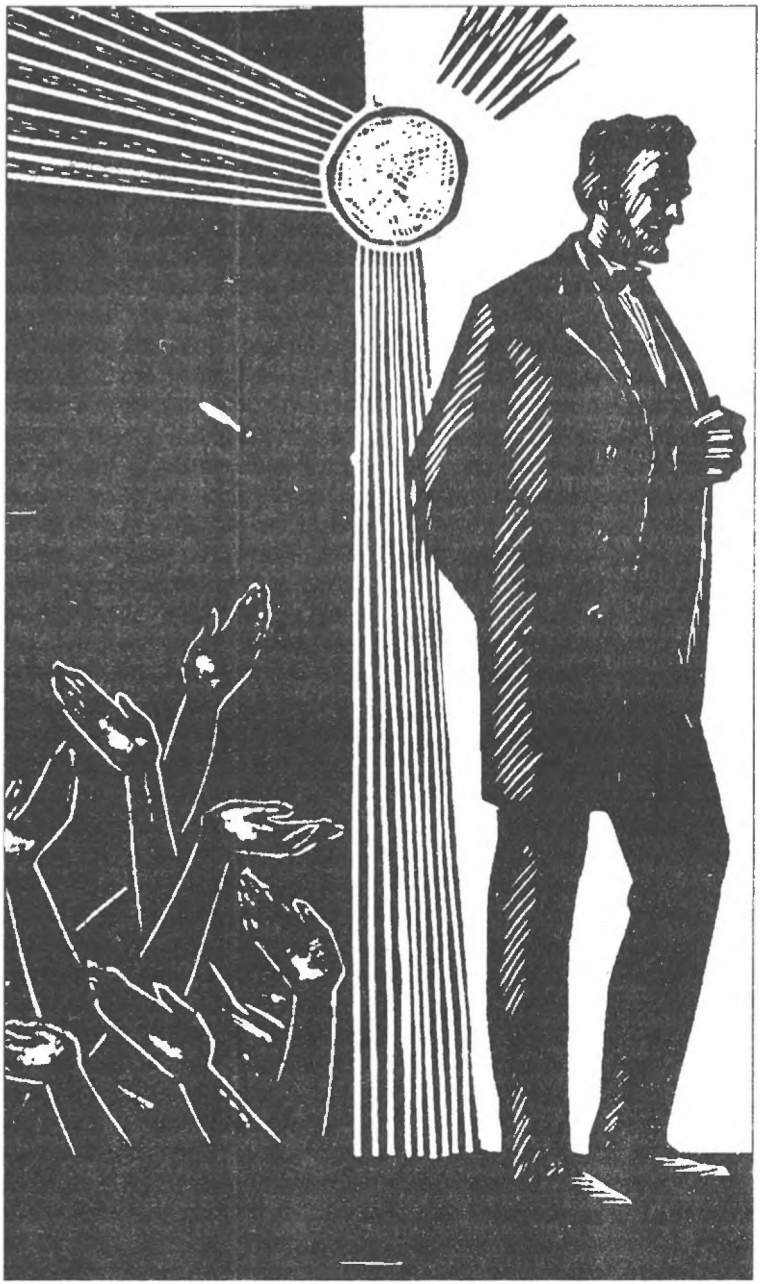
— Ни капельки не сомневаюсь,— ответил Николас.

Он обнял жену за плечи и притянул ее к себе,

«За исключением того,— подумал Николас,— что ничего у тебя не выйдет. Мы тебе этого просто не позволим».

МЫ ВАС ПОСТРОИМ!

Глава 1

Мы разработали и отшлифовали свою технологию продаж музыкальных инструментов где-то в начале семидесятых. Обычно мы начинали с размещения нашей рекламы в любой местной газете в разделе «Частные объявления». Это выглядело примерно так:

«Спинет-пианино и электроорган изъяты за неуплату кредитной ставки. Продаются во избежание расходов по транспортировке инструментов обратно в Орегон. Вещи в прекрасном состоянии. Принимается оплата наличными или кредитными картами, имеющими надежное обеспечение в данном регионе. Обращаться в «Компанию Фраунциммера по производству пианино», к управляющему по кредитам мистеру Року, Онтарио, штат Орегон».

Таким образом на протяжении пяти лет мы методично перебрали практически все населенные пункты западных штатов, добравшись до Колорадо. Дело было поставлено на научную основу, с использованием географических карт. Мы так основательно прошерстили все Западное побережье, что вряд ли остался неохваченным хоть самый завалящий городок. Четыре мощных грузовика — собственность компании — непрерывно колесили по дорогам, в каждом из них находился наш надежный сотрудник.

Теперь представьте: указанное объявление появляется, скажем, в «Индепендент Джорнэл» города Сан-Рафаэль. Вскоре письма с предложениями начинают поступать в нашу орегонскую контору. Тут вступает в дело мой партнер Мори Рок, который сортирует

всю эту корреспонденцию и составляет списки потенциальных клиентов. Затем, когда таковых набирается достаточно в заданном районе, хоть в том же Сан-Рафаэле, он связывается с ближайшим транспортом. Положим, это некий Фред, торчащий на своем грузовике в Марин-Каунти. Получив сообщение Мори, он сверяется с собственной картой и списками клиентов. Теперь ему только остается найти телефон-автомат, и можно звонить первому клиенту.

А тем временем Мори посылает авиапочтой ответы каждому откликнувшемуся на наше объявление:

«Уважаемый мистер такой-то!

Нам очень приятно, что Вы откликнулись на наше объявление в «Индепендент Джорнэл». К сожалению, сотрудник, занимающийся данным вопросом, в настоящий момент находится в отъезде. Мы направили ему Ваши координаты, чтобы он мог связаться с Вами и сообщить все детали...» — и т. д., и т. п.

Что ж, это была хорошая работа... Однако теперь, по прошествии нескольких лет, следует признать: продажа электроорганов трещала по всем швам. Судите сами, за истекший период нам удалось продать в районе Вальехо сорок пианино и ни одного органа.

Такой дисбаланс в продаже наших изделий вызвал некоторую напряженность в отношениях и послужил причиной довольно жаркого спора с моим партнером Мори Роком.

Поздно вечером я прибыл в Онтарио, штат Орегон, намереваясь с утра двинуться дальше на юг, к Санта-Монике. Мне предстояла встреча с нашими спонсорами, пригласившими чиновников из правоохранительного департамента. Так сказать, с целью изучения нашей инициативы, а также методов работы... Ну что ж, благотворительное мероприятие. Столь же бесплатное для нашей компании, сколь и бесполезное, поскольку с некоторых пор мы работали абсолютно законно.

Я бы не назвал Онтарио своей родиной. Вообще-то я родом из Уичита-Фоллз, что в Канзасе. Когда я учился в средней школе, мы переехали в Денвер, а затем в Бойсе, штат Айдахо. Онтарио является в некотором роде пригородом Бойсе, он располагается у самой границы Айдахо. Леса Восточного Орегона к этому месту сходят на нет. Вы проезжаете по длинному металлическому мосту — и перед вами открывается плоская равнина, вот там-то они и фермерствуют. Я имею в виду местных жителей. Их

конек — картофельные пирожки. Оба штата скооперировались и выстроили фабрику по производству этого добра, весьма солидное предприятие, особенно по части электроники. А еще тут чертова прорва япошек, которые перебрались в эти места во время Второй мировой войны, да так и остались выращивать лук и еще какую-то ерунду. Климат здесь сухой, земля дешевая. За крупными покупками люди предпочитают ездить в соседний Бойсе. Что касается последнего, то это довольно большой город, который лично я терпеть не могу, поскольку там не достать приличной китайской еды. Это совсем рядом со старым Орегонским трактом, здесь еще проходит железка на Шайен.

Наш офис располагается в старом кирпичном здании в самом центре, напротив скобяной лавки. Его легко узнать по фиалковым зарослям, которые так радуют глаз, когда вы только что отмотали сотни миль по безжизненным пустыням Калифорнии и Невады.

Итак, я припарковал у тротуара свой запыленный «шевроле» с откидным верхом и зашагал к зданию, на котором красовалась наша вывеска:

ОБЪЕДИНЕНИЕ «МАСА»

«МАСА» расшифровывается как «МУЛЬТИПЛЕКСНЫЕ АКУСТИЧЕСКИЕ СИСТЕМЫ АМЕРИКИ». Это изящное псевдонаучное название родилось из лейбла фабрики по производству электроорганов — фамильного предприятия нашей семьи. Мой же компаньон Мори со своей «Компанией Фраунциммера по производству пианино» влился позднее, его имя как нельзя лучше подходило для нашего парка грузовиков. Надо сказать, Фраунциммер — настоящая фамилия Мори, а уж Рока он придумал позже. Я-то лично предпочитаю имя, под которым родился,— Луис Розен, по-немецки — «розы». Я как-то поинтересовался у Мори, что означает его фамилия, оказывается — просто «женщина». Тогда я спросил, откуда взялся Рок.

— А я просто ткнул наугад в энциклопедию, выпало — Рок Сабэд.

— По-моему, ты сделал неверный выбор,— заметил я.— Мори Сабэд звучало бы лучше.

Я взошел по скрипучей лестнице, она была выстроена еще в 1965 году; по-хорошему давно бы ее пора заменить, да денег не хватает. Массивная дверь распахнулась на удивление легко, пара шагов и я в лифте, эдакой старой автоматической штуковине. Еще через минуту я преодолел несколько последних ступенек и

вошел в наш офис. Там было шумно и весело. Парни выпивали, и судя по всему, уже давно.

Не успел я войти, как Мори бросился в атаку.

— Время идет вперед,— безапелляционно заявил он.— Наши электроорганы уже устарели.

— Ты не прав,— возразил я.— На самом деле электронные органы — это как раз то, что нужно. За электроникой будущее, именно с ее помощью Америка покоряет космос. Вот увидишь: через десять лет ты не сможешь продать ни одного своего спинета в день. Они окажутся пережитком прошлого.

— Раскрой глаза, Луис,— усмехнулся Мори.— Посмотри, на то, что создали наши конкуренты. Взгляни на «Тональный орган Хаммерштайна» или на «Вальдтойфелевскую Эйфорию». А после этого скажи, какой дурак захочет барабанить на твоем органе, как на пишущей машинке!

Мори выглядел как всегда — долговязый, с трясущимися руками и заметно увеличенной щитовидкой. Проблема моего партнера состояла в том, что его организм слишком быстро усваивал пищу. Ему приходилось ежедневно глотать кучу пилюль, а когда они не помогали, бедняга принимал радиоактивный йод. Если б Мори выпрямить, в нем было бы около шести футов трех дюймов. Волосы, когда-то черные, изрядно поседели и поредели, но по-прежнему длинными тонкими прядями спускались на плечи Мори. Его большие, выпуклые глаза смотрели на мир неизменно расстроенно, как бы выражая вселенскую грусть по поводу того, что все меняется от плохого к худшему.

— Хороший инструмент не устаревает,— назидательно сказал я, но, похоже, у Мори была своя точка зрения на этот счет.

По сути, наш бизнес сейчас терпел крах из-за этих чертовых исследований мозга, что проводились где-то в середине 60-х, а также изобретения Пенфилдом, Джекобсоном и Олдсом технологий глубинного управления. А хуже всего были их открытия в области среднего мозга. Гипоталамус — это место, где формируются эмоции человека, и вот тут-то мы совершили ошибку. Мы не приняли в расчет гипоталамус. Фабрика Розена никогда не использовала прием шоковой передачи на выборочных частотах коротковолнового диапазона, который стимулирует очень специфические участки среднего мозга. Тем самым мы подписали себе приговор, вся дальнейшая борьба оказалась бесполезной. А ведь это было так просто и эргономично — элементарно добавить несколько дополнительных переключателей к нашей обычной клавиатуре из 88 черно-белых клавиш.

Как и многим другим, мне доводилось иметь дело с «Тональным органом Хаммерштайна» — впечатления приятные, не спорю, хотя, по сути своей, ничего конструктивного. Да, действительно, вы имеете возможность набрать на клавиатуре хитрую комбинацию для стимуляции новых эмоций в ваших мозгах. Допускаю, что теоретически, можно даже достичь состояние нирваны. Обе корпорации — Хаммерштайна и Вальдтойфеля — сорвали на этом деле большой куш. Но, друзья мои, это же не музыка! Просто бегство в никуда. Ну, и кому это нужно?

— Это нужно мне,— заявил Мори не далее как в декабре 1978. И он пошел и нанял электронщика, уволенного из Федерального Космического Агентства. Мори надеялся, что этот инженеришка по-быстрому сляпает для него новую улучшенную версию электрооргана с использованием стимуляции гипоталамуса.

Однако Боб Банди, пусть и гений по части электроники, с органами дела никогда прежде не имел. До нас он занимался тем, что проектировал симулякров для правительства. Хочу пояснить: симулякр — это искусственный человек, которого лично я предпочитаю считать элементарным роботом. Их используют в исследовательских экспедициях на Луну, время от времени засылая новые партии с мыса Канаверал.

С увольнением Банди дело было темное. Ну да, конечно, он пил, но это никак не сказывалось на его творческом потенциале. Погуливал, но не больше, чем все мы. Я думаю, его вышвырнули за неблагонадежность. Нет, Банди не являлся коммунистом — смешно даже представить его приверженцем каких-то политических идей — скорее, это был законченный образец бродяги. Ну, знаете, вечно грязная одежда, нечесаные волосы, небритый подбородок и блуждающий взгляд. Добавьте к этому бессмысленную улыбочку — и перед вами портрет Боба Банди. Психиатры из Федерального бюро психического здоровья классифицируют подобных типчиков как *ущербных*. Наверное, в чем-то они правы: если Бобу задают вопрос, он испытывает определенные трудности с формулированием ответа. Кажется, будто у него срабатывает блокировка речи. Но его руки — они чертовски хороши! Что-что, а свою работу он делать умеет. Вот потому он и не подпадает по действие Акта Мак-Хестона.

Однако прошло уже много месяцев, как Боб работает на нашу контору, и до сих пор из его трудов не вышло ничего путного. И это невзирая на то, что Мори носится с ним, как курица с яйцом.

— Единственная причина, по которой ты так уперся в свою гавайскую гитару с электроклавиатурой,— заявил мне Мори,— заключается в том, что твой отец и брат занимались этой штуковиной. Вот почему ты не в состоянии посмотреть правде в глаза.

— Ты используешь доводы «ад хоминем»,— возразил я.— То есть подменяешь аргументы личными выпадами.

— Талмудистская схоластика,— отмахнулся Мори.

Было совершенно очевидно, что он успел основательно нагрузиться спиртным, как и все остальные. Пока я крутил баранку, они успели выдуть не одну бутылку старого доброго бурбона.

— Ты хочешь расторгнуть наше партнерство? — напрямик спросил я.

В этот момент я и сам хотел того же. Не стоило ему катить пьяную бочку на моего отца и брата. А заодно и на всю нашу Фабрику электроорганов в Бойсе с ее персоналом из семнадцати служащих.

— Я только говорю, что новости из Вальехо предрекают скорую кончину нашему главному продукту,— продолжал Мори,— несмотря на его 60-тысячный диапазон звуковых комбинаций, часть из которых попросту недоступна человеческому уху. Все вы Розены просто помешаны на космических напевах вуду, которые производит ваша дерьмовая аппаратура. И у вас еще хватает духу называть это музыкальными инструментами! Да вам попросту медведь на ухо наступил. Я бы ваш электронный полуторатысячный орган не стал держать дома, даже если б он достался мне даром. Я лучше куплю набор виброфонов.

— Ага,— ухмыльнулся я,— да ты у нас пурист. И, кстати, эта штука стоит не полторы тысячи, а тысячу семьсот.

— Твоя форсированная музыкальная шкатулка выдает один только рев, который после модификации превращается в свист,— Мори очевидным образом несло.— Больше она ни на что не годится.

— На ней можно сочинять музыку,— настаивал я.

— Не смеши меня! Я бы скорее назвал этот процесс созданием средства от несуществующей болезни. Черт побери, Луис, тебе следует либо спалить полфабрики, которая производит эту фигню, либо модернизировать ее. Переделать во что-то новое и более полезное для бедного человечества на его мучительном пути вперед. Ты слышишь меня? — Мори раскачивался на стуле, тыча в меня длинным пальцем.— Мы ведь вырвались в небо, движемся к звездам. Человек уже не должен быть таким узколобым придурком, как Луис Розен. Ты слышишь меня?

— Слышу,— ответил я.— Но, сдается мне, именно ты и Боб Банди были теми людьми, которые брались решить все наши проблемы. И вот месяцы прошли, а что же мы имеем?

— Мы имеем нечто,— веско произнес Мори.— И когда ты увидишь это, то будешь вынужден признать, что мы сделали несомненный шаг вперед.

— Да? Ну так покажи мне ваши достижения!

— Ладно,— согласился он.— Мы сейчас поедем на фабрику, тем более что твой папаша и братец Честер наверняка торчат там. Будет только честно продемонстрировать им продукт, который они там у себя производят.

Стоявший с выпивкой в руках Банди одарил меня своей обычной подленькой усмешкой. Было очевидно, что наша беседа изрядно его нервирует.

— Чувствую: вы, парни, собираетесь нас разорить,— сказал я ему.

— Ха, так мы точно разоримся,— парировал Мори.— Особенно если будем маяться дурью с вашим органом «Вольфганг Монтеверди» или той переводной картинкой, которую твой братец Честер наляпал на него в этом месяце.

Мне нечего было ответить, и я предпочел сконцентрироваться на выпивке.

Глава 2

У Мори была седьмая модель «ягуара» выпуска 1954 года. Знаете, такая мечта коллекционера — белая колымага с противотуманными фарами и решеткой, как у «роллс-ройса». Внутри салон радовал обилием света и кожаными, ручной обтяжки, сидениями орехового цвета. Мой партнер трясся над своим бесценным «ягуаром», постоянно что-то отлаживал и улучшал в нем. Тем не менее на автостраде, связывающей Онтарио с Бойсе, мы тащились со скоростью не выше 90 миль в час. Это бесило меня.

— Послушай, Мори, я жду объяснений,— начал я.— Ну давай, разверни передо мной радужные перспективы, как это ты умеешь.

Мори, не отрываясь от руля, затянулся своей сигарой «Корина спорт», откинулся назад и спросил:

— Как по-твоему, что волнует сегодня Америку?

— Секс,— предположил я.

— Нет.

— Ну, может, соревнование с Россией по завоеванию планет Солнечной системы?

— Нет.

— Ладно, скажи тогда сам.

— Гражданская война 1861 года.

— О, Господи! — вырвалось у меня.

— Я не шучу, дружище. Наша нация обременена навязчивой идеей войны между штатами. И я тебе объясню, почему: это была первая и единственная военная кампания, в которой американцы принимали полноценное участие! — Он выдул дым от своей «Корины» мне прямо в лицо.— Собственно, это и сделало нас американцами.

— Лично я так не думаю.

— Да брось! Давай заедем в любой крупный город центральных штатов и проведем эксперимент. Опроси десять человек на улице и, готов биться об заклад, шестеро из них в ответ на подобный вопрос ответят: «Гражданская война 1861 года». Я просек это еще полгода назад и с тех пор размышлял, какую выгоду можно извлечь из данного факта. Так вот, старик, это может иметь фундаментальное значение для «МАСА», если мы, конечно, не прохлопаем ушами. Ты в курсе, у них тут был столетний юбилей, лет десять тому назад?

— Да,— сказал я,— в 1961 году.

— И он провалился. Кучка бедолаг разыграла пару-тройку битв, и все. Дело обернулось громким пшиком. Ну, да ладно, бог с ними! Ты лучше взгляни на заднее сидение.

Я включил свет внутри салона и обернулся. Там лежало нечто, упакованное в газеты, формами напоминавшее куклу из витрины, ну знаете, эти манекены. И судя по минимальному количеству выпуклостей в районе грудной клетки, вряд ли женский манекен.

— И что это? — спросил я.

— То, над чем я работал.

— Это пока я надрывался с нашими грузовиками?

— Точно, дружище,— усмехнулся Мори.— И помяни мое слово: пройдет время, и эта затея затмит все наши спинеты и органы. Да так, что у тебя голова кругом пойдет!

Он многозначительно покивал.

— Теперь, пока мы не приехали в Бойсе, выслушай меня, Луис. Я не хочу, чтобы благодаря твоему папочке и Честеру для нас наступили тяжелые времена. Вот почему нужно ввести тебя в курс дела прямо сейчас. Эта штуковина, там сзади, принесет миллиард баксов нам или любому, кому посчастливится ее найти. И вот что я собираюсь сделать. Я сейчас съеду с дороги и где-

нибудь продемонстрирую ее тебе. Может, у закусочной или на заправке — да в любом месте, где достаточно светло.— Мори выглядел напряженным, руки его дрожали больше обычного.

— А кто поручится, что там у тебя не припрятан двойник Луиса Розена? — спросил я.— Вдруг ты собираешься вырубить меня, а эту чертову штуковину посадить на мое место?

Мой компаньон внимательно посмотрел на меня.

— Почему ты спросил? Нет, все не так, дружище, но по случайности ты почти попал в яблочко. Вижу, котелок у тебя еще варит. Как в старые добрые времена, когда мы были зелеными юнцами и ничего не имели за душой. Если, конечно, не считать твоего папаши и вечно озабоченного братца. Черт, интересно, почему же Честер не стал сельским ветеринаром, как собирался вначале? Это здорово облегчило бы нам жизнь. Так нет же, вместо этого, извольте радоваться — фабрика спинет-пианино в Бойсе, штат Айдахо. Бред какой-то! — покачал головой Мори.

— Ну, твоя-то семейка и того не сделала,— заметил я.— Они вообще ничего не сделали и не создали. Типичное сборище посредственностей, проходимцы от швейной промышленности. Может, скажешь, это они поддержали наш бизнес, а не мой отец и Честер? Короче, во-первых, я хочу знать, что это за дрянь у тебя на заднем сидении. И, во-вторых, я не собираюсь останавливаться на заправке или у закусочной. У меня смутное предчувствие, что ты и впрямь собираешься каким-то образом подставить меня. Так что давай, крути баранку.

— Но подобную вещь не описать словами, ты должен видеть.

— Уверен, ты справишься. Мошенничество — это как раз твой конек.

— Ну, хорошо, я тебе объясню, почему их чертов юбилей тогда провалился. Потому что парни, которые когда-то сражались и клали свои жизни за Союз или Конфедерацию, уже мертвы. Никто не может перевалить за столетний срок. А если такие и есть, то они ни на что уже не годны — по крайней мере, ружье они в руки не возьмут. Согласен?

— Хочешь сказать, у тебя там припрятана мумия или какой-нибудь зомби из ужастиков? — поинтересовался я.

— Я тебе скажу, что у меня там. В эту кучу газет у меня упакован Эдвин М. Стэнтон.

— Кто-кто?

— Он был военным советником у Линкольна.

— А!

— Я не шучу.

— И когда же он умер?

— Давным-давно.

— Я так и думал.

— Послушай,— сказал Мори.— Я создал электронного симулякра, вернее, Банди его создал для нас. Это обошлось мне в шесть тысяч, но оно того стоило. Давай остановимся у закусочной на ближайшей заправке, и я устрою демонстрацию. Думаю, это единственный способ тебя убедить.

У меня мурашки побежали по коже.

— В самом деле?

— А ты думаешь, это дешевый розыгрыш?

— Боюсь, нет. Мне кажется, ты абсолютно серьезен.

— Точно, приятель,— подтвердил Мори. Он сбавил скорость и включил поворотник.— Я остановлюсь вон там, видишь вывеску «У Томми: Отличные итальянские обеды и легкое пиво».

— Ну, и дальше? Что ты имеешь в виду под демонстрацией?

— Мы просто распакуем его, он войдет с нами в закусочную, закажет пиво и цыпленка. Вот что я имею в виду под демонстрацией.

Мори припарковал свой «ягуар» и открыл заднюю дверцу. Он зашуршал газетами, и довольно скоро нашим глазам предстал пожилой джентльмен в старомодной одежде. Лицо его украшала седая борода, глаза были закрыты, руки скрещены на груди.

— Вот увидишь, насколько он будет убедителен, когда закажет себе пиццу,— пробормотал Мори и защелкал какими-то переключателями на спине робота. Мгновенно лицо джентльмена приняло замкнутое, сердитое выражение, и он проворчал:

— Будьте любезны убрать свои руки от меня, мой друг.

Мори торжествующе ухмыльнулся:

— Ты видел это?

Тем временем робот медленно сел и начал тщательно отряхиваться. Он сохранял строгий и злобный вид, как будто мы и впрямь причинили ему какой-то вред. Возможно, этот джентльмен подозревал, что мы оглушили и силой захватили его, и вот он только-только пришел в себя. Я начинал верить, что ему удастся одурачить кассира в «Отличных обедах у Томми». А еще мне стало ясно: Мори все просчитал заранее. Если б я не видел собственными глазами, как эта штука ожила, то вполне мог бы купиться. Пожалуй, решил бы, что передо мной просто патриархального вида джентльмен, приводящий в порядок одежду и потрясающий при этом своей раздвоенной бородой с выражением праведного гнева.

— Так, ясно,— медленно произнес я.

Мори распахнул заднюю дверцу, и Эдвин М. Стэнтон с достоинством вышел из машины.

— У него деньги-то есть? — поинтересовался я.

— Ну конечно,— возмутился мой компаньон.— И давай без глупых вопросов, ладно? Поверь, все очень серьезно. Может, серьезнее, чем когда-либо.

Шурша по гравиевой дорожке, мы отправились в ресторанчик. Мори вполголоса развивал свою мысль:

— Это дело открывает блестящее будущее для нас. И, кстати, шикарные экономические перспективы для всей Америки.

В ресторане мы заказали пиццу, но она оказалось подгоревшей, и Эдвин М. Стэнтон закатил скандал, размахивая кулаком перед носом у хозяина заведения. В конце концов мы все же оплатили счет и удалились.

Я взглянул на часы — прошел уже час, как мы должны были прибыть на Фабрику Розена. Меня вообще одолевали сомнения, что мы попадем туда сегодня. Мори почувствовал мою нервозность.

— Не переживай, дружище,— успокоил он меня, заводя машину.— С этим новомодным твердым топливом для ракет я смогу выжать из моей крошки все 200 миль.

— Я бы посоветовал не рисковать понапрасну,— раздался ворчливый голос Эдвина М. Стэнтона.— Разумеется, если безусловный выигрыш не перевешивает риск.

— Кто бы спорил,— откликнулся Мори.

«Фабрика Розена по производству пианино и электроорганов» (формально она именовалась заводом) вряд ли являлась достопримечательностью города Бойсе. С виду — это плоское одноэтажное здание, смахивающее на пирог в один слой, с собственной парковкой. Вывеска — с тяжелыми пластиковыми буквами и подсветкой — выглядит очень современно, зато окон немного, только в офисе.

Когда мы подъехали, уже совсем стемнело, и фабрика была закрыта. Пришлось ехать дальше, в жилой район.

— Как вам здесь нравится? — спросил мой компаньон у Эдвина М. Стэнтона.

Робот, всю дорогу сидевший очень прямо на заднем сидении, немедленно откликнулся:

— Не назовешь приятным местом. Я нахожу довольно безвкусным жить здесь.

— Послушайте, вы! — возмутился я.— Моя семья живет здесь, неподалеку, и я бы попросил...

Я и в самом деле разозлился, услышав, как эта фальшивка критикует настоящих людей, тем более — моего замечательного отца. Я уж не говорю о моем брате, Честере Розене! Среди радиационных мутантов можно было по пальцам пересчитать тех, кто, подобно ему, достиг чего-то в производстве пианино и электроорганов. «*Особорожденные*» — вот как их называют! Подняться столь высоко при нынешних предрассудках и дискриминации... Ни для кого не секрет, что университет, а следовательно, и большинство приличных профессий для них закрыты.

Честер, Честер... Нашу семью всегда безумно расстраивало, что глаза у него расположены под носом, а рот — как раз там, где полагается быть глазам. Но в этом виноват не он, а те, кто испытывал водородную бомбу в 50–60-х годах. Именно из-за них страдает сегодня Честер и подобные ему. Помню, ребенком я зачитывался книгами о врожденных дефектах — тогда, пару десятилетий назад, эта тема многих волновала. Так вот, там описывались такие случаи, по сравнению с которыми наш Честер — почти нормальный человек. Хуже всего были истории про младенцев, которые просто распадались во чреве, а потом рождались по кусочкам: челюсть, рука, пригоршня зубов, пальцы. Как те пластмассовые детальки, из которых ребятишки склеивают модели самолетов. Беда только в том, что этих несчастных эмбрионов уже было не собрать воедино. Во всем мире не сыскать такого клея, который позволил бы их снова склеить. Лично меня подобные статьи неизменно вгоняли в длительную депрессию.

А еще появлялись новорожденные, сплошь заросшие густыми волосами, как тапочки из шерсти тибетского яка. И те, чья кожа до того пересыхала, что шла глубокими трещинами, как будто они побывали на Солнце. Так что оставим в покое бедного Честера.

«Ягуар» остановился у края тротуара напротив нашего дома. В гостиной горел свет — видимо, родители с братом смотрели телевизор.

— Давай пошлем Эдвина М. Стэнтона вперед,— предложил Мори.— Пусть он постучится, а мы понаблюдаем из машины.

— Вряд ли это хорошая мысль,— усомнился я.— Отец за милю признает фальшивку. Еще, чего доброго, спустит его с лестницы, и ты потеряешь свои шесть сотен, или сколько там ты заплатил. Хотя, скорее всего, затраты спишутся на счет «МАСА», подумал я.

— Пожалуй, я рискну,— сказал Мори, придерживая заднюю дверцу, чтоб его протеже мог выйти.

Он снабдил его директивой, довольно нелепой, на мой взгляд:

— Ступай к дому номер 1429 и позвони в дверь. Когда тебе откроют, произнеси следующую фразу: «Теперь он принадлежит векам» и жди.

— Что все это означает? — возмутился я.— Какой-то магический пароль, открывающий двери?

— Это знаменитое высказывание Стэнтона,— пояснил Мори,— по поводу смерти Линкольна.

— Теперь он принадлежит векам,— повторял Стэнтон, пересекая тротуар и поднимаясь по ступеням.

— Давай я пока вкратце расскажу тебе, как мы сконструировали Эдвина М. Стэнтона,— предложил мой компаньон.— Как собирали по крупицам всю информацию о нем, а затем готовили и записывали в Калифорнийском университете управляющую перфоленту центральной монады мозга образца.

— Да ты отдаешь себе отчет, что вы делаете,— возмутился я.— Подобным жульничеством ты попросту разрушаешь «МАСА»! Эта ваша дрянь, у которой мозгов кот наплакал! И зачем я только с тобой связался?

— Тише,— прервал меня Мори, так как Стэнтон уже звонил в дверь.

Открыл ему мой отец. Я видел его в дверях — домашние брюки, шлепанцы и новенький халат, подаренный мною на Рождество. Зрелище было достаточно внушительное, и Стэнтон, уже начавший заготовленную фразу, дал задний ход. В конце концов он пробормотал:

— Сэр, я имею честь знать вашего сына Луиса.

— О да,— кивнул отец.— Он сейчас в Санта-Монике.

Очевидно, название было незнакомо Эдвину М. Стэнтону, он умолк и застыл в растерянности. Рядом со мной чертыхнулся Мори, меня же эта ситуация безумно смешила. Вот он, его симулякр, стоит на крыльце, как неопытный коммивояжер, не умеющий подобрать слова.

Однако надо признать, картина была замечательная: два пожилых джентльмена, стоящие друг перед другом. Стэнтон, в своей старомодной одежде и с раздвоенной бородкой, выглядел ненамного старше моего отца. Два патриарха в синагоге, подумалось мне. Наконец отец вспомнил о приличиях:

— Не желаете зайти?

Он отступил в сторону, и симулякр проследовал внутрь. Дверь захлопнулась. Освещенная лужайка перед домом опустела.

— Ну, что скажешь? — усмехнулся я.

Мори промолчал. Мы прошли в дом и застали там следующую мизансцену: мама и Честер смотрели телевизор. Стэнтон, чинно сложив руки на коленях, сидел на диване в гостиной и беседовал с моим отцом.

— Папа,— обратился я к нему,— ты попусту тратишь время, разговаривая с этой штукой. Знаешь, что это? Примитивная машина, вещь, на которую наш Мори выкинул шестьсот баксов.

Оба — и мой отец, и Стэнтон — умолкли и уставились на меня.

— Ты имеешь в виду этого почтенного джентльмена? — спросил отец, закипая праведным гневом. Он нахмурился и громко, отчетливо произнес: — Запомни, Луис, человек — слабый тростник, самая хрупкая вещь в природе. Чтобы погубить его, вовсе не требуется мощи всей вселенной, подчас достаточно одной капли воды. Но, черт побери, это мыслящий тростник!

Отец все больше заводился. Ткнув в меня указующим перстом, он прорычал:

— И если весь мир вознамерится сокрушить человека, знаешь, что произойдет? *Ты* знаешь? Человек проявит еще большее благородство! — Он резко стукнул по ручке кресла.— А знаешь почему, mein Kind?[1] Потому что знает: рано или поздно он умрет. И я тебе скажу еще одну вещь: у человека перед этой чертовой вселенной есть преимущество — понимание того, что происходит!

— Именно в этом — наше главное достоинство,— закончил отец, немного успокоившись.— Я хочу сказать: человек слаб, ему отведено мало места и пространства. Но зато Господь Бог даровал ему мозги, которые он может применять. Так кого же ты здесь назвал вещью? Это не вещь, это ein Mensch[2]. Человек!

— Послушайте, я хочу рассказать вам одну шутку,— и отец принялся рассказывать какую-то длинную шутку, наполовину на английском, наполовину на идише. Когда он закончил, все улыбнулись, хотя Эдвин М. Стэнтон, на мой взгляд,— несколько натянуто.

Я постарался припомнить, что же мне доводилось читать о нашем госте. В памяти всплывали отрывочные сведения из времен Гражданской войны и периода реорганизации Юга. Эдвин М. Стэнтон был достаточно резким парнем, особенно в пору его

---

[1] Mein Kind *(нем.)* — дитя мое.

[2] Ein Mensch *(нем.)* — человек.

вражды с Эндрю Джонсоном, когда пытался спихнуть президента посредством импичмента. Боюсь, он не оценил в полной мере анекдот моего отца, уж больно тот смахивал на шуточки, которые Стэнтон целыми днями выслушивал от Линкольна в бытность его советником. Однако остановить моего отца было невозможно, ведь недаром он являлся сыном ученика Спинозы, кстати, весьма известного. И хотя в школе бедный папа не продвинулся дальше седьмого класса, он самостоятельно перечитал кучу всевозможных книг и даже вел переписку со многими литературными деятелями всего мира.

— Сожалею, Джереми,— произнес Мори, когда отец перевел дух,— но Луис говорит правду.

Он направился к Эдвину М. Стэнтону, потянулся и щелкнул у него за ухом. Симулякр булькнул и застыл на манер манекена в витрине. Его глаза потухли, руки замерли и одеревенели. Картинка была еще та, и я обернулся, чтобы поглядеть, какой эффект это произвело на мое семейство. Даже Честер с мамой оторвались на миг от своего телевизора. Все переваривали зрелище. Если атмосфере этого вечера прежде и не хватало философии, то теперь настроение изменилось. Все посерьезнели. Отец даже подошел поближе, чтоб самолично осмотреть робота.

— Оу gewalt[1],— покачал он головой.

— Я могу снова включить его,— предложил Мори.

— Nein, das geht mir nicht[2].— Отец вернулся на свое место и поудобнее уселся в своем легком кресле.

Затем он снова заговорил, и в его слабом голосе теперь слышалась покорность:

— Ну, как там дела в Вальехо? — В ожидании ответа он достал сигару «Антоний и Клеопатра», обрезал ее и прикурил. Это замечательные гаванские сигары ручного изготовления, и характерный аромат сразу же наполнил гостиную.

— Много продали органов и спинетов «Амадеус Глюк»? — хмыкнул отец.

— Джереми,— подал голос Мори,— спинеты идут как лемминги, чего не скажешь про органы.

Отец нахмурился.

— У нас было совещание на высшем уровне по этому поводу,— продолжил Мори.— Выявились некоторые факты. Видите ли, розеновские электроорганы...

---

[1] Gewalt *(нем.)* — сильно.

[2] Nein, das geht mir nicht *(нем.)* — нет, мне этого не надо.

— Погоди,— прервал его мой отец.— Не спеши, Мори. По эту сторону железного занавеса органы Розена не имеют себе равных.

Он взял с кофейного столика месонитовую плату, одну из тех, на которых устанавливаются резисторы, солнечные батарейки, транзисторы, провода и прочее.

— Я поясню принципы работы нашего электрооргана,— начал он.— Вот здесь цепи микрозадержки...

— Не надо, Джереми. Мне известно, как работает орган,— прервал его Мори.— Позвольте мне закончить.

— Ну, валяй.— Отец отложил в сторону месонитовую плату, но прежде, чем Мори открыл рот, договорил: — Но если ты надеешься выбить краеугольный камень нашего бизнеса только на том основании, что сбыт органов временно — заметь, я говорю это обоснованно, на основе личного опыта — так вот, *временно* снизился...

— Послушайте, Джереми,— выпалил мой компаньон,— я предлагаю расширение производства.

Отец приподнял бровь.

— Вы, Розены, можете и впредь производить свои органы,— сказал Мори,— но я уверен: как бы они ни были хороши, объемы продаж будут и дальше снижаться. Нам нужно нечто совершенно новое. Подумайте, Хаммерштайн со своим тональным органом плотно забил рынок, и мы не сможем с ним конкурировать. Так что у меня другое предложение.

Отец слушал внимательно, он даже приладил свой слуховой аппарат.

— Благодарю вас, Джереми,— кивнул Мори.— Итак, перед вами Эдвин М. Стэнтон, симулякр. Уверяю вас, он ничуть не хуже того Стэнтона, что жил в прошлом веке. Вы и сами могли в этом убедиться сегодня вечером, беседуя с ним на разные темы. В чем ценность моего изобретения? Где его целесообразно использовать? Да прежде всего в образовательных целях. Но это еще цветочки, я сам начал со школ, а потом понял: симулякр дает гораздо больше возможностей. Это верная выгода, Джереми. Смотрите, мы выходим на президента Мендосу с предложением заменить их игрушечную войну грандиозным десятилетним шоу, посвященным столетию США. Я имею в виду юбилейный спектакль по поводу Гражданской войны. Мы, то есть фабрика Розена, обеспечиваем участников-симулякров для шоу. Да будет вам известно, что «симулякр» — собирательный термин латинского происхождения, означает «любой». Да-да, именно любой — Лин-

кольн, Стэнтон, Джефф Дэвис, Роберт И. Ли, Лонгстрит,— а с ними еще три миллиона рядовых вояк хранятся у нас на складе. И мы устраиваем спектакль, где участники по-настоящему сражаются. Наши сделанные на заказ солдаты рвутся в бой, не в пример этим второсортным наемным статистам, которые не лучше школьников, играющих Шекспира. Вы следите за моей мыслью? Чувствуете, какой масштаб?

Ответом ему было гробовое молчание. Что касается меня, то я вполне оценил масштаб.

— Через пять лет мы сможем поспорить с «Дженерал Дайнамикс»,— добавил Мори.

Мой отец смотрел на него, покуривая свою сигару.

— Не знаю, не знаю, Мори,— сказал он наконец, покачивая головой.

— Почему же нет? Объясните мне, Джереми, что не так?

— Мне кажется, временами тебя заносит.— В голосе отца слышалась усталость. Он вздохнул.— Или, может, это я старею?

— Да уж, не молодеете.— Мори выглядел расстроенным и подавленным.

— Может, ты и прав,— отец помолчал немного, а затем проговорил, как бы подводя черту: — Нет, твоя идея чересчур грандиозна, Мори. Мы не дотягиваем до подобного величия. Слишком сокрушительным грозит оказаться падение с такой высоты, nicht wahr? [1]

— С меня довольно вашего немецкого,— проворчал Мори.— Если вы не одобряете мое предложение, что ж, дело ваше... Но для меня уже все решено. Я за то, чтоб двигаться вперед. Вы знаете, в прошлом у меня не раз рождались идеи, которые приносили нам прибыль. Так вот поверьте, эта — самая лучшая! Время не стоит на месте, Джереми. И мы должны идти в ногу с ним.

Мой отец печально продолжал курить сигару, погруженный в свои мысли.

Глава 3

Все еще надеясь переубедить моего отца, Мори оставил у него Стэнтона — так сказать, на консигнацию [2],— а мы покатили обратно в Орегон. Дело близилось к полуночи, и Мори предло-

---

[1] Nicht wahr? *(нем.)* — Не правда ли?

[2] Консигнация — форма комиссионной продажи товаров, при которой их владелец передает комиссионеру товар для продажи со склада комиссионера. *(Прим. перев.)*

жил переночевать у него. Настроение у меня после разговора с отцом было поганое, так что я с радостью согласился. Мне вовсе не улыбалась перспектива провести остаток ночи в одиночестве.

Однако в доме Мори меня ждал сюрприз: его дочь Прис, оказывается, уже выписалась из клиники в Канзас-Сити, куда она была помещена по настоянию Федерального Бюро психического здоровья.

Я знал от Мори, что девочка перешла под наблюдение этой организации на третьем году средней школы, когда ежегодная плановая проверка обнаружила у нее тенденцию к «нарастанию сложностей», как теперь это называется у психиатров. Или, попросту говоря, к шизофрении.

— Пойдем, она поднимет тебе настроение,— сказал Мори, заметив мою нерешительность у двери.— Это как раз то, что нужно нам обоим. Прис так выросла с тех пор, как ты видел ее в последний раз,— совсем взрослая стала. Ну, входи же!

Он за руку ввел меня в дом.

Прис, одетая в розовые бриджи, сидела на полу в гостиной. Она заметно похудела с нашей последней встречи, прическа также изменилась — стала намного короче. Ковер вокруг был усеян разноцветной кафельной плиткой, которую Прис аккуратно расщелкивала на правильные кусочки при помощи кусачек с длинными ручками. Увидев нас, она вскочила:

— Пойдем, я покажу тебе кое-что в ванной.

Я осторожно последовал за ней.

Всю стену ванной комнаты занимала мозаика — там красовались разнообразные рыбы, морские чудовища, обнаружилась даже одна русалка. Все персонажи были выполнены в совершенно невообразимой палитре. Так, у русалки оба соска оказались ярко-красными — два алых пятнышка на груди. Впечатление было одновременно интригующим и отталкивающим.

— Почему бы тебе не пририсовать светлые пузырьки к этим соскам? — сказал я.— Представляешь, входишь в сортир, включаешь свет — а там блестящие пузырьки указывают тебе дорогу!

Очевидно, эта цветовая оргия являлась результатом восстановительной терапии в Канзас-Сити. Считалось, что психическое здоровье человека определяется наличием созидательной деятельности в его жизни. Десятки тысяч граждан находились под наблюдением Бюро в качестве пациентов клиник, разбросанных по всей стране. И все они непременно были заняты шитьем, живописью, танцами или переплетными работами, изготовлением поделок из драгоценных камней или кройкой театральных

костюмов. Практически все эти люди находились там не по доброй воле, а согласно закону. Многие, подобно Прис, были помещены в клинику в подростковом возрасте, когда обостряются психические заболевания.

Надо думать, состояние Прис в последнее время улучшилось, иначе бы ее просто не выпустили за ворота клиники. Но, на мой взгляд, она все еще выглядела довольно странно. Я внимательно разглядывал ее, пока мы шли обратно в гостиную. Маленькое суровое личико с заостренным подбородком, черные волосы, растущие ото лба характерным треугольником. По английским поверьям, это предвещает раннее вдовство. Вызывающий макияж под Арлекина — обведенные черным глаза и почти лиловая помада — делали ее лицо нереальным, каким-то кукольным. Казалось, оно прячется за странной маской, надетой поверх кожи. Худоба девушки довершала эффект — невольно на ум приходили жуткие создания, застывшие в Пляске Смерти. Кто их вызвал к жизни, и как? Явно уж не при помощи обычного процесса метаболизма. Мне почему-то подумалось: наверное, эта девушка питалась одной только ореховой скорлупой. Кто-то мог бы, пожалуй, назвать ее хорошенькой, пусть и немного необычной. А по мне, так наш старина Стэнтон выглядел куда нормальнее, чем эта девица.

— Милая,— обратился к ней Мори,— мы оставили Эдвина М. Стэнтона в доме папы Луиса.

— Он выключен? — сверкнула глазами юная леди, этот огонь впечатлил и напугал меня.

— Прис,— сказал я,— похоже, твои врачи в клинике разрыли могилу с монстром, когда выпустили тебя.

— Благодарю.— На ее лице не отразилось никаких чувств. Этот ее абсолютно ровный тон был знаком мне еще по прежним временам. Никаких эмоций, даже в самых критических ситуациях — вот манера поведения Прис.

— Давай приготовим постель,— попросил я Мори,— чтоб я мог лечь.

Вдвоем мы разложили кровать в гостевой спальне, побросали туда простыни, одеяла и подушку. Прис не изъявила ни малейшего желания помочь, она попросту вернулась к своей черепице в гостиной.

— И как долго она работала над своей мозаикой? — спросил я.

— С тех пор, как приехала из клиники. Знаешь, первые две недели после возвращения она должна была постоянно показываться психиатрам в районном Бюро. Ее ведь фактически еще не

выписали, сейчас она на пробной адаптационной терапии, своего рода, свобода в кредит.

— Так ей лучше или хуже?

— Намного лучше. Я ведь никогда не рассказывал тебе, насколько плоха она была там, в старшей школе. Благодарение богу за Акт Мак-Хестона! Я не знаю, что с ней было бы сейчас, если бы болезнь не обнаружили своевременно. Думаю, она разваливалась бы на части из-за параноидальной шизофрении или вообще превратилась в законченного гебефреника[1]. Так или иначе, пожизненное заключение в клинике ей было бы обеспечено.

— Она выглядит довольно странно,— сказал я.

— А как тебе нравится ее мозаика?

— Нельзя сказать, чтоб она украсила твой дом...

— Что ты понимаешь! — рассердился Мори.

— Я спросила, *он выключен?* — Прис стояла в дверях спальни. Выражение лица было недовольным и подозрительным, как будто она знала, что мы говорили о ней.

— Да,— ответил Мори.— Если только Джереми вновь не включил его, чтобы продолжить дискуссию о Спинозе.

— Интересно, насколько велик интеллектуальный багаж вашего протеже,— спросил я.— Если вы просто накачали кучу случайных сведений, боюсь, он ненадолго заинтересует моего отца.

Ответила мне Прис:

— Он знает все, что знал настоящий Эдвин М. Стэнтон. Мы исследовали его жизнь до мельчайших подробностей.

Я выставил их обоих за дверь, разделся и лег в постель. Мне было слышно, как Мори пожелал спокойной ночи дочери и поднялся к себе в спальню. Затем наступила тишина, нарушаемая лишь щелканьем в гостиной. Прис продолжала трудиться.

Где-то с час я лежал в постели, пытаясь заснуть. Порой мне это удавалось, но назойливое «щелк-щелк» вновь возвращало меня к действительности. В конце концов, отчаявшись, я включил свет, снова оделся, пригладил волосы и вышел из комнаты. Прис сидела все в той же причудливой позе йога, как и два часа назад. Огромная куча нарезанных плиток громоздилась рядом.

— Я не могу заснуть при таком шуме,— пожаловался я.

— Плохо.— Она даже не подняла глаз.

---

[1] Гебефрения — юношеская форма шизофрении, протекающая с ребячливостью, дурашливой веселостью, кривлянием, бессмысленным шутовством. *(Прим. перев.)*

— Я вроде бы как гость в вашем доме...

— Ты можешь пойти еще куда-нибудь.

— Я знаю, что это все символизирует,— во мне невольно нарастало раздражение.— Кастрацию тысяч и тысяч мужчин. Стоило ли ради этого покидать клинику? Чтобы сидеть здесь ночь напролет и заниматься подобной ерундой!

— Я просто делаю мою работу.

— Какую еще работу? Рынок труда переполнен, детка. Ты никому не нужна.

— Меня это не пугает, я знаю, что уникальна. У меня уже есть предложение от компании, занимающейся обработкой Эмиграции. Там большой объем статистической работы.

— Ага, будешь сидеть и решать, кто из нас может улететь с Земли, а кто нет!

— Ошибаешься, это не для меня. Я не собираюсь быть рядовым бюрократом. Ты слышал когда-нибудь о Сэме К. Барроузе?

— Нет,— ответил я, хотя имя показалось мне смутно знакомым.

— О нем была статья в «Лук». В возрасте двадцати лет он ежедневно вставал в пять утра, съедал миску размоченного чернослива и пробегал две мили по улицам Сиэтла. Затем возвращался домой, чтобы принять холодный душ, побриться, и уходил изучать свои книги по юриспруденции.

— Так он юрист?

— Уже нет,— ответила Прис.— Посмотри сам, вон там, на полке, копия журнала.

— Какое мне дело до этого? — проворчал я, но все же отправился, куда она мне указала.

Действительно, на обложке красовалась фотография мужчины с подписью:

СЭМ. К. БАРРОУЗ, САМЫЙ ПРЕДПРИИМЧИВЫЙ МУЛЬТИМИЛЛИОНЕР АМЕРИКИ

Статья была датирована 18 июня 1981 года, то есть информация довольная свежая. Фотограф и впрямь захватил момент, когда Сэм Барроуз совершал утреннюю пробежку по одной из центральных улиц Сиэтла. Серая футболка, шорты цвета хаки и совершенно невыразительные глаза. Как камешки, налепленные на лицо снеговика. Очевидно, широкая, на все лицо, улыбка призвана была компенсировать недостаток эмоций.

— Ты, наверное, видел его по телевизору,— сказала Прис.

— Точно, видел.

Я и в самом деле припомнил, что где-то с год назад видел Барроуза по ящику, и тогда он произвел на меня самое неприятное впечатление. Перед глазами встали кадры интервью, когда он, близко склонившись к микрофону, что-то очень быстро и невнятно бубнил.

— И почему ты хочешь работать на него? — спросил я.

— Сэм К. Барроуз — величайший биржевик из всех живущих ныне на Земле,— ответила Прис.— Подумай об этом.

— Наверное, именно поэтому мы все и бежим с нашей планеты,— заметил я.— Все риэлторы вынуждены сваливать, потому что здесь стало нечего продавать. Тьма народу, и ни клочка свободной земли.

И тут я вдруг вспомнил: Сэм К. Барроуз участвовал в земельных спекуляциях на государственном уровне. Посредством ряда успешных и вполне законных сделок ему удалось получить от правительства Соединенных Штатов разрешение на частные земельные владения на других планетах. Именно он собственноручно открыл дорогу на Луну, Марс и Венеру тем сотням хищников, которые сейчас с азартом рвали на части эти планеты. Да уж, имя Сэма К. Барроуза навечно войдет в историю.

— Так ты, значит, собираешься работать на человека, который умудрился загадить далекие девственные миры,— констатировал я.

Его маклеры, сидя в своих офисах по всей Америке, налево и направо торговали разрекламированными участками на Луне.

— Далекие девственные миры! — скривилась Прис.— Не более чем агитационный слоган консерваторов.

— Но правдивый слоган,— парировал я.— Послушай, давай разберемся. Предположим, ты купила их участок. И что бы ты с ним делала? Как жила бы там? Без воздуха, без воды, без тепла...

— Все это можно обеспечить,— заявила Прис.

— Но как?

— Это именно то, что делает Барроуза великим,— принялась она объяснять,— его предусмотрительность. Предприятия Барроуза, работающие день и ночь...

— Жульнические предприятия,— вставил я.

Прис заткнулась, и воцарилось напряженное молчание. Я попробовал зайти с другой стороны:

— А ты когда-нибудь говорила с самим Барроузом? Поверь мне, одно дело создавать себе героя из парня, чья рожа светится с обложек журнала, и совсем другое — выбор работы. Я все

понимаю: ты юная девушка, это так естественно — идеализировать человека, который открыл дорогу на Луну и все такое. Но подумай, ведь речь идет о твоем будущем!

— На самом деле я послала запрос в одну из его контор,— сказала Прис.— И указала, что настаиваю на личной встрече с Барроузом.

— Думаю, они рассмеялись тебе в лицо.

— Нет, они отправили меня в его офис. Он целую минуту сидел и слушал меня. Затем, естественно, вернулся к другим делам, а меня переадресовал к менеджеру по персоналу.

— И что же вы обсудили за эту минуту?

— Я просто смотрела на него, а он смотрел на меня. Ты же никогда не видел его в реальной жизни. А он невероятно привлекателен...

— На экране он был похож на ящерицу.

— Затем я сказала, что в качестве его секретарши могла бы ограждать его от домогательств тех бездельников, которые попусту тратят чужое время. Знаешь, я ведь умею быть жесткой. Это просто — включил-выключил. И в то же время я никогда не прогоню нужного человека, который действительно пришел по делу. Понимаешь?

— А письма? Ты умеешь вскрывать письма?

— Для этого есть машины.

— Это, кстати, то, чем занимается твой отец в нашей Компании.

— Я в курсе. И именно поэтому я никогда не стала бы работать у вас. Вы так малы, что почти и не существуете. Нет, я не смогла бы заниматься письмами или другой рутинной работой. Но я тебе скажу, *что* я могу. Знаешь, ведь идея создания этого симулякра, Эдвина М. Стэнтона, принадлежит мне.

Что-то кольнуло меня в сердце.

— Мори это даже не пришло бы в голову,— продолжала Прис.— Банди — другое дело, он гений в своей области. Но, к несчастью, это идиот, чей мозг подточен гебефренией. Стэнтона сконструировала я, а он только построил. Согласись, это несомненный успех, то, чего мы добились. И нам не понадобились для этого никакие кредиты. Простая и приятная работа, как вот эта.

Она снова вернулась к своим ножницам.

— Креативная работа.

— А что делал Мори? Шнурки у него на ботинках завязывал?

— Мори был организатором. А также занимался снабжением всего предприятия.

Меня преследовало ужасное чувство, что Прис говорит правду. Можно было бы, конечно, все проверить у Мори, но к чему? Я и так знал, что эта девочка абсолютно не умеет лгать. Здесь она, скорее всего, пошла в мать. Которую я, кстати, совсем не знал. Они развелись еще до того, как мы с Мори встретились и стали партнерами. Обычное дело — неполная семья.

— А как идут твои сеансы с психоаналитиком?

— Отлично. А твои?

— Мне они не нужны.

— Вот здесь ты ошибаешься,— улыбнулась Прис.— Не стоит прятать голову в песок, Луис. Ты болен не меньше меня.

— Ты не могла бы прерваться со своим занятием? Чтоб я мог пойти и заснуть.

— Нет,— ответила она.— Я хочу сегодня закончить с этим осьминогом.

— Но если я не посплю, у меня будет спад. Я просто вырублюсь.

— И что?

— Ну пожалуйста,— попросил я.

— Еще два часа.— Прис была неумолима.

— Скажи, а все, вышедшие из клиники, такие, как ты? — поинтересовался я.— Молодое поколение, так сказать, наставленное на путь истинный. Неудивительно, что у нас эта проблема с продажей органов.

— Каких органов? — пожала плечами Прис.— Лично у меня все органы на месте.

— Наши органы электронные.

— Только не мои. У меня все из плоти и крови.

— И что из того? По мне, так лучше бы они были электронные, глядишь, тогда б ты сама отправилась в постель и предоставила такую возможность гостю.

— Ты не мой гость. Позволь напомнить: тебя пригласил мой отец. И кончай толковать о постели или я сама это сделаю. Знаешь, я ведь могу сказать отцу, что ты гнусно приставал ко мне. Это положит конец вашему «Объединению МАСА», а заодно и твоей карьере. Тогда проблема органов, неважно — натуральных или электронных,— перестанет волновать тебя. Так вот, приятель, давай вали в свою постель и радуйся, что у тебя нет более важных поводов для беспокойства.— И Прис снова возобновила свое щелканье.

Мне нечего было ответить, так что после минутного раздумья я поплелся в свою комнату.

О, боже, подумал я, Стэнтон, по сравнению с этой девчонкой, просто образец теплоты и дружелюбия!

При этом, очевидно, она не испытывает никакой враждебности по отношению ко мне. Скорее всего, Прис даже не понимает, что как-то обидела или ранила меня. Просто она хочет продолжить свою работу, вот и все. С ее точки зрения, ничего особого не произошло. А мои чувства ее не интересуют.

Если б она действительно *недолюбливала* меня... Хотя, о чем я говорю? Вряд ли это понятие ей доступно. Может, оно и к лучшему, подумал я, запирая дверь спальни. Симпатии, антипатии — это для нее чересчур человеческие чувства. Она видела во мне просто нежелательную помеху, нечто, отвлекающее от дела во имя пустопорожних разговоров.

В конце концов я решил: ее проблема в том, что она мало общалась с людьми вне клиники. Скорее всего, она их воспринимает сквозь призму собственного существования. Для Прис люди важны не сами по себе, а в зависимости от их воздействия на нее — позитивного или негативного...

Размышляя таким образом, я снова попытался устроиться в постели: вжался одним ухом в подушку, а другое накрыл рукой. Так шум был чуть меньше, но все равно я слышал щелканье ножниц и звук падающих обрезков — один за другим, и так до бесконечности.

Мне кажется, я понимал, чем привлек эту девочку Сэм К. Барроуз. Они — птицы одного полета, или, скорее, ящерицы одного вида. Тогда, слушая его в телевизионном шоу, и теперь, разглядывая обложку журнала, я все не мог отделаться от впечатления, что с черепа мистера Барроуза аккуратно спилили верхушку, вынули часть мозга, а вместо него поместили некий приборчик с сервоприводом, ну знаете, такую штуку с кучей реле, соленоидов и системой обратной связи, которой можно управлять на расстоянии. И вот Нечто сидит там, наверху, касается клавиш и наблюдает за судорожными движениями жертвы.

Но как все же странно, что именно эта девушка сыграла решающую роль в создании такого правдоподобного симулякра! Как будто подобным образом она пыталась компенсировать то, что не давало ей покоя на подсознательном уровне — зияющую пустоту внутри себя, в некоторой мертвой точке, которой не полагалось пустовать...

На следующее утро мы с Мори завтракали в кафе, неподалеку от офиса «МАСА». Мы сидели вдвоем в кабинке, и я завел разговор:

— Послушай, и все же, насколько твоя дочь сейчас больна? Ведь если она все еще находится под опекой чиновников из Бюро психического здоровья, то она должна...

— Заболевания, аналогичные ее, окончательно не излечиваются,— ответил Мори, потягивая апельсиновый сок.— Это на всю жизнь. Процесс идет с переменным успехом, то улучшаясь, то снова скатываясь к сложностям.

— Если бы сейчас Прис подвергли Тесту Пословиц Бенджамина, ее бы снова классифицировали как шизофреника?

— Думаю, Тест Пословиц здесь вряд ли понадобился бы,— задумчиво сказал Мори.— Скорее, они использовали бы советский тест Выгодского — Лурье, тот самый, с раскрашенными кубиками. Мне кажется, ты не понимаешь, насколько минимальны ее отклонения от нормы. Если вообще тут можно говорить о норме.

— Я в школе проходил Тест Пословиц — тогда это было непременным условием соответствия норме. Ввели его, наверное, года с 75-го, а в некоторых штатах еще раньше.

— Судя по тому, что мне говорили в Касанинской клинике при выписке, сейчас она не считается шизофреником. У нее было такое состояние примерно года три, в средней школе. Специалисты проделали определенную работу по интеграции личности Прис, и нам удалось вернуться к точке, на которой она находилась примерно в двенадцать лет. Ее нынешнее состояние не является психотическим, а следовательно, не подпадает под действие Акта Мак-Хестона. Так что девочка вольна свободно перемещаться, куда захочет.

— А мне кажется, она невротик.

— Нет, у нее то, что называют атипичным развитием личности или же скрытым или пограничным психозом. В принципе, это может развиться в навязчивый невроз или даже полноценную шизофрению, которую ставили Прис на третьем году средней школы.

Пока мы поглощали завтрак, Мори рассказал мне, как развивалось заболевание Прис. Она изначально была замкнутым ребенком, как это называют психиатры — инкапсулированным или интровертом. Характерной чертой такого характера являются всевозможные секреты, ну знаете, типа девичьих дневников или тайников в саду. Затем, где-то в девятилетнем возрасте у нее появились ночные страхи, причем это прогрессировало настолько бурно, что к десяти годам она, превратилась в лунатика. В одиннадцать Прис заинтересовалась естественными науками, особенно химией. Она посвящала этому все свое свободное время,

соответственно, друзей почти не имела. Да они ей были и не нужны.

Настоящая беда разразилась в старшей школе. Прис стала испытывать серьезные трудности в общении: для нее было невыносимо войти в общественное помещение, например, классную комнату или даже салон автобуса. Стоило дверям захлопнуться за ее спиной, как девочка начинала задыхаться. К тому же она не могла есть на людях. Она могла вырвать пищу, если хотя бы один человек наблюдал за ней. И при этом у нее стала развиваться неимоверная чистоплотность. Вещи вокруг нее должны были находиться строго на своих местах. С утра до вечера она бродила по дому, неустанно все намывая и начищая. Не говоря уж о том, что она мыла руки по десять-пятнадцать раз кряду.

— К тому же,— добавил Мори,— она начала страшно полнеть. Помнишь, какой она была крупной, когда ты ее в первый раз увидел. Затем она села на диету, стала буквально морить себя голодом, чтобы сбросить вес. И это все еще продолжается. У нее постоянно то один, то другой продукт под запретом. Даже сейчас, когда она уже похудела.

— И вам понадобился Тест Пословиц, чтобы понять, что у ребенка не все в порядке с головой! Какого черта ты мне тут рассказываешь!

— Наверное, мы занимались самообманом,— пожал плечами Мори.— Говорили себе, что девочка просто невротик, ну, там, фобии всякие, ритуалы и прочее...

Но больше всего Мори доставало, что его дочь в какой-то момент стала терять чувство юмора. Взамен славной дурочки, то хихикающей, то глупо-сентиментальной, какой Прис была прежде, появилось некое подобие калькулятора. И это еще не все. Раньше девочка была очень привязана к животным, но во время пребывания ее в клинике выяснилось, что Прис терпеть не может кошек и собак. Она по-прежнему увлечена химией, и с профессиональной точки зрения это радовало Мори.

— А как протекает ее восстановительная терапия здесь, дома?

— Они поддерживают ее на стабильном уровне, не давая откатываться назад. Правда, у нее все еще сильная склонность к ипохондрии, и она часто моет руки. Но я думаю, это на всю жизнь. Конечно же, она по-прежнему очень скрытная и скрупулезная. Я тебе скажу, как это называется в психиатрии — шизоидный тип. Я видел результаты теста Роршаха — ну знаешь, с чернильными кляксами,— который проводил доктор Хорстовски...— Мори помолчал немного и пояснил: — Это региональный

доктор по восстановительной терапии здесь, в Пятом округе. Он отвечает за психическое здоровье в местном Бюро. Говорят, Хорстовски очень хорош. Но дело в том, что у него частная практика, и это стоит мне чертову уйму денег.

— Куча людей платит за то же самое,— уверил я его.— Если верить телевизионной рекламе, ты не одинок. Я вот все думаю, как же это так? У них получается, что каждый четвертый является пациентом клиник Бюро психического здоровья!

— Клиники меня не волнуют, поскольку они бесплатны. А вот что меня убивает, так это дорогущая восстановительная диспансеризация! Это ведь была ее идея вернуться домой, я-то продолжаю думать, что ей лучше оставаться в клинике. Но девочка бросилась с головой в разработку симулякра. А в свободное от этого времени она выкладывала свою мозаику в ванной комнате. Она постоянно что-то делает, не знаю, откуда у нее берется столько энергии?

— Я просто диву даюсь, когда припоминаю всех своих знакомых, ставших жертвами психических заболеваний. Моя тетушка Гретхен — она сейчас в Сетевой клинике Гарри Салливана в Сан-Диего. Мой кузен Лео Роджес. Мой учитель английского в старшей школе, мистер Хаскинс. А еще старый итальянец, пенсионер Джорджо Оливьери, тот, что живет дальше по улице. Я помню своего приятеля по службе, Арта Боулза: он сейчас в клинике Фромм-Рейчмана в Рочестере с диагнозом шизофрения. И Элис Джонсон, девушка, с которой я учился в колледже, она — в клинике Сэмюэла Андерсона Третьего округа. Это где-то в Батон-Руж, штат Луизиана. Затем человек, с которым я работал, Эд Йетс — у него шизофрения, переходящая в паранойю. И Уолдо Дангерфилд, еще один мой приятель. А также Глория Мильштейн, девушка с огромными, как дыни, грудями. Она вообще бог знает где. Ее зацепили на персональном тесте, когда она собиралась устроиться машинисткой. Федералы вычислили и заграбастали ее — и где теперь эта Глория? А ведь она была такой хорошенькой... И Джон Франклин Манн, торговец подержанными автомобилями, которого я когда-то знал. Ему поставили шизофрению в заключительной стадии и увезли, кажется, в Касанинскую клинику — у него родственники где-то в Миссури. А Мардж Моррисон, еще одна девушка с гебефренией, которая всегда приводила меня в ужас. Думаю, сейчас она на свободе, я недавно получил от нее открытку. И Боб Аккерс, мой однокашник. И Эдди Вайс...

— Нам пора идти,— поднялся Мори.

Мы покинули кафе.

— Тебе знаком Сэм Барроуз? — спросил я.

— Еще бы. Не лично, конечно, понаслышке. По-моему, это самый отъявленный негодяй из всех, кого я знаю. Он готов заключать пари по любому поводу. Если б одна из его любовниц — а с ними отдельная история — так вот, если б одна из его любовниц выбросилась из окна гостиницы, он бы тут же поспорил: чем она грохнется на асфальт — головой или задом. Он похож на спекулянтов былых времен — знаешь, тех финансовых акул, что стояли у истоков нашей экономики. Для него вся жизнь — сплошная авантюра. Я просто восхищаюсь Барроузом!

— Так же, как и Прис.

— Прис? Черта с два — она обожает его! Знаешь, она ведь встречалась с ним. Посмотрела на него и поняла, что это — судьба. Он гальванизирует ее... или магнетизирует, черт их там разберет. Неделю после этого она вообще не разговаривала.

— Это когда она ходила устраиваться на работу?

Мори покачал головой:

— Она не получила работы, но проникла в его святую святых. Луис, этот парень чует выгоду за версту там, где никто другой ничего не нарыл бы и за миллион лет! Ты бы как-нибудь заглянул в «Форчун», они давали обзор по Барроузу за последние десять месяцев.

— Насколько я понял, Прис закинула удочку насчет работы у него?

— О да, и намекнула, что она — крайне ценный человек, только никто об этом не знает. Надеется найти понимание у своего кумира... Заявила ему, что она — крутой профессионал. Так или иначе, мне она сказала, что, работая на Барроуза, она сделает головокружительную карьеру и ее будет знать весь мир. Насколько я понимаю, Прис не собирается отступать от своей затеи и готова пойти на все, только б получить работу. Что ты скажешь на это?

— Ничего,— ответил я.

Прис не пересказывала мне эту часть разговора.

Помолчав, Мори добавил:

— Ведь Эдвин М. Стэнтон являлся ее идеей.

Значит, она говорила правду. Мне стало совсем погано.

— Это она решила сделать именно Стэнтона?

— Нет,— ответил Мори.— Это было моим предложением. Она-то хотела, чтоб он походил на Барроуза. Однако у нас было недостаточно информации для системы текущего управления монадой, так что мы обратились к историческим персонажам. А я всегда

интересовался Гражданской войной — вот уже много лет это мой пунктик. И мы остановились на Стэнтоне.

— Ясно,— произнес я.

— И знаешь, она постоянно думает об этом Барроузе. Навязчивая идея, как говорит ее психоаналитик.

Размышляя каждый о своем, мы направились к офису «Объединения МАСА».

Глава 4

В офисе меня застал телефонный звонок. Это был Честер из Бойсе. Он вежливо напоминал об оставленном Эдвине М. Стэнтоне и просил забрать его, если, конечно, это возможно.

— Мы постараемся выкроить сегодня время,— пообещал я.

— Он сидит все там же, где вы его оставили. Сегодня утром папа включил его на несколько минут, чтобы проверить, есть ли какие новости.

— Какого рода новости?

— Ну, утренние новости. Типа сводки от Дэвида Бринкли.

Они ждали, что симулякр *выдаст* им новости. Таким образом, в данном вопросе семейство Розенов разделяло мою позицию: они воспринимали Стэнтона как некий механизм, а не человека.

— Ну и как? — поинтересовался я.

Новостей не оказалось.

— Он все толковал о какой-то беспримерной наглости полевых командиров.

Я повесил трубку и мы помолчали, осмысливая услышанное.

— Может, Прис съездить и забрать его,— предложил Мори.

— А у нее есть машина? — спросил я.

— Пусть возьмет мой «ягуар». И, пожалуй, лучше бы тебе поехать с ней. На тот случай, если твой папаша передумает.

Попозже Прис и в самом деле показалась в офисе, и вскоре мы с ней катили в Бойсе.

Она сидела за рулем, и первое время мы молчали. Затем она подала голос:

— У тебя есть на примете кто-нибудь, кого б заинтересовал Эдвин М. Стэнтон?

— Нет,— удивился я.— А почему ты спрашиваешь?

— Зачем ты согласился на эту поездку? — продолжила она допрос.— Я уверена, у тебя имеются какие-то скрытые мотивы... они так и сквозят сквозь каждую твою пору. Если б это зависело

от меня, я бы не подпустила тебя к Стэнтону ближе чем на сотню ярдов.

Прис не сводила с меня взгляда, и я чувствовал себя как под микроскопом.

— Почему ты не женат? — внезапно сменила она тему.

— Не знаю.

— Ты голубой?

— Нет!

— Может, не нашлось девушки, которая бы польстилась на тебя?

Внутренне я застонал.

— Сколько тебе лет?

Вопрос — вполне невинный сам по себе — в этой беседе, казалось, тоже таил какой-то подвох. Я пробурчал что-то невнятное.

— Сорок?

— Нет, тридцать четыре.

— Но у тебя седина на висках и такие смешные зубы.

Мне хотелось умереть.

— А какова была твоя первая реакция на Стэнтона?

— Я подумал: какой благообразный пожилой джентльмен.

— Ты сейчас лжешь, да?

— Да.

— А на самом деле, что ты подумал?

— Я подумал: какой благообразный, пожилой джентльмен, завернутый в газеты.

Прис задумчиво проговорила:

— Наверняка ты предвзято относишься к старым людям. Так что твое мнение не в счет.

— Послушай, Прис, ты доиграешься — когда-нибудь тебе разобьют голову! Ты отдаешь себе в этом отчет?

— А ты отдаешь себе отчет в том, что с трудом обуздываешь свою враждебность? Может, оттого что чувствуешь себя неудачником? Тебе, наверное, тяжело оставаться наедине с самим собой? Расскажи мне свои детские мечты и планы, и я...

— Ни за что. Даже за миллион долларов!

— Они столь постыдны? — Она по-прежнему внимательно изучала меня.— Ты занимался извращенным самоудовлетворением, как это описывается в пособиях по психиатрии?

Я чувствовал, что еще немного — и я упаду в обморок.

— Очевидно, я затронула очень болезненную для тебя тему,— заметила Прис.— Но не стоит стыдиться. Ты же больше этим не

занимаешься, правда? Хотя... Ты не женат и не можешь нормальным образом решать свои сексуальные проблемы.

Она помолчала, как бы взвешивая, и вдруг спросила:

— Интересно, а как у Сэма с сексом?

— Сэма Вогеля? Нашего водителя из Рено?

— Сэма К. Барроуза.

— Ты одержимая,— сказал я.— Твои мысли, разговоры, мозаика в ванной — и еще этот Стэнтон...

— Мой симулякр — совершенство!

— Интересно, что бы сказал твой аналитик, если б знал?

— Милт Хорстовски? Он уже знает и уже сказал.

— Ну так поведай мне. Разве он не назвал твою затею разновидностью маниакального бреда?

— Нет. Он считает, что творческий процесс полезен для моей психики. Когда я рассказала про Стэнтона, доктор похвалил меня и выразил надежду, что мое изобретение окажется работоспособным.

— Очевидно, ты предоставила ему выборочную информацию.

— Да нет, я рассказала ему всю правду.

— О *воссоздании Гражданской войны силами роботов*?

— Да. Он отметил своеобразие идеи.

— Боже правый! Да они там все сумасшедшие!

— Все,— ухмыльнулась Прис. Она потянулась и взъерошила мне волосы.— Но только не старина Луис. Так ведь?

Я молчал.

— Ты слишком серьезно все воспринимаешь,— насмешливо протянула Прис.— Расслабься и получай удовольствие. Да куда тебе! Ты же ярко выраженный анализирующий тип с гипертрофированным чувством долга. Тебе следует хоть раз расслабить свои запирательные мышцы... смотри, как все связано. В душе тебе хочется быть плохим, это ведь тайное желание каждого человека анализирующего типа. С другой стороны, чувство долга требует выполнения обязанностей. Все это ведет к педантизму и перманентному пребыванию во власти сомнений. Вот так. У тебя ведь куча сомнений...

— Нет у меня сомнений. Только чувство абсолютного всепоглощающего ужаса.

Прис засмеялась и снова прикоснулась к моим волосам.

— Конечно, очень смешно,— огрызнулся я.— Мой всепоглощающий ужас — отличный повод для веселья.

— Это не ужас,— сухо сказала она.— Просто нормальное человеческое вожделение. Человеку естественно желать. Немного меня. Немного богатства. Немного власти. Немного славы.

Она свела два пальца *почти* вместе, чтобы продемонстрировать некое малое количество.

— Примерно вот столько. А в совокупности получается много. Вот тебе твои всепоглощающие чувства.

Прис улыбалась, явно довольная собой. Мы продолжали свой путь.

В Бойсе, в доме моего отца, мы упаковали нашего симулякра, погрузили его в машину и снова поехали в Онтарио. Там Прис высадила меня у офиса. На обратном пути мы мало разговаривали. Она снова замкнулась, меня же мучило чувство смутной тревоги и обиды. В то же время я подозревал, что мое состояние только забавляло Прис. Так что у меня хватило ума держать рот на замке.

Зайдя в офис, я обнаружил, что меня дожидается невысокая плотная женщина с темными волосами. Она была одета в короткое пальто и держала в руке кейс.

— Мистер Розен?

— Да.— У меня возникло неприятное предчувствие, что это судебный курьер.

— Я Колин Нилд из офиса мистера Барроуза. Он попросил меня заглянуть и побеседовать с вами, если у вас найдется свободная минутка.— Голос у нее был довольно низкий и какой-то неопределенный. Мне она напоминала чью-то племянницу.

— А что, собственно, мистеру Барроузу нужно? — с опаской поинтересовался я, предлагая даме стул. Сам я уселся напротив.

— Мистер Барроуз поручил мне изготовить копию вот этого письма к мисс Прис Фраунциммер и вручить ее вам.— С этими словами она достала три тонких гладких листка.

Я не мог четко разглядеть, что там было напечатано, но, несомненно, письмо носило деловой характер.

— Вы ведь представляете семейство Розенов из Бойсе, которое предполагает производить симулякры? — осведомилась Колин Нилд.

Пробежав глазами документ, я уловил снова и снова вылезающее имя Стэнтона. Не вызывало сомнений, что это — ответ на какое-то письмо Прис, написанное ранее. Однако общий смысл послания Барроуза упорно ускользал от меня, слишком уж оно было многословным.

Затем внезапно наступило просветление.

Я осознавал, что Барроуз неправильно понял Прис. Ее предложение воссоздать перипетии Гражданской войны при помощи

наших симулякров он воспринял как некую гражданскую инициативу патриотического характера. Этакий жест доброй воли, направленный на усовершенствование системы образования. Может, рекламная акция, но никак не деловое предложение. Вот, чего добилась эта девчонка! Я еще раз перечел полученный ответ: Барроуз благодарил мисс Фраунциммер за ценную идею, предложенную его вниманию... однако, говорилось далее, он ежедневно получает подобные предложения, в данный момент у него на руках уже немало интересных проектов... в некоторых он принимает посильное участие. Например, он затратил немало усилий на запрещение строительства дороги, проходящей через жилой район времен войны где-то в Орегоне... далее письмо становилось таким расплывчатым, что я и вовсе потерял нить рассуждений.

— Могу я оставить это у себя? — спросил я у мисс Нилд.

— Конечно,— любезно ответила она.— И если у вас есть какие-то комментарии, мистер Барроуз будет счастлив с ними ознакомиться.

— Сколько лет вы работаете на мистера Барроуза?

— Восемь лет, мистер Розен.— Казалось, этот факт делал ее абсолютно счастливой.

— Он действительно миллионер, как утверждают газеты?

— Полагаю, что так, мистер Розен.— Ее карие глаза блеснули за стеклами очков.

— Насколько хорошо он обращается с своими сотрудниками?

Вместо ответа мисс Нилд улыбнулась.

— А что это за история с жилым районом, которая упоминается в письме? Кажется, Грин-Пич-Хэт?

— Да, именно так. Это один из крупнейших многоблочных жилых массивов на северо-западном побережье Тихого океана. Его официальное название — «Небесные Врата Милосердия», но мистер Барроуз предпочитает то, что указано в письме. Хочу заметить: изначально наши противники вкладывали в это название издевку, в то время как мистер Барроуз использует его, чтобы защитить граждан, проживающих в том районе. И люди ценят его заботу. Они подготовили петицию с благодарностью мистеру Барроузу за его участие в этом многотрудном деле. Там почти две тысячи подписей.

— Я так понимаю, жители района не хотят, чтоб его сносили?

— О да, они горячо поддерживают нас. Проблему создает некая группа доброхотов, в основном из домохозяек и светских людей, которые присвоили себе функции ходатаев по данному

делу. Они добиваются передачи земли под сельский клуб или что-то в этом роде. Называет себя эта группа «Товарищество граждан Северо-Запада за улучшенную застройку», их лидер — миссис Деворак.

Я припомнил то, что читал об этой даме в орегонских газетах: достаточно высокое положение в светских кругах, всегда в центре событий. Ее фотография регулярно появлялась на первых страницах модных журналов.

— А почему мистер Барроуз хочет спасти этот участок застройки?

— Он не желает мириться с фактом ущемления прав американских граждан. Ведь большинство из них бедные люди, им некуда идти отсюда. Мистер Барроуз прекрасно понимает их чувства, поскольку сам многие годы жил в подобных условиях...вы ведь знаете — его семья была не бог весть как богата. И свое благосостояние он обеспечил себе сам, годами упорного труда.

— Да,— сказал я.

Мисс Нилд, казалось, ждала продолжения, поэтому я добавил:

— Замечательно, что, несмотря на все свои миллионы, он сохраняет связь с рабочим классом Америки.

— Хотя мистер Барроуз сделал свое состояние на крупной недвижимости, он прекрасно понимает, как трудно рядовому американцу обеспечить себе пусть маленькое, но достойное жилье. В этом его отличие от великосветских дам, подобных Сильвии Деворак. Для них Грин-Пич-Хэт — это всего лишь кучка старых домов. Они же никогда там не бывали, более того, им и в голову такое не придет!

— Знаете,— сказал я,— то, что вы рассказываете о мистере Барроузе, вселяет в меня надежду на сохранение нашей цивилизации.

Миссис Нилд одарила меня теплой, почти неофициальной улыбкой.

— А что вам известно об этом электронном симулякре Стэнтоне? — задал я вопрос.

— Я знаю, что он существует. Мисс Фраунциммер сообщала об этом и в письме, и в телефонном разговоре с мистером Барроузом. Также мне известно, что мисс Фраунциммер хочет отправить его одного, без сопровождения, на грэйхаундовском автобусе в Сиэтл, где в настоящий момент находится мистер Барроуз. По ее мнению, это должно наглядно продемонстрировать способность симулякра раствориться в толпе, не привлекая ничьего внимания.

— Забавно, если принять во внимание его костюмчик и раздвоенную бороду.

— Меня не информировали об этом моменте.

— Не исключено, что симулякр затеет спор с водителем автобуса о кратчайшем маршруте от автовокзала до офиса мистера Барроуза. Это станет дополнительным доводом в пользу его человечности.

— Я обсужу данный вопрос с мистером Барроузом,— пообещала Колин Нилд.

— Позвольте еще спросить: вы знакомы с электроорганом Розена, или, может быть, со спинет-пианино?

— Не уверена.

— Фабрика Розенов в Бойсе производит самые лучшие из всех существующих электроорганов. Хаммерштайновский тональный орган по сравнению с нашим не более чем слегка видоизмененная флейта.

— К сожалению, я не имею такой информации,— призналась мисс — или, может быть, миссис — Нилд.— Но я обязательно сообщу это мистеру Барроузу. Он всегда был ценителем музыки.

Я все еще сидел, погруженный в изучение письма Сэма К. Барроуза, когда мой партнер вернулся с ланча. Я показал ему бумагу.

— Значит, Барроуз пишет Прис.— Мори сосредоточенно изучал письмо.— Глядишь, из этого что-нибудь да выгорит... Как думаешь, Луис? Возможно же, что это не просто выдумка Прис? О, Боже, здесь ничего не понять... Ты можешь мне сказать, он заинтересовался или нет нашим Стэнтоном?

— Кажется, Барроуз ссылается на страшную занятость в связи с собственным проектом под названием Грин-Пич-Хэт.

— Я жил там,— сказал Мори,— в конце пятидесятых.

— Ну и как?

— Я скажу тебе, Луис,— сущий ад. Эту помойку следовало бы сжечь до основания. Спичка, одна только спичка спасла бы это место.

— Некоторые энтузиасты тебя бы с радостью поддержали.

— Если им нужен исполнитель для такого дела,— мрачно пробормотал Мори,— можешь предложить мою кандидатуру, я с радостью соглашусь. Это ведь собственность Барроуза, насколько я знаю.

— А...

— Собственно, он сделал на этом состояние. Один из самых выгодных бизнесов сегодня — сдача трущоб внаем. Получаешь в 5–6 раз больше, чем вкладываешь. Тем не менее, полагаю, не стоит впутывать личные отношения в дела. Сэм Барроуз — смышленый парень, как ни крути. Пожалуй, он лучший, кому бы мы могли доверить раскрутку наших симулякров. Хоть он и порядочный подонок... Но, ты говоришь, в письме он отказывается?

— Можешь позвонить ему и лично выяснить. Прис, кажется, уже звонила.

Мори взялся за телефон.

— Погоди,— остановил я его.

Мори вопросительно поглядел на меня.

— У меня дурное предчувствие — это добром не кончится.

Мори пожал плечами и проговорил в трубку:

— Алло, я хотел бы поговорить с мистером Барроузом...

Я выхватил у него трубку и швырнул на рычаг.

— Ты...— Мори дрожал от гнева.— Трус!

Он снова поднял трубку и набрал номер.

— Прошу прощения, связь прервалась.— Он огляделся в поисках письма с номером телефона Барроуза.

Я скомкал листок и швырнул на пол. Мори выругался и снова дал отбой. Мы стояли, тяжело дыша и глядя друг на друга.

— Какая муха тебя укусила? — поинтересовался наконец Мори.

— Думаю, нам не стоит связываться с таким человеком.

— Каким таким?

— Если боги хотят погубить человека, они лишают его разума,— процитировал я.

Это, похоже, проняло Мори. Он смотрел на меня, смешно, по-птичьи склонив голову.

Что ты хочешь сказать? — спросил он.— Считаешь меня психом, оттого что я звоню Барроузу? Бронируешь место в клинике? Что ж, может, ты и прав, но я сделаю это.

Он прошел через всю комнату, поднял и разгладил бумажку, запомнил номер и снова вернулся к телефону. С упрямым выражением лица стал накручивать диск.

— Нам конец,— констатировал я.

Ответом мне было молчание.

— Алло,— внезапно ожил Мори.— Я хотел бы поговорить с мистером Барроузом. Это Мори Рок из Онтарио, Орегон.

Пауза.

— Мистер Барроуз? Говорит Мори Рок.— Он скособочился, опираясь локтем на бедро, на лице застыла напряженная грима-

са.— Мы получили письмо, сэр, к моей дочери Присцилле Фрауниммер... это по поводу нашего изобретения — электронного симулякра. Вы помните, совершенно очаровательный мистер Стэнтон, военный советник мистера Линкольна.

Снова пауза.

— Так вы заинтересованы в нем, сэр?

Пауза, гораздо длиннее, чем предыдущие.

«Нет, Мори, не надо продавать его»,— заклинал я в душе своего партнера.

— Да, мистер Барроуз, я все понимаю, сэр,— бубнил Мори.— Но позвольте обратить ваше внимание... Боюсь, что вы недооцениваете...

Разговор тянулся до бесконечности долго. Наконец Мори распрощался с Барроузом и повесил трубку.

— Ничего не вышло?

— Ну...— промямлил он.

— Что он сказал?

— То же, что и в письме: он не рассматривает это как коммерческое предложение и продолжает нас считать организацией патриотического толка.— Мори выглядел растерянным.— Пожалуй, ты прав — ничего не выходит.

— Н-да, плохо.

— Может, оно и к лучшему,— голос его звучал потерянно, однако я видел: Мори не сдался. Когда-нибудь он снова повторит свою попытку.

Никогда еще мы с моим партнером не были дальше друг от друга.

Глава 5

В последовавшие за этим две недели начали сбываться мрачные прогнозы Мори относительно спада в сбыте электроорганов — все наши грузовики возвращались ни с чем. Одновременно с этим хаммерштайновские менеджеры снизили цены — их тональные органы теперь стоили меньше тысячи. Естественно, не считая налогов и расходов на транспортировку. Но все равно мы приуныли...

Между тем, драгоценный симулякр Стэнтон все еще оставался нашей головной болью. Мори пришла в голову идея устроить на улице демонстрационный павильон, где Стэнтон развлекал бы публику игрой на спинет-пианино. Заручившись моим согласием, он связался с подрядчиками, и работы по перепланировке пер-

вого этажа здания закипели. Тем временем Стэнтон помогал Мори разбирать корреспонденцию и выслушивал его бесконечные инструкции по поводу предстоящей демонстрации спинета. Он с возмущением отверг предложение Мори сбрить бороду и по-прежнему оживлял панораму наших коридоров видом своих седых бакенбардов.

— Позже,— объяснил мне Мори в отсутствие своего протеже,— он будет демонстрировать самое себя. Сейчас я как раз в процессе окончательной доработки проекта.

Он пояснил, что планирует установить специальный модуль в участок мозга, отвечающий за стэнтоновскую монаду. Управление — элементарное, оно снимет в будущем почву для возникающих разногласий, как в случае с бакенбардами.

И все это время Мори занимался подготовкой второго симулякра. Он оккупировал одно из автоматизированных рабочих мест в нашей мастерской по ремонту грузовиков, и процесс сборки шел вовсю. В четверг мне было впервые дозволено ознакомиться с результатами его трудов.

— И кто же это будет на сей раз? — спросил я, с чувством глубокого сожаления озирая кучу соленоидов, прерывателей и проводов, загромоздивших алюминиевую плату.

Банди был весь поглощен процессом тестирования центральной монады: он воткнулся со своим вольтметром в самую середину проводов и сосредоточенно изучал показания прибора.

— Авраам Линкольн,— торжествующе объявил Мори.

— Ты окончательно спятил.

— Отнюдь,— возразил он.— Мне нужно нечто действительно грандиозное, чтобы произвести должное впечатление на Барроуза, когда мы встретимся с ним через месяц.

— О! — Я был сражен.— Ты ничего не говорил мне о своих переговорах.

— А ты думал, я сдался?

— Увы,— вынужден был признать я.— Для этого я слишком хорошо тебя знаю.

— Поверь, у меня чутье,— расцвел мой компаньон.

Назавтра, после нескольких часов мрачных раздумий, я полез в справочник в поисках телефона доктора Хорстовски, куратора Прис по восстановительной терапии. Его офис располагался в одном из самых фешенебельных районов Бойсе. Я позвонил и попросил о скорейшей встрече.

— Могу я узнать, по чьей рекомендации вы звоните? — поинтересовалась ассистентка.

— Мисс Присциллы Фраунциммер,— после колебания назвал я.

— Отлично, мистер Розен. Доктор примет вас завтра в половине второго.

На самом деле мне полагалось быть сейчас в пути, координируя работу наших грузовиков. Составлять карты, давать рекламу в газеты... Но со времени телефонного разговора Мори с Сэмом Барроузом я чувствовал себя как-то странно.

Возможно, это было связано с моим отцом. В тот самый день, когда он посмотрел на Стэнтона и осознал, что перед ним всего лишь хитроумная, смахивающая на человека машина, он явно сдал. Вместо того чтобы ежедневно отправляться на фабрику, он теперь частенько оставался дома, часами глядя в телевизор. Отец сидел, сгорбившись, с озабоченным выражением лица, и его способности явно угасали.

Я пытался поговорить об этом с Мори.

— Бедный старикан,— отреагировал он.— Луис, мне неприятно констатировать данный факт, но Джереми явно сдает.

— Сам вижу.

— Он не сможет дальше тянуть лямку.

— И что, по-твоему, мне делать?

— Ты, как сын, должен уберечь его от перипетий рыночной войны. Потолкуй с матерью, с братом. Подберите ему подходящее хобби. Я не знаю, может, это будет сборка моделей аэропланов времен Первой мировой войны — типа «Спада» или фоккеровского триплана... Так или иначе, ради своего старого отца ты должен разобраться с этим. Разве не так, дружище?

Я кивнул.

— Это отчасти и твоя вина,— продолжал Мори.— Ты не помогал ему, а ведь когда человек стареет, ему нужна поддержка. Я не деньги имею в виду, черт возьми, ему нужна *духовная* поддержка.

На следующий день я отправился в Бойсе и в двадцать минут второго припарковался перед изысканным, современным зданием, в котором помещался офис доктора Хорстовски.

Доктор встречал меня в холле. При взгляде на этого человека я сразу подумал о яйце. Доктор Хорстовски весь выглядел яйцеобразным: округлое тело, округлая голова, маленькие круглые очечки — ни одной прямой или ломаной линии. Даже его движения, когда он шел впереди меня в свой кабинет, были плавны-

ми и округлыми, словно мячик катился. Голос прекрасно гармонировал с внешним обликом хозяина — мягкий и вкрадчивый. Тем не менее, усевшись напротив доктора, я разглядел нечто, раньше ускользнувшее от моего внимания,— у него был жесткий и грубый нос. Создавалось неприятное впечатление, как будто на это мягкое и гладкое лицо приделали птичий клюв. Сделав это открытие, я внимательнее присмотрелся к своему собеседнику и в его голосе обнаружил те же жесткие, подавляющие нотки.

Доктор Хорстовски вооружился ручкой, разлинованным блокнотом и принялся задавать мне обычные нудные вопросы.

— И что же привело вас ко мне? — спросил он меня в конце концов.

— Видите ли, моя проблема следующего рода,— начал я.— Дело в том, что я являюсь владельцем небезызвестной фирмы «Объединение МАСА». И с недавних пор у меня сложилось некое противостояние с моим партнером и его дочерью. Мне кажется, они сговорились за моей спиной. Хуже того, их негативное отношение распространяется на все семейство Розенов, в особенности на моего далеко не молодого отца, Джереми. Они пытаются подорвать его авторитет, а он уже не в том возрасте и состоянии, чтобы противостоять подобным вещам.

— Простите, каким вещам?

— Я имею в виду намеренное и безжалостное разрушение розеновской фабрики спинетов и эдектроорганов, равно как и всей нашей системы розничной торговли музыкальными инструментами. Все это делается во имя безумной претенциозной идеи спасения человечества, победы над русскими или еще чего-то в таком роде... Честно говоря, я не очень хорошо разбираюсь в подобных вещах.

— Почему же вы не разбираетесь? — Его ручка противно поскрипывала.

— Да потому что все это меняется каждый день,— сказал я и замолчал, его ручка тоже замолкла.— Порой мне кажется: все это задумано, чтоб объявить меня недееспособным и прибрать к рукам весь бизнес, включая указанную фабрику. К тому же они снюхались с некоей одиозной личностью, Сэмом К. Барроузом из Сиэтла. Это невероятно богатый и могущественный человек, вы наверняка видели его на обложке журнала «Лук».

Я замолчал.

— Продолжайте, пожалуйста,— поощрил меня Хорстовски, но его голос звучал совершенно бесстрастно.

— Хочу добавить, что зачинщиком всего является дочь моего партнера — как мне кажется, крайне опасный и психически не-

уравновешенный человек. Это девица с железным характером, начисто лишенная угрызений совести.— Я выжидающе поглядел на доктора, но он никак не отреагировал на мое заявление. Тогда я добавил: — Ее зовут Прис Фраунциммер.

Доктор деловито кивнул.

— Что вы на это скажете? — поинтересовался я.

— Прис — динамичная личность.— Казалось, все внимание доктора было поглощено его записями, он даже язык высунул от старательности.

Я ждал продолжения, но так и не дождался.

— Вы думаете, это все мое воображение? — настаивал я.

— Каковы, по-вашему, их *мотивы* в данной ситуации? — задал он вопрос.

— Понятия не имею,— удивился я.— Мне кажется, разбираться в этом не мое дело. Черт возьми, они хотят толкнуть своего симулякра Барроузу и сделать на этом деньги, что же еще? Вдобавок заработать власть и престиж. Это их идея фикс.

— А вы стоите у них на пути?

— Именно.

— Скажите, а вы не разделяете их планы?

— Тешу себя надеждой, что я реалист. По крайней мере, стараюсь им быть. И все же, возвращаясь к этому Стэнтону: скажите, доктор, вы его видели?

— Прис как-то приводила его сюда. Он сидел в приемной, пока мы беседовали.

— И чем занимался?

— Читал «Лайф»

— Вас это не ужасает?

— Не думаю.

— Вас не пугает то опасное и неестественное, что планирует эта парочка — Мори и Прис?

Доктор пожал плечами.

— Господи! — с горечью воскликнул я.— Да вы просто не хотите ничего видеть! Сидите здесь, в своем теплом и безопасном кабинете, и не желаете знать, что происходит в мире.

На лице Хорстовски промелькнула самодовольная улыбка, что привело меня в бешенство.

— Так вот, доктор,— заявил я,— позвольте ввести вас в курс дела. Мой визит к вам — всего лишь злая шутка Прис. Именно она послала меня сюда, чтоб я разыграл этот маленький спектакль. К сожалению, я не могу продолжать в том же духе и вынужден признаться. На самом деле, я такой же симулякр, как

и Стэнтон. Машина, нашпигованная реле и электросхемами. Теперь вы видите, насколько это жестоко, то, что она с вами проделала? И что вы скажете на это?

Прервав свои записи, Хорстовски внимательно посмотрел на меня и спросил:

— Вы, кажется, говорили, что женаты? В таком случае, как зовут вашу жену, где она родилась? Назовите также ее возраст и род занятий, пожалуйста.

— Я не женат. У меня была когда-то подружка, итальянка по национальности, которая пела в ночном клубе. Высокая, темноволосая девушка, довольно симпатичная. Ее звали Лукреция, но ей больше нравилось имя Мими. Не поверите, доктор, но мы с ней дрались. Позже она умерла от туберкулеза. Правда, это случилось уже после того, как мы расстались.

Хорстовски подробно все записал.

— Вы не хотите ответить на мой вопрос? — поинтересовался я.

Безнадежно. Если у доктора и создались какие-нибудь впечатления по поводу симулякра, сидящего в его приемной и занятого чтением «Лайф», то он не собирался сообщать их мне. А может, их и не было. Возможно, ему было безразлично, кто там сидит в его приемной, среди его журналов. Скорее всего, профессиональная этика предписывала доктору ничему не удивляться.

Но, по крайней мере, мне удалось выудить его мнение о Прис, которая, по сути, пугала меня куда больше, чем симулякр.

— В конце концов, у меня есть мой армейский «кольт» и патроны,— сказал я.— Все, что мне нужно. А случай представится, будьте уверены. Рано или поздно она попытается проделать такую же бесчеловечную штуку, как со мной, с кем-нибудь еще, это только вопрос времени. Я же вижу свою миссию в том, чтобы положить этому конец.

Пристально глядя на меня, доктор Хорстовски произнес:

— Я абсолютно уверен — и ваши слова это подтверждают,— что основная проблема заключается в вашей враждебности. Враждебности скрытой, подавляемой. Это чувство, тем не менее, ищет себе выход и находит его в ваших отношениях с партнером и его восемнадцатилетней дочерью. Обремененной, кстати сказать, собственными проблемами. Но Прис честно ищет наилучший путь для их решения...

Я замолчал. Положим, все именно так, как он говорит. *У меня нет врагов.* А то, что снедает меня,— это лишь мои подавленные чувства, проявления расстроенной психики. Мне все это совсем не понравилось.

— И что же вы мне посоветуете? — спросил я.

— К сожалению, не в моих силах исправить реальное положение вещей. Но я могу помочь вам трактовать их по-новому.— Доктор выдвинул ящик стола, и я увидел там множество коробочек, бутылочек, пакетиков с пилюлями и даже крысиную нору, очевидно, лечебного назначения. Порыскав среди всего этого многообразия, он вернулся ко мне с маленькой открытой бутылочкой.

— Я могу вам дать вот это,— сказал он.— Абризин. Принимайте по две таблетки в день, одну утром, одну на ночь.

— И что это мне даст? — Я засунул бутылочку подальше в карман.

— Попробую объяснить вам действие препарата, поскольку по роду деятельности вы знакомы с работой тонального орга́на Хаммерштайна. Абризин стимулирует работу переднего отдела спетального участка мозга. Это обеспечит вам большую бдительность плюс подъем и сознание, что все не так уж плохо. По своему воздействию это сопоставимо с эффектом, который обеспечивает тональный орга́н.— Доктор передал мне маленький листок бумаги, сложенный в несколько раз. Развернув его, я обнаружил запись какой-то мелодии, аранжированной для хаммерштайновского орга́на.— Однако эффект воздействия данного препарата намного выше. Вы же знаете, величина шокового воздействия тонального орга́на лимитируется законом.

Я скептически просмотрел запись на листке и замер. О, боже! Это было самое начало Шестнадцатого квартета Бетховена. Вы знаете это мощное жизнеутверждающее звучание, энтузиазм Бетховена позднего периода. От одного только взгляда на эту вещь я почувствовал себя лучше.

— Я мог бы напеть вам ваше лекарство,— сказал я доктору.— Хотите, попробую?

— Благодарю, не стоит,— вежливо отклонил он мое предложение.— Итак, в том случае, если лекарственная терапия окажется бессильна, мы всегда можем попробовать иссечение мозга в области височных долей. Естественно, речь идет о полноценной операции в Объединенной клинике в Сан-Франциско или на горе Сион, в наших условиях это невозможно. Сам я стараюсь избегать подобных операций — вы ведь знаете, правительство запрещает это в частных клиниках.

— Я тоже предпочел бы обойтись без этого,— согласился я.— Некоторые из моих друзей успешно перенесли иссечение... но лично у меня это вызывает трепет. Нельзя ли попросить у вас эту

запись? И, возможно, у вас есть что-нибудь из лекарств, аналогичное по действию хоралу из Девятой симфонии Бетховена?

— Понятия не имею,— ответил Хорстовски.— Никогда не вникал в это.

— На тональном органе меня особенно впечатляет та часть, где хор поет «Mus' ein Lieber Vater wohnen»[1], а затем вступают скрипки, так высоко, как будто голоса ангелов, и сопрано в ответ хору: «Ubrem Sternenzelt»[2]...

— Боюсь, я не настолько компетентен,— произнес Хорстовски.

— Понимаете, они обращаются к Небесному Отцу, спрашивая, существует ли он на самом деле, и откуда-то сверху, из звездных сфер приходит ответ: «Да...». Мне кажется, что данная часть — конечно, если ее можно было бы выразить в терминах фармакологии, принесла бы мне несомненную пользу.

Доктор Хорстовски достал толстый скоросшиватель и стал пролистывать его.

— Сожалею,— признался он,— но мне не удается выявить таблеток, полностью передающих то, что вы рассказывали. Думаю, вам лучше проконсультироваться у инженеров Хаммерштайна.

— Прекрасная мысль,— согласился я.

— Теперь относительно ваших проблем с Прис. Мне кажется, вы слегка преувеличиваете опасность, которую она несет. В конце концов, вы ведь вольны *вообще* с ней не общаться, разве не так? — Он лукаво взглянул мне в глаза.

— Полагаю, что так.

— Прис бросает вам вызов. Это то, что мы называем провоцирующей личностью... Насколько мне известно, большинство людей, кому приходилось с ней общаться, приходили к аналогичным чувствам. Что поделать, таков ее способ пробивать брешь в человеческой броне, добиваться реакции. Несомненно, это связано с ее научными склонностями... своего рода природное любопытство. Прис хочется знать, чем живут люди.— Доктор Хорстовски улыбнулся.

— Беда в том,— сказал я,— что в ходе своих исследований она доводит до гибели испытуемых.

— Простите? — не понял доктор.— Ах да, испытуемых. Что ж, возможно, вы правы. Но меня ей не удастся захватить врас-

---

[1] Mus' ein Liber Vater wohnen *(нем.)* — живет ли Отец Небесный.

[2] Ubrem Sternenzelt *(нем.)* — в звездных сферах.

плох. Мы живем в обществе, где необходимо абстрагироваться, чтобы выжить.

Говоря это, он что-то быстро писал в своем рабочем блокноте...

— Скажите,— задумчиво произнес он,— а что приходит вам на ум, когда вы думаете о Прис?

— Молоко,— сразу же ответил я.

— Молоко? — Доктор удивленно вскинул глаза на меня.— Молоко... Как интересно.

— Вы напрасно пишете мне карточку,— заметил я.— Вряд ли я еще раз сюда приду.

Тем не менее я принял от него карточку с назначением.

— Как я понимаю, наш сеанс сегодня окончен?

— Сожалею, но это так.

— Доктор, я не шутил, когда называл себя симулякром Прис. Луис Розен существовал когда-то, но теперь остался только я. И если со мной что-нибудь случится, то Прис с Мори создадут новый экземпляр. Вы знаете, что она делает тела из простой кафельной плитки для ванной? Мило, не так ли? Ей удалось одурачить вас, и моего брата Честера, и, может быть, даже моего бедного отца. Собственно, здесь кроется причина его тревоги. Мне кажется, он догадывается обо всем...

Выдав эту тираду, я кивком попрощался с доктором и вышел из кабинета. Прошел по холлу, через приемную и наконец очутился на улице.

«А ты нет! — подумал я про себя.— Ты никогда не догадаешься, доктор Хорстовски, даже через миллион лет. У меня хватит ума, чтобы обмануть тебя. Тебя и таких, как ты».

Я сел в свой «шевроле» и медленно поехал по направлению к нашему офису.

Глава 6

Слова, сказанные доктору Хорстовски, не шли у меня из ума. Да, был когда-то настоящий Луис Розен, но теперь он исчез. Теперь на его месте остался я. Тот, кто дурачил всех, включая себя самого.

Эта мысль, подобно привязавшемуся мотивчику, преследовала меня всю следующую неделю, делаясь с каждым днем все слабее, но не угасая окончательно.

В глубине души я сознавал, что это — глупость, порожденная раздражением против доктора Хорстовски. Но последствия не замедлили сказаться.

Первым делом, во мне проснулся интерес к Эдвину М. Стэнтону. Вернувшись от доктора, я поинтересовался у Мори, где может находиться наш симулякр.

Банди вводит в него новые данные,— ответил тот.— Прис еще раз пробежалась по его биографии и всплыли дополнительные подробности.

Мой партнер вернулся к своим письмам, а я отправился на поиски. Я обнаружил их в мастерской. Банди, покончив с загрузкой информации, сейчас занимался проверкой результатов. Он задавал вопросы Стэнтону.

— Эндрю Джонсон изменил Союзу, так как не мог представить себе мятежные штаты в качестве...— заметив меня, он прервался.— Привет, Розен.

— А можно мне потолковать с ним?

Банди удалился, оставив меня наедине с Эдвином М. Стэнтоном. Тот сидел в кожаном кресле с раскрытой книгой на коленях. Он следил за мной со строгостью во взгляде.

— Сэр,— окликнул я его,— вы узнаете меня?

— Естественно, узнаю. Вы — мистер Луис Розен из Бойсе, штат Айдахо. Я провел приятный вечер в доме вашего отца. Надеюсь, он здоров?

— Не настолько, как хотелось бы.

— Какая жалость.

— Сэр, я бы хотел задать вам несколько вопросов. Прежде всего, вас не удивляет тот факт, что родившись в 1800 году, вы все еще живете и здравствуете в 1982-м? И не странно ли вам оказаться выброшенным как из того, так и из нынешнего времени? А также не смущает ли вас, что вы сделаны из реле и транзисторов? Ведь в той, прежней жизни, вы были другим — тогда просто не существовало транзисторов.— Я умолк, ожидая ответа.

— Да,— согласился Стэнтон,— все это престранно. Но вот здесь у меня книга о новой науке кибернетике. И данная наука проливает свет на мои проблемы.

— Проблемы? — удивился я.

— Да, сэр. Во время пребывания в доме вашего отца мы с ним обсуждали некоторые загадочные обстоятельства этого дела. Когда я постиг краткость своей жизни, затерянной в вечности, то малое место во Вселенной, которое я занимаю в этой беспредельности, которой нет дела до меня и которую мне никогда не понять... Тогда, сэр, мне стало страшно.

— Еще бы!

— И я задумался, почему я здесь, а не там. Потому что для того нет причин — быть здесь, а не там. Быть сейчас, а не тогда.

— И к какому заключению вы пришли?

Стэнтон прочистил горло, затем достал сложенный льняной платок и старательно высморкался.

— Позволю себе предположить, что время движется какими-то странными прыжками, перескакивая через некоторые эпохи. Не спрашивайте меня, почему и как это происходит — я не знаю. Есть вещи, которые не дано постичь человеческому разуму.

— А хотите услышать мою теорию?

— Да, сэр.

— Я утверждаю, что не существует никакого Эдвина М. Стэнтона или Луиса Розена. Они были когда-то, но затем умерли. А мы всего-навсего машины.

Стэнтон долго смотрел на меня, на его круглом морщинистом лице отражалась борьба чувств. Затем он произнес:

— Ваши слова не лишены смысла.

— Вот именно,— сказал я.— Мори Рок и Прис Фраунциммер сконструировали нас, а Банди построил. И сейчас они работают над симулякром Эйба Линкольна.

— Мистер Линкольн мертв,— лицо моего собеседника потемнело.

— Я знаю.

— Вы хотите сказать, они собираются вернуть его?

— Да.

— Но *зачем?*

— Чтобы произвести впечатление на мистера Барроуза.

— Кто такой мистер Барроуз? — В голосе старика послышался металл.

— Мультимиллионер, который живет в Сиэтле, штат Вашингтон. Тот, который заварил всю эту кашу с субподрядчиками на Луне.

— Сэр, вы когда-нибудь слышали об Артемасе Уорде?

Мне пришлось признать, что не слышал.

— Так вот, сэр. Если мистера Линкольна возродят, то приготовьтесь — вас ждут бесконечные юмористические выдержки из сочинений мистера Уорда.— Сверкнув глазами, Стэнтон резко раскрыл свой том и принялся читать. Руки его при этом тряслись, а лицо было красным как свекла.

Очевидно, меня угораздило сказать что-то не то.

Действительно, сегодня все настолько преклоняются перед Авраамом Линкольном, что мне и в голову не приходило допу-

стить наличие у Стэнтона иной позиции в этом вопросе. Ну что ж, учиться никогда не поздно. Придется вносить коррективы. В конце концов, принципы, сформированные больше ста лет назад, достойны уважения.

Я извинился — Стэнтон едва взглянул на меня и сухо кивнул — и поспешил в ближайшую библиотеку. Спустя четверть часа нужные тома «Британской Энциклопедии» лежали передо мной на столе. Я решил сначала навести справки о Линкольне и Стэнтоне, а затем еще просмотреть весь период Гражданской войны.

Статья, посвященная Стэнтону, оказалась короткой, но интересной. Вначале, как выяснилось, он ненавидел Линкольна. Это можно было понять: как старый и убежденный демократ, он испытывал ненависть и недоверие к новой Республиканской партии. Автор статьи характеризовал Стэнтона как резкого и неуживчивого человека (в этом я и сам имел случай убедиться), посему он не раз вступал в перебранки с представителями генералитета, особенно с Шерманом. Однако дело свое старый лис знал. Благодаря стэнтоновскому уму и проницательности удалось разогнать всех мошенников-подрядчиков, которые кормились вокруг армии Линкольна, и обеспечить качественную экипировку войск. По окончании боевых действий из армии было демобилизовано 800 тысяч человек, живых и относительно здоровых. А это, согласитесь, немало после такой кровопролитной войны. Не последняя заслуга в этом принадлежала мистеру Эдвину М. Стэнтону.

Смерть Линкольна в 1865 году ознаменовала новую эпоху в жизни нашего героя. Она характеризовалась непримиримым противостоянием Стэнтона президенту Джонсону. В какой-то момент казалось, что Конгресс победит и станет осуществлять единоличное правление страной... По мере того, как я читал статью, я начинал понимать натуру старика — он был настоящим тигром. С бешеным характером и острым языком! Ему почти удалось вышибить Джонсона и занять его место в качестве военного диктатора. В заключение «Британская Энциклопедия» отмечала безукоризненную честность и неподдельный патриотизм Эдвина М. Стэнтона.

В то же время в статье, посвященной Джонсону, Стэнтон характеризовался как бесчестный человек, нелояльный к президенту и вступивший в сговор с его врагами. Тот факт, что Джонсону удалось в конце концов избавиться от такого противника, объявлялся чудом и благодеянием господним.

Честно говоря, поставив тома «Британской Энциклопедии» обратно на полку, я вздохнул с облегчением. Даже этих небольших статеек было достаточно, чтобы прочувствовать ядовитую

атмосферу ненависти и интриг, царивших в те дни. Мне это смутно напомнило средневековую Россию или политические заговоры времен Сталина.

Медленно шагая в сторону офиса, я предавался размышлениям. Что ж, чертовски славный джентльмен! В своей жадности дуэт Рок — Фраунциммер вернул к жизни не просто человека, а некую ужасную и грозную силу в истории Америки. Лучше бы они создали симулякр Захарии Тейлора. Я не сомневался, что решающую роль тут сыграло извращенное нигилистическое сознание Прис. Именно она вытащила этого политического джокера из исторической колоды! А ведь им было из чего выбирать — тысячи, если не миллионы персонажей! Но почему, боже милостивый? Почему Стэнтон? Не Сократ, не Ганди, в конце концов...

А теперь они преспокойно собираются реанимировать еще одну фигуру — того, к кому Эдвин М. Стэнтон питал ярую и непримиримую ненависть! Да они просто идиоты!

Вернувшись в мастерскую, я увидел, что Стэнтон по-прежнему занят чтением. Его книжка по кибернетике близилась к концу.

Не далее чем в десяти футах от него на большом верстаке громоздилась куча недоделанных плат, которым предстояло в один прекрасный день воплотиться в Авраама Линкольна. Знал ли об этом Стэнтон? Я повнимательнее пригляделся к недостроенному симулякру — никакого исторического сходства не прослеживалось. Пока это было ни на что не похоже. Труды Банди еще ждали своего оформления. Я подумал: если б Стэнтон подходил к конструкции в мое отсутствие, там наверняка обнаружились бы сломанные или сожженные фрагменты. Однако ничего подобного не наблюдалось.

В последние дни я не видел Прис. Полагаю, она отсиживалась дома, оканчивая работу над внешней оболочкой симулякра. Возможно, именно сейчас она наносила завершающие мазки на впалые щеки Эйба Линкольна. Так сказать, последний штрих... Я мысленно представил себе знакомую бородку, грустные глаза, крупные руки и костлявые ноги — какое поле деятельности для Прис, для выражения ее артистической души! Неудивительно, что она глаз не казала, с тех пор как работа вошла в свою завершающую стадию.

На лестнице я столкнулся с Мори.

— Послушай, дружище,— поймал я его за рукав.— А ты не боишься, что наш Стэнтон в один прекрасный день прибьет Честного Эйба? Ты вообще заглядывал в книги по истории?

И тут до меня дошло.

— Ты *должен* был их читать! Ведь это же ты готовил блок управления! Значит, ты лучше меня понимаешь, какие чувства питает Стэнтон к Линкольну. Знаешь, что, дай ему волю, он с радостью превратил бы Эйба в обугленную головешку!

— Только не надо приплетать сюда политические коллизии давно минувших лет,— ответил Мори со вздохом.— То Прис тебе не давала покоя, теперь Стэнтон... Ты осознаешь, что превращаешься в старого маразматика? Пусти меня и дай мне работать.

Я бросился снова в мастерскую. Стэнтон все так же сидел в своем кресле, но книга была закрыта. Очевидно, он закончил читать и теперь размышлял.

— Молодой человек,— обратился он ко мне,— я хотел бы получить больше информации об этом Барроузе. Вы говорили, он живет в Вашингтоне, в Капитолии?

— Нет, сэр,— поправил я,— в штате Вашингтон.

Я объяснил ему разницу.

— Насколько я понял со слов Мори,— продолжил Стэнтон,— именно благодаря связям Барроуза в этом городе была открыта Всемирная ярмарка?

— Я слышал что-то подобное. Ничего удивительного: столь богатый и эксцентричный человек, как Барроуз, неминуемо порождает массу легенд.

— Ярмарка все еще работает?

— Нет, это было давно.

— Жаль,— пробормотал Стэнтон.— Мне бы хотелось взглянуть на это...

Меня почему-то тронули его слова. Мне вновь и вновь приходилось пересматривать свое первое впечатление об этом человеке. Господи, сейчас он мне казался куда более человечным, чем все мы — Прис, Мори и даже я сам, Луис Розен. Пожалуй, только своего отца я мог бы поставить рядом со Стэнтоном. Доктор Хорстовски выглядел просто какой-то бледной схемой по сравнению с этим симулякром... И тут я задумался о Барроузе. А какое место занял бы он в этом сравнительном ряду? А Линкольн? Что получится из нового эксперимента?

— Мне бы хотелось услышать ваше мнение о мисс Фраунциммер, сэр,— обратился я к симулякру.— Если у вас, конечно, есть время.

— Время у меня есть, мистер Розен.

Я уселся на автомобильную покрышку напротив него и приготовился слушать.

— Я знаю мисс Фраунциммер уже какое-то время, затрудняюсь точно определить, но скажем так — мы знакомы достаточно хорошо. Она недавно выписалась из клиники Касанинского медицинского центра в Канзас-Сити, штат Миссури, и вернулась в семью. Фактически я жил в ее доме. У нее светло-серые глаза и пять футов шесть дюймов росту. Вес в настоящее время где-то сто двадцать фунтов, мне кажется, она худеет. Я бы не назвал ее красавицей — скорее, довольно милой. Теперь перехожу к более глубинным материям. Ее предки были из высших слоев, хоть и иммигранты. Данный факт в американских понятиях означает, что человеку открыт путь наверх. И регламентируется этот путь только личными способностями самого человека. Это вовсе, конечно, не означает гарантированного устройства в жизни, отнюдь. Мисс Фраунциммер безусловно права, когда отказывается от жизненных возможностей, ограничивающих ее персональные способности. Мне очень хорошо понятен огонь, что порой полыхает в ее серых глазах.

— Похоже,— сказал я,— вы заранее продумали свою речь.

— Сэр, данная тема видится мне достойной обсуждения. В конце концов, вы сами ее подняли, не так ли? — метнул он в меня пронзительный взгляд.— Лично мне мисс Фраунциммер кажется хорошим человеком. Но есть внутри нее какое-то нетерпение, сэр. Нетерпение и характер. А характер — это та наковальня справедливости, на которой перековываются явления жестокой действительности. Человек без характера похож на безжизненное животное. Это та самая искра, благодаря которой куча костей, плоти, жира и шерсти обращается в овеществленное дыхание Божества.

Должен признать, меня впечатлила его речь.

— Однако если говорить о мисс Присцилле,— продолжал Стэнтон,— то в первую очередь следует отметить не ее силу духа, вовсе нет. Меня гораздо больше заботит другое, сэр. Дело в том, что когда эта девушка слушается голоса своего сердца, она идет верной дорогой. Но это происходит далеко не всегда. Должен с прискорбием заметить, что часто доводы разума затмевают голос ее сердца. И вот тогда — жди беды, сэр.

Я не знал, что возразить ему.

— Ведь женская логика — это отнюдь не логика философа. Чаще всего в ней воплощается все та же умудренность сердца, но усеченная и испорченная. С позволения сказать, тень истины. И в таковом качестве она является плохим советчиком. Женщины часто и легко впадают в ошибки, если пытаются руководствоваться разумом, а не сердцем,— Присцилла Фраунциммер тому

пример. Потому что когда она прислушивается к голосу разума, холод и черствость нисходят на нее.

— О!

— Именно так, сэр.— Стэнтон кивнул и направил на меня свой указующий перст.— Вы тоже, несомненно, отметили особую холодность, которая порой исходит от мисс Фраунциммер. И мне ясно, что это ранит вашу душу так же, как и мою. Не знаю, как именно, но девушке придется справиться с этим в будущем. Потому что Создатель предназначил ей в конце концов прийти к согласию с собой. Сейчас она пока не в состоянии признать в себе эту холодную, нетерпеливую, всепоглощающую рассудочность, нечто сродни механистичности, ту часть ее натуры, с которой, увы, приходится считаться. А ведь то же самое мы находим в своих собственных характерах — это признание за собой права впустить в свою жизнь, в повседневные отношения мелкую, недальновидную философию. И то же мы видим в наших друзьях, наших соседях... Поверьте, нет ничего опаснее, чем этот изначальный, незрелый набор мнений, верований, предубеждений и осколков прошлого, весь этот ненужный рационализм, создающий искалеченный, кастрированный источник для ее деяний. В то время как если бы она просто склонилась и прислушалась, она бы услышала свой личный, цельно-гармоничный голос сердца, голос самой себя.

Стэнтон умолк. Он завершил свою маленькую речь на тему «Присцилла и ее проблемы». Но откуда он ее взял? Создал сам? Или получил в готовом виде от Мори вместе с управляющей программой? Хотя стиль, пожалуй, не Мори. А если это заготовка Прис? Возможно, это такая странная форма ее горькой самоиронии. Которую она почему-то предпочла вложить в уста механизма, заставив его провести сеанс ее психоанализа... Я чувствовал, что именно так все и было. Это странное раздвоение доказывало, что шизофренический процесс все еще идет в ней.

Увы, хитрые, притянутые за уши объяснения, которые я получил от доктора Хорстовски, никак не помогали делу, ибо не соответствовали действительности.

— Благодарю вас,— сказал я Стэнтону.— Должен признать, я впечатлен вашей импровизированной речью.

— Импровизированной? — эхом повторил он.

— Ну, без подготовки.

— Но я готовился, сэр, поскольку очень сильно волнуюсь за мисс Фраунциммер.

— Я тоже.

— А теперь, сэр, я был бы очень вам обязан, если бы вы рассказали мне об этом Барроузе. Я так понимаю, что он проявил определенный интерес ко мне?

— Думаю, будет лучше, если я просто принесу вам статью из «Лук». Потому что ведь на самом деле я никогда не встречался с ним. Я виделся с его секретаршей, и у меня письмо от него...

— Можно взглянуть на письмо?

— Лучше я принесу вам его завтра.

— А по *вашему* мнению, Барроуз заинтересовался мною?

— Полагаю, что так.

— Вы сомневаетесь?

— Вам следует поговорить с ним лично.

— Скорее всего я так и сделаю.— Стэнтон на минуту задумался, почесывая нос.— Пожалуй, я попрошу мистера Рока или мисс Фраунциммер отвезти меня туда и устроить встречу с мистером Барроузом.

Стэнтон удовлетворенно кивнул — видимо посчитав, что принял правильное решение.

Глава 7

Ну вот, теперь и Стэнтон загорелся встречей с Барроузом. Следовательно, она неизбежно должна произойти. Как говорится, вопрос времени.

А в это же время изготовление симулякра Авраама Линкольна шло к концу. В ближайшие выходные планировалась первая комплексная проверка всех составных частей. По отдельности все железки были уже протестированы и подготовлены к работе.

Мори и Прис доставили оболочку Линкольна в офис, и она меня поразила. Даже в своем инертном состоянии, без рабочих внутренностей, она выглядела очень убедительно. Создавалось впечатление, что старина Эйб сейчас вскочит и побежит по своим повседневным делам. Со всеми предосторожностями Прис, Мори и Банди спустили эту длинную громоздкую штуку в подвал. Я тоже вошел в мастерскую и глядел, как они укладывали свою ношу на верстак.

— Надо отдать тебе должное — ты молодец,— сказал я Прис, когда оказался рядом с ней.

Засунув руки в карманы куртки, она мрачно смотрела на меня, и глаза ее казались необычайно темными и глубокими. Лицо, в отсутствие всякой косметики, было бледно, и я подумал, что она, должно быть, совсем мало спит в последнее время. Волосы Прис

зачесала назад и прихватила лентой, это делало ее похожей на школьницу. Мне показалось, что она еще сбросила вес и стала почти прозрачной. Одета она была в полосатую футболку и голубые джинсы, бюстгальтер отсутствовал — похоже, при ее новых габаритах он ей был не нужен. Картину довершали кожаные туфли на низком каблуке и уже упомянутая куртка.

— Привет,— буркнула Прис, раскачиваясь на каблуках и кривя губы — в этот момент она наблюдала, как симулякра укладывали на верстак.

— Вы проделали отличную работу,— повторил я.

— Луис,— прервала меня Прис,— уведи меня отсюда. Давай пойдем выпьем чашечку кофе или просто прогуляемся.

Она решительно направилась к двери, и после недолгого колебания я последовал за ней.

Бок о бок мы шагали с ней вдоль поребрика. Прис шла, уткнувшись взглядом под ноги, казалось, все ее внимание поглощалось камешками, которые попадались ей по дороге и которые она с увлечением пинала.

— Первый симулякр, по сравнению с нынешним, был еще ничего,— проговорила она вдруг.— Стэнтон — он ведь совсем другой человек, хотя и там забот хватало... Знаешь, у меня дома есть книжка, где собраны все фотографии Линкольна. Я часами изучала их, так что теперь знаю каждую черточку его лица. Наверное, лучше своего собственного.

Еще один камешек улетел в канаву.

— Просто удивительно, насколько выразительны эти старые снимки. Знаешь, они использовали стеклянные фотопластинки, и человеку приходилось сидеть, не шелохнувшись А еще у них были специальные стульчики с такими спинками, чтобы голова клиента не дрожала. Луис,— она внезапно остановилась у бордюрного камня,— скажи, он действительно сможет ожить?

— Не знаю, Прис.

— Порой мне кажется, мы занимаемся самообманом. Нельзя возродить к жизни то, что мертво.

— А разве вы не этим занимаетесь? Если я правильно понимаю, ты именно так все и замышляла. Боюсь, ты воспринимаешь все слишком эмоционально. И теряешь при этом чувство перспективы. Тебе пора вынырнуть из тех глубин, куда ты себя погрузила.

— Я понимаю. Ты хочешь сказать, мы воспроизводим лишь видимость. Пустышку, которая ходит, говорит, но не несет в себе искру Божью.

— Примерно так.

— Ты ходил когда-нибудь к католической мессе?

— Нет.

— Они верят, что хлеб и вино на самом деле — плоть и кровь Господня. Они называют это чудом. Может быть, если мы будем использовать совершенную пленку, и голос, и точную внешность, то...

— Прис,— прервал я ее,— я никогда не видел тебя такой напуганной.

— Я не напугана, Луис. Просто это для меня чересчур. Знаешь, ведь Линкольн был моим героем, когда я училась в школе — в восьмом классе я писала о нем доклад. Вспомни, в детстве все, что мы читаем в книгах, кажется нам реальным. Так вот, Линкольн был реален для меня, хотя, конечно же, на самом деле все это являлось порождением моего разума. Вот, что самое ужасное — я принимала свои фантазии за реальность. Потребовались годы, чтоб осознать данный факт. Ты же знаешь, как это бывает: кавалерия, сражения, Улисс С. Грант...

— Да.

Тебе не приходило в голову, что настанет день и кто-нибудь создаст твоего или моего симулякра? И мы снова возродимся.

— Что за бред!

— Представь, мы мертвые и безразличные ко всей этой суете. И вдруг что-то пробивает наш кокон небытия, может, вспышка света... И затем наша защита рассыпается, реальность снова берет нас в свои когтистые руки. И мы совершенно беспомощны, мы не можем остановить этот процесс. Воскрешение! — Она передернулась.

— Это не имеет ничего общего с тем, что вы делаете. Выброси все из головы! Не следует смешивать настоящего Линкольна с этим...

— Но настоящий Линкольн существует в моем сознании!

Я удивленно смотрел на Прис.

— Ты сама не веришь в то, что говоришь. У тебя в голове существует в лучшем случае *идея* Линкольна.

— Нет, Луис.— Она медленно покачала головой.— Во мне живет самый настоящий Линкольн. И я билась ночь за ночью, чтобы открыть дверь и выпустить его в наш мир.

Я рассмеялся.

— Но это ужасный мир,— продолжала Прис.— Я это знаю. Послушай меня, Луис, я расскажу тебе кое-что... Знаешь ли ты, как можно освободиться от ос? Да-да, этих проклятых ос с их

жалами. Здесь нет никакого риска, и денег тратить не придется. Все, что тебе надо, это ведро с песком.

— Так.

— Надо дождаться ночи. Ночью все осы спят в своих гнездах. Ты подбираешься к их дому и засыпаешь песок прямо в дырку, получается что-то вроде кургана. Слушай дальше. Ты думаешь, что убил их, но это не так. Дальше происходит вот что. Утром осы просыпаются и обнаруживают, что выход засыпан. Тогда они начинают рыть ход в песке, чтоб пробиться наружу. Возникает вопрос, куда же девать отработанный песок? Да некуда, только внутрь гнезда, в его другие части. Так что осы организовывают цепочку и песчинка за песчинкой передают этот мешающий груз в заднюю часть своей норы. Беда в том, что песок тяжел и его много. На расчищенное место тут же сверху сыплется новый.

— Ясно.

— Разве это не ужасно?

— Действительно,— согласился я.

— В результате осы можно сказать собственноручно заполняют свое гнездо песком. Причем, чем усерднее они трудятся, тем ужаснее результат. Они замурованы. Все это похоже на какую-то восточную пытку, не правда ли? Так вот, Луис, когда я услышала про такой способ, я подумала: «Господи, лучше уж умереть! Я не хочу жить в мире, где происходят подобные вещи».

— И когда ты узнала обо всем этом?

— Очень давно. Мне было семь лет, Луис, и я тогда представила себе, каково находиться там, в гнезде.— Не останавливаясь, она вдруг схватила меня за руку, глаза ее плотно зажмурены.— Вот я сплю. Вокруг темно. Рядом со мной сотни, тысячи таких, как я. И вдруг — бах! Шум откуда-то сверху.

Прис плотно прижалась ко мне, но продолжала идти нога в ногу со мной.

— И вот мы дремлем... неподвижные, холодные, как земля вокруг. Затем солнышко просыпается, становится теплее, мы просыпаемся. Но почему вокруг так темно? Где обычный свет? И вот мы начинаем искать выход. Его *нет!* Мы напуганы. Что происходит? Мы стараемся действовать организованно, не паниковать. Никаких лишних движений — кислорода мало, мы выстраиваемся в цепочку, работаем молча и энергично.

Она по-прежнему шла с закрытыми глазами, держа меня за руку. У меня возникло чувство, будто я веду маленькую девочку.

— Мы *никогда* больше не увидим дневной свет, Луис. Абсолютно неважно, сколько песчинок мы перетащим. Мы продол-

жаем работать и ждать. Но все бесполезно. Никогда.— Ее голос дрогнул в отчаянии.— Мы мертвы, Луис. Все, там внизу.

Я сжал ее пальцы и попытался стряхнуть наваждение.

— Как насчет чашки кофе?

— Нет, спасибо,— покачала она головой.— Хочу просто прогуляться.

Мы пошли дальше, теперь на расстоянии друг от друга.

— Луис,— сказала Прис,— все эти насекомые — осы, муравьи — они такие сложные. Ведь там, внизу, в их гнездах кипит жизнь. Они трудятся...

— Да, а еще есть пауки.

— Пауки — это отдельная история. Возьми хотя бы дверного паучка. Подумай, что он должен чувствовать, когда очередной *кто-то* приходит и разрушает его паутину.

— Наверное, он говорит: «Черт побери»! Или что-то в этом роде.

— Нет,— спокойно возразила Прис.— Сначала он чувствует ярость, а затем безнадежность. В первый момент ему больно, он попытается тебя ужалить, если ты дашь ему такую возможность... А потом его накрывает медленное, ужасное отчаяние. Он знает, что все бесполезно. Даже если он соберется с силами и отстроит свой домик, это произойдет вновь.

— Тем не менее пауки всегда остаются на старом месте и восстанавливают свою паутину.

— Они вынуждены так делать. Сила инстинкта. Вот что делает их жизнь ужасной: они не могут, как мы, плюнуть на все и умереть. Они должны продолжать.

— Послушай, Прис, тебе надо посмотреть на вещи с другой стороны. Все не так уж плохо. Ты занимаешься отличной творческой работой. Взять хотя бы твою мозаику или симулякра... Подумай об этом и брось хандрить. Разве у тебя не поднимается настроение, когда ты смотришь на творения своих рук?

— Нет,— ответила Прис.— Потому что все, что я делаю, не имеет смысла. Этого недостаточно.

— А что достаточно?

Прис задумалась. Она открыла глаза и отпустила мои пальцы. Причем сделала это автоматически, не задумываясь. Рефлекс, подумал я. Как у паука.

— Не знаю,— сказала она наконец.— Но я чувствую: как бы упорно я ни трудилась и сколько бы времени ни потратила — *этого будет недостаточно.*

— И кто же выносит вердикт?

— Я сама.

— А ты подумай, что ты почувствуешь, когда твой Линкольн оживет?

— Я и так знаю, *что* именно я почувствую — еще большее отчаяние.

Я смотрел, не понимая. Но почему? Отчаяние от успеха... бессмыслица какая-то. А что же тогда при провале? Восторг?

— Послушай,— сказал я.— Мне хочется рассказать тебе одну историю. Может, она тебе поможет.

— Давай.— Она внимательно смотрела на меня.

— Как-то я зашел на почту в маленьком городке, в Калифорнии. И там, на карнизе, были птичьи гнезда. Так вот, один птенец то ли выпал, то ли вылетел, но, так или иначе, он сидел на полу, а его родители взволнованно суетились вокруг. Я пошел к нему, чтоб попробовать положить его обратно в гнездо, если получится.— Я помолчал.— И знаешь, что он сделал, когда я подошел?

— Что?

— Он открыл рот. Очевидно, ждал, что я его покормлю.

Прис молчала, нахмурившись.

— Понимаешь, этот птенец знал жизнь только с одной стороны: его кормят, о нем заботятся. И когда он увидел меня, хоть я и не был похож ни на что знакомое, с его точки зрения, он ждал от меня привычного проявления — еды.

— И что это должно означать?

— А то, что в жизни существуют не только ужасные, холодные вещи, о которых ты говорила. Есть еще доброта и благожелательность, любовь и бескорыстная поддержка.

— Нет, Луис,— тряхнула головой Прис.— Эта история свидетельствует только о твоем полном невежестве по части птиц. Ты же не собирался кормить его.

— Но я пришел помочь ему. Так что он был прав, доверившись мне.

— Хотела бы я смотреть на вещи так же, как ты. Но по мне, так это просто невежество.

— Скорее, наивность,— поправил я.

— Неважно. Наивность в жизни... Было бы здорово сохранить это качество до самой смерти, наверное, я чувствовала бы себя счастливой. Но это невозможно, Луис. Ты живешь, а жизнь — ничто иное, как опыт. Тот опыт, который...

— Ты — маленький циник,— сказал я ей.

— Нет, просто реалист.

— Я просто не могу все это слышать! Ты же не приемлешь никакой помощи, к тебе не пробиться. И знаешь почему, Прис?

Потому что ты хочешь оставаться на своей позиции. Тебе так легче, так проще всего, а ты не желаешь трудиться. По сути, ты лентяйка, которая прикладывает все силы, чтоб остаться в стороне. И ты никогда не изменишься. Если только в худшую сторону.

Она посмотрела на меня и рассмеялась, холодно и язвительно. Мы развернулись и пошли обратно. Не говоря ни слова.

В мастерской были только Банди и Стэнтон. Первый возился с симулякром Линкольна, второй наблюдал.

Обращаясь к Стэнтону, Прис сказала:

— Вы скоро увидите того человека, который когда-то писал вам все эти письма о помиловании солдат.

Стэнтон молчал. Он пристально разглядывал распростертую фигуру с морщинистым отчужденным лицом, столь хорошо знакомым по многочисленным старинным гравюрам.

— Понятно,— ответил наконец Стэнтон.

Он старательно прочистил горло, откашлялся, как будто хотел что-то сказать, но вместо этого скрестил руки за спиной и стоял, раскачиваясь с пятки на носок. На лице его сохранялось прежнее неопределенное выражение. Это моя работа, казалось, было написано на нем. Все, что имеет значение для общества, важно и для меня.

Я подумал, что подобная поза и выражение лица являются привычными для Стэнтона. Похоже, в нынешнем своем существовании он реанимировал прежние привычки и жизненные позиции. Хорошо это или плохо, я затруднялся сказать. Но знал определенно: игнорировать существование такого человека нам не удастся. Вот и теперь, стоя над телом Линкольна, мы постоянно ощущали за своей спиной его присутствие. Наверно, так было и сто лет назад — неважно, ненавидели или уважали Стэнтона, но всем приходилось считаться с ним.

— Луис,— сказала Прис,— мне кажется, этот экземпляр гораздо удачнее Стэнтона. Смотри, он шевелится.

И действительно, симулякр изменил позу, в которой лежал. Прис, стиснув руки, возбужденно воскликнула:

— Сэму Барроузу следовало быть здесь! Господи, что ж мы не сообразили? Если б он увидел весь процесс воочию, он бы, наверняка, изменил свое мнение. Я просто уверена в этом! Никто не способен остаться равнодушным. Даже Сэм Барроуз!

Какая экспрессия! Ни малейших сомнений в результате.

— Ты помнишь, Луис,— улыбался Мори, вошедший за нами — тот день на фабрике, когда мы сделали наш первый электроорган? Помнишь, как мы все играли на нем. Целый день, с утра до вечера.

— Да.

— Ты и я, и Джереми, и этот твой братец с перекошенным лицом — мы постоянно экспериментировали, воспроизводили различное звучание: то клавесина, то гавайской гитары, то каллиопы[1]. И мы играли на нем все, что знали, от Баха до Гершвина. А потом, помнишь, мы приготовили себе ледяные коктейли с ромом и... что же еще? Ага, мы сочиняли музыку и находили все типы тонального звучания — их были тысячи! Нам удалось создать новый музыкальный инструмент, которого раньше не существовало. Мы творили! Включили магнитофон и записывали все, что появлялось. О, боже! Это было нечто.

— Да, что и говорить — великий день!

— А я лег на пол и стал работать ножными педалями — задал нижние регистры. Помнится, я нажал на нижнее «соль», и оно зазвучало. Когда мы пришли на следующее утро, это чертово «соль» все еще гудело. Да-а... Тот наш орган — где он сейчас, как ты думаешь, Луис?

— Стоит в чьей-то гостиной, полагаю. Эти электроорганы никогда не изнашиваются, потому что не нагреваются. И их не приходится перенастраивать. Я думаю, кто-нибудь прямо сейчас может играть на нем.

— Помогите ему сесть,— послышался голос Прис.

Симулякр Линкольна зашевелил своими крупными руками, делая попытки подняться. Он моргнул, поморщился, тяжелые черты лица пришли в движение. Мы оба, Мори и я, поспешили поддержать его. О, боже, он весил немало! Как будто его отлили из чистого свинца. Но в конце концов, совместными усилиями нам удалось придать симулякру сидячее положение. Мы прислонили его к стенке, чтобы не пришлось повторять этот подвиг.

И вдруг он издал стон, от которого меня дрожь пробрала. Я обернулся к Бобу Банди и спросил:

— Что это? С ним все в порядке? Может, ему больно?

— Не знаю.— Банди беспрерывно нервными движениями приглаживал волосы, я заметил, что руки у него тряслись.— Я могу проверить цепи боли.

---

[1] Каллиопа — клавишный музыкальный инструмент, названный так по имени старшей из девяти муз — покровительниц эпоса. *(Прим. перев.)*

— Цепи боли?

— Ну да. Их приходится ставить, иначе эта штука может врезаться в стену или еще во что-нибудь и размозжить себе голову.— Банди ткнул большим пальцем назад, на стоявшего за его спиной немотствующего Стэнтона.— Вон, и у того парня они есть. Господи, в чем же тут дело?

Не было ни малейших сомнений, что в данный момент мы присутствовали при рождении живого существа. Казалось, он начал нас замечать: его черные как уголь глаза перемещались вверх-вниз, вправо-влево, пытаясь нас всех охватить, включить в поле зрения. При этом в глазах пока не отражалось никаких эмоций — чистый процесс восприятия. И настороженность, которую неспособен себе вообразить человек. Хитрость некоей формы жизни, обитающей за пределами нашей Вселенной, из совершенно иных краев. И вот сейчас существо, которое внезапно зашвырнули в наше время и пространство, пыталось осмыслить, что оно здесь делает и кто мы такие. Ему не очень хорошо удавалось фокусировать взгляд, его черные непрозрачные глаза блуждали, выхватывая то одно, то другое из картины окружающего его мира. Казалось, он все еще находится в подвешенном состоянии, в некой невидимой колыбели, но мне хватило одного беглого взгляда в эту колыбель, чтоб оценить ресурсы этого существа. Тем не менее единственным чувством, которое испытывал наш новорожденный, был страх. Даже не страх, а смертельный ужас. Это трудно было классифицировать как чувство, скорее нечто абсолютно-экзистенциальное, основа всего его существования. Наше творение только что появилось на свет, вычленилось из некоторой субстанции, которая для нас была непостижима, по крайней мере, на данный момент. Возможно, когда-нибудь мы все тихо ляжем в эту субстанцию, но все это займет ощутимо-долгое время. Линкольн же очутился здесь внезапно и должен был занять свое место.

Его бегающие глаза все еще ни на чем конкретно не останавливались, очевидно, его психика оказалась не готова воспринимать отдельные вещи.

— О, боже,— пробормотал Мори,— готов поклясться, что он смотрит на нас с подозрением.

В этом искусственном творении крылись какие-то скрытые таланты. Но кто их вложил? Прис? Сомневаюсь. Может, Мори? Даже не обсуждается. Ни эта парочка, ни тем более Боб Банди (чьим идеалом было замылиться в Рено погулять по питейным и публичным заведениям) не могли сделать этого. Они, действи-

тельно, заронили искру жизни в свое создание, однако речь здесь следовало вести о некотором трансферте[1], а не изобретении. Как вся компания, так и каждый ее член по отдельности, вполне могли быть *проводником* жизни, но никак не ее *источником*. Это было подобно инфекции: подхватив ее когда-то случайно, они передали болезнь своему творению — на время. Но в чем заключался сам процесс передачи? Являясь пассивным участником спектакля, когда симулякр Линкольна пытался освоиться в этой жизни, осмысливая свое и чужое в ней место, я размышлял. Жизнь — это форма, которую принимает материя... Иногда способ ее деятельности. Но в любом случае это — феномен, достойный удивления. Возможно, единственная вещь во Вселенной, которой стоит поражаться. Совершенно непредсказуемая, настолько, что трудно даже предположить сам факт существования жизни, если только ты не являешься ее свидетелем.

И вот еще что я понял, наблюдая рождение Линкольна: толчком к жизни служит не жажда жить или какое-то иное желание. Нет, человека в жизнь толкает страх. Тот самый страх, который мне удалось подсмотреть здесь. И даже не так, все гораздо хуже — я бы назвал это чувство абсолютным *ужасом*. Таким, который обычно парализует, порождает полную апатию. Но нашто Линкольн, наоборот, двигался, к чему-то стремился. Почему? Да потому что *слишком* был силен этот ужас, именно его интенсивность порождала движение, действие. Поскольку оставаться в прежнем состоянии казалось невыносимым.

И я понял: стремление к жизни и порождается желанием изменить состояние не-жизни, как-то смягчить свое пребывание в ней.

Тем не менее, как я мог наблюдать, и сам процесс рождения отнюдь не приятен. В каком-то смысле он даже хуже смерти. Вы можете со мной не соглашаться (и я думаю, многие так и сделают), можете философствовать сколько угодно. Но акт рождения! Здесь не пофилософствуешь, не та ситуация. И, что хуже всего, все попытки действовать в дальнейшем только ухудшают ее. Что бы ты ни делал, ты все глубже увязаешь в этой ловушке по имени «жизнь».

Линкольн снова застонал, теперь в этом стоне можно было услышать какие-то осмысленные слова.

— Что? — спросил Мори.— Что он говорит?

---

[1] Трансферт — передача права владения именными ценными бумагами (или другими ценностями) одним лицом другому. *(Прим. перев.)*

— О, черт! — пробормотал Банди.— Его звуковая дорожка! Она прокручивается задом наперед.

Таковы были первые слова нашего Линкольна — произнесенные наоборот благодаря ошибке в конструкции.

Глава 8

Чтобы переписать программу симулякра, Банди требовалось несколько дней. Я на это время выехал из Онтарио на запад. Мой путь лежал через Орегонский кряж, а также мое любимое место в Западных штатах — маленький городишко под названием Джон-Дэй. Но я даже здесь не остановился, продолжая наматывать мили в западном направлении. Наконец я очутился на скоростной трассе, протянувшейся с севера на юг страны. Это бывшее 99-е шоссе, которое на протяжении сотен миль петляет среди сосен и упирается на калифорнийском конце в Береговой хребет — скучные, серые от вулканического пепла остатки когда-то грандиозной горной системы.

Два желтых крошечных вьюрка щебетали и порхали над моей машиной, пока со всего размаха не шлепнулись о капот. Внезапно наступившая тишина и исчезновение птичек из поля зрения свидетельствовали о том, что они угодили прямо в решетку радиатора.

«И зажарились в мгновение ока» — подумал я про себя. Пришлось останавливать машину на ближайшей станции техобслуживания, где механик извлек из радиатора два обгоревших трупика. Я взял их, завернул в салфетку и похоронил в мусорном баке среди пластиковых пивных банок и полусгнивших картонок.

Впереди меня ждал вулкан Шаста, а там и граница Калифорнии. Однако желание двигаться дальше пропало. Той ночью я остановился в мотеле у Кламат-Фоллз, а на следующее утро повернул обратно к Онтарио. Мне предстояло снова проехать десятки миль вдоль побережья тем же путем, каким я попал сюда.

В половине девятого движение на автостраде небольшое, поэтому я мог себе позволить остановиться и, откинувшись на сидении, спокойно понаблюдать нечто, привлекшее мое внимание в небе. Это зрелище всегда одновременно и возвышало меня, и заставляло чувствовать собственную ничтожность — огромный космический корабль, возвращавшийся с Луны или еще какой-то планеты, медленно проплывал в небе по направлению к невадской пустыне. Несколько реактивных самолетов ВВС, сопро-

вождавших его, казались просто черными точками на фоне этой громады.

Немногие автомобили, оказавшиеся в этот час на дороге, также остановились, чтобы полюбоваться зрелищем. Люди высовывались из окон, кто-то щелкал фотоаппаратом, а женщина с маленьким ребенком махала и улыбалась. Гигантский звездолет пролетал, сотрясая землю струями отработанных газов, вылетавших из сопла. Оболочка корабля при ближайшем рассмотрении выглядела потрепанной — изрытой астероидами, местами обгоревшей.

Вот пролетает оплот нашей надежды, сказал я про себя, щурясь на солнце, но не желая отводить глаз от удалявшейся махины. Что он везет из космических далей? Образцы грунта или обнаруженные впервые ростки неземной формы жизни? А может, наоборот, осколки древних цивилизаций, найденные в вулканическом пепле чужих планет?

Скорее всего, кучу бюрократов, одернул я сам себя. Всякие там федеральные служащие, конгрессмены, техники, военные наблюдатели, ученые, может, репортеры и фотографы от «Лук» и «Лайф» или даже целые команды с программ Эн-Би-Си и Си-Би-Эс. Но и в этом случае зрелище впечатляло. Я тоже помахал рукой вслед удаляющемуся кораблю.

Забравшись обратно в машину, я задумался. Может быть, недалек тот день, когда на лунной поверхности выстроятся ровные ряды типовых домиков. С телевизионными антеннами на крышах и розеновскими спинет-пианино в гостиных... И вполне вероятно, уже в следующем десятилетии я буду помещать свои объявления в газетах совсем других миров. Ну разве это не романтично? Разве не связывает нашу деятельность с далекими звездами?

Хотя, наверное, имелись и более прямые связи. Пожалуй, я мог понять страсть Прис, ее маниакальную зависимость от Барроуза. Он был тем звеном, что связывало нас, простых смертных, с далекими галактиками. Причем, и в моральном, и в физическом, и в духовном смыслах. Он присутствовал как бы в двух реальностях — одной ногой стоя на Луне, а другой находясь в реальном Сиэтле или Окленде. Без Барроуза наши мечты о космосе оставались лишь мечтами, он же своим существованием превращал их в реальность. При этом сам он вовсе не трепетал от грандиозной идеи застройки лунной поверхности, для Барроуза это была только еще одна, пусть и многообещающая, деловая перспектива, так сказать, высокорентабельное производство. Даже более выгодная, чем эксплуатация трущоб.

Итак, назад в Онтарио, сказал я себе. Пора возвращаться к нашим симулякрам — новым заманчивым изобретениям, разработанным как приманка для мистера Барроуза. Благодаря им мы выделимся в его глазах и сможем надеяться на достойное место в его мире. Это наш шанс *остаться в живых*.

Вернувшись в Онтарио, я сразу отправился в «Объединение МАСА». Еще подъезжая к зданию и выискивая место для парковки, я заметил большую толпу, собравшуюся у нашего офиса. Вернее, у нового павильона, отстроенного Мори. «Вот оно,— сказал я себе с ощущением безнадежности.— Началось».

Я припарковался и поспешил смешаться с толпой у застекленной витрины. Там внутри мне удалось разглядеть высокую сутулую фигуру за столом. Знакомые черты лица, борода — я узнал Авраама Линкольна, писавшего письмо за старинным шведским бюро орехового дерева. Знакомая вещица. Раньше она принадлежала моему отцу и была перевезена сюда из Бойсе специально для этого шоу.

Это меня неожиданно рассердило. И при всем при том я не мог отрицать аутентичность нашего симулякра. Линкольн, одетый в одежду своей эпохи, с гусиным пером в руке, получился удивительно похожим. Если б мне не была известна вся предыстория, я, пожалуй, решил бы, что это какая-то фантастическая реинкарнация бывшего президента. Черт побери, а не могло ли быть все именно так? Возможно, Прис в чем-то права?

Оглядевшись, я заметил табличку на витрине, где красиво отпечатанными буквами сообщалось:

ПЕРЕД ВАМИ АУТЕНТИЧНАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ
АВРААМА ЛИНКОЛЬНА,
ШЕСТНАДЦАТОГО ПРЕЗИДЕНТА СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ.
ПРОЗВЕДЕНО КОМПАНИЕЙ «МАСА ЭЛЕКТРОНИКС»
СОВМЕСТНО С ФАБРИКОЙ РОЗЕНА
ПО ПРОИЗВОДСТВУ ЭЛЕКТРООРГАНОВ,
ГОРОД БОЙСЕ, ШТАТ АЙДАХО.
ВЫСТАВЛЯЕТСЯ ВПЕРВЫЕ.
ОБЪЕМ ПАМЯТИ И НЕРВНАЯ СИСТЕМА ВЕЛИЧАЙШЕГО
ПРЕЗИДЕНТА ВРЕМЕН ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ
В ТОЧНОСТИ ВОСПРОИЗВЕДЕНЫ СТРУКТУРОЙ
УПРАВЛЕНИЯ И МОНАДОЙ ДАННОГО УСТРОЙСТВА.
ОБЕСПЕЧИВАЮТ ПОЛНОЕ ВОСПРОИЗВЕДЕНИЕ
РЕЧИ, ПОСТУПКОВ И РЕШЕНИЙ

ШЕСТНАДЦАТОГО ПРЕЗИДЕНТА
В СТАТИСТИЧЕСКИ ОБОСНОВАННОЙ СТЕПЕНИ.
ПРИГЛАШАЕМ ЖЕЛАЮЩИХ.

В объявлении четко была видна рука Мори. Взбешенный, я протолкался через толпу и попытался войти а павильон. Дверь оказалась запертой, пришлось открывать ее своим ключом. Внутри я увидел новенький диван в углу комнаты, на котором сидели Мори, Боб Банди и мой отец. Они внимательно наблюдали за Линкольном.

— Привет, дружище,— обратился ко мне Мори.

— Ну что, успел вернуть назад свои денежки? — спросил я.

— Да нет. Мы ни с кого денег не берем — простая демонстрация.

— Эта дурацкая надпись — твоя выдумка? Да я и сам знаю, что твоя. И какого рода уличную торговлю ты планируешь открыть? Почему бы вашему Линкольну не продавать ваксу или моющее средство? Что ж он просто сидит и пишет? Или это является частью рекламы кукурузных хлопьев?

— Он занят разбором ежедневной корреспонденции,— сказал Мори. И он, и Боб, и даже мой отец выглядели притихшими.

— А где твоя дочь?

— Она скоро будет.

— И ты не возражаешь против того, чтобы *он* сидел за твоим столом? — обратился я к отцу.

— Нет, mein Kind,— ответил он.— Ты бы пошел и поговорил с Линкольном, он не сердится, когда его прерывают. Вот чему бы я хотел у него научиться.

— Хорошо,— бросил я и направился к фигуре у шведского бюро.

Толпа по-прежнему глазела на всю сцену через витринное окно.

— Господин президент,— промямлил я, почувствовав комок в горле.— Сэр, мне неприятно вас беспокоить...

Я прекрасно знал, что беседую с механизмом, но в то же время не мог избавиться от нервозности. Вообще, меня бесила необходимость участвовать в дурацком спектакле наравне с машиной. При этом никто не позаботился дать мне бумажку с инструкциями, предоставив самому решать все проблемы. Если б я мог их решить! Почему бы не обратиться к нему «мистер Симулякр»? Ведь в конце концов это правда?

Правда! А что означает «правда»? Это — как в детстве, когда тебе надо пересечь холл универмага и подойти к Санта Клаусу.

Когда легче упасть замертво, чем сказать правду. Хотел бы я этого? В подобной ситуации признание правды значило бы конец всего, в первую очередь, меня самого. Своей правдой вряд ли я сделаю больно симулякру. Что касается Мори, Боба Банди и даже моего отца, так они, скорее всего, ничего не заметят. Следовательно, мне надо было защищать прежде всего самого себя. Я осознавал этот факт очень четко, лучше всех, как в этой комнате, так и за ее витриной.

Подняв глаза, Линкольн отложил в сторону гусиное перо и сказал высоким, но не лишенным приятности голосом:

— Добрый день. Полагаю, вы — мистер Луис Розен?

— Да, сэр,— ответил я.

И мгновенно комната взорвалась в моих глазах. Шведское бюро разлетелось на миллион кусочков, и они медленно, как в замедленном кино, полетели мне в лицо. Я закрыл глаза и упал ничком, даже не выставив вперед рук. Грохнулся на пол прямо у ног Линкольна, и тьма накрыла меня.

Это был обморок. Впечатление оказалось настолько сильным, что я потерял сознание.

Когда я пришел в себя, то обнаружил, что сижу в углу офиса, опираясь на стену. Надо мной склонился Мори Рок. В одной руке у него дымилась привычная «Корина Ларк», в другой он держал открытую бутылочку нашатырного спирта, которой помахивал у меня перед носом.

— О, боже,— произнес он, увидев, что я очнулся.— У тебя на лбу шишка величиной с яйцо.

Я пощупал свой лоб — шишка была скорее с лимон. И я ощущал соленый вкус на губах.

— Похоже, я потерял сознание.

— Ну да, а то как же.

Теперь я увидел своего отца, топтавшегося поблизости, а также — что совсем уж было малоприятно — Прис Фраунциммер в длинном сером плаще. Она расхаживала взад-вперед, бросая на меня презрительные взгляды. Видимо, мой обморок не доставил ей удовольствия.

— Ничего себе,— бросила она.— Он тебе сказал всего одно слово, и ты вырубился!

— Ну и что? — огрызнулся я.

— Это доказывает, что я был прав,— обернулся Мори к дочери.— Наш симулякр чрезвычайно впечатляет.

— А что он... этот Линкольн, сделал, когда я грохнулся? — спросил я.

— Он подобрал тебя и притащил сюда, наверх,— ответил Мори.

— О, господи,— пробормотал я.

— Но почему ты упал в обморок? — Прис нагнулась и внимательно посмотрела на меня.— Ну и шишка! Ты просто идиот, Луис... Послушайте, там собралась целая толпа, слышите? Я была снаружи, у дома, и пыталась пройти внутрь. Можно подумать, что мы изобрели по меньшей мере Господа Бога. Они на самом деле молятся, а две женщины перекрестились. А некоторые, ты не поверишь...

— Хватит,— оборвал я ее.

— Может, ты дашь мне договорить?

— Нет,— отрезал я.— Заткнись, ладно?

Мы с ненавистью смотрели друг на друга, затем она резко поднялась на ноги.

— Ты знаешь, что у тебя губы разбиты? Лучше бы наложить пару-тройку швов.

Прикоснувшись к губам, я обнаружил, что они до сих пор кровоточат. Похоже, Прис говорила правду.

— Я отвезу тебя к доктору.— Она подошла к двери и стояла, ожидая меня.— Ну, давай же, Луис.

— Не нужно мне никаких швов,— проворчал я, но все же поднялся и на трясущихся ногах последовал за ней.

Пока мы ждали лифта, Прис прошлась по моему адресу:

— Ты, оказывается, не такой уж храбрец.

Я промолчал.

— Ты отреагировал хуже, чем я. Хуже, чем кто-либо из нас. Честно говоря, я удивлена, Луис. Видать, ты куда менее устойчивый, чем кажешься. Могу поспорить, что когда-нибудь, при сильном стрессе тебя это здорово подведет. Могут возникнуть серьезные психологические проблемы.

Двери лифта открылись, пропустив нас внутрь.

— Разве это плохо — реагировать? — спросил я.

— Знаешь, в Канзас-Сити я сделала кое-какие полезные выводы. В частности, приучилась вообще ни на что не реагировать, если в том нет прямой выгоды. Я считаю, что именно это спасло мне жизнь, позволило справиться с болезнью и выйти оттуда. Такая же реакция, как у тебя, всегда плохой знак. Признак нарушения адаптации. Там, в Канзас-Сити, подобную штуку называют паратаксисом. Это — когда эмоции вмешиваются в межличнос-

тные отношения и усложняют их. Неважно, какого рода эмоции — ненависть, вражда или страх, как в твоем случае,— все паратаксис. Если процесс усиливается, возникает психическое заболевание. И не дай бог эта штука победит — тогда ты шизофреник, наподобие меня. Поверь мне, это хуже всего.

Я держал платок у губ, слегка промакивая выступающую кровь. Я не мог объяснить, почему упал в обморок. Даже не пытался.

— Давай поцелую,— предложила Прис.— Перестанет болеть.

Я бросил подозрительный взгляд на нее, но увидел выражение самого искреннего участия. Это меня тронуло.

— Черт,— пробормотал я,— все и так будет в порядке.

На самом деле я чувствовал себя взволнованным и не мог смотреть на Прис. Я снова казался себе маленьким мальчиком.

— Взрослые так не разговаривают,— сказал я.— Поцелую, перестанет болеть... Что за чушь ты несешь!

— Я просто хотела помочь.— Ее губы дрогнули.— Ох, Луис, все кончено.

— Что кончено? — не понял я.

— Он живой, ты понимаешь? Я никогда не смогу снова прикоснуться к нему. И что же мне дальше делать? У меня ведь нет другой цели в жизни.

— О, боже! — выдохнул я.

— Моя жизнь пуста, с таким же успехом я могла бы и умереть. Линкольн — это все, что у меня было. Все, что я делала, о чем думала.

Мы приехали. Дверь открылась, и Прис шагнула в вестибюль. Я последовал за ней.

— Ты знаешь, к какому доктору идти? — спросила она.— Думаю, я просто провожу тебя на улицу и вернусь.

— Отлично.

Однако когда мы сели в белый «ягуар», она снова заговорила:

— Скажи, что мне делать, Луис? Мне надо чем-то заняться прямо сейчас.

— Ты должна справиться со своей депрессией.

— Но у меня никогда не было ничего подобного.

— Понятно.— И тут я ляпнул первое, что пришло на ум: — Может, тебе сходить к священнику?

— Хотела бы я быть мужчиной! Природа так обделила женщин. Вот ты мог бы стать кем-нибудь, Луис, а каковы перспективы для женщины? Стать домохозяйкой или клерком, машинисткой или, в крайнем случае, учительницей.

— Доктором,— придумал я.— Накладывать швы на разбитые губы.

— Я не выношу вида больных, раненых или просто ненормальных. Ты же знаешь это, Луис. Именно поэтому я везу тебя к доктору — я не могу смотреть на искалеченных.

— Я вовсе не искалеченный, просто разбил губы.

Прис нажала на стартер, и мы выехали на дорогу.

— Я забуду Линкольна,— пообещала Прис.— И никогда не буду думать о нем как о живом человеке. С этой минуты он будет для меня просто вещью. Вещью для продажи.

Я кивнул.

— И я увижу, как Сэм Барроуз купит его! Это единственная моя цель. С настоящего момента все, что я делаю и думаю, будет подчинено Сэму Барроузу.

Если б я и хотел посмеяться над ее словами, то мне достаточно было взглянуть на ее лицо, чтоб передумать. Оно казалось таким открытым и несчастным, что у меня защемило сердце. Я снова молча кивнул. Всю дорогу, что мы ехали к доктору, Прис расписывала мне свою будущую жизнь, как там все будет прекрасно. Все это смахивало на какую-то безумную причуду, всплывавшую на поверхность из той бездны отчаяния, куда погрузилась Прис. Она не могла находиться в бездеятельности ни минуты, ей нужна была цель в жизни. Это — ее способ преодоления мира и наполнения его смыслом.

— Прис,— сказал я,— по-моему твоя проблема в том, что ты излишне рациональна.

— Вовсе нет. Любой тебе скажет, что я поступаю в соответствии со своими чувствами.

— А я скажу, что ты во всем руководствуешься своей железобетонной логикой. И это ужасно. От подобной привычки надо избавляться. Я б на твоем месте попросил доктора Хорстовски помочь тебе стать нелогичной. Ты живешь так, будто твоя жизнь управляется безукоризненными геометрическими доказательствами. Так нельзя, Прис. Расслабься, будь помягче. Почему бы тебе не сделать что-нибудь просто так, без всякой цели. Понимаешь? Будь неосторожной, дурачься. Ты, например, можешь сейчас не везти меня к доктору. Вместо этого высади где-нибудь перед чистильщиком обуви, и у меня будет отличная пара начищенных ботинок.

— Твои ботинки и так сияют.

— Вот видишь, ты все время пытаешься быть логичной! А что, если остановиться на первом попавшемся перекрестке, бро-

сить машину, зайти в цветочный магазин. И купить цветов, и бросать их а проезжающие машины.

— И кто будет платить за цветы?

— А мы украдем их. Просто возьмем и сбежим.

— Дай-ка подумать.

— Да не надо думать! Неужели ты никогда не крала за все детство? И ничего не сломала? Какую-нибудь общественную собственность, например, уличный фонарь?

— Я как-то украла конфету в аптеке.

— Давай сделаем это снова,— загорелся я.— Снова станем детьми. Найдем какую-нибудь аптеку, стащим конфету из тех, что по десять центов штука. А потом присмотрим укромное местечко, например, на лужайке, сядем и съедим ее.

— Ты не можешь. У тебя разбиты губы.

Я попытался говорить разумно и осторожно:

— Хорошо, признаю. Но ты-то можешь. Разве нет? Признай и ты тоже. Ты можешь прямо сейчас зайти в аптеку и проделать все это, пусть без меня.

— А ты придешь?

— Если хочешь. Или я могу ждать тебя с запущенным мотором и умчать в ту же секунду, как ты появишься.

— Нет,— сказала Прис,— лучше ты войдешь в аптеку со мной и все время будешь рядом. Ты можешь мне понадобиться, например, подсказать, какую конфетку взять.

— Отлично, пойдем.

— А какое наказание за такие дела?

— Вечная жизнь.

— Ты шутишь?

— Нет, я сказал именно то, что имел в виду.— Я был совершенно серьезен.

— Ты смеешься надо мной, я вижу. Разве я такая смешная?

— О, боже! Нет.

Но она, похоже, уже все решила.

— Ну, конечно, я же всегда была доверчивой, и ты это знаешь. Мне даже в школе придумали кличку — «Путешествия Легковера».

— Пойдем в аптеку, Прис,— просил я.— Позволь мне доказать тебе, позволь спасти тебя.

— Спасти от чего?

— От неизбежности твоего разума.

Она колебалась. Я видел, как эти чертовы вопросы душили ее: как поступить и какова будет расплата за ошибку. Наконец она обернулась ко мне без улыбки и произнесла:

— Луис, я верю, что это был не розыгрыш с аптекой, ты не стал бы смеяться надо мной. Ты можешь меня ненавидеть и, я думаю, ненавидишь за некоторые вещи, но издеваться над слабым не в твоих привычках.

— Ты не слабая.

— Нет, Луис, именно слабая. Тебе просто не хватает чутья, чтобы понять это. Но, может быть, так и лучше. Вот у меня все по-другому: есть чутье, но это не делает меня хорошей.

— Чушь,— заявил я.— Завязывай со всем этим, Прис. Я понимаю, у тебя сейчас депрессия по поводу окончания работы над Линкольном. Временный простой, и как все творческие люди ты это переживаешь...

— Приехали,— констатировала Прис, притормаживая у клиники.

Доктор осмотрел меня и решил, что вполне можно обойтись без швов. На обратной дороге я уговорил Прис остановиться у бара. После всех переживаний мне просто необходимо было выпить. Ей же я объяснил, что мы должны отпраздновать окончание работы — такова традиция. Благо повод более чем достойный: наблюдать рождение Линкольна — это великий, может, величайший момент в жизни. Хотя при всем своем величии это событие несло также оттенок какой-то угрозы, мало подвластной нашим усилиям.

— Мне только одно пиво,— сказала Прис, пока мы пересекали улицу, направляясь к бару.

Я так и сделал: заказал пиво для дамы и кофе «по-ирландски» для себя.

— Ты, я смотрю, здесь как дома,— заметила Прис.— Должно быть, проводишь кучу времени, ошиваясь по барам?

— Слушай, я все хочу у тебя спросить,— сказал я ей.— Ты действительно так плохо думаешь о людях, как показываешь? Или просто говоришь так, чтоб задеть побольнее? Потому что если...

— А ты как считаешь? — ответила вопросом на вопрос Прис.

— Не знаю.

— Ну, и в любом случае, какое тебе до этого дело?

— Ты удивишься, но меня интересует все, что касается тебя. Самые мельчайшие подробности.

— С чего бы это?

— Ну, начать с того, что у тебя совершенно очаровательная история. Шизоид к десяти годам, к тринадцати — обладательница навязчивого невроза, в семнадцать ты стала полноценным

шизофреником под наблюдением Федерального Правительства. На сегодняшний день почти излечилась и вернулась в нормальное человеческое общество. И при том все еще ...— тут я прервался. Все перечисленные животрепещущие подробности не объясняли главной причины.— Все это ерунда. Просто я влюблен в тебя, Прис.

— Не верю.

— Ну, скажем, я *мог* бы влюбиться в тебя,— поправился я.

— Если бы что? — спросила она дрогнувшим голосом. Я видел, что она ужасно нервничает.

— Не знаю, что-то мешает.

— Боишься,— сказала Прис.

— Наверное, ты права,— согласился я.— Возможно, просто боюсь.

— Сознайся, ты пошутил? Когда говорил, что влюблен.

— Нет, Прис, я не шутил.

Она горько рассмеялась.

— Твой страх! Если б ты мог справиться с ним, ты бы завоевал любую женщину. Я не имею в виду себя... Как тебе это объяснить, Луис? Мы с тобой очень разные, по сути, полные противоположности. Ты — человек эмоциональный, в то время как я держу свои чувства под замком. Однако это не значит, что их у меня нет. Возможно, я чувствую гораздо глубже, чем ты. А если б у нас родился ребенок, что было бы тогда? Знаешь, я никогда не могла понять женщин, которые рожают детей, одного за другим. Ежегодный помет, как у свиньи или собаки. Наверное, в этом что-то есть... Может, такое поведение даже здорово и естественно.— Она бросила на меня взгляд искоса.— Но мне этого не понять. Выражать себя в жизни посредством репродуктивной системы — не мой путь. Черт, мне кажется, я счастлива, только когда делаю что-то своими руками. Почему так, Луис?

— Понятия не имею.

— Но должно же быть какое-то объяснение, все в этом мире имеет свою причину. А знаешь, мне ведь раньше никто не признавался в любви.

— Этого не может быть. Какие-нибудь мальчики в школе...

— Нет, Луис, ты первый. Честно говоря, я и не знаю, как реагировать на твое признание. Очень странные ощущения, я даже не уверена, что мне это нравится.

— Понятно.

— Любовь и творчество,— задумчиво произнесла Прис.— Ты понимаешь, мы дали жизнь Стэнтону и Линкольну, а любовь

и рождение всегда тесно связаны, не правда ли? Ведь это прекрасно — давать жизнь кому-то, Луис! И если ты любишь меня, ты должен стремиться к тому же, что и я. Разве не так?

— Думаю, да.

— Ведь мы почти как боги,— сказала Прис.— В том, что мы делаем, в нашем великом открытии. Стэнтон и Линкольн! И в то же время, давая им жизнь, мы исчерпываем себя... Ты не чувствуешь себя опустошенным, Луис?

— Нет. Какого черта?

— Наверное оттого, что мы такие разные. Для тебя все это не столь важно, как для меня. Посмотри, ведь прийти сюда — было твое минутное желание, и ты подчинился ему. В настоящий момент Мори и Боб, и твой отец, и Стэнтон — они все в «МАСА» с Линкольном, а тебе этого не надо. Тебе *нужно* было прийти сюда выпить.— Прис говорила мягко, в ее улыбке сквозило понимание.

— Ну, пожалуй,— согласился я.

— Я, наверное, наскучила тебе, да? Мне почему-то кажется, что я тебе вовсе не интересна. Ты занят самим собой.

— Может, ты и права.

— Почему тогда ты сказал, что тебе все интересно про меня? Зачем ты говорил, что мог бы влюбиться, если б не боялся?

— Не знаю.

— Неужели ты никогда не пробовал заглянуть в себя и выяснить, что к чему? Я, например, всегда анализирую свои поступки.

— Прис, включи на минутку здравый смысл,— попытался объяснить ей я.— Ты всего-навсего человек, такая же, как все, не лучше, не хуже. Тысячи американцев попадают в клиники с диагнозом «шизофрения», многие и сейчас в них. Перед Актом Мак-Хестона все равны. Я не спорю, ты привлекательная девушка, но есть и покрасивее среди киношных старлеток, особенно из итальянок или шведок. А твой ум...

— Ты *себя* пытаешься убедить?

— То есть?

— Ты одновременно идеализируешь меня и не хочешь в этом признаваться,— спокойно пояснила она.

Я оттолкнул свой стакан. Алкоголь жег мои разбитые губы.

— Поехали обратно в «МАСА».

— Я сказала что-то не так? — на мгновение она вынырнула из своей непоколебимости. Казалось, она подыскивает какие-то новые слова, лучше, правильнее.— Я хотела сказать, что ты амбивалентен по отношению ко мне.

Но мне расхотелось слушать все это.

— Давай, допивай свое пиво и поехали.

Когда мы выходили из бара, она сказала с сожалением:

— Я опять сделала тебе больно.

— Нет.

— Я стараюсь быть хорошей с тобой, Луис. Но так уж получается: я всегда раздражаю людей, когда специально подлаживаюсь к ним и говорю то, что, якобы, надо... Мне нельзя изменять самой себе. Каждый раз, когда я пытаюсь действовать в соответствии с правилами приличия, все получается плохо. Схема не срабатывает.— Прис говорила извиняющимся тоном, как будто это была моя идея.

— Послушай,— заговорил я, когда наша машина уже влилась в уличный поток,— сейчас мы вернемся и пересмотрим наш постулат о том, что все делается только ради Сэма Барроуза, хорошо?

— Нет,— быстро ответила Прис.— Это только мое дело, и принимать решение могу только я.

Я похлопал ее по плечу.

— Ты знаешь, я теперь гораздо лучше тебя понимаю и надеюсь, у нас установятся хорошие здоровые отношения.

— Может быть,— ответила Прис, проигнорировав оттенок сарказма в моих словах. Она улыбнулась: — Я очень надеюсь на это, Луис. Люди должны понимать друг друга.

В офисе «МАСА» нас встретил возбужденный Мори.

— Где вы были так долго? — набросился он, потрясая клочком бумаги.— Я послал телеграмму Сэму Барроузу, вот смотри!

И он пихнул мне в руки свою бумаженцию. Я с трудом развернул ее и прочитал:

Рекомендуем вылетать сюда немедленно. Невероятный успех симулякра Линкольна. Необходимо ваше решение. Ждем вас для первого освидетельствования как договаривались по телефону. Превосходит все ожидания. Надеемся получить ответ в течение дня.

Мори Рок,
Объединение «МАСА».

— Ну и что, он уже ответил? — спросил я.

— Нет еще, но мы сейчас как раз звоним ему.

Тут раздался какой-то шум, и нетвердой походкой вошел Боб Банди. Он обратился ко мне:

— Мистер Линкольн просит передать вам его сожаления по поводу случившегося и интересуется вашим здоровьем.

— Сообщи, что со мной все в порядке,— ответил я и, подумав, добавил,— поблагодари его от моего имени.

— Хорошо.— Дверь офиса захлопнулась за Банди. Я обратился к Мори:

— Должен признать, это действительно находка. Я был неправ.

— Благодарить Линкольна — напрасный труд,— заметила Прис.

Возбужденно попыхивая своей «Кориной», Мори заявил:

— Нас ждет куча дел. Теперь я уверен, Барроуз заинтересовался нами. Но вот о чем нам надо подумать...— он понизил голос,— такой человек, как он, способен просто смести нас со своего пути. Ты не думал об этом, дружище?

— Запросто,— ответил я. Мне и в самом деле приходили в голову подобные мысли.

— Тем более что за свою карьеру он миллион раз уже проделывал такие штуки с мелкими партнерами,— добавил Мори.— Все мы четверо должны сплотиться и быть начеку, даже пятеро, если считать Боба Банди. Правильно?

Он оглянулся на Прис и меня с отцом.

— Мори, может, тебе лучше предложить симулякра Федеральному Правительству? — При этом отец робко взглянул на меня и добавил: — Hab' ich nicht Recht, mein Sohn?[1]

— Мы уже связались с Барроузом,— ответил я,— и, судя по всему, он успел выехать.

— Мы можем отказать ему, даже если он приедет,— попытался успокоить нас Мори.— Если почувствуем, что этот вопрос следует решать в Вашингтоне.

— А ты спроси у Линкольна,— предложил я.

— Что? — взвилась Прис,— Луис, ради бога!

— Я сказал то, что думаю: посоветуйся с Линкольном.

— Да что какой-то провинциальный политик из прошлого века может знать о Сэме К. Барроузе? — возмутилась Прис.

Я ответил как можно спокойнее:

— Полегче, Прис, ей-богу...

— Давайте не будем ссориться,— поспешно вмешался Мори.— У каждого из нас есть право высказаться. Лично я думаю, нам

[1] Hab' ich nicht Recht, mein Sohn? *(нем.)* — Или я неправ, сын мой?

стоит показать нашего Линкольна Барроузу. А если в силу каких-то невероятных причин...

Он прервался, потому что затрезвонил телефон. Мори быстро шагнул к нему и снял трубку:

— «Объединение МАСА». Мори Рок слушает.

Ну вот,— подумал я.— Жребий брошен.

— Да, сэр,— говорил Рок в трубку.— Мы встретим вас в аэропорту Бойсе. Да, мы найдем вас там.

Лицо его покраснело. Он подмигнул мне.

— А где Стэнтон? — спросил я у отца.

— Что, mein Sohn?[1]

— Где симулякр Стэнтона, я что-то его не вижу.

Мне припомнилась враждебность Стэнтона к Линкольну, и я, встревожившись, бросился к Прис. Она стояла возле отца, стараясь расслышать телефонный разговор.

— Где Стэнтон? — почти крикнул я ей.

— Не знаю. Банди оставил его где-то. Наверное, внизу, в мастерской.

— Одну минуту.— Мори отвел трубку в сторону и сообщил: — Стэнтон в Сиэтле. С Барроузом.

Выражение лица у него при этом было довольно странное.

— О нет! — воскликнула Прис.

— Вчера вечером он сел на междугородный экспресс,— пояснил Мори.— Утром добрался до Сиэтла, сейчас осматривает городские достопримечательности. Барроуз говорит, у них была долгая беседа.

Он накрыл трубку рукой и сообщил:

— Он еще не получил нашу телеграмму, и сейчас интересуется главным образом Стэнтоном. Сказать ему про Линкольна?

— Да лучше бы сказать,— ответил я.— Он ведь все равно получит нашу телеграмму.

— Мистер Барроуз,— проговорил Мори в трубку,— мы только что отправили вам телеграмму. Да, у нас имеется рабочая модель Линкольна, и он невероятно хорош. Даже лучше Стэнтона.

Он бросил тревожный взгляд на меня и спросил:

— Сэр, Стэнтон будет вас сопровождать в самолете? Мы хотели бы вернуть его обратно.

Молчание, затем Мори снова отвел трубку в сторону:

— По словам Барроуза, Стэнтон предполагает остаться еще на день-два и осмотреть город. Он собирается постричься и

---

[1] Mein Sohn *(нем.)* — сын мой.

сходить в библиотеку. А если город ему понравится, то, возможно, открыть там юридическую контору и осесть навсегда.

— Боже праведный! — воскликнула Прис, стиснув руки.— Пусть Барроуз уговорит его вернуться сюда!

Мори обратился к телефонной трубке:

— А не могли бы вы убедить его поехать с вами, мистер Барроуз?

Снова молчание.

— Его нет,— сообщил нам Мори, на этот раз даже не накрывая трубку.— Он попрощался с Барроузом и ушел.

Он хмурился и выглядел крайне расстроенным.

— Так или иначе, разговор надо заканчивать,— напомнил я.

— Ты прав.— Мори собрался с духом и снова заговорил в трубку.— Ну ладно, на самом деле я уверен, что с этой чертовой машиной все будет в порядке. У него ведь есть деньги, не так ли?

Молчание.

— Ага, и вы еще дали ему двадцать долларов, хорошо. Ну, посмотрим. Вы знаете, симулякр Линкольна получился намного убедительнее. Да, сэр. Всего доброго.

Он повесил трубку и рухнул на стул. Мори сидел, не двигаясь — взгляд был направлен в одну точку, губы шевелились.

— Я даже не заметил, как он ушел. Вы думаете, это он из-за Линкольна? Может, и так, у него невыносимый характер.

— Что толку плакать о пролитом молоке,— заметил я.

— Ты прав,— согласился Мори, кусая губы.— А ведь у него новенькая батарейка, на шесть месяцев! Возможно, мы его не увидим до следующего года. Бог ты мой, в него вбуханы тысячи долларов! А что, если Барроуз обманывает нас? А ну как он запер нашего симулякра где-нибудь в подвале?

— В таком случае Барроуз остался бы в Сиэтле,— возразила Прис.— Не расстраивайся, может, все и к лучшему. Как знать, возможно, он и не захотел бы приезжать сюда, если бы не Стэнтон. Если б он не увидел воочию симулякра, не поговорил с ним, то мог бы и не откликнуться на телеграмму. Опять же, хорошо, что Стэнтон сбежал. Иначе Барроуз действительно мог бы заманить его в западню и вывести нас из игры. Не согласен?

— Да, ты права,— мрачно кивнул Мори.

Тут в разговор вступил мой отец.

— Но ведь мистер Барроуз уважаемый человек, разве не так? Человек, которого волнуют социальные нужды людей. Мой сын показывал мне его письмо по поводу жилого комплекса для малообеспеченных граждан, которых он опекает.

Мори снова кивнул, еще более мрачно. Прис, похлопав по руке моего отца, сказала:

— Да, Джереми, это человек с развитым чувством гражданского долга. Я уверена, он вам понравится.

Отец улыбнулся девушке, а затем повернулся ко мне:

— Мне кажется, все складывается как нельзя более хорошо, nicht wahr?[1]

И мы все дружно кивнули со смешанным чувством страха и обреченности.

В этот момент дверь отворилась и вошел Боб Банди со сложенным листком бумаги в руке. Это была записка от Линкольна. Боб передал ее мне, и я прочитал:

Мистеру Розену.

Дорогой сэр, пишу, чтоб справиться о Вашем здоровье. Надеюсь, Вы уже поправились.

Искренне Ваш,
А. Линкольн.

Записка действительно дышала искренностью и сочувствием.

— Пожалуй, пойду поблагодарю его,— сказал я Мори.

— Валяй,— согласился он.

Глава 9

Мы стояли на холодном ветру у главного входа в аэропорт, поджидая рейс из Сиэтла, и я задал себе вопрос: «Каков он? Чем он так отличается от остальных людей?»

«Боинг-900» приземлился и мягко покатился по взлетно-посадочной полосе. Подали трап. С двух концов отворились двери, и стюардессы стали помогать выходить пассажирам, а служащие авиакомпании внизу встречали их, чтоб предупредить случайные падения. Тем временем вокруг засновали погрузчики для багажа, похожие на больших жуков, подъехал, сигналя красными мигалками, автобус «Стандарт Стэйшн».

Пассажиры всех рангов суетливо спускались по трапам и спешили в объятья друзей и родственников — тех, которые были допущены на летное поле.

Рядом со мной беспокоился Мори:

— Давай тоже выйдем поприветствовать его.

---

[1] Nicht wahr? *(нем.)* — Не правда ли?

Они с Прис и впрямь поспешили к самолету, а мне ничего не оставалось делать, как потащиться вслед. Служащий в синей униформе пытался остановить нас, но Мори и Прис проигнорировали его, я — соответственно, тоже, так что скоро мы подошли к подножию трапа для первого класса. Там мы остановились в ожидании, наблюдая, как один за другим спускаются пассажиры — более или менее преуспевающие бизнесмены. Череда непроницаемых лиц, разбавленная редкими улыбками. Некоторые выглядели уставшими.

— Вот он,— сказал Мори.

По трапу, улыбаясь, спускался стройный мужчина в сером костюме, легкое пальто перекинуто через руку. Разглядев его поближе, я поразился, насколько хорошо, прямо-таки вызывающе безупречно, сидит на нем костюм. Несомненно, шит на заказ в Англии или Гонконге, решил я про себя. Расслабленная походка, очки без оправы с зеленоватыми стеклами, волосы, как и на фотографиях, стрижены совсем коротко, на армейский манер. Его сопровождала приятная дама с папочкой под мышкой. Я узнал старую знакомую — Колин Нилд. Но это было еще не все.

— Да их трое,— заметила Прис.

Действительно, с ними прилетел еще один мужчина — низенький краснолицый крепыш в плохо сшитом коричневом костюме. То ли он был слишком мал ростом, то ли костюм велик — но рукава и штанины казались слишком длинными, как, впрочем, и прямые черные волосы, обрамлявшие его куполообразный череп. Еще мне запомнился нос «а'ля доктор Айболит» и булавка в галстуке. Все это, а также его семенящая походка говорили, что перед нами поверенный мистера Барроуза. Манеры этого человека заставляли вспомнить адвоката в суде или тренера бейсбольной команды, выступающего с протестом на поле. Странное дело, подумалось мне, насколько похожа манера выражать протест у людей различных профессий: выпрямляешься и идешь, размахивая руками. Даже говорить необязательно.

Наш экземпляр, тем не менее, сиял и что-то оживленно говорил на ходу Колин Нилд. Свой парень в доску, неугомонный и с большим запасом энергии — именно таким и должен быть адвокат Сэма Барроуза. Колин, как и прежде, была одета в тяжелое темно-синее пальто, смахивающее на одеяло. Однако на этот раз ее наряд оживляли некоторые изыски, как то: шляпка, перчатки и изящная кожаная сумочка. Она прислушивалась к своему собеседнику, который обильно жестикулировал, как вошедший в раж декоратор или прораб бригады строителей. Мне

он чем-то понравился, и я почувствовал, как напряжение внутри немного ослабло, а вместо него появилась уверенность, что мы с ним поладим.

Барроуз сходил с трапа, внимательно глядя себе под ноги, глаза спрятаны за темными очками. Он также слушал, что говорит адвокат. Наконец он ступил на летное поле, и Мори тут же поспешил навстречу:

— Мистер Барроуз!

Тот отступил на шаг, чтоб дать дорогу следовавшим за ним людям, легко и гибко обернулся в нашу сторону и протянул руку.

— Мистер Рок?

— Да, сэр.— Мори с энтузиазмом пожал протянутую руку.

Они составили центральное ядро композиции, вокруг которого сгрудились все остальные — адвокат, секретарша и мы с Прис.

— Это Прис Фраунциммер и мой компаньон Луис Розен,— представил нас Мори.

— Счастлив познакомиться,— пожал руку и мне Барроуз.— А это моя секретарша, миссис Нилд, и мистер Бланк, адвокат.

Общий обмен рукопожатиями.

— Довольно холодно на поле, не правда ли? — Барроуз заторопился ко входу в здание.

Он шел так быстро, что нам всем пришлось чуть ли не галопировать за ним. Мне почему-то представилось стадо крупного рогатого скота. Хуже всех приходилось мистеру Бланку, его короткие ножки двигались, как ускоренные кадры в старом кино. Но это, похоже, не испортило ему настроения, он продолжал излучать благодушие.

— Бойсе,— огляделся он.— Бойсе, штат Айдахо. Интересно, что они еще придумают?

Колин Нилд, догнав меня, улыбнулась как старому знакомому.

— Рада снова видеть вас, мистер Розен. Ваш Стэнтон просто очаровал нас.

— Фантастическая конструкция,— подтвердил мистер Бланк и тепло улыбнулся мне.— Мы подумали, он из Службы внутренних доходов.

Мори и Барроуз первыми вошли в здание, следом Прис, а за ними — наша троица.

Миновав терминал, мы вышли с противоположной стороны. Барроуз и Мори к тому времени уже загружались в лимузин, водитель в униформе предупредительно придерживал дверцу.

— А багаж? — поинтересовался я у миссис Нилд.

— Никакого багажа. У нас не так уж много времени, мы планируем сегодня же ночью вылететь обратно. Если придется задержаться, купим все необходимое прямо здесь.

Это впечатлило меня, и я в ответ промычал что-то невразумительное. Наконец мы тоже разместились в лимузине и водитель тронулся с места. Скоро мы уже катили по шоссе, соединяющем аэропорт с Бойсе.

— Не представляю, как Стэнтон может открыть адвокатскую контору в Сиэтле,— допытывался Мори у Барроуза.— У него же нет лицензии юриста в Вашингтоне.

— Думаю, в ближайшие дни вы все увидите.— Барроуз предложил мне и Мори сигареты из своего портсигара.

Меня поразила одна черта в Сэме Барроузе: он умел так держаться, что его серый костюм выглядел естественным покровом, как мех у животного, а вовсе не творением английского портного. Я хочу сказать — он смотрелся совершенно органично, как зубы или ногти — просто часть его тела. То же самое относилось и к галстуку, туфлям, портсигару. Барроуз просто не замечал их, нимало не заботясь о своей внешности.

Вот оно, мироощущение мультимиллионера, подумалось мне.

Спрыгнув с лестницы, я обязательно посмотрю, не расстегнулась ли у меня ширинка. Это естественно для такой шушеры, как я, бросать тревожные взгляды украдкой. То ли дело Сэм Барроуз — он никогда не станет волноваться из-за своей ширинки. Если она и расстегнется, то он просто ее застегнет. У меня мелькнула мысль: «Хотел бы я быть богачом!»

Я почувствовал себя несчастным. Здесь мое положение было безнадежным: я и об узле-то на галстуке не догадаюсь побеспокоиться! И вряд ли когда научусь этому.

И вдобавок, надо признать: Сэм Барроуз действительно был привлекательным мужчиной — этакий красавчик в духе Роберта Монтгомери. Тут он снял свои темные очки, я увидел мешки у него под глазами и слегка воспрял духом. «И совершенно напрасно,— осадил я сам себя,— посмотри на его атлетическое сложение. Такая фигура приобретается сеансами гандбола в частных клубах за пять тысяч долларов». К тому же, наверняка, у него имеется первоклассный доктор, который не позволит своему клиенту хлестать пиво или дешевый ликер. Сэм Барроуз никогда не ест гамбургеры в придорожных забегаловках. Он вообще не станет есть свинину, а только отборную телятину или говядину. Вполне естественно, что на нем ни капли лишнего жира. От всех этих мыслей мне стало еще хуже.

Я воочию видел результаты образа жизни, предполагающего протертый чернослив в шесть утра и четырехмильные пробежки по спящему еще городу. Молодой чудаковатый миллионер с обложки «Лук» явно не собирался помирать от инфаркта в сорок лет, напротив, он планировал жить и наслаждаться своим богатством. Уж его-то вдовушке не светит наследство, что бы ни говорила на этот счет американская статистика.

Да уж, чудак, мать твою!

Жуть!

Было где-то около семи, когда наш лимузин въехал в Бойсе, и мистер Барроуз со товарищи вспомнил, что еще не обедал. Не знаем ли мы приличного ресторана в городе?

В Бойсе не было приличных ресторанов.

— Нас устроит любое место, где бы можно было легко поужинать,— пояснил Барроуз.— Жареные креветки или что-нибудь в этом роде. Нам предлагали несколько раз напитки в самолете, но поесть мы так и не успели — слишком были заняты разговорами.

Все же нам удалось отыскать подходящий ресторанчик. Метрдотель провел нас к подковообразной кабинке в задней части помещения, и мы расположились на кожаных диванчиках. Заказали выпить.

— Скажите, это правда, что основу своего состояния вы заложили игрой в покер в армейские годы? — спросил я Барроуза.

— На самом деле, игрой в кости. Шесть месяцев плавали, беспрерывно играя в кости. Покер требует умения, моя же сила в удаче.

— Не думаю,— возразила Прис,— чтоб вы заняли нынешнее положение только благодаря удаче.

— Представьте себе, это именно так, мадемуазель,— посмотрел на нее Барроуз.— Моя мать снимала комнату в меблирашках Лос-Анджелеса.

— Но ведь не удача же сделала вас Дон Кихотом, который вынудил Верховный Суд США вынести решение против монопольной политики Космического Агентства в отношении планет и спутников.

— Вы слишком добры ко мне,— склонил голову Барроуз.— На самом деле я просто хотел получить юридическое подтверждение права владения участками на Луне, так чтобы их уже никто не оспаривал. Скажите, а мы встречались?

— Да,— подтвердила Прис с сияющими глазами.

— Но я не могу припомнить...

— Это была совсем короткая встреча, в вашем офисе. Поэтому неудивительно, что вы не запомнили. Зато я вас помню.— Она не отводила глаз от него.

— Вы дочь мистера Рока?

— Да, мистер Барроуз.

Сегодня, кстати, она выглядела эффектнее, чем обычно. Волосы уложены в прическу, немного косметики — ровно столько, чтобы скрыть природную бледность, вовсе не та кричащая маска в духе Арлекина, которую я наблюдал раньше. Она приоделась в пушистую вязаную кофточку с короткими рукавами, справа на груди поблескивала золотая брошка в виде змейки. К тому же, о господи, сегодня на ней был бюстгальтер, благодаря чему образовались некие выпуклости там, где их прежде не бывало. Надо же, по такому знаменательному случаю Прис обзавелась грудью! И не только. Когда она поднялась, чтоб снять пальто, я обнаружил — ее ноги в новых туфлях на шпильке весьма и весьма недурны. Таким образом, в случае необходимости девушка вполне могла привести себя в порядок.

— Позвольте поухаживать за вами.— Бланк подскочил к Прис, чтоб помочь ей освободиться от пальто, после чего отнес его на вешалку.

Вернувшись, он с улыбкой поклонился ей и снова уселся на свое место.

— А вы уверены, что этот старый греховодник.— Он указал на Мори,— действительно ваш отец? Не пахнет ли здесь совращением несовершеннолетних? Смотрите, это карается законом!

И Бланк в неподражаемом комическом стиле ткнул указующим перстом в Мори. После чего широко всем улыбнулся.

— Ты просто сам на нее глаз положил,— заметил Барроуз, высасывая хвостик креветки и откладывая его в сторону.— А ты не боишься, что эта девушка тоже симулякр — такой же, как Стэнтон?

— Беру не глядя! — блеснул глазами Бланк.

— Она на самом деле моя дочь,— сказал Мори. Похоже, он чувствовал себя неловко.— До недавнего времени она находилась в школе.

— А теперь вернулась домой,— поддержал Бланк и заговорщицким тоном добавил,— в семью, так сказать?

Мори принужденно улыбнулся. Я вмешался, чтобы сменить тему:

— Очень приятно снова вас видеть, миссис Нилд.

— Благодарю.

— Этот Стэнтон, похоже, кое-кого испугал до смерти,— сказал Барроуз, оборачиваясь к нам с Мори.

Он закончил со своими креветками и теперь сидел, выложив локти на стол, сытый и довольный. Для человека, начинающего день с протертого чернослива, он удивительно славно управился со своим ужином. На мой взгляд, это характеризовало его с хорошей стороны.

— Так или иначе, вас надо поздравить! — констатировал Бланк и рассмеялся, довольный собой,— Вы изобрели чудовище! Попробуйте теперь изловить его! Пустите толпу с факелами по следу! Вперед!

Все вежливо посмеялись.

— А как умер в конце концов Франкенштейн? — спросила Колин.

— Обледенел,— ответил Мори.— Замок загорелся, они стали поливать его из брандспойта, и вода превратилась в лед.

— Но в следующей серии они нашли чудовище во льду,— добавил я,— и оживили его.

— Он сгинул в кипящей лаве,— выдвинул свою версию Бланк.— Я был там и вот, смотрите, сохранил пуговицу с его куртки.

Он выудил из кармана плаща какую-то пуговицу и с удовольствием демонстрировал ее всем по очереди.

— Пуговица всемирно известного чудовища Франкенштейна!

— Да брось, Дэвид, это же от твоего костюма,— отмахнулась Колин.

— Что! — притворно возмутился Бланк, затем внимательно вгляделся в свою находку и вздохнул: — Точно, это *моя* пуговица!

Он снова расхохотался.

Барроуз тем временем, закончив обследование зубов при помощи собственного ногтя, обратился к нам с Мори:

— Какую сумму вы вложили в этого робота?

— Около пяти тысяч на двоих,— ответил Мори.

— А сколько такая штука будет стоить при поточном производстве? Скажем, если выпускать их несколько тысяч?

— Черт,— поколебался Мори,— я бы назвал сумму в шестьсот долларов. При условии, что все они идентичны, имеют одинаковое управление монадой и аналогичные программы.

— По сути,— задумчиво произнес Барроуз,— это просто выполненные в натуральную величину говорящие куклы, из тех, что раньше пользовались популярностью, не так ли?

— Не совсем так,— возразил Мори.

— Ну хорошо,— поправился Барроуз,— говорящие и *ходячие* куклы — ведь добрался же ваш Стэнтон до Сиэтла.

И прежде, чем Мори смог ответить, он закончил свою мысль:

— То есть, это несколько усложненный экземпляр, снабженный автоматикой. Но фактически ведь ничего *нового* вы не изобрели?

Мы молчали.

— Как сказать,— произнес Мори, однако не очень уверенно. Я обратил внимание, что и Прис как-то поскучнела.

— Ну что ж,— произнес Барроуз все так же непринужденно,— в таком случае почему бы вам не объяснить мне все толком.

Он отхлебнул из своего стакана молодого венгерского вина и поощряюще улыбнулся:

— Вперед, мистер Рок!

— Дело в том, что это не совсем автоматика,— начал Мори.— Скажите, вы знакомы с работами Вальтера Грэя из Англии? По поводу черепах? Он разрабатывал то, что называется гомеостатической системой. Такая система, будучи полностью отрезанной от среды обитания, обладает механизмом саморегулирования. Можете себе представить маленькую полностью автоматизированную фабрику, которая сама себя ремонтирует? Вам знаком термин «обратная связь»? Это электрическая система, которая...

Дэйв Бланк прервал Мори, положив руку ему на плечо:

— Насколько я понимаю, мистера Барроуза интересует патентоспособность ваших симулякров, если мне будет дозволительно так выразиться.

Ответила Прис, тщательно взвешивая слова:

— Наше изобретение зарегистрировано в Патентном бюро. Кроме того, у нас имеются юридически заверенные свидетельства экспертов.

— Это хорошая новость,— улыбнулся ей Барроуз.— А плохая заключается в том, что покупать, собственно говоря, нечего.

Здесь задействованы совершенно новые принципы,— заговорил Мори.— Создание электронного симулякра Стэнтона стало возможным в результате многолетней работы многих исследовательских групп, как финансируемых правительством, так и неправительственных. И, надо сказать, мы полностью удовлетворены, даже поражены столь блестящими результатами нашего труда. Вы же сами наблюдали, как Стэнтон вышел из экспресса в Сиэтле, взял такси и доехал до вашего офиса.

— Дошел,— поправил Барроуз.

— Простите? — не понял Мори.

— Я говорю, что на самом деле он пришел пешком от автобусной станции.

— Ну, это неважно. В любом случае, полученные результаты не имеют прецедента в электронике.

Пообедав, мы направились в Онтарио и около десяти вечера были у офиса «Объединения МАСА».

— Вот они, маленькие городки,— прокомментировал Дэйв Бланк.— Все спят.

— Погодите выносить суждение, пока не увидите нашего Линкольна,— произнес Мори, вылезая из машины.

Делегация приостановилась у витрины павильона и ознакомилась с рекламной табличкой относительно Линкольна.

— Черт меня побери! — сказал Барроуз.— Звучит здорово, но где же ваш симулякр? Он, что, спит по ночам? Или вы его убираете каждый вечер около пяти, когда самое оживленное уличное движение?

— Линкольн, очевидно, в мастерской,— пояснил Мори.— Мы сейчас спустимся туда.

Он отпер дверь и посторонился, пропуская всех внутрь. Через минуту мы стояли перед входом в темную мастерскую, ожидая, пока Мори нащупает выключатель. Наконец он справился, и нашим глазам предстал мистер Авраам Линкольн. Он молча сидел в комнате, погруженный в размышления.

— Господин президент,— обратился к нему Барроуз.

Я видел, как он подтолкнул Колин Нилд. Та судорожно вздохнула, вытянув от любопытства шею,— она была впечатлена. Бланк ухмылялся с энтузиазмом голодного, но уверенного в победе кота. В данной ситуации он явно развлекался. Барроуз же уверенно прошел в мастерскую, сомнения ему были незнакомы — он всегда знал, что делать. Вот и сейчас он остановился в нескольких шагах от Линкольна, не протягивая руки для приветствия, однако всем своим видом демонстрируя почтительность и уважение.

Линкольн обернулся и посмотрел на нас со странным выражением грусти и подавленности на лице. Для меня это было так неожиданно и ново, что я отшатнулся. Сходные чувства испытывал и Мори. Прис же просто продолжала стоять в дверях, вообще никак не реагируя на увиденное. Линкольн поднялся и постоял как бы в колебаниях, затем выражение муки постепенно исчезло с его лица, и он произнес резким надтреснутым голосом:

— Да, сэр,— при этом с высоты своего роста он благожелательно рассматривал посетителя, в глазах светился теплый интерес.

— Меня зовут Сэм Барроуз,— представился гость,— и для меня большая честь встретиться с вами.

— Благодарю вас, мистер Барроуз,— произнес старик.— Не желаете ли вы с вашими спутниками войти и устроиться поудобнее?

Дэйв Бланк изумленно и даже с примесью какого-то благоговейного страха присвистнул. Он хлопнул меня по спине и протянул:

— Ну и ну!

— Вы помните меня, господин президент? — спросил я, входя в комнату.

— Конечно, мистер Розен.

— А меня? — натянуто улыбнулась Прис.

Симулякр отвесил легкий официальный поклон в ее сторону.

Мисс Фрауниммер. А вы... Мистер Рок, глава данного предприятия, не так ли? Владелец или, вернее, совладелец, если не ошибаюсь.

— И чем же вы здесь занимаетесь? — полюбопытствовал Мори.

— Я размышлял над одним замечанием Лаймона Трэмбела. Как вам известно, судья Дуглас встречался с Бьюкененом, и они обсуждали положение дел в Канзасе и Конституцию Ле Комптона. Позже судья Дуглас отошел от этой позиции и даже сражался с Бьюкененом. Я бы сказал, очень опасный шаг, но таково было решение руководства. Я, в отличие от моих соратников по партии, республиканцев, не поддерживал Дугласа. Но когда в 1857 году я приехал в Блумингтон, то увидел, что республиканцы не спешат переходить на сторону Дугласа, как об этом писалось в нью-йоркской «Трибюн». Тогда я попросил Лаймона Трэмбела написать мне в Спрингфилд и сообщить...

Тут Барроуз вмешался:

— Простите, сэр, мне неприятно вас прерывать. Но дело в том, что мы приехали сюда по делу, и вскоре мне, вот этому джентльмену — мистеру Бланку и миссис Нилд надо уезжать обратно в Сиэтл.

Линкольн галантно поклонился в сторону секретарши Барроуза.

— Миссис Нилд.— Он протянул ей руку, и Колин с коротким смешком приблизилась, чтоб пожать ее.

— Мистер Бланк.— Симулякр обменялся энергичным рукопожатием с коротышкой-адвокатом.— Вы, случайно, никак не связаны с Натаном Бланком из Кливленда?

— К сожалению, нет,— ответил тот.— Если не ошибаюсь, вы ведь тоже одно время были адвокатом, мистер Линкольн?

— Совершенно верно, сэр,— подтвердил Линкольн.

— Тогда мы коллеги.

— Понятно,— улыбнулся бывший президент,— следовательно, вы отличаетесь завидной способностью спорить по пустякам.

Бланк хохотнул в своей обычной манере.

В этот момент Барроуз вышел из-за его спины и заговорил с симулякром:

— Мы прилетели сюда из Сиэтла, чтобы обсудить с мистером Розеном и мистером Роком возможность финансовой сделки, сутью которой является финансирование «Объединения МАСА» компанией «Барроуз Энтерпрайсиз». Прежде чем прийти к окончательному соглашению, мы хотели бы встретиться и побеседовать с вами. Ранее нам довелось встретиться с мистером Стэнтоном, он приехал к нам на автобусе. Дело в том, что мы рассматриваем вас обоих как главное изобретение, обеспечивающее активы «Объединения МАСА». Будучи в прошлом юристом, вы, наверное, представляете себе детали подобной сделки. Так вот, мне хотелось бы задать вам несколько вопросов. Каково ваше представление о современной жизни? Знаете ли вы, например, что такое «витамин»? Понимаете, какой год на дворе?

И он с жгучим интересом уставился на Линкольна. Тот помедлил с ответом. В это время Мори отозвал Барроуза в сторону, я присоединился к ним.

— Вы спрашиваете не по делу,— сказал Мори.— Вам прекрасно известно, что он не запрограммирован вести подобные разговоры.

— Знаю, но мне любопытно.

— Не стоит,— предупредил Мори,— вы лучше подумайте, как будет весело, если из-за ваших расспросов у него перегорит какая-нибудь первичная цепь!

— Он настолько уязвим?

— Нет, но вы дразните его!

— Отнюдь,— возразил Барроуз,— но он выглядит настолько убедительно, что мне захотелось узнать, насколько реально его самоощущение.

— Лучше оставьте его в покое,— посоветовал Мори.

— Как вам будет угодно,— резко прервал разговор Барроуз и подал знак Колин Нилд.— Думаю, нам пора завершать свой визит и возвращаться в Сиэтл. Дэвид, вы удовлетворены тем, что увидели?

— Нет,— ответил Бланк, подходя к нам. Колин и Прис остались с симулякром, расспрашивая у него что-то о его дебатах со Стивеном Дугласом.— На мой взгляд, он функционирует далеко не так идеально, как стэнтоновский экземпляр.

— В смысле?

— Постоянно возникают какие-то заминки.

— Сейчас он как раз пришел в себя,— заметил я.

— Сэр, позвольте вам объяснить,— возразил Мори.— Дело в том, что мы имеем две совершенно разные личности. Стэнтон более догматичный, непрошибаемый человек.

Он обернулся ко мне:

— Я ведь сам готовил их программы и все знаю о них двоих. Что тут поделаешь, Линкольн такой вот человек. Ему свойственно впадать в размышление, именно этим он занимался до нашего прихода. В другие периоды он более оживлен.

Бланку он пояснил:

— Это просто черта характера. Если вы подождете, то увидите Линкольна в другом настроении. Человек настроения — вот кто он. Не такой, как Стэнтон, не настолько позитивный. Я хочу сказать, что это не какие-нибудь электрические недоработки, он такой и должен быть.

— Ясно,— кивнул Бланк, однако непохоже было, чтобы Мори его переубедил.

— Я понимаю ваши опасения,— сказал Барроуз своему адвокату.— Мне тоже временами кажется, что он неисправен.

— Именно,— поддакнул Бланк.— Я до сих пор не уверен в его исправности. Там может быть куча технических неисправностей.

— И к тому же куча надуманных запретов,— проворчал Барроуз,— например, не задавать вопросов, связанных с современностью. Вы обратили внимание?

— Еще бы.

— Сэм,— проникновенно сказал я,— боюсь, вы не совсем понимаете ситуацию. Возможно, сказывается усталость из-за долгого перелета и поездки в Бойсе. Мне кажется, вы ухватили основную идею, так дайте же шанс нашему опытному экземпляру показать себя. Пусть это будет жестом доброй воли с вашей стороны, ладно?

Барроуз, так же как и Бланк, не удостоил меня ответом. Мори, насупившись, сидел в углу с сигарой, окружив себя клубами голубоватого дыма.

— Вижу, что Линкольн несколько разочаровал вас,— продолжал я,— и я вам сочувствую. Честно говоря, мы специально натаскивали Стэнтона.

— Да? — блеснул глазами Бланк.

— Идея принадлежала мне. Мой партнер ужасно нервничал.— Я кивнул в сторону Мори.— Он хотел, чтоб все было, как следует, вот мы и решили...Теперь я понимаю, что это было

ошибкой. С другой стороны, делать ставку на линкольновский симулякр — тоже дохлый номер. Тем не менее, мистер Барроуз, потратьте еще немного времени и закончите беседу.

И мы все вернулись туда, где Прис и миссис Нилд стояли, слушая высокого сутулого человека с бородой.

— ... Процитировал меня в том смысле, что статья Декларации независимости, где говорится, что все люди рождены равными, относится и к неграм. Причем судья Дуглас напомнил, что я сделал данное заявление в Чикаго. А в Чарльстоне я, якобы, заявил, что негры относятся к низшей расе. И что это не является вопросом морали, а зависит от точки зрения. В то же время, якобы, в Гейлсбурге я утверждал, что это скорее вопрос морали.— Симулякр улыбнулся своей мягкой, чуть обиженной улыбкой.— И тогда кто-то из публики выкрикнул: «Да он прав!» И мне, не скрою, стало очень приятно, ибо создавалось впечатление, что судья Дуглас ловит меня на слове.

Прис и миссис Нилд понимающе рассмеялись, остальные промолчали.

— А самым удачным моментом его выступления было, когда он заявил, что представители республиканской партии в Северных штатах полностью отрицают рабство, в то время как республиканцы остальных штатов не согласны с ними... И еще он поинтересовался, как же тогда быть с цитатой из Священного писания, которую приводил мистер Линкольн. О том, что дом, лишенный единства, неспособен выстоять?

Голос Линкольна дрогнул от смеха.

— И судья Дуглас спросил, разделяю ли я принципы республиканской партии? Увы, тогда мне не представился случай ответить ему. Но вот в сентябре того же года, в Квинси, я, в свою очередь, спросил его, полагает ли он, что конский каштан то же самое, что и каштановая лошадь? Безусловно, я не собирался декларировать политическое и социальное тождество между белой и черной расой. По моему мнению, существует физическая разница, которая препятствует проживанию обеих рас на основе абсолютного равенства. Но я придерживаюсь точки зрения, что негр, также как и белый, имеет право на жизнь, свободу и стремление к счастью. Конечно же, мы не одинаковы как по цвету кожи, так и по интеллектуальным и моральным задаткам. Но я считаю, что он имеет такое же право есть свой честно заработанный хлеб, как и я, судья Дуглас или любой другой человек.— Симулякр помолчал и добавил: — В ту минуту я получил несомненное удовольствие.

Сэм Барроуз спросил у меня:

— А перемотка ленты управляется снаружи?

— Да нет, он говорит то, что считает нужным.

— Не понял? Вы хотите сказать, *что ему нравится ораторствовать*? — с недоверием переспросил Барроуз.— Ну что ж, я выслушал вашего симулякра и должен сказать: я не вижу здесь ничего, кроме уже знакомого механизма в маскарадном костюме. Аналогичный экземпляр демонстрировал Педро Водор на Всемирной выставке в 1939 году.

Мы говорили достаточно тихо. Уверен, что ни симулякр, ни его собеседницы не видели и не слышали нас. Но тем не менее Линкольн прервал свой рассказ и обратился к Барроузу:

— Я ведь правильно вас понял, когда незадолго до того вы изъявили желание «приобрести» меня в качестве некоего капитала? Я не ослышался? А если так — то позвольте спросить, как вы можете это сделать? Ведь, по словам мисс Фраунциммер, справедливость в отношении различных рас сейчас блюдется строже, чем когда-либо? Я могу немного путаться в понятиях, но мне кажется, что купить человека нельзя ни в одном месте земного шара, даже в печально знаменитой России.

— Это не относится к механическом людям,— ответил Барроуз.

— Вы имеете в виду меня? — спросил симулякр.

— Ну да, именно вас,— со смехом ответил Барроуз.

Стоя рядом с своим шефом, Дэвид Бланк наблюдал за этой пикировкой, задумчиво потирая подбородок.

— Не согласитесь ли вы, сэр, просветить меня, что, по-вашему, есть человек? — задал вопрос симулякр.

— С удовольствием.— Барроуз бросил насмешливый взгляд на своего адвоката, очевидно, вся ситуация забавляла его.— Человек — это двухвостая редька. Вам знакомо такое определение, мистер Линкольн?

— Конечно, сэр. Именно такое определение дает Шекспир устами Фальстафа [1], не так ли?

— Точно. А я бы добавил: человек — животное, которое имеет привычку носить в кармане платок. Как вам это? Шекспир не говорил такого?

— Сами знаете, что нет, сэр,— тепло рассмеялся симулякр.— Но замечание хорошее, я ценю ваш юмор. Если вы не против, я даже использую его в своей речи.

---

[1] «...напоминал двухвостую редьку-раскоряку с пририсованной сверху головой».— «Генрих IV». Часть вторая, действие III, картина II (перевод Б. Пастернака).

Барроуз благосклонно кивнул.

— Благодарю,— продолжал Линкольн.— Итак, вы характеризовали человека как животное с носовым платком. В таком случае, а что же вы называете животным?

— Ну, уж точно не вас.— Засунув руки в карманы, Барроуз самоуверенно глядел на собеседника.— Животное характеризуется биологическим составом и наследственностью, чего вы, в частности, лишены. Внутри вас провода, микросхемы, переключатели и прочее. То есть вы представляете из себя машину — наподобие электропрялки или, скажем, паровой машины.

Он подмигнул Бланку.

— Как вам это, Дэвид? Паровая машина, апеллирующая к статье Конституции, которая здесь упоминалась? Имеет ли она право есть свой хлеб подобно белому человеку?

— А умеет ли машина говорить? — спросил симулякр.

— Конечно. Радио, фонограф, магнитофон, телефонный аппарат — все они болтают, как безумные.

Симулякр задумался. Вряд ли ему доводилось слышать все приведенные названия, но природная проницательность подсказывала правильный ответ. К тому же, у Линкольна было время на размышления, а думать-то уж он умел! Мы не раз имели случай в этом убедиться.

— Отлично, сэр, а что же такое, по-вашему, машина? — задал он очередной вопрос.

— Вы сами. Эти парни сделали вас, и, соответственно, вы являетесь их собственностью.

Удивление с оттенком горечи отразилось на длинном бородатом лице симулякра.

— Но тогда и вас, сэр, можно назвать машиной. Ведь если я являюсь созданием «этих парней», то вас создал Всевышний, по своему образу и подобию. Я согласен со Спинозой, иудейским философом, который рассматривал животных как умные машины. Мне кажется, определяющим моментом здесь является наличие души. Машина может делать что-то так же, как человек. Но у нее нет души.

— Души вообще не существует,— возразил Барроуз.— Это фикция.

— Тогда выходит: машина — то же самое, что животное,— сухо, терпеливо объяснял симулякр,— а животное — то же, что человек. Разве не так?

— Животное сделано из плоти и крови, а машина из ламп и проводов, как вы, уважаемый. О чем вообще спор? Вы пре-

красно знаете, что вы машина. Когда мы вошли, вы сидели здесь один в темноте и размышляли именно об этом. И что же дальше? Я знаю, что вы машина, и мне плевать на это. Меня больше интересует, хорошо ли вы работаете? Как выяснилось — не настолько, чтоб меня заинтересовать. Возможно — в будущем, когда у вас поубавится пунктиков. Пока же все, на что вы способны,— это болтовня по поводу судьи Дугласа и бесконечные политические и светские анекдоты, которые никому неинтересны.

Его адвокат Дэвид Бланк обернулся и посмотрел все с тем же задумчивым видом.

— Думаю, нам пора возвращаться в Сиэтл,— сказал ему Барроуз. После чего, подводя итог, объявил нам с Мори:

— Итак, вот мое решение. Мы заключаем с вами сделку при условии владения контрольным пакетом акций. Так, чтобы мы могли диктовать политику. Например, на мой взгляд, идея Гражданской войны абсолютно абсурдна. В том виде, в котором сейчас существует.

— Н-не понял,— растерялся я.

— Предложенная вами схема реконструкции Гражданской войны осмыслена только в одном-единственном варианте. Готов поспорить, вы ни за что не догадаетесь! Да, мы восстанавливаем эту историю силами ваших роботов, но для того, чтобы мероприятие принесло выгоду, требуется непредсказуемый исход. И организация тотализатора.

— Исход чего? — все еще не понимал я.

— Войны. Нужно, чтобы зритель не знал заранее, кто победит: серые или синие.

— Ага, типа первенства страны по бейсболу,— задумчиво произнес Бланк.

— Именно,— кивнул Барроуз.

— Но Юг в принципе не мог победить,— вмешался Мори.— У него не было промышленности.

— Можно ввести систему гандикапа,— предложил Барроуз.

Мы с моим компаньоном не находили слов.

— Вы, должно быть, шутите? — наконец предположил я.

— Я абсолютно серьезен.

— Превратить национальную эпопею в скачки? В собачьи бега? В лотерею?

— Как хотите,— пожал плечами Барроуз.— Я подарил вам идею на миллион долларов. Можете выбросить ее — ваше право. Но я вам уверенно скажу: другого способа окупить участие ваших кукол в Гражданской войне не существует. Лично я бы

нашел им совсем другое применение. Мне прекрасно известно, где вы откопали вашего инженера Боба Банди. Я в курсе, что раньше он служил в Федеральном космическом агентстве, конструируя симулякров для них. Мне-то как раз крайне интересна информация об использовании подобных механизмов в космических исследованиях. Я же знаю, что ваши Стэнтон и Линкольн являются всего лишь упрощенной модификацией правительственного образца.

— Напротив, усложненной,— севшим голосом поправил Мори.— Их симулякры — это примитивные движущиеся устройства, которые используются в безвоздушном пространстве, где человек существовать не способен.

— Ну хорошо, я расскажу вам, где можно, на мой взгляд, использовать ваше изобретение. Скажите, вы могли бы создавать другоподобных симулякров?

— Что? — хором спросили мы с Мори.

— Мне может потребоваться определенное количество таких экземпляров. Ну, знаете, типа семьи из дома по соседству. Веселые, дружелюбные, всегда готовые прийти на помощь. Мы помним таких соседей с детства и всегда радуемся, если, переезжая на новое место, обнаруживаем их рядом. Сразу чувствуешь себя дома, в Омахе, штат Небраска.

После недолгой паузы Мори произнес:

— Этот человек хочет сказать, что собирается продавать множество симулякров. Так что, их можно строить.

— Не продавать,— торжествующе объявил Барроуз.— *Дарить*. Колонизация начнется со дня на день, мы и так слишком долго ждем этого момента. Но Луна — заброшенное и пустынное место. И людям там будет очень одиноко. Быть пионером вообще очень трудно. Именно поэтому я предвижу большие сложности с застройкой: люди не захотят обживать купленные участки. А я мечтаю, чтоб там выросли целые города. Но для этого надо согреть сердца людей.

— А поселенцы будут знать, что их соседи симулякры? — спросил я.

— Естественно,— уверенно заявил Барроуз.

— И вы не собираетесь вводить их в заблуждение?

— Черт! Конечно, нет,— возмутился Дэйв Бланк.— Это было бы мошенничеством.

Мы переглянулись с моим партнером.

— Вам лучше сделать вот что,— сказал я.— Дать им имена и фамилии. Старые добрые американские имена. Семейство Эд-

вардсов: Билл и Мэри Эдвардс, а также их семилетний сынишка Том. Они переезжают на Луну, они не боятся холода, разреженной атмосферы и необжитой местности.

Барроуз глядел на меня во все глаза.

— А затем, по мере того, как все больше людей будет покупаться на вашу удочку, вы начнете потихоньку выпихивать симулякров из этого дела. Милые Эдвардсы, Джонсы и все остальные — они будут продавать свои дома и съезжать. Пока, в конце концов, все типовые города на Луне не окажутся заселенными настоящими, земными людьми. И никто ничего не узнает.

— Не думаю, что это пройдет,— покачал головой Мори.— У кого-нибудь из землян может завязаться романчик, скажем, с миссис Эдвардс, и правда выплывет наружу. Вы же знаете, какова жизнь в этих маленьких городках.

Тут очнулся Дэйв Бланк. Он возбужденно хихикнул:

— Отличная идея!

— Я думаю, это сработает,— веско объявил Барроуз.

— Еще бы вам так не думать,— огрызнулся Мори,— ведь вы же владелец участков там, на небе. И люди, которые не желают эмигрировать... а я думаю, они постоянно ропщут, и удерживают их единственно суровые законы.

— Закон суров, но...— самодовольно усмехнулся Барроуз.— Впрочем, давайте смотреть на вещи реально. Если бы вы хоть однажды увидели этот мир, там наверху... Ну, скажем так: для большинства людей хватает и десяти минут. Я лично разок побывал там и больше не хочу.

— Похвальная откровенность, мистер Барроуз,— сказал я.

— Мне известно,— продолжал Барроуз,— что получены неплохие результаты при использовании правительственных симулякров в исследовании лунной поверхности. У вас есть улучшенная модификация этих симулякров, и я знаю, каким образом вы ее получили. Так вот, мне надо, чтобы вы произвели еще одну модификацию, теперь уже в соответствии с моей концепцией. Остальные предложения не обсуждаются. Я убежден, что ваши симулякры не представляют экономической ценности нигде, кроме одной-единственной области — освоение и обживание планет. Ваша идея с Гражданской войной — просто пустая, глупая мечта. Я согласен заключить с вами договор только в одном вышеназванном аспекте. И желательно, письменно.

Он посмотрел на своего адвоката, и тот подтвердил его позицию непреклонным кивком.

Я глядел на Барроуза, не веря своим глазам. Неужели все это всерьез? Использовать симулякров в качестве лунных поселен-

цев, чтоб создать иллюзию процветания? Семейство симулякров: мама, папа и ребенок сидят в своей маленькой гостиной, поедают фальшивые обеды, принимают фальшивые ванны... ужасно! Таким вот образом этот человек разрешает свои финансовые проблемы. Возникает вопрос, а хочу ли я связать свою жизнь, свое счастье с ним? Хотим ли мы все этого?

Мори сидел с несчастным видом, попыхивая сигарой, несомненно, он думал о том же.

Но, с другой стороны, я мог понять и позицию Барроуза. Он *вынужден* был расписывать людям прелести жизни на Луне, ведь у него в этом деле был свой экономический интерес. И не исключено, что цель действительно оправдывает средства. Человечество должно победить свой страх, свою щепетильность и выйти в чуждое для него пространство, наконец-то выйти! А то, что предлагал Барроуз, могло помочь ему в этом. Так сказать, поддержка и единение. Тепло и огромные воздушные пузыри, защищающие будущие города... нет, жить на Луне не так уж плохо, с физической точки зрения. Другое дело, что психологически трудно выносить жизнь в подобном месте. Ничего не растет, не бегает... все застыло в своей неизменности. А тут — сверкающий домик по соседству, люди сидят за обеденным столом, смеются, болтают. И Барроуз мог обеспечить все это, так же, как воду, воздух, тепло и дома.

Надо отдать должное этому человеку. У его затеи, с моей точки зрения, было только одно уязвимое место: необходимость хранить все в секрете. Если же, против ожидания, тайное станет явным, Барроуза ждет финансовый крах. Не исключалось даже судебное преследование и тюрьма.

Интересно, сколько же таких подделок таилось в империи Барроуза? Пустышек, прикрытых блестящей видимостью...

Мне удалось перевести разговор на текущие проблемы, связанные с их возвращением в Сиэтл. Я посоветовал Барроузу заказать комнаты в ближайшем мотеле с тем, чтобы отложить отъезд до утра.

Эта передышка позволила мне самому сделать один очень важный звонок. Уединившись, я телефонировал своему отцу в Бойсе.

— Папа, он втягивает нас в историю, чреватую серьезными последствиями,— сказал я ему.— Мы теряем почву под ногами и просто не знаем, что делать. Этот человек неуправляем.

Очевидно, я вытащил отца из постели. Казалось, он не вполне понимает, о чем идет речь.

— Этот Барроуз, он еще там? — спросил он.

— Да. И, поверь, у него блестящий ум. Он, например, вступил в дискуссию с Линкольном и считает себя победителем. Может, это и так. Он цитировал Спинозу, о том, что животные — это просто умные механизма, а не живые существа. Да нет, не Барроуз — Линкольн. Спиноза действительно так утверждал?

— Увы, да.

— Когда ты сможешь приехать?

— Только не сегодня,— ответил отец.

— Ну, тогда завтра. Они остаются на ночь. Сейчас мы прервемся и закончим переговоры утром. Папа, ты со своим мягким человеческим подходом просто необходим здесь. Иначе мы не сможем вывести его на чистую воду.

Я повесил трубку и вернулся к остальным. Все пятеро — шестеро, если считать симулякра — беседовали в главном офисе.

— Мы собираемся выйти и пропустить по стаканчику перед сном,— сообщил мне Барроуз.— Присоединяйтесь к нам.

Затем он повернулся в сторону симулякра:

— Мне бы хотелось, чтоб вы тоже пошли с нами.

Мысленно я взвыл. Но отказаться не смог.

Вскоре мы сидели в баре, и бармен смешивал наши коктейли. Линкольн молчал, но Барроуз заказал ему «Тома Коллинза» и теперь передал готовый напиток.

— Ваше здоровье,— произнес Дэйв Бланк, поднимая свой стакан с виски и обращаясь к симулякру.

— Вообще-то, я редко пью,— сказал симулякр своим странным пронзительным голосом,— хоть и не являюсь трезвенником.

Он с сомнением исследовал содержимое стакана и прихлебнул.

— Вам, ребята, следовало получше обдумать свою позицию,— заявил Барроуз,— но, боюсь, вы уже опоздали. Я хочу сказать, что сколь бы ни была интересна эта ваша игрушка в натуральную величину с экономической точки зрения, моя идея освоения космического пространства тоже важна. Может, важнее всего на свете. Так что одно уравновешивает другое. Вы согласны со мной?

— Насколько мне известно, идея освоения космического пространства является прерогативой федерального правительства,— сказал я.

— Ну, скажем, моя модификация этой идеи,— поправился Барроуз.— Я рассматриваю данную проблему с точки зрения законов рынка.

— Я вас не понимаю, мистер Барроуз,— вмешалась Прис.— *Какую* проблему?

— Ваше представление о симулякре, настолько похожем на человека, что не отличить одного от другого, и, с другой стороны, мое намерение поместить его и ему подобных в двухкомнатный домик на Луне, этакое современное ранчо в калифорнийском стиле, и назвать их семейством Эдвардсов.

— Вообще-то это была идея Луиса! — воскликнул Мори.— По поводу Эдвардсов!

Он бросил на меня отчаянный взгляд:

— Скажи ему, Луис!

— Ну да,— пожал я плечами. По крайней мере я так считал. Нам надо выбираться отсюда, подумалось мне. Нас загоняют в угол, причем чем дальше, тем безнадежнее.

Рядом сидел Линкольн и тихо прихлебывал свой «Том Коллинз».

— Как вам джин? — поинтересовался Барроуз.

— Ароматный,— кивнул Линкольн.— Но он затуманивает восприятие.

И я подумал: «Это именно то, что нам надо. Затуманить восприятие».

Глава 10

На этом мы решили сделать перерыв и расстаться до утра. На прощание я протянул руку Барроузу:

— Приятно было познакомиться.

Аналогично.— Он попрощался за руку со мной, а затем с остальными участниками встречи. Линкольн в это время стоял поодаль со своим обычным, немного грустным видом... Барроуз проигнорировал его, не соизволив ни пожать руку, ни просто пожелать спокойной ночи.

Спустя короткое время мы вчетвером шагали пустынной улицей к офису «МАСА». Воздух, свежий и прохладный, приятно холодил легкие и прочищал мысли. Очутившись в родном офисе в своей компании мы тут же извлекли бутылочку «Старого Ворона» и смешали себе по доброй порции бурбона с водой.

— Кажется, мы влипли,— констатировал мой компаньон.

Остальные молча согласились.

— А что вы скажете? — обратился Мори к симулякру.— Каково ваше мнение о Барроузе?

— Этот человек похож на краба,— ответил Линкольн,— который движется вперед, ползя боком.

— В смысле? — не поняла Прис.

— Я знаю, что он имеет в виду,— вмешался Мори.— Барроуз нас так опускает, что мы теряем всякую ориентацию. Мы перед ним как младенцы! Несмышленыши! И мы с тобой,— он горько кивнул в мою сторону,— мы еще считали себя коммивояжерами. Куда там! Нас пристроили уборщиками. Если нам не удастся отложить обсуждение вопроса, то он наложит лапу на нашу компанию. Получит все и сейчас!

— Мой отец...— начал я.

— Твой отец! — отмахнулся Мори.— Да он еще глупее нас. Господи, и зачем мы связались с этим Барроузом! Он теперь не отстанет от нас, пока не получит того, что хочет.

— Но мы не обязаны вести дела с ним,— заметила Прис.

— Давайте прямо завтра скажем ему, чтоб он возвращался в Сиэтл,— предложил я.

— Не смеши меня! Мы ничего не можем сказать ему. Он завтра постучит к нам в дверь рано утром, как и обещал, сотрет нас в порошок и выкинет на помойку,— накинулся на меня Мори.

— Ну так гоните его прочь! — разозлилась Прис.

— Мне кажется,— попытался я объяснить,— что Барроуз сейчас в отчаянном положении. Его грандиозная спекуляция, я имею в виду колонизацию Луны, трещит по всем швам, разве вы все этого не видите? Это не тот могущественный, успешный человек, которого все привыкли видеть. Он вложил все, что имел, в свои участки на Луне. Затем поделил их, выстроил чертовы купола, чтобы обеспечить воздух и тепло, отгрохал конверторы для преобразования льда в воду — и после всего этого не может найти людей, готовых поселиться там! Мне, честно говоря, жаль его.

Все внимательно слушали меня.

— Весь этот обман с поселениями симулякров является последней отчаянной попыткой спастись. План, порожденный безысходностью. Когда я впервые услышал про все это, я подумал: вот смелая идея! Прекрасное видение, являющееся людям типа Барроуза, а не нам — простым смертным. Теперь же я совсем в этом не уверен. Мне кажется, его гонит страх, причем, такой страх, который лишает способности рассуждать. Ведь эта идея с лунными поселенцами абсолютно безумна. Смешно надеяться обмануть Федеральное правительство, его вычислят в момент.

— Как? — пожал плечами Мори.

— Ну, начать с того, что Департамент здоровья проверяет каждого потенциального переселенца. Это обязанность правительства. Как он вообще собирается отправлять их с Земли?

— Послушай,— сказал Мори,— это не наша забота. Мы не знаем, как Барроуз собирается реализовать свою схему, и не нам судить об этом. Поживем — увидим. А может, и не увидим, если откажемся вести с ним дела.

— Вот уж точно,— согласилась Прис.— Нам бы лучше подумать, что мы со всего этого можем получить.

— Мы ничего не получим, если его поймают и посадят в тюрьму,— сказал я.— А такое развитие весьма вероятно. И, на мой взгляд, Барроуз этого заслуживает. Я вот что скажу: нам надо отделаться от него. Никаких дел с этим человеком! Все слишком рискованно, ненадежно, бесчестно и попросту глупо. У нас самих хватает идиотских идей.

Тут раздался голос Линкольна:

— А нельзя ли устроить, чтоб мистер Стэнтон был здесь?

— Что? — переспросил Мори.

— Думаю, наша позиция укрепилась бы, если б мистер Стэнтон был здесь, а не в Сиэтле, как вы говорите.

Мы переглянулись. Действительно, за всеми этими переживаниями Стэнтон как-то забылся.

— Он прав,— сказала Прис.— Мы должны вернуть Эдвина М. Стэнтона. Он со своей стойкостью будет нам полезен.

— Точно, железо нам не помешает,— согласился я.— Стальной стержень. Без этого мы чересчур гибкие.

— Ну давайте попробуем вернуть его,— предложил Мори.— Хоть сегодня ночью. Можно нанять частный самолет, добраться до аэропорта Си-Так, дальше машиной до Сиэтла и разыскать Стэнтона. Таким образом, утром, когда нам предстоит встреча с Барроузом, он будет уже здесь, с нами.

— Да мы с ног собьемся,— возразил я.— И, потом, это займет у нас несколько дней. Стэнтон может быть вовсе не в Сиэтле, а где-нибудь на Аляске или в Японии. Теоретически он вообще может оказаться на Луне, в одном из барроузовских городов.

Мы задумчиво прихлебывали бурбон, все за исключением Линкольна: он отставил свой стакан в сторону.

— Вы когда-нибудь ели суп из кенгуриного хвоста? — спросил Мори, и мы все уставились на него.

— У меня здесь есть где-то баночка. Если хотите, можно разогреть на плите — это фантастика! Я могу сейчас приготовить.

— Я пас,— отказался я.

— Нет, спасибо,— присоединилась ко мне Прис.

Линкольн только одарил нас вымученной улыбкой.

— Хотите, расскажу, как купил его,— продолжал Мори.— Я был в супермаркете в Бойсе. Представляете, стою в очереди, жду, а кассир и говорит какому-то парню: «Нет, мы не собираемся больше заказывать кенгуриный суп». И тут из-за дисплея — там еще показывали пшеничные хлопья или что-то в этом роде — раздается голос: «Как, не будет больше кенгуриного супа? Никогда?» Ну, тогда парень со своей тележкой бросился за оставшимися банками супа, и я тоже прихватил парочку. Попробуйте, вам понравится.

— Вы обратили внимание, как Барроуз нас обрабатывал? — спросил я.— Сначала он называет симулякра автоматом, затем — механизмом, а после — и вовсе куклой.

— Это специальный прием,— пояснила Прис.— Технология продаж. Таким образом он вышибает у нас почву из-под ног.

— Слова — могучее оружие,— подал голос симулякр.

— А вы сами не могли поставить его на место вместо того, чтоб разводить дебаты?

Симулякр отрицательно покачал головой.

— А что он мог сделать? — заступилась за Линкольна Прис.— Он ведь пытался доказать свою правоту благородно, по-честному, как нас учили в школе. Именно так спорили в середине прошлого века. А Барроуз ведет спор совсем по-другому, он не дает возможности поймать себя. Правда ведь, мистер Линкольн?

Симулякр не ответил, но мне показалось, что улыбка на его лице сделалась еще печальнее, да и само лицо еще больше вытянулось и покрылось морщинами.

— Сейчас все еще хуже, чем было когда-то,— вздохнул Мори.

Тем не менее, подумал я, надо все же что-то делать.

— Насколько я понимаю, Барроуз запросто мог посадить Стэнтона под замок. Прикрутил бы нашего симулякра к столу, а его инженеры тем временем внесли бы какие-нибудь незначительные изменения в конструкцию. Так, что формально наше патентное право не было бы нарушено.— Я обернулся к Мори.— А у нас действительно есть патент?

— В настоящий момент оформляется,— ответил тот,— ты же знаешь, как они там работают.

Все это звучало не очень обнадеживающе.

У меня нет ни малейших сомнений,— продолжал Мори,— что он способен украсть нашу идею. Теперь, когда он все видел своими глазами. Тут такое дело: главное — в принципе знать, что это возможно, а дальше — работай себе и рано или поздно получишь результат. Вопрос времени.

— Ясно,— сказал я,— как в случае с двигателем внутреннего сгорания. Но, тем не менее, у нас есть фора. Давайте как можно скорее запустим производство на нашей фабрике Розенов. Попытаемся выдать продукцию на рынок раньше, чем это сделает Барроуз.

Мои собеседники смотрели на меня во все глаза.

— По-моему, в этом что-то есть,— проговорил Мори, покусывая большой палец.— В конце концов, что мы еще можем сделать? А ты думаешь, твой отец в состоянии запустить линию сборки прямо сейчас? Ему по силам такая быстрая конверсия производства?

— Мой отец быстр, как змея.

— Старина Джереми! — раздался насмешливый голос Прис.— Бога ради, не смеши нас. Да ему понадобится год, чтоб подготовить матрицы для штамповки деталей, а сборку надо производить в Японии — ему придется срочно вылетать туда. А он заупрямится и скажет, что поедет только морем. Все это уже было.

— Ого,— сказал я.— Ты, похоже, уже все просчитала?

— Конечно,— ехидно улыбнулась Прис,— я, в отличие от тебя, отношусь ко всему серьезно.

— В таком случае,— резюмировал я,— это наша единственная надежда. Мы *должны* поставить чертовых симулякров в розничную продажу, как бы мало времени у нас ни было.

— Согласен,— подтвердил Мори.— Вот что мы сделаем: завтра поедем в Бойсе и уполномочим старину Джереми и твоего чудака-братца начать работу. Пусть они готовят производство матриц и договор с японцами. Но что же мы все-таки скажем Барроузу?

— Ну, например, что Линкольн не работает,— предложил я.— Он сломался, и мы временно снимаем свое коммерческое предложение. Думаю, после этого он вернется в Сиэтл.

— То есть, ты предлагаешь *выключить* его? — тихо спросил Мори, стоя рядом со мной.

Я кивнул.

— Ненавижу делать это! — вздохнул Мори.

Мы оба посмотрели на Линкольна, который молча сидел, наблюдая за нами грустными глазами.

— Он захочет самолично убедиться в неисправности симулякра,— сказала Прис.— Пусть посмотрит, потрогает его. Потрясет в конце концов, как автомат с жевательной резинкой. Выключенный симулякр никак не будет работать.

— Ну что ж, решено,— подвел я итог.

* * *

Итак, в тот вечер мы выключили Линкольна. После того как дело было сделано, Мори уехал, заявив, что хочет спать. Прис предложила отвезти меня в мотель на моем «шевроле», с тем чтобы утром снова заехать и подхватить меня. Я чувствовал себя настолько уставшим, что мне было все равно.

Пока мы катили по спящему Онтарио, Прис о чем-то размышляла.

— Интересно,— сказала она наконец,— неужели все богатые и влиятельные люди такие?

— Конечно. Все, кто вынужден зарабатывать свои деньги, а не получает их в наследство.

— Это ужасно,— вздохнула Прис.— То, что мы сделали с Линкольном. Ведь если разобраться, остановить жизнь равносильно убийству. Ты так не думаешь?

— Да.

Позже, когда мы уже остановились перед мотелем, Прис вернулась к прерванному разговору:

— Ты действительно считаешь, что только так можно стать богатым? Быть таким, как он?

Несомненно, встреча с Барроузом изменила ее взгляд на вещи. На моих глазах происходила переоценка ценностей.

— Не спрашивай меня. Я-то зарабатываю семьдесят пять долларов в месяц. В лучшем случае.

— Тем не менее он достоин восхищения.

— Я знал, что рано или поздно ты скажешь это. Как только ты произнесла свое *«тем не менее»*, я знал, что последует за ним.

— Значит, я для тебя — открытая книга,— вздохнула Прис.

— Нет. Ты величайшая загадка, с которой мне приходилось сталкиваться. Это впервые, когда я сказал себе: «Прис сейчас сделает то-то и то-то» — и действительно так произошло.

— Ну да. И ты совершенно уверен, что постепенно я снова вернусь к тому состоянию, когда никаких сомнений у меня не возникало, а было одно только восхищение этим человеком.

Я промолчал, поскольку и впрямь так думал.

— А ты обратил внимание,— спросила Прис,— как я справилась с выключением Линкольна? Я сделала это. Думаю, теперь я смогу вынести что угодно. Честно говоря, мне даже понравилось.

— Ты врешь, чтобы выглядеть крутой.

— Нет, действительно, это было ни с чем не сравнимое чувство власти, абсолютной власти. Мы даем ему жизнь, а затем ее отнимаем — щелк и все! Так легко... Но моральная ответственность за это ложится не на нас, а на Сэма Барроуза. И он-то, уж будь уверен, не станет мучиться угрызениями совести. Напротив, это здорово поднимет его самооценку. Чувствуешь, какая здесь сила? Думаю, мы все дорого дали бы, чтобы быть похожими на него. Ведь меня сейчас огорчает не сам факт выключения Линкольна, я ненавижу себя за это огорчение! Стоит ли удивляться, что я сижу здесь вместе с вами и размазываю сопли, в то время как Барроуз снова находится на высоте положения. Улавливаешь разницу между нами и им?

Прис зажгла сигарету и какое-то время сидела молча, курила.

— Как насчет секса? — спросила она неожиданно.

— Думаю, это еще хуже, чем выключение симулякра.

— Опыт половых сношений, возможно, поможет тебе измениться.

Эта девчонка... Сидит здесь и рассуждает! У меня волосы встали дыбом.

— Что такое? — спросила она.

— Ты пугаешь меня.

— Но почему?

Ты толкуешь об этом так, будто...

Прис прервала меня:

— Так, как будто я смотрю на свое тело откуда-то сверху? Так оно и есть, Луис. Настоящая я — не это тело, а душа.

— Н-да? Докажи, как сказал бы Бланк.

— У меня нет доказательств, Луис, но тем не менее это правда. Я просто знаю, что я — не это физическое тело, существующее во времени и пространстве. Платон был прав.

— А как насчет нас, всех остальных?

— Не знаю, это ваше дело. Я лично ощущаю вас как тела... Может быть, так оно и есть. Скорее всего, вы всего-навсего физические тела. А ты сам не знаешь? Если нет, то я ничем не могу помочь.— Она выбросила сигарету.— Мне лучше поехать домой, Луис.

— Как хочешь,— ответил я, открывая дверцу.

Все окна в мотеле были темными. Даже большую неоновую вывеску выключили на ночь. Все правильно, добропорядочные граждане средних лет в это время спокойно спят в своих постелях.

— Луис,— окликнула меня Прис,— у меня в сумке есть колпачки. Я всегда их с собой ношу.

— Какие колпачки? Те, что ты вставляешь в себя — или те, которые Мори закупает для своего «мерседеса»?

— Не шути, для меня это очень серьезно. Секс, я имею в виду.

— Да, а как насчет секса в шутку?

— Что это значит?

— Ничего. Просто ничего,— ответил я, прикрывая за собой дверцу.

— Я сейчас скажу тебе нечто избитое,— начала Прис, высунувшись в окно с моей стороны.

— Нет. Потому что я не собираюсь это слушать. Я терпеть не могу, когда мне серьезно говорят избитые вещи. И знаешь что, Прис, лучше бы ты оставалась далекой, недоступной душой, чем издевалась над страдающими животными. Тогда бы...— я замялся на мгновение, но потом решил, какого черта, и закончил,— тогда, по крайней мере, я мог бы честно ненавидеть и бояться тебя.

— А что ты почувствуешь после того, как услышишь мои избитые слова?

— Я завтра же побегу в больницу и попрошу кастрировать меня или как там у них называется подобная операция.

— Ты хочешь сказать, что я сексуально желанна для тебя в роли жестокого шизоида, но стоит мне проявить *сентиментальность*, и я не тяну даже на это?

— Твое «даже» совершенно напрасно. Это чертовски много.

— Луис, забери меня к себе в мотель,— попросила она.— Трахни меня, Луис.

— Есть что-то в твоем языке, Прис, что одновременно отталкивает и притягивает меня.

— Ты просто трус.

— Вовсе нет,— ответил я.

— Да.

— Нет. Но я не собираюсь доказывать это тем способом, как ты предлагаешь. Я на самом деле не трус, у меня было много разных женщин за мою жизнь. Честно! Меня пугает не секс сам по себе, для этого я слишком стар. То, о чем ты говоришь, актуально для мальчишек из колледжа, с их первым презервативом в кармашке.

— Но ты не захотел трахнуть меня!

— Нет. Потому что ты не только далека от меня, ты еще и жестока. И даже не ко мне жестока, а к себе, к своем телу, которое ты презираешь и ненавидишь. Разве это не правда, Прис? Ты помнишь спор, который вели Линкольн, я имею в виду — симулякр Линкольна, и Барроуз с Бланком? Животное

похоже на человека, они оба сделаны из плоти и крови. А ты стараешься не быть такой.

— Почему стараюсь? Я и *есть не такая.*

— А какая же ты? *Что* ты? Машина?

— Нет. В машине должны быть провода, а у меня их нет.

— Что же тогда? Что ты о себе думаешь?

— Я знаю, что я такое,— сказала Прис.— Шизоид. Это болезнь нашего века — так же, как в девятнадцатом веке была истерия. Особая форма глубоко проникающего, трудно уловимого духовного отчуждения. Я бы многое дала, чтобы избавиться от этой проблемы, но не могу... Ты счастливчик, Луис Розен, со своей старомодностью. Я бы с удовольствием с тобой поменялась. И мне очень жаль, что мое толкование секса такое грубое, я вовсе не хотела отпугивать тебя. Прости меня, Луис.

— Не грубое. Гораздо хуже — нечеловеческое. Могу представить себе, какова ты в сексе... Наблюдатель. Беспрерывный и всесторонний: на ментальном, на духовном уровне — везде. Всегда внимательный и рассудочный.

— А разве это плохо? Я всегда так поступаю.

— Спокойной ночи.— Я пошел от машины.

— Спокойной ночи, трус.

— Да пошла ты!..

— Луис! — в ее голосе слышалась мука.

— Забудь меня,— сказал я.

Шмыгая носом, Прис произнесла:

— Ты говоришь ужасные вещи...

— Бога ради, забудь меня,— повторил я.— Ты обязана меня забыть. Я, может быть, больной, что говорю тебе такое. Сам не верю, что я сказал это!

Все еще всхлипывая, она медленно кивнула, завела мотор и включила фары.

— Не уезжай! — попросил я.— Разве ты не видишь: мои слова — это сумасшедшая попытка пробиться к тебе? Твое восхищение Барроузом, все, что ты говоришь — это сводит меня с ума. Я люблю тебя, Прис, очень люблю, когда вижу тебя теплой, человечной. А затем все снова меняется...

— Спасибо,— чуть слышно поблагодарила она.— За то, что пытаешься утешить.

Она слабо улыбнулась.

— Не хочу, чтоб ты становилась хуже.— Я говорил, держась за дверцу машины. Я очень боялся, что она уедет.

— Не буду. В общем-то, меня это мало трогает.

— Давай ты зайдешь ко мне,— попросил я.— Посидишь минутку, ладно?

— Нет. Не волнуйся, все в порядке. Это просто переутомление сказывается. Я знаю, что расстроила тебя. Но на самом деле я не хотела говорить те грубые слова. А сказала потому, что не умела лучше. Видишь ли, Луис, никто никогда не учил меня говорить о таких вещах. О них вообще обычно не говорят.

— Этому можно научится. Послушай, Прис, пообещай мне одну вещь — что не будешь заниматься самообманом, придумывая, будто я тебя сегодня обидел. На самом деле, почувствовать то, что было сейчас у тебя,— просто здорово. Чувствовать...

— Себя обиженной?

— Нет, не то. Я хотел сказать: *поощренной*. Поверь, я вовсе не пытаюсь сгладить то, что я сделал, что мы сделали. Но, Прис, тот факт, что ты так страдаешь из-за...

— Ни черта я не делала!

— Не лги, Прис. Делала.

— Ну хорошо, делала.— Она опустила голову.

Я открыл дверцу машины и взял ее за руку:

— Пойдем со мной, Прис.

Она выключила мотор и погасила огни.

— Это что, первая стадия интимных отношений? — пыталась она защищаться.

— Я научу тебя говорить о вещах, о которых обычно не говорят.

— Учти, я хочу именно научиться *говорить* об этом, а не делать. И вообще, ты просто смеешься надо мной. Я знаю, кончится дело тем, что мы посидим рядышком, и я поеду домой. Может, так и лучше. Может, только так и надо.

Мы вошли в темную комнату мотеля. Я включил свет, обогреватель, а затем еще и телевизор.

— Это чтобы никто не услышал, как мы дышим? — Она выключила телевизор.— Не нужно, я дышу очень тихо.

Скинув пальто, она стояла, держа его на руке, пока я не забрал и не повесил в шкаф.

— Ну, говори, куда мне садиться и как? Сюда? — Она уселась на стул с прямой спинкой, сложила руки на коленях и спокойно посмотрела на меня.— Ну как? Что еще мне снять? Туфли? Или всю одежду? Или, может, ты сам любишь это делать? На всякий случай предупреждаю: у меня на юбке не замок, а пуговицы. И, пожалуйста, не тяни сильно за верхнюю пуговицу, она отрывается, мне потом придется пришивать.

Она обернулась ко мне:

— Пуговицы вот здесь, сбоку.

— Это все очень познавательно,— сказал я,— но ничего не объясняет.

— А ты знаешь, чего бы мне хотелось? — ее лицо вдруг осветилось.— Чтобы ты поехал куда-нибудь и привез кусок кошерной говядины и мацу. А еще пиво и халву на сладкое. Знаешь, такую чудесную тонко нарезанную говядину по два пятьдесят за фунт.

— Я бы с радостью,— ответил я.— Но на сотни миль вокруг сейчас этого не достать.

— А в Бойсе?

— Нет,— сказал я.— Да и поздно уже для кошерной говядины. Не в смысле сегодняшнего вечера, в смысле нашей жизни.

Я поставил свой стул поближе и взял ее за руку. Она оказалась маленькой, сухой и довольно жилистой с сильными пальцами. Наверное, из-за ее чертовой мозаики, подумал я.

— Послушай, давай сбежим отсюда,— предложил я.— Уедем куда-нибудь на юг и не вернемся. И никогда больше не увидим этих симулякров, Барроуза и вообще Онтарио.

— Нет,— покачала она головой.— Нам суждено быть связанными с Сэмом, это же носится в воздухе, разве ты не чувствуешь? Смешно, неужели ты думаешь, что можно просто прыгнуть в машину и уехать? Не выйдет, Луис...

— Прости.

— Я прощаю тебя, но не понимаю. Иногда ты мне кажешься ребенком, совсем не разбирающимся в жизни.

— Все, что я делал — так это пытался урвать кусочек реальности здесь, кусочек — там и принимал их в себя. Я похож на овцу, которая выучила один путь на пастбище и никогда не отклоняется от своего маршрута.

— Так ты чувствуешь себя в безопасности?

— *Большей частью*, но только не рядом с тобой.

Она кивнула.

— А я для тебя тоже пастбище?

— Можно и так выразиться.

С коротким смешком Прис сказала:

— Почти как любовь по Шекспиру. Луис, ты должен сказать мне, что собираешься засеять, а после общипать меня. Пастись среди моих прекрасных холмов и долин, особенно на божественно-лесистых лугах, где дикий папоротник и душистые травы в изобилии колышутся на ветру. Ну, мне же не надо все это декла-

мировать? Или надо? — Она блеснула глазами.— А теперь, ради бога, сними с меня одежду или хотя бы сделай попытку.

И он стала скидывать туфли.

— Не надо,— попросил я.

— Разве мы не миновали поэтическую фазу? Пожалуй, теперь уже можно обойтись без излишних изысков и перейти к более реальным вещам.— Она начала было расстегивать юбку, но я схватил ее за руки.

— Прис, я слишком невежественный, чтоб продолжать,— сказал я.— Во мне нет этого. Слишком невежественный, застенчивый и, допускаю, трусливый. Все происходящее обычно далеко за гранью моих возможностей. Мне кажется, я заброшен в мир, в котором ничего не понимаю.— Я бережно держал ее руки.— Самое лучшее, что я сейчас могу придумать и сделать — это поцеловать тебя. В щечку, если позволишь.

— Ты просто стар, Луис, в этом все и дело. Ты — часть прошлого, отмирающего мира.— Прис обернулась и потянулась ко мне.— Ну что ж, поцелуй, как хотел.

И я поцеловал ее в щеку.

— На самом деле,— усмехнулась она,— если тебе интересно: дикий папоротник и душистые травы вовсе не колышутся в изобилии на ветру. Парочка папоротников да четыре травинки — вот и все, что есть в наличии. Я еще не доросла, Луис. Всего год назад я начала носить бюстгальтер и порой попросту забываю о нем. Да по правде говоря, он мне не очень-то и нужен.

— Можно мне тебя поцеловать в губы?

— Нет, это чересчур интимно.

— А ты закрой глаза.

— Тогда уж лучше выключи свет.— Она высвободила одну руку и потянулась к выключателю на стене.— Подожди, я сама...

— Подожди,— остановил я ее.— У меня совершенно невероятное предчувствие.

Ее рука замерла на выключателе.

— Луис, не в моем характере останавливаться на полпути, а ты сбиваешь меня с толку. Прости, но я должна продолжить.— И она выключила свет.

Комната погрузилась в полную темноту. Я ничего не видел.

— Прис, я собираюсь ехать в Портленд. За кошерной говядиной.

— Куда мне положить юбку? — раздалось из темноты.— Чтобы она не помялась.

— Мне кажется, я смотрю сумасшедший сон.

— Это блаженство, а не сон, Луис,— отозвалась Прис.— Тебе знакомо такое чувство, которое входит в тебя и ударяет в голову? Помоги, пожалуйста, развесить одежду. Мне потом надо будет собраться в пятнадцать минут. Ты умеешь заниматься любовью и разговаривать? Или переходишь на хрюканье, как животное?

Я слышал какой-то шелест — Прис раскладывала одежду и шарила в поисках постели.

— Здесь нет кровати,— сказал я.

— Ну тогда будем на полу.

— Твои коленки поцарапаются.

— *Твои* коленки, Луис.

— У меня фобия,— пожаловался я.— Я не могу без света. Мне кажется, я занимаюсь любовью с чем-то, сделанным из веревок, рояльных струн и старого оранжевого одеяла моей бабушки.

Прис рассмеялась:

— Точно. Это я и есть,— ее голос раздался совсем рядом.— Я почти поймала тебя. Теперь не сбежишь.

— Прекрати,— взмолился я.— Я включаю свет!

Я щелкнул выключателем, и комната залилась светом, который на миг ослепил меня.

Потом прозрел и увидел совершенно одетую девушку — она и не раздевалась вовсе. Я глазел на нее в полном недоумении. Наверное, видок у меня был еще тот. Во всяком случае Прис тихо рассмеялась.

— Шутка. Я хотела тебя подурачить: довести до пика сексуального возбуждения, а потом...— она щелкнула пальцами,— спокойной но-о-о-чи!

Я постарался улыбнуться.

— Не принимай меня всерьез, Луис. Не будь эмоционально зависим. Иначе я разобью тебе сердце.

— А кто зависим? — услышал я свой полузадушенный голос.— Это игра, в которую люди играют в темноте. Я просто хотел, как это говорится... урвать свой кусок.

— Не знакома с таким выражением.— Прис больше не смеялась, ее глаза холодно изучали меня.— Зато у меня есть идея.

— Я еще тебе кое-что скажу, приготовься. У них на самом деле есть говядина в Бойсе. И я смогу без особых проблем достать сколько надо.

— Ты ублюдок! — Сидя на полу, она нащупала туфли и стала их натягивать.

Прис, песок сыплется в дверь!

— Что? — она огляделась.— О чем ты толкуешь?

— Мы здесь в ловушке. Кто-то высыпал на нас целую гору песка, и мы никогда не выйдем наружу.

— Прекрати! — крикнула она.

— Ты никогда не верила в меня.

— Ну да, а ты пользуешься этим, чтобы мучить меня.— Она бросилась к шкафу за своим пальто.

— А меня не мучили? — я шел за ней следом.

— Ты имеешь в виду сегодняшний вечер? О, черт, мне не следовало выходить из машины, надо было остаться там.

— Если бы я все сделал так, как надо...

— Это ничего б не изменило. Все зависело от тебя, от твоих способностей! Я так многого ждала. Я ужасная идеалистка.— Прис отыскала свое пальто и начала надевать, я машинально помогал ей.

— Мы одеваемся, даже не раздевшись,— произнес я.

— Теперь ты будешь предаваться сожалениям,— пожала плечами Прис.— Это единственное, что ты умеешь делать хорошо.

Она бросила на меня такой ненавидящий взгляд, что я передернулся.

— Я бы мог сказать тебе кое-что важное,— начал я.

— Но ты этого не сделаешь, так как знаешь: я так отвечу, что ты умрешь на месте.

У меня и впрямь язык прирос к зубам.

— Во всем виноват твой страх,— сказала на прощание мне Прис.

Она медленно шла по дорожке к припаркованной машине.

— Верно, страх,— подтвердил я, идя за ней по пятам.— Но этот страх проистекал из уверенности, что подобные вещи должны происходить по взаимному согласию двух людей. Необходимо взаимопонимание, а не навязывание воли одного другому.

— А, может, ты просто боишься тюрьмы? — спросила Прис.

Она уже залезла в машину и теперь сидела, положив руки на руль.

— Тебе, как любому нормальному мужчине, следовало бы сграбастать меня и затащить в постель, что бы я там не говорила.

— Если б я поступил так, ты потом бы не переставала жаловалась до конца своей жизни. Сначала — мне, затем — Мори, адвокату и, наконец, в зале суда — всему честному миру.

Мы оба немного помолчали.

— Так или иначе, но я тебя поцеловал,— сказал я.— В щечку.

— Нет, в губы.

— Неправда.

— Мне запомнилось, что в губы.

— Ага, ты уже начинаешь творить историю, которую потом будешь рассказывать налево и направо — о том, как ты сумел кое-чего добиться от меня.

— Которую я запомню, сохраню в своем сердце.

Ответом мне был звук мотора и вспыхнувшие фары. Прис уехала.

Я постоял несколько минут на опустевшей дорожке и медленно побрел к мотелю. Мы оба психанули, уговаривал я сам себя. Устали, были деморализованы, вот и дошли до ручки. А ведь завтра нам предстоит нелегкое дело — отшить этого Барроуза. Бедняжка Прис, ей придется хуже всего. А началось все с того, что мы выключили старину Линкольна. В этом все дело, вдруг понял я.

Я сжал кулаки в карманах и шагнул к двери.

Следующее утро встретило меня таким ярким солнечным светом, что, даже не поднимаясь с постели, я ощутил прилив бодрости. Все не так уж плохо, подумал я. А после того, как побрился, просмотрел газету и позавтракал в кафетерии булочкой с беконом, запив все апельсиновым соком и чашечкой кофе, я и вовсе почувствовал себя заново родившимся.

Вот что делает завтрак, подумалось мне. Исцеляет, собирает воедино рассыпанные кусочки.

Нет, возразил я сам себе, правильнее говорить об улучшении состояния, но не исцелении. Потому что исцеление предполагает возврат к первоначальному здоровью, а о чем говорить, если такового не было с самого начала. *Что же это за болезнь?*

Прис, можно сказать, смертельно больна. Это коснулось и меня, заползло внутрь и угнездилось там. Мы все заражены — и Мори, и Барроуз, и все остальные, вплоть до моего отца, хотя он подвержен болезни меньше всех.

О, боже, отец! Я совсем забыл, что он сегодня приезжает.

Я поспешил наружу, поймал такси.

К офису «Объединения МАСА» я подъехал первым. Минутой позже увидел из окна, как приближается мой «шевроле». Из него вышла Прис. Сегодня она была в джинсовой юбке и блузке с длинными рукавами. Волосы подняты, лицо чистое и умиротворенное.

Войдя в офис, Прис улыбнулась мне:

— Прости за то, что я говорила вчера ночью. Но ничего ведь не потеряно. Может, в следующий раз?

— Ничего не потеряно,— эхом повторил я.

— Ты серьезно, Луис?

— Нет,— ответил я и вернул ей улыбку.

Хлопнула дверь, и в офис вошел Мори.

— Привет! Я отлично выспался,— оповестил он мир.— Честное слово, дружище, мы выдоим этого придурка Барроуза до последнего цента!

За ним следовал мой отец в своем темном полосатом костюме, наводящем на мысль о железнодорожной униформе. Он сдержанно поприветствовал Прис, затем обернулся к нам:

— Он уже здесь?

— Нет, папа,— ответил я,— пока нет.

— Думаю, нам следует снова включить Линкольна,— сказала Прис.— Нечего бояться этого Барроуза.

— Согласен,— быстро произнес я.

— А я нет,— возразил Мори,— и объясню, почему. Его вид только подогреет аппетит Барроуза, разве не так? Подумайте сами.

Подумав, я и в самом деле согласился с моим компаньоном. Мори прав, оставим его выключенным. И не станем включать, что бы ни случилось: пусть Барроуз пинает его, хоть на кусочки расколотит. Жадность, вот что им движет. А нами движет страх, подумалось мне. Действительно, как много из того, что было нами предпринято впоследствии, диктовалось страхом. А отнюдь не здравым смыслом...

В этот момент раздался стук в дверь.

— Вот и он,— сказал Мори и мельком взглянул на меня.

Дверь отворилась, за ней стояли Сэм Барроуз, Дэвид Бланк, миссис Нилд и темная, мрачная фигура, в которой мы с удивлением узнали Эдвина М. Стэнтона.

— Мы встретились с ним внизу, на улице,— весело пояснил Дэйв Бланк.— Этот джентльмен тоже направлялся сюда, и мы позволили себе подвезти его на лифте.

Симулякр Стэнтона кисло оглядел нас всех.

Великий Боже, подумал я, мы этого не ждали, но какая разница? Важно разобраться, означает ли это, что нам нанесен удар? И, если да, то насколько серьезный?

Я не находил ответа на эти вопросы. Но, как бы то ни было, игра продолжалась, и настал момент открывать карты. Так или иначе.

Глава 11

— Мы тут немного прогулялись и потолковали с мистером Стэнтоном,— любезно сообщил нам Барроуз.— И, кажется, пришли к тому, что можно назвать взаимопониманием.

О! — отреагировал я.

На лице Мори застыло упрямое, неприязненное выражение. Прис заметно нервничала.

Тут на сцену выступил мой отец — он протянул руку и представился:

— Джереми Розен, владелец завода по производству спинет-пианино и электроорганов в Бойсе. Если не ошибаюсь, я имею честь разговаривать с мистером Сэмюэлем Барроузом?

Именно так, подумал я. Каждая сторона подготовила сюрприз неприятелю. Вы умудрились за минувшую ночь разыскать и вернуть Стэнтона, мы, со своей стороны, выставили моего отца — счет один-один.

Чертов Стэнтон! В «Британской энциклопедии» написано: способен кооперироваться с врагами во имя достижения личных целей. Подлец! И тут я понял: он вовсе не уезжал открывать юридическую контору или осматривать достопримечательности! Скорее всего, все это время он провел в Сиэтле вместе с Барроузом. Они сговорились с самого начала!

Наш первый симулякр предал нас.

Это было дурным предзнаменованием.

Неожиданно я подумал: «На его месте Линкольн так не поступил бы». Эта мысль принесла мне значительное успокоение, и я решил про себя: «Будет лучше, если мы снова включим его».

Вот почему я обратился к Мори:

— Будь добр, сходи и пригласи мистера Линкольна подняться сюда.

Брови моего компаньона удивленно поползли вверх.

— Он нужен нам,— твердо сказал я.

— Я тоже так считаю,— поддержала меня Прис.

— Хорошо,— кивнул Мори и вышел.

Итак, все началось... Вот только *что* именно?

— Когда мы впервые столкнулись со Стэнтоном,— заговорил Барроуз,— то были склонны трактовать его как хитроумный механизм. Но затем мистер Бланк справедливо указал мне, что вы-то рассматриваете его как живое существо. Посему хотелось бы узнать, а как вы оплачиваете мистера Стэнтона?

— «Оплачиваете?» — озадачился я.

— Надеюсь, вы не забыли про закон о подневольном труде,— напомнил Бланк.

Я только рот открыл от удивления.

— Хотелось бы знать, заключен ли контракт с мистером Стэнтоном? — поинтересовался Бланк.— И если да — то не противоречит ли он закону о минимальной заработной плате? Впрочем, чего темнить: мы обсуждали этот вопрос с самим Стэнтоном, и он не может припомнить ничего подобного. Таким образом, я как юрист не вижу никаких обстоятельств, препятствующих мистеру Барроузу нанять Стэнтона в качестве работника с оплатой, скажем, шесть долларов в час. Согласитесь, это честная цена. Более того, уполномочен сообщить, что именно на таких условиях мистер Стэнтон соглашается вернуться с нами в Сиэтл.

В комнате повисло молчание.

В этот момент дверь отворилась и вошел Мори. За его спиной маячила высокая сутулая фигура симулякра Линкольна.

Тут подала голос Прис:

— Думаю, нам следует принять их предложение.

— Какое такое предложение? — с ходу вскинулся Мори.— Я ничего не слышал.

Он обратился ко мне:

— Ты в курсе, о чем она говорит?

Я потряс головой.

— Прис,— строго спросил Мори,— ты встречалась с мистером Барроузом?

— Вот мое предложение,— вступил непосредственно сам Барроуз.— Мы оцениваем «МАСА» в семьдесят пять тысяч долларов. Я поднимаю...

— Значит, вы сговорились? — настаивал Мори.

Ни Прис, ни Барроуз не ответили. Но этого и не требовалось — и так все было ясно.

— Я поднимаю цену до ста пятидесяти тысяч долларов,— закончил как ни в чем ни бывало Барроуз.— Естественно, при условии владения контрольным пакетом акций.

Мори отрицательно покачал головой.

— Можно нам удалиться и обсудить ваше предложение? — обратилась Прис к Барроузу.

— Конечно.

Мы уединились в маленькой подсобке в конце коридора.

— Мы проиграли,— сказал Мори упавшим голосом, он разом посерел и осунулся.— Разбиты вчистую.

Прис молчала с непроницаемым лицом.

После продолжительного молчания заговорил мой отец:

— Необходимо избежать этого любой ценой. Мы не должны становиться частью корпорации, где заправляет Барроуз.

Я обернулся к Линкольну, который все это время слушал нас, не произнося ни слова.

— Вы ведь адвокат. Бога ради, помогите нам!

Линкольн заговорил:

— Луис, у мистера Барроуза и его единомышленников сильная позиция — обвинения в мошенничестве здесь не пройдут. Следует признать: они переиграли нас.

Симулякр задумался, прошел к окну и выглянул на улицу, затем снова вернулся к нам. Видно было, что он мучительно ищет решение — жесткие губы болезненно кривились, но в глазах сверкали искры.

— Сэм Барроуз — бизнесмен, но и вы тоже не разносчики пиццы. Выход, на мой взгляд, есть. Допустим, вы продаете прямо сейчас свою маленькую фирму мистеру Джереми Розену. За любую цену, хоть за доллар. Таким образом, формально «МАСА» становится собственностью «Фабрики Розена по производству спинет-пианино и электроорганов» — у которой, как известно, достаточно большие активы. Теперь, чтобы приобрести желанное, Барроузу придется выкупить все предприятие в целом, включая фабрику. А к этому он на данный момент не готов. Теперь, что касается Стэнтона: можете быть уверены — он не станет сотрудничать с Барроузом. Я берусь побеседовать с ним и убедить вернуться. Мы знакомы с ним много лет, смею утверждать, что Стэнтон — человек порой неуравновешенный, импульсивный, но честный. Он работал в администрации Бьюкенена, и я, невзирая на многочисленные протесты со стороны коллег, продолжал поддерживать его. Не скрою, Стэнтон бывает раздражительным, не всегда объективным, но в его порядочности сомневаться не приходится. Он не станет поддерживать мошенников. К тому же мне кажется, он вовсе не жаждет возвращаться к юридической практике. Стэнтон публичный человек, ему важно общественное признание. И, уверяю вас, он будет очень хорош на подобном месте — это истинный слуга общества. Думаю, если вы предложите ему пост председателя правления, он останется.

Мори задумчиво произнес:

— Мне это не приходило в голову.

— Я против,— тут же возразила Прис.— «МАСА» не следует передавать семейству Розенов, это даже не обсуждается. И Стэнтон не примет предложение, о котором говорил Линкольн.

— Еще как примет,— возразил Мори, и мы с отцом его поддержали.— Мы сделаем Стэнтона большим человеком в нашей организации, а почему бы и нет? У него есть к тому способности. Бог свидетель, с ним мы за год поднимем наш оборот до миллиона долларов.

— Полагаю,— мягко сказал Линкольн,— вы не пожалеете, доверив дело мистеру Стэнтону.

Мы вернулись в офис, где нас терпеливо поджидал Сэм Барроуз со своей командой.

— У меня для вас новость,— сообщил Мори, прочистив горло.— Мы только что продали «Объединение МАСА» мистеру Джереми Розену. За один доллар.

Барроуз в недоумении моргал.

— Да? — наконец сказал он.— Интересно!

Он посмотрел на Бланка, который воздел руки в беспомощном жесте, как бы снимая с себя всякую ответственность.

Тем временем Линкольн обратился к Стэнтону:

— Эдвин, мистер Рок, а также оба мистера Розена просят вас присоединиться к их вновь сформированной организации в качестве председателя правления.

Привычное кисло-озлобленное выражение на лице симулякра Стэнтона исчезло, теперь на его месте была написана нерешительность.

Забавно было наблюдать за сменой чувств на этой вытянутой, сморщенной физиономии.

— Насколько данное заявление соответствует истине? — спросил он, обращаясь к нам.

— На все сто процентов, сэр,— твердо ответил Мори.— Это предложение фирмы. Мы считаем, что человек с вашими способностями должен стоять во главе правления.

— Точно,— подтвердил я.

— Я полностью присоединяюсь, мистер Стэнтон,— поддержал нас мой отец.— И берусь поговорить со вторым моим сыном Честером. Мы искренне будем рады.

Усевшись за старую электрическую печатную машинку «Ундервуд», Мори вставил листок бумаги и приготовился печатать.

— Мы подготовим письменный документ и подпишем его прямо сейчас. Так сказать, отправим корабль в плавание.

— Лично я рассматриваю все, здесь происходящее,— отчеканила Прис ледяным голосом,— как вероломное предательство.

Причем не только по отношению к мистеру Барроузу, но и ко всему, ради чего мы трудились столько времени...

— Помолчи,— бросил ей Мори.

— ...и посему отказываюсь принимать участие в этом,— закончила свое выступление Прис.

Голос ее был абсолютно спокоен, как если бы она делала в этот момент телефонный заказ в секции одежды у Мэйси. Мы все, включая наших оппонентов, не верили своим ушам. Однако Барроуз быстро справился с удивлением.

— Вы ведь принимали участие в создании первых двух симулякров? Следовательно, сможете построить еще один?

— Ничего она не сможет,— вскипел Мори.— Все, что она делала, так это разрисовывала их лица. В электронике она ничего не понимает. Ни-че-го!

Он ни на секунду не отрывал взгляд от дочери.

— Боб Банди уходит со мной,— заявила Прис.

— Что?! — крикнул я.— Он тоже?

И тут я все понял.

— Так вы с ним...— Договаривать не было смысла.

— Боб без ума от меня,— спокойно подтвердила Прис.

Барроуз полез в карман за бумажником.

— Вы можете вылететь вслед за нами,— сказал он.— Я дам вам деньги на билет. Во избежание всяких осложнений нам лучше путешествовать по отдельности.

— Хорошо,— кивнула Прис.— Я буду в Сиэтле где-то через день. Но денег не надо, у меня есть свои.

— Ну что ж, можно сворачивать наш бизнес здесь,— кивнул Бланку Барроуз.— Пора двигаться обратно.

После этого он обернулся к Стэнтону:

— Мы покидаем вас, мистер Стэнтон. Вы уверены в своем решении?

— Да, сэр,— скрипучим голосом подтвердил симулякр.

— Ну, тогда всего доброго,— попрощался с нами Барроуз.

Бланк сердечно помахал нам, Колин Нилд просто повернулась и последовала за шефом. Через минуту мы остались одни.

— Прис,— сказал я,— ты ненормальная.

— Веский аргумент, ничего не скажешь,— безразличным тоном ответила она.

— Ты это говорила всерьез? — спросил Мори, лицо его подергивалось.— Насчет того, чтобы поехать с Барроузом? Ты собираешься лететь к нему в Сиэтл?

— Да.

— Я позову копов, и тебя упрячут за решетку,— пообещал он.— Ты же несовершеннолетняя. Просто ребенок. Я обращусь в Комитет по психическому здоровью, чтобы тебя снова поместили в Касанинскую клинику.

— Ничего подобного,— заявила Прис.— Я в состоянии осуществить задуманное, и «Барроуз Организейшн» мне в том поможет. В клинику меня могут поместить либо по моему желанию — а его нет, либо по показаниям — но я не являюсь психотиком. Напротив, я очень умело веду свои дела. Так что попридержи свой гнев — ничего хорошего из этого не выйдет.

Мори облизал губы, заикаясь, начал что-то говорить, но затем умолк. Было ясно, что Прис права — дела обстояли именно так, как она излагала. С точки зрения закона у нас не было возможности помешать Барроузу, и он это прекрасно знал. Таким образом, они получали нашу технологию — и соответственно, все барыши.

— Я не верю, что Боб Банди покинет нас из-за тебя,— сказал я Прис.

Однако по выражению ее лица я понял, что так оно и будет. И эта маленькая негодяйка была вполне уверена в себе. Она не блефовала. Но когда же все это завязалось между ними? Вряд ли мы получим ответ на свой вопрос — Прис умела хранить секреты. Оставалось только примириться.

— Вы могли ожидать чего-либо подобного? — спросил я у Линкольна.

Он отрицательно покачал головой.

— Во всяком случае, мы избавились от них,— подвел итог Мори.— Мы сохранили «Объединение МАСА» и Стэнтона. Что же касается этой парочки — Прис и Боба, то бога ради. Хотят уйти к Барроузу — скатертью дорога. Флаг им в руки!

Он гневно посмотрел на дочь, но та ответила совершенно бесстрастным взглядом. Я знал эту особенность Прис: в критические минуты она становилась холоднее, сдержаннее и собраннее, чем обычно. Пробить эту броню было невозможно.

«Наверное, оно и к лучшему»,— с горечью подумал я. Мы не справлялись с девчонкой — по крайней мере, я. Пусть теперь Барроуз попробует. Я допускаю, что он найдет ей достойное применение, даже сможет делать на ней деньги... Хотя не исключено, что и наоборот: Прис принесет убытки фирме или даже разорит ее. Сначала первое, затем — второе. Но, к сожалению, в этой игре есть еще одна фигура — Боб Банди. А вот это уже опасно. Вдвоем они вполне могут построить симулякра, и Мори им совершенно не нужен. Не говоря уж обо мне.

Склонившись ко мне, Линкольн произнес сочувственным тоном:

— Вы получите большую выгоду, используя мистера Стэнтона с его неуемной энергией, его способностью принимать правильные решения. Результаты начнут сказываться незамедлительно.

— Увы, мое здоровье оставляет желать лучшего,— проворчал Стэнтон, тем не менее немало польщенный.— Но я постараюсь сделать все, что в моих силах.

— Мне очень жаль, что все так получилось с твоей дочерью,— сказал я своему партнеру.

— Господи, как же она могла это сделать? — Мори был совершенно убит.

— Она вернется,— похлопал его по руке мой отец.— Обязательно вернется. С детьми всегда так.

— Я не хочу, чтоб она возвращалась,— произнес Мори, но было видно: это неправда.

— Давайте спустимся и выпьем по чашечке кофе,— предложил я.— Вон там есть хорошее кафе.

— Идите без меня,— отказалась Прис.— У меня чертова уйма работы, мне лучше поехать домой. Можно мне взять «ягуар»?

— Нет,— ответил Мори.

Она молча пожала плечами и вышла, захватив свою сумку. Дверь захлопнулась. Прис ушла из нашей жизни. Раз и навсегда.

Мы сидели в кафе, и я размышлял о том, как здорово Линкольн помог нам с Барроузом. Фактически, именно он вызволил нас из беды. Не его вина, что в результате все сложилось не лучшим образом. Кто мог предположить, что Прис решит соскочить? Никто. Так же, как никто не знал о ней и Банди. Мы и не подозревали, что она кормит с ладони нашего инженера благодаря своим старым, как мир штучкам. Ни я, ни Мори не догадывались.

Официантка давно уже поглядывала в нашу сторону и теперь, наконец, решилась подойти.

— Скажите, это не тот манекен Линкольна, который был выставлен в витрине? — спросила она.

— Нет, на самом деле, это манекен У. С. Филдса[1],— ответил я,— только переодетый Линкольном.

— Мы с моим дружком были на демонстрации в тот день. И вправду похоже. А можно его потрогать?

[1] Знаменитый американский комик *(прим. ред.)*.

— Конечно,— ответил я.

Она осторожно прикоснулась к руке Линкольна.

— Ой, да он теплый! — воскликнула эта клуша.— И даже пьет кофе!

Мы с трудом отделались от нее, чтоб подвести печальные итоги нашей беседы. Обращаясь к симулякрам, я констатировал:

— Вы, джентльмены, многое сделали для урегулирования проблем нашей ассоциации. Гораздо больше, чем кто-либо из нас.

— Мистер Линкольн,— проговорил ворчливым тоном Стэнтон,— всегда отличался талантом приходить к соглашению с кем угодно и чем угодно, причем далеко не оригинальным способом — при помощи шутки.

Линкольн улыбался, прихлебывая свой кофе.

— Интересно, что сейчас делает Прис? — произнес Мори.— Должно быть, складывает вещи. Все-таки ужасно, что ее нет с нами. Ведь она была частью нашей команды.

Да, осознал я, там, в офисе, мы избавились от кучи народа. Среди них: Барроуз, Дэйв Бланк, миссис Нилд. А также, к вящему удивлению, Прис Фраунциммер и наш творец живых душ Боб Банди. Интересно, увидимся ли мы еще когда-нибудь с Барроузом? С Бобом Банди? Вернется ли Прис? А если — да, то переменится ли она?

— Как же она могла нас предать? — недоумевал Мори.— Переметнуться на сторону врага... Теперь я понимаю, что ни клиника, ни доктор Хорстовски ничего не сделали. Ничего! За все это время и за все мои деньги! Да уж, она нам продемонстрировала верность и преданность! Я знаю, что сделаю: я потребую обратно мои деньги, все, которые вложил. Что ж до Прис, то мне нет никакого дела до нее! Я порвал с дочерью! Вот так!

Чтобы сменить болезненную тему, я обратился к Линкольну:

— Вы можете еще что-нибудь посоветовать нам, сэр? Как нам теперь поступить?

— Боюсь, моя помощь не столь велика, как хотелось бы,— ответил Линкольн.— У меня нет никаких предположений в отношении мисс Прис. Судьба непостоянна... Что же касается меня самого, полагаю, вы официально предложите мне пост вашего юрисконсульта. Подобно мистеру Бланку при Барроузе.

— Блестящая мысль,— сказал я, доставая чековую книжку.— Какой гонорар вас устроит?

— Десяти долларов будет достаточно,— ответил Линкольн.

Я выписал чек на указанную сумму, и Линкольн с благодарностью принял его.

Мори сидел, погруженный в грустные размышления.

— Гонорар адвоката сейчас составляет минимум двести долларов,— вмешался он.— Доллар в наши дни совсем не тот, что раньше.

— Десять пойдет,— ответил Линкольн.— И я начну подготавливать бумаги о передаче «Объединения МАСА» фабрике пианино в Бойсе. Полагаю, мы сформируем акционерное общество, как и предлагал мистер Барроуз. Я просмотрю нынешние законы, чтобы выяснить необходимую сумму уставных капиталов. Боюсь, это займет какое-то время, так что наберитесь терпения, джентльмены.

— Идет,— согласился я.

Потеря Прис, несомненно, сильно ударила по нам. Особенно страдал Мори. Увы, потери вместо прибылей — вот первые результаты сотрудничества с Барроузом. И еще вопрос — сумеем ли мы от него отделаться? Линкольн прав: все в нашей жизни непредсказуемо! Взять хоть Барроуза — похоже, он был удивлен не меньше нашего.

— Скажи, мы можем построить симулякра без Прис? — спросил я у Мори.

— Да, но не без Боба.

— Возможно его кем-нибудь заменить? — продолжал допытываться я.

Но Мори в настоящий момент мог думать только о своей дочери.

— Я скажу тебе, что ее погубило,— горько сетовал он.— Эта чертова книжка Марджори Монингстар.

— Как это?

На самом деле ужасно было наблюдать, как Мори вновь и вновь соскальзывал на одни и те же, несущественные в данный момент, обстоятельства. Он становился похож на старого маразматика. Очевидно, шок оказался непосильным для моего партнера.

— Эта книга внушила Прис, что она может встретить прекрасного принца, богатого, красивого и знаменитого. Типа Сэма К. Барроуза. Старая, как мир, сказка о замужестве. Многие девушки вокруг нас выходят замуж по любви. Может, это и глупо, но не так отвратительно, как бессовестный брак по расчету. Прис же, прочитав ту книгу, стала относиться к любви очень рассудочно. Единственное, что могло бы спасти ее,— это безумная любовь к какому-нибудь пареньку, ее сверстнику. Нечаянная любовь, на которой бы она споткнулась. Но, увы, такого не случилось. И вот теперь Прис ушла.— Голос его дрогнул.— Надо честно называть вещи своими именами. Ведь здесь дело не только в бизнесе. То

есть не только в бизнесе с симулякрами. Прис жаждала продать себя, и подороже. Ты понимаешь меня, Луис.

Он покачал головой с несчастным видом.

— А он — как раз тот человек, который мог заплатить ей достойно. И она знала это.

— Да,— ответил я. А что еще я мог сказать?

— Я не прав, нельзя было ему позволять даже приближаться к ней. Но, знаешь, я не виню его. Все, что с ней сейчас случилось,— ее собственная инициатива. Она все делала, чтобы приблизиться к нему. Теперь нам надо следить за газетами, Луис. Ты же знаешь, как они любят писать о Барроузе. Впредь всю информацию о Прис мы будем получать из этих чертовых газет.

Он отвернулся и шумно прихлебнул из своей чашки, чтоб скрыть слезы.

Мы все чувствовали себя расстроенными. Повесили головы.

Молчание прервал Стэнтон.

— Когда мне приступать к своим обязанностям председателя правления? — осведомился он.

— В любое время, как захотите,— ответил Мори.

— Остальные джентльмены согласны?

Мы все дружно кивнули.

— Тогда я считаю, что занял этот пост.

Симулякр пригладил свои бакенбарды, высморкался и прочистил горло.

— Мы должны начать работу прямо сейчас. Слияние двух компаний неизбежно предполагает период повышенной активности. У меня есть некоторые соображения относительно нашей предстоящей продукции. Так, скажем, мне не видится разумным оживлять еще одного симулякра Линкольна или...— он задумался ненадолго и добавил с сардонической улыбкой,— ... или еще одного Стэнтона. По одному экземпляру вполне достаточно. В будущем давайте ограничимся чем-нибудь попроще. К тому же это уменьшит наши проблемы с механикой, не так ли? Мне необходимо проверить оборудование и штат рабочих, чтобы убедиться, в каком все состоянии... И тем не менее уже сейчас я уверен, что нашей компании вполне по силам выпускать продукцию не очень сложную, но вполне востребованную на сегодняшний день. Я имею в виду типовых симулякров — может быть, симулякров-рабочих, которые бы производили себе подобных.

«Заманчивая, но пугающая идея»,— подумал я.

— По-моему,— продолжал Стэнтон,— нам следует сконцентрировать свои усилия на скорейшем проектировании и выпуске

стандартных симулякров. Причем необходимо опередить Барроуза. К тому времени, как он сможет выжать и использовать знания мисс Фраунциммер, нам надлежит поставить на рынок собственную, соответствующим образом разрекламированную продукцию.

Тут нечего было возразить.

— Отдельным пунктом я предлагаю наладить выпуск симулякров, специализирующихся на каком-то одном, пусть простом задании — возможно, что-нибудь из домашней работы, например, уход за детьми. Продавать их в означенном качестве. Причем не делать их слишком сложными, так чтобы и цена была невелика. Скажем, ограничиться суммой в сорок долларов.

Мы переглянулись — мысль была отнюдь не глупа.

— Спрос на подобных помощников есть, я имел возможность в этом убедиться,— говорил Стэнтон.— И я берусь утверждать, что если подобный симулякр снабдить адекватным мышлением в применении к усредненному домашнему ребенку, то у нас в будущем не будет проблем с его сбытом. Посему прошу проголосовать за мое предложение. Все, кто согласен, произнесите свое «за».

— Я «за»,— сказал я.

— И я,— поддержал меня Мори.

После минутного размышления мой отец присоединился к нам.

— Итак, предложение принято,— резюмировал Стэнтон.

Он отпил из своей чашки, затем аккуратно поставил ее обратно на стол и строгим официальным голосом объявил:

— Нашей компании необходимо новое имя. Я предлагаю — «Ассоциация Ар энд Ар» города Бойсе, штат Айдахо. Считаете ли вы такое название приемлемым?

Стэнтон огляделся — возражений не было.

— Отлично.— Он удовлетворенно промокнул губы салфеткой.

— Тогда приступаем к делу немедленно. Мистер Линкольн не будете ли вы так добры в качестве нашего консультанта ознакомиться с юридической документацией. Все ли в порядке? Если возникнет необходимость, можете пригласить помощника-юриста, более осведомленного в нынешнем законодательстве. Я вас на это уполномочиваю. Итак, начинаем работать. В будущем нас ждет честный, энергичный труд, джентльмены, поэтому не следует задерживаться на помехах и неудачах недавнего прошлого. Это очень существенно, господа — смотреть вперед, а не назад. По силам ли нам это, мистер Рок? Несмотря на все искушение?

— Да,— ответил Мори.— Вы совершенно правы, Стэнтон.

Он достал коробок спичек из кармана пальто, прошел к столу и выудил из ящичка две сигары с золотой оберткой. Одну из них протянул моему отцу.

— «Elconde de Guell», сделано на Филиппинах.

Он поджег сигару, отец последовал его примеру.

— Думаю, у нас все получится,— сказал отец.

— Точно,— поддержал его Мори.

Все остальные допивали кофе.

Глава 12

Я боялся, что предательство Прис совершенно выбьет из колеи Мори. Даже подумывал, нужен ли мне такой партнер. Тем более я был счастлив убедиться, что ошибался. Мори бросился в работу с удвоенной энергией: он по-прежнему контролировал всю корреспонденцию по поводу спинетов и органов, организовывал отправку товара с фабрики во все пункты тихоокеанского Северо-Запада, а также на юг — в Калифорнию и Неваду, Нью-Мексико и Аризону. Вдобавок он с головой погрузился в новое направление — создание няньки-симулякра.

Разрабатывать новые схемы без Боба Банди нам было не по силам, но Мори мог модифицировать старую конструкцию. Нашими нянькам предстояло стать потомками Линкольна, если можно так выразиться.

Когда-то, давным-давно Мори попался старый научно-фантастический журнал под названием «Истории волнующего чуда». Там был рассказ о роботах-слугах, которые опекали детей, подобно огромным механическим собакам. Их звали «Нэнни», очевидно в честь дворняжки Питера Пэна. Имя запало Мори в душу, и на ближайшем заседании правления — председательствовал Стэнтон плюс Мори, Джереми, Честер и я — он предложил использовать эту идею.

— Полагаю, автор рассказа или журнал могут подать иск,— встревожился я.

— Да брось, это было так давно,— возразил Мори.— Журнала давно не существует, а автор, наверное, уже умер.

— Пусть наш адвокат исследует данный вопрос.

После тщательного анализа мистер Линкольн пришел к выводу, что общественное мнение также ассоциировало имя «Нэнни» с механической нянькой.

— Насколько я понял,— отметил он,— большинству из вас известно это имя и его функциональная увязка ясна даже без прочтения означенного рассказа.

Так что в конце концов «Нэнни» была утверждена. Однако это стоило нам нескольких недель, поскольку Линкольн с привычной основательностью настоял на том, чтоб прочесть «Питера Пэна» прежде, чем принять решение. Причем процесс настолько захватил нашего адвоката, что он приносил книжку на заседания правления и со смехом зачитывал нам особо понравившиеся куски. Бороться с этим было бесполезно, и мы стоически терпели незапланированные сеансы чтения.

— Я предупреждал вас,— заметил как-то Стэнтон после того, как особо долгий отрывок загнал нас в курилку.

— Меня больше всего бесит, что это детская книга,— признался Мори.— Если ему так уж необходимо почитать вслух, почему бы не выбрать что-нибудь полезное, например «Нью-Йорк Таймс»?

Сам Мори сосредоточился на сиэтлских газетах, надеясь обнаружить какую-либо информацию о Прис. Он был уверен, что скоро такое сообщение появится. Прис была в Сиэтле, это точно, поскольку не так давно к нему приезжал грузовик за оставшимися ее вещами. Водитель сообщил Мори, что вещи приказано доставить в Сиэтл. Надо думать, перевозку оплатил Сэм К. Барроуз, поскольку у Прис таких денег не было.

— Ты все еще можешь обратиться к копам,— посоветовал я.

— Я верю в Прис,— мрачно сказал Мори.— Я знаю, что она самостоятельно сделает верный выбор и вернется к нам с матерью. И потом, формально — я уже больше не ее официальный опекун, девочка находится под опекой государства.

Со своей стороны, я искренне надеялся, что Прис *не* вернется. Ее отсутствие обеспечивало мне спокойствие и позитивный взгляд на мир. К тому же я был уверен: это пойдет только на пользу работе Мори. Несмотря на его мрачный вид, все же приходилось признать, что он освободился от кучи неприятностей, которые прежде ожидали его за дверями дома, чтоб накинуться, как цепные псы. Ну и кроме того, в начале каждого месяца перестали появляться счета от доктора Хорстовски, здорово облегчив жизнь бедняге.

— Как ты думаешь,— спросил он меня как-то вечером,— Барроуз нашел ей лучшего психоаналитика? Хотел бы я знать, сколько стоит ему подобное удовольствие? Три раза в неделю по сорок долларов за визит — это составляет сто двадцать в неделю, или почти пять сотен в месяц. Только за то, чтоб подлечивать ее хронический психоз!

Мори покачал головой. Это напомнило мне слоган Управления психического здоровья, который где-то с год назад появился на всех почтамтах Соединенных Штатов:

ОТКРОЙ ПУТЬ К ПСИХИЧЕСКОМУ ЗДОРОВЬЮ — БУДЬ ПЕРВЫМ СРЕДИ СВОИХ РОДНЫХ, КТО ПРИДЕТ В КЛИНИКУ ПСИХИЧЕСКОГО ЗДОРОВЬЯ!

И еще эти школьники, детки со блестящими значками на груди, которые каждый вечер методично обходили все дома и просили пожертвований в фонд исследований по проблемам психического здоровья. Да что там, просили — требовали, вымогали, с невинным бесстыдством эксплуатируя преимущества своего возраста.

— Да уж, мне жаль Барроуза,— вздохнул Мори.— Надеюсь, она возместит ему расходы, добившись успеха в строительстве симулякра. Хотя, честно говоря, сомневаюсь. Без меня она просто жалкий дилетант — будет морочить ему голову своими рисуночками. Ты вспомни ее фреску в ванной — а ведь это единственная вещь, которую она довела до конца. Это при том, что сотни баксов тратятся на материалы и, в конечном итоге, летят на ветер!

— Ого! — Я в очередной раз поздравил себя и всех остальных с такой удачей — что Прис не было с нами.

— Все эти творческие проекты,— говорил Мори,— на самом деле захватывают ее. По крайней мере, на первой стадии.

Тут он наставительно поднял палец:

— Но мы не должны ее недооценивать, дружище! Ты только погляди, как искусно она слепила тела Стэнтона и Линкольна. Нет, что ни говори, она молодец!

— Молодец,— согласился я.

— И кто нам сконструирует оболочку для Нэнни теперь, когда Прис ушла от нас? Не ты — у тебя нет и намека на художественные способности. И не я. И уж, конечно, не та штуковина, которая выползла из-под земли и которую ты зовешь своим братцем.

Я слушал его вполуха, что-то забрезжило у меня в мозгу.

— Послушай, Мори,— медленно проговорил я.— А что ты скажешь насчет механических нянек времен Гражданской войны?

Он смотрел на меня, не понимая.

— У нас уже есть готовая конструкция,— продолжал я.— Давай сделаем две модели нянек: одну — в синей гамме янки, другую — в сером южан. Дозорные, несущие свою вахту.

— Что такое дозорные?

— Ну, вроде часового, только их много.

После долгой паузы Мори произнес:

— Да, солдаты, верные своему долгу, должны понравиться детям. Это не то, что обычная механическая няня — холодная, безликая,— кивнул он.— Отличная мысль, Луис. Давай созовем собрание правления и изложим нашу идею. Вернее, твою идею. Мы должны начать работать прямо сейчас. Согласен?

Он с энтузиазмом бросился к дверям, на ходу приговаривая:

— Я сейчас позвоню Джереми и Честеру и сбегаю вниз за Стэнтоном и Линкольном.

Оба симулякра жили отдельно, в нижнем этаже дома Мори — обычно он сдавал эти помещения, но сейчас решил использовать для собственных нужд.

— Как ты думаешь, они ведь не станут возражать? Особенные надежды я возлагаю на Стэнтона — он такой практичный. А вдруг он решит, что это попахивает богохульством? Ну, во всяком случае, мы подадим им мысль, а дальше посмотрим. Если будут возражения, мы законсервируем нашу идею до поры до времени. А ближе к концу снова достанем ее. В конце концов, что они могут противопоставить — кроме обычных пуританских доводов со стороны Стэнтона типа «плохое предзнаменование»?

«И помимо моих собственных предчувствий»,— подумал я. Странное дело, этот момент творческого озарения сопровождался у меня четким ощущением беды. Как будто то, что я предлагаю, должно неминуемо привести нас к поражению. Непонятно почему? Может, все это слишком примитивно? С другой стороны, мой замысел приближал работу к нашей — вернее, Мори и Прис — первоначальной идее Гражданской войны. Они мечтали воссоздать сражения прошлого века с миллионами участников-симулякров, мы же предлагаем механических слуг из той эпохи. Нянь, которые облегчат домохозяйкам их повседневные заботы. Хотя, пожалуй, тут можно говорить о принижении идеи Гражданской войны.

К тому же, нам явно не хватало масштаба. У нас не было ни достаточных средств, ни видов на приличный грант, одно только желание разбогатеть. Собственно, мы не сильно отличались от Барроуза, только масштаб другой — по свернутой, крошечной шкале. Жадности нам не занимать, но размеры, увы, были не те. В ближайшем будущем, если все сложится благополучно, нам предстоит начать производство нашей халтуры — няньки Нэнни. И, скорее всего, мы даже сможем пристроить товар на рынке благодаря всяким хитроумным контрактам типа «перепродажа

изъятых вещей»... Подобные штучки уже проделывались в прошлом.

— Нет,— решительно остановил я Мори.— Забудь, что я говорил. Все это ужасно.

— Почему?! — запнулся он у дверей.— Это блестящая мысль!

Да потому что...— мне было не подобрать нужных слов. Я ощущал себя уставшим и опустошенным. И одиноким, еще более, чем прежде... Я тосковал. Но по кому? Или по чему? Может, по Прис Фраунциммер? Или по Барроузу? По всей их шайке: и Барроузу, и Бланку, и Колин Нилд, и Бобу Банди, и Прис. Что-то они делают прямо сейчас? Какую безумную, дикую, бесполезную идею разрабатывают? Я страстно желал узнать это. У меня было такое чувство, будто они ушли вперед и оставили всех нас: меня, Мори, моих отца и брата Честера где-то далеко позади.

— Ну, объясни же,— требовал Мори, пританцовывая от нетерпения,— в чем дело?

— Это как-то слащаво, сентиментально...— сказал я.

— Слащаво? Черт побери! — разочарованно выругался Мори.

— Забудь про все это,— повторил я.— Чем, по-твоему, занимается Барроуз в настоящий момент? Моделирует семейство Эдвардсов? Или пытается присвоить нашу идею по поводу празднования Миллениума? Или, может быть, высиживает что-то совсем новое? Мори, мы не имеем представления. Вот где наша ошибка. Нам не хватает представления.

— Я уверен, ты не прав.

— Ты сам знаешь, что прав,— сказал я.— Потому что мы не сумасшедшие. Мы трезвые и разумные. Мы не такие, как Барроуз или твоя дочь. Разве ты не понимаешь, не чувствуешь? Нам именно этого не хватает — безумия всепоглощающего действия. Может, не доведенного до конца, брошенного на полпути ради другого, такого же безумного проекта...

— Пусть даже все обстоит именно так, как ты говоришь,— устало согласился Мори.— Но боже всемогущий, Луис, мы же не можем просто лечь и умереть, оттого что Прис переметнулась на другую сторону! Думаешь, мне не приходили в голову такие мысли? Я ведь знаю ее намного лучше тебя, дружище... И я ведь так же мучаюсь, каждую ночь мучаюсь. Но это дела не меняет, мы должны идти вперед и стараться изо всех сил. Эта твоя идея... пусть не гениальна, но, ей-богу, не плоха. Она сработает, ее можно будет продать. А в противном случае что нам еще остается? Так по крайней мере мы сможем скопить какие-то деньги, чтоб нанять инженера, кого-нибудь вместо Банди, и сконструи-

ровать тело для нашей Нэнни. Ты ведь и сам понимаешь это, дружище?

«Вот именно — скопить деньги»,— подумал я. Небось, Барроуза и Прис такие мысли не волнуют. Смогли же они нанять грузовик из Сиэтла в Бойсе. А мы... Мы слишком мелкие и ничтожные. Жучки.

Без Прис мы ничто.

Я спросил себя, что же я такое сделал? Неужели я влюбился в нее? В эту женщину с холодными глазами, расчетливую, амбициозную сумасшедшую, находящуюся под опекой Федерального бюро психического здоровья и до конца жизни обреченную на визиты к психотерапевту. Этого бывшего психотика, который очертя голову бросается в бредовые проекты, вцепляется в глотку и уничтожает любого, кто посмеет отказать ей в чем-то. Это ли предмет, достойный любви? Разве в такую женщину можно влюбиться? Что же за ужасная судьба уготована мне?

У меня был полный сумбур в чувствах. Мне казалось, что Прис олицетворяет для меня одновременно и жизнь и не-жизнь. Нечто, столь же жестокое, острое, раздирающее на клочки, как и смерть. Но в то же время в ней был воплощен некий дух, который оживлял и давал силу жить. Она олицетворяла движение, жизнь в ее нарастающей, корыстной, бездумной реальности. Само присутствие Прис было мне невыносимо, но, с другой стороны, я не мог жить без нее. В ее отсутствие я как-то съеживался, уменьшался вплоть до полного исчезновения, превращался в мертвого жука, который — ненужный и незаметный — валяется на заднем дворе. Когда Прис находилась рядом со мной, она ранила, топтала, раздражала меня, разбивала мое сердце на кусочки — но все-таки это была жизнь, я продолжал существовать. Получал ли я наслаждение от этих страданий? Нет и нет! Я даже вопроса себе такого не задавал, для меня страдание и Прис были неразделимы. Я понимал, что боль является неотъемлемой составной частью жизни с Прис. Когда она ушла, исчезло все болезненное, ненадежное, подлое. Но вместе с ней ушло и все живое, остались какие-то мелкие никому не нужные схемы, пыльный офис, где вяло ковырялась в пыли пара-тройка мужчин...

Видит бог, я не хотел переживать все это, не хотел страдать из-за Прис или еще кого бы то ни было. Однако так уж получалось, что реальная жизнь проявлялась именно в страдании. Во сне мы часто испытываем страх, но это не та медленная, сущая, телесная боль, не те ежедневные мучения, которое несла нам эта

девушка. Причем ей не надо было для этого стараться, делать что-то особое — боль являлась естественным следствием *существования* Прис.

Избавиться от этого кошмара мы могли только избавившись от самой Прис, мы так и поступили. Мы ее потеряли. Но вместе с ней ушла и реальность со всеми ее странностями и противоречиями. Жизнь стала предсказуема: мы произведем своих Нэнни эпохи Гражданской войны, мы заработаем какое-то количество денег и так далее. Но что дальше? Какое все это имеет значение?

— Послушай,— обратился ко мне Мори,— нам надо двигаться.

Я послушно кивнул.

— Я имею в виду,— заорал Мори мне в самое ухо,— мы не имеем права сдаваться! Сейчас мы, как и намеревались, соберем совет правления, и ты выскажешь им свою идею. И ты будешь драться за нее так, как если бы ты сам в нее верил. Понятно? Ты можешь мне это пообещать?

Он подтолкнул меня в спину.

— Давай, черт тебя побери, или я тебе сейчас так двину в глаз, что ты окажешься в больнице! Очнись, дружище!

— Хорошо,— согласился я.— Но у меня такое чувство, будто ты разговариваешь со мной с другого конца могилы.

— Ты и выглядишь соответственно. Но, как бы то ни было, сейчас тебе надо спуститься и поговорить со Стэнтоном. С Линкольном, полагаю, у нас не будет никаких проблем, скорее всего он сейчас сидит в своей комнате и хихикает над «Винни Пухом».

— Какого черта? Это что, еще одна детская книжка?

— Точно, дружище,— сказал Мори.— Ну давай, пошли вниз.

И я пошел. Меня это даже немного взбодрило. Но по-настоящему ничто не могло вернуть меня к жизни. Ничто, кроме Прис. Мне предстояло свыкнуться с этим. Набраться сил, чтобы жить с этим каждый оставшийся день моей жизни.

Первое известие о Прис, промелькнувшее в сиэтлских газетах, едва не прошло мимо нас, поскольку, на первый взгляд, было никак с ней не связано. Лишь перечитав статью несколько раз, мы осознали, что это значит.

В заметке говорилось о Сэме К. Барроузе, это мы поняли сразу. Писали, что его встречали в ночных клубах с потрясающей молодой художницей. Называлось ее имя — Пристина[1] Вуменкайнд.

[1] Pristine *(англ.)* — первоначальный, нетронутый.

— О, господи! — воскликнул Мори.— Это же наша фамилия. Она перевела на английский «Фраунциммер», но неправильно. Послушай, дружище, я всегда гордился своей фамилией, хвастал перед всеми — тобой, Прис, моей бывшей женой. Но «Фраунциммер» вовсе не означает «женщины» — скорее, это надо переводить как «куртизанки» или попросту «проститутки».

Он снова недоверчиво перечел статью.

— Она поменяла фамилию, но все переврала. Черт, ей следовало называться Пристина Стритуокер [1]. Фарс какой-то, просто абсурд! Знаешь, откуда все пошло? Это все чертова Марджори Монингстар. Ее настоящее имя Моргенштерн, что означает «утренняя звезда». Прис почерпнула у нее идею, и имя тоже изменила с Присциллы на Пристину. Нет, я сойду с ума!

Он вновь и вновь перечитывал заметку, озираясь бешеными глазами.

— Я уверен, что это Прис. Это не может быть никто иной. Прочти описание, а потом скажи свое мнение.

ЗАМЕЧЕН В «У СВАМИ»

Никто иной, как Сэм Большая Шишка Барроуз — в сопровождении особы, которую мы, используя лексикон завсегдатаев ночных клубов, назвали бы «его новой протеже», цыпочки «круче некуда», по имени — если вы в состоянии такое проглотить — Пристина Вуменкайнд, с выражением лица «что я здесь делаю?», словно она нас, простых смертных, в упор не замечает, с черными волосами и формами, которые заставили бы позеленеть от зависти фигуры на носах старинных деревянных кораблей (знаете такие?). Находившийся также в этой компании Дэйв Бланк, адвокат, сообщил нам, что Прис — художница, с другими СКРЫТЫМИ талантами.. И, усмехнулся Дэйв, возможно, что однажды она появится на телевидении в качестве актрисы — никак не меньше!..

— Черт, что за дрянь! — воскликнул Мори, отшвырнув газету.— Как этот чертов репортер может писать подобное? Они с ума посходили. Но ты-то узнаешь Прис? И что за фигня насчет восходящей телезвезды?

— Надо думать, Барроуз владеет каким-нибудь телеканалом или частью его,— предположил я.

---

[1] Street-walker on the beat *(англ.)* — проститутка, вышедшая на промысел.

— У него есть компания по производству собачьей еды — консервированной ворвани. И раз в неделю он спонсирует телешоу — цирк пополам с бизнесом. Он наверняка отстегнул им какие-то деньги, чтобы Прис выпустили на пару минут на экран. Но для чего? Она же не умеет играть! Нет у нее к этому таланта! Так, я думаю, надо обратиться в полицию. Позови сюда Линкольна, мне надо посоветоваться с адвокатом!

Я постарался его успокоить, но Мори пребывал в состоянии бешенства.

— Я знаю, он спит с ней! Эта тварь спит с моей дочерью! Он ее растлевает! — Он принялся названивать в аэропорт Бойсе в надежде захватить ракетный рейс.

— Я полечу туда и арестую его,— бормотал он между звонками.— Нет, к черту полицию! Я возьму с собой пистолет... Девчонке всего восемнадцать! Это уголовное преступление! И у нас достаточно доказательств, чтобы возбудить дело... Я ему всю жизнь сломаю. Он угодит за решетку на двадцать пять лет!

— Послушай,— попробовал увещевать его я,— Барроуз продумывает абсолютно все до последней мелочи. За ним всегда ходит по пятам его чертов адвокат и покрывает все его делишки. Не знаю, как он это делает, но у них везде все схвачено. И ты, только потому, что газетный придурок решил написать какую-то ерунду о твоей дочери...

— Тогда я убью ее,— решил Мори.

— Погоди! Заткнись, ради бога, и выслушай меня. Мы не знаем, действительно она спит с ним или нет. Скорее всего ты прав — она его любовница. Но одно дело знать и совсем другое — доказать. Положим, ты сможешь силой ее вернуть в Онтарио, но он обязательно об этом узнает.

— Как бы я хотел, чтобы Прис оставалась в Канзас-Сити! Лучше бы она никогда не покидала клинику. Ведь она же всего-навсего ребенок, к тому же психотик в прошлом.

Чуть позже Мори немного успокоился.

— А как он может удержать ее около себя? — поинтересовался он.

— Барроуз всегда может найти какую-нибудь шестерку из своих людей, чтоб женить на Прис. И тогда уж никто не будет иметь власти над ней. Ты этого хочешь? Я беседовал с Линкольном, и он наглядно объяснил мне, как трудно бороться с такими людьми, как Барроуз. Они прекрасно знают, как заставить закон работать на себя. Барроуз может делать *все, что угодно*. Он орудует законом, что ершиком для бутылок. Там, где для обыч-

ных людей находятся правила и ограничения, для Барроуза есть одни только удобства.

— Это было бы ужасно,— подумав, ответил Мори. Лицо его стало совсем серым.— Я понимаю, что ты имеешь в виду. Он в состоянии изыскать легальные поводы задержать мою дочь в Сиэтле.

— Да, и ты никогда не сможешь вернуть ее обратно.

— А она будет спать с двумя мужчинами: своим дрянным мужем — каким-нибудь мальчишкой-посыльным с фабрики Барроуза, и с самим Барроузом.— Взгляд у Мори был совсем диким.

— Мори,— попытался урезонить его я.— Надо смотреть на вещи реально. Прис уже спала с мужчинами — например, со своими одноклассниками в школе.

Его так и передернуло.

— Мне неприятно говорить тебе это,— сказал я,— но то, как она как-то раз при мне рассуждала о сексе...

— Все,— отрезал Мори,— пропустим это.

— Послушай, то, что она спит с Барроузом, не смертельно для Прис. Да и для тебя тоже. По крайней мере она не забеременеет — он достаточно искушен в этих вопросах. Будет следить, чтоб она вовремя принимала таблетки.

Мори кивнул.

— Лучше бы я умер,— сказал он.

— Поверь, я чувствую то же самое. Но вспомни, что ты мне сказал не более чем два дня назад. Нам надо идти вперед независимо от того, как бы плохо нам ни было. И вот теперь я повторяю тебе то же самое. Неважно, что значила для нас обоих Прис. Ты согласен со мной?

— Да,— ответил после долгого молчания Мори.

И мы пошли вперед. Мы начали с того места, где остановились. На собрании правления Стэнтон стал возражать против серого мятежного костюма Нэнни. В принципе, он приветствовал разработку темы Гражданской войны, но, по его мнению, солдаты должны быть бравыми вояками северян. Кто же доверит своего ребенка мятежнику, вопрошал он? И мы сдались. После этого Джереми было поручено спешно начать переоборудование розеновской фабрики.

В то же время мы в своем офисе в Онтарио занялись макетами, подготовленными японским инженером-электронщиком, которого мы наняли на полставки.

Еще несколько дней спустя в сиэтлской газете появилась новая статья. Я умудрился заметить ее прежде Мори.

«Мисс Пристина Вуменкайнд — молодая блестящая кинозвездочка, недавно открытая «Барроуз Организейшн», будет присутствовать на вручении «Золотого бейсбольного мяча» — награды победителям Малой Лиги. Сегодня Ирвин Кан, пресс-секретарь мистера Барроуза, заявил об этом представителям Телеграфного агентства. Поскольку один из решающих матчей чемпионата Малой Лиги остается несыгранным, то...»

Все ясно, сказал я себе, значит, и пресса работает на Барроуза. Так же, как Дэвид Бланк и все остальные. Он, наконец, дал Прис то, о чем она так долго мечтала. И, конечно же, пока держит в тайне, что именно он получит взамен в конце их сделки. Впрочем, у Прис могли быть свои соображения относительно этого, о чем она также помалкивала.

Не переживай, она в хороших руках, успокаивал я себя. Пожалуй, во всей Северной Америке нет человека, который мог бы лучше осуществить ее мечты.

Статья называлась *«Большая Лига награждает игроков Малой Лиги Золотым мячом»*. Значит, Прис — «Большая Лига», отметил я. Далее сообщалось, что мистером Барроузом была оплачена спортивная форма клуба Малой Лиги — фаворита в борьбе за «Золотой мяч» (надо ли говорить, что и сам «Золотой мяч» обеспечивался Барроузом?). Теперь на спине каждого спортсмена красовалась надпись *«Барроуз Организейшн»*, ну, а спереди, уж конечно, название команды и города или школы, за которые они играли.

Я не сомневался, что Прис была счастлива. В конце концов, Дженни Мэнсфилд тоже начинала со звания «Мисс Прямая Спина». Ее протолкнула Организация американских хиропрактиков в середине пятидесятых. Именно они вывели ее на публику и разрекламировали в качестве поклонницы здорового питания.

И я задумался, а что ждет Прис в будущем? Стартует она на вручении «Золотого мяча» детишкам, а дальше резко пойдет в гору. Возможно, Барроуз сочтет нужным опубликовать ее фотографию в обнаженном виде на развороте «Лайф». А что? Ничего особого здесь нет — подобные снимки печатаются каждую неделю. Это явно прибавит ей популярности. Все, что ей нужно будет сделать,— так это обнажиться перед квалифицированным фотографом, так же, как она обычно раздевается перед своим благодетелем — Сэмом К. Барроузом.

Затем она сможет по-быстрому окрутить президента Мендосу. Насколько мне известно, он был уже женат сорок один раз.

Правда, ненадолго — порой по неделе или около того. Или же она может пробиться на одну из тех холостяцких вечеринок, что устраиваются в Белом доме или на президентской яхте в открытом море. Или стать спутницей президента на роскошный уикэнд. Особенно перспективны вечеринки: там всегда требуются новые девушки. Подобный дебют открывает им все пути в жизни, особенно в индустрии развлечения. Ибо то, что хорошо для президента Мендосы,— хорошо для всех американских мужчин. Ведь никто не будет оспаривать его безупречный вкус, также как и его права быть первым у девушки...

Эти мысли сводили меня с ума.

Я гадал, сколько потребуется времени на предполагаемый взлет Прис? Недели? Месяцы? Под силу ли Барроузу провернуть все быстро или Прис надо запастись терпением?

Неделей позже, пролистывая обзор телевизионных программ, я обнаружил ее имя среди списка участников еженедельного шоу, спонсируемого «Компанией Барроуза по производству собачьего питания».

Согласно рекламе она должна была участвовать в номере с метанием ножей: на снимке блестящие ножи летели в нее, пока она танцевала «Лунный флинг»[1], одетая в один из этих новых прозрачных купальников. Сцена снималась в Швеции, поскольку в Соединенных Штатах подобные купальники все еще были под запретом.

Я не стал показывать заметку Мори, но он и сам как-то наткнулся на нее. За день до шоу он пригласил меня к себе и показал эту рекламу. В журнале также помещалась фотография Прис — маленькая, только голова и плечи, однако было ясно, что она совершенно раздетая. Мы оба пожирали глазами снимок с яростью и отчаянием. И все же следовало признать — Прис выглядела совершенно счастливой. Да скорее всего, она и была счастлива.

За ее спиной расстилались зеленые холмы и море. Очень здоровый, естественный пейзаж. И было очевидно, что эта смеющаяся стройная черноволосая девушка полна жизни, энергии и радости. Полна будущего.

Глядя на картинку, я понял: будущее принадлежит ей. И пусть она показывается голая в «Лайф», пусть станет любовницей президента на пару дней, пусть полуобнаженная танцует свой безумный танец в то время, как в нее летят сверкающие ножи,— все

[1] Флинг — шотландский быстрый танец. *(Прим. перев.)*

равно она останется живой, прекрасной и восхитительной! И этого у нее не отнимет никто, как бы они ни возмущались или негодовали. Типа нас с Мори. Ну да, а что мы могли предложить ей взамен? Нечто совсем заплесневелое, попахивающее не завтрашним днем — вчерашним. Запах возраста, печали и смерти.

— Дружище,— заявил я Мори.— Думаю, мне надо поехать в Сиэтл.

Он не ответил, углубившись в чтение заметки.

— Честно говоря, мне больше неинтересно возиться с симулякрами,— признался я.— Сожалею, но это так. Я просто хочу поехать в Сиэтл и посмотреть, как там она. Может, после...

— Ты не вернешься,— упавшим голосом произнес Мори.— Никто из вас не вернется.

— А может, она и вернется?

— Хочешь пари?

И я поспорил с ним на десять баксов. Это все, что я мог сделать для своего партнера. Бесполезно было давать обещания, которые я не мог, да и не хотел сдержать.

— Это погубит «Ар энд Ар Ассоциацию»,— сказал он.

— Может, и так, но я должен поехать.

Той ночью я начал укладывать вещи. Заказал билет на «Боинг-900», вылетающий в Сиэтл утром в десять сорок. Теперь ничто не могло остановить меня. Я даже не позаботился позвонить Мори и сообщить ему подробности. К чему попусту тратить время?

Он ничего не мог сделать. А я? Мог ли я что-нибудь сделать? Скоро мне это предстояло узнать.

Мой «Сервис» сорок пятого калибра показался мне слишком громоздким, поэтому я взял пистолет поменьше — тридцать восьмого калибра, завернул его в полотенце вместе с коробкой патронов. Я никогда особо не тренировался в стрельбе, но был уверен, что смогу поразить человека в пределах обычной комнаты — или даже, возможно, на другой стороне просторного зала, как в ночном клубе. И уж на самый крайний случай, я мог его использовать для самого себя. Наверняка я не промахнусь, стреляя себе в голову.

До следующего утра мне было совершенно нечего делать, и я завалился на диван с томиком Марджори Монингстар, который всучил мне Мори. Книга принадлежала ему, возможно, именно этот опус перевернул представления Прис много лет назад. Я читал не для удовольствия, мне хотелось заглянуть поглубже в ее душу.

Поднявшись утром, я умылся, побрился, проглотил легкий завтрак и выехал в аэропорт Бойсе.

Глава 13

Если вам интересно, каков бы был Сан-Франциско без землетрясений и пожаров, то вам следует взглянуть на Сиэтл. Это старинный морской порт, выстроенный на холмах, с узкими улицами, похожими на горные ущелья. Здесь практически нет современных зданий, если не считать Публичной библиотеки. Отойдя подальше от центра, можно увидеть улицы, мощеные булыжником и красным кирпичом, как где-нибудь в Покателло, штат Айдахо. Узкие, наводненные крысами улочки разбегаются во все стороны от центра и тянутся на многие мили. Центр же Сиэтла отведен под роскошную, процветающую торговую зону, группирующуюся вокруг парочки старых отелей и образующую как бы город в городе. Ветры дуют обычно со стороны Канады, и когда мой «Боинг» приземлился в аэропорту Си-Так, я разглядел вдалеке сверкающие горные вершины. Зрелище было пугающим и завораживающим.

Я нанял лимузин, чтоб добраться до центра Сиэтла, хоть это и стоило мне пять долларов. Дама-водитель ползла на черепашьей скорости, переходя из пробки в пробку, пока наконец мы не оказались перед гостиницей «Олимп». Поистине монументальное сооружение, опоясанное вереницей магазинов на первом этаже, больше подходило бы столичному городу. Подстать была и обслуга в гостинице — здесь вы могли получить все, что пожелаете. К вашим услугам было несколько ресторанов — в их затемненных, с ярко-желтыми светильниками залах вы могли отдыхать в полном покое и одиночестве. Это мир ковров и благородного дерева, лифтов и коридоров, прекрасно одетых постояльцев и вышколенной прислуги.

В своей комнате я первым делом включил легкую музыку по радио, выглянул в окно на лежащую далеко внизу улицу, отрегулировал отопление и вентиляцию а затем, скинув ботинки, зашлепал по мягкому ковровому покрытию. Раскрыв чемодан с вещами, я задумался. Всего час назад я был в Бойсе, и вот сейчас — на Западном побережье, почти у канадской границы. Таковы современные пути сообщения — попадаешь из одного крупного города в другой, даже в глаза не увидев глубинки между ними. Что может быть приятнее?

Хорошую гостиницу всегда можно распознать по обслуживающему персоналу. Заходя к вам в комнату, эти люди никогда не

смотрят вам в лицо. Вниз, в сторону, за вашу спину, наконец, куда угодно, но не на вас. В вашей воле ходить в шортах или даже голышом — для прислуги вы невидимы, если это совпадает с вашим желанием. Горничная входит очень тихо, оставляет ваши наглаженные рубашки или завтрак на подносе, свежие газеты. Вы суете ей деньги, она бормочет «благодарю, сэр» и так же неслышно исчезает. Это очень по-японски — не глазеть, не пялиться человеку в лицо. У вас возникает великолепное ощущение своей территории, на которой никто до вас не жил. Никаких следов пребывания предыдущего постояльца — комната только ваша, а горничная, с которой вы сталкиваетесь в коридоре, служит для того, чтоб подчеркнуть это чувство. Служащие отеля абсолютно, даже как-то сверхъестественно уважают ваше право на частную жизнь. Естественно, за все это приходится платить звонкой монетой: такой сервис обойдется вам в пятьдесят долларов против двадцати в обычной гостинице. Но оно того стоит, поверьте мне. Человек на краю психического срыва может восстановить силы всего за несколько дней в соответствующем первоклассном отеле с его комнатами за двадцать пять долларов и магазинами.

Я провел в своем номере всего пару часов и уже недоумевал по поводу своего всегдашнего беспокойства, связанного с путешествием в другой город. Я ощущал себя на каникулах, честно заработанных каникулах. Пока у меня были деньги, я мог жить в своей роскошной комнате, поглощать гостиничную еду, бриться и мыться в собственной ванной и даже делать покупки, не выходя на улицу. Мне стоило определенных усилий напомнить себе, что я прибыл сюда по делу. С трудом заставил я себя выйти на серую, холодную и ветреную улицу и побрести в нужном направлении. Эффект был ошеломляющий, почти болезненный. Ты снова оказался в мире, где никто не придерживает тебе дверь, ты просто стоишь на углу среди таких же, как ты. Ты ничем не лучше толпы, застывшей у светофора, просто один из многих. Снова превращаешься в обычного человека, стоящего один на один против своей боли. То, что ты переживаешь, сродни родовой травме, но по крайней мере остается надежда, что скоро ты справишься со своим делом и вернешься в гостиницу.

Там имеется еще одно преимущество — можно позвонить из своего номера и решить какие-то вопросы, вовсе не выходя наружу. И внутреннее чутье подталкивает тебя поступать именно так: ты звонишь и звонишь, добиваясь, чтоб нужные тебе люди сами пришли к тебе а гостиницу.

Однако я понимал, что на сей раз мои проблемы не решить подобным образом. Я и не пытался, а просто отложил все дела на какое-то время, проведя остаток дня у себя в номере. Когда стемнело, я спустился в бар, оттуда перекочевал в ресторан, прошел в вестибюль и еще раз прошвырнулся по магазинам — я тянул время, откладывая необходимость выйти в холодную, энергичную канадскую ночь.

И все это время в моем кармане лежал пистолет 38-го калибра.

Незаконность действий рождала во мне странные ощущения. Наверное, можно было бы сделать все в рамках установленных правил, изыскав благодаря Линкольну способ вырвать Прис из рук Барроуза. Но я предпочел поступить именно так, в глубине души я наслаждался ситуацией: приехал сюда один, с пистолетом в чемодане, тем самым пистолетом, который теперь болтался у меня в кармане пальто. Меня никто не знал, никто не мог помочь мне в предстоящем противоборстве с Барроузом. Было в этом что-то от настоящей героической истории или от старого вестерна. Я — незнакомец в городе, вооруженный и сознающий свою миссию.

Между тем, осушив стаканчик в баре, я вернулся в комнату, улегся на постель, просмотрел газеты, поглазел в телевизор и заказал по телефону горячий кофе в номер. Я ощущал себя хозяином мира, пребывая на его вершине. Вопрос, как долго это будет длиться?

А затем, было уже за полночь и я собирался идти спать, меня вдруг осенило — почему бы не позвонить Барроузу прямо сейчас? В лучших традициях гестапо: разбудить и нагнать страху. Не говорить, где в точности я нахожусь, ограничиться зловещим: *«Я иду, Сэм»*. Пусть он поймет по моему голосу, что я в городе, в опасной близости от него.

Отлично!

Я выпил еще рюмочку, попутно удивившись: сегодня это уже шестая или седьмая! И стал накручивать телефонный диск.

— Соедините меня с Сэмом Барроузом,— обратился я к оператору,— К сожалению, я не знаю его номера.

Гостиничный оператор должен был все знать сам.

Через минуту в трубке послышались гудки, я ждал.

Про себя я повторял заготовленные слова.

— Верни Прис «Ар энд Ар Ассоциации»! — вот что я собирался сказать ему.— Я ненавижу ее, но она наша. Она составляет нашу жизнь.

Телефон все звонил и звонил, очевидно, никого не было дома, либо никто не хотел отвечать. Наконец я повесил трубку.

Я чувствовал себя совершенно по-идиотски, бесцельно бродя по комнате. Как ему объяснить? Как это возможно, чтобы Прис являлась сутью нашей жизни? Неужели сами по себе мы совсем беспомощны? Что ж мы калеки, что ли? Или такова суть жизни вообще? Не наша вина, что дела обстоят таким образом. Ведь не мы же придумали эту жизнь! Или, может, именно мы?

Ну и так далее. Я провел, должно быть, пару часов в этих бесцельных метаниях по комнате, охваченный неясной тоской. Ужасное состояние! Это было похоже на какой-то вирус гриппа, который напал исподтишка, атаковал мой мозг и в одночасье привел его на грань смерти. Или мне только так казалось в ту ужасную ночь? Я потерял всякое ощущение реальности, забыл, что нахожусь в отеле с его первоклассным обслуживанием, магазинами, барами и ресторанами. В какой-то момент я почти был готов сдаться — стоя у окна и глядя на далекие освещенные улицы. Я едва понимал, где я, что за город вокруг меня — это был своего рода коллапс, почти смерть.

Около часу ночи — я все еще мерил комнату шагами — зазвонил телефон.

— Алло,— отозвался я.

Это был не Барроуз. Звонил Мори из Онтарио.

— Как ты узнал, что я в Олимпе? — спросил я, совершенно сбитый с толку. Мне подумалось, что он выследил меня каким-то оккультным способом.

— Ты, похоже, совсем идиот! Я же в курсе, что ты в Сиэтле. И сколько там приличных гостиниц? Я тебя знаю — всегда претендуешь на самое лучшее! Готов поспорить, что ты сейчас в номере люкс с какой-нибудь дамочкой, от которой совершенно балдеешь.

— Послушай, я приехал сюда, чтобы убить Барроуза.

Да? И чем же ты его убьешь? Своей дурьей башкой? Разбежишься и боднешь его в живот так, что пополам разорвешь?

Я рассказал ему о своем кольте.

— Послушай, дружище,— спокойным голосом спросил Мори,— ты, наверное, не понимаешь, что всех нас погубишь?

Я молчал.

— Этот разговор стоит нам кучу денег,— вздохнул Мори,— так что я не собираюсь целый час тебя увещевать, как какой-нибудь пастор. Иди сейчас спать, а завтра позвони мне, хорошо? Пообещай мне, или я сейчас свяжусь с полицейским участком, и тебя арестуют прямо в твоем номере, помоги нам Всевышний!

— Нет.

— Ты должен пообещать мне!

— Ну хорошо, Мори, я обещаю ничего не делать до утра.

Сам не понимаю, зачем я это сказал. Я ведь уже пытался успокоиться и потерпел неудачу. И вот теперь ходил, меряя комнату шагами.

— Хорошо. Послушай меня, Луис. Прис не вернешь таким образом, я ведь уже думал об этом. Если ты сейчас пойдешь и пристрелишь парня, то только сломаешь ей жизнь. Подумай хорошенько, и ты сам все поймешь. Думаешь, я бы не поступил так, если б верил, что это поможет?

— Не знаю.— Голова у меня раскалывалась, все тело болело,— я хочу поскорее лечь.

— Хорошо, дружище, отдыхай. Послушай только, оглянись вокруг себя, нет ли там стола с ящиками или чего-нибудь в этом роде. Есть? Отлично, Луис, загляни в верхний ящик. Ну давай-давай, прямо сейчас, пока я жду! Загляни в него.

— Зачем?

— Там наверняка лежит Библия. Их обычно кладут в такие места.

Я швырнул трубку. Чертов ублюдок, повторял я про себя, он еще смеет давать мне такие советы!

Лучше б я вообще никогда не приезжал в Сиэтл, подумалось мне. Я чувствовал себя непонятливой машиной. Наверное, то же ощущал симулякр Стэнтона, приехав в Сиэтл. Пытаешься втиснуть себя в эту незнакомую вселенную, отыскать уголок, где можно было бы действовать привычным образом — например, открыть адвокатскую контору в его случае или... И я задумался, а что же в моем случае? Однако, неприятное это дело — моделировать свое жизненное пространство. Я уже привык к Прис и ее повседневной жестокости. Более того, я почувствовал, что против ожидания, я начал привыкать и к Сэму К. Барроузу, к его адвокату, его системе взглядов.

Мои инстинкты велели мне предпочесть знакомое зло чему-то незнакомому. Я мог функционировать только одним, известным мне способом. Подобно слепой, безмозглой твари я шлепал вперед, туда, где мне положено отложить икру, потому что так велит инстинкт.

Я знаю, что хочу! Это было, как озарение! Я вовсе не хочу стрелять в него, напротив — я хочу присоединиться к «Барроуз Организейшн»! Чтобы, подобно Прис, стать ее частью. *Я собираюсь переметнуться на другую сторону.*

Там должно найтись место и для меня, твердил я себе. Может, не в «Лунном проекте», не страшно: я ведь не рвусь на телеви-

дение, не жажду увидеть свое имя на страницах газет. С меня будет довольно просто ощущать себя полезным. Пусть кто-то важный, большой использует мои способности.

Я схватил трубку и заказал разговор с Онтарио, штат Орегон. Тамошнему оператору я дал домашний номер моего компаньона.

Трубку снял Мори, совсем сонный.

— Что ты делаешь, спишь? — задал я идиотский вопрос.— Послушай, Мори, мне надо сказать тебе очень важную вещь. Ты должен это знать: я собираюсь перейти на ту сторону. Я ухожу к Барроузу, и черт с тобой, моим отцом, и Честером, и Стэнтоном, который, кстати, стал настоящим диктатором и делает нашу жизнь невыносимой. Единственное, о ком я жалею,— это Линкольн. Но если он такой мудрый и понимающий, то поймет и простит меня. Как Иисус.

— О чем ты, Луис? — по-моему, он меня совсем не понимал.

— Я предатель.

— Нет, ты ошибаешься.

— Как я могу ошибаться? Что значит, ошибаюсь?

— Если ты уходишь к Барроузу, то наша «Ар энд Ар Ассоциация» перестает существовать, следовательно предавать нечего. Мы просто сворачиваемся, дружище.— Он говорил совершенно спокойно.— Разве не так?

— Мне наплевать. Я просто знаю, что Прис права: встреча с таким человеком, как Барроуз, не проходит без последствий. Он — как звезда или комета: ты либо оказываешься захваченным его хвостом и движешься в кильватере, либо вообще прекращаешь трепыхаться, так как сознаешь бесцельность своего существования. Мне кажется, он обладает какой-то магией. Знаешь, я постоянно ощущаю эмоциональный голод внутри себя — глупый, неразумный, но такой настоящий. Что-то, похожее на инстинкт. Поверь, ты и сам вскоре это испытаешь! Без Барроуза мы не более, чем улитки. В конце концов, а в чем цель нашей жизни? Тащиться куда-то в пыли? А ведь мы не живем вечно! Если ты поднимешься к звездам, ты умрешь. Знаешь, зачем я взял свой кольт? Я скажу тебе: если мне не удастся войти в «Барроуз Организейшн» — я вышибу себе мозги. Черт побери, я не собираюсь оставаться позади! Инстинкт внутри меня велит мне жить! И он очень силен!

Мори не отвечал, но я чувствовал его присутствие на том конце провода.

— Мне жаль, что я тебя разбудил, но мне надо было сказать тебе это.

— Луис,— ответил наконец Мори,— ты болен психически. И знаешь, что я собираюсь сделать, дружище? Я сейчас звоню доктору Хорстовски.

— Зачем?

— Чтобы он перезвонил тебе в отель.

— Как хочешь. Я вырубаю телефон.

Я повалился без сил на постель. Я был уверен — он сдержит свое обещание. И, действительно, через двадцать минут, где-то около половины второго, телефон снова зазвонил.

— Алло,— отозвался я.

Далекий голос произнес:

— Это Милтон Хорстовски.

— Луис Розен слушает.

— Мне звонил мистер Рок,— долгая пауза.— Как вы себя чувствуете, мистер Розен? Мистер Рок говорил, что вы чем-то очень расстроены.

— Послушайте, вы всего-навсего государственный служащий, и это вас не касается,— ответил я.— У меня с моим компаньоном Мори Роком произошла ссора, только и всего. Сейчас я приехал в Сиэтл, чтобы присоединиться к более солидной и процветающей организации. Помните, я упоминал Сэма Барроуза?

— Я знаю, кто это.

— Вот и прекрасно. Это что, ненормально?

— Да нет,— ответил Хорстовски,— если так смотреть на вещи.

— А про пистолет я сказал Мори просто, чтоб позлить его. Послушайте, доктор, уже поздно, и я немного устал. Поверьте, иногда при разрыве партнерских отношений возникают психологические трудности.— Я подождал, но Хорстовски никак не реагировал.— Думаю, я сейчас пойду спать, а когда вернусь в Бойсе, возможно, загляну к вам. Все это очень тяжело для меня. Вы ведь слышали, что Прис тоже ушла от нас в «Барроуз Организейшн»?

— Да, я поддерживаю связь с ней.

— Она потрясающая девушка,— сказал я.— И, знаете ли, доктор, я начинаю подумывать, что влюблен в нее. Такое возможно? Я имею в виду — для человека моего психологического склада?

— Думаю, это вполне допустимо.

— Так вот, я уверен: именно так и произошло. Я не могу без Прис — вот почему я в Сиэтле. И еще: насчет культа это все ерунда. Можете передать Мори, если мои слова его успокоят. Я просто хотел, чтоб он поверил в серьезность моих намерений. Вы поняли меня?

— Да, вполне,— ответил доктор Хорстовски.

Мы побеседовали еще, но так ни к чему и не пришли. Наконец я повесил трубку и задумался. Не исключено, что скоро здесь и впрямь объявятся копы или парни из ФБПЗ. Лучше не испытывать судьбу.

Так что я начал как можно скорее складывать вещи. Побросав одежду в чемодан, я спустился вниз на лифте и у стойки портье потребовал счет.

— Вам не понравилось у нас, мистер Розен? — спросил тот, пока девушка-помощница заполняла счет.

— Нет, все в порядке,— успокоил я его.— Просто мне, наконец-то, удалось связаться с человеком, ради которого я сюда приехал. И он предложил мне переночевать у него.

Я оплатил счет — вполне умеренный — и подозвал такси. Швейцар помог донести чемодан и погрузил его в багажник, это стоило мне еще пару долларов. Минутой позже мы уже катили в плотном потоке машин.

Проезжая мимо вполне приличного современного мотеля, я заприметил место и через несколько кварталов попросил водителя остановиться. Расплатившись, я вернулся к гостинице. Объяснил владельцу, что моя машина сломалась — якобы я проездом в Сиэтле, по делу — и зарегистрировался под именем Джеймса У. Байрда, это было первое, что пришло мне на ум. После чего уплатил вперед восемнадцать с половиной долларов и, получив ключ на руки, отправился в комнату номер 6.

Помещение оказалось довольно приятное — чистое и светлое — как раз то, что мне надо. Так что я сразу же улегся и позволил себе заснуть. Теперь они меня не достанут, сказал я себе, проваливаясь в сон. Я в безопасности. А завтра я разыщу Барроуза и сообщу ему потрясающую новость — что я перехожу на его сторону.

А затем, помнится, подумал: «Теперь я снова буду с Прис». Мне предстояло стать свидетелем расцвета ее славы. Я буду рядом и все увижу своими глазами. Может быть, мы поженимся. Я обязательно расскажу ей о моих чувствах, о том, как люблю ее. Она, должно быть, невероятно похорошела, подумал я. Недаром Барроуз прибрал ее к рукам. Но если он вздумает состязаться со мной, я сотру его в порошок. Распылю неведомым науке методом. Я не позволю ему стоять у меня на пути. Шутки в сторону.

Раздумывая так, я заснул.

В восемь утра меня разбудило яркое солнце, заливавшее комнату и мою постель — с вечера я забыл задернуть занавески. Я

выглянул в окно: припаркованные машины ярко блестели на солнышке — день обещал быть приятным.

Я пытался вспомнить свои мысли прошлой ночью. Постепенно память вернулась ко мне: дикие безумные планы убить Барроуза и жениться на Прис при свете дня казались полным бредом. Мне было стыдно. Очевидно, подумал я, в момент засыпания человек вновь возвращается в далекое детство с его необузданной фантазией и отсутствием контроля.

Пережитый ночью амок[1] не изменил мои планы: я пришел вернуть Прис, и если Барроуз станет на моем пути — тем хуже для него.

Сейчас, при свете дня, я попытался призвать на помощь здравый смысл: прошлепал в ванную и долго стоял под прохладным душем. Увы, эти благоразумные меры не рассеяли морок. Я просто решил переработать свои планы так, чтоб они стали более убедительными, рациональными и практичными.

Прежде всего необходимо было выбрать правильную линию поведения в беседе с Барроузом. Я ни в коем случае не должен обнажать свои скрытые мотивы и истинные чувства. Следовало запрятать поглубже все, что касалось Прис. А вместо этого говорить о своем желании получить место в «Барроуз Организейшн». Я мог бы участвовать в создании симулякров — знания и опыт, полученные за годы работы с Мори и отцом, тут очень пригодились бы. Но ни слова, слышишь, ни намека на Прис! Ибо если только Барроуз заподозрит что-то...

Мой враг ловок и хитер, думал я про себя, но он не умеет заглядывать в мысли. А я не выдам себя, не позволю прочесть их на моем лице — для этого опыта и профессионализма у меня хватит.

Я практиковался во время одевания, пока завязывал галстук перед зеркалом. Мое лицо оставалось абсолютно непроницаемым, никто не догадался бы, что сердце внутри разрывалось на части. Мое бедное сердце, источенное, изъеденное червем желания, имя которому — любовь к Прис Фраунциммер, Вуменкайнд или как бы она себя ни называла...

Вот что такое зрелость, думал я, сидя на кровати и начищая ботинки. Умение скрывать свои истинные чувства, умение воз-

---

[1] Амок — психическое заболевание, выражающееся в приступообразном расстройстве сознания; после кратковременного нарушения настроения больной пускается бежать, уничтожая все встречающееся на пути. *(Прим. перев.)*

двигнуть маску и одурачить даже такого умника, как Сэм Барроуз. Если тебе это под силу, значит, ты достиг зрелости.

А иначе тебе конец. Вот и вся премудрость.

Я еще раз посмотрел на телефон. Пока еще рано... Вышел и позавтракал — яичница с ветчиной, тосты, кофе и сок. Затем, в половине десятого, вернулся в мотель и раскрыл телефонный справочник Сиэтла. Довольно долго изучал немалый список предприятий, принадлежащих Барроузу. Наконец остановился на одном, где вероятнее всего он находился в этот час. Набрал номер и услышал четкий женский голос:

— «Северо-Западная электроника». Доброе утро.

— Будьте добры, мистер Барроуз у себя?

— Да, сэр, но он на другой линии.

— Я подожду.

— Соединяю вас с его секретарем,— отрапортовала девушка и последовала долгая пауза.

Затем послышался другой голос, тоже женский, но постарше и пониже:

— Офис мистера Барроуза. Будьте добры, представьтесь.

Я сказал:

— Мне хотелось бы назначить встречу с мистером Барроузом. Это Луис Розен, я сегодня ночью прилетел в Сиэтл. Мистер Барроуз меня знает.

— Минуточку.

Молчание, затем секретарша сообщила мне:

— Мистер Барроуз может побеседовать с вами прямо сейчас. Говорите, пожалуйста.

— Алло,— произнес я.

— Алло,— прозвучал бодрый голос Барроуза.— Как поживаете, Розен? Чем могу быть полезен?

— Как там Прис? — После ночной бури чувств и переживаний мне было странно говорить с ним по телефону.

— Прекрасно. А как ваши отец и брат?

— Тоже отлично.

— Должно быть, забавно иметь брата с таким перевернутым лицом. Я хотел бы познакомиться с ним. Почему бы вам не зайти ко мне, раз уж вы оказались в Сиэтле? Вас устроит около часу сегодня?

— Устроит.

— Отлично. Тогда до встречи.

— Минутку, Барроуз,— остановил я его.— Скажите, вы собираетесь жениться на Прис?

Молчание.

— Я приехал пристрелить тебя,— выкрикнул я.

— О, ради бога!

— Сэм, у меня на руках японская, сплошь на микросхемах, энцефалотропическая блуждающая противопехотная мина,— именно так я представил свой «кольт» 38-го калибра.— И я намереваюсь активизировать ее в Сиэтле. Ты понимаешь, что это означает?

— Э, нет, не вполне. Энцефалотропическая... это что-то, нацеленное на мозг человека?

— Да, Сэм. *Твой* мозг. Мы с Мори записали образец твоих мозговых колебаний, когда ты приезжал в наш офис в Онтарио. Твое появление там было большой ошибкой. Так вот, мина сама отыскивает тебя и затем взрывается. Причем, если я осуществлю запуск, то ничто не сможет остановить ее. Она обязательно тебя накроет, Сэм.

— Ради бога, Розен!

Прис любит меня! — кричал я.— Она сама мне об этом говорила как-то раз, когда подвозила вечером домой. Ты хоть знаешь, сколько ей лет? Сказать?

— Восемнадцать.

Я швырнул телефонную трубку.

Я собираюсь его убить, повторял я про себя. Именно так. Он увел у меня девушку.

Бог знает, что он там делает с ней... или ей.

Набрав еще раз номер, я снова услышал тот же ясный голос девушки-оператора:

— «Северо-Западная электроника», доброе утро.

— Я только что разговаривал с мистером Барроузом.

— О, связь прервалась, сэр? Я сейчас снова соединю вас. Одну минутку.

— Передайте мистеру Барроузу, что я приду познакомить его с моей продвинутой технологией. Запомнили? Именно так и передайте. До свидания.— И я снова дал отбой.

Он обязательно получит мое сообщение! А может, надо было потребовать, чтоб он привез Прис сюда? Согласится ли он? Черт тебя побери, Барроуз!

Я убеждал себя, что он уступит мне во всем. Он откажется от Прис, чтоб спасти свою шкуру. Все хорошо, я могу вернуть ее в любое время. Она ему не нужна, повторял я. Что она значит

для Барроуза? Просто еще одна девица. Это я влюблен в Прис! Для меня она единственная и неповторимая.

Я снова стал накручивать телефонный диск.

— «Северо-Западная электроника», доброе утро.

— Соедините меня, пожалуйста, еще раз с мистером Барроузом.

Гудки.

— Мисс Уоллес, секретарь мистера Барроуза. Кто говорит?

— Это Луис Розен. Я хочу еще раз поговорить с Сэмом.

— Минутку, мистер Розен,— произнесла она после легкой заминки.

Я ждал.

— Алло, Луис,— раздался голос Сэма Барроуза.— Ну, сознайтесь, вы нарочно гоните волну, да? (Он хихикнул.) Я звонил в армейский арсенал на побережье, и там действительно есть такая штука — энцефалотропическая мина. Но вы-то откуда могли ее достать? Бьюсь об заклад, вы блефуете.

— Верните мне Прис, если хотите избавиться от этой угрозы.

— Да ладно, Розен!

— Я вас не разыгрываю.— Мой голос предательски дрогнул.— Вы напрасно думаете, что это игра. На самом деле, я дошел до ручки. Я люблю ее, и мне плевать на все остальное.

— О, господи!

— Или вы сделаете, как я велю, или я приду и уделаю вас.— Мой голос сорвался на визг.— У меня есть все виды армейского оружия еще с тех пор, как я ездил за границу. Я не шучу!

Пока я так кричал, спокойный голос в глубине моего сознания гнул свою линию: «Этот ублюдок бросит ее. Я знаю, какой он трус».

— Успокойтесь,— сказал Барроуз.

— Ну ладно же! Я иду и беру все свои технические примочки...

— А теперь послушайте меня, Розен. Я уверен: на это безумство вас подбил Мори Рок. Я консультировался с Дэйвом, и он меня уверяет, что обвинение в совращении несовершеннолетней, не имеет значения, если...

— Я убью тебя, если ты прикоснешься к ней! — заорал я в трубку.

А все тот же спокойный сардонический голос в моем сознании продолжал нашептывать: «Так и надо с ублюдком!». Мой советчик радостно смеялся, похоже, он здорово развлекался.

— Ты слышишь меня? — кричал я.

— Ты псих, Розен,— вдруг сказал Барроуз.— Я лучше позвоню Мори, он, по крайней мере, в своем уме. Так вот, слушай: я связываюсь с Мори и сообщаю ему, что Прис летит обратно в Бойсе.

— Когда?!

— Сегодня. Но только не с тобой. А тебе, я думаю, следует обратиться в Государственную психиатрическую службу. Ты очень болен.

— Хорошо,— сказал я, почти успокоившись — Но я останусь здесь, пока Мори не сообщит мне по телефону, что она в Бойсе.

И я повесил трубку.

«Фу!»

Нетвердой походкой я проковылял в ванную и умылся холодной водой.

Итак, неразумное, неконтролируемое поведение оправдывает себя! Интересный урок в моем возрасте. Ладно, так или иначе, я вернул Прис!

Я заставил Барроуза поверить в мое воображаемое сумасшествие. А может, и не воображаемое? Судя по моим поступкам, я и впрямь лишился рассудка. Вот что делает со мной отсутствие Прис — сводит с ума.

Немного успокоившись, я позвонил Мори на фабрику в Бойсе.

— Прис возвращается, а я остаюсь здесь. Позвонишь мне, когда она приедет. Я напугал Барроуза, я сильнее его.

Мори ответил:

— Поверю в это, когда увижу ее.

— Послушай, этот человек до смерти испугался меня, просто окаменел от ужаса. Он не знал, как избавиться от Прис. Ты не представляешь, в какого жуткого маньяка превратила меня стрессовая ситуация,— и я дал ему свой телефон в мотеле.

— Доктор Хорстовски звонил тебе прошлой ночью?

— Да,— ответил я.— Но, должен тебя огорчить, ты напрасно тратил на него деньги — он совершенно некомпетентен. Общение с ним не вызвало у меня ничего, кроме презрения. Я собираюсь сообщить ему это, когда вернусь.

— Меня восхищает твое самообладание,— сказал Мори.

— Ты вправе восхищаться. Мое самообладание, как ты изволил выразиться, вернуло Прис домой. Я люблю ее.

После долгого молчания Мори сказал:

— Слушай, она же ребенок.

— Я собираюсь жениться на ней. Я не какой-нибудь там Сэм Барроуз.

— Да мне плевать, кто ты или что ты! — теперь Мори уже кричал.— Ты не можешь жениться на ней, она ребенок! Ей надо вернуться в школу. Убирайся прочь от моей дочери!

— Мы любим друг друга, и ты не сможешь помешать нам. Позвони мне, когда она приземлится в Бойсе. Иначе я убью Сэма Барроуза, а может быть, и ее, и себя... если будет нужно.

— Луис,— Мори заговорил тихим спокойным голосом,— ты нуждаешься в помощи Федерального бюро психического здоровья. Ей-богу, это так. Я не позволю Прис выйти за тебя ни за какие сокровища в мире. Я бы многое дал, чтобы ты не ездил в Сиэтл и не вмешивался. Пусть бы она оставалась с Барроузом. Да, уж лучше с ним, чем с тобой. Что ты в состоянии дать моей девочке? И посмотри, как много она может получить от Барроуза.

— Он превратит ее в проститутку, вот и все, что он ей даст.

— Неважно! — заорал Мори.— Это все разговоры, слова и ничего больше. Возвращайся в Бойсе. Мы аннулируем наше партнерство, тебе надо выйти из «Ар энд Ар Ассоциации». Я сейчас звоню Барроузу и говорю, что не желаю вести с тобой никаких дел. Я хочу, чтобы Прис осталась с ним.

— Будь ты проклят!

— На черта мне такой зять? Ты думаешь, я дал ей жизнь — образно говоря — для того, чтоб она вышла за тебя замуж? Смех да и только! Ты ноль без палочки! Пошел вон оттуда!

— Очень плохо,— сказал я.

Я чувствовал, что внутри меня все помертвело. Но все же повторил:

— Я хочу жениться на ней.

— А ты *говорил* Прис об этом?

— Нет еще.

— Да она плюнет тебе в лицо!

— Ну и что?

— Как что? Да кто тебя захочет? Кому ты нужен? Только своему недоделанному братцу и престарелому папаше. Я поговорю с Авраамом Линкольном и выясню, как положить конец нашему партнерству.— Раздался щелчок, он повесил трубку.

Я не мог поверить. Сидел на разобранной постели и глядел в пол. Все ясно, Мори, также как и Прис, был нацелен на большой успех и большие деньги. Яблочко от яблоньки... Дурная кровь, сказал я себе, переданная по наследству. Ничего удивительного, иначе откуда бы она должна получила все это?

«И что же мне теперь делать?» — спросил я себя.

Вышибить себе мозги и тем самым осчастливить всех. По словам Мори, они прекрасно проживут и без меня.

Но такой вариант мне не нравился. Мой внутренний голос — холодный и спокойный — был против такого решения, он подсказывал: «*Вздуй их всех! Проучи их...*» Именно! Прис и Мори, Сэм Барроуз, Стэнтон с Линкольном — покажи им всем!

Интересные вещи выясняются про моего партнера! Вот как, оказывается, он относится ко мне, вот какие чувства прячет в глубине души... Господи, что за ужасная штука — правда!

Ну, по крайней мере я рад, что все выяснилось, подумал я про себя. Неудивительно, что Мори бросился с головой в производство нянек-симулякров. На самом деле он *рад,* что его дочь ушла к Сэму К. Барроузу и стала его любовницей. Он гордился этим. Видно, тоже начитался Марджори Монингстар.

Теперь я не поддамся на обман, не куплюсь на красивую внешнюю личину. Я постиг суть людей, знаю, что они ценят в жизни выше всего. Им нужно, чтоб ты сдох прямо здесь или, по крайней мере, пообещал это.

Но пусть на это не рассчитывают — я не собираюсь сдаваться! Я люблю Прис и приложу все силы, чтобы отнять ее у Мори, Сэма Барроуза и всего остального мира. Прис моя и должна принадлежать мне. И плевать, что они все про это думают. Мне нет дела до того дьявольского приза, о котором они мечтают. Мне достаточно слышать мой внутренний голос. А он говорит: «Уведи у них Прис Фраунциммер и женись на ней». Это предопределение свыше. Ей суждено быть миссис Луис Розен из Онтарио, штат Орегон.

Таков мой обет.

Я снова снял трубку и набрал знакомый номер.

— «Северо-Западная электроника», доброе утро.

— Соедините меня снова с мистером Барроузом. Это Луис Розен.

Пауза. Новый голос:

— Мисс Уоллес.

— Мне надо поговорить с Сэмом Барроузом.

— Мистера Барроуза нет. А кто говорит?

— Говорит Луис Розен. Скажите мистеру Барроузу, чтоб он взял мисс Фраунциммер...

— Кого?

— Ну, мисс Вуменкайнд. Скажите мистеру Барроузу, чтоб он прислал ее на такси в мой мотель,— и я продиктовал ей адрес, который был на жетончике ключа от комнаты.— Пусть не сажает

ее на самолет в Бойсе. Передайте ему, если он не сделает, как я говорю, я приду и достану его.

Молчание. Затем мисс Уоллес сказала:

— Но я не могу ему ничего передать. Его действительно сейчас нет. Он поехал домой.

— Тогда я перезвоню ему туда, дайте мне номер.

Срывающимся голосом мисс Уоллес продиктовала мне знакомый уже телефон — я звонил по нему прошлой ночью. Набрав его, я услышал голос Прис:

— Алло.

— Это Луис. Луис Розен.

— О, боже,— удивленно произнесла Прис.— Где ты? Слышно так, как будто ты совсем рядом.

Мне показалось, она нервничала.

— Я здесь, в Сиэтле, я прилетел прошлой ночью. Я хочу спасти тебя от Сэма Барроуза.

Господи!

— Слушай, Прис. Оставайся там, где ты сейчас, я подъеду. Хорошо? Ты поняла меня?

— Нет, Луис...— Ее голос стал жестче.— Погоди минуту. Я разговаривала сегодня утром с Хорстовски. Он предостерегал меня относительно тебя. Он сказал, что у тебя приступ кататонической ярости.

— Пусть Сэм посадит тебя на такси и отправит сюда, ко мне,— потребовал я.

— Думаю, тебе лучше позвонить Сэму.

— Я убью его, если ты не поедешь со мной.

— Не думаю, что ты сможешь.— Теперь она говорила совершенно спокойно. Я понял, что Прис обрела свою обычную непрошибаемую уверенность.— В лучшем случае, попытаешься. Чего еще ждать от мелкого подонка!

Я был сражен.

— Послушай, Прис...— начал я.

— Ты растяпа, мелкая душонка. Если попытаешься вмешаться, тебя скрутят в два счета. Я прекрасно понимаю, для чего тебе все это. Вы, старые придурки, козлы, не можете справиться со своими симулякрами без меня, разве не так? Вот почему вы хотите, чтоб я вернулась! Так вот — идите к черту! И если ты только приблизишься ко мне, я начну кричать, что меня насилуют, убивают, и остаток своей жизни ты проведешь за решеткой. Так что, подумай хорошенько!

Она замолкла, но трубку не клала. Я просто чувствовал, как она с наслаждением ждет моего ответа — если я найду, что ответить.

— Я люблю тебя,— все, что я мог сказать.

— Пошел ты, Луис!.. О, там Сэм пришел, давай заканчивать! И не зови меня Прис, мое имя Пристина. Пристина Вуменкайнд. Возвращайся в Бойсе и возись со своими недоделанными второсортными симулякрами. А меня оставь в покое, понял? — Она еще подождала, но я снова не нашелся с ответом.

— Прощай, ты, никчемное, уродливое ничтожество! — сухо сказала Прис.— И, пожалуйста, в будущем не доставай меня своими телефонными звонками. Прибереги их для какой-нибудь потаскушки, которая согласится, чтоб ты лапал ее. Если такая дура найдется для тебя, недоноска!

На сей раз в трубке раздался щелчок — Прис дала отбой. Я был совершенно раздавлен.

Меня колотило и трясло от этого разговора, который так внезапно закончился. А еще больше — от нее самой, от ее голоса — такого спокойного, язвительного, обвиняющего... и такого знакомого.

Прис, повторял я, ведь я же люблю тебя. За что мне это? В чем я провинился? Какой извращенный инстинкт гонит меня к тебе?

Я опустился на кровать и закрыл глаза.

Глава 14

Мне ничего не оставалось, кроме как, поджав хвост, вернуться в Бойсе.

Я потерпел поражение — и не от могущественного, искушенного Сэма К. Барроуза, не от моего партнера Мори. Меня победила восемнадцатилетняя девчонка, Прис. Не было никакого смысла торчать в Сиэтле.

Что ждало меня впереди? Я мог, наверное, вернуться в «Ар энд Ар Ассоциацию», помириться с Мори и снова оказаться там, откуда попытался бежать. То есть трудиться над нянькой-солдатом Гражданской войны. Работать на грубого, сурового, раздражительного Стэнтона. Терпеть бесконечные литературные чтения Линкольна из «Питера Пэна» и «Винни Пуха». Снова вдыхать вонючий дым «Корины Ларк» и более приятный, но не менее надоевший аромат «Эй энд Си» моего отца. Мир, от которого я уехал,— с «Фабрикой электроорганов и спинетов», с нашим офисом в Онтарио...

А ведь оставалась еще угроза, что Мори сдержит свое слово насчет разрыва партнерства и воспротивится моему возвращению. Тогда даже эта привычная рутина окажется мне недоступна. И нечего будет ждать от будущего.

И я подумал: «А может, сейчас настал как раз тот самый момент?» Время достать «кольт» и снести себе макушку. Все лучше, чем возвращаться в Бойсе.

Жизненные процессы в моем теле то ускорялись, то замедлялись. Я чувствовал себя раздавленным страшной центробежной силой и в то же время судорожно пытался на ощупь разобраться в том, что творилось вокруг. Я принадлежал Прис. Но, владея мной безраздельно, она в то же время отбрасывала меня, с проклятиями изрыгала в приступе отторжения. Это было, как если бы магнит одновременно притягивал и отталкивал беспомощные частицы. Я находился во власти смертоносных колебаний.

А Прис продолжала свою убийственную игру, даже не замечая, что происходит.

Мне, наконец-то, открылся смысл моего существования. Я был обречен любить больше жизни жестокую, холодную и бесплодную тварь — Прис Фраунциммер. Лучше уж ненавидеть весь мир!

Осознав почти полную безысходность моего положения, я решил испробовать еще одно, последнее средство. Прежде, чем сдаться окончательно, мне следует посоветоваться с симулякром Линкольна. Он помогал нам прежде, не исключено, что поможет и сейчас.

— Это снова Луис,— произнес я, когда Мори снял трубку.— Мне надо, чтобы ты прямо сейчас отвез Линкольна в аэропорт и посадил на ракетный рейс в Сиэтл. Хочу позаимствовать его на двадцать четыре часа.

Мори, естественно, бросился возражать, но после получасового яростного спора сдался. В конце концов мне было обещано, что Линкольн прилетит в Сиэтл на «Боинге» еще до наступления темноты.

Я чувствовал себя совершенно измотанным и прилег отдохнуть. Встречать Линкольна я не собирался, рассудив, что если он не сумеет отыскать мой мотель, то грош цена ему как советчику. Буду лежать здесь и отдыхать...

Пикантность ситуации заключалась в том, что именно Прис сконструировала мою последнюю соломинку.

Что ж, подумал я, попробуем хотя бы частично вернуть наши капиталовложения. Мы ведь потратили кучу денег на создание симулякра Линкольна, вернуть хоть что-то при помощи Барроуза не удалось. И в результате все, что делает наше изобретение — это сидит целый день напролет и хихикает над детскими книжками.

Я постарался восстановить историю взаимоотношений Эйба Линкольна с девушками.

Вроде бы, какая-то чересчур разборчивая красотка разбила сердце президента в юности. Но сколько я ни напрягался, не мог припомнить, как же он выпутался тогда. Точно знал, что настрадался он немало.

«Как и я сам»,— подумалось мне. И еще: «У нас с Линкольном много общего». Обоим нам женщины доставили неприятности. Тем более он должен сочувствовать моему положению.

А что же мне делать, пока симулякр не прибудет? Оставаться в мотеле было рискованно. Я решил пойти в публичную библиотеку и почитать про любовные истории Линкольна в молодости. Я предупредил управляющего гостиницей, где меня искать, если вдруг некто похожий на Авраама Линкольна будет искать меня, вызвал такси и уехал. Часы показывали десять — у меня была чертова прорва времени.

Надежда еще остается, повторял я себе, пока ехал в библиотеку. Я пока не сдаюсь!

Только не теперь, когда у меня появился такой помощник, как Линкольн. Один из самых замечательных американских президентов, и к тому же превосходный юрист. Чего больше?

Если кто-нибудь и может помочь мне, так это Линкольн.

Однако книга, которую мне выдали в сиэтлской библиотеке, не особенно улучшила мое настроение. Если верить автору, девушка, которую любил Линкольн, отвергла его. Он был настолько подавлен этим, что на многие месяцы впал в меланхолию, сходную с умопомешательством,— даже хотел покончить с собой. Этот случай оставил неизгладимые шрамы в его душе на всю оставшуюся жизнь.

«Отлично!» — мрачно подумал я, закрывая книгу. Это как раз мне и нужно — узнать, что кто-то еще больший неудачник, нежели я сам.

Может, нам обоим свести счеты с жизнью? Еще раз перечесть старые любовные письма, а затем — «бах!» из моего «кольта».

С другой стороны, последующая жизнь Линкольна вселяла надежду — он ведь стал президентом Соединенных Штатов! И вот мои выводы: человек, стоявший на грани самоубийства из-за женщины, вполне может продолжать жить, подняться над своим горем, хоть и вряд ли когда-нибудь забудет его. Наверное, такая травма накладывает отпечаток на характер человека, делая его более глубоким и вдумчивым. Я ведь замечал эту меланхолию в Линкольне. Должно быть, и я к концу своей жизни стану таким же.

Впрочем, стоит ли заглядывать так далеко вперед? Важнее сейчас найти выход из создавшейся ситуации.

Покинув библиотеку, я прогуливался по улицам Сиэтла и набрел на книжный магазинчик, где продавались дешевые книжки в мягких переплетах. Мое внимание привлекло собрание сочинений Карла Сэндберга, посвященное жизни Авраама Линкольна. Я купил книги и вернулся с ними в мотель. Уютно расположившись с чипсами и упаковкой пива, приступил к чтению.

Особо меня интересовали юные годы Линкольна и история с девушкой, которую звали Энн Ратлидж. Однако здесь изложение мистера Сэндберга становилось весьма туманным, казалось, он ходит вокруг да около. Так что я отложил свое пиво и книгу в сторону, снова сел на такси и отправился в библиотеку. Вооружившись справочным изданием, я попытался внести ясность в дело. Время едва перевалило за полдень.

Итак, роман с Энн Ратлидж. Ее смерть от малярии в 1835 году повергла Линкольна в состояние, которое «Британская энциклопедия» характеризовала как «состояние болезненного упадка, явившееся первым предвестником развивающегося безумия». Очевидно, такая неожиданная черта характера напугала самого Линкольна. И именно этот страх выразился в его совершенно непостижимых переживаниях несколькими годами позже. Имелись в виду события 1841 года.

В 1840 году, когда Линкольну был 31 год, он собирался жениться на очень милой девушке по имени Мэри Тодд. Однако внезапно в 1841 году он разорвал помолвку, причем при очень необычных обстоятельствах. Уже был назначен день свадьбы, невеста ждала в белом платье, все было готово. Но Линкольн не появлялся. Его друзья отправились выяснить, в чем дело, и обнаружили жениха в состоянии безумия. Выздоровление происходило очень медленно. Двадцать третьего января Линкольн отправил письмо своему другу Джону Т. Стюарту. Вот отрывок из него:

«Наверное, сейчас я самый несчастный человек на свете. Если мое нынешнее состояние распространить на весь род человеческий, то вы бы не увидели ни единого веселого лица. И затрудняюсь сказать, станет ли мне когда-нибудь лучше? Боюсь, что нет. Оставаться в таком состоянии невыносимо: я должен или поправиться или умереть. Так мне кажется».

А в предыдущем письме к Стюарту, датированном двадцатым января, Линкольн пишет:

«В последние несколько дней я проявлял себя как самый постыдный ипохондрик. И потому, мне кажется, что доктор

Генри необходим для моего существования. Увы, пока он не получит этого места, он уезжает из Спрингфилда. Так что ты понимаешь, насколько я заинтересован в данном деле».

Речь идет о назначении доктора Генри на должность почтмейстера Спрингфилда, так чтобы он имел возможность навещать Линкольна и поддерживать в нем желание жить. Другими словами, в этот период Линкольн находился на грани самоубийства. Или безумия.

А может, и того и другого сразу.

И вот, сидя над справочниками в библиотеке Сиэтла, я пришел к заключению, что сейчас Линкольн был бы классифицирован как маниакально-депрессивный психотик.

Самое же любопытное замечание, сделанное по этому поводу «Британской энциклопедией», звучало так:

«На протяжении всей своей жизни Линкольн демонстрировал некую „отстраненность", мешавшую ему быть в полной мере реалистом. Однако сей недостаток столь успешно прикрывался маской напускного реализма, что многие не слишком внимательные люди и вовсе не замечали этой странности его характера. Самого же Линкольна, похоже, вовсе не заботило, разоблачен он или нет. Он с готовностью плыл по жизни, позволяя обстоятельствам играть главенствующую роль в определении курса и постоянно разглагольствовал на тему, являются ли его земные привязанности результатом истинно реального восприятия духовной близости или же проистекают из приближения, более или менее, к фантомам его духа».

Затем «Британская энциклопедия» комментирует факты, касающиеся Энн Ратлидж. А также добавляет следующее:

«Они породили в нем глубокую чувствительность — наряду со склонностью к меланхолии и необузданной эмоциональной реакцией. Эти качества в чередовании с приступами бурного веселья являлись отличительной чертой Линкольна до самой его смерти».

Позже, в своих политических выступлениях он дает волю язвительному сарказму, что является, как я выяснил, характерным для маниакально-депрессивного психоза. В этом же заболевании следует искать корни чередования «бурного веселья» с «меланхолией».

Но больше всего меня убеждало в правильности моего диагноза следующее утверждение:

«Среди симптомов данного заболевания можно назвать скрытность, временами переходящую в замкнутость».

И далее:

«...также заслуживает рассмотрения такая его черта, которую Стивенсон назвал „чистосердечной бездеятельностью“».

Самая же зловещая особенность, на мой взгляд, была связана с нерешительностью Линкольна. Данную черту вряд ли можно объяснить маниакально-депресивным психозом. Скорее, это являлось симптомом — если, вообще, могло считаться симптомом — интровертного психоза. Или шизофрении.

Я взглянул на часы: половина шестого — время обедать. Усталость сковала все мое тело, глаза болели. Я вернул все справочники, поблагодарил библиотекаря и вышел на холодную, продуваемую улицу, чтоб где-нибудь перекусить.

Мне было ясно, что человек, на чью помощь я так рассчитывал, являлся чрезвычайно сложной и глубокой личностью. Сидя в ресторане и поглощая обед — весьма неплохой, кстати сказать, я перебирал в уме все факты, почерпнутые из энциклопедии.

Вывод, к которому я пришел, оказался ошеломляющим: Линкольн был в точности, как я. Временами мне казалось, что там, в библиотеке, я перечитывал собственную биографию. С точки зрения психологии мы были похожи, как два боба в стручке. Таким образом, разобравшись в его проблемах, я получал ключ к решению собственных.

Линкольн все принимал близко к сердцу. Может, он и был «отстраненным», но никак не бесчувственным, совсем наоборот. В этом смысле он являлся полной противоположностью Прис, представлявшей собой тип холодного шизоида. Сочувствие, огорчение были просто написаны на лице Линкольна. Я уверен, он в полной мере переживал все беды военного времени, смерть каждого из своих солдат.

Зная все, мне трудно было поверить, что его так называемая «отстраненность» служила признаком шизофрении. Вдобавок, у меня имелся собственный опыт, касающийся Линкольна — его симулякра, если быть точным. В нем не чувствовалось той «чуждости», «инакости», которые так ранили меня в Прис.

Я испытывал искреннее доверие и симпатию к Линкольну, те самые чувства, которые, увы, не мог связывать с Прис. В нем ощущалось что-то очень человечное, теплое и доброе, какая-то

врожденная уязвимость. Практика же общения с Прис подсказывала мне, что шизоид вовсе не беззащитен. Напротив, для него характерно стремление к безопасности. Шизоид старается занять такую позицию, откуда он мог бы наблюдать других людей в чисто академической манере, не вмешиваясь и не подвергая себя никакой опасности. Стремление сохранять дистанцию является самой сутью людей, подобных Прис. Необходимость сближения с людьми, как я мог заметить, вызывала у Прис наибольший страх. Причем этот страх часто граничил с подозрительностью, заставляя подчас предполагать у людей мотивы, вовсе им не свойственные. Мы были такие разные с Прис. Мне доводилось видеть, как она время от времени переключается и превращается в параноика. Я связывал это с тем, что Прис не хватало знания истинной человеческой натуры. Она испытывала дефицит ни к чему не обязывающего повседневного общения, то есть именно того, в чем Линкольн поднаторел еще в юности. В конечном итоге, именно здесь крылась разница между ними обоими. Линкольну были известны все парадоксы человеческой души, ее сильные и слабые стороны, ее страсти и ее благородство, а также еще множество более или менее случайных черточек, которые служили в своем многообразии для того, чтобы прикрывать это внутреннее бурление. Старина Эйб достаточно поскитался и повидал на своем веку. Прис же, в отличие от него, усвоила жесткое схематическое представление, некую кальку человека. Абстракцию, внутри которой она жила.

Этим объяснялась ее недосягаемость.

Завершив свой обед, я расплатился по счету, оставил чаевые и вновь вышел в сгущающуюся темноту. Куда теперь? Очевидно, снова в мотель. Я поймал такси и поехал в обратном направлении.

Приблизившись к гостинице, я увидел свет в своих окнах. Управляющий поспешил ко мне, приветствуя на ходу.

— К вам посетитель. И он, о боже, как две капли воды похож на Линкольна. Как вы и говорили. Это не какой-нибудь мошенник или бандит? А то я впустил его в вашу комнату...

Я поблагодарил его и прошел в свой номер.

Там, откинувшись в кресле и вытянув через всю комнату длинные ноги, сидел симулякр Линкольна. Не обращая на меня никакого внимания, он сосредоточенно читал биографию Карла Сэндберга. Позади, на полу валялась небольшая дорожная сумка — его багаж.

— Мистер Линкольн,— окликнул я его.

— Добрый вечер, Луис,— откликнулся, он, с улыбкой поднимая на меня взгляд.

— Как вам нравится книга?

— Я пока что не составил о ней мнения.— Он заложил закладку в книгу, закрыл ее и отложил в сторону.— Мори рассказал мне, что у вас серьезные затруднения, и вы нуждаетесь в моем присутствии и совете. Надеюсь, я появился не слишком поздно?

— Нет, как раз вовремя. Как вы долетели из Бойсе?

— Меня поразило стремительное движение ландшафта под нами. Казалось, мы только-только взлетели и сразу же приземлились. А *пастушка* сообщила, что мы пролетели тысячи миль.

— Пастушка? А, проводница,— сообразил я.

— Ну да,— кивнул Линкольн.— Прошу простить мою глупость.

— Могу я предложить вам что-нибудь выпить?

Я взялся за пиво, но симулякр отрицательно покачал головой.

— Я бы предпочел сразу перейти к делу. Луис, почему бы вам не рассказать о своих проблемах? И мы сразу же сможем прикинуть, что делать.— С сочувственным выражением лица симулякр приготовился слушать.

Я уселся напротив него, но колебался, не решаясь приступить к рассказу. После всего прочитанного сегодня я уже был не уверен, что мне хочется обсуждать это с Линкольном. И не потому, что я сомневался в ценности его мнения,— но мне не хотелось своими проблемами вновь вернуть его к давно забытым печалям его юности. Слишком уж моя ситуация напоминала то, что ему довелось пережить с Энн Ратлидж.

— Приступайте, Луис.

— Позвольте, я сначала налью себе пива.

Пытаясь выиграть время, я возился с банкой и открывалкой.

— Ну что ж,— решился я,— наверное надо все вам рассказать. Во время моего перелета из Бойсе я обдумывал ситуацию с Барроузом...

Линкольн наклонился и достал из своей сумки несколько разлинованных листков бумаги, на которых что-то было записано карандашом.

— Вы хотели противопоставить Барроузу силу, так чтобы он сам решил отправить мисс Фраунциммер домой. Но при том забыли подумать, насколько это соответствует ее желаниям?

Я кивнул.

— Тогда,— сказал симулякр,— вам следует позвонить некоторой особе.

Он передал мне клочок бумаги, на котором было записано имя:

СИЛЬВИЯ ДЕВОРАК

Я никак не мог сообразить, какое отношение имеет ко мне эта женщина. Имя казалось мне знакомым, но я не мог вспомнить, где его слышал.

— Сообщите ей,— мягко продолжал Линкольн,— о своем намерении нанести визит, чтоб обсудить одно очень деликатное дело. Которое имеет отношение к мистеру Барроузу... этого будет достаточно. Уверен, она сразу же примет вас.

— И что затем?

— Я буду вас сопровождать, и, думаю, у нас не возникнет проблем. Вам не надо будет выдумывать, просто опишите ей суть ваших отношений с мисс Фраунциммер. Скажите, что вы представляете здесь ее отца, и расскажите о своих чувствах к этой девушке.

Я был заинтригован.

— Но кто такая Сильвия Деворак?

— Это политический противник мистера Барроуза. Она борется за снос квартала Грин Пич Хэт, который является собственностью Барроуза и приносит ему огромные барыши за счет непомерно высокой квартирной платы. Эта дама склонна к общественной деятельности и уделяет большое внимание полезным проектам.

Симулякр передал мне подшивку сиэтлских газет.

— Я собрал это благодаря помощи мистера Стэнтона. Как вы можете видеть, миссис Деворак совершенно неутомима и к тому же очень проницательна.

— Вы хотите сказать, что в нашем случае Прис, не достигшая брачного возраста и находящаяся под присмотром Федерального правительства по поводу психического заболевания...

— Я хочу сказать, Луис, что миссис Деворак знает, как поступить с той информацией, которую вы ей предоставите.

С минуту я колебался, взвешивая плюсы и минусы его предложения.

— Вы думаете, это правильно? Сделать такую вещь...

— Только Господь Бог может быть уверен,— ответил симулякр.

— А каково ваше мнение?

— Прис — женщина, которую вы любите. И для вас это дело первостепенной важности, не так ли? Скажите, есть ли на свете вещь, которая была бы важнее? Разве вы не поставили свою жизнь на кон в этом споре? Кажется, вы уже сделали свой выбор. И, если верить Мори, готовы рисковать не только своей, но и чужими жизнями.

— Черт! Любовь — это американский культ. Мы воспринимаем все слишком серьезно, почти превратив любовь в национальную религию.

Симулякр молчал, покачиваясь взад-вперед.

— Для меня это тоже серьезно,— сказал я.

— Тогда вы должны с этим считаться, и не важно, насколько это серьезно для других. Думаю, было бы не по-человечески замкнуться в мире арендной платы, как это делает мистер Барроуз. Разве неправда, что он противостоит вам? Ваши надежды на успех связаны с одним моментом: *он не считает свое чувство к мисс Прис серьезным.* Хорошо ли это? Может, поступать так более разумно или морально? Если бы его способ чувствовать был аналогичным вашему, он бы не противился решению о сносе жилья, которого так добивается миссис Деворак, и он бы женился на Прис и получил бы, в его понимании, лучшую сделку. Но он не делает всего этого, и данный факт заставляет его пренебрегать своей человечностью. Вы бы так не поступили, вы бы пожертвовали всем ради своего чувства — собственно, вы так и делаете. Для вас человек, которого любишь, важнее всего на свете, и я думаю — вы правы, а Сэм Барроуз ошибается.

— Спасибо,— поблагодарил я.— Мне кажется, у вас правильное представление об истинных ценностях в жизни, тут надо отдать вам должное. Знаете, я встречал много людей, но вы лучше, чем кто-либо, проникаете в суть вещей.

Симулякр потянулся и похлопал меня по плечу.

— Я думаю, между нами существует какая-то связь. У нас с вами много общего.

— Я знаю,— ответил я.— Мы похожи.

Мы оба были глубоко тронуты.

Глава 15

Некоторое время симулякр Линкольна натаскивал меня, объясняя, что именно я должен сказать по телефону миссис Сильвии Деворак. Я послушно повторял нужные слова, но не мог отделаться от дурных предчувствий.

Наконец я был готов, с точки зрения Линкольна. Отыскав в телефонном справочнике Сиэтла нужный номер, я набрал его и тут же услышал мелодичное:

— Да? — Судя по голосу, женщина была не слишком молодой и достаточно интеллигентной.

— Миссис Деворак? Простите, что беспокою вас. Меня интересует Грин-Пич-Хэт и ваш проект сноса массива. Мое имя Луис Розен, я из Онтарио, штат Орегон.

— Не подозревала, что работа нашего комитета привлекает внимание столь отдаленных регионов.

— Простите, нельзя ли мне и моему адвокату заглянуть к вам на несколько минут и побеседовать?

— Ваш адвокат! О, боже, что-то случилось?

— Случилось,— ответил я.— Но данное происшествие не имеет отношения к вашему комитету. Это связано...

Я взглянул на симулякра — он мне ободряюще кивнул.

— Это связано с Сэмом К. Барроузом,— закончил я, делая над собой усилие.

— Ясно.

— Я имел несчастье познакомиться с Барроузом на почве бизнеса, который у меня был в Онтарио. Я подумал, может, вы бы могли мне кое-чем помочь.

— Вы говорите, с вами адвокат... Право, не знаю, чем я могу быть полезнее его? — Миссис Деворак говорила размеренным, твердым голосом.— Но, тем не менее, я готова с вами встретиться и уделить, скажем, полчаса. Вас это устроит? Я сегодня ожидаю гостей к восьми.

Я поблагодарил ее и отключился от линии.

— Неплохо исполнено,— прокомментировал Линкольн, вставая.— Поехали сейчас же, на такси.

Он направился к двери.

— Подождите,— окликнул я его.

Он остановился, глядя на меня.

— Я не могу сделать это.

— Ну, тогда пойдемте просто прогуляемся.— Он придержал дверь, пропуская меня.— Давайте наслаждаться ночным воздухом и ароматом гор.

Вместе мы вышли на вечернюю улицу.

— Как вы думаете, что станет с мисс Прис? — спросил симулякр.

— С ней все будет в порядке. Она останется с Барроузом и с его помощью получит от жизни все, что хочет.

На станции обслуживания Линкольн остановился у телефонного автомата.

— Вам следует позвонить миссис Деворак и сообщить, что мы не придем.

Прикрыв дверь кабинки, я вновь набрал ее номер. Мне было так плохо — хуже даже, чем раньше, что я едва попадал пальцем в нужные дырочки.

— Да? — раздался любезный голос у самого моего уха.

— Это снова мистер Розен. Простите, миссис Деворак, но, боюсь, я еще не готов с вами встретиться. Мне надо привести мою информацию в порядок.

— Вы хотели бы перенести встречу на другое время?

— Да.

— Отлично, тогда в любое удобное для вас время. Минутку, мистер Розен, не отключайтесь... Скажите, а вы бывали в Грин-Пич-Хэт?

— Нет.

— Там просто ужасно.

— Меня это не удивляет.

— Пожалуйста, постарайтесь заглянуть туда.

— Хорошо, обязательно,— пообещал я.

Она дала отбой, а я еще какое-то время стоял с трубкой в руке. Затем вышел из телефонной будки.

Линкольна нигде не было видно.

Неужели он ушел? И я снова остался один-одинешенек? Я с отчаянием вглядывался в темноту сиэтлской ночи.

Симулякр обнаружился внутри станции обслуживания. Он сидел на стуле и, раскачиваясь взад-вперед, дружелюбно беседовал с пареньком в белой униформе.

— Мы можем идти,— обратился я к нему.

Линкольн попрощался с собеседником, и мы молча продолжили нашу прогулку.

— Почему бы нам не заглянуть к мисс Прис? — предложил он вдруг.

— О нет,— ужаснулся я.— Думаю, сегодня вечером есть рейс на Бойсе, мы полетим обратно.

— Она вас пугает? Не волнуйтесь, мы едва ли застанем ее и Барроуза дома. Наверняка, они наслаждаются обществом друг друга где-нибудь на публике. Парень на заправке рассказывал, что в Сиэтле нередко объявляются мировые знаменитости от искусства. Так, например, он сообщил, что сейчас здесь Эрл Грант. Он популярен?

— Очень.

— Мне сказали, что чаще всего они заглядывают на одну ночь, а затем снова улетают. Раз мистер Грант выступает сегодня, наверное, прошлой ночью его здесь не было. И, полагаю, мистер Барроуз и мисс Прис должны бы посетить его спектакль.

— Он поет,— поправил я.— И очень неплохо.

У нас есть деньги на билеты?

— Да.

— Почему же тогда нам не пойти на его концерт?

Я развел руками. Действительно, почему бы нет?

— Я не хочу,— ответил я.

Симулякр мягко произнес:

— Луис, я проделал большой путь, чтоб помочь вам. Думаю, взамен я могу рассчитывать на небольшое одолжение с вашей стороны. Мне бы доставило удовольствие послушать современные песни в исполнении мистера Гранта. Не согласитесь ли сопровождать меня?

— Вы намеренно ставите меня в неловкое положение.

— Мне очень хотелось бы, чтобы вы посетили место, где, вероятнее всего, встретите мистера Барроуза и мисс Прис.

Линкольн не оставлял мне выбора.

— Ну, хорошо, раз вы настаиваете, мы пойдем.

И я начал оглядываться в поисках такси, чувствуя себя при этом очень паршиво.

Огромная толпа жаждала услышать легендарного Эрла Гранта — мы едва протолкались. Однако Прис и Сэма Барроуза нигде не было видно. Обосновавшись в баре, мы заказали напитки и приготовились ждать. Скорее всего, они не появятся, успокаивал я себя. Один шанс один из тысячи... Мне стало чуть-чуть полегче.

— Он замечательно поет,— заметил симулякр в перерыве между номерами.

— Да.

— У чернокожих музыка в крови.

Я с удивлением взглянул на Линкольна. Что это — сарказм? Он сохранял чрезвычайно серьезное выражение лица — при том, что само его замечание с моей точки зрения было довольно банальным. Хотя, возможно, в его времена подобное замечание несло какой-то иной, особый смысл. Ведь прошло столько лет.

— Я вспоминаю,— сказал симулякр,— мое путешествие в Новый Орлеан. Я был тогда совсем мальчишкой и впервые увидел негров и жалкие условия, в которых они живут. Кажется, это произошло в 1826 году. Помнится, меня поразил испанский облик города. Он был совсем не похож на те места, где я вырос. Совсем другая Америка.

— Это когда Дентон Оффкат нанял вас на работу? Старый сплетник...

— Вы, я смотрю, хорошо осведомлены о ранних годах моей жизни! — Симулякр, казалось, действительно был удивлен моими познаниями.

— Черт,— вырвалось у меня,— я специально просматривал литературу. В 1835 году умерла Энн Ратлидж. В 1841...

И тут я оборвал сам себя. Зачем я это сказал? Мне хотелось самому себе надавать пинков. Даже в скудном освещении бара можно было различить глубокую боль и страдание на лице симулякра.

— Простите,— выдавил я из себя.

Слава богу, к тому времени Грант начал свой очередной номер — медленный печальный блюз. Чтобы скрыть свою нервозность, я махнул бармену и заказал двойной скотч.

Сгорбившись, с задумчивым видом симулякр сидел у стойки, его длинные ноги едва помещались под стулом. Хотя Эрл Грант закончил пение, он продолжал молчать, на лице сохранялось подавленное и отрешенное выражение. Похоже, он не замечал никого вокруг.

— Мне очень жаль, что я своими словами расстроил вас,— сделал я еще одну попытку, начиная беспокоиться за Линкольна.

— Это не ваша вина. На меня порой, знаете ли, находит. Вы не поверите, но я очень суеверный человек. Может, это мой недостаток, но тут уж ничего не поделать. Примите то, что я сказал, как часть меня,— он говорил медленно, запинаясь, с видимым усилием. Казалось, что силы внезапно покинули его.

— Выпейте еще,— предложил я и с удивлением обнаружил, что он даже не притронулся к своей рюмке.

Симулякр печально покачал головой.

— Послушайте,— сказал я,— если мы сейчас же уйдем, то поспеем на ракетный рейс в Бойсе.

Я спрыгнул со своего табурета.

— *Ну пойдемте же!*

Симулякр не двигался.

— Не поддавайтесь хандре,— пытался я его встряхнуть.— На самом деле мне следовало бы помнить — блюзы на всех так действуют!

— Луис, поверьте, это ведь не тот чернокожий поет,— грустно произнес симулякр,— а я сам, в душе. И не вините ни его, ни себя... Знаете, когда я летел сюда, я смотрел на леса, простирающиеся внизу, и вспоминал свое детство, как наша семья переезжала с места на место, смерть матери и наш переезд на быках в Иллинойс.

— Линкольн, ради бога! Поедем отсюда, здесь слишком мрачно. Давайте возьмем такси, поедем в аэропорт Си-Так и...

В этот момент в зал вошли Прис и Сэм, услужливый официант тут же подскочил, чтобы проводить их к забронированному столику.

При виде их симулякр улыбнулся:

— Ну, Луис, мне следовало бы позаботиться о вас раньше. Теперь, я боюсь, слишком поздно.

Я неподвижно стоял у стойки бара.

Глава 16

У моего уха раздался тихий голос Линкольна:

— Луис, садитесь обратно на ваш табурет.

Кивнув, я механически повиновался. Прис с сияющим видом стояла в одном из своих платьев «полный обзор»... Волосы ее были острижены еще короче, чем прежде, и зачесаны назад. Особые затемненные очки делали глаза огромными и непроницаемыми. Барроуз выглядел, как обычно: гладкая, как бильярдный шар, голова, веселая, оживленная манера поведения успешного бизнесмена. С улыбкой он взял меню и начал делать заказ.

— Она выглядит потрясающе,— сказал мне симулякр.

— Да.

Действительно, мужчины, сидевшие вокруг нас в баре — да и женщины тоже — замолкали и поглядывали на Прис. Я их не винил — там было на что посмотреть.

— Вы должны действовать, Луис,— обратился ко мне Линкольн.— Боюсь, теперь уже поздно уходить, но и торчать здесь, у стойки, нам не стоит. Я подойду к их столику... и сообщу, что сегодня вечером у вас назначена встреча с миссис Деворак. Это все, чем я могу помочь вам, Луис. Остальное вам придется делать самому.

И прежде чем я успел его остановить, он поднялся и направился к столику Прис.

Подойдя, он нагнулся, положил руку на плечо Барроуза и начал что-то ему говорить. Тот обернулся ко мне, Прис последовала его примеру, холодные темные глаза ее при этом недобро блеснули.

Вскоре Линкольн вернулся к бару.

— Подойдите к ним, Луис.

Снова на автомате я поднялся и пошел, лавируя между столиками. Прис и Барроуз не отрываясь смотрели на меня. Возможно, они подозревали, что у меня в кармане «кольт», но это было не так — он остался в мотеле. Приблизившись, я обратился к Барроузу:

— Вам конец, Сэм. Я собираюсь передать всю информацию Сильвии,— взгляд на наручные часы.— Все очень плохо для вас. И теперь уже поздно что-то предпринимать. У вас был шанс, но вы им не воспользовались.

— Присаживайтесь, Розен,— пригласил он меня.

Я уселся. Тем временем официант принес им заказанные «мартини».

— Мы построили нашего первого симулякра,— сообщил Барроуз.

— Да? И кто же это?

— Джордж Вашингтон. Отец-основатель нашей страны.

— Прискорбно будет видеть, как рушится ваша империя.

— Я не очень хорошо понимаю, что вы имеете в виду, но тем не менее рад встрече. Это прекрасная возможность устранить те небольшие недоразумения, которые у нас возникли.

Он обернулся к Прис:

— Прости, дорогая, мне жаль, что возникли дела. Но, думаю, будет лучше обсудить это с Луисом прямо сейчас. Ты не согласна?

— Согласна. Если он не уйдет, нам с тобой конец.

— Сильно сказано, дорогая,— улыбнулся Барроуз.— Вопрос, который нам предстоит уладить с мистером Розеном, мелкий, но довольно интересный. Если тебе это неприятно, я могу вызвать такси, оно отвезет тебя прямо домой.

— Я не собираюсь уезжать,— заявила Прис ровным, холодным тоном.— Если ты попытаешься меня отослать, то так скоро откинешь коньки, что голова закружится.

Мы оба посмотрели на девушку. За шикарным платьем, прической и макияжем крылась все та же, прежняя Прис.

— Думаю, лучше тебе все же поехать домой,— сказал Барроуз.

— Нет.

Он кивнул официанту:

— Будьте добры, вызовите такси...

— Значит, трахать меня при свидетелях можно, а тут...— прошипела Прис.

Барроуз сдался и отослал официанта. Видно было, что все происходящее ему неприятно — он даже побледнел, руки дрожали.

— Ну смотри! Ты хочешь сидеть здесь, пить минералку и при этом сохранять спокойствие? Ты сможешь быть спокойной?

— Я скажу тебе, что я хочу, когда захочу!

— И при каких таких свидетелях? — На лице Барроуза появилась мерзкая улыбочка.— При Дэйве Бланке? Колин Нилд? — Улыбка стала шире.— Ну ладно, валяй, дорогая!

— Ты старый грязный придурок, который любит заглядывать под юбки молоденьким девочкам. Тебе бы давно следовало быть за решеткой!

Прис говорила тихо, но очень отчетливо, так что несколько человек за ближайшими столиками стали оглядываться.

— И я терпела тебя, когда ты пытался что-то сделать со своим членом! — продолжала она.— Так вот, что я тебе скажу,

дорогой: удивительно, что тебе вообще это удалось, он ведь у тебя такой маленький и дряблый! Такой же маленький и дряблый, как ты сам. Ты, старый гомик!

Барроуз поморщился, криво улыбаясь:

— Что-нибудь еще?

Тяжело дыша, Прис помотала головой. Отвернувшись от нее, Барроуз констатировал:

— Нет. Ну, начинайте.— Это уже мне.

Удивительно, даже в такой ситуации он старался сохранить спокойствие. Похоже, этот человек мог вынести что угодно.

— Так мне связываться с миссис Деворак или нет? — спросил я.— Это зависит от вас.

Бросив быстрый взгляд на часы, Барроуз сказал:

— Я хотел бы проконсультироваться с моими юристами. Вы не будете возражать, если я позвоню Дэйву Бланку и попрошу его приехать сюда?

— Хорошо,— согласился я, будучи уверен, что Бланк посоветует ему сдаться.

Извинившись, Барроуз вышел к телефону. Мы с Прис остались сидеть друг напротив друга, никто из нас не произнес ни слова. Наконец Барроуз вернулся.

— Какую гадость ты задумал, Сэм? — спросила она.

Тот, не отвечая, удобно откинулся на стуле.

— Луис, он что-то предпринял,— она озиралась с отчаянным видом.— Ты разве не видишь? Неужели ты недостаточно хорошо его знаешь, чтоб понять это?

— Не волнуйся,— успокоил я Прис.

Я видел, что Линкольн у бара также оглядывается с хмурым и обеспокоенным видом.

Может, я совершил ошибку? Но теперь уже было поздно — я дал согласие.

— Вы не подойдете сюда? — призывно помахал я симулякру.

Он тут же поднялся и приблизился к нашему столику.

— Мистер Барроуз ждет своего юриста, чтобы с ним проконсультироваться,— пояснил я.

Усевшись, симулякр задумчиво сказал:

— Ну что ж, думаю, большого вреда в том не будет.

Итак, мы все ждали. Где-то через полчаса в дверях показался Дэйв Бланк и сразу направился к нам. С ним была Колин Нилд, разряженная в пух и прах, и еще одна личность — коротко стриженый молодой человек с галстуком-бабочкой, с напряженным и тревожным выражением лица.

«Кто этот мужчина?» — гадал я. *Что происходит?* Мое беспокойство росло.

— Простите за опоздание,— произнес Бланк, помогая миссис Нилд сесть. После этого оба мужчины тоже уселись. Никто не был представлен.

Должно быть, он — один из служащих Барроуза, подумал я. Возможно, та шестерка, которой предстояло исполнить формальность и стать законным супругом Прис.

Видя мое внимание к молодому человеку, Барроуз пояснил:

— Это Джонни Бут. Джонни, позвольте представить вам Луиса Розена.

Молодой человек поспешно кивнул:

— Приятно познакомиться, мистер Розен.

Затем он раскланялся со всеми остальными:

— Привет. Привет. Как поживаете?

— Минутку,— похолодел я.— Это Джон Бут? Джон Уилкс Бут?[1]

— Прямо в точку,— кивнул Барроуз.

— Но он вовсе не похож на Джона Уилкса Бута!

Это был симулякр, и надо сказать, ужасный экземпляр. Я просматривал справочники и видел портреты Джона Уилкса Бута — театрального актера с очень эффектной внешностью. Этот же был совсем другим — ординарный, лакейский типаж, так называемый *вечный неудачник*, каких можно сотнями видеть в деловых конторах всех крупных городов Соединенных Штатов.

— Не надо морочить мне голову! — сказал я.— Это и есть ваша первая попытка? Тогда у меня для вас плохие новости: вам лучше вернуться к началу и попытаться снова.

Но во время своей тирады я с ужасом рассматривал их симулякра. Потому что, невзирая на глупую внешность, *он работал*. С технической стороны это являлось несомненным успехом. И дурным знаком для всех нас: симулякр Джона Уилкса Бута! Я в растерянности посмотрел на Линкольна, который, как ни в чем не бывало, глазел в окно. Понимал ли он, что все это означало?

Линкольн молчал. Но морщинки на его лице как-то углубились, усиливая обычное выражение грусти. Похоже, он догадывался, что сулило ему появление нового симулякра.

Мне не верилось, что Прис создала *такое*. А затем я понял: нет, это и в самом деле не ее творение. Именно поэтому симулякр получился совершенно безликим. Данным вопросом зани-

---

[1] Джон Уилкс Бут — актер, убийца Авраама Линкольна, смертельно ранивший его на театральном представлении в 1865 году. *(Прим. перев.)*

мался Банди, без помощи Прис. Именно он проделал все внутренние работы — так сказать, создал начинку, которую потом запихнули в контейнер, изображающий усредненного американца. И вот теперь это творение сидело передо мной за столом, с готовностью всем улыбаясь и кивая — этакий Ja-Sager[1], стопроцентный подхалим. Они даже *не сделали попытки* воссоздать истинный облик Бута. Возможно, они вовсе и не интересовались его внешностью. Халтура, сляпанная по спецзаказу.

— Ну, что ж, продолжим обсуждение,— предложил Барроуз.

Дэвид Бланк кивнул. Джон Уилкс Бут кивнул тоже. Миссис Нилд изучала меню. Прис не сводила глаз с симулякра — казалось, она окаменела.

Да, я был прав — этот красавчик оказался сюрпризом для Прис! Пока она ходила по ресторанам и напивалась, наряжалась, с кем-то спала и приукрашивала свою действительность, Боб Банди в поте лица трудился в мастерских Барроуза над этим изделием.

— Хорошо, продолжим,— сказал я.

— Джонни,— обратился Барроуз к симулякру,— между прочим, этот высокий бородатый человек — Авраам Линкольн. Я говорил вам о нем, помните?

— О да, мистер Барроуз,— тут же согласился Бут и осторожно кивнул.— Очень хорошо помню.

— Барроуз,— не выдержал я,— то, что вы нам здесь предъявили, «пустышка». Может, он и убийца, но от Бута у него только имя. Он и выглядит, и разговаривает по-другому. Это «липа», фальшивая и ничтожная с ног до головы. Меня лично от нее тошнит, мне стыдно за вас!

Барроуз пожал плечами.

— Почитайте что-нибудь из Шекспира,— попросил я симулякра Бута.

В ответ он только ухмыльнулся мне своей глуповатой деловой усмешкой.

— Ну, тогда скажите что-нибудь на латыни!

Он продолжал ухмыляться.

— И сколько же времени у вас ушло, чтоб натаскать это ничтожество? — спросил я у Барроуза.— Пол-утра? А где же скрупулезная точность в деталях? И куда подевался высокий профессионализм? Получилась дрянь, барахло, штуковина с привитым инстинктом убийцы. Разве не так?

---

[1] Ja-Sager *(нем.)* — поддакиватель, соглашатель.

— Думаю, теперь, в свете новых фактов, вы вряд ли захотите привести в исполнение свою угрозу относительно миссис Деворак,— сказал Барроуз.

— Да? И каким же образом он выполнит свою миссию? — поинтересовался я.— С помощью отравленного кольца? Или бактериологического оружия?

Дэйв Бланк рассмеялся, миссис Нилд улыбнулась. Симулякр счел за благо присоединиться к остальным и теперь улыбался глупой, пустой улыбкой — точной копией таковой у шефа. Все они были марионетками мистера Барроуза, и он неутомимо дергал за веревочки.

Прис, по-прежнему не сводившая глаз с симулякра Бута, вдруг изменилась до неузнаваемости. Она как-то разом осунулась и исхудала, шея вытянулась как у гусыни, глаза остекленели и бликовали на свету.

— Послушай,— сказала она, указывая на Линкольна.— Это я построила его.

Барроуз молча смотрел на нее.

— Он мой,— настаивала она.

Обернулась к Линкольну, пытливо вгляделась в глаза:

— Ты знаешь это? Что мой отец и я построили тебя?

— Прис, ради бога...— попытался урезонить ее я.

— Помолчи,— отмахнулась она.

— Не вмешивайся,— попросил я.— Это касается меня и мистера Барроуза.

Но на самом деле я был потрясен.

— Может, ты хотела, как лучше, и никакого отношения к созданию этой халтуры не имела...

— Заткнись,— не дала мне договорить Прис.— Бога ради, заткнись!

Она обернулась к Барроузу.

— Ты заставил Боба Банди построить эту штуку, чтобы разрушить моего Линкольна. И все это время ты следил, чтобы я ничего не узнала! Ты подонок! Я тебе этого никогда не забуду.

— Что тебя гложет, Прис? — спросил Барроуз.— Только не говори мне, что у тебя любовная связь с этим симулякром Линкольна!

— Я не хочу видеть, как убивают мое создание!

— Как знать, может быть, и придется,— пожал плечами Барроуз.

В этот момент раздался громкий голос Линкольна:

— Мисс Присцилла, я думаю, мистер Розен прав: пусть он и мистер Барроуз обсудят свою проблему между собой.

— Я сама могу решить ее,— отозвалась Прис. Согнувшись, она что-то нащупывала под столом. Ни я, ни Барроуз не понимали, что она собирается делать. Мы все застыли в неподвижности. Прис выпрямилась, держа в руке одну из своих туфелек на шпильке. Угрожающе поблескивала металлическая набойка на каблуке.

— Будь ты проклят,— бросила она Барроузу.

Тот с криком вскочил со стула, поднял руку, чтобы схватить Прис.

Поздно. Туфля с неприятным звуком опустилась на голову симулякра Бута. Мы увидели, что каблук пробил череп, ровнехонько за ухом.

— Вот тебе,— оскалилась она на Барроуза. Ее мокрые глаза сверкали, рот искривился в безумной гримасе.

— Блэп,— сказал симулякр и заткнулся. Его руки беспорядочно двигались в воздухе, ноги, дергаясь, барабанили по полу. Затем он застыл, по телу прошла конвульсия. Конечности дернулись и замерли. Перед нами лежало неподвижное тело.

— Хватит, не ударяй его снова, Прис,— попросил я.

Я чувствовал, что больше не выдержу. Барроуз бормотал то же самое — похоже, он был в полубессознательном состоянии.

— А зачем мне его снова ударять? — сухо осведомилась Прис.

Она выдернула свой каблук из головы симулякра, нагнулась и снова надела туфлю. Публика вокруг глазела в изумлении.

Барроуз вытащил белый носовой платок и промокнул лоб. Он начал было говорить что-то, потом передумал и умолк.

Тем временем обездвиженный симулякр стал сползать со стула. Я поднялся и попытался водрузить его на место. Дэвид Бланк тоже встал. Вдвоем мы усадили симулякра так, чтоб он не падал. Прис бесстрастно прихлебывала из своего стакана.

Обращаясь к людям за соседними столиками, Бланк громко заявил:

— Это просто кукла. Демонстрационный экземпляр в натуральную величину. Механическая кукла.

Для большей убедительности он показал им обнажившиеся металлические и пластмассовые детали внутри черепа симулякра. Мне удалось разглядеть внутри пробоины что-то блестящее — очевидно, поврежденную управляющую монаду. Невольно я подумал, сможет ли Боб Банди устранить повреждение? Еще больше меня удивил тот факт, что я вообще беспокоился об этом.

Достав свою сигарету, Барроуз допил «мартини» и охрипшим голосом сказал Прис:

— Поздравляю, своим поступком ты напрочь испортила отношения со мной.

— В таком случае, до свидания,— ответила она.— Прощай, Сэм К. Барроуз, грязный, уродливый пидор.

Прис поднялась, с грохотом отпихнув стул, и пошла прочь от нашего столика, мимо глядящих на нее людей, к раздевалке. Там она получила у девушки свое пальто.

Ни я, ни Барроуз не двигались.

— Она вышла наружу,— сообщил Бланк.— Мне видно лучше, чем вам. Она уходит.

— Что нам делать с этим? — спросил Барроуз у Бланка, указывая на неподвижное тело симулякра.— Надо убрать его отсюда.

— Вдвоем мы сможем вынести тело,— сказал Бланк.

— Я помогу вам,— предложил я.

— Мы никогда ее больше не увидим,— медленно произнес Барроуз.— Или, может быть, она стоит снаружи, поджидая нас?

Он обратился ко мне:

— Вы можете ответить? Я сам не могу. Я не понимаю ее.

Я бросился мимо бара и раздевалки, выскочил на улицу. Там стоял швейцар в униформе. Он любезно кивнул мне.

Прис нигде не было видно.

— Вы не видели, куда делась только что вышедшая девушка? — спросил я у швейцара.

— Не знаю, сэр.— Он указал на множество машин и кучи людей, которые, как пчелы, роились у дверей клуба.— Простите, не могу сказать.

Я поглядел в обе стороны улицы, я даже пробежался немного туда-сюда, надеясь найти какие-нибудь следы Прис.

Ничего.

Наконец я вернулся в клуб, к столику, где Барроуз и остальные сидели рядом с мертвым, напрочь испорченным симулякром Бута. Он теперь сполз на сидение и лежал на боку, голова болталась, рот был открыт. С помощью Дэйва Бланка я вновь усадил его на место.

— Вы все потеряли,— сказал я Барроузу.

— Ничего я не потерял.

— Сэм прав,— вступился Дэйв Бланк.— Что он потерял? Если нужно, Боб Банди сделает нам нового симулякра.

— Вы потеряли Прис,— сказал я.— А это все.

— О, черт! Кто вообще может что-нибудь знать о Прис? Думаю, даже она сама не знает.

— Наверное, это так.— Мой язык был странно тяжелым, он едва ворочался во рту, за все задевая. Я подвигал челюстями и не почувствовал боли, вообще ничего не почувствовал.— И я ее тоже потерял.

— Очевидно,— согласился Барроуз.— Но вам бы лучше пойти отдохнуть. Вам когда-нибудь выпадал подобный день?

— Нет.

Великий Эрл Грант снова вышел на сцену. Заиграло пианино, и все замолкли, прислушиваясь к старой грустной песне:

Кузнечики в моей подушке, бэби,
В моей тарелке — сплошь сверчки...

Мне показалось, что он поет специально для меня. Видел ли он меня, сидевшего за столиком? Мое выражение лица? Понимал ли, что я чувствую? Может быть, да, а может, и нет... Кто знает?

Прис — совершенно дикое существо, подумал я. Не такая, как все мы. Кажется, она пришла откуда-то извне. Прис — это нечто изначальное в его самом страшном смысле. Все, что происходит с людьми и между людьми на этом свете, не способно как-то повлиять на нее. Когда смотришь на нее, мнится, что оглядываешься на далекое прошлое. Наверное, такими мы, люди, были миллион, два миллиона лет назад...

Вот и Эрл Грант пел о том же: как нас приручают, переделывают, изменяют снова и снова на бесконечно медленном пути цивилизации. Ведь Создатель и поныне продолжает трудиться, он лепит, формует все то мягкое и податливое, что сохраняется в большинстве из нас. Но только не в Прис. Никто не способен переделать ее, даже Он.

Я не мог отделаться от мысли, что, встретившись с Прис, я заглянул в какую-то совершенно *чуждую* сущность. И что теперь мне осталось? Дожидаться смерти, подобно Буту, получившему возмездие за свои деяния столетней давности? Известно, что незадолго до своей смерти Линкольну было предупреждение: он видел во сне черный задрапированный гроб и процессию в слезах. А сподобился ли подобного откровения прошлой ночью симулякр Бута? И вообще, возможно ли, чтоб благодаря таинственным механическим процессам он видел сны?

Нас всех это ждет. Чу-чу. Черная креповая драпировка на катафалке, проезжающем через поля. Люди по сторонам дороги... смотрят... шапки в руках. Чу-чу-чу...

Черный поезд, гроб, сопровождающие его солдаты в синей форме, которые не расстаются с оружием и которые недвижимы все это долгое путешествие, от начала до конца.

— Мистер Розен,— услышал я рядом с собой женский голос.

Я, вздрогнув, посмотрел наверх. Ко мне обращалась миссис Нилд.

— Не могли бы вы помочь нам? Мистер Барроуз пошел за машиной, мы хотим перенести туда симулякра Бута.

— Да, конечно,— кивнул я.

Я поднялся и вопросительно посмотрел на Линкольна, ожидая помощи. Но, странное дело, он сидел, опустив голову и погрузившись в полнейшую меланхолию. Казалось, ему нет до нас никакого дела. Слушал ли он Эрла Гранта? Был ли захвачен его щемящим блюзом? Не думаю. Линкольн сидел, странным образом согнувшись, почти потеряв форму. Выглядело это так, будто все его кости сплавились воедино. И он хранил абсолютное молчание, казалось, даже не дышал.

«Может, это какая-то молитва?» — подумал я. А может, вовсе и нет. Наоборот, остановка, перерыв в молитве. Мы с Бланком повернулись к Буту и начали поднимать его на ноги. Он был чертовски тяжелый.

— Машина — белый «мерседес-бенц»,— пропыхтел Бланк, пока мы двигались по узкому проходу между столиками.— Белый с красной кожаной обивкой.

— Я придержу дверь,— сказала миссис Нилд, следуя за нами.

Мы подтащили Бута к дверям клуба. Швейцар посмотрел с удивлением, но ни он, ни кто-либо другой не сделал попытки помочь нам или выяснить, что же произошло. Хорошо хоть швейцар придержал дверь, чтоб мы могли пройти. Это было очень кстати, так как миссис Нилд поспешила выйти навстречу Сэму Барроузу.

— Вот он подъезжает,— кивнул Бланк.

Миссис Нилд широко распахнула дверцу машины, и мы вдвоем кое-как запихнули симулякра на заднее сидение.

— Вам лучше поехать с нами,— сказала миссис Нилд, видя, что я собираюсь покинуть «мерседес».

— Отличная мысль,— поддержал ее Бланк.— Мы потом пропустим по рюмочке, идет, Розен? Только завезем Бута в мастерскую и отправимся к Колли. Она дома держит алкоголь.

— Нет,— покачал я головой.

— Давайте, ребята,— поторапливал нас Барроуз за рулем.— Садитесь, чтоб мы могли ехать. Это относится и к вам, Розен, а также, естественно, и к вашему симулякру. Вернитесь и приведите его.

— Нет, спасибо,— отказался я.— Поезжайте сами.

Бланк и миссис Нилд захлопнули дверцу, машина тронулась и влилась в оживленный поток на вечерней улице.

Я засунул руки в карманы, поежился и вернулся в клуб, где меня ожидал Линкольн. Пробираясь меж столиков, я увидел, что он по-прежнему сидит в полной неподвижности, обхватив себя руками и опустив голову.

Что я мог сказать ему? Как поднять настроение?

— Вам не стоит так расстраиваться из-за того, что случилось,— произнес я.— Постарайтесь быть выше этого.

Линкольн не отвечал.

— Понемногу кладешь, много соберешь,— сказал я.

Симулякр поднял голову, в глазах его была безнадежность.

— Что это значит? — спросил он.

— Не знаю,— честно ответил я.— Просто не знаю.

Мы оба помолчали.

— Послушайте,— сказал, наконец, я.— Думаю, нам с вами надо вернуться в Бойсе и показаться доктору Хорстовски. Вам это не повредит, он — хороший специалист и сможет справиться с вашей депрессией. С вами все в порядке, мистер Линкольн?

Похоже, он немного успокоился. Достал большой красный платок и высморкался.

— Благодарю вас за участие,— произнес он, не отнимая платка от лица.

— Еще рюмку? — спросил я.— Может, кофе или чего-нибудь поесть?

Симулякр покачал головой.

— Когда у вас начались эти депрессии? — осторожно начал я.— Я имею в виду — в молодости? Не хотите поговорить со мной? Расскажите, какие мысли приходят вам на ум, какие ассоциации? Пожалуйста! Мне кажется, я смогу вам помочь.

Линкольн прокашлялся и спросил:

— Мистер Барроуз и его люди вернутся?

Сомневаюсь. Они приглашали нас поехать с ними к миссис Нилд домой.

Линкольн бросил на меня подозрительный взгляд:

— Почему это они поехали к ней, а не к мистеру Барроузу?

— Не знаю. Дэйв Бланк сказал, у нее есть выпивка.

Линкольн снова откашлялся, отпил воды из стакана перед собой. Его лицо сохраняло странное выражение, как если бы он о чем-то догадывался, но не все понимал до конца.

— В чем дело? — спросил я.

Линкольн помолчал, но затем вдруг сказал:

— Луис, *поезжайте на квартиру к миссис Нилд*. Не теряйте времени.

— Но зачем?

— Она должна быть там.

Я почувствовал, как у меня по голове побежали мурашки.

— Я думаю,— произнес симулякр,— она все время жила там, у миссис Нилд. Я сейчас поеду в мотель. Не беспокойтесь обо мне, если надо, я и сам смогу завтра вернуться в Бойсе. Ступайте, Луис. Вам надо опередить их шайку.

Я вскочил на ноги.

— Но я не знаю...

— Вы можете найти адрес в телефонной книге.

— Точно,— обрадовался я.— Спасибо за совет, я непременно последую ему. Кажется, вас посетила замечательная мысль. Так что, увидимся позже. Пока. А если...

— Идите.

И я ушел.

В ночной аптеке я заглянул в телефонный справочник. Отыскав адрес Колин Нилд, вышел на улицу и тормознул такси. Скоро я уже ехал в нужном направлении.

Она жила в высоком кирпичном многоквартирном строении. Дом стоял темный, только там и сям горело несколько окон. Я отыскал ее звонок и нажал на кнопку.

Долгое молчание, затем раздалось шипение и приглушенный женский голос спросил:

— Кто там?

— Луис Розен. Можно мне войти?

Я терялся в догадках, Прис это или нет.

Тяжелая железная дверь зажужжала, я сорвался с места и толчком открыл ее. Одним прыжком преодолел пустынный вестибюль и взбежал по лестнице на третий этаж. Перед дверью я остановился, с трудом переводя дух.

Дверь была приоткрыта. Я постучался и после минутного колебания прошел внутрь.

В гостиной на диване восседала миссис Нилд со стаканом в руке, напротив нее расположился Сэм Барроуз. Оба они уставились на меня.

— Привет, Розен, проходите, угощайтесь.

Барроуз кивнул мне на столик, где стояла бутылка водки, лимоны, миксер, лаймовый сок, лед и стаканы.

В замешательстве я подошел к столику и начал готовить себе коктейль. Наблюдавший за мной Барроуз произнес:

— У меня для вас новости. В соседней комнате вас ждет кто-то, кто вам очень дорог.

Он махнул стаканом в руке:

— Сходите, загляните в спальню.

Оба они улыбались.

Я поставил обратно мой стакан и поспешил в указанном направлении.

— А что заставило вас переменить решение и придти сюда? — спросил Барроуз, покачивая стаканом.

— Линкольн подумал, Прис может быть тут.

— Ну, Розен, мне неприятно говорить, но он оказал вам дурную услугу. Вы просто не в себе, раз так прицепились к этой девчонке.

— Не думаю.

— Черт, это потому что вы все психи — и вы сам, и Прис, и ваш Линкольн. Я скажу вам, Розен: Джонни Бут стоил миллиона таких, как Линкольн. Думаю, мы залатаем его и используем в нашем «Лунном Проекте»... в конце концов, Бут — добрая старая американская фамилия. Почему бы семье по соседству не называться Бутами? Знаете, Луис, вам стоит как-нибудь прилететь на Луну и посмотреть, что у нас получилось. Вы ведь не имеете представления о том, что там. Не обижайтесь, но отсюда невозможно ничего понять, вам надо побывать на месте.

— Вы совершенно правы, мистер Барроуз,— поддержала его миссис Нилд.

Я сказал:

— Преуспевающий человек не должен опускаться до обмана.

— Обмана! — воскликнул Барроуз.— Черт побери, это не обман, а попытка подтолкнуть человечество к тому, что оно и так, рано или поздно, сделает. Впрочем, мне не хочется спорить. Сегодня был еще тот денек, и я устал. Я ни к кому не испытываю враждебности.— Он усмехнулся мне.— Если ваша крошечная фирма вышла на нас — а вы, должно быть, интуитивно чувствовали, что это может вам дать — то не забывайте: инициатива принадлежала вам, а не мне. И в данный момент вода заливает вашу плотину, не нашу. Мы будем продолжать работать и добьемся результатов — используя Бута, или как-нибудь еще.

— Мы все это знаем, Сэм,— произнесла миссис Нилд, похлопывая его по руке.

— Спасибо, Колли,— сказал он.— Мне просто неприятно видеть такого парня — без цели, без понимания, без честолюбия. Это разбивает мне сердце. Именно так: разбивает мне сердце.

Я ничего не ответил. Просто стоял у двери в спальню, ожидая, когда же закончится вся эта болтовня.

Миссис Нилд любезно улыбнулась мне:

— Вы можете войти, если хотите.

Я повернул ручку и отворил дверь.

Комната была погружена в темноту.

В центре виднелись контуры кровати, на которой кто-то находился. Лежал, подложив подушку под спину, и курил сигарету (если это на самом деле сигарета). Во всяком случае, вся спальня была наполнена сигаретным дымом. Я нащупал выключатель и зажег свет.

На кровати лежал мой отец. Он курил свою сигару и разглядывал меня с задумчивым и обеспокоенным выражением лица. Он был одет в пижаму и халат, на полу у кровати валялись его меховые шлепанцы.

Рядом с ними я разглядел отцовскую дорожную сумку, из которой высовывалась одежда.

— Закрой дверь, mein Sohn,— мягко сказал он.

Я исполнил его просьбу автоматически, будучи совершенно не в состоянии понять, что происходит. Дверь-то я закрыл, но недостаточно быстро, чтоб пропустить взрывы смеха в гостиной: я услышал раскатистый хохот Барроуза и вторящую ему миссис Нилд. Похоже, они разыгрывали меня все это время. Эти их разговоры, нарочито-серьезные... Они уже тогда знали: Прис нет не только в спальне, но и вообще в квартире. Симулякр ошибся.

— Мне немного стыдно, Луис,— покачал головой отец, очевидно, заметив выражение моего лица.— Возможно, мне нужно было бы выйти и прервать этот розыгрыш. Но, знаешь ли, далеко не все, что говорил Барроуз, я считаю чушью. В некоторых отношениях, он — великий человек, разве не так? Садись.

Я уселся на стул возле кровати, на который он мне указал.

— Ты, наверное, не знаешь, где она? — спросил я безнадежно.— И, конечно же, не сможешь помочь мне?

— Боюсь, что нет, Луис.

Я не находил в себе силы даже подняться и уйти. Максимум, на что я был способен, это дойти и плюхнуться на чертов стул возле кровати. Кровати, на которой курил мой отец.

Дверной проем вдруг осветился, и в комнату вошел человек с перевернутым лицом — ну конечно, братец Честер — как всегда, деловой и важный.

— Я устроил отличную комнату для нас с тобой, папа,— начал он выкладывать свои новости, но, увидев меня, расплылся

в счастливой улыбке.— Вот ты где, Луис! После всех этих треволнений мы наконец-то нашли тебя!

— Несколько раз меня подмывало вмешаться и исправить мистера Барроуза,— продолжал отец.— Но ты же знаешь, что подобных людей бесполезно переучивать. Пустая трата времени.

Только этого не хватало: чтоб мой папаша пустился в очередную философскую тираду! Терпеть подобное было выше моих сил, и я схитрил — сидя на стуле в полном ступоре разочарования, я загородился от его слов, позволил им слиться в однообразное, бессмысленное жужжание.

А сам тем временем представлял: как хорошо было бы, если бы все оказалось не идиотской шуткой Барроуза, а реальностью. Если бы я вошел в комнату и обнаружил Прис, лежащую на постели.

И я стал думать, как бы все это было. Пусть бы она спала, возможно, пьяная... Я приподнял бы ее, сжал в своих объятиях, откинул бы волосы с глаз и тихо поцеловал в ушко. Я представлял, как она постепенно приходила бы в себя...

— Ты не слушаешь меня,— обиделся отец. Он был прав: мое разочарование оказалось столь гнетущим, что я предпочел уйти от действительности в мечты о Прис.— Ты все еще гоняешься за своей фата-морганой.— Отец, хмурясь, глядел на меня.

В своих грезах я поцеловал Прис еще раз и она открыла глаза. Тогда я снова опустил ее на постель, лег рядом и крепко обнял.

— Как Линкольн? — промурлыкала Прис у моего уха. Она, похоже, вовсе не удивилась тому, что я здесь, лежу рядом с ней и целую ее. Честно говоря, она вообще никак не реагировала. Но все же это была Прис.

— Как нельзя лучше,— ответил я, неуклюже гладя ее волосы. Прис молча глядела на меня. В темноте я едва различал ее очертания.— Нет,— признался я,— на самом деле, он в ужасном состоянии. У него депрессия. Но тебе-то что до того? Ведь это же твоих рук дело!

— Я спасла его.— Голос Прис звучал вяло и безжизненно.— Ты подашь мне сигарету?

Я прикурил сигарету и передал ей. Теперь она лежала и курила.

Отцовский голос прорвался в эти прекрасные грезы:

— Игнорирование внутреннего идеала, *mein Sohn,* отрывает тебя от реальности, как и говорил мистер Барроуз. А это очень серьезно! Доктор Хорстовски назвал бы это, извиняюсь за выражение, болезнью, понимаешь?

Смутно я слышал, как Честер поддержал отца:

— Это шизофрения, папа, как у миллионов несчастных подростков. Миллионы американцев страдают подобной болезнью, даже не подозревая о том и, соответственно, не обращаясь в клиники. Я читал об этом в статье.

А Прис сказала:

— Ты хороший человек, Луис. Мне ужасно жалко, что ты влюбился в меня. Я могла бы сказать, что ты понапрасну тратишь время, но ты же меня не послушаешь, правда? Ты можешь объяснить, что такое любовь? Такая, как у тебя?

— Нет.

— И даже не попробуешь? — Она выжидательно смотрела на меня, потом спросила,

— Дверь закрыта? Если нет, сходи, закрой ее.

— Черт! — Я чувствовал себя ужасно несчастным.— Я не могу закрыться от них, они прямо здесь, над нами. Нам никогда не удастся спрятаться от них, остаться вдвоем — только ты и я. Я знаю это наверное.— Однако это знание не помешало мне подойти к двери и запереть ее.

Когда я вернулся к постели, то увидел, что Прис стоит на ней и расстегивает юбку.

Она стащила ее через голову и отбросила на стул. Продолжая раздеваться, она скинула туфли.

— Кто же еще должен быть моим учителем, Луис, если не ты? — спросила она.— Сбрось все покровы.— Прис начала снимать белье, но я ее остановил.— Почему нет?

— Я схожу с ума,— простонал я.— Это невыносимо, Прис! Мне надо вернуться в Бойсе и повидаться с доктором Хорстовски. Так не может продолжаться! Только не здесь, не в одной комнате с моей семьей.

Прис ласково посмотрела на меня:

— Мы полетим в Бойсе завтра, но не сегодня.— Она стащила покрывало, одеяла и верхнюю простыню, собрала их и, подобрав свою сигарету, снова закурила. Не стала накрываться, просто лежала обнаженная на кровати и курила.— Я так устала, Луис. Побудь со мною сегодня ночью.

— Я не могу.

— Ну тогда забери меня к себе — туда, где ты живешь.

— И этого нельзя, там Линкольн.

— Луис,— сказала она,— я просто хочу лечь и поспать. Ляжем и накроемся с головой, они нас не потревожат. Не бойся их. Мне очень жаль, что у Линкольна один из его припадков. И не обвиняй

меня в этом, он так и так случился бы. А я спасла ему жизнь. Он мой ребенок... разве не так?

— Думаю, ты можешь так говорить,— согласился я.

— Я дала ему жизнь, я родила его. И очень горжусь этим! Когда я увидела этого мерзкого Бута, у меня было одно желание — убить его на месте. Я сразу же все поняла про него, как только взглянула. Я могла бы быть твоей матерью тоже, разве нет, Луис? Мне бы так хотелось дать тебе жизнь... И тебе, и всем остальным людям... Я дарю жизнь, а потом отнимаю ее. Здесь все совершенно правильно и хорошо... если только находишь в себе силы для такого акта. Ты знаешь, это ведь очень трудно — отнять у кого-то жизнь. Ты не думал об этом, Луис?

— Да.— Я сидел на постели рядом с ней.

Она потянулась в темноте и откинула мне волосы с глаз.

— У меня есть власть над тобой, Луис. Я могу подарить тебе жизнь и лишить этого подарка. Тебя это не пугает? Ты же знаешь, я говорю правду.

— Теперь уже не пугает,— сказал я.— Раньше когда-то, когда впервые осознал это.

— Я никогда не боялась. Мне нельзя бояться, иначе я потеряю власть, ведь правда же, Луис? А я хочу сохранить ее.

Я не отвечал. Табачный дым клубился вокруг меня, сводя с ума, заставляя тревожиться об отце и брате, которые не сводили с нас глаз.

— Человек имеет право на некоторые иллюзии,— говорил мой отец, попыхивая сигарой,— но эта — просто смехотворна.

Честер согласно закивал.

— Прис,— громко позвал я.

— Ты только послушай,— взволновался отец.— Он зовет ее! Он разговаривает с ней!

— Убирайтесь отсюда,— сказал я им. Я даже замахал на них руками, но это не дало результата — они не пошевелились.

— Ты должен понять, Луис,— внушал мне отец.— Я тебе сочувствую, я вижу то, что не видно Барроузу — величие твоего поиска.

Несмотря на темноту и гул их голосов, мне удалось еще раз воссоздать образ Прис: она сгребла свою одежду в кучу и сидела с ней на краю постели.

— Какое нам дело до того, что кто-то говорит или думает о нас,— говорила она.— Мне плевать на это, я не позволяю словам воплощаться в реальность. Я знаю, все они во внешнем мире злятся на нас: и Сэм, и Мори, и все остальные. Но подумай, разве Линкольн послал бы тебя сюда, если б это было неправильно?

— Прис,— ответил я,— я знаю: все будет хорошо. Нас ждет долгая счастливая жизнь.

Она только улыбнулась, я видел, как блеснули в темноте ее зубы. В этой улыбке было столько боли и печали, что мне невольно (всего на мгновение) вспомнилось выражение лица симулякра Линкольна. Я подумал, что эта боль в нем от Прис. Она влила собственное страдание в дело рук своих. Вряд ли это было намеренное деяние, возможно, она даже не догадывалась о результатах.

— Я люблю тебя,— сказал я Прис.

Она поднялась на ноги — обнаженная и холодная, тонкая, как тростинка. Обняла мою голову и притянула к себе.

— Mein Sohn,— обратился отец теперь уже к Честеру,— er schlaft in der Freiheit der Liebesnacht[1]. Я хочу сказать: он спит, мой бедный мальчик, он парит в свободе ночи своей любви, если ты следишь за моей мыслью.

— А что скажут в Бойсе? — В тоне Честера сквозило раздражение.— Как мы вернемся домой с ним таким?

— Ах, помолчи, Честер,— с досадой отмахнулся отец,— ты не в состоянии проникнуть в глубину его психики, не понимаешь, что он там находит. Видишь ли, психоз имеет две стороны: он не только болезненно искажает наш ум, но и возвращает нас к какому-то исходному источнику, который мы все сейчас позабыли. Подумай об этом, Честер, в следующий раз, когда решишь открыть рот.

— Ты слышишь их? — спросил я у Прис.

Но Прис, стоя рядом со мной, прильнув всем телом, только рассмеялась — легко и сочувственно. Она не отрываясь смотрела на меня пустым взглядом. И еще я почувствовал в ней какую-то настороженность. Тревогу за себя, за меняющуюся реальность, за то, что происходит в ее жизни, за само время, которое в этот момент остановилось.

Она нерешительно подняла руку, прикоснулась к моей щеке, провела по волосам кончиками пальцев.

В этот момент рядом за дверью раздался голос миссис Нилд:

— Мы уходим, мистер Розен, и оставляем квартиру в вашем распоряжении.

Где-то подальше было слышно ворчание Барроуза:

— Эта девчонка, там, в спальне, просто недоразвитая. Ей все как с гуся вода. Что она вообще там делает? С ее тощим телом...— его голос затих вдали.

---

[1] Er schlaft in der Freiheit der Liebesnacht *(нем.)* — он спит в свободе ночи любви.

— Очень мило,— отреагировал отец.— Луис, тебе следовало бы поблагодарить их. Все же мистер Барроуз джентльмен... Неважно, что он говорит, судить о людях надо по их поступкам.

— Ты должен быть благодарен и ему, и миссис Нилд,— поддержал его Честер.

Оба они — и брат, и отец с сигарой в зубах — смотрели на меня с осуждением.

А я держал в объятиях Прис. И для меня это было все.

Глава 17

На следующий день мы с отцом и Честером вернулись в Бойс. Выяснилось, что доктор Хорстовски не может — или не хочет — заниматься мною. Тем не менее он передал мне несколько психологических тестов, чтобы поставить диагноз. Один из них, помнится, заключался в прослушивании магнитофонной записи, на которой несколько голосов приглушенно бубнили о чем-то своем. Разобрать можно было лишь отдельные фразы. Моя задача заключалась в том, чтоб записать последовательно смысл этих диалогов.

Думаю, Хорстовски поставил свой диагноз именно на основании этого теста, поскольку мне казалось, что каждый из этих разговоров шел обо мне. Я слышал, как они подробно обсуждали мои недостатки и неудачи, анализировали, что я, на самом деле, из себя представляю, давали оценку моему поведению... Безусловно, они осуждали и меня, и Прис, и наши отношения.

Доктор Хорстовски не стал ничего подробно объяснять, только прокомментировал:

— Луис, каждый раз, как там говорят «мисс», вам слышится «Прис».— Похоже, это было не очень здорово.— Опять же, они говорили не «Луис», а «круиз» — речь шла о путешествии.

Он бросил на меня суровый взгляд, после чего умыл руки.

Однако я не остался вне зоны внимания психиатрии, так как доктор Хорстовски перепоручил меня Уполномоченному представителю бюро психического здоровья от Пятого округа, что на Северо-Западном побережье. Я слышал о нем. Его звали доктор Рагланд Найси, и в его обязанности входило принятие окончательного решения в каждом отдельном случае, когда возникала необходимость помещения больного в психлечебницу в нашем регионе. Начиная с 1980 года он собственноручно отправил в клиники Бюро тысячи людей с теми или иными нарушениями психики. Он считался блестящим психиатром и диагностом. На протяжении многих лет бытовала даже шутка, что все мы рано

или поздно окажемся в руках доктора Найси. Что ж, немало было таких, для кого это оказалось печальной правдой.

— Вы увидите, что доктор Найси — очень знающий и благожелательный человек,— уверял меня Хорстовски, пока мы ехали от офиса доктора в подразделение Бюро, расположенное в Бойсе.

— Очень мило с вашей стороны, что вы согласились сопровождать меня,— поблагодарил я доктора.

— Да бросьте, мне это несложно, я ведь все равно каждый день там бываю. Зато я избавлю вас от необходимости появляться перед присяжными и оплачивать судебные издержки... как вы знаете, окончательный вердикт в любом случае выносит доктор Найси, и вам лучше оказаться в его руках не по решению суда.

Я кивнул, это действительно было так.

— Надеюсь, ситуация не порождает у вас чувства враждебности, мой друг? — спросил Хорстовски.— Поверьте, сам факт помещения в клинику Бюро вовсе не означает позорного клейма... по всей стране это происходит ежеминутно — каждый девятый испытывает в той или иной форме разлагающее действие психических заболеваний, которое делает невозможным их пребывание...— Он прервался, заметив, что я не слушаю. А какой смысл? Мне все это было знакомо по бесконечным телевизионным рекламам и журнальным статьям.

Хотя, если быть честным, я злился на Хорстовски за то, что он самоустранился и отфутболил меня к психиатрам Бюро. Формально он был прав: именно так и следовало ему поступать, обнаружив у себя на участке психотика, но все же я рассчитывал на его помощь. По правде говоря, я злился на всех, включая двух симулякров. Проезжая по солнечным знакомым улицам Бойсе, я смотрел на всех прохожих и видел в них врагов и предателей. Окружающий мир казался мне чуждым и ненавистным.

Несомненно, все это и многое другое было понятно доктору Хорстовски из тех тестов, которые я выполнял по его просьбе. Так, например, в тесте Роршаха в каждой кляксе и закорючке мне виделось какое-то чудовищное, грохочущее, состоящее из острых углов и опасных поверхностей механическое начало. Я был уверен: этот монстр изначально был создан для того, чтобы своим безумным, смертоносным движением искалечить меня. На самом деле этот кошмар преследовал меня и во время поездки в Бюро к доктору Найси: я явственно видел контуры машин и людей в них, преследовавших нас с момента моего возвращения в Бойсе.

— Вы думаете, доктор Найси поможет мне? — спросил я у Хорстовски, когда мы становились у современного многоэтажно-

го здания с множеством окон. Я чувствовал, что мое беспокойство перерастает в панику.— Я хочу сказать, ведь психиатры из Бюро владеют всеми этими новыми технологиями, которых даже у вас нет. Ну знаете, эти последние...

— Я бы сказал: в зависимости от того, что вы понимаете под помощью,— ответил Хорстовски, отворяя дверцу машины и делая мне знак следовать за ним в здание.

И вот я стоял здесь, на первом этаже, в приемном отделении Федерального управления психического здоровья. Там, где многие стояли до меня — на пороге новой эры в жизни.

Мне вспомнилась Прис, которая пророчила, что некая внутренняя неустойчивость рано или поздно приведет меня к беде. Как же она была права! Разбитый, разочаровавшийся, обуреваемый галлюцинациями, я оказался на попечении властей, как сама Прис несколькими годами раньше. Я не видел диагноза доктора Хорстовски, но и без того знал, что он обнаружил шизофренические реакции в моей психике... К чему отрицать очевидное, я и сам чувствовал это в себе.

Счастье еще, что мне, в отличие от многочисленных бедолаг, можно было помочь.

Бог знает, что могло произойти со мной в том состоянии, в котором я пребывал,— самоубийство или общий коллапс, из которого не было возврата. Мне здорово повезло, что они захватили заболевание в самом начале — это давало мне надежду. Я понимал, что находился на ранней стадии кататонического возбуждения, которое грозило мне устойчивой неприспособленностью в виде ужасной гебефрении или паранойи. Моя болезнь была в начальной, простой форме, поддающейся лечению. Спасибо моему отцу и брату, которые своевременно вмешались.

И все же, несмотря на все мои знания, я шел в офис Бюро с доктором Хорстовски в состоянии смертельного страха и враждебности, осознавая враждебность вокруг себя. У меня было внутреннее озарение и в то же время не было, одна часть меня все знала и понимала, а другая — билась, как плененное животное, стремясь вырваться на свободу, в привычную среду, в знакомые места.

Теперь, по крайней мере, понятно, почему Акт Мак-Хестона столь необходим.

Истинный психотик, такой, как я, *никогда не будет искать помощи по собственной инициативе* — это возможно только благодаря закону. Именно это и означает быть психотиком.

Прис, подумал я, и ты такая же. Они высчитали тебя еще в школе, схватили и изолировали от всех остальных, убрали, как сейчас убрали меня. Им удалось вернуть тебя в общество. Получится ли то же со мной?

И буду ли я похож на тебя по завершении терапии, подумал я? Какую именно часть меня они сохранят? А что будет с моим чувством к тебе? Буду ли я помнить тебя? И если да, буду ли я так же любить тебя, как сейчас?

Доктор Хорстовски оставил меня в приемной, где я около часа сидел с другими, такими же смятенными больными, пока, наконец, не вошла медсестра и не вызвала меня. В маленьком кабинете я встретился с доктором Найси. Он оказался симпатичным мужчиной, немногим старше меня самого, с мягкими карими глазами и хорошо причесанными густыми волосами. Его осторожные, вкрадчивые манеры живо напомнили мне ветеринарную клинику: он сочувственно поинтересовался, удобно ли мне и понимаю ли я, почему здесь оказался?

— Я здесь,— ответил я,— потому что у меня возникли проблемы там. Я не мог соотносить свои эмоции и желания с другими людьми.— Эту фразу я заготовил еще во время долгого ожидания в приемной.— Таким образом, я не имел возможности удовлетворять свои потребности в мире реальных людей и вынужден был обратиться к вымышленному миру моих фантазий.

Откинувшись на стуле, доктор Найси задумчиво изучал мою особу.

— Я правильно понимаю, что именно это вы хотели бы изменить? — спросил он.

— Я хотел бы получать настоящее удовлетворение.

— А от общения с другими людьми вы ничего не получаете?

— Нет, доктор. Видите ли, доктор, моя реальность никак не смыкается с миром переживаний других людей. Вот вы, например. Если я расскажу вам о своем, вы посчитаете это фантазией. Я имею в виду, о ней.

— О ком, о ней?

— О Прис.

Он подождал, но я не стал продолжать.

— Доктор Хорстовски по телефону вкратце коснулся ваших проблем,— сообщил мне Найси.— В моем понимании у вас прогрессирующие проблемы с тем, что принято называть шизофренией типа *Magna Mater*[1]. Кстати сказать, мне следовало бы

[1] Magna Mater *(лат.)* — великая мать.

начать с теста пословиц Джеймса Бенджамина, а затем проверить вас на советский блоковый тест Выгодского — Лурье.

Он кивнул, и сестра откуда-то из-за моей спины поднесла ему блокнот и ручку.

— Итак, я вам приведу несколько пословиц, а вы постараетесь мне объяснить, что они означают. Готовы?

— Да.

— «Без кота мышам раздолье».

Я обдумал свой ответ прежде, чем высказаться:

— В отсутствие власти возможны правонарушения.

Так я отвечал — довольно бойко, пока мы не дошли до пословицы номер шесть, которая оказалась для меня фатальной.

— «Катящийся камень мхом не обрастет».

Сколько ни старался, я никак не мог вспомнить значение этого высказывания.

Наконец, я рискнул:

— Ну, это означает, что человек активный, никогда не предающийся раздумьям...

Нет, пожалуй, моя трактовка звучала неверно. Я сделал еще одну попытку:

— Человек, всегда активный, развивающийся в умственном и нравственном смысле, никогда не испытывает застоя.

Доктор смотрел на меня очень внимательно, так что я счел нужным уточнить:

— Я имею в виду, что человек, который всегда активен и не дает расти траве под ногами, успешно продвигается в жизни.

— Ясно,— сказал доктор Найси.

Я понял, что провалился, обеспечив себе официальный диагноз «шизофренический беспорядок мышления».

— Да что же это означает? — в отчаянии спросил я.— Что, я все говорил наоборот?

— Боюсь, что так. Общепринятое значение пословицы как раз обратно тому, что привели вы. Обычно она означает, что человек, который...

— Подождите, вы не должны подсказывать,— прервал я его.— Я вспомнил, я знаю на самом деле: человек непоседливый никогда не приобретет ничего ценного.

Доктор Найси кивнул и перешел к следующей пословице. Однако в блокноте появилась роковая запись: «Нарушение формального мышления».

После пословиц я пытался классифицировать блоки — группы однородных предметов, но без особого успеха. Мы оба вздох-

нули с облегчением, когда я, наконец, сдался и отпихнул от себя эти чертовы кубики.

— Именно так,— кивнул доктор Найси и сделал знак медсестре уходить.— Думаю, мы можем перейти к заполнению форм. У вас есть какие-нибудь пожелания насчет клиники? По-моему, самым лучшим вариантом будет клиника в Лос-Анджелесе, хотя, возможно, это просто потому, что знаю ее лучше других. Касанин-клиник в Канзас-Сити...

— Отправьте меня туда,— попросил я.

— Какие-то особые причины?

— Видите ли, несколько моих близких друзей вышли оттуда,— уклончиво пояснил я.

Он смотрел выжидающе, как бы подозревая глубинные мотивы.

— И, мне кажется, у нее хорошая репутация. Почти все, кому действительно помогли с психическими заболеваниями, по моим данным, лечились именно там. Я не хочу сказать, что другие клиники плохи, но, по-моему, эта лучшая. Моя тетушка Гретхен сейчас находится в клинике Гарри Стэка Салливана, что в Сан-Диего. Знаете, она стала первым в моей жизни человеком с психическим расстройством. А после нее была еще куча народу, потому что ведь многие больны, и об этом каждый день говорят по телевизору. Взять хотя бы моего кузена Лео Роджеса — он все еще где-то в клинике. Мой учитель английского языка в средней школе мистер Хаскинс — он умер в клинике.. А еще недалеко от нас жил старый итальянец, уже на пенсии, Джорджо Оливьери — его увезли с приступом кататонического возбуждения. И мой армейский дружок Арт Боулз — с диагнозом «шизофрения» его отправили в клинику Фромм-Ричман в Нью-Йорке. А также Элисон Джонсон, девушка, с которой я ходил в колледж, она в клинике Сэмюэля Андерсона в Третьем округе, это в Батон-Руж, Луизиана. Ну, и еще человек, на которого я работал, Эд Йетс — он схлопотал шизофрению, которая потом перешла в паранойю. Уолдо Дангерфилд, еще один мой приятель. И Глория Мильштейн, девушка, которую я знал, она вообще бог знает где. Ее поймали на психологическом тесте, когда она устраивалась машинисткой. Психиатры из Бюро прихватили ее... она была такая невысокая, темноволосая, очень симпатичная. И никто так и не знает, что там показал этот тест. А Джон Франклин Манн? Продавец подержанных машин, я был знаком с ним... У него нашли запущенную шизофрению и увезли. Думаю, он в Касанинской клинике, потому что у него родственники в Миссури. И Мардж Моррисон, еще одна моя знакомая — ее сейчас выпустили. Уверен, она лечилась в Касанине. Все из них, сэр, кто побывал в Касанин-

ской клинике, сейчас как новенькие, если не лучше. В Касанине не просто обеспечивают соответствие Акту Мак-Хестона, они действительно излечивают. По крайней мере, мне так кажется.

Доктор Найси записал на обороте правительственного бланка: «Касанинская клиника, Канзас-Сити» — и я вздохнул с облегчением.

— Вы правы,— пробормотал он,— говорят, в Канзас-Сити очень хорошо. Вы ведь знаете, что президент провел там два месяца?

— Я слышал об этом,— признался я. Всем известна история о том, как будущий президент в подростковом возрасте героически вступил в схватку с психической болезнью и одержал триумфальную победу где-то лет в двадцать.

— А теперь, прежде, чем мы расстанемся,— продолжил доктор Найси,— мне хотелось вам немного рассказать о вашей болезни — шизофрении типа *Magna Mater.*

— Отлично,— согласился я,— мне будет интересно узнать.

— На самом деле для меня этот случай представляет особый интерес. Я даже подготовил несколько монографий на эту тему. Вы знакомы с точкой зрения Андерсона, трактующей подвиды шизофрении в соответствии с направлениями религии?

Я кивнул. Его теория освещалась практически во всех американских журналах, это было очень модно.

— Первоначально шизофрения встречается в гелиоцентрической форме, в основе которой лежит поклонение Солнцу. Причем в нашей ситуации Солнце, как правило, ассоциируется у больного с образом отца. Вы счастливо миновали эту фазу. Гелиоцентрическая форма является наиболее примитивной, ей соответствуют наиболее ранние религии, связанные с поклонением Солнцу, включая митраизм[1] — гелиоцентрический культ времен Древнего Рима. Сюда же относится солнечный культ в Персии — поклонение Ахурамазде.[2]

— Ясно.

— Теперь рассмотрим форму *Magna Mater,* ваш тип заболевания. В Средиземноморье времен Микенской цивилизации существовал культ поклонения женскому божеству. Ну знаете, Иштар[3],

---

[1] Митраизм — религия, связанная с поклонением верховному богу добра и света Митре. Возникла в последние века до нашей эры в Иране и распространилась на территории Римской империи и в Передней Азии. *(Прим. перев.)*

[2] Ахурамазда — бог-солнце, спаситель в религии Древней Индии и Древнего Ирана. *(Прим. перев.)*

[3] Иштар — центральное женское божество вавилонско-ассирийской мифологии, богиня плодородия, плотской любви, войны и распри. *(Прим. перев.)*

Кибела[1] с Аттисом[2], позднее сама Афина... и в окончательном варианте — Дева Мария. Происшедшее с вами связано с тем, что ваша душа, так сказать, воплощение вашего бессознательного, ее архетип проецируется вовне, на окружающий мир, воплощается в нем и становится предметом поклонения.

— Так.

— Причем, данное воплощение может ощущаться вами, как нечто невероятно могущественное, опасное, даже враждебное, и несмотря на это, крайне притягательное. По сути — это олицетворение всех пар противоположностей: жизнь во всей ее полноте и в то же время смерть; всеобъемлющая любовь и холодность; ум, но и деструктивная аналитическая тенденция, которая, как известно, не является созидающей. В нашем подсознательном дремлют некоторые противоположности, которые обычно превозмогаются гешальтом нашего сознания. Когда же эти противоположности переживаются непосредственно, как в вашем случае, то мы их не осознаем и, соответственно, не можем победить. В такой ситуации они разрушают и, в конечном итоге, уничтожают наше эго, поскольку, как вы уже знаете, являются архетипами и не могут быть ассимилированы нашим эго.

— Ясно,— повторил я.

— Таким образом, ваше преобразованное сознание не в состоянии дальше функционировать, оно теряет власть и передает свои функции бессознательному. При этом никакие контакты с вашей душой невозможны,— заключил доктор Найси.— Повторюсь, у вас довольно мягкая форма шизофрении, но тем не менее, это болезнь, которая подлежит лечению в федеральном учреждении. Я надеюсь увидеть вас после возвращения из Касанинской клиники, уверен — прогресс в вашем случае будет колоссальным.

Доктор улыбнулся мне с искренней теплотой, и я ответил ему тем же. На прощание мы пожали друг другу руки.

Так начался мой путь в Касанинскую клинику в Канзас-Сити.

На официальном слушании дела перед свидетелями доктор Найси представил меня и выразил надежду, что нет причин, препятствующих моему немедленному отбытию в Канзас-Сити. Все эти формальности произвели на меня столь тягостное впечатление,

---

[1] Кибела — богиня плодородия в мифологии и верованиях фригийцев. *(Прим. перев.)*

[2] Аттис — фригийский бог природы. Согласно мифу, Атис был пастухом и его полюбила Кибела; смертельно раненный на охоте кабаном, он превратился после смерти в сосну. *(Прим. перев.)*

что еще больше укрепили в желании как можно скорее попасть в клинику. Хотя Найси предоставил мне двадцать четыре часа на то, чтоб завершить все свои дела, я решил сократить этот срок, уж больно мне хотелось уехать. В конце концов мы сошлись на восьми часах. Сотрудники Найси зарезервировали место на самолете, из Бюро я ехал на такси, чтобы вернуться в Онтарио и провести время, которое отделяло меня от моего великого путешествия на Восток.

Такси привезло меня к дому Мори, где хранилась большая часть моих вещей. Так что очень скоро я уже стучался в знакомую дверь. Дома никого не оказалось. Я тронул ручку, обнаружил, что там было не заперто, и вошел в пустой, безмолвный дом.

Я заглянул в ванную, увидел, что мозаика, над которой трудилась Прис в ту первую ночь, уже завершена. Какое-то время я стоял и разглядывал ее работу, дивясь краскам и рисунку. На стене красовались рыбки и русалка, и осьминог с глазами-пуговицами — она все-таки закончила его!

Одна голубая плитка отставала, я аккуратно ее отковырял, очистил от засохшего раствора и положил в карман пальто.

«Это на тот случай, если я вдруг тебя забуду,— сказал я про себя.— Тебя и твою мозаику в ванной комнате, твою русалку с алыми сосками и все это множество чудесных, таинственных созданий, обитающих в подводном мире».

Извечная, безмятежная вода... Ее линия проходила выше моей головы, почти на высоте восьми футов, а выше было небо. Совсем немного неба. Похоже, оно не играло никакой роли в этом мирозданье.

Стоя так, я услышал какой-то шум и стук у входной двери. Что им нужно от меня?

Затем я вспомнил, где я, и попытался сообразить, в чем дело. Ждать пришлось недолго, через несколько мгновений в комнату влетел запыхавшийся Мори Рок. Увидев меня, он резко остановился.

— Луис Розен,— констатировал он.— В моей ванной.

— Я уже ухожу.

— Соседка позвонила мне в офис, она видела, как ты вышел из машины и вошел в дом в мое отсутствие.

— Следите.— Честно говоря, я не очень удивился.— Они повсюду, куда бы я ни пошел.

Я продолжал стоять, засунув руки в карманы и глядя на многоцветье на стене.

— Просто соседка подумала, что мне надо знать. Я так и думал, что это ты.— Он посмотрел на мой чемодан и вещи, которые я собрал.— Ты на самом деле псих! Ты же, должно быть,

только приехал из Сиэтла — когда, кстати, ты приехал? Наверное, не раньше сегодняшнего утра. И снова куда-то собрался.

— Мне надо ехать, Мори,— сказал я.— Закон требует.

Он продолжал смотреть, челюсть медленно отвисала, затем вдруг понял и вспыхнул.

— Прости, Луис,— сказал он,— за то, что назвал тебя психом.

— Но это правда. Сегодня я проходил тест пословиц Бенджамина и еще другой, с блоками. И там, и там провалился. Комиссия уже заседала по моему поводу.

Мори стоял, потирая челюсть.

— А кто тебя сдал? — спросил он.

— Отец и Честер.

— Черт побери! Твои родственники!

— Они спасали меня от паранойи. Послушай, Мори,— я заглянул ему в лицо,— ты не знаешь, где она?

— Честное слово, Луис, если б знал, я бы сказал тебе. Именно потому что у тебя все так сложилось.

— Знаешь, куда меня отправляют на лечение?

— В Канзас-Сити?

Я кивнул.

— Может, ты ее там увидишь. Вполне возможно, что чиновники Бюро снова отправили ее туда, а мне сообщить забыли.

— Да, так бывает.

Он подошел поближе, похлопал меня по спине.

— Удачи тебе, сукин ты сын! Я знаю, ты выкарабкаешься. У тебя ведь, полагаю, шизофрения и ничего больше?

— Шизофрения по типу *Magna Mater*.— Я полез в карман, достал плитку и показал Мори.— Чтобы помнить ее. Надеюсь, ты не возражаешь? Это ведь твой дом и твоя мозаика, в конце концов.

— Забирай. Забирай всю рыбку, или сосок, если хочешь.— Он обернулся к русалке.— Я не шучу, Луис. Мы сейчас отковыряем этот розовый сосок, и ты сможешь вёзде носить его с собой, хорошо?

— Отлично.

Мы стояли, глядя друг на друга.

— Скажи, каково это — иметь шизофрению? — спросил он.

— Плохо, Мори. Очень, очень плохо.

— Прис то же самое всегда говорила. Она была ужасно рада избавиться от нее.

— Эта поездка в Сиэтл, все из-за нее. То, что они называют кататоническим возбуждением... Знаешь, это ощущение безотлагательности, будто ты должен что-то делать немедленно. И, как

правило, оказывается, что все неправильно. Твои действия ничего не дают, и ты понимаешь это и впадаешь в панику, а потом тебя накрывает настоящий психоз. Я слышал голоса и видел...— тут я прервался.

— Что ты видел?

— Прис.

— Keerist... Дело дрянь.

— Ты отвезешь меня в аэропорт?

— Конечно, дружище,— кивнул он с готовностью.— Конечно.

— Я хочу выехать попозже вечером,— сказал я.— Может, мы пообедаем вместе? После того, что случилось, мне совсем не хочется видеться с семьей. Как-то стыдно.

Мори покачал головой:

— Как ты можешь так здраво рассуждать, будучи шизофреником?

— Видишь ли, сейчас напряжение спало, и я в состоянии фокусировать мое внимание. В этом как раз и проявляется вспышка шизофрении: ослабление внимания, так что бессознательное берет верх и подавляет все остальное. Пойми, эти процессы очень древние, архетипичные — они подавляют воспитанность, образованность. Человек начинает вести себя, как в пять лет, не шизофренику этого не понять.

— И ты начинаешь мыслить, как сумасшедший: будто все против тебя, а ты — центр вселенной?

— Нет,— поправил я,— доктор Найси объяснил мне, что то, о чем ты говоришь, характерно для гелиоцентрического шизофреника, который...

— Найси? Рагланд Найси? Ну конечно по закону ты должен был встречаться с ним. Он освидетельствовал Прис в самом начале, лично давал ей тест Выгодского — Лурье у себя в офисе. Мне всегда хотелось посмотреть на него.

— Замечательный мужчина. И очень человечный.

— Ты можешь быть опасен?

— Только если раздражен.

— Можно тогда тебя оставить?

— Думаю, да,— сказал я.— Увидимся позже вечером. Здесь же, за обедом. Где-то в шесть, чтоб осталось время на перелет.

— Могу я что-нибудь сделать для тебя? Что-то принести?

— Нет, но спасибо.

Мори провел еще какое-то время в доме, затем я услышал, как входная дверь хлопнула. Дом снова затих. И я был один, как прежде.

Я не спеша начал упаковываться.

* * *

Мы с Мори вместе пообедали, а затем он повез меня в аэропорт Бойсе на своем белом «ягуаре». Я смотрел на проносящиеся мимо улицы, и каждая встречная женщина казалась мне — по крайней мере, в первый момент — похожей на Прис. Каждый раз я напрягался, но это оказывалось ошибкой. Мори видел мою состояние, но ничего не говорил.

Место, которое было для меня забронировано, оказалось в первом классе новой австралийской ракеты, SI-80. Это меня не очень удивило, я подумал, что у Бюро немалые фонды. Весь перелет до аэропорта Канзас-Сити занял всего полчаса. Так что когда я вышел из ракеты и стал осматриваться в поисках сопровождающих из Бюро, еще не было и девяти.

Внизу у пандуса я заметил двоих молодых людей — парня и девушку, одетых в клетчатые пальто веселой расцветки. Они двинулись ко мне. Это было мое сопровождение — в Бойсе меня проинструктировали относительно пальто.

— Мистер Розен? — вопросительно произнес молодой человек.

— Так точно,— ответил я, направляясь к зданию аэровокзала.

Они заняли место по обеим сторонам от меня.

— Сегодня немного прохладно,— заметила девушка.

Им было не больше двадцати, как мне показалось. Оба с ясными глазами и, несомненно, с чистыми сердцами. Наверное, пришли в Бюро с самыми идеалистическими намерениями, в поисках подвигов, один из которых совершался прямо сейчас. Они шагали легким и быстрым шагом, подводя меня к окошку выдачи багажа, болтая ни о чем... Наверное, я бы чувствовал себя в их присутствии совсем легко, если бы в свете сигнальных мигалок девушка не была так похожа на Прис.

— Как вас зовут? — поинтересовался я.

— Джули,— улыбнулась она.— А это Ральф.

— А вы... скажите, а вы не помните пациентку, которая была у вас несколько месяцев назад? Девушка из Бойсе по имени Прис Фраунциммер?

— Простите,— развела руками девушка,— я пришла в Касанинскую клинику только на прошлой неделе. Собственно, мы оба,— она указала на своего спутника,— вступили в Корпус психического здоровья только весной.

— И как вам нравится здесь? — поинтересовался я.— Именно так, как ожидали?

— О, это очень полезное дело,— с воодушевлением сказала девушка.— Не правда ли, Ральф? — Он кивнул.— Мы стараемся ничего не пропускать

— Вам известно что-нибудь обо мне? — спросил я, пока мы дожидались мои чемоданы.

— Только то, что с вами будет работать доктор Шедд,— ответил Ральф.

— Он супер! — добавила Джули.— Вот увидите, вы влюбитесь в него. Он так много делает для людей. И у него отличные показатели!

Появились мои чемоданы.

Ральф подхватил один, я — другой, и мы двинулись к выходу на улицу.

— Приятный аэропорт,— похвалил я.— Раньше мне здесь не доводилось бывать.

— А его только достроили в этом году,— начал рассказывать Ральф.— Это первый аэропорт, способный обслуживать как внутренние, так и межпланетные полеты. Вы, например, можете попасть на Луну прямо отсюда, без пересадок.

— Только не я.— Кажется, Ральф меня не услышал.

Вскоре мы уже сидели в вертолете — собственность клиники,— который пролетал над крышами Канзас-Сити. Воздух был холодный и свежий, а под нами миллионы огней складывались в бесконечные узоры и бессмысленные созвездия, которые на поверку оказывались вовсе не узорами, а просто звездными скоплениями.

— Скажите, вы верите,— спросил я,— что каждый раз, как кто-нибудь умирает, в Канзас-Сити зажигается новый огонек?

И Ральф, и Джули улыбнулись моему остроумному замечанию.

— Вы знаете, что бы со мной случилось, если б не работала обязательная программа психического здоровья? Я бы сейчас уже был мертв. Так что, литературно выражаясь, это спасло мне жизнь.

Они оба вновь улыбнулись.

— Остается благодарить Бога, что Конгресс пропустил Акт Мак-Хестона,— заметил я.

Оба серьезно покивали.

— Вы вряд ли себе представляете, на что это похоже — кататоническое беспокойство, эта тяга. Вас заводит все больше и больше и потом вдруг — бац! — вы в коллапсе. Вы осознаете, что у вас не все в порядке с головой, вы живете в царстве теней. Прямо на глазах моего отца и брата я совокуплялся с девушкой, которая существовала только в моем сознании. Я слышал людей, комментировавших нас, пока мы это делали, через дверь.

— Вы делали это через дверь? — живо заинтересовался Ральф.

— Да нет, он имеет в виду — слышал комментарии через дверь,— пояснила Джули. Голоса, которые делали замечания по поводу того, чем он занимался, и выражали неодобрение. Правильно, мистер Розен?

— Да,— согласился я.— И тот факт, что вам приходится перевозить меня, свидетельствует о сильном снижении моей способности к общению. Раньше я легко мог формулировать все — четко и понятно. Но это было до того, как доктор Найси, благодаря своей загадке о катящихся камнях, вскрыл разрыв между моим личным языком и таковым у общества. И только тогда я понял, в какую беду попал.

— Ах да,— кивнула Джули,— номер шесть из теста пословиц Бенджамина.

— Хотел бы я знать, на какой такой пословице провалилась Прис несколько лет назад, что доктор Найси выделил ее?

— Кто такая Прис? — поинтересовалась Джули.

— Думаю, та девушка, с которой он совокуплялся,— высказался Ральф.

— Точно,— подтвердил я.— Она была здесь когда-то, еще до вас. Сейчас с ней все в порядке, ее освободили условно. Доктор Найси говорит, она — моя Великая Мать. Моя жизнь посвящена поклонению Прис, как если б она была богиней. Я проецирую ее архетип на вселенную, не вижу ничего, кроме нее. Все прочее для меня нереально. И наше путешествие, и вы двое, и доктор Найси, и вся клиника Канзас-Сити — все это просто тени.

После такого заявления продолжать разговор стало как-то бессмысленно. Так что остаток пути мы проделали в молчании.

Глава 18

На следующий день в десять утра я встретился с доктором Альбертом Шеддом в парилке Касанинской клиники. Голые пациенты, развалившись, сидели в клубах пара, в то время как одетые в голубые трусы работники хлопотали вокруг них. Очевидно, эта минимальная одежда являлась униформой предприятия или их должности — а может, просто должна была служить для их отличия от больных.

Доктор Шедд возник из белых облаков и с дружелюбной улыбкой направился ко мне. Он оказался старше, чем я предполагал, по меньшей мере лет семидесяти. Его волосы, как проволока, торчали во все стороны из круглого, изборожденного

морщинами черепа. Зато кожа в клубах пара казалась розовой и здоровой, как у младенца.

— Доброе утро, Розен,— поздоровался доктор, кивая и лукаво поглядывая на меня. Ну чисто гном из сказки! — Как ваше путешествие?

— Благодарю вас, прекрасно.

— Других самолетов не было, уж не обессудьте,— хихикнул он.

Я искренне восхитился его шутке, поскольку сам факт предполагал веру доктора в меня, в то, что какое-то здоровое начало во мне не утратило способность воспринимать юмор.

Он как бы подтрунивал над моей паранойей, мягко объявляя ей войну.

— Как вы думаете, подобная необычная обстановка не помешает нашей беседе? — осведомился доктор Шедд.

— Ничуть. Я люблю посещать финскую парилку, когда оказываюсь в Лос-Анджелесе.

— Ну что ж, давайте посмотрим,— он заглянул в свою папочку.— Вы — продавец пианино и электроорганов.

— Верно. Розеновский электроорган — лучший в мире.

— На момент возникновения шизофренического эпизода вы находились в Сиэтле, чтобы встретиться по делам с мистером Барроузом. Так получается согласно письменным показаниям ваших родственников.

— Именно так.

— Мы ознакомились с вашими результатами на школьном психологическом тесте и, похоже, у вас не было никаких сложностей... в девятнадцать лет вы поступаете на воинскую службу, там тоже проблем не возникает. Аналогично — при поступлении на работу. Создается впечатление, что у вас скорее ситуативная шизофрения, чем пожизненный процесс. Я так понимаю, что в Сиэтле вам довелось пережить сильнейший стресс?

— Совершенно верно,— энергично кивнул я.

— Возможно, подобная ситуация больше никогда не возникнет в вашей жизни. Но, тем не менее, это был опасный знак, своего рода предупреждение, с которым необходимо считаться.— Он довольно долго изучал меня сквозь клубы пара.— Я предполагаю, в вашем случае нам удастся успешно справиться с проблемой при помощи так называемой терапии *контролируемой фуги*. Слышали о такой?

— Нет, доктор,— честно признался я. Но мне понравилось, как это звучит.

— Вам будут давать галлюциногенные препараты — лекарства, вызывающие психический надлом и возникновение галлюцинаций. Ежедневно, на протяжении строго фиксированного периода. Это позволит вашему либидо освободиться от регрессивных желаний, которые являются в настоящее время слишком сильными, чтоб их переносить. Затем мы постепенно начнем уменьшать фуговый период, чтоб в конце концов надобность в нем отпала. Некоторое вам время придется провести здесь. В будущем, будем надеяться, вы сможете вернуться в Бойсе, к своим делам, и продолжать нашу терапию там, амбулаторно, так сказать. У нас здесь, знаете ли, все перегружено, как вы и сами, наверное, могли заметить.

— Да, я знаю.

— Так как, согласны вы попробовать такой способ лечения?

— Да!

— Подумайте, это предполагает продолжение шизофренических эпизодов, правда, происходить они будут под квалифицированным наблюдением.

— Неважно, я хочу попытаться.

— Вас не будет смущать, если я и другие сотрудники будем присутствовать во время описанных эпизодов, чтобы наблюдать ваше поведение? Я хочу сказать, это будет вмешательством в вашу личную жизнь...

— Нет,— поспешно прервал я его,— меня это не смущает, мне безразлично, кто наблюдает.

— Прекрасно,— задумчиво сказал доктор,— такое отношение к моменту наблюдения означает, что ваша тенденция к паранойе не так уж сильна.

— Меня это ни капельки не тревожит.

— Ну и отлично.— Шедд выглядел довольным.— Думаю, прогнозы весьма положительны.

И с этими словами доктор в своих голубых трусах и папочкой под мышкой снова удалился в гущу пара. На этом мое первое собеседование с психиатром Касанинской клиники было завершено.

Как-то после обеда меня привели в большую чистую комнату, где уже дожидались два доктора и несколько медсестер. Меня уложили на стол, обтянутый кожей, привязали ремнями и ввели внутривенно галюциногенный препарат. Мои наблюдатели, по виду уже уставшие, но все же внимательные и дружелюбные, стояли рядом и ждали. Ждал и я — босой, одетый в больничный халат, с вытянутыми, прикрученными к столу руками.

Прошло несколько минут, и наркотик начал действовать. Мне пригрезилось, что я сижу на скамейке в парке Джека Лондона, прямо в центре Окленда, штат Калифорния. Рядом со мной сидит Прис и кормит крошками целую стаю сизых голубей. Она одета в свои бриджи «капри», зеленый свитер с высоким воротником, волосы повязаны красной клетчатой банданой. Прис настолько поглощена своим занятием, что абсолютно меня не замечает.

— Эй,— зову я.

Прис оборачивается и спокойно произносит:

— Черт тебя побери, Луис. Я же велела тебе сидеть тихо. Если ты будешь болтать, то распугаешь всех голубей, и они перелетят вон к тому старику!

Действительно, неподалеку от нас на скамеечке сидит улыбающийся доктор Шедд с полным пакетом хлебных крошек. Таким хитрым образом мое сознание инкорпорировало присутствующего в комнате доктора в мои грезы.

— Прис,— тихо говорю я,— мне надо поговорить с тобой.

— Еще чего! — У нее холодный, отчужденный тон.— Может, тебе и нужно, но не мне. Ты об этом не подумал?

— Подумал,— обреченно сказал я.

— Непохоже. Лучше помолчи! И знаешь: я вполне счастлива и довольна, занимаясь тем, что ты видишь.— Она снова вернулась к своим птицам.

— Прис, ты любишь меня? — спросил я.

— О, боже! Конечно, нет!

Но я-то чувствовал, что это неправда.

Мы еще какое-то время посидели на скамейке, а затем парк, скамейка и Прис исчезли, и я снова обнаружил, что лежу привязанный на столе, под наблюдением доктора Шедда и уставших сестер из Касанинской клиники.

Теперь все прошло значительно лучше,— заметил доктор, пока они меня освобождали.

— Лучше, чем что?

— Чем в два предыдущих раза.

Я не мог припомнить предыдущих разов, о чем и сказал Шедду.

— Ничего удивительного,— улыбнулся доктор.— Ведь они были безуспешными. Ваш мир фантазии не удалось активировать — вы просто заснули. Но теперь, думаю, каждая новая попытка будет давать результаты.

Они вернули меня в мою комнату. На следующее утро я снова пришел в кабинет терапии, чтоб продолжить свое путешествие в фуговый мир фантазии, провести отведенный мне час с Прис.

После того, как меня привязали, показался доктор Шедд и радостно приветствовал меня:

— Розен, я собираюсь испробовать вас в групповой терапии, это должно усилить эффект того, что мы делаем. Вы понимаете, в чем заключается групповая терапия? Вам надлежит выйти со своими проблемами в общество ваших товарищей, обсудить их с другими больными... вы будете слушать, как они обсуждают вас. Это поможет вам уяснить причины отклонений в вашем мышлении. Не волнуйтесь, все будет происходить в неформальной, дружелюбной атмосфере. И, безусловно, окажется чрезвычайно полезно для вас.

— Отлично.— На самом деле, я давно уже ощущал одиночество здесь, в клинике.

— У вас есть возражения против того, чтоб группа обсуждала данные ваших фуговых переживаний?

— Господи, нет, конечно. С чего бы?

— Материалы наших экспериментов будут записываться на окисную пленку и заранее предоставляться группе перед каждым занятием. Вы ведь были предупреждены, что мы записываем ваши фуги для аналитических целей? С вашего разрешения мы используем эти данные на наших групповых сессиях.

— Безусловно, я даю такое разрешение,— сказал я.— Я не возражаю, чтобы мои товарищи ознакомились с содержанием моих фантазий, особенно если они смогут помочь мне.

— Думаю, в целом мире не найти людей, которые бы больше стремились к этому,— заверил меня доктор Шедд.

После этого последовала положенная инъекция галлюциногена, и я снова соскользнул в очередную, строго контролируемую фугу.

Я сидел за рулем своего «шевроле», в плотном потоке машин возвращаясь домой в конце трудового дня. Голос по радио объявил о пробке где-то впереди на дороге.

— Беспорядок, смятение или хаос,— вещал он.— Я буду сопровождать вас повсюду.

Спасибо,— громко поблагодарил я.

На соседнем сидении Прис резко пошевелилась и сказала с раздражением:

— Ты всегда разговариваешь с радио? Это плохой признак. Я всегда подозревала, что твое психическое здоровье оставляет желать лучшего.

— Прис,— смиренно произнес я.— Что бы ты ни говорила, я все равно знаю: ты любишь меня. Разве ты не помнишь, как мы были с тобою вместе в Сиэтле, в квартире Колин Нилд?

— Нет.

— Ты забыла, как мы занимались любовью?

— Ох,— в голосе ее слышалось отвращение.

— Я знаю: ты любишь меня, независимо от того, что говоришь.

— Если ты собираешься продолжать в то же духе, то я лучше выйду прямо сейчас, на дороге. Меня тошнит от тебя.

— Прис,— спросил я, помолчав,— а почему мы едем вот так, вместе. Мы что, едем домой? Мы женаты?

— О, боже! — простонала она.

— Ответь мне,— попросил я, не отрывая глаз от грузовика передо мной.

Но Прис не ответила. Она скорчила гримаску и отодвинулась как можно дальше к двери.

— Мы женаты,— повторил я.— Я точно знаю.

Когда я вышел из своей фуги, доктор Шедд выглядел явно довольным.

— У вас наблюдается тенденция к прогрессу. Мне очень понравилось, что ваше регрессивное либидо несется вперед на машине, думаю, тут можно говорить об эффективном процессе внешнего очищения.— Он ободряюще похлопал меня по спине, как это раньше делал мой партнер Мори Рок.

Во время следующей моей контролируемой фуги Прис выглядела гораздо старше.

Стоял поздний вечер. Мы с ней медленно прогуливались по крупной железнодорожной станции в Шайене, штат Вайоминг. Прошли под сабвеем, по которому мчались грузовики, поднялись наверх на другой стороне и молча постояли. Я подумал, что ее лицо стало как-то более зрелым, что ли, как будто она повзрослела.

Прис определенно изменилась: слегка поправилась и стала заметно спокойнее.

— Скажи,— спросил я,— сколько мы уже женаты?

— А ты не знаешь?

— Так значит, мы все же женаты?

— Конечно, глупый. Неужто мы в грехе живем? Да что с тобой, в конце концов? Амнезия приключилась?

— Давай пойдем в тот бар, что мы видели напротив станции, так, кажется, весело.

— Пошли,— согласилась Прис и, когда мы снова начались спускаться, проговорила: — Хорошо, что ты увел меня с тех пустых путей, они меня расстраивают. Знаешь, о чем я начала думать? Каково это: стоять и смотреть на приближающийся поезд, а затем, в последний момент, взять и упасть под него? Что

почувствуешь, когда он проедет по тебе, разрежет пополам? Я думала: может, это хорошо — вот так покончить со всем? Просто упасть вперед, как будто заснуть...

— Не говори так,— попросил я и обнял Прис за плечи. Она была застывшая и неподатливая, как раньше.

Когда доктор Шедд вывел меня из этой фуги, он выглядел крайне озабоченным.

— Мне не очень нравятся нездоровые элементы, возникающие в вашей духовной проекции,— сказал он.— Хотя подобное следовало ожидать — мы все-таки еще далеки от конца курса. В нашей следующей попытке, пятнадцатой фуге...

— Пятнадцатой! — воскликнул я.— Вы хотите сказать, что это была четырнадцатая по счету?

— Вы здесь уже больше месяца, мой друг. Не удивляйтесь, что порой ваши эпизоды смешиваются, это нормально. Просто с некоторых пор прогресс замедлился, некоторые материалы повторяются. Но вы не волнуйтесь, мистер Розен.

— Хорошо, доктор,— мрачно ответил я.

Во время последующей попытки — хотя теперь я уже не был уверен, что это последующая попытка, все перепуталось у меня в сознании — я снова сидел с Прис на скамейке в оклендском парке Джека Лондона. Голуби все так же расхаживали у нас под ногами, но Прис не кормила их, а просто сидела, сложив руки на коленях и глядя в землю.

Она была тихой и печальной.

— В чем дело? — спросил я, пытаясь заглянуть ей в лицо.

По ее щеке скатилась слеза.

— Ни в чем, Луис,— ответила Прис. Она достала из сумочки платок, вытерла слезы, затем высморкалась.— Просто как-то пусто и уныло, вот и все. Возможно, я беременна. Задержка уже целую неделю.

Во мне поднялась буря восторга. Я схватил ее в объятья, поцеловал в холодные, сжатые губы.

— Это самая лучшая новость в моей жизни!

Прис подняла на меня свои серые грустные глаза.

— Хорошо, что тебя это так радует, Луис,— с легкой улыбкой она похлопала меня по руке.

Теперь я и сам видел изменения в ней. Вокруг глаз обозначились заметные морщинки, придававшие ей усталый и мрачный вид. Сколько времени прошло? Сколько раз мы были с ней вместе? Дюжину? Сотню? Я не мог точно сказать. С моим временем происходила странная штука, оно не текло вперед плавным потоком,

а двигалось какими-то рывками, то замирая на месте, то снова возобновляя свой бег. Я тоже чувствовал себя старше и куда безрадостнее, чем прежде. Но тем не менее это была радостная весть.

Вернувшись в кабинет клиники, я поведал доктору Шедду о беременности Прис, и он разделил мою радость.

— Видите, Розен,— сказал он, ваши фуги демонстрируют большую зрелость, большую связь с реальной жизнью. В конечном итоге эта зрелость будет соответствовать вашему действительному хронологическому возрасту, и таким образом вы избавитесь от болезни.

Вниз я шел в радостном расположении духа в ожидании встречи с другими пациентами — участниками групповых сессий. Я готовился выслушать их вопросы и объяснения, имеющие отношение к этому новому для меня и важному этапу лечения. У меня не возникало ни малейших сомнений, что, когда они прочтут запись сегодняшнего сеанса, они сделают очень ценные замечания.

В следующей пятидесятисекундной фуге мне привиделась Прис и наш ребенок — мальчик с глазами, серыми, как у Прис, и моими волосами. Мы находились в гостиной. Прис сидела в удобном, глубоком кресле и кормила нашего сына из бутылочки, этот процесс полностью поглощал ее внимание. Сидя напротив, я глядел на них и чувствовал, что все горести и тревоги, наконец-таки, покинули меня. Я был абсолютно счастлив.

— О, боже,— сердито проговорила Прис, встряхивая бутылочку,— эти искусственные соски сползают, когда он сосет. Наверное, я неправильно их стерилизую.

Я протопал на кухню за новой бутылочкой из парового стерилизатора на плите.

— Дорогая, а как его зовут? — спросил я, когда вернулся.

— Как его зовут? — переспросила Прис, терпеливо глядя на меня.— Ты вообще-то где витаешь? Задавать такие вопросы! Ради бога, Луис! Его зовут Розен, так же, как и тебя.

— Прости меня,— сконфуженно улыбнулся я.

— Прощаю,— вздохнула моя жена.— Я привыкла так поступать. И очень жаль.

Но как же его имя, гадал я. Надо надеяться, я узнаю это в следующий раз. А может быть, и нет, может, еще через сто сеансов. Но я должен знать, иначе какой в этом смысл? Иначе все будет напрасно.

— Чарльз,— промурлыкала Прис, обращаясь к ребенку,— ты опять мокрый?

Его звали Чарльз. Я обрадовался — это было хорошее имя. Возможно, я сам выбрал его. Очень на то похоже.

В тот день после своей фуги я торопился вниз, в комнату для групповой терапии. Вдруг у двери на женской половине заметил несколько женщин.

Мой взгляд задержался на одной из них — темноволосой, гибкой и стройной — по сравнению с ней спутницы ее казалась надутыми шарами. *Прис?* — обожгло меня, так что я резко остановился. *Пожалуйста, обернись!* — молил я, не отрывая взгляда от спины незнакомки.

И как раз в этот момент девушка остановилась в дверях и оглянулась. Я увидел короткий дерзкий носик, бесстрастный оценивающий взгляд серых глаз... это была Прис!

— Прис! — закричал я, замахав руками, как сумасшедший.

Она взглянула. Смотрела, нахмурившись, губы сжаты. Затем легкое подобие улыбки скользнуло по лицу.

Может, это было мое воображение? Девушка — Прис Фраунциммер — скрылась в комнате. Это ты, сказал я про себя. Ты снова здесь, в Касанинской клинике. Я знал: рано или поздно наша встреча должна была случиться. И это не фантазия, не очередная фуга, неважно, под контролем докторов или нет. Я нашел тебя в действительности, в реальном мире, который не является порождением моего ущемленного либидо или наркотиков. Я не видел тебя с той злополучной ночи в сиэтлском клубе, когда ты своей туфлей пробила голову симулякру Джонни Бута. Как же давно это было! Как много, как ужасно много всего мне довелось увидать и сделать с тех пор — в ужасной пустоте, без тебя. Без настоящей, реальной тебя! Пытался найти удовлетворение с фантомом, вместо того, чтоб быть с тобой... Прис, повторил я. Слава богу, я нашел тебя. Я знал, что когда-нибудь так будет.

Я не пошел на занятие, вместо этого затаился в холле и стал ждать.

Наконец, через несколько часов, она снова показалась в дверях. Прошла через открытый дворик прямо ко мне. До боли знакомое лицо — чистое и спокойное, а в глазах характерное выражение — нечто среднее между удивлением и насмешливым неодобрением.

— Привет,— произнес я.

— Итак, они накрыли тебя, Луис Розен,— усмехнулась Прис.— Теперь ты тоже стал шизофреником — что же, я не удивлена.

— Прис, я здесь уже несколько месяцев.

— Ну и как — выздоравливаешь?

— Да, думаю, да,— ответил я.— Меня лечат ежедневными контролируемыми фугами. И я всегда прихожу к тебе, Прис, каждый раз. Ты знаешь, там мы женаты, и у нас ребенок по имени Чарльз. Мне кажется, мы живем в Окленде, штат Калифорния.

— Окленд,— наморщила она носик.— Местами там ничего, но местами — просто ужасно.

Она повернулась, чтобы уйти.

— Приятно было повидаться, Луис. Может, я как-нибудь забегу к тебе.

— Прис,— воскликнул я в отчаянии,— вернись!

Но она зашагала через холл и вскоре скрылась за дверью.

На следующий день в своей фуге я снова увидел Прис. Теперь она была ощутимо старше: фигура потяжелела и слегка оплыла, под глазами лежали густые тени.

Мы находились на кухне, прибирались после обеда: Прис мыла тарелки, а я вытирал их и ставил в сушилку. Она была без косметики, и кожа казалась сухой, с какими-то крохотными искорками, поблескивавшими на свету. Волосы тоже стали суше и изменили цвет. Теперь они были рыжевато-коричневыми, что очень шло Прис. Я не удержался и потрогал их: жесткие, чистые и приятные на ощупь.

— Прис.— Я хотел кое-что выяснить,— я видел тебя вчера в холле. Я имею в виду — здесь, в Касанине, где я сейчас нахожусь.

— Рада за тебя.— Прис оставалась по-прежнему лаконичной.

— Объясни, это было по-настоящему? Более реальное, чем то, что сейчас? — В гостиной я видел Чарльза перед цветным телевизором, он, не отрываясь, глядел на экран.— Ты помнишь нашу встречу после долгой разлуки? Для тебя она тоже была реальной? А эта наша жизнь — она реальность или нет? Пожалуйста, объясни мне. Я перестал что-либо понимать.

— Луис,— проговорила она, надраивая сковородку,— почему ты не можешь воспринимать жизнь такой, как она есть? Неужели тебе необходимо постоянно философствовать? Ты ведешь себя, как студент-второкурсник. Хотела бы я знать, когда ты повзрослеешь?

— Я просто не знаю, куда мне двигаться дальше.— Я чувствовал себя невыносимо несчастным, но автоматически продолжал протирать посуду.

— Луис, будь со мной там, где сможешь,— сказала Прис.— Если сможешь. Довольствуйся тем, что имеешь, не задавай вопросов.

— Да,— согласился я,— именно так я и сделаю. Во всяком случае, постараюсь.

Когда я вышел из фуги, рядом со мной был доктор Шедд.

— Вы ошибаетесь, Розен,— сказал он, качая головой,— вы не могли встретиться с мисс Фраунциммер в Касанине. Я внимательно просмотрел списки — у нас нет такой больной. Боюсь, эта ваша так называемая встреча в холле не что иное, как непроизвольный выход в состояние психоза. Увы, следует констатировать, что мы не столь близки к катарсису, как думали. Пожалуй, следует увеличить длительность наших ежедневных контролируемых регрессий.

Я молча кивнул, но в душе не поверил доктору Шедду. Дело тут было вовсе не в шизофренических фантазиях — я на самом деле встретил Прис в холле больницы.

Прошла неделя, и мне снова довелось увидеть ее. В этот раз я стоял у окна солярия, а Прис во дворе играла в волейбол с группой других девушек, одетых в голубые шорты и блузы.

Она была поглощена игрой и не глядела на меня, а я стоял долго-долго, упиваясь этим зрелищем и сознанием, что это все — настоящая реальность... Затем мячик выкатился за пределы площадки, и Прис вприпрыжку побежала за ним. Когда она наклонилась за мячом, я разглядел ее имя, вышитое цветными буквами на блузе:

РОК, ПРИС

Это объясняло все. Она поступила в Касанинскую клинику под отцовским псевдонимом — вот почему доктор Шедд не нашел ее в списках — он-то искал Прис Фраунциммер. Именно это имя фигурировало во всех моих рассказах и переживаниях, что, как выяснилось, совсем не соответствовало действительности.

Я решил не сообщать ему о приключившейся ошибке. Более того — постараться не упоминать этот факт в моих подконтрольных фугах. Я надеялся таким образом получить возможность снова встретиться и поговорить с Прис.

А затем я подумал: «Может быть, все так и задумано доктором Шеддом?»

Возможно, это особый прием по выводу меня из моих фуг и возвращению к действительности? Потому что эти крохотные проблески реальной Прис в моей жизни значили для меня больше, чем все фуги, вместе взятые. Точно, черт возьми, *это такая терапия, и она работала!*

Я был в полной растерянности — хорошо это все, или плохо?

После двести двадцатой контролируемой фуги мне снова представилась возможность поговорить с Прис. Мы столкнулись в дверях

больничного кафетерия, она выходила, а я входил. Прис была занята беседой — очевидно, со своей подругой, так что я заметил ее первый.

— Прис,— остановил ее я,— ради бога, можно мне поговорить с тобой несколько минут? Они не будут возражать, я знаю — это часть запланированного лечения. Ну, прошу тебя.

После этих слов подружка Прис поспешно удалилась, и мы остались вдвоем.

— Ты постарел, Луис,— сказала она, помолчав.

— А ты такая же цветущая, как всегда.

Мне страстно хотелось обнять ее, но вместо этого я смирно стоял на расстоянии нескольких дюймов от нее.

— Порадуйся за меня — я через несколько дней выписываюсь,— будничным тоном сообщила Прис.— Перехожу на амбулаторное лечение, как раньше. Если верить доктору Дитчли, ведущему здешнему психиатру, у меня наблюдается просто поразительный прогресс. Мы видимся с ним почти каждый день. А тебя наблюдает доктор Шедд, я посмотрела в журнале. Знаешь, он не очень-то... По правде сказать, он просто старый дурак.

— Прис,— сказал я,— а, может быть, мы могли бы остаться здесь вместе? Что ты скажешь на это? Мое лечение тоже идет успешно.

— Да с какой стати нам вообще быть вместе?

— Потому что я люблю тебя,— тихо ответил я,— а ты любишь меня.

Она не возражала, а просто кивнула в ответ.

— Возможно это? — спросил я.— Ты ведь здесь все знаешь, фактически ты здесь прожила всю жизнь.

— Часть жизни.

— Можешь ты этого добиться?

— Добивайся сам — ты ведь мужчина.

— А если у меня получится, ты выйдешь за меня замуж?

Прис застонала:

— Конечно, Луис. Замужество, жизнь в грехе, случайные встречи... сам выбирай.

— Замужество,— твердо сказал я.

— А дети? Как в твоих фантазиях? Мальчик по имени Чарльз.— Ее губы скривились в усмешке.

— Да.

— Ну, тогда добейся всего этого.— Прис сощурилась.— Поговори со своим тупоголовым Шеддом, этим клиническим идиотом. Он может выпустить тебя отсюда — это в его власти. А я тебе подскажу, как это устроить. Когда ты придешь на свою очередную фугу, сделай вид, что колеблешься, не уверен в полезности сеанса.

Ключевая фраза: «Я не уверен в том, что из этого выйдет толк». А затем, когда ты все-таки войдешь в фугу, объяви своей партнерше, тамошней Прис Фраунциммер, что она — выдумка, продукт твоих закипевших мозгов. Скажи, что она вовсе не кажется тебе убедительной.— На губах Прис появилась хорошо знакомая ухмылка.— Посмотрим, куда это тебя приведет. Может, выведет отсюда наружу, а может, и нет... Не исключено, что только заведет глубже.

— Прис, ты ведь не...

— Разыгрываю тебя? Дурачу? Попробуй, Луис, и узнаешь.— Теперь ее лицо было абсолютно серьезно.— Единственный способ узнать правду — это рискнуть и пойти вперед.

Она развернулась и быстро пошла прочь.

— Увидимся,— бросила мне через плечо.— Может быть.

Последняя улыбка — холодная, насмешливая, хладнокровная,— и Прис скрылась в толпе. Другие люди заслонили ее — люди, которые жаждали пообедать в кафетерии.

«Я верю тебе»,— сказал я про себя.

В тот же день после обеда я столкнулся с доктором Шеддом в холле. Он любезно согласился уделить мне немного времени.

— В чем дело, Розен?

— Доктор, у меня появились некоторые сомнения относительно наших фуг. Я не уверен, что имеет смысл их продолжать.

— Что такое опять? — спросил доктор, нахмурившись.

Я повторил ему все, что слышал от Прис. Шедд слушал меня очень внимательно.

— И я больше не нахожу мою партнершу по этим фугам достаточно убедительной,— добавил я в заключение.— Я знаю, что она не настоящая Прис Фраунциммер, а всего лишь проекция моего бессознательного на внешний мир.

— Интересно,— задумчиво произнес доктор Шедд.

— Доктор, как вы оцениваете сказанное мною? Что это означает: мне лучше или хуже?

— Честно говоря, не знаю. Посмотрим на следующей фуговой сессии. Ваше поведение поможет мне сделать какие-то выводы.— Он кивком попрощался со мной и пошел дальше по коридору.

В следующей моей контролируемой фуге я вместе с Прис бродил по супермаркету — мы совершали наши еженедельные закупки.

Она еще больше постарела, но все еще оставалась прежней Прис — привлекательной дамой с ясными глазами и решительными манерами. Той женщиной, которую я всегда любил. Наш сынишка убежал куда-то вперед, разыскивая все необходимое для

своей воскресной поездки со скаутами в Чарльз-Тилден-Парк на Оклендских холмах.

— Ты сегодня спокоен,— сказала Прис — очевидно, для разнообразия.

— Я думаю.

— В смысле — беспокоишься? Уж я-то тебя знаю.

— Прис, это настоящее? — спросил я.— Достаточно ли того, что мы здесь?

— Довольно! — оборвала меня Прис.— Мне осточертело твое вечное философствование. Либо принимай свою жизнь, либо покончи с ней. Но только прекрати талдычить об этом!

— Годится,— согласился я.— А ты в ответ перестань изничтожать меня своими презрительными характеристиками. Я устал от всего этого!

— Да ты просто трус, который боится услышать...— начала она.

И прежде, чем я сообразил, что делаю, я развернулся и влепил ей пощечину. Прис покачнулась, чуть не упала, затем отпрянула и стояла, прижав руку к лицу и глядя на меня с удивлением и болью.

— Будь ты проклят, Луис Розен,— сказала она дрогнувшим голосом.— Я никогда не прощу тебя!

— Я просто не могу больше выносить твои презрительные высказывания.

Секунду она смотрела на меня, потом круто развернулась и, не оглядываясь, побежала по проходу супермаркета. По дороге она сграбастала Чарльза и выскочила с ним на улицу.

В этот момент я ощутил присутствие рядом с собой доктора Шедда и услышал его голос:

— Думаю, на сегодня достаточно, Розен.

Узкий коридор меж полок, на которых громоздились разнокалиберные банки и картонки, стал меркнуть и исчез совсем.

— Я что-то сделал не так? — вырвалось у меня. Я и впрямь сотворил свою очередную фантазию без обдумывания, без заранее подготовленного плана. Неужели я все испортил? — Доктор, я впервые в жизни ударил женщину.

— Пусть вас это не волнует.— Он что-то записал в свой блокнот, затем кивнул сестрам: — освободите его. Пусть мистер Розен отправляется в свою комнату и побудет один. И я думаю, мы отменим сегодняшнее групповое занятие.

Затем он повернулся ко мне и добавил:

— Розен, в вашем поведении я заметил некоторую странность, которую пока не понимаю. И мне это совсем не нравится.

Мне нечего было сказать, я только кивнул.

— Знаете, я бы заподозрил в вашем случае симуляцию,— задумчиво произнес доктор Шедд.

— Нет, вовсе нет,— горячо запротестовал я.— Я действительно болен! Настолько, что умер бы, если б не попал сюда.

— Думаю, завтра вам следует прийти в мой офис. Я хотел бы еще раз прогнать с вами тест пословиц Бенждамина, а также блоковый тест Выгодского — Лурье. Мне надо самому посмотреть на результаты. Иногда важнее, кто проводит тестирование, чем сам тест по себе.

— Наверное, вы правы,— согласился я, чувствуя что меня снедают тревога и неуверенность.

На следующий день после обеда я успешно прошел оба теста. Теперь, в соответствии с Актом Мак-Хестона, я официально был признан здоровым и мог отправляться домой.

— Хотел бы я знать, что вы делали здесь, в Касанине... При том, что куча людей по всей стране ждет своей очереди, а наши сотрудники с ног валятся от усталости! — Доктор Шедд подписал бумажку о моем освобождении и протянул ее мне.— Не знаю, чего вы добивались своим приходом сюда. Но, в любом случае, сейчас вам надо возвращаться обратно и начинать жить заново. На этот раз — не прячась за мнимое психическое заболевание. Лично я сомневаюсь, что оно когда-либо у вас было.

Это замечание поставило точку в моем курсе лечения. Прощай, Федеральная клиника в Канзас-Сити, штат Миссури...

— Доктор,— обратился я к нему,— здесь есть девушка, с которой я хотел бы повидаться до моего ухода. Нельзя ли мне поговорить с ней пару минут? Ее фамилия Рок,— из соображений осторожности я добавил: — К сожалению, не знаю, как ее зовут.

Доктор Шедд нажал кнопку на столе.

— Позвольте мистеру Розену побеседовать с мисс Рок,— распорядился он вошедшему медбрату и добавил,— не более десяти минут. И позаботьтесь о том, чтоб проводить его к главному входу. Время лечения для этого господина истекло.

Расторопный парень-ассистент отвел меня на женскую половину, в комнату Прис, которую она делила еще с шестью товарками. Когда я вошел, моя любовь сидела на кровати и красила ногти ярко-оранжевым лаком. На меня она едва взглянула.

— Привет, Луис,— пробормотала она.

— Прис, я набрался-таки смелости: пошел и сказал ему все, как ты велела,— я наклонился и прикоснулся к ее плечу.— Теперь я свободен и могу идти домой. Они выписали меня.

— Ну, так иди.

Вначале я не врубился.

— А ты?

— А я передумала,— спокойно произнесла Прис.— У меня нет освобождения. И нет улучшения, Луис. На самом деле, за эти месяцы ничего не изменилось. И, честно говоря, сейчас я этому рада. Я учусь вязать — вяжу коврик из черной овечьей шерсти, натуральной шерсти.

Затем она жалобно прошептала:

— Я солгала тебе, Луис. Меня вовсе не собираются выпускать отсюда — я слишком больна. Боюсь, мне придется остаться здесь надолго — может быть, навсегда. Мне стыдно за свою ложь, прости меня, если сможешь.

Мне нечего было сказать.

Чуть позже ассистент проводил меня через главный холл к выходу и распростился на шумной улице. Я стоял с пятьюдесятью долларами и официальным освобождением Федерального правительства в кармане. Касанинская клиника осталась в прошлом, больше она не являлась моей жизнью — и надеюсь, никогда ей не будет.

Со мной все в порядке, сказал я себе. Я снова успешно прошел тесты, как тогда, в школе. Я могу возвращаться в Бойсе, к моему отцу и брату Честеру, к Мори и нашему бизнесу. Правительство излечило меня.

У меня было все, кроме Прис.

А где-то в глубине большого здания Касанинской клиники сидела Прис Фраунциммер, расчесывая и сплетая черную натуральную овечью шерсть. Она сидела, полностью поглощенная этим процессом, мысли обо мне ее не беспокоили. Ни обо мне, ни о чем другом.

МАЛЕНЬКИЙ ЧЕРНЫЙ ЯЩИЧЕК

Глава 1

— Мисс Хиаси, мы хотим отправить вас на Кубу, проповедовать дзэн-буддизм тамошней китайской общине,— заявил Богарт Крофтс из Госдепартамента.— У вас восточное происхождение. Это вам поможет.

Едва заметно улыбнувшись, Джоан Хиаси подумала, что ее восточное происхождение — фикция. Родилась она в Лос-Анджелесе и закончила УСБ — Университет Санта-Барбары. Разве что по образованию она была востоковедом и отметила это в анкете при поступлении на работу.

— Возьмем слово «каритас»,— продолжал Крофтс.— Что, по-вашему имел в виду Джером, когда использовал его. Милосердие? Едва ли. Но что же тогда? Дружелюбие? Любовь?

— Я специализируюсь на дзэне,— пробормотала Джоан.

— Все знают, что слово «каритас» пришло к нам из Древнего Рима,— уныло продолжал Крофтс.— Уважительное отношение одного человека к другому, сопереживание — вот что это значит.— Его седые густые брови чуть приподнялись.— Вы хотите получить эту работу, мисс Хиаси? А если хотите, то почему?

— Я хочу пропагандировать дзэн-будизм китайским коммунистам на Кубе, потому что...— Джоан заколебалась. Истина была проста: эта работа обещала ей хороший заработок. Первая высокооплачиваемая работа в ее жизни. Эльдорадо — с точки зрения карьеры.— Да, черт побери,— наконец вновь заговорила она.— В чем Истинный Путь? У меня нет ответа.

— Похоже, ваша профессия научила вас избегать прямых ответов,— кисло заметил Крофтс.— Однако...— тут он пожал пле-

чами.— Возможно, это доказывает, что вы — подходящая кандидатура для такой работы. На Кубе вы столкнетесь с опытными, искушенными в житейских делах людьми, которые, к тому же, исповедуют совершенно иную идеологию, чем жители США. Надеюсь, вы найдете с ними общий язык так, как нашли со мной.

— Благодарю вас, мистер Крофтс,— Джоан поднялась.— Я рада, что мы поняли друг друга.

— Произведите впечатление,— кивнул Крофтс, наполовину обращаясь к самому себе.— Вы ведь та самая молодая дама, которая скормила дзэн-буддистские загадки компьютерам УСБ?

— Да, я оказалась первой,— согласилась Джоан.— Но эту идею мне подкинул мой друг, Рэй Меритан — серо-зеленый джаз-арфист.

— Джаз и дзэн-буддизм,— пробормотал Крофтс.— Да, правительство сможет использовать вас на Кубе.

* * *

— Я уезжаю из Лос-Анджелеса,— заявила Джоан.— В самом деле, не могу же я торчать тут всю жизнь ради тебя.

Она подошла к окну апартаментов Рэя Меритана и взглянула на монорельсовую дорогу, сверкающую далеко внизу. Там с безумной скоростью промчалась серебряная капля, и Джоан поспешно отвела взгляд.

«Наверное, было бы хорошо, если бы мы могли страдать,— подумала она.— Чего нам недостает, так это реальных страданий. Нас всегда что-то оберегает».

— Значит, ты уезжаешь,— протянул Рэй.— Отправляешься на Кубу обращать в дзэн богатых лавочников и торгашей. В этом и заключается гениальный парадокс дзэна. На это тебя и купили,— хихикнул Рэй.— Работа с компьютером... Думаю, виновата она. Во всяком случае, ты больше не будешь ночами слушать мою музыку. Может, это она заставила тебя сбежать на Кубу?

— Ничего подобного,— возразила девушка.— Я стану слушать тебя по телевизору. Могу даже использовать твою музыку при обучении.— Из шкатулки розового дерева она вытащила пистолет тридцать второго калибра. Он принадлежал второй жене Рэя Меритана, Эдне. В прошлом году, в феврале, после обеда в дождливый день, Эдна застрелилась из этого пистолета.— Я возьму на память?

— Сентиментальные воспоминания? — язвительно поинтересовался Рэй.— Совесть замучила?

— Эдна застрелилась не из-за меня. Она меня любила. Я никогда не считала себя виновной в самоубийстве твоей жены,

хоть она и обнаружила нашу связь... Все подсматривают друг за другом... как водится.

— И еще ты всегда советуешь людям отрицать вину и принимать реальность так, как она есть,— задумчиво произнес Рэй.— Что можно сказать о твоих принципах, дорогуша? Ну да,— усмехнулся он.— Антипараноидальный принцип. Универсальное обезболивающее средство Джоан Хиаси: отмахнуться от всего, в чем ты виноват. Отбрось вину,— Рэй оценивающе оглядел свою подружку и продолжил более резко: — Удивляюсь, что ты еще не стала поклонницей Уилбура Мерсера.

— Этого шута? — фыркнула Джоан.

— Но этим он и привлекает людей. Сейчас я тебе покажу,— Рэй направился к телевизору, установленному в противоположном углу комнаты. На телевизоре стоял черный ящичек с орнаментом из драконов в стиле китайской династии Сунн.

— Странно... Откуда ты знаешь, когда по телевизору выступает Мерсер? — удивилась Джоан.

— Я специально интересовался,— пробормотал Рэй, пожав плечами.— Новая религия, заменяющая дзэн-буддизм и зародившаяся здесь, на Среднем Западе. Она уже распространилась по всей Калифорнии. Тебе следовало быть повнимательнее, раз уж ты сделала религию своей профессией. Ты должна изучать ее. Религия влияет на твой счет в банке. Не забывай об этом, моя дорогая.

* * *

Когда телевизор включили, на экране появился Уилбур Мерсер, человек средних лет с тонкими, правильными чертами лица.

— Почему он ничего не говорит? — поинтересовалась Джоан.

— Потому что на этой неделе Мерсер принял обет молчания. Полного молчания,— Рэй закурил.— Государство должно платить мне, а не тебе. Ни черта ты не понимаешь в религии.

— По крайней мере, я не паясничаю,— заявила Джоан.— И я не молюсь на клоуна.

— И это говорит человек, идущий путем дзэна! — мягко заметил Рэй.— А ведь твой Будда — рулон туалетной бумаги. И еще Будда часто...

— Успокойся,— отрезала она.— Я хочу посмотреть на Мерсера

— Ты хочешь посмотреть? — в голосе Рэя звучала ирония.— Бог мой, чего же ты хочешь на самом деле? Никто пока воочию не видел Мерсера, в этом-то все и дело,— загасив сигарету в пепельнице, он подошел к телевизору — туда, где стояла коро-

бочка с двумя ручками, прикрепленная проволокой к корпусу. Рэй взялся за эти ручки и на мгновение гримаса боли исказила его лицо.

— Что это? — заинтересовавшись, спросила Джоан.

— Н... ничего,— отозвался Рэй, по-прежнему сжимая ручки. На экране Уилбур Мерсер по-прежнему медленно поднимался по бесплодному, каменистому склону холма, но на его лице появилось выражение безмятежности... или пустоты? Задохнувшись, Рэй отпустил ручки.— Я могу держать их ровно сорок пять секунд,— объяснил он Джоан.— Это — ящичек сопереживания, моя дорогая. Не стану говорить, как достал его... Я и сам, честно говоря, точно не знаю. Они принесли его мне. Они — это некая организация, которая распространяет их... «Уилсер Инкорпорейтед». Но, честное слово, когда ты держишься за эти ручки, ты не просто видишь Уилбура Мерсера. Ты на самом деле участвуешь в его шествии. Чувствуешь то, что чувствует он.

— Со стороны это выглядит болезненно,— заметила Джоан.

— Да,— спокойно ответил Рэй Меритан.— А все потому, что Уилбура Мерсера постепенно убивают. Он идет к месту, где примет смерть.

Джоан в ужасе отодвинулась от ящичка.

— Ты думаешь?.. Да, это то, в чем мы нуждаемся,— продолжал Рэй.— Помни, я достаточно хороший телепат, но сейчас не могу сосредоточиться настолько, чтобы четко читать твои мысли. «Если бы только я могла страдать...» — вот о чем ты только что подумала. Ладно. Вот твой шанс, Джоан.

— А это больно?

— Ты думаешь о боли?

— Да! — резко ответила она.

— Сейчас у Уилбура Мерсера двадцать миллиона поклонников во всем мире,— продолжал Рэй.— И они страдают вместе с ним, пока он идет к этому Пуэбло, где-то в штате Колорадо. Словом, где-то там находится место, куда он, по слухам, направляется. Но лично я сомневаюсь. Однако учение Мерсера успешно вытеснил дзэн-буддизм в Америке, а ты едешь на Кубу, чтобы обучать богатых китайских банкиров устаревшей практике аскетизма.

Джоан молча отвернулась от Рэя и посмотрела на продвигающегося вперед Мерсера.

— Ты ведь знаешь, что я прав,— продолжал Рэй.— Я воспринимаю твои эмоции. Ты даже сама можешь не сознавать, но это так.

На экране в Мерсера полетел камень и ударил его в плечо.

— Каждый, кто держится за ручки ящичка сопереживания, чувствует то же, что и Мерсер,— поняла Джоан.

— Ты права,— кивнул Рэй.

— А... что же случится, когда он умрет? — спросила Джоан.

— Посмотрим,— спокойным голосом заверил ее Рэй.— Пока мы этого не знаем.

Глава 2

— Думаю, вы ошиблись,— объявил Богарту Крофтсу госсекретарь.— Девушка могла быть любовницей Меритана, но это не означает, что ей что-то известно.

— Подождем, что скажет нам мистер Ли,— раздраженно возразил Крофтс.— Он встретит ее в Гаване.

— А не мог бы мистер Ли вначале просканировать Меритана?

— Один телепат сканирует другого,— ухмыльнулся Богарт Крофтс.— Абсурдная ситуация: мистер Ли читает мысли Меритана, а Меритан, тоже телепат, читает мысли мистера Ли и понимает, что мистер Ли читает его мысли. И при этом Ли, читающий мысли Меритана, понимает, что Меритан это знает... и так далее. Бесконечный процесс накручивания, взаимопроникновение разумов, во время которого Меритан спокойно спрячет все крамольные мысли и не станет думать о Уилбуре Мерсере.

— Их имена похожи, и это убеждает меня,— протянул Херрек. Меритан, Мерсер. Первые три буквы...

— Рэй Меритан — не Уилбур Мерсер,— объявил Крофтс.— Я расскажу вам, как мы это узнали. Воспользовавшись услугами ЦРУ, мы сделали видеокопию с телепередачи о Мерсере и проанализировали ее. Обычно Мерсер выступает на фоне мрачного пейзажа: равнина с кактусами, песок, скалы... Ну, вы знаете.

— Да,— кивнул Херрек.— Дикие места, похожие на пустыню.

— Если план более крупный, камера показывает небо. И луну. Так вот, мы тщательно изучили изображение. Это — не Луна. Вернее, луна — но слишком маленькая, чтобы быть нашей Луной. Мерсер находится не на Земле. Я считаю, он вообще не землянин.

Нагнувшись, Крофтс аккуратно приподнял со стола маленький металлический ящичек, избегая прикасаться к его ручкам.

— То есть эта штуковина спроектирована и собрана не на Земле. Весь путь Мерсера пролегает не по Земле, и это совершенно точно.

— Если Мерсера нет на Земле, тогда возможно, что он страдал и умер давным-давно на какой-то другой планете...— высказал Херрек новое предположение.

— Конечно,— согласился Крофтс.— Мерсер, или как бы его там ни называли... Возможно, именно здесь и находится разгадка. Но пока мы даже не знаем, что конкретно нас интересует...

Конечно же, в первую очередь их интересовало, когда Мерсер умрет? Что случится с людьми, которые в тот момент будут держаться за ручки своих ящичков сопереживания?

Крофтс сел за стол и стал рассматривать стоящий перед ним ящичек. Обычная металлическая коробка с двумя изящными ручками. Сам он никогда не притрагивался к ним и не хотел этого делать. Но...

— Когда предположительно Мерсер умрет? — спросил Харрек.

— А мистер Ли сможет что-нибудь извлечь из девушки? Вы это хотите спросить? Сможет он достать какой-нибудь ключ к местонахождению Мерсера?

— Надеюсь,— Крофтс поставил ящичек сопереживания на место, так и не прикоснувшись к его ручкам. «Наверное, это странное ощущение — положить руки на две обычные металлические ручки и неожиданно обнаружить, что ты совсем не тот, кем только что был, что ты совсем другой человек и находишься в другом месте, идешь по бескрайнему сухому склону к тому месту, где примешь смерть...— подумал он.— По крайней мере, так говорят. Но слушать об этом... Интересно, как все это происходит? Как известно, лучше раз увидеть...»

Боль. Именно она пугала Крофтса, удерживала от эксперимента.

Не верилось, что люди могут намеренно искать боль, а не избегать ее. Держаться за ручки ящичка сопереживания — занятие отнюдь не из приятных. Не избегать страданий, а стремиться к ним. И даже не к страданиям, как таковым... Крофтс не сомневался, что мерсеристы — просто мазохисты, жаждущие дискомфорта. Скорее всего, именно желание боли влекло верующих к Мерсеру. По крайней мере, он так думал.

* * *

Как бы то ни было, последователи Мерсера для чего-то страдали.

— Они хотят страдать,— объяснил своему начальнику Крофтс.— Это означает отказаться от своего «эго», своего существования как личности. Отсюда возникает общность, в которой они страдают и вместе переносят тяжелые испытания Мерсера.

«Это похоже на пир во время чумы,— подумал он про себя.— А настоящий ключ ко всему — тесное духовное общение, оно лежит практически в основе всех религий. Или должно лежать. Религия ослепляет людей, соединяя их в теле Господнем, кото-

рым они, уверовав, владеют совместно. При этом кто-то всегда остается за пределами такой общности».

— В первую очередь, необходимо знать: политическое это движение или просто очередное развлечение,— заметил Херрек.

— С нашей точки зрения, здесь явно замешана политика,— ответил Крофтс.— Но с точки зрения верующих...

На столе зажужжал интерком.

— Сэр, тут мистер Джон Ли,— объявила секретарша.

— Пусть заходит.

Вошел высокий и стройный молодой азиат в простом китайском одеянии средневекового фасона и черных туфлях с острыми носами. Пожав друг другу руки, мистер Ли и Херрек улыбнулись.

— Объект еще не улетел в Гавану?

— Еще здесь,— ответил Крофтс.

— Она хорошенькая? — поинтересовался мистер Ли.

— Да,— Крофтс с улыбкой посмотрел на Херрека.— Но... с тяжелым характером. Стервозная дамочка. Эмансипированная, если вы меня понимаете.

— А... суфражистка,— улыбнулся мистер Ли.— Ненавижу дамочек подобного типа... Наш план точно сработает, мистер Крофтс.

— Помните, ваша задача — наблюдать,— напомнил Крофтс.— Вы должны слушать, как она пропагандирует дзэн-буддизм, изучать ее ответы на вопросы типа: «В чем смысл сострадания Будды?» Кроме того, вам нужно несколько раз проверить ее память... Практика дзэна, как я полагаю, помогает внушать исподволь.

— Или незаметно защищаться от внушения,— широко улыбаясь, заметил Ли.— Вы видите, я готов. Чувство, бесчувствие... в дзэне это одно и то же,— он оставался совершенно спокойным.

— Конечно, я коммунист,— продолжал Ли.— И я вступил в контакт с вами, потому что коммунистическая партия в Гаване сочла мерсерианство учением вредным и подлежащим искоренению,— он помрачнел.— Должен заметить, что мерсеристы — фанатики.

— Да, это правда,— согласился Крофтс.— И нам необходимо ограничить сферу влияния их религии,— он показал на ящичек сопереживания.— У вас они тоже появились?

— Да,— ответил Ли.— Это своеобразная форма самобичевания. Полуобман, некая полуиллюзорная религия, призывающая упиваться ощущением собственной вины. На досуге люди согласны вбирать в себя и такие эмоции, если все оформлено должным образом. Так, и никак иначе.

«Этот человек даже не понимает суть проблемы,— подумал Крофтс.— Он простой материалист. Типичный продукт комму-

нистической идеологии. Весь мир для него делится на черное и белое».

— Вы ошибаетесь,— произнес Ли, видимо прочитав мысли Крофтса.

— Извините, я забылся. Не обижайтесь.

— Я заглянул в вашу голову, и увидел, что вы верите: Уилбур Мерсер, как он себя называет, может находиться не на Земле,— продолжал Ли.— Вы знаете позицию партии по этому вопросу? Он обсуждался всего несколько дней назад. Партия постановила: в Солнечной системе нет иных обитателей, кроме людей. Кроме того, вера в существование сверхразума — порождение мистицизма.

Крофтс тяжело вздохнул.

— Позвольте с вами не согласиться. Решение, принятое путем простого голосования и явно по политическим соображениям... Не могу я такого понять...

И в этот момент примиряющее заговорил секретарь Херрек:

— Пожалуйста, давайте прекратим теоретические споры. Забудем философские разногласия... Движение Мерсера и его быстрое распространение по планете — вот тема для обсуждения.

— Да, пожалуй, вы правы,— согласился мистер Ли.

Глава 3

На взлетном поле аэропорта Гаваны Джоан Хиаси остановилась в недоумении. А потом она начала оглядываться. Толпа пассажиров потянулась ко входу в зал номер двадцать.

Встречающие — родственники и друзья прибывших — выплескивались на край посадочного поля, в нарушение всех правил работы аэропорта. Среди встречающих Джоан увидела высокого худощавого молодого китайца.

Подойдя к нему, Джоан спросила:

— Мистер Ли?

— Да,— добродушно улыбнулся он, а потом стал торопливо пробиваться к Хиаси через толпу.— Сейчас время обедать. Хотите перекусить? Я могу отвезти вас в ресторан Хань Фа-ло. Там подают утку по-пекински и суп из ласточкиных гнезд — типичное блюдо кантонской кухни... Немного слащаво, но хорошо приготовлено.

* * *

Вскоре они сидели в ресторане, в огромном кабинете, в креслах, обитых красной кожей. Стены кабинета имитировали тико-

вый полог балагана. Вокруг щебетали кубинцы и китайцы. В воздухе пахло жареной свининой и дымом сигар.

— Вы — руководитель Гаванского Института востоковедения? — на всякий случай уточнила Джоан.

— Правильно. К сожалению, кубинская коммунистическая партия недовольна нами из-за некоторых религиозных аспектов нашей деятельности. Но многие китайцы, живущие на острове, посещают наши лекции или занимаются заочно. И, как вы знаете, у нас много выдающихся учеников из Европы и Южной Азии, которые учатся заочно... Кстати, в дзэн-буддизме есть притчи, которые даже я не понимаю. Например, монах, рассекающий пополам котенка... Я долго размышлял над этим коаном, но так и не нашел присутствия Будды в подобной жестокости...— Потом китаец поспешно прибавил.— Я не спорю с учением. Я только хочу понять.

— Из всех коанов дзэна этот наиболее труден для понимания. Ответом служит вопрос: а где котенок сейчас?

— Чем-то напоминает начало Бхагават-Гиты,— быстро кивнул мистер Ли.— Помню, Арджуна сказал: «Лук Гандива выскальзывает из моих рук... А это плохое предзнаменование!» Но что можно извлечь из убийства котенка?

— Уточним,— сказала Джоан.— Вы, конечно, помните ответ Кришны. Это одно из самых глубоких высказываний о смерти и человеческих поступках во всей добуддийской религии.

Подошел официант, чтобы принять заказ. Он оказался кубинцем в костюме цвета хаки и берете.

— Попробуйте жареный «вань дунь»,— посоветовал мистер Ли.— Еще возьмите «чао уи» и, конечно, яичный рулет... У вас сегодня есть яичный рулет? — спросил он официанта.

— Си, сеньор Ли,— ответил официант, одновременно ковыряясь в зубах зубочисткой.

Ли заказал за обоих, и официант ушел.

— Знаете,— начала Джоан,— если бы вы пробыли рядом с телепатом так же долго, как я, вы тоже чувствовали бы, когда вас интенсивно сканируют... Я всегда чувствовала, когда Рэй пытался копаться у меня в голове. Вы — телепат. И сейчас интенсивно сканируете меня.

— Я бы хотел им быть, мисс Хиаси,— улыбнулся Ли.

— Мне нечего скрывать,— заявила Джоан.— Но я удивляюсь, почему вы интересуетесь моими мыслями. Вы же знаете, что меня нанял на работу Госдепартамент Соединенных Штатов. Тут нет никакого секрета. Вы боитесь, что я прилетела на Кубу шпионить? Изучать обороноспособность вашей страны? Или что-

нибудь в таком духе? — девушка почувствовала разочарование.— Не слишком хорошее начало. По отношению ко мне вы ведете себя бесчестно.

— Вы очень привлекательная женщина, мисс Хиаси,— заметил Ли, ничуть не растерявшись.— Мне лишь любопытно было взглянуть... можно сказать прямо?. На ваше отношение к сексу.

— Вы лжете,— спокойно объявила Джоан.

Вежливая улыбка китайца растаяла. Он пристально посмотрел на Джоан.

— Суп из ласточкиных гнезд, сеньор,— это вернулся официант. Он поставил горячую, дымящуюся супницу в центр стола.— Чай,— продолжал он, поставив на стол заварочный чайник и две маленькие пиалы. Сеньора, не желаете ли свиную отбивную?

— Нет,— рассеянно ответила Джоан.

Из общей залы донесся крик боли. Джоан и ее спутник аж подпрыгнули. Ли резко отдернул занавеску, отделявшую их кабинет от общего зала. Официант тоже посмотрел туда, откуда донесся крик, и усмехнулся.

В противоположном углу ресторанного зала сидел за столиком престарелый кубинец. Его руки намертво сжались на ручках ящичка сопереживания.

— И здесь тоже? — только и смогла выговорить Джоан.

— Это как чума,— развел руками Ли. А потом он обратился к официанту.— Этот человек мешает нам есть.

— Извините,— хихикнул официант и покачал головой.

— Да,— поддержала Джоан, а потом повернулась к своему спутнику.— Мистер Ли, я останусь здесь и начну работать несмотря на наши разногласия. Не знаю, почему они отправили телепата встретить меня... Возможно, всему виной параноидальное отношение коммунистического общества к иностранцам — но в любом случае работа есть работа, и я намерена выполнить ее... Так мы обсуждали притчу о расчленении котенка?..

— Мы продолжим обсуждение во время еды? — скривившись, поинтересовался Ли.

— Вы сами начали этот разговор,— заметила Джоан. Затем она продолжила разговор, несмотря на сильные душевные муки, отразившиеся на лице Ли, когда он зачерпнул ложкой суп.

* * *

В лос-анджелесской телестудии у своей арфы в ожидании «прямого эфира» томился Рэй Меритан. «Для начала сыграю

„Как высока луна“»,— решил он, а потом зевнул, не спуская взгляда с контрольной кабинки.

Рядом с ним музыкальный ведущий Глен Голдстрин великолепным льняным платком полировал очки с огромными стеклами.

— Думаю вечером дать тебе эфир с Густавом Малером,— объявил Голдстрин.

— А кто это, черт побери?

— Величайший композитор конца девятнадцатого столетия. Очень романтичный. Он писал длинные музыкальные симфонии и песни кантри. Я еще подумывал о фантазиях в ритмах «Весеннего алкоголика» и «Песни о Земле». Никогда не слышал?

— Нет,— равнодушно ответил Меритан.

— Мелодии в серо-зеленой тональности.

В этот вечер Рэй Меритан не чувствовал себя настроенным на серо-зеленый. Его голова раскалывалась от боли. А виной всему камень, попавший в Уилбура Мерсера. Меритан попытался отпустить ручки ящичка сопереживания в тот момент, когда увидел летящий в Мерсера камень, но опоздал. Камень ударил пророка в висок и рассек кожу до крови.

— Сегодня я встретился с тремя мерсеристами. Все они выглядели ужасно. Что-то случилось с Мерсером?

— Откуда я знаю.

— Ты выглядишь так же, как они. Твоей голове досталось, не так ли? Все будет хорошо, Рэй. Что поделать, если ты мерсерист? Хочешь обезболивающую таблетку?

— А как же самая идея? — резко спросил Рэй Меритан.— Обезболивающее! Теперь, мистер Мерсер, когда вы поднялись по склону холма, не хотите ли кубик морфия? Ты не понимаешь!..— высвобождая свои эмоции, Рэй извлек из арфы несколько каденций.

— Вас включают,— объявил режиссер из аппаратной.

Мелодия «Это изобилие» полилась с ленты в контрольной комнате. Камера номер два остановилась на Голдстрине. Осветитель включил красную подсветку.

— Добрый вечер, дамы и господа,— скрестив руки на груди, заговорил Голдстрин.— Что такое джаз?

«Вот это я и скажу им,— решил Меритан.— Что такое джаз? Что такое жизнь?» — Он вытер раскалывающийся от боли лоб и задумался, как выдержит следующую неделю. Скорбный путь Уилбура Мерсера близился к концу. И с каждым днем пророку становилось все хуже...

— А после короткой рекламной паузы мы вернемся к вам, чтобы рассказать о мире мужчин и женщин, живущих в серо-

зеленом стиле,— продолжал Голдстрин.— Мы расскажем о странных людях, о мире такого оригинального, неповторимого музыканта и композитора, как Рэй Меритан.

На телемониторах перед Меританом замелькали рекламные ролики.

— Пожалуй, я все-таки приму таблетку,— обратился музыкант к телеведущему. И через мгновение большая желтая таблетка оказалась у него на ладони.

— Паракодеин,— пояснил Голдстрин.— Запрещенный наркотик... Я удивляюсь тебе... всем вам. Никакой осторожности.

— Отстань! — Рэй взял графин и запил пилюлю.

— А теперь ты примкнул к мерсеристам...

— Сейчас я...— он посмотрел на Голдстрина. Они хорошо знали друг друга благодаря совместным выступлениям по телевидению.— Я не мерсерист,— продолжал Рэй.— Забудь об этом, Глен. Это лишь чистое совпадение, что у меня разболелась голова после того как Мерсера треснул камнем по башке какой-то слабоумный садист. Его бы самого заставить пройти весь этот путь...

Нахмурившись Рэй еще раз неодобрительно взглянул на Голдстрина.

* * *

— Понимаю,— кивнул Голдстрин.— Американское ведомство психиатрии собирается просить ведомство правосудия изолировать всех мерсеристов.

Неожиданно он повернулся ко второй камере.

— Серо-зеленый стиль зародился четыре года назад в Пиноле, Калифорния, в месте, известном сейчас как «Клуб выстрела дуплетом». Тогда там играл Рэй Меритан. Рэй исполнил как-то одну из своих самых известных ныне мелодий. Она называется «Однажды, занимаясь любовью с Эмми»,— тут ведущий качнулся в сторону Меритана.— И вот... Рэй Меритан.

Пальцы Рэя коснулись струн, и арфа нежно зазвучала.

«Вот почему ФБР не смогло ничего поделать со мной уже в течении десяти лет,— подумал он.— Я покажу им, что они не доросли до меня. Вначале паракодеин, потом Мерсер. Берегись, парень!»

Глен Голдстрин показал Рэю торопливо нацарапанную записку так, чтобы она не попала в объектив.

Мерсер не землянин?

Ниже Голдстрин подписал маркером:

Это то, что они хотят знать.

«Вторжение извне,— подумал Меритан, продолжая играть.— Так вот чего они боятся. Страх перед неизвестным, как у маленьких детей. Наше правительство — крошечные дрожащие от страха дети, играющие в ритуальные игры со сверхсовременными могущественными игрушками».

А потом он услышал мысль одного из видеоинженеров в операторской:

«Бедняга Мерсер».

Теперь Рэй переключил внимание на этого человека, сканируя его изо всех сил. Пальцы музыканта работали чисто рефлекторно.

«Правительство объявило вне закона все так называемые ящички сопереживания».

Рэй подумал о собственном ящичке, стоящем на телевизоре в его квартире.

«Организация, которая распространяет ящички сопереживания, объявлена вне закона, а ФБР уже производит массовые аресты в крупных городах. Другие страны согласились последовать нашему примеру».

«Почему Мерсер — бедняга? — удивился Рэй.— Он что, уже умер? И как насчет мерсеритов, которые в тот момент держались за ручки ящичков? Что с ними сталось? Может, им необходима медицинская помощь?»

«Пора передавать новости? — подумал видеоинженер.— *Или подождем, и пока дадим рекламу?»*

Рэй перестал играть на арфе и громко сказал в гудящий микрофон:

— Уилбур Мерсер пострадал. Мы предполагали, что так и случится. И все же это большая трагедия. Мерсер — святой.

Глен Голдстрин округлившимися глазами уставился на музыканта.

— Я верю в Мерсера,— продолжал Рэй, и все телезрители Соединенных Штатов Америки услышали его признание.— Я верю в его страдания и смерть. Это касается каждого.

Все! Сделано! Передача ушла в эфир помимо записи на пленку. На это потребовалось не так уж много храбрости.

— Молитесь за Уилбура Мерсера! — закончил он и заиграл на арфе в своем серо-зеленом стиле.

«Дурак,— подумал Глен Голдстрин.— Самоубийца! Положим, в тюрьму сядешь не более чем на неделю, но ты же погубил свою карьеру!»

А Рэй играл на арфе и печально улыбался Глену.

Глава 4

— Знаете историю о том, как дзэнский монах играл с детьми в прятки? Кажется, эта притча есть у Басе. Монах спрятался в сортире во дворе. Он залег в дерьмо, а дети не смогли его найти, а потом забыли о нем. А монах был простым человеком. На следующий день...

— Я допускаю, что дзэн — своеобразная форма глупости,— перебила его Джоан.— Он превозносит такие достоинства жизни, как простота и доверчивость. Но помните, слово «доверчивость» означает, что этого человека легко обмануть, одурачить,— девушка глотнула чая и обнаружила, что тот уже остыл.

— Тогда вы практикуете дзэн по-настоящему, потому что вас уже обманули,— заявил Ли.— Сунув руку в недра своего пальто, он вытащил пистолет и направил его на Джоан.— Вы арестованы.

— Кубинским правительством? — с трудом ухитрилась выговорить она.

— Правительством Соединенных Штатов,— ответил Ли.— Я заглянул вам в голову и узнал: вы в курсе, что Рэй Меритан занимает видное положение среди мерсеритов. Да и вы сами склонны к мерсеризму.

— Ничего подобного!

— Вы прельстились бессознательно, но уже готовы к тому, чтобы стать в их ряды. Я могу вытащить из вас эти мысли, даже если вы станете это отрицать. Мы вернемся в Соединенные Штаты, вы и я. И потом мы вместе поищем Рэя Меритана, а он отведет нас к Уилбуру Мерсеру. Все очень просто.

— Зачем же меня тогда отправили на Кубу?

— Я — член Центрального комитета Кубинской коммунистической партии,— проговорил Ли.— Я — единственный телепат на весь остров. Мы проголосовали за то, чтобы работать совместно с правительством Соединенных Штатов, пока не закончится кризис, вызванный деятельностью Мерсера. А теперь мы вернемся в аэропорт и отправимся назад в Вашингтон.

Джоан беспомощным взглядом обвела ресторанную залу. Посетители обедали, туда-сюда сновали официанты... Никто не обращал внимание на Джоан и Ли.

Когда мимо проходил официант с тяжело нагруженным подносом, Джоан встала.

— Этот человек...— она показала на Ли.— Он хочет похитить меня. Помогите, пожалуйста.

Официант посмотрел на Ли, узнал его, улыбнулся Джоан и пожал плечами.

— Сеньор Ли — важный человек,— сообщил официант и прошел дальше.

— Он сказал правду,— подтвердил Ли.

Джоан выскользнула из кабинете и метнулась через зал.

— Помогите! — обратилась она к старому кубинскому мерсеристу, который сидел перед ящичком сопереживания.— Я — мерсеристка. Они хотят меня арестовать.

Морщинистое лицо старика вытянулось. Кубинец внимательно смотрел на девушку.

— Помогите,— повторила она.

— Хвала Мерсеру! — только и сказал старик.

«Он не в силах мне помочь»,— поняла Джоан. Теперь ей ничего не оставалось, как повернуться к Ли, который последовал за ней, держа пистолет наготове.

— Этот старик ничего не сделает,— объяснил Ли.— Он даже зад свой не поднимет.

Ноги у Джоан подкосились.

— Да, я знаю.

* * *

Телевизор в углу вдруг прекратил передавать глупые рекламные ролики — женское личико и мелькающую бутылку пива. Ведущий новостей заговорил на испанском.

— Мерсер ранен,— сообщил Ли, прислушиваясь.— Но он пока еще жив. Вы, мисс Хиаси, не понимаете, каково сейчас всем мерсеристам. Притворяетесь? Да, все правильно. Сначала надо взяться за рукояти... И сделать это нужно добровольно.

Джоан схватила ящичек старого кубинца. Мгновение она подержала его, а потом взялась за ручки. Ли с удивлением посмотрел на нее.

Джоан не почувствовала никакой боли. «Как это?» — удивилась она, оглядываясь. Зал ресторана стала тускнеть, расплываться.

«Возможно Мерсер уже без сознания... Такое ведь может случиться. Но все равно я ускользну от тебя,— подумала она о Ли.— Ты не сможешь... или просто не захочешь последовать за

мной в загробный мир Уилбура Мерсера, который умирает на пустынном склоне, окруженный врагами. Сейчас я вместе с ним. Это — убежище от всего ошибочного. От вас, мистер Ли. Вы никогда не сможете заполучить меня обратно!»

Зрение вернулось. В воздухе резко пахло цветами. А вокруг лежала голая безводная пустыня.

Перед Джоан стоял печальный седой человек. Его взгляд был переполнен болью.

— Я ваш друг,— объявил он.— Но вы должны уйти. Я не смогу помочь вам выпутаться и найти выход. Вы понимаете? — для пущей убедительности он взмахнул пустыми руками.

— Нет,— возразила Джоан.— Не понимаю.

— Как я могу спасти вас, если не могу спастись сам? — улыбнулся он.— Разве вы не видите? Тут нет спасения.

— Тогда зачем все это? — удивилась Джоан.

— Показать вам, что вы не одиноки,— ответил Уилбур Мерсер.— Я здесь, рядом с вами, и всегда буду здесь. Возвращайтесь, встретьтесь с ними, передайте это им.

Девушка отпустила рукояти.

— Ну? — поинтересовался Ли, все еще держа в руке пистолет.

— Пойдемте,— сказала она.— Возвращаемся в Соединенные Штаты. Можете передать меня ФБР. Это неважно.

— Что же вы видели? — полюбопытствовал мистер Ли.

— Не ваше дело.

— Но я легко могу узнать это,— склонив голову, он стал сканировать девушку. Уголки его рта опустились, на лице появилась гримаса недоверия.— Не сказал бы, что узнал слишком много. Мерсер посмотрел на вас и объявил, что ничего не может для вас сделать... И это человек, в жертву которому вы приносите свою жизнь, вы и остальные? Вы, наверное, больны.

— Чувствовать себя больной среди безумцев — просто здорово,— объявила она.

— Чепуха! — возразил Ли.

* * *

— Интересно... Она стала мерсериткой прямо на моих глазах,— сообщил Ли Богарту Крофтсу.— Скрытое стало явным... Это лишь доказывает, что я правильно прочел ее мысли.

— С минуты на минуту мы должны схватить Меритана,— объявил Крофтс своему шефу, госсекретарю Херрику.— Он сбежал с телестудии в Лос-Анджелесе, после того как в прямом эфире

объявил, что Мерсер серьезно ранен. Никто не знает, где он. Он не вернулся в свою квартиру. Местная полиция конфисковала его ящичек сопереживания. Теперь Меритану некуда податься.

— А где Джоан Хиаси? — спросил Крофтс.

— Сейчас она в Нью-Йорке,— ответил Ли.

— По какому обвинению ее задержали? — спросил Крофтс.

— Политическая агитация, наносящая ущерб безопасности Соединенных Штатов.

— И официально арестована она кубинскими коммунистами,— с улыбкой добавил Ли.— Один из дзэнских парадоксов, на который мисс Хиаси прольет свет.

Тем временем Богарт Крофтс думал о том, как по всей стране агенты ФБР конфискуют ящички сопереживания. Скоро их уничтожат. За следующие сорок восемь часов большая часть ящичков, находящихся на территории США, перестанет существовать. В том числе и тот, что сейчас находится в его кабинете.

Ящичек так и простоял на столе, и Крофтс до него так и не дотронулся. Он сам попросил принести сюда ящичек и все это время хранил его, держась подальше от ручек. Теперь Крофтс подошел к нему.

— Что случится, если я возьмусь за эти ручки? — поинтересовался он у Ли.— Это ведь не телевизор. Не думаю, что Уилбур Мерсер перенесется прямо сюда. Фактически все, что я знаю,— то, что в итоге Мерсер должен умереть.

— Если вы возьметесь за рукояти, вы войдете...— начал было Ли, но запнулся.— Не знаю, как это описать, но вы окажетесь *там*. Почувствуете необъяснимую общность с мистером Мерсером, где бы он ни находился. Вы разделите его страдания, но это не все. Вы станете разделять его...— Ли замялся.— Мировоззрение... Нет, это не слишком подходящий термин. Идеологию?.. Тоже нет.

— А как насчет «транс-состояния»? — поинтересовался госсекретарь Херрек.

— Может и так,— нахмурившись согласился Ли.— Нет, и даже не это. Трудно подобрать слово, чтобы охватить все значения... пожалуй, самое подходящее слово — сопереживание.

— Я попытаюсь,— решился Крофтс.

— Нет,— возразил Ли.— Позвольте предостеречь вас. Я видел, как это сделала мисс Хиаси и как она после этого изменилась. Вы ведь не начали употреблять паракодеин, когда он стал популярен среди безродных космополитов? — в голосе китайца зазвучали гневные нотки.

— Я пробовал паракодеин,— ответил Крофтс.— И он не оказал на меня никого действия.

— Что вы собираетесь делать? — поинтересовался госсекретарь Херрек.

— Я пока не понимаю, почему я должен измениться,— пожал плечами Крофтс.— Просто хочу попробовать этот наркотик,— и он взялся обеими руками за ручки ящичка сопереживания.

Глава 5

— Они отобрали мой ящичек сопереживания,— медленно шагая под дождем, бормотал Рэй Меритан.— Если я вернусь в свою квартиру, они схватят меня.

Дар телепатии спас его. Войдя в свой подъезд, он услышал мысли полицейских...

Сейчас уже перевалило за полночь. «Проблема в том, что из-за проклятого телешоу я стал известен. В Америке нет места, где я смогу остаться не узнанным. И есть ли такое место на Земле... Где находится Уилбур Мерсер? — спрашивал он себя.— В Солнечной системе, или же за ее пределами? Может, он греется под лучами иного солнца? Где он? Возможно, мы никогда этого не узнаем. Или, точнее, я никогда не узнаю. Но разве это важно? Где Уилбур Мерсер? Вот что самое главное. Ведь добраться до него может любой. Ящичек сопереживания... Точнее, можно было добраться всегда... До начала полицейских рейдов».

Меритан почувствовал, что компания по распространению ящичков, которая и раньше особо не светилась, и сейчас найдет способ распространять ящички в обход полиции. Он оказался прав.

Впереди, среди дождя и теней, он увидел красные огни бара. Повернув в ту сторону, он зашел в бар и обратился к бармену:

— У вас есть ящичек сопереживания? Я заплачу сотню.

— Нет,— ответил бармен — здоровый, плотный мужик с волосатыми руками.— У меня нет ничего такого. Убирайся!

Посетители бара разом повернулись в сторону Рэя.

— Эй, да это тот парень, что в бегах,— заметил один из них.

— Это — Рэй Меритан. Джазмен,— добавил другой.

— Сыграйте для нас что-нибудь серо-зеленое,— попросил третий. Он мелкими глотками потягивал пиво из огромной кружки.

Меритан поспешил к выходу.

— Подожди,— остановил музыканта бармен.— Сходи по этому адресу,— он записал адрес на спичечной коробке и протянул Рэю.— Держи, парень.

— Сколько я вам должен? — спросил Рэй.

— Пять долларов, и выметайся!

Меритан заплатил и ушел. Теперь в кармане у него лежал спичечный коробок.

— Возможно, это адрес ближайшего полицейского участка,— сказал он сам себе.— Но я должен попробовать. Если бы еще разок прикоснуться к ящичку сопереживания...

По адресу, который дал бармен, Рэй отыскал в трущобах Лос-Анджелеса обшарпанное деревянное здание. Он постучал и стал ждать.

Дверь приоткрылась. На него уставилась полная женщина средних лет в шлепанцах и махровом халате.

— Я не из полиции,— объявил Рэй.— Я мерсерист. Могу я воспользоваться вашим ящичком сопереживания?

Дверь распахнулась. Женщина оглядела Рэя с ног до головы. Видимо, она удовлетворилась осмотром, хотя ничего и не сказала.

— Извините, что потревожил вас так поздно,— пробормотал Рэй.

— Что с вами случилось? — поинтересовалась женщина.— Вы плохо выглядите.

— Это — Уилбур Мерсер,— ответил Рэй.— Ему больно.

— Проходите,— женщина проводила Рэя в темную холодную гостиную, где в огромной клетке с гнутыми медными прутьями спал попугай. Там, на старой радиоле, Рэй увидел ящичек сопереживания. Он почувствовал, как мурашки поползли по его телу.

— Не робейте,— подтолкнула его женщина.

— Благодарю.

Рэй взялся за ручки.

В его ушах зазвучал голос:

«Мы попробуем использовать девушку. Она приведет нас к Меритану. Я оказался прав, настояв на том, чтобы ее упрятали подальше».

Рэй Меритан не узнал голос. Говорил явно не Уилбур Мерсер. Несмотря на это, изумленный Рэй только крепче ухватился за ручки. Он словно оледенел.

«Неземные силы нашли поддержку среди доверчивой части нашего общества... Я твердо верю... Они манипулируют наиболее цинично настроенным меньшинством верхушки общества — такими людьми, как Меритан. Они расплачиваются за этого безумного Уилбура Мерсера...» — не слишком уверенный голос стих.

Рэю Меритану стало страшно.

«Я вошел в контакт с сопереживаниями кого-то другого,— понял он.— Или Мерсер устроил это специально?»

Рэй вновь прислушался.

«... отправьте эту Хиаси из Нью-Йорка сюда, чтобы мы проверили ее... Когда я расскажу Херрику...»

«Херрек — госсекретарь США. Значит, я слышу разговор людей из Госдепартамента,— решил Меритан и подумал о Джоан. Ее ведь нанял кто-то из Госдепартамента. Значит, она не на Кубе? Он в Нью-Йорке. Где-то произошла ошибка? Ясно, Госдепартамент хочет использовать ее, чтобы добраться до меня».

Рэй отпустил ручки и голоса стихли.

— Вы сопереживали с ним? — спросила женщина.

— Да-а,— рассеянно пробормотал Меритан, пытаясь сориентироваться в незнакомой комнате.

— Как он? В порядке?

— Я... я не знаю,— искренне ответил Рэй и подумал: «Я должен отправиться в Нью-Йорк и попытаться спасти Джоан. Она впуталась в это из-за меня. Теперь у меня нет выбора. Даже если меня поймают... Разве я смогу бросить ее?»

* * *

— Я не слился духовно в Мерсером,— заявил Богарт Крофтс.

Он отошел от ящичка сопереживания, потом повернулся, и в недоумении уставился на него.

— Я стал Меританом... Но я не знаю, где он. В то самое мгновение, как я сжал ручки ящичка, Меритан взялся за ручки другого ящика. Мы соединились, и теперь этот музыкант знает все, что знаю я. И мы знаем кое-что из того, что знает он, хотя он знает не так уж много,— Крофтс пристально посмотрел на госсекретаря Херрека.— Меритан знает о Уилбуре Мерсере не больше нашего. Он пытается добраться до него. Определенно, он не Мерсер.

Крофтс замолчал.

— Это уже много,— Херрек повернулся к Ли.— Что он еще выудил из Меритана, мистер Ли?

— Меритан поедет в Нью-Йорк и попытается освободить Джоан Хиаси,— продолжал Ли, спокойно читая мысли Крофтса.— Вы узнали это от мистера Меритана за какое-то мгновение до того, как контакт прервался.

— Мы приготовимся к встрече с мистером Меританом,— ухмыльнулся Херрек.

— Похоже, вы все это время не прерывали со мной телепатического контакта,— поинтересовался Крофтс.

— Иногда двое телепатов оказываются рядом,— пояснил Ли.— Неприятное ощущение. Мы избегаем этого, потому что если ментально сталкиваются два лгущих разума, это оказывается вредно для психики обоих. Я следил за тем, что происходило, когда вы столкнулись с Меританом.

— Но что же нам делать дальше? — удивился Крофтс.— Теперь я знаю Меритан невиновен. Он ничего не знает о проклятом Мерсере и об организации, распространяющей эти ящики. Ничего, кроме ее названия.

На мгновение наступила тишина.

— Но он среди знаменитостей, которые стали поклонниками Мерсера,— Херрек протянул Крофтсу официальное донесение, полученное по телетайпу.— И он заявил об этом открыто. Если вас что-то беспокоит, прочитайте донесение...

— Знаю, он объявил о своей приверженности культу Мерсера в той вечерней телепередаче,— нервно пробормотал Крофтс.

— Когда имеешь дело с организованными пришельцами, возможно, прибывшими из другой системы, следует быть осторожным,— заявил госсекретарь.— Мы попытаемся схватить Меритана, а действовать станем через мисс Хиаси. Мы выпустим ее из тюрьмы и проследим за ней. Когда Меритан войдет с нею в контакт...

— Не скажите ли вслух, что вы задумали, господин Крофтс,— неожиданно перебил госсекретаря Ли.— Вы сами постоянно вредите своей карьере.

— Херрек, это ошибка,— сказал Крофтс.— Меритан невиновен, так же как Джоан Хиаси. Если вы попытаетесь задержать Меритана, я подам в отставку.

Госсекретарь нахмурился.

— Напишите заявление об отставке и оставьте его у меня на столе,— распорядился он.

— Это будет неудачным решением,— заметил Ли.— Я мог бы и догадаться, что побывав в контакте с Меританом, вы изменили свое мнение. Он заразил вас враждебностью к нам. Отбросьте все это — хотя бы ради собственной карьеры и страны, не говоря уже о вашей семье.

— Мы поступаем неправильно,— повторил Крофтс.

* * *

— Неудивительно, что эти ящички сопереживания наносят такой вред! — гневно воскликнул Херрек.— Сейчас я сам убедился в этом. Увы, я не могу повернуть вспять происходящее.

Он подобрал ящичек сопереживания и подняв его повыше грохнул об пол. Черный короб превратился в груду металлического хлама.

— Не смог удержаться от этого детского поступка,— вздохнул госсекретарь.— Впредь между нами и Меританом в целях безопасности не будет никаких контактов.

— Если мы арестуем Меритана, он может попытаться воздействовать на нас,— вновь заговорил Крофтс, и сам удивился своему утверждению.— Или, скорее, на меня.

— Так или иначе, я собираюсь продолжить операцию по его задержанию,— заявил Херрек.— И, пожалуйста, напишите заявление, мистер Крофтс. Все будет вас так, как я решил,— он выглядел сумрачно и решительно.

— Господин госсекретарь, я читал мысли мистера Крофтса и могу вас уверить, он сам ошеломлен,— сказал Ли.— Крофт — невинная жертва ситуации. Уилбур Мерсер внес замешательство в наши ряды. Если вы примете заявление мистера Крофтса об отставке, Мерсеру это будет на руку.

— Не важно, примет он мое заявление или нет,— отмахнулся Крофтс.— Я увольняюсь в любом случае.

— Ящичек сопереживания неожиданно сделал из вас телепата, и этого оказалось достаточно,— вздохнул Ли и похлопал Крофтса по плечу.— Телепатическая сила и сопереживание — схожие явления. Может, стоит его назвать «телепатическим ящичком». Я удивляюсь этим инопланетянам. Ведь они могли создать прибор, который помог бы нашему развитию.

«Раз вы читаете мои мысли, то знаете, что я собираюсь делать,— заявил Крофтс.— *Не сомневаюсь, что вы расскажете об этом Херрику».*

Ли еле заметно усмехнулся:

«Государственный секретарь и я объединились, чтобы сохранить мир во всем мире. Но у нас разные цели и разные инструкции».

А Херрику он сказал:

— Этот человек расстроен вашими действиями. Он действительно готов переметнуться на сторону противника. Ему понравилось чувствовать себя телепатом.

— Если вы опуститесь до измены, вас арестуют,— объявил Херрек Крофтсу.— Обещаю!

Крофтс промолчал.

— Ящичек не изменил его разум,— вежливо объяснил Ли, кивнув обоим и, по-видимому, забавляясь ситуацией.

«А дальше? — подумал он.— Тварь, которая называет себя Уилбуром Мерсером, нанесла дерзкий удар, соединив разумы Крофтса и Меритана. Понятно, что теперь сделает Крофтс. Он снова станет искать ящичек сопереживания... И если найдет... Следующий раз Мерсер уже обратиться к нему персонально. Приобщит к своему учению... Тогда Крофтс окончательно встанет в их ряды. Итак, они нас опередили, но в конечном счете мы выиграем, потому что в итоге разрушим все ящички сопереживания. А верующие без своего Уилбура Мерсера будут бессильны. Ящички — единственный путь, которым он... или оно... может достичь контроля над людьми. Только что оно проделало это с несчастным Крофтсом. Без ящичков сопереживания движение мерсеристов беспомощно».

Глава 6

На краю Западной равнины, в городе Нью-Йорк, Джоан Хиаси обратилась к служащему в форме:

— Мне нужен один билет до Лос-Анджелеса на следующий рейс. На сверхзвуковой самолет или даже на ракету. Не имеет значения. Я хочу как можно скорее улететь отсюда.

— Первым классом, или туристическим? — поинтересовался служащий.

— Все равно,— тяжело вздохнула Джоан.— Только продайте мне билет. В любой класс,— она открыла кошелек.

Джоан расплачивалась за билет, когда чья-то рука легла ей на плечо. Джоан повернулась... Перед ней стоял Рэй Меритан. Облегчение было написано на его лице.

— Здесь не то место, чтобы попытаться прочесть твои мысли,— сообщил он.— Найдем спокойное местечко. До посадки в самолет у тебя десять минут.

Они торопливо прошли через здание и вышли в пустынный коридор. Там они остановились, и Джоан сказала:

— Послушай, Рэй, я знаю, это — ловушка. Именно поэтому меня отпустили. Но куда еще я могла направиться, как не к тебе?

— Об этом не беспокойся,— объявил Рэй.— Все равно рано или поздно они схватят меня. Уверен, они знают, что я покинул Калифорнию и приехал сюда,— он оглянулся.— Поблизости нет агентов ФБР. Я не улавливаю ни одной подозрительной мысли.

Он закурил.

— Но теперь у меня нет причин лететь в Лос-Анджелес.— пробормотала Джоан.— Раз ты здесь. Я могу вернуть билет...

— Знаешь, они конфисковали и уничтожили все ящички сопереживания,— продолжал Рэй.

— Плохо,— пробормотала Джоан.— Я этого не знала. Меня освободили всего часа полтора назад. Все ящички уничтожены... Ужасно! Они по-настоящему взялись за дело.

Рэй рассмеялся.

— Скажем прямо — они испугались,— он обнял ее и поцеловал.— Вот что мы сделаем. Попытаемся смыться отсюда, отправимся на побережье Тихого океана и арендуем маленькую яхту. Мы найдем и спрячем на борту один из ящичков, который они пропустили.

«Но вряд ли все получится так гладко,— подумал он.— Возможно, они уже заполучили все ящички. Не так много их и было».

— Что еще скажешь? — печально вздохнула Джоан.

— Ты любишь меня? — спросил он.— Я могу читать твои мысли... Ты любишь...— А потом он спокойным голосом добавил.— Я уловил мысли Луиса Сканлана, человека из ФБР. Он где-то рядом. Какое ты назвала имя, когда брала билет?

— Миссис Джорджи Макискак,— ответила Джоан.— Кажется, так.— Она проверила билет и конверт.— Да, правильно.

— Сканлан интересуется любыми азиатками, которые появлялись у кассы в течение последних пятнадцати минут,— рассказывал Рэй.— А служащий запомнил тебя. Итак...— он взял Джоан за руку,— нам пора смываться.

Они поспешили по пустынному коридору, прошли через автоматически открывающиеся двери и попали в багажное отделение. Тут все были заняты поисками своего багажа. Никто не обращал внимания на окружающих. Меритан и Хиаси быстро пересекли зал, направляясь к дверям, ведущим на холодную, серую улицу. Там вдоль тротуара в два ряда припарковались такси. Джоан хотела взять машину.

— Подожди,— неожиданно Рэй остановил девушку.— Я поймал чьи-то беспорядочные мысли. Один из таксистов — агент ФБР, но кто именно, сказать не могу.— Музыкант в растерянности остановился, не зная, что делать.

— Может быть, уйдем отсюда пешком? — предложила Джоан.

— Не так-то просто взять и уйти,— ответил Рэй, а про себя подумал: «Я прав. Совершенно невозможно».

Он слышал путаные мысли своей испуганной спутницы, чувствовал ее тревогу. Она могла их выдать, а тогда его арестуют. Страстное желание Джоан помочь сковывало Рэя Ему мешали

ее всеобъемлющая горечь, желание одним выстрелом разнести голову китайского коммуниста Ли, который встретил ее на Кубе.

— Надо на что-то решиться,— Джоан покрепче прижалась к Рэю.

А он никак не мог выбрать машину. Они теряли одну драгоценную секунду за другой.

— Послушай,— наконец обратился он к Джоан.— Может, мы разделимся?

— Нет,— она словно клещами вцепилась в Рэя.— Я не могу больше оставаться одна. Пожалуйста...

* * *

В их сторону направился усатый лоточник. Поднос с товарами висел на ленте, перекинутой через плечо.

— Эй? — позвал он.

— Не сейчас,— отмахнулась Джоан.

— Новые образцы кукурузных хлопьев для завтрака,— обратился к ним лоточник.— Бесплатно. Возьмите коробочку, мисс. Вам и вашему спутнику. Возьмите одну упаковку,— он протянул Рэю поднос с маленькими ярко раскрашенными коробками.

«Странно,— подумал Рэй.— Я не могу прочитать ни одной мысли этого человека». Телепат пристально посмотрел на лоточника и заметил... или ему показалось, что он заметил... Но человек отчасти был нереален. Его фигура будто бы расплывалась в воздухе.

Музыкант взял одну из коробок.

— Они называются «Пища Мэри»,— продолжал лоточник.— Новый продукт быстрого приготовления. Там внутри есть купон на бесплатное приобретение одной коробки. Вы имеете право...

— Ладно,— Рэй сунул коробку в карман.

Поддерживая Джоан он пошел вдоль ряда такси. Выбрав наугад одну из машин, он открыл дверцу.

— Садись! — приказал он своей спутнице.

— Я тоже взяла «Пищу Мэри»,— сообщила Джоан с довольной улыбкой, когда Рэй плюхнулся на сидение рядом с ней.

Такси выехало из ряда машин, направляясь в выезду из аэропорта.

— Рэй, в этом продавце было что-то странное. Словно он был и его не было... Словно он всего лишь плоская картинка.

Когда такси выехало со стоянки, другое такси начало выруливать из ряда машин и поехало следом. Повернувшись, Рэй увидел, что в машине, преследующей их, сидят два человека в темных костюмах. Фэбээровцы.

— Этот странный торговец хлопьями никого тебе не напоминал? — спросила Джоан.

— Кого же?

— В нем есть что-то от Уилбура Мерсера. Но я не видела его так, чтобы...

Рэй вырвал коробку из ее рук, оторвал верхнюю картонку. Встряхнув сухие хлопья, он заметил уголок купона, о котором говорил лоточник, вытащил его и стал изучать. Наверху купона крупными буквами было написано:

КАК СДЕЛАТЬ ЯЩИЧЕК СОПЕРЕЖИВАНИЯ
ИЗ ОБЫЧНЫХ ДОМАШНИХ ПРЕДМЕТОВ

— Это — они,— Рэй повернулся к Джоан.

Он осторожно опустил купон в карман, а потом задумался о другом. Придерживая купон, он запихнул его за надорванную подкладку брюк. Может, фэбээровцы не найдут его там?

Машина догоняла их. Теперь Рэй переключился на мысли преследователей. Он оказался прав, это были агенты ФБР. Рэй откинулся на спинку сидения. Делать нечего. Оставалось только ждать.

— Я возьму второй купон? — спросила Джоан.

— Извини,— Рэй достал второй пакет с воздушной кукурузой и передал его девушке. Вскрыв пакет, она вытащила купон и, чуть подумав, сложила его вчетверо, а потом спрятала под подол юбки.

— Интересно, сколько существует таких лоточников? — поинтересовался Рэй.— И сколько пакетов кукурузных хлопьев «Пищи Мэри» они успеют раздать, прежде чем попадутся?

Первый необходимый предмет — радиоприемник. Рэй сразу обратил на это внимание. Второй — нить накала пятидесятиваттной лампочки. И так далее... Подробнее он посмотрит список позже.

Машина с агентами ФБР уже была рядом.

И если даже купон обнаружат при обыске, *они* (это Рэй знал) найдут способ всучить ему следующий купон.

Он обнял Джоан.

— Думаю, мы выиграем.

Преследователи стали обгонять их машину, и два агента ФБР угрожающе замахали водителю такси с беглецами, приказывая остановиться.

— Мне останавливаться? — нервно спросил шофер у Рэя.

— Валяй,— ответил тот.

Сделав глубокий вдох, он приготовился...

СОДЕРЖАНИЕ

ДОКТОР СМЕРТЬ,
или КАК МЫ ЖИЛИ ПОСЛЕ БОМБЫ
(Перевод П. Киракозова) 5

ПРЕДПОСЛЕДНЯЯ ПРАВДА
(Перевод П. Киракозова) 241

МЫ ВАС ПОСТРОИМ!
(Перевод Т. Мининой) 441

МАЛЕНЬКИЙ ЧЕРНЫЙ ЯЩИЧЕК
(Перевод А. Лидина) 659

По вопросам оптовой покупки книг
издательства АСТ обращаться по адресу:
Звездный бульвар, дом 21, 7-й этаж
Тел. 215-43-38, 215-01-01, 215-55-13

Книги издательства АСТ можно заказать по адресу:
***107140, Москва, а/я 140*, АСТ – "Книги по почте"**

Литературно-художественное издание

Дик Филип К.

ПРЕДПОСЛЕДНЯЯ ПРАВДА

Сборник

Ответственные за выпуск *И. Петрушкин, А. Тишинин*
Ведущий редактор *В. Гончаров*
Редакторы *Э. Мингажева, А. Михайлова, Т. Серебряная, В. Леонидов*
Художественные редакторы *О. Адаскина, В. Андреева*
Компьютерная верстка: *Н. Накрайников*
Корректоры *В. Важенко, А. Лобанова, Н. Синеникольская*

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.02.953.Д.000577.02.04 от 03.02.2004 г.

ООО «Издательство АСТ»
667000, Республика Тыва, г. Кызыл, ул. Кочетова, д. 28
Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

ОАО «ЛЮКС»
396200, Воронежская обл., п.г.т. Анна, ул. К. Маркса, д. 9

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии
ФГУП «Издательство «Самарский Дом печати».
443080, г. Самара, пр. К. Маркса, 201.
Качество печати соответствует качеству предоставленных диапозитивов.

Филип К. Дик (1928 –1982).

Величайший визионер от фантастики XX века.

Один из оригинальнейших писателей прошедшего столетия.

Человек, непрестанно задававший читателям один и тот же вопрос: «Насколько реальна РЕАЛЬНОСТЬ?»

Филип К. Дик. Автор, для творческого наследия которого «не работают» никакие эпитеты!

Перед вами — Филип К. Дик каков он есть.

Разный. Всегда — разный. И всегда — ВЕЛИКИЙ.

Филип К. Дик. Писатель, каждое произведение которого — дверь в иной мир. В мир забавный, но чаще — страшный.

«Доктор Смерть»
«Предпоследняя правда»
«Мы вас построим!»
«Маленький черный ящичек»

ISBN 5-17-026668-5

ФИЛИП ДИК

ПРЕДПОСЛЕДНЯЯ ПРАВДА